ISSN 2304-0076

Семинар имени академика В. В. Седова

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова

Выпуск 37

Материалы 67-го заседания
(12–14 апреля 2022 г.)

ИА РАН

Москва • Псков
2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Ответственный редактор ***Н. В. Лопатин***, к. и. н. (Москва)
Ответственный секретарь ***Е. В. Салмина***, к. и. н. (Псков)

Редакционная коллегия

П. Г. Гайдуков, чл.-корр. РАН, д. и. н. (Москва), ***Т. Ю. Закурина***, к. и. н. (Псков), ***И. В. Исланова***, д. и. н. (Москва), ***Э. В. Королёва***, к. и. н. (Псков), ***Л. Я. Костючук***, д. ф. н., профессор (Псков), ***М. И. Кулакова***, к. и. н. (Псков), ***И. К. Лабутина***, к. и. н., профессор (Псков), ***Е. Р. Михайлова***, к. и. н. (Санкт-Петербург), ***Вл. В. Седов***, чл.-корр. РАН, д. иск. (Москва), ***А. А. Селин***, д. и. н., профессор (Санкт-Петербург), ***Е. В. Торопова***, к. и. н. (Великий Новгород), ***Н. В. Хвощинская***, д. и. н. (Санкт-Петербург), ***Е. А. Яковлева*** (Псков)

Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Выпуск 37. Материалы 67-го заседания (2022 г.). М., Псков: ИА РАН, 2022. 448 с.: ил.

Ежегодник издается по материалам регулярного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли», основанного в 1980 г. выдающимся ученым Валентином Васильевичем Седовым и ныне носящего его имя. В ежегоднике публикуются результаты исследований по археологии, истории и архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры Северо-Запада России и соседних территорий.

Archaeology and History of Pskov and Pskov Land: Annual of the Academician V. V. Sedov Seminar. Issue 37. Proceedings of the Session 67 (2022)

The annual is based on the papers from the regular seminar "Archaeology and History of Pskov and Pskov Land", founded in 1980 by the outstanding scholar Valentin V. Sedov and now bearing his name. The yearbook contains research materials on archaeology, history and architecture of Pskov and Pskov land, as well as a variety of cultural history issues concerning the North-Western Russia and neighbouring territories.

Издано при финансовой поддержке Правительства Псковской области,
за счет средств подпрограммы «Наследие» государственной программы «Культура,
сохранение культурного наследия и развитие туризма на территории области»

ISSN 2304-0076
ISBN 978-5-94375-421-0
DOI: 10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2022
© ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2022
© АНО «Псковский археологический центр», 2022
© ГБУК «Псковский государственный объединенный историко-
архитектурный и художественный музей-заповедник», 2022
© Авторы статей, 2022

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Кулакова М. И. Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2021 г. 7
Лабутина И. К., Кулакова М. И. Первые охранные раскопки в г. Пскове: раскоп 1967 г. 27
Кулакова М. И., Калинина Е. М., Фисенко А. В. Итоги археологических исследований 2021 г. у бывшего кинотеатра «Октябрь» 34
Зубкова Е. С. Что хранилось в псковском кошельке (результаты исследования кожаного кошелька из раскопок в Пскове в 2021 г.) 54
Добрин Д. М. Раннесредневековый инструментарий для взвешивания по данным археологических исследований в г. Пскове 64
Прибурова Т. Ф. Массовый материал охранных археологических раскопов как источник получения дополнительной информации 74
Щукина Т. А. Еще раз о поясных накладках псковского некрополя X–XI вв. 94
Колпакова Ю. В. К атрибуции застежек типа «крючок-петля» и «замок-ключ» в псковских археологических коллекциях 101
Прибурова Т. Ф. Варианты композиций и некоторые вопросы технических приемов орнаментации печных дуг (по материалам археологических раскопов в г. Пскове) 113
Яковлев А. В. Нишевые изразцы из Пскова и ранние керамиды Псково-Печерского монастыря 132
Миляев П. А. Предметы вооружения и военного снаряжения XVI–XVIII вв. из раскопок на территории Нового Торга в Пскове (по материалам работ 2004–2013 гг.) 155
Горлов К. В., Салмин С. А. Описание монетного клада конца XVII в. из раскопок в Пскове на ул. Герцена в 2020 г. 193
Степанов С. В., Яковлева Е. А., Прибурова Т. Ф. Спасательные раскопки на месте строительства странноприимного дома гостиничного комплекса Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря в 2020–2021 гг. 214
Степанов А. В., Фокин С. Г. Подводно-археологические исследования на Чудском озере в 2021 г. 231
Косовец К. С. Результаты археологической разведки в нижнем течении Великой на территории селищ в д. Кусва в 2021 г. 245
Деркач В. А. Средневековый город Жижец: археологические реалии 254

ИСТОРИЯ ПСКОВЩИНЫ: ГОРОД, ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Лопатин Н. В. О Сергее Васильевиче Белецком и его трудах по керамике Псковской земли 264
Клейменов В. И. «Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора»: забытая страница военной истории Северо-Запада Руси (Каменское побоище 21 августа 1407 г.) 272

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Салмин С. А. Кто спас «богоспасаемый Псков»? Соперничество псковского клира и Псково-Печерского монастыря 283
Постников А. Б. Каменный летописец и памятные плиты XVII века в псковской церкви Михаила Архангела с Городца 293
Постников Б. А. Изразцовая печь XVII века из дома Подзноевых в Пскове 328
Попова Е. М. «А велено псковичам товаров никаких не продавать»: Псков и его жители в документах шведского оккупационного режима в Новгороде 350
Иванова А. С. Наименование болезней и их симптомов в метрических книгах Опочецкого духовного правления Псковской епархии первой половины XIX в. 359

СОСЕДИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

Михайлова Е. Р. Лужско-Оредежское междуречье – пограничный микрорегион культуры псковских длинных курганов 365
Маковская В. А. Раскопки курганного могильника Камено-1 в 2021 году 387
Степанов А. В. Великий мост в средневековом Новгороде по данным подводно-археологических исследований 401
Якунина В. А. Бургомистры, ратманы и фогты Нарвы в русско-ливонской торговле XV века 414
Сорокин П. Е., Андреева О. А., Матвеев В. Н. Западноевропейская керамика из раскопок в Ниене и Ниеншанце 424
Шуньгина С. Е. Архитектурно-археологические исследования 2019 г. при реставрации садового павильона в Санкт-Петербурге на ул. Декабристов, д. 21 435

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Contents

ARCHAEOLOGY OF PSKOV AND PSKOV LAND

Kulakova M. I. Archaeological Research in Pskov and the Pskov Region in 2021 7
Labutina I. K., Kulakova M. I. The First Rescue Excavations in the City of Pskov: Excavation in 1967 27
Kulakova M. I., Kalinina E. M., Fisenko A. V. The Results of Archaeological Research in 2021 at the Former Movie Theater "October" 34
Zubkova E. S. What was Stored in the Pskov Purse (Results of the Study of a Leather Purse from Excavations in Pskov in 2021) 54
Dobrin D. M. Early Medieval Weighing Tools according to Archaeological Research in Pskov 64
Priburova T. F. Mass Material of Protective Archaeological Excavations as a Source of Additional Information 74
Shchukina T. A. More about the Belt Plates of the Pskov Necropolis of the 10th–11th cc. 94
Kolpakova Yu. V. To the Attribution of «Hook&Eye» and « Lock&Key» Closures in Pskov Archaeological Collections 101
Priburova T. F. Variants of Compositions and Some Issues of Techniques for Ornamenting Furnace Arches (Based on Archaeological Excavations in Pskov) 113
Yakovlev A. V. Niche Tiles from Pskov and Early Ceramides of the Pskovo-Pechersky Monastery 132
Milyaev P. A. Weapons and Military Equipment of the 16th–18th Centuries from Excavations on the Territory of the New Market in Pskov (on the Excavations of 2004–2013 Data) 155
Gorlov K. V., Salmin S. A. Description of the Late 17th Century Coin Treasure from 2020 Excavations in Herzen Street of Pskov 193
Stepanov S. V., Yakovleva E. A., Priburova T. F. Rescue Excavations at the Construction Site of the Guest House of the Pskovo-Pechersky Monastery Hotel Complex in 2020–2021 214
Stepanov A. V., Fokin S. G. The Underwater Archaeological Research on Lake Peipsi in 2021 231
Kosovets K. S. Results of Archaeological Exploration in the Lower Reaches of the Velikaya River on the Selishche Territories in the Kusva Village in 2021 245
Derkach V. A. The Medieval Town of Zhizhets: Archaeological Realia 254

HISTORY OF PSKOV LAND: THE CITY, THE LAND AND PEOPLE

Lopatin N. V. About Sergey Vasilyevich Beletsky and his Works on Ceramics of Pskov Land 264
Kleymenov V. I. "This Battle Was as Harsh as the Battle on the Ice, of Rakovor": The Forgotten Chapter in the Military History of North-Western Rus' (The Battle of Kamno, 21 August 1407) 272

Salmin S. A. Who Saved the "God-saved Pskov"? Rivalry between the Pskov Clergy and the Pskov-Pechersky Monastery 283
Postnikov A. B. Stone Chronicler and Commemorative Plates of the 17th Century in the Pskov Church of Michael the Archangel from Gorodets 293
Postnikov B. A. A 17th Century Tiled Stove from the Podznoyevs' House in Pskov 328
Popova E. M. "And Pskov Residents Are Ordered not to Sell any Goods": Pskov and its Residents in the Documents of the Swedish Occupation Regime in Novgorod 350
Ivanova A. S. Naming of Diseases and their Symptoms in the Parish Registers of the Opochetsky Spiritual Administration of the Pskov Eparchy in the First Half of the 19th Century 359

NEIGHBOURS OF PSKOV LAND IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

Mikhailova E. R. The Luga-Oredezh Interfluve as a Border Micro-region of the Culture of Pskov Long Barrows 365
Makovskaya V. A. Excavations of the Burial Mound Kameno-1 in 2021 387
Stepanov A. V. The Great Bridge in Medieval Novgorod according to Underwater Archaeological Research 401
Yakunina V. A. Burgomasters, Ratmans and Bailiffs of Narva in the Russian-Livonian Trade of the 15th Century 414
Sorokin P. E., Andreeva O. V., Matveev V. N. Western European Ceramics from Excavations in Nien and Nienschanz 424
Shungina S. E. Architectural and Archaeological Research during the Restoration of the Garden Pavilion in St. Petersburg in Decabristov Street, 21 435

АРХЕОЛОГИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

М. И. Кулакова

Археологические исследования в Пскове и Псковской области в 2021 г.

Резюме. В статье приведен обзор основных археологических работ (раскопки, разведки), проведенных сотрудниками государственного бюджетного учреждения культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Автономной некоммерческой организации «Псковский археологический центр» и ООО «Псковская областная археологическая экспедиция» в 2021 г. на территории г. Пскова и Псковской области.

Ключевые слова: Псков, Псковская область, спасательные раскопки, археологические разведки, обследование земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению.

M. I. Kulakova. Archaeological Research in Pskov and the Pskov Region in 2021

Abstract. The article provides an overview of the main archaeological works (excavations, archaeological exploration) carried out by employees of the state budgetary institution of culture of the Pskov region "Archaeological Center of the Pskov Region", the Autonomous Non-Profit Organization "Pskov Archaeological Center" and LLC "Pskov Regional Archaeological Expedition" in 2021 on the territory Pskov and the Pskov region.

Keywords: Pskov, Pskov region, rescue excavations, archaeological exploration, survey of land plots subject to economic development.

В настоящей статье представлен краткий обзор работ псковских археологов. В 2021 г., наряду с государственным бюджетным учреждением культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» и АНО «Псковский археологический центр», создано и начало работы ООО «Псковская областная археологическая экспедиция».

Археологические раскопки Пскова проведены на следующих участках:

– ул. Леона Поземского (вторая очередь – от пересечения с ул. Набат до крепостной стены Окольного города) (рис. 1: *1*);

– на территории быв. Шпагатной фабрики (ул. Л. Поземского, 24) (рис. 1: *2*);

– у церкви Козьмы и Дамиана с Гремячей горы (рис. 1: *3*);

– у быв. кинотеатра «Октябрь», пл. Ленина (рис. 1: *4*);

– у Дома В. И. Березского (ул. Некрасова, д.41/2) (рис. 1: *5*);

– у здания быв. Мариинской гимназии (ул. Некрасова, 9) (рис. 1: *6*).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.7-26

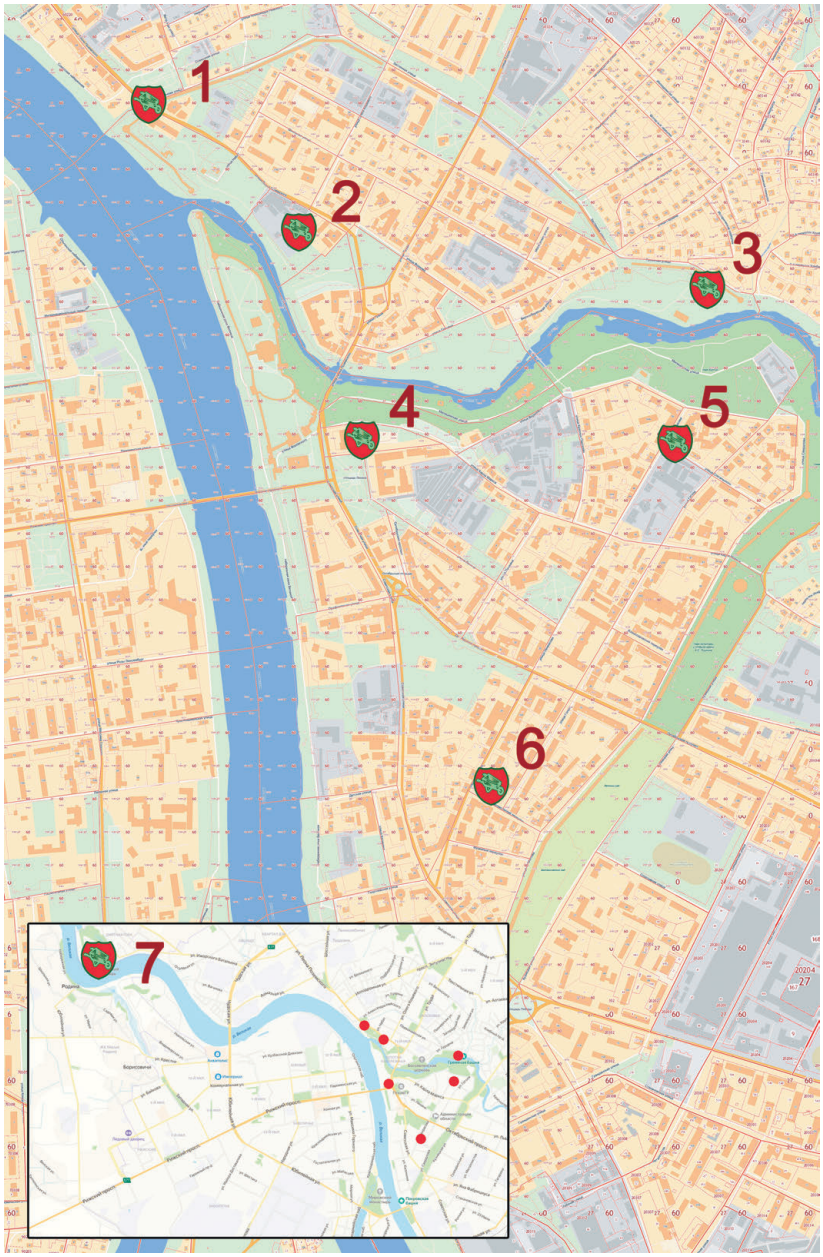


Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов 2021 г. на территории Пскова: *1* – ул. Леона Поземского (раскопы П-21-Зв-4 и П-21-ВХ-4); *2* – ул. Леона Поземского, 24 (раскопы П-20, 21-ФМ-1 и П-21-ФМ-2); *3* –у церкви Козьмы и Дамиана с Гремячей горы (П-21-КДГ); *4* –у быв. кинотеатра «Октябрь» на пл. Ленина (раскопы П-21-КнД-1 и КнД-2); *5* – ул. Некрасова 41/2 (раскопы П-21-Ник-9 и Ник-10); *6* – ул. Некрасова, 9 (раскоп П-21-Мар-1); *7* – Снетогорский монастырь (разведка и раскопки)

Рис. 2. Общий вид на участок проведения археологических раскопок на ул. Леона Поземского. Вид с севера, сверху

Общая площадь археологических раскопок 2021 г. – чуть более 3000 кв. м.

Археологические раскопки на ул. Леона Поземского (рук. – Т. Ю. Закурина, Е. В. Салмина, общая площадь – 980 кв. м) (рис. 1: *1*). Работы производились по трассе ул. Леона Поземского, от перекрестка с ул. Набат до пересечения с крепостной стеной Окольного города (рис. 2). Мощность антропогенных отложений, включая отложения XX–XXI вв., составляет на основной площади 1,8–3 м, в их составе культурные отложения, подлежащие археологическому исследованию – от 0,6 до 1,6 м. Основной массив составляют культурные отложения XVI–XVIII вв., в составе которых зафиксированы многочисленные подвальные части жилых и хозяйственных построек, в том числе хозяйственные постройки Воскресенского (со Стадища) монастыря XVII в. (рис. 3). Выявлены следы нескольких пожаров, в том числе пожар, который может быть связан с военными действиями 1615 г. Зафиксированы также отдельные комплексы, относящиеся к XI–XV вв.

Среди находок – большое количество средневековой обуви (сапоги с бронзовыми вставками-косицами), нательные кресты, фрагменты печной керамики (изразцы, киоты, дуговые кирпичи), фрагменты кухонной и столовой посуды, в том числе стеклянных бокалов, а также фрагмент керамического штофа с надписью, многочисленные фрагменты фляг (в том числе сохранившаяся

Рис. 3. Раскоп П-21-Зв-4. Разрез постройки 2 (ледник) XVII – первая половина XVIII в. Вид с юга

почти полностью керамическая зеленополивная фляга объемом в 2,5 литра = «две кварты»). Наиболее значимым представляется выявление артефактов, относящихся к периоду неолита – раннего бронзового века. Найдены фрагмент каменного топора, скребки, вкладыши орудий.

Археологические раскопки на территории быв. фабрики Мейера – ул. Леона Поземского, 24 (рук. – Т. Ю. Закурина, Т. Е. Ершова, общая площадь – 1260 кв. м) (рис. 1: *2*; рис. 4). Исследования, начатые в 2020 г. и в 2021 г. законченные, предваряли строительство гостинично-паркового комплекса и проводились на двух площадках – в северо-восточной и юго-западной частях территории фабрики. В раскопе, расположенном в северо-восточной части территории, на большей части площади культурный слой был уничтожен постройками XX века. Из 840 кв. м общей площади исследования удалось провести только на 70 кв. м. В центральной части исследованного участка были выявлены три помещения подъизбиц, вырубленные в известняковом материке. Эти данные дают основание для предположений о наличии трех усадеб XVI–XVII вв. Материал из материковых ям датируется XII–XVIII вв. Среди находок выделяется нумизматический материал, в частности монеты-платы 1625–1626 гг. (рис. 5).

На раскопе, заложенном в юго-западной части территории под подземную парковку, культурный слой также был сильно нарушен, но на сохранившейся площади его мощность – 50–70 см. В раскопе частично выявлены остатки фун-

Рис. 4. Раскоп П-21-ФМ-1. Общий вид на уровне пятен в материке. Вид с севера

дамента постройки конца XVII в. Среди этих предметов выделяется найденная в яме княжеская печать, датируемая XIII в.

Датировка заселения участка может быть реконструирована на основании материалов из материковых ям: освоение началось в XII в., активная застройка происходит в XVI–XVII вв.

Археологические раскопки у церкви Козьмы и Дамиана с Гремячей горы (рук. – А. Б. Романовский, общая площадь – 140,5 кв. м) (рис. 1: *3*).

В период с конца ноября 2020 г. по март 2021 г. проводились архитектурно-археологические исследования (шурфы) и археологическое наблюдение в рамках разработки проектной документации на проведение ремонтно-реставрационных работ на памятнике ОКН ФЗ «Церковь Косьмы и Дамиана с Гремячей горы» по улице Гремячая в г. Пскове (рис. 6). Главной задачей архитектурно-археологических исследований стало получение информации о строительной истории церкви (истории Гремяцкого мужского монастыря); выявление, раскрытие и фиксация несохранившихся, а также неизвестных частей храма.

Рис. 5. Медная монета-клиппа ½ эре. Швеция, 1625 г. (Раскоп П-21-ФМ-1)

Рис. 6. Общий вид на участки археологических работ
у церкви Козьмы и Дамиана с Гремячей горы

Общая площадь археологических раскопок составила 38 кв. м. Произведено археологическое наблюдение на участке перед входом в притвор и внутри четверика храма до его восточных столбов. Общая площадь археологического наблюдения составила 102,5 кв. м.

В рамках археологических раскопок исследовано два склепа: «Западный» – у западной стены притвора и входа в притвор и «Южный» в составе внутреннего объемы Южного придела (рис. 7).

Площадь западного склепа составила 3 кв. м. В нем исследовано 8 захоронений третьей четверти XVII – первой четверти XVIII в. Западный склеп с большой долей вероятности должен быть связан с родом посадских людей Гремяцких. Площадь Южного склепа составила 9 кв. м. В нем исследовано 8 захоронений, содержащих нательные кресты XV–XVII вв. Южный склеп был перекрыт известняковыми плитами пола Южного придела храма и, таким образом, располагался под внутренним объемом Южного придела. Установлено, что Южный придел был отапливаемым. Внутренняя ширина Южного придела составила 4,9 м, ширина самой внешней стены – до 1,5 м. Трасса внешней стены Южного придела шла параллельно южной стене четверика и примыкала к апсидам храма.

В рамках археологического наблюдения внутри храма удалось раскрыть в плане остатки утраченных западных столбов храма, тем самым археологиче-

Рис. 7. Общий вид на археологические работы у Южного придела церкви Козьмы и Дамиана с Гремячей горы. Вид сверху, с юга

ски подтверждена его четырехстопная первоначальная форма. Диаметры столбов составили до 1,3 м. На участке перед входом в притвор раскрыты остатки столбов разрушенной колокольни и стен церковной паперти. Строительство колокольни и паперти стоит относить ко второй половине XVIII в. или позднее. Установлено, что их строительство стало возможным только после окончательного прекращения функционирования Западного склепа.

Археологические раскопки на пл. Ленина у быв. кинотеатра «Октябрь» (рук. – М. И. Кулакова, Е. М. Калинина, А. В. Фисенко, общая площадь – 72,3 кв. м) (рис. 1: *4*). Раскопки проводились на двух площадках: 1 – с южной стороны реконструируемого здания, 2 – с северо-восточной стороны. Необходимость проведения археологических раскопок связана со строительством линии водопровода к зданию к/т «Октябрь», и небольшие по площади раскопы заложены в местах приемных котлованов при прокладке водопровода методом ГНБ. Результатам археологических работ посвящена статья в настоящем сборнике.

Археологические раскопки у «Дома В. И. Березского» на ул. Некрасова, д. 41/2 (рук. – М. И. Кулакова, Р. Г. Подгорная, К. С. Косовец, общая площадь – 100 кв. м; рис. 1: *5*; 9). Археологические раскопки проводились на месте пристройки к зданию и по трассе инженерных сетей к нему. В ходе

Рис. 8. Общий вид на Западный склеп у церкви Козьмы и Дамиана с Гремячей горы. Вид с юга

Рис. 9. Общий вид на раскоп П-21-Ник-9 на уровне материковых ям. Вид с северо-востока

Рис. 10. Раскоп П-21-Ник-9. Восточный кювет древнерусской дороги.
Вид с юго-запада

исследований были изучены культурные отложения XIII–XVIII вв., несколько хозяйственных построек и фрагменты усадебной застройки Нового времени. На уровне материка на протяжении 20 метров раскрыт и изучен восточный кювет дороги древнерусского времени, проходившей вдоль современной трассы улицы Некрасова (рис. 10).

Археологические раскопки у здания быв. Мариинской гимназии на ул. Некрасова, 9 (рук. – Т. Ю. Закурина, С. В. Степанов, общая площадь – 508,5 кв. м, рис. 1: *6;* 11; 12) проводились в связи с реставрацией здания и необходимостью гидроизоляционной обработки фундаментов.

Рис. 11. Раскоп П-21-Мар-1. Материковые ямы и остатки деревянной застройки XVIII в. Вид с северо-запада

Рис. 12. Раскоп П-21-Мар-1. Чашка керамической расписной курительной трубки, оформленная в виде головы солдата в кепи

Общая мощность антропогенных накоплений, зафиксированных на раскопе, достигала 3 м при толщине культурных отложений средневекового времени от 0,2 до 1,2 м. Исследования показали, что культурный слой и поверхность материка на большей площади раскопа почти полностью разрушены поздними вторжениями. Культурный слой средневекового времени, преимущественно сухой, не сохранил стратиграфического деления; при визуальном отсутствии следов нарушений

содержал перемешанный материал периода средневековья и нового времени. Несмотря на сильное разрушение отложений, на отдельных участках зафиксированы «чистые» комплексы, маркирующие этапы освоения этой территории.

Наилучшая сохранность отложений определялась для западного фасада здания, обращенного на современную ул. Некрасова, где были обнаружены остатки деревянной застройки, возможно, связанные с дворовым оформлением, примыкавшим к уличной сети и датированным в рамках XVII–XVIII вв. Часть конструкций была положена на предматериковый слой серой гумусированной супеси. Вместе с тем датировка керамического комплекса, взятого на стыке слоев серой гумусированной супеси и грунта темно-серого цвета, относится к периоду не позднее второй половины XV в., что и определяет время первоначального освоения этой территории, с максимальным ее использованием в XVII–XVIII вв., на что указывают крупные подвальные ямы.

Археологическая разведка и археологические раскопки на территории Снетогорского монастыря под Псковом. В апреле-июне 2021 г. проводилась археологическая разведка (рук. – А. Б. Романовский, рис. 1: *7*) с осуществлением локальных земляных работ на территории Рождества Богородицы Снетогорского женского монастыря по ул. Снятная гора в г. Пскове. Главной целью археологической разведки стало обследование территории Рождества Богородицы Снетогорского женского монастыря с целью выявления объектов археологического наследия. Общая площадь исследований составила 19 кв. м.

Археологические исследования в 2021 г. показали наличие и сохранность средневекового культурного слоя в центральной части монастыря на свободной площадке к северу от церкви Вознесения «под колоколы» (шурф I, рис. 13). Также в шурфе 1 раскрыта часть неизвестной до настоящего времени дороги и вход в заглубленную каменную постройку. Исследования показали, что центральная часть монастыря является перспективной с точки зрения дальнейшего изучения разновременных архитектурных элементов внутренней планировки территории монастыря.

Наличие средневекового культурного слоя было выявлено и подтверждено в юго-западной части монастыря, ближе к Южной башне (шурф II). В нем определено наличие мощного культурного слоя с материалами ранней истории жизни монастыря, прослежены строительные линзы и слой разрушения каменных построек.

Разведочный шурф III в северо-восточной части монастырского парка показал отсутствие культурного слоя, при этом в составе материала присутствует недатируемый керамический материал, свидетельствующий о вовлеченности участка монастырского парка в хозяйственную жизнь монастыря. Также в шурфе зафиксировано 2 горизонта разноразмерных валунов, возможно, указывающих на присутствие построек.

Итогом работы археологической разведки на территории Рождества Богородицы Снетогорского женского монастыря по ул. Снятная гора в г. Пскове в 2021 г. стало включение в перечень выявленных объектов культурного наследия выявленного объекта археологического наследия «Культурный

Рис. 13. Археологическая разведка на территории Снетогорского монастыря. Шурф 1 в центральной части монастыря. Вид сверху с запада

слой Ансамбля Снетогорского монастыря XV–XIX вв.» (приказ Комитета по охране объектов культурного наследия Псковской области» от 22 июня 2021 г. № 313).

Осенью 2021 г. в рамках разработки проектной документации по реставрации архитектурных объектов Снетогорского монастыря проведены археологические раскопки на общей площади 76 кв. м (рук. – В. А. Деркач). Участки исследования (шурфы) располагались преимущественно по внутреннему периметру существующей каменной ограды и в центральной части монастыря на свободной площадке к северо-западу от церкви Вознесения «под колоколы». В ходе работ получены сведения о строительстве и планировке монастырского комплекса. Исследования доказали наличие непотревоженных культурных отложений в центральной части территории монастыря, датирующихся XIII–XVIII вв. (рис. 14).

Археологические работы в Псковской области проводились по нескольким направлениям: археологические раскопки (рис. 15: *1–3*), археологические разведки с целью определения границ территорий объектов археологического наследия (рис. 15: *4*), археологические разведки на участках, подлежащих хозяйственному освоению (рис. 15: *5–8*), археологические разведки с целью

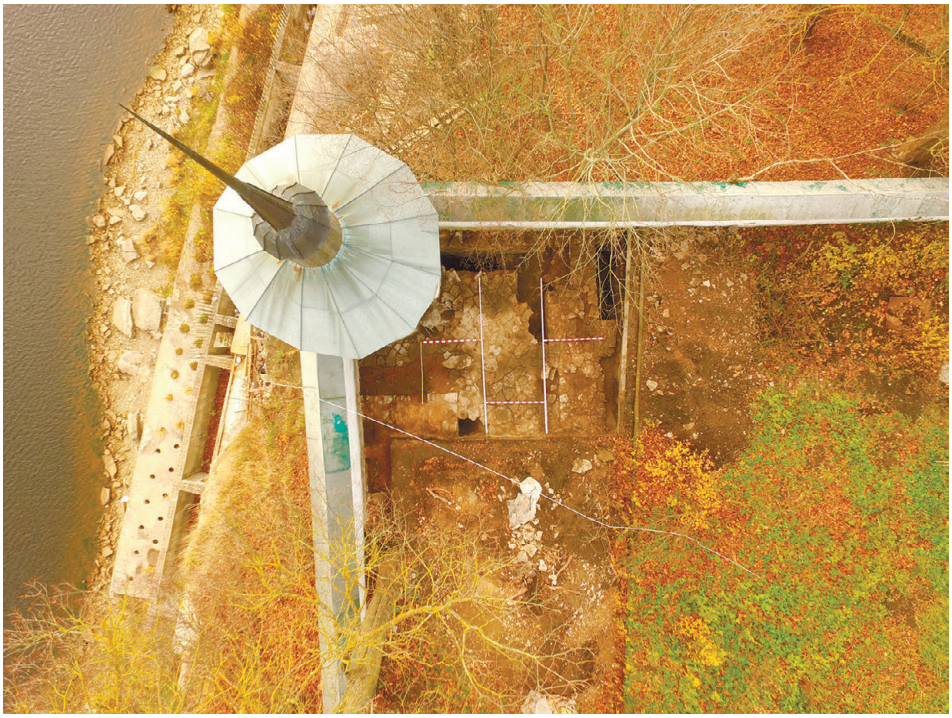


Рис. 14. Археологические раскопки на территории Снетогорского монастыря. Участок исследований у Южной башни. Вид сверху с юга

выявления и постановки на учет новых объектов археологического наследия (рис. 15: *9*).

Археологические раскопки на объекте культурного наследия федерального значения «Городище», XV–XVI вв. (Псковская область, Гдовский район, д. Кобылье Городище, Самолвовская волость, на северо-западной окраине деревни) (рук. – А. В. Михайлов, общая площадь – 68 кв. м) (рис. 15: *1*; 16) осенью 2021 г. велись в рамках проведения реставрационных работ на объекте культурного наследия федерального значения «Церковь Михаила Архангела», XV в.

Раскопки проводились на двух участках прокладки теплотрассы. Мощность культурных отложений (без учета материковых ям) – 0,3–1,0 м.

Верхняя часть отложений относится ко времени второй половины XIX – XX в. Ниже залегает культурный слой, который может быть датирован второй половиной XV – XVII в. Его, в свою очередь, подстилает достаточно мощный слой погребенной почвы. Наличие горизонта погребенной почвы свидетельствует о том, что освоение этой территории началось с 1462 г. – времени постройки крепости Кобыла. В центральной части уч. А, на протяжении как минимум 16 метров, в основании культурного слоя были зафиксированы остатки деревянной крепостной стены городка Кобыла. Остатки стены

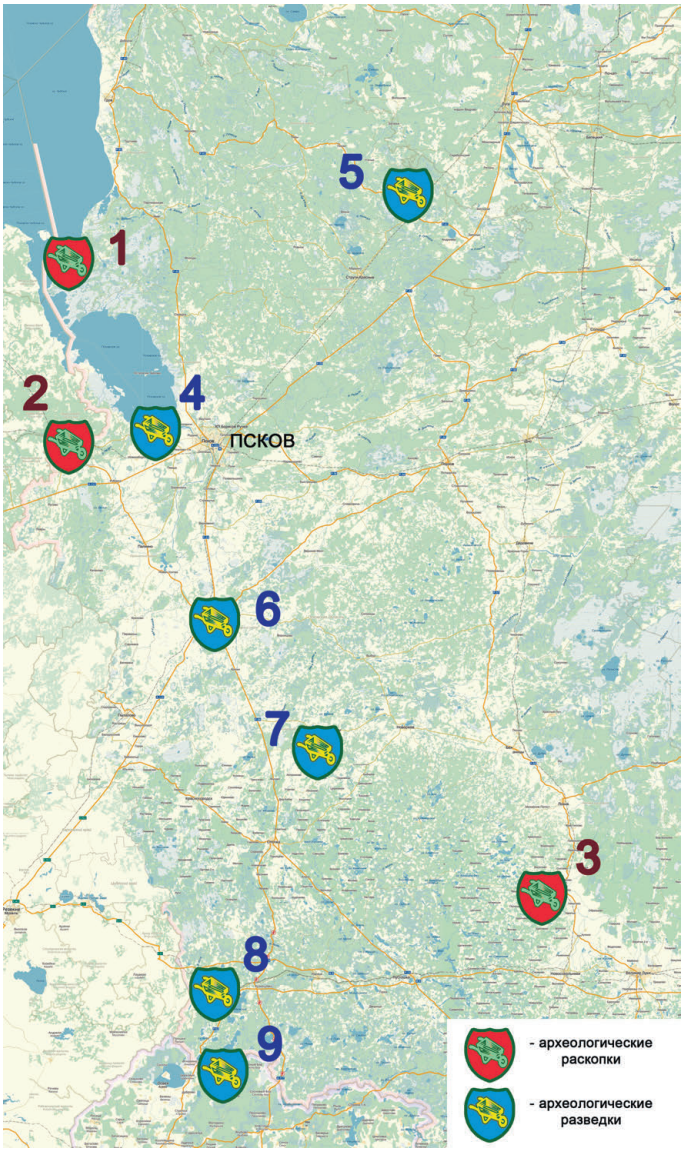


Рис. 15. Карта-схема археологических работ в Псковской области: *1* – раскопки на Кобыльем городище (Гдовский район); *2* – раскопки «Курганной группы XI–XII вв.» (Печорский район, дер. Старый Изборск); *3* – раскопки на поселении «Горожане» (Новосокольнический район); *4* –разведка с целью определения границ территории памятников археологии в д. Кусва (Псковский район); *5* –разведка на участках, подлежащих хозяйственному освоению, в Плюсском районе; *6* – разведка на участках, подлежащих хозяйственному освоению, в Островском районе; *7* –разведка по трассе газопровода в Пушкиногорском районе; *8* –разведка по трассе ВОЛП в Себежском районе; *9* – разведка с целью выявления памятников археологии в Себежском районе

Рис. 16. Общий вид с запада на «Городище», XV–XVI вв.
(Псковская область, Гдовский район, д. Кобылье Городище)

связаны с внутренней частью конструкции: сохранились обугленные бревна нижнего венца срубной конструкции стены, а также участок стены, упавшей внутрь крепости, с отдельными гранитными валунами, которыми было заполнено пространство между внешней и внутренней срубными стенками крепостного сооружения. Найденные фрагменты соотносятся с сообщениями письменных источников о том, что в марте 1480 г. городок Кобыла был захвачен немцами и сожжен. К остаткам деревянной стены примыкает тонкая линза горизонта пожара, которая прослежена практически на всей площади раскопа. Из нее происходит подавляющее большинство сделанных в раскопе находок.

В центральной части уч. Б изучено восемь погребений по обряду ингумации. Все погребения совершены в дощатых гробах, скрепленных по углам гвоздями. Погребенные лежат на спине, положение рук различно. Три погребения – детские, остальные принадлежат взрослым людям. Погребения ориентированы по оси запад – восток относительно храма Михаила Архангела, исключение составляет женское погребение 6 с ориентировкой северо-запад – юго-восток. Судя по стратиграфическим наблюдениям, наиболее ранним на исследованном участке является мужское погребение 2, наиболее поздним – детское погребение 1.

Рис. 17. Раскопки 2021 г. «Курганной группы XI–XII вв.» (Усть-Смолка) (Печорский район, дер. Старый Изборск). Вид с севера

Археологические раскопки «Курганной группы XI–XII вв.» (Печорский район, дер. Старый Изборск, рук. – В. А. Деркач, рис. 15: *2*). В августе 2021 г. продолжены работы по изучению ОКН ФЗ «Курганная группа» XI–XII вв.», расположенного в дер. Старый Изборск Печорского района Псковской области. Он известен в научной литературе как могильник Усть-Смолка. Работы стали продолжением изучения изборских древностей, прерванного из-за смерти руководителя работ Б. Н. Харлашова. В результате раскопок 2021 г. были закончены исследования юго-восточного сектора насыпи кургана 2 (рис. 17). Археологические раскопки 2021 г. велись на площади 36 кв. м. В результате работ были исследованы нижние отложения курганной насыпи юго-восточного сектора, ниже уровня каменной обкладки, разобраны стратиграфические бровки. Коллекция находок представлена единичными фрагментами гончарной керамики, широкосерединным перстнем с завязанными концами, округлой цилиндрической глазчатой бусиной бирюзового стекла, деформированной серебряной клейменой стопкой. Полученные сведения позволили реконструировать этапы создания курганной насыпи, выявить ее конструктивные особенности. В рамках исследований были выявлены, предположительно, два фрагментированных скелета. После окончания работ насыпь кургана рекультивирована (рис. 18).

Рис. 18. Исследованный в 2017, 2020–2021 гг. курган из «Курганной группы XI–XII вв.» (Усть-Смолка) (Печорский район, дер. Старый Изборск). Рекультивация. Вид с востока

Археологические раскопки на поселении у д. Горожане в Новосокольническом районе Псковской области (рук. – А. В. Михайлов, общая площадь – 76 кв. м, рис. 15: *3*). Раскоп 2021 г. (раскоп 4) является продолжением исследований 2020 г., когда раскоп был заложен в юго-восточной части площадки поселения, на мысу, образованном р. Илеменкой (приток Смердели) и пойменным лугом. Результаты работ 2021 г. представлены в статье А. В. Михайлова в настоящем сборнике.

Археологическая разведка с целью определения границ территории объектов археологического наследия. В 2021 г. проведены полевые археологические работы с целью определения границ территорий объектов археологического наследия «Селище 1 XII–XIII вв.» и «Селище 2 XVII–XVIII вв.» (Псковский район, руководитель работ – К. С. Косовец, рис. 15: *4*). Результаты работ представлены в отдельной статье в настоящем сборнике.

Археологическая разведка с целью выявления объектов культурного наследия в Себежском районе Псковской области (рук. – И. С. Быкова, рис. 15: *9*) проведена в августе 2021 г. на территории СП «Себежское» Себежского района Псковской области. Район обследования включал территорию западнее оз. Ормея и юго-западнее д. Большое Крупово. В результате работ

Рис. 19. Одиночный курган у д. Большое Крупово Себежского района

была обследована территория общей площадью 3,75 кв. км и выявлены следующие объекты культурного наследия – памятники археологии:

– «Курганная группа» у б. д. Ганжиново (вторая половина I тыс. н. э.) расположена в 1,5 км к юго-западу от оз. Ормея, в 5,3 км к юго-западу от д. Большое Крупово, впервые была обследована В. В. Седовым в 1966 г. В группе находится 27 насыпей (три длинных кургана, три удлиненных кургана, девять насыпей полусферических, одиннадцать насыпей круглых, одна насыпь с уплощенной вершиной). Одна насыпь исследована в 1974 г. Витебским отрядом. Вокруг всех курганов читаются ровики: у полусферических – кольцевые, у длинных и удлиненных – вдоль длинных сторон;

– «Одиночный курган» у д. Большое Крупово (середина – вторая половина I тыс. н. э.) расположен в 3,2 км к юго-западу от деревни, в сосновом лесу, у лесной дороги, впервые выявлен в 1988 г. во время разведки Псковским отрядом ИА АН СССР под руководством Г. Н. Пронина, но на охрану не поставлен. Представляет собой одиночный полусферический курган. Диаметр насыпи по основанию – 15 м, высота – 2,3 м. Ровик читается с северной, западной и юго-западной сторон (рис. 19).

– «Курганная группа» у д. Большое Крупово (вторая половина I тыс. н. э.) расположена в 4,7 км к юго-западу от деревни, у лесной дороги, в еловом лесу, на краю песчаной возвышенности. Группа состоит из трех насыпей. Две на-

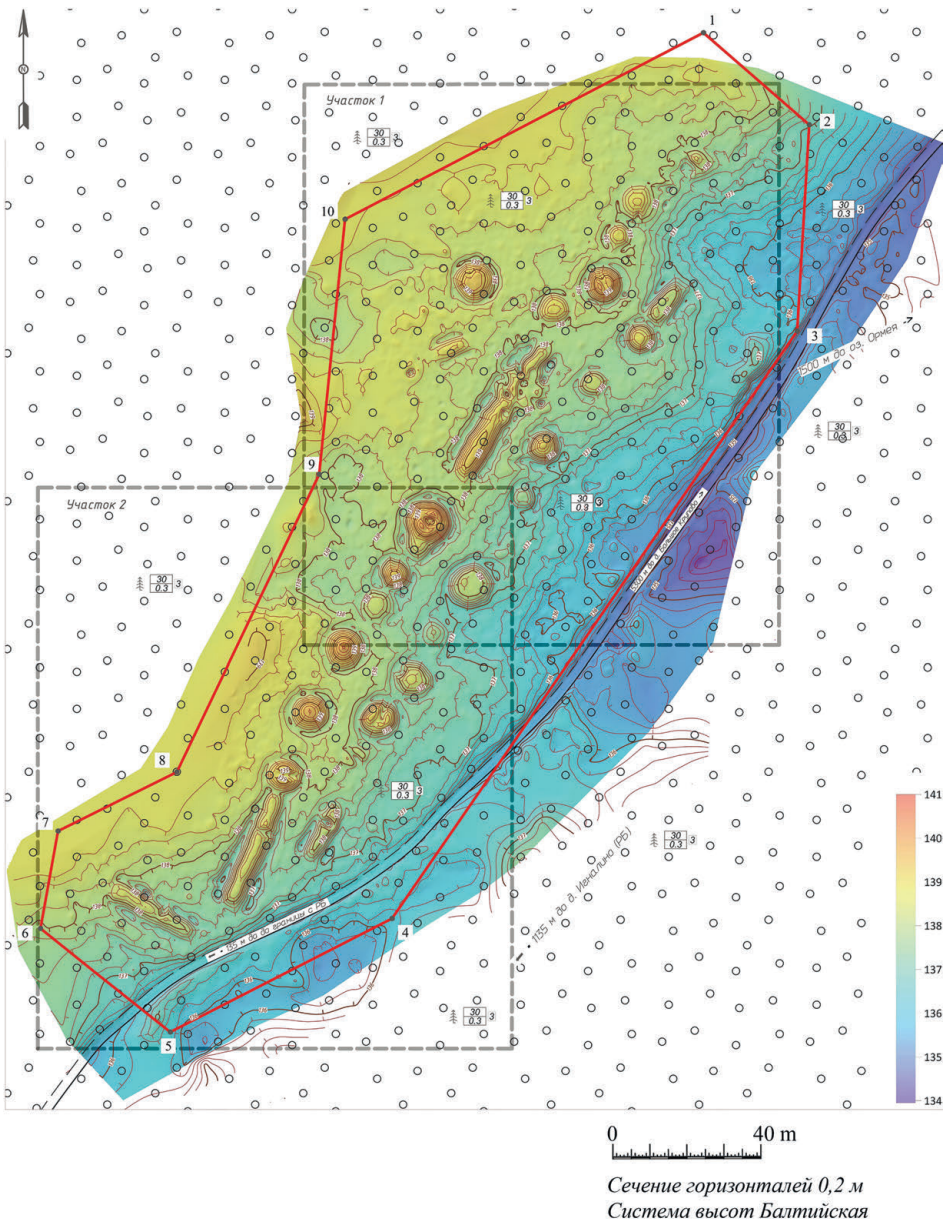


Рис. 20. Топографический план Курганной группы
у д. Ганжиново Себежского района

сыпи сохранились полностью: полусферические, высотой 1,3–1,6 м, диаметр по основанию – 8–10 м, ровики кольцевые, курган 3 сильно нарушен.

Для выполнения топографического плана памятников, расположенных в густом лесу, псковскими археологами впервые была применена методика съемки с помощью системы наземного лазерного сканирования FARO Focus 3D 120s и беспилотного летающего аппарата, которая показала высокую эффективность для фиксации памятников археологии на больших площадях и в условиях сложного и труднодоступного рельефа (рис. 20).

В 2021 г. проведено несколько разведок на территории Псковской области в границах участков, подлежащих хозяйственному освоению. Это разведки участков, выделенных для строительства карьеров в Плюсском (рис. 15: *5*) и Островском (рис. 15: *6*) районах, по трассам линейных объектов в Пушкиногорском (рис. 15: *7*) и Себежском (рис. 15: *8*) районах. По результатам обследований памятники археологии не обнаружены.

* * *

Кулакова Марина Ильинична, *к. и. н., Псков, директор ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: marinakul@yandex.ru*

И. К. Лабутина, М. И. Кулакова

Первые охранные раскопки в г. Пскове: раскоп 1967 г.

Резюме. Статья посвящена истории, предшествовавшей археологическим раскопкам 1967 г. Археологический раскоп 1967 г., располагавшийся на территории Окольного города, на перекрестке ул. К. Маркса и Пушкина был первым, работы на котором финансировались из средств застройщика.

Ключевые слова: археологический раскоп, Окольный город, спасательные (охранные) археологические раскопки.

I. K. Labutina, M. I. Kulakova. The First Rescue Excavations in the City of Pskov: Excavation in 1967

Abstract. The article is devoted to the history that had preceded the archaeological excavations of 1967. The archaeological excavation of 1967, located on the territory of the Roundabout City, at the intersection of K. Marx-Pushkin streets was the first, financed from the funds of the city developer.

Keywords: archaeological excavation, Roundabout city, rescue archaeological excavations.

Сегодня практика проведения археологических раскопок перед началом строительства является уже обычной. А первые раскопки, финансируемые застройщиком, в Пскове проведены в 1967 г., 55 лет назад.

Этот раскоп, располагавшийся в Окольном городе Пскова, на перекрестке ул. К. Маркса и Пушкина, предварял строительство здания областного статистического управления (сейчас это территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области) (рис. 1).

XX век стал временем археологического открытия Пскова. Работы конца XIX в. (1898–1900 гг.) на месте Богоявленской батареи в современной терминологии скорее можно отнести к «археологическому надзору за земляными работами». В 1912 г. при строительстве электростанции у Мстиславской башни на берегу Великой были найдены древние предметы. По решению Псковского археологического общества в этом месте начались раскопки; ими руководил вице-губернатор В. Н. Крейтон, уже имевший опыт полевых исследований, в том числе – средневековых поселений. К сожалению, раскоп не был доведен до конца, но в нем были раскрыты деревянные средневековые

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.27-33

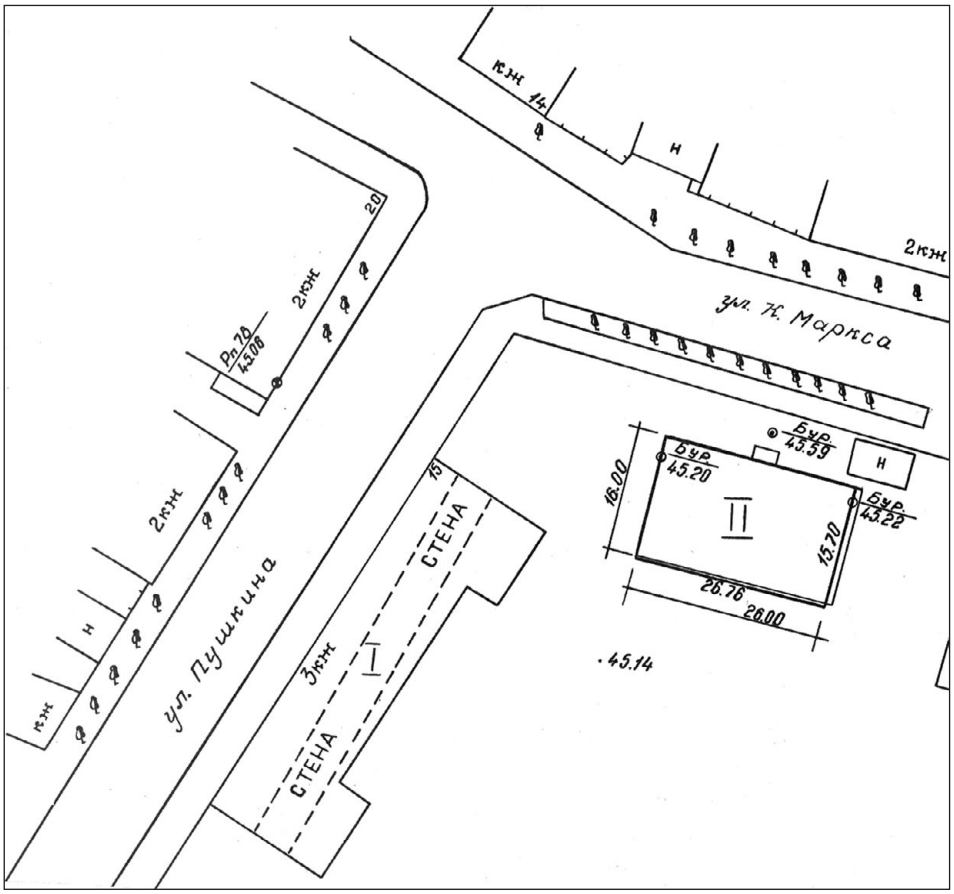


Рис. 1. Схема расположения раскопа 1967 г. (II – на схеме)

постройки, собрана коллекция старинных вещей, что позволило говорить о перспективности археологических исследований в Пскове (*Крейтон*, 1913. С. 4, 28–34).

Научное изучение культурного слоя Пскова начинается в 1930 г. Работами руководил ученый-реставратор, историк архитектуры К. К. Романов (*Романов*, 1930. С. 95–105), а с 1936 г. – археолог Н. Н. Чернягин (*Чернягин*, 1937. С. 327–328). Раскопки 30-х гг. носили разведочный характер. Небольшие по площади участки исследований располагались на территории Крома. Великая Отечественная война прервала археологические исследования в Пскове. После ее завершения в 1945 г. на Всесоюзном археологическом совещании было принято решение об археологических раскопках в освобожденных от немецкой оккупации районах и городах в связи с их восстановлением и новой планировкой.

С 1945 по 1949 г. в Пскове работала экспедиция ИИМК АН СССР и Псковского музея под руководством С. А. Тараканової. Были проведены небольшие по площади работы в Довмонтовом городе и на широких площадях на Крому.

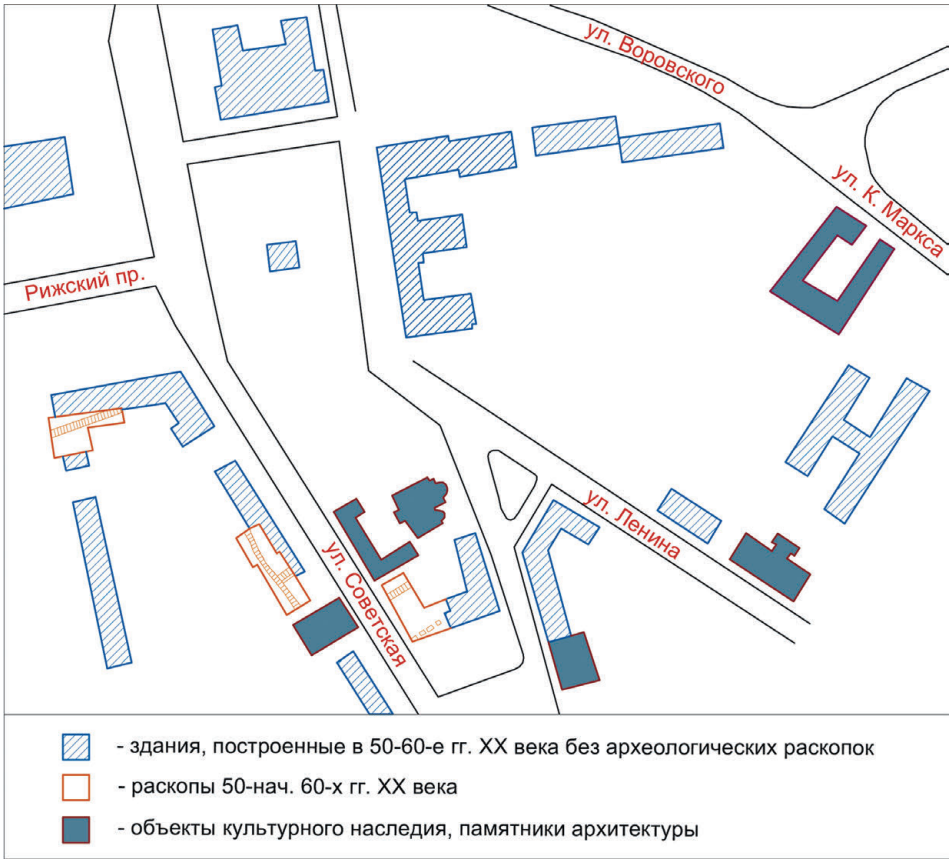


Рис. 2. Площади застройки и археологических раскопок в древней части Среднего города в 50-х – первой половине 60-х гг. XX в.

В 1947 г. экспедиция впервые в археологической практике провела раскопки на территории Окольного города – рядом с «Домом губернатора» (областная детская и юношеская библиотека). Эти раскопки показали наличие средневекового культурного слоя на территории Полонища (*Лабутина*, 1983. С. 11).

В 1954 г. создается археологическая экспедиция Эрмитажа (руководитель до 1962 г. – Г. П. Гроздилов, позже – В. Д. Белецкий). Под руководством Г. П. Гроздилова проводятся археологические раскопки на Крому, в Довмонтовом городе, в древней части Среднего города (рис. 2). Именно работы этого периода показали перспективность опережающих археологических раскопок. Г. П. Гроздилов и его коллеги тесно сотрудничали с Псковским музеем, с реставраторами. Обсуждение вопросов о возможных раскопках в местах строительства на встречах и в переписке на эту тему сохранили архивы и живая память участников, например, дневниковые записи за 1955 г. директора музея И. Н. Ларионова (*Лабутина*, 1994б. С. 21–22). Невзирая на трудности, экспедиция Г. П. Гроздилова не оставляет Псков.

Между тем продолжалась современная застройка без археологических раскопок в древнейшей части Среднего города. Так, в середине – второй половине 50-х и в начале 60-х гг. XX в. были без раскопок построены здания, сформировавшие современный вид площади Ленина: здание кинотеатра «Октябрь» (пл. Ленина, 3), бывший Дом культуры профсоюзов (пл. Ленина,1), здание главного корпуса пединститута (главный корпус ПсковГУ), общежитие пединститута и пристройка к главному корпусу пединститута (построена на ленточном фундаменте) и др. (рис. 2).

За период 50-х – первой половины 60-х гг. XX в. археологические раскопки удалось провести только на площади 1590 кв. м (при общей площади застройки в центральной части города 15000 кв. м). Пятна проведения первых археологических раскопок – Дом связи (ул. Советская, 20), дом по ул. Советская, 1/3, ул. Советская, 5 – это участки, где раскопки были проведены только на части площади застройки и ни один из раскопов не был доведен до материка.

В 50-е – 60-е гг. XX в. предложения археологов о раскопках на участках будущего строительства иногда принимались на условиях «копайте, что успеете». Чаще предлагали «понаблюдать» за работами по фактическому разрушению культурного слоя. Именно из того времени передалась по административному наследству формула «наблюдения за земляными работами», механически распространяемая на участки, где сохранность культурного слоя очевидна.

Открытия экспедиции Эрмитажа 50-х – начала 60-х гг. XX в. подготовили почву для постановки вопроса о необходимости проведения спасательных археологических раскопок до начала строительства. Во второй половине 60-х гг. XX в. археологи, работающие в Новгороде и Пскове, обратили внимание центральных органов охраны памятников на юридическую незащищенность культурного слоя древнерусских городов. Даже небольшой курган имел такую защиту, а огромные территории культурного слоя исторических городов не включались в реестры памятников истории и культуры (*Лабутина*, 2003. С. 20). В Новгороде, а затем в Пскове принимаются соответствующие решения. Так, Псковский облисполком обязывал горисполком и областное управление культуры «... обеспечить проведение археологических раскопок до начала строительства каждого объекта в пределах Окольного города» (Решение № 290 от 20.08.1966).

Большое значение для принятия Решения имело то, что в 1965 г. создаются ВООПиК и в Псковской области – Производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры (начала свою работу при областном Управлении культуры 20 августа 1966 г.).

Задача спасения культурного слоя на участках строительства к 1967 г. увенчалась успехом: удалось поставить и решить вопрос о финансировании работ из средств заказчика – были организованы первые в Пскове предварительные охранные (или спасательные) археологические раскопки на месте строительства здания областного управления статистики на ул. К. Маркса. Необходимость организации экспедиции выявилась зимой 1966–1967 гг., когда были получены данные о предстоящем строительстве. Обоснованием необходимости проведения археологических раскопок стали результаты раскопок

Рис. 3. И. К. Голунова (Лабутина) (слева) и сотрудники экспедиции на раскопе 1967 г.

1955 г. на ближайшем участке Полонища (ул. Некрасова, 36), данные буровых скважин, представленные в Техническом отчете об инженерных изысканиях на участке, и данные письменных источников о размещении Нового Торга.

Руководство областного (руководитель – К. Ф. Воинов) и центрального (руководитель – В. Н. Старовский) Статистического управления с пониманием отнеслось к обращению Производственной группы и внесли изменения в смету строительства. Производственную группу по охране и эксплуатации памятников истории и культуры в переговорах представляла Н. С. Датиева. Активную позицию в переговорном процессе занимало псковское отделение ВООПиК, которое поддерживали и консультировали коллеги из Центрального совета.

Подрядчиком работ в 1967 г. стала Производственная группа по охране и эксплуатации памятников областного управления культуры. Центральное статистическое управление с пониманием отнеслось к аргументам археологов и Производственной группы по охране памятников и финансировало раскопки. Археологические раскопки продолжались с 18 июня по 30 сентября. Начальник раскопа – И. К. Голунова (Лабутина), заместитель – Г. П. Сазонов (Ленинград), Т. В. Иванова (Москва). В работах приняла участие кандидат исторических наук Л. М. Марасинова (Москва). Обязанности лаборантов выполняли геодезист П. И. Иванов, фотограф Н. В. Морозов (Псков), а также студенты ПГПИ, МАРХИ. Рабочие – студенты ПГПИ, проходившие на раскопе полевую практику, учащиеся псковских школ, пенсионеры (*Лабутина*, 1994а. С. 9) (рис. 3).

Площадь раскопа – 416 кв. м (рис. 4). Он располагался за пределами крепостной стены 1375 г., на территории т. н. Полонища и являлся третьим

Рис. 4. Общий вид на раскоп 1967 г. с востока

раскопом на Полонище после раскопа С. А. Тараканової в 1947 г. и Г. П. Гроздилова в 1955 г. Основная цель раскопок 1967 г. формулировалась так: выяснение времени освоения и характера застройки участка (*Лабутина*, 1994а. С. 9). По итогам работ прослежены застройка и освоение участка и выделены следующие периоды: XIII–XV вв. (период пригородного сельскохозяйственного участка), XVI–XVII вв. (период вхождения участка в состав Нового Торга – раскрыты небольшие сооружения торгово-ремесленного назначения), XVIII–XIX вв. (на участке располагаются производственные постройки, предназначенные для обработки шкур животных), конец XIX–XX в. (на участке появляются крупные жилые и хозяйственные сооружения) (*Лабутина*, 1994а. С. 41).

С проведением этих работ в археологической практике Пскова был создан прецедент, положенный в основу последующей организации охранных археологических работ. До введения практики обязательного согласования строительных и земляных работ в историческом центре Пскова с органами охраны памятников (1974 г.) инициаторами раскопок выступали различные организации, связанные с изучением и защитой культурного наследия (ПГОЭП, ПСНРПМ, ПОО ВООПиК), и будущий руководитель раскопок. В целом достижения и открытия археологов, в том числе и псковских, отражаются и в законодательных актах РСФСР и СССР второй половины 70-х – 80-х гг. XX в.

Важнейшим для Пскова стало Постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974, согласно которому культурный слой в границах крепостных стен Окольного города в центре и на Запсковье, а также на Завеличье до ул. Горького поставлен на государственную охрану как памятник археологии «Культурный слой древнего Пскова».

Постановления, а также Правила застройки Пскова 1974 г. предполагали предварительные археологические раскопки в пятнах застройки и финансирование этих работ за счет средств застройщика.

В 1981 г. утверждается План детальной планировки центра Пскова (автор – Г. П. Боренко), согласно которому режим обязательных археологических исследований был распространен на всю территорию Пскова в пределах стен Окольного города и прибрежной части Завеличья.

В 2014 г. в соответствии с требованиями закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» утверждены границы территории ОКН ФЗ «Культурный слой древнего Пскова» (приказ Государственного комитета Псковской области по охране объектов культурного наследия № 96 от 14.02.2014).

Законодательно вопрос об обязательном проведении археологических раскопок на памятниках археологии и об их финансировании на сегодняшний день прочно закреплен.

Литература

Крейтон В. Н., 1913. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1912 г. // Труды Псковского археологического общества. Вып. 9. 1912–1913 г. Псков: Электр. типо-лит. Псков. губ. земства. С. 1–34.

Лабутина И. К., 1983. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 7–45.

Лабутина И. К., 1994а. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2 / Отв. ред. В. В. Седов. Псков: Миклош. С. 9–43.

Лабутина И. К., 1994б. «От летописания не обретается воспомянуто...» // Псков через века. Памятники Пскова сегодня / Сост. И. К. Лабутина. СПб.: ФЕРТ. С. 17–37.

Лабутина И. К., 2003. Археологическое наследие и проблемы истории Пскова // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания): междунар. науч. конф. Т. 1 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Московский гос. ун-т печати. С. 19–23.

Романов К. К., 1930. Разведочные раскопки в Псковском Кремле в 1930 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, 1930. № 125. С. 95–105.

Чернягин Н. Н., 1937. Раскопки Псковского Кремля // Советская археология. Вып. IV. С. 327–328.

* * *

Лабутина Инга Константиновна, *к. и. н., профессор, Псков*

Кулакова Марина Ильинична, *к. и. н., Псков, директор ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: marinakul@yandex.ru*

М. И. Кулакова, Е. М. Калинина, А. В. Фисенко

Итоги археологических исследований 2021 г. у бывшего кинотеатра «Октябрь»

Резюме. В 2021 г. были проведены археологические раскопки на месте прокладки коммуникаций к реконструируемому зданию бывшего к/т «Октябрь» (Псков, пл. Ленина, 3). Работы проводились на двух площадках: на раскопах Княжий двор 1 и Княжий двор 2.

В ходе работ на раскопе Княжий двор 1 раскрыты внутренние объемы церкви Варлаама Хутынского Чудотворца на Площади (1530 г.). Установлено, что церковь утрачена в пожаре 1777 г., после которого она была разобрана, просуществовав в общей сложности 247 лет.

В верхних пластах раскопа Княжий двор 2 раскрыта регулярная деревянная застройка XIII–XV вв.: четыре постройки XIII–XIV вв. и участок частокола первой половины XV в. В нижних пластах раскрыты три слоя пожара XI–XII вв. Установлено, что конец X – начало XI в. можно считать временем первоначального освоения этого участка в центральной части г. Пскова.

Ключевые слова: Псков, Княжий двор, архитектурная археология, церковь Варлаама на Площади, средневековая застройка.

M. I. Kulakova, E. M. Kalinina, A. V. Fisenko. The Results of Archaeological Research in 2021 at the Former Movie Theater “October”

Abstract. In 2021, archaeological excavations were carried out at the site of laying communications to the reconstructed building of the former movie theater “October” (Pskov, Lenin Square, 3). The work was carried out at two sites: at the excavations of Knyazhy Dvor (Prince’s yard) 1 and Knyazhy Dvor 2.

In the course of works at the Knyazhy Dvor 1, the internal spaces of the Church of Varlaam Khutynsky the Wonderworker on the Square (1530) were uncovered. It has been established that the church was lost in a fire in 1777, after which it was dismantled, having existed for a total of 247 years.

In the upper layers of the excavation of Knyazhiy Dvor 2, regular wooden buildings of the XIII–XV centuries were unearthed: 4 buildings of the XIII–XIV centuries and a section of the paling of the first half of the XV century. In the lower layers, 3 layers of fire of the XI–XII centuries were revealed. It is established that the end of the X – early XI century can be considered the time of the initial development of this site in the central part of Pskov.

Keywords: Pskov, Knyazhy Dvor (Prince’s yard), architectural archeology, Varlaam’s Church on the Square, medieval development.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.34-53

В 2021 г. проведены археологические раскопки на территории современной площади Ленина в Пскове у бывшего к/т «Октябрь». Два раскопа располагались с южной и северо-восточной стороны реконструируемого здания (рис. 1). Проведенные археологические исследования были связаны со строительством линии водопровода, и небольшие по площади раскопы заложены в местах приемных котлованов при прокладке коммуникаций методом ГНБ.

Раскопы получили свое название в связи с близостью к этому месту территории Княжьего двора. Сам Княжий двор (Государев двор) занимал возвышенную площадку на месте здания кинотеатра. Позднее здесь располагался Пушечный двор. Раскоп Княжий двор 1 был заложен, предположительно, в зоне построек Княжьего (позднее – Пушечного) двора[1]. Раскоп Княжий двор 2 – ближе к северному склону холма. Его местоположение больше тяготеет к территории Старого Торга, который до XVI в. находился между Княжьим двором и Довмонтовой стеной (рис. 2).

Княжий двор впервые упомянут в псковских летописях под 1383/1384 гг. в связи с постройкой на нем каменной церкви Воздвижения честного креста. Согласно известиям XV в. (1436, 1460, 1476, 1480 гг.), на княжьем дворе жили князья и ближайшие родственники великого князя, приезжавшие в Псков (*Лабутина*, 2011. С. 150–151). Традиционно считается, что местоположение Княжьего двора, его размеры и конфигурация совпадали с Пушечным двором, показанным на плане середины XVIII в. Если это так, то он находился всего в 40 метрах к югу от стены Довмонтова города и примыкал к стене, которая шла вдоль берега реки.

В ходе археологических раскопок 1991–1992 гг. на спуске к Власьевской башне и раскопок 1998 г. на газоне между входом в Довмонтов город и к/т «Октябрь» был исследован участок Торга XIV в. Здесь были обнаружены остатки церкви Власия (каменные конструкции четырехстолпного четверика, северного придела и западного притвора), перенесенной в эту часть Торга в 1372/1373 г., и три яруса деревянного замощения Торга, соотносимые по дендрохронологическим и стратиграфическим данным с летописными сообщениями о благоустройстве Торговища в 1307/1308, 1396/1397 и 1429 гг. (*Ершова*, 1992; 1995. С. 151–153; *Харлашов*, 1998. С. 5–12, 28–33, 51–83,132–137).

Застройку данной территории в середине XVIII в. фиксирует план 1740 г. К этому времени бывший Княжий (позднее – Государев двор) был превращен в Пушечный двор. Вокруг двора в 1695 г. была возведена ограда (возможно, это было ее возобновление, если считать, что Пушечный двор повторяет конфигурацию Государева двора). С восточной стороны Княжьего двора на планах середины XVIII – начала XIX в. показан водоем.

К середине XIX в. застройка данной территории радикально изменилась. Исчезли почти все постройки предшествующего времени. В конце 50-х гг. XX в. было принято решение о строительстве вблизи крепостных стен Кремля кинотеатра «Октябрь» (на месте бывшего Княжьего, позднее – Государева,

[1] Название раскопов (шурфов) было дано заранее: в ходе работ оказалось, что они – вне зоны построек Княжьего двора.

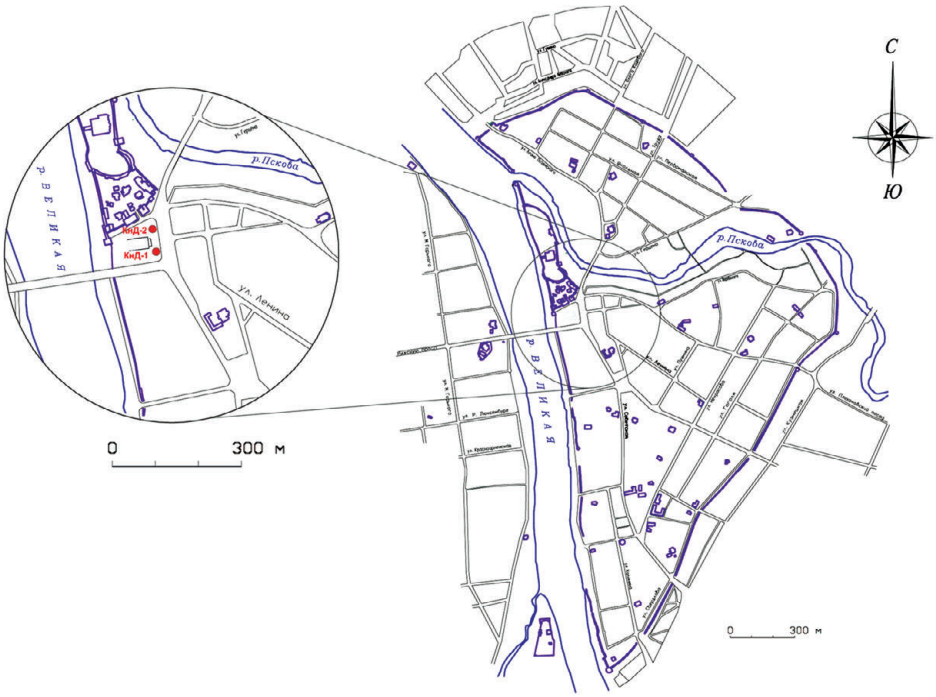


Рис. 1. Расположение раскопов Княжий двор 1 и Княжий двор 2
на современном плане г. Пскова

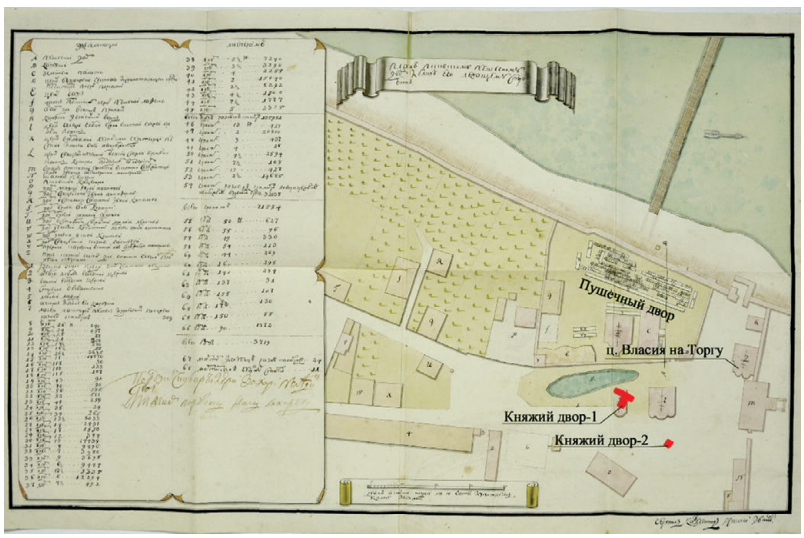


Рис. 2. Совмещение планов раскопов и выкопировки из Плана Пушечного двора 1746 г.
(по: *Колосова*, 2016. С. 43)

затем – Пушечного двора). Был вырыт котлован, уничтоживший все постройки и культурный слой под кинотеатром.

Раскоп Княжий двор 1 (далее – КнД-1) был заложен с южной стороны реконструируемого здания на асфальтированной площадке вблизи входа в бывший к/т «Октябрь». Площадь раскопа составила 59 кв. м. Для установки колодца первоначально был заложен шурф площадью 15 кв. м (уч. А, кв. 4В – 4Д, 5В – 5Д), и предполагалось проведение раскопок только в пределах этой площади. На втором этапе работ при прокладке новой теплотрассы выделен участок (уч. Б, кв. 1А, 1Б – 8А, 8Б) площадью 34 кв. м. Изученная мощность антропогенных отложений варьировалась от 1,56 до 1,62 м. Раскоп не доведен до уровня материка.

Перед началом полевого этапа археологических исследований было известно из исторических планов 1740, 1778 и 1857 гг. и письменных источников, что на этом участке города в разные исторические периоды находился целый ряд архитектурных объектов. Следует отметить, что на плане 1740 г. и варианте плана 1740 г. с экспликацией на немецком языке из Шведского Военного архива 1750 г. на месте раскопа изображены две церкви – Алексея Человека Божия и Варлаама Хутынского (рис. 3). Эти две церкви неоднократно упоминались в литературе (*Лабутина*, 2011. С. 285; *Седов*, 1996. С. 19, 24–26, 31; *Лагунин*, 2012. С. 76–77), но точное их расположение удалось узнать только по итогам проведенных археологических работ.

На момент начала работ раскоп представлял собой котлован площадью 15 кв. м. После того как был снят слой балласта, представленный серым грунтом, перемешанным со строительным мусором, и слоем разрушения построек мощностью от 118 до 150 см[2], открылся стерильный горизонт темно-желтого песка мощностью от 10 до 20 см, по нашему предположению, относящийся к следам благоустройства города второй половины XVIII в. Под слоем песка были открыты следы разрушения постройки из крупных тесаных известняковых плит на известковом растворе белого цвета. Таким образом, как и предполагалось, в пределы раскопа попал внутренний объем одной из двух церквей, показанных на плане города 1740 г. Также на этом уровне в юго-западной части раскопа была выявлена траншея перекопа, в которой были обнаружены две монеты (5 копеек 1930 г. и 15 копеек 1932 г.). Эта траншея примыкала к бревенчатому колодцу. Траншея перекопа и колодец первой половины XX в. разрушили пол и часть западной стены церкви.

На всей остальной площади во внутреннем заполнении церкви раскрылся слой пожара: темно-серый слой с активными включениями угля, золы, прокаленного песка (рис. 4: *А, Б*). Слой пожара оказался неинформативным в связи с отсутствием датирующих находок.

Под горизонтом пожара открылся пол из крупных тесаных известняковых плит, со следами задымления, сложенных в два яруса (рис. 4: *В, Г, Д, Е*).

---

[2] Вероятнее всего, он сформирован в период строительства кинотеатра «Октябрь» в конце 50-х гг. XX в. В целом массовый материал указывает на перемешанность слоя в период XVIII–XX вв.

Рис. 3. Фрагменты исторических планов г. Пскова. *А* – план 1740 г. по копии Годовикова из публикации Окулича-Казарина (1915); *Б* – план 1750 г., вариант плана 1740 г. с экспликацией на немецком языке из Шведского Военного архива; *В* – план 1778 г.; *Г* – план 1857 г.

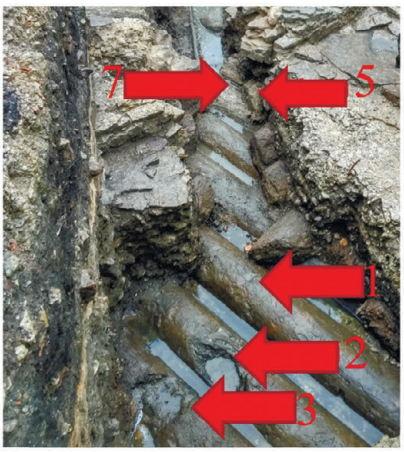
Верхний ярус сложен на «сухую» (без раствора), а в швах между плит нижнего яруса были выявлены следы известкового раствора. После того как была убрана разрушенная часть кладки, открылись стены, которые уходили в северный, южный и западный профили за пределы раскопа. В видимой части толщина кладки достигала 96 см, длина до траншеи перекопа – 140 см. Так как выявленное сооружение с полом из известняковых плит является единым архитектурным историческим объектом, нарушение его целостности недопустимо, поэтому работы были остановлены на уровне пола церкви.

Поздний колодец и траншея перекопа, которые доходили до основания церкви, позволили выявить ряд конструктивных особенностей строительства и время ее возведения. Так, под полом церкви шел перемешанный темно-серый слой со щепой, древесным тленом и мелким щебнем мощностью 45–48 см. Под этим слоем залегали деревянные плахи большого диаметра (их диаметр

Рис. 4. Остатки церкви на участке А, раскоп Княжий двор 1. *А, Б* – горизонт пожара во внутреннем заполнении церкви; *В, Г* – пол церкви после снятия горизонта пожара; *Д, Е* – пол церкви после окончательной зачистки

варьировался от 36 до 49 см). Плахи повернуты плоской стороной вниз, уложены в два яруса, ориентация соответствовала ориентации стен (рис. 5). С плах взяты для дендрохронологического анализа семь спилов, из которых два имели плохую сохранность и оказались непригодны для дальнейшей работы. Исходя из проведенного анализа, все спилы принадлежат сосне, сохранность внешних колец удовлетворительная, на спиле № 7 отмечены следы короедов

Рис. 5. «Плот» из плах в основании церкви. *А* – плахи, выявленные в траншее перекопа; *Б* – плахи, выявленные в основании колодца первой половины XX в.; *В, Г* – общая площадь раскрытых плах; *Д* – восточный профиль ямы колодца первой половины XX в.; *Е* – северный профиль траншеи перекопа



А

№	возраст	Дата рубки
1	144	1519
2	99	1490-91
3	99	1509
5	123	1518
7	148	1487-89

Б

Рис. 6. Итоги дендрохронологического определения.
А – места отбора спилов; *Б* – таблица дат

(т. е., скорее всего, использованная древесина была заготовлена в предыдущий сезон). Порубочные даты варьируются от 1487 до 1519 г. (рис. 6)[3].

Вероятнее всего, для т. н. «плотов» использовано дерево как из первоначальной деревянной церкви, так и дерево более ранних построек. Вторичное использование древесины традиционно для Пскова и прослежено практически на всех т. н. «деревянных» раскопах.

При расширении раскопа в западном направлении, связанном с прокладкой линии теплотрассы (участок Б), также были раскрыты стены ранее изученной церкви. Ширина стен варьировалась от 129 до 150 см, длина западной стены постройки в видимой ее части достигала 470 см, а северной 230 см. Стены сложены из крупных тесаных известняковых плит на известковом растворе белого цвета. После того как вновь обнаруженные стены были расчищены и зафиксированы, мы смогли определить, что в раскопе КнД-1 (участок А) был изучен внутренний объем четверика храма; в свою очередь, стены, выявленные на участке Б, относились к притвору (рис. 7). Таким образом, композиционно храм состоял из четверика и притвора.

По итогам изучения на этом участке нам удалось раскрыть значительную по площади часть церкви, перекрытую сверху замощением из мелкого сильно спрессованного щебня, относящегося к благоустройству города второй половины XVIII в. После того как следы благоустройства были сняты и расчищена регулярная кладка, а также ее внутренний объем и часть слоя за пределами церкви, стало ясно, что она была разобрана, так как следов разрушения зафиксировано не было.

После фиксации выявленного архитектурного объекта работы продолжались только в южных частях кв. 4В и 4Г, не нарушенных траншеей водопровода

[3] Определения М. И. Кулаковой.

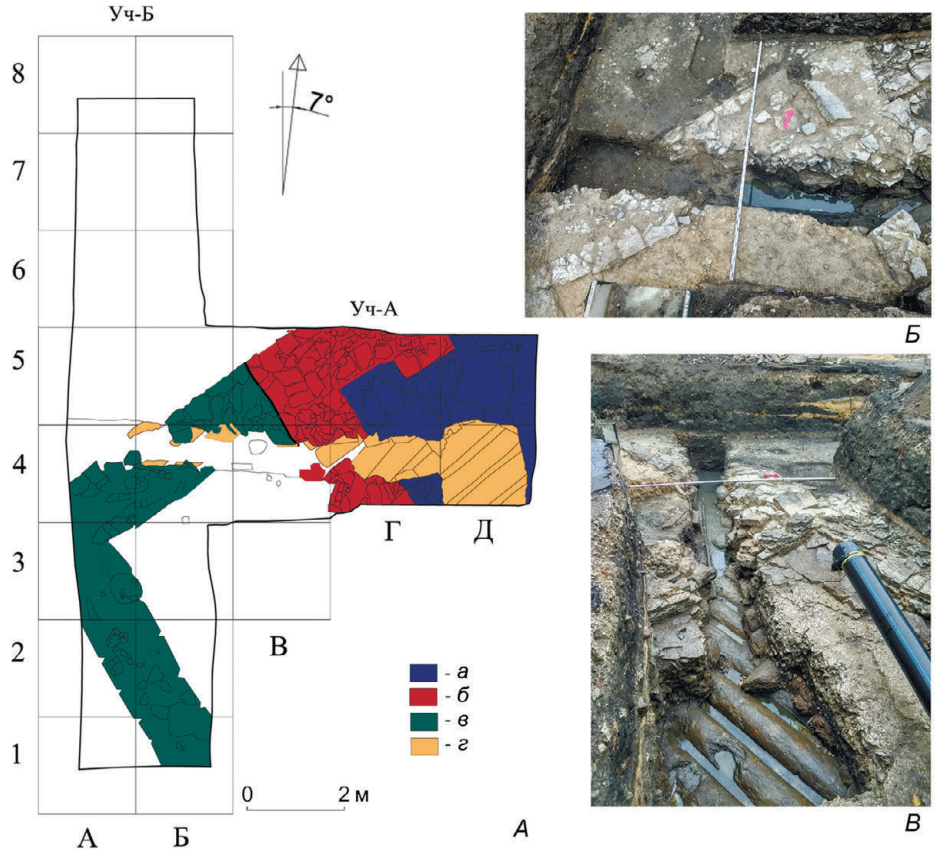


Рис. 7. Каменные конструкции церкви. *А* – сводный план каменных конструкций церкви (*а* – пол четверика, *б* – стены четверика, *в* – стены притвора, *г* – плахи); *Б* – каменные конструкции церкви; *В* – конструкции четверика

и свободной от каменного пола церкви. В этих квадратах было принято решение провести контрольный прокоп. В ходе изучения места примыкания притвора и четверика были раскрыты три яруса захоронений: семь костяков, лежащих в анатомическом порядке (рис. 8). С северной стороны погребения нарушены трассой водопровода первой половины XX в. Кроме того, собраны разрозненные кости из балластного слоя и ямы 1 (траншеи под коммуникации советского времени). По итогам палеоантропологической экспертизы было установлено: погребение 1 – женщина 35–45 лет; погребение 2 – женщина 45–55 лет, на костях отмечены следы открытого огня; погребение 3 – взрослый человек старческого возраста (старше 55 лет); погребение 4 – ребенок, младенец возраста около 0,5 лет; погребение 5 – молодой мужчина возраста 25–35 или даже 25–30 лет, на костях отмечены яркие следы открытого огня, характер этих следов позволяет утверждать, что огонь воздействовал не на тело, а именно

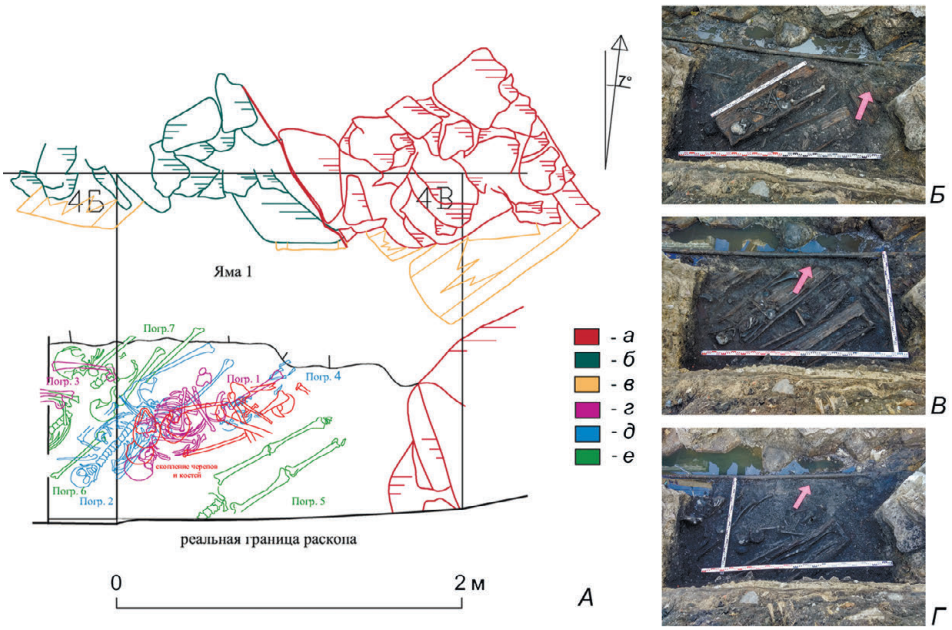


Рис. 8. Погребения, выявленные в месте примыкания притвора и четверика. *А* – сводный план погребений (*а* – стены четверика, *б* – стены притвора, *в* – плахи, *г* – 1-й ярус погребений, *д* – 2-й ярус погребений, *е* – 3-й ярус погребений); *Б* – 1-й ярус погребений; *В* – 2-й ярус погребений; *Г* – 3-й ярус погребений

на скелетные останки; погребение 6 – мужчина 45–55 лет; погребение 7 – мужчина 45–55 лет. Также по итогам экспертизы установлено, что все погребения являются вторично захороненными после крупного пожара, в котором сгорел первоначальный склеп. Перезахоронение произошло, вероятнее всего, до постройки притвора[4].

На городских планах XVIII в. на месте проведенного археологического раскопа изображены две церкви – Алексея Божьего человека и Варлаама Хутынского. Ответить достоверно на вопрос, какая именно из них была изучена на раскопе, учитывая небольшую площадь, было не так просто.

Решить данный вопрос помогли последующие наблюдения за земляными работами вдоль фронтального фасада здания к/т «Октябрь». В восточном профиле траншеи вдоль фасада были зафиксированы три кладки здания из крупных известняковых плит на известковом растворе. По итогам совмещения выявленных кладок и исторических планов установлено, что в раскопе КнД-1 была изучена ц. Варлаама Хутынского Чудотворца на Площади (ц. Варлаама на Площади).

Относительно церкви Варлаама на Площади псковские летописи имеют три упоминания – 1522, 1527 и 1530 гг. Из этих сообщений мы узнаем, что

[4] Антропологические определения Д. В. Пежемского.

первая церковь была деревянной, ее возведение было связано с мором. Также из первого летописного сообщения мы знаем имя человека, который стал инициатором строительства первой церкви Варлаама на Площади – это наместник великого князя Михайло Васильевич Кислой (Кислица). Через пять лет после возведения деревянной церкви псковичи решают поставить на этом месте каменную, но из-за дождливой осени и очень мокрого грунта эта церковь упала. Уже через три года вместо упавшей возводится новая (ПЛ, 1955. С. 102, 104–105). Именно третья церковь, построенная в 1530 г., была частично изучена на площади раскопа КнД-1.

Результаты проведенного исследования подтверждают мнения И. К. Лабутиной и Вл. В. Седова о том, что Окулич-Казарин в публикации 1915 г. неправильно определил расположение церквей в этой части Пскова (*Лабутина*, 2011. С. 285; *Седов*, 1996. С. 31). Анализируя план 1740 г., Окулич-Казарин посчитал, что крупный трехапсидный храм – это ц. Георгия с болота, в свою очередь, меньших размеров храм – это ц. Алексея Божьего человека (*Окулич-Казарин*, 1915. С. 122). Проведенные археологические работы и сопоставление выявленных кладок с историческими планами, а также привлечение письменных источников убедительно показывают, что трехапсидный храм с плана г. Пскова 1740 г. – это ц. Спаса Всемилостивого с Площади, которая впоследствии была переосвящена и стала ц. Алексея Божьего человека; в свою очередь, меньших размеров храм – это ц. Варлаама на Площади, которая была поставлена «за всемилостивым Спасом на площади».

За пределами церкви не были обнаружены значительные следы разрушения – это указывает на то, что церковь была разобрана после того, как она пострадала в пожаре. Сведения о пожарах XVIII в. не могут ответить на вопрос: когда? Нам известны по письменным источникам их три – 1710, 1777 и 1788 г. (*Кулакова*, 1994. С. 185), – но при сопоставлении сведений о пожарах и исторических планов города замечено, что на планах 1778 и 1857 г. отсутствуют церкви, нанесенные на план города 1740 г. Таким образом, церковь Варлаама Хутынского Чудотворца на Площади утрачена в пожаре 1777 г., после этого не восстанавливалась, просуществовав 247 лет.

Раскоп Княжий двор 2 (далее – КнД-2) располагался к северо-востоку от реконструируемого здания бывшего к/т «Октябрь», на зеленой зоне, примерно в 40 метрах к юго-востоку от современного центрального входа в Довмонтов город. Изначальная площадь раскопа составила 13,3 кв. м, на глубине 3,0–3,4 м от дневной поверхности (наблюдался уклон с запада на восток) площадь раскопа была уменьшена в связи с глубиной и требованиями техники безопасности до 8,3 кв. м. Общая мощность антропогенных отложений в раскопе составила 4,4–5,1 м, в том числе мощность культурного слоя – 2,9–3,25 м. В восточной части раскопа, где работы были остановлены на технологической отметке, достаточной для установки приемного котлована, мощность изученного культурного слоя – 1,2–1,6 м.

В раскопе исследованы слои с первой половины XV по конец X в. Культурный слой по большей части темно-коричневый, влажный, содержащий в разной концентрации щепу и древесный тлен. Материк – плотные глинисто-каме-

Рис. 9. Деревянная застройка XIII – первой половины XV в. в раскопе Княжий двор 2.
А – частокол (вторая четверть XV в.), *Б* – постройка 1 (80-х гг. XIV в.) с настилом,
В – постройки 2 и 3 (20–30-е гг. XIV в.), *Г* – постройка 4 (второе десятилетие XIII в.)

нистые отложения на известняковой плите. За исключением верхних пластов первой половины XV в., культурный слой не имеет позднейших повреждений.

После снятия балласта в верхних пластах раскопа раскрыты слой пожара мощностью 10–20 см и расположенный под ним участок разрушения деревянного «настила», состоящий из 2 широких досок (40–50 см) и сложенных друг на друга плах и бревен. Дерево в составе «настила» ориентировано с юго-запада на северо-восток, имеет повреждения, полученные, по-видимому, еще в средние века. В северной части раскопа слой пожара и «настил» разрушены на стыке с балластным слоем, скорее всего, во время строительства к/т «Октябрь».

В юго-восточном углу раскопа под слоем пожара раскрыт частокол, состоящий из одного бревна (d – 40 см) и 5 плах (d – 30–40 см) (рис. 9: *А*). Частокол ориентирован с юго-запада на северо-восток. Длина сохранившихся элементов – от 25 см до 1 м. Между вкопанными плахами вбиты доски, также зафиксированы следы укрепления (ремонта) элементов частокола с помощью вбитых вплотную к ним досок. Одна из плах частокола повреждена трубой, проложенной ранее методом ГНБ. С частокола взята серия дендроспилов, даты

рубки деревьев – 1426 и 1428 годы. Эти даты, а также характер керамического материала дают возможность отнести слой раскрытого выше пожара к середине XV в., или к 1449 г., когда сгорел весь город в пределах стен, или к 1459 г., когда горело «... от Торгу от всемилостиваго Спаса возле Торговскии, Боловиньский конець до церкви святого Георгия... и выгорело три концы: Опочкин конець, Городецькии конець, Острои лавицы конець и княжеи дворъ по самыи Торгъ» (ПЛ, 1955. С. 50).

Ниже в раскопе раскрыто несколько ярусов регулярной деревянной застройки XIII–XIV вв.: четыре постройки с прилегающими к ним деревянными настилами. Все расчищенные постройки попали в раскоп частично, но имели одинаковую ориентацию с юго-востока на северо-запад, что говорит о сложившейся здесь к этому времени городской застройке. Раскрытые постройки не относились к существовавшему в этот период северо-западнее Старому Торгу, так как не было раскрыто его замощение, известное по раскопам 90-х гг. XX в., а комплекс находок носит бытовой, ремесленный характер и не связан с торговлей.

Самая верхняя из построек (постройка 1) относится к середине 80-х гг. XIV в. (дендродаты – 1382 г. и 1383 г.). Постройка срублена «в обло» с выпуском остатков, сохранился ее нижний венец – бревна с продольными пазами, под которые подложены подкладки. Судя по обилию в слое щепы, постройка срублена на месте (рис. 9: *Б*).

Заполнение постройки – темно-коричневый слой со щепой и углистыми пятнами мощностью от 1 до 5 см, которые можно отнести к пожару 1386 г., когда сгорел весь Псков в пределах стены 1375 г. (*Кулакова*, 1994. С. 175).

Из слоя заполнения постройки происходят десяток обрезков кожи и несколько деталей кожаных изделий, среди которых кожаная сумка из пяти деталей с содержимым. Датировка сумочек подобного типа широкая (XI–XV вв.)[5].

Постройку 1 сопровождает настил из пяти тонких бревен (d – 7–15 см). Настил ориентирован с северо-запада на юго-восток, расположен параллельно юго-западной стене постройки 1. В качестве основания для него использованы венец и лаги пола более ранней постройки 3 (20–30-е гг. XIV в.), которая раскрыта ниже.

Расположенные ниже постройки 2 и 3 относятся к 20–30-м гг. XIV в. (разброс дендродат от 1323 г. до 1337 г.) и, скорее всего, существовали одновременно (рис. 9: *В*).

В раскопе раскрыт только северный угол постройки 2 (дендродаты – 1330 г. и 1337 г.). Постройка срублена «в обло» с выпуском остатков, сохранился ее нижний венец, под который подложены «лежни» с вырубленными чашами под бревно венца. На расстоянии 0,2 м от основания северо-восточной стены постройки в бревно венца вставлена в глухой паз лага пола. Постройка 2 плотно примыкает, практически «наползая», к постройке 3.

---

[5] Расчистка сумки, изучение ее содержимого, последующая реставрация и описание проведены Е. С. Зубковой (см. ее статью в этом выпуске).

Постройка 3 (дендродата – 1323 г.) также имеет срубную конструкцию, скрепленную в углах рубкой «в обло» с остатком. В раскопе зафиксирована южная часть постройки: основание ее юго-восточной стены раскрыто практически полностью на длину 3,5 м, основание юго-западной стены раскрыто частично на длину 2,2 м. Сохранилось два венца; бревна в венцах имеют продольные пазы на всю раскрытую длину. На южном углу сруба остаток бревна второго венца, выпущенный за угол, подтесан до уровня чаши. В восточном углу верхнее бревно подтесано с внутренней стороны чаши до ее уровня; к венцу примыкают доски, образующие с подтесанными участками бревна единую горизонтальную плоскость. Под углы сруба по одной оси с основанием юго-восточной стены симметрично подложены две подкладки.

Внутри сруба раскрыты две лаги пола, вставленные в глухие пазы, которые вырублены в бревнах второго венца. Одна лага примыкает к основанию юго-восточной стены, вторая расположена в 1,3 м от основания стены. Лаги проломаны, видимо, под весом слоя после разрушения постройки. На одной из лаг расчищено несколько досок очень плохой сохранности, возможно, остатки пола.

Из постройки происходят деревянные предметы быта (три фрагмента берестяного туеса, деревянная лопатка). Слой, сопровождающий постройку 3, содержал большее количество деталей кожаных изделий и обрезков кожи, чем в пластах выше, их становится в слое еще больше после снятия построек 2 и 3.

Постройка 3 раскрыта частично, в раскоп не попало отопительное сооружение, но ее достаточно большой внутренний объем, аккуратное исполнение, наличие пола и деревянных предметов быта в слое заполнения дают возможность предположить, что она предназначена для жилья.

К постройкам 2 и 3 с юго-востока примыкает грубо сделанный настил из шести неошкуренных бревен (деревья хвойных пород, d – 10–15 см) и одной плахи со следами рубки. Настил ориентирован с юго-запада на северо-восток, частично поврежден столбом частокола первой половины XV в., раскрытого выше, и так же, как остатки сруба постройки 3, использовался как подкладка для настила, сопровождающего раскрытую выше постройку 1.

Нижняя постройка 4 относится ко второму десятилетию XIII в. (дендродаты – 1211 г., 1213 г.) и конструктивно не связана с верхними постройками (рис. 9: *Г*). Эта небольшая постройка (~ 1,5×2 м) явно хозяйственного назначения попала в раскоп почти полностью, за исключением западного угла. Она имеет срубную конструкцию; сохранился ее нижний венец, состоящий из трех бревен. Венец сложен следующим образом: в пазы на нижнем юго-восточном бревне вложены два подрубленных верхних бревна (северо-восточное и юго-западное). Постройка срублена небрежно – пазы на нижнем бревне исполнены по-разному (один – глухой, в плане напоминающий равнобедренную трапецию; второй – поперечный сквозной, вырубленный до края бревна), верхние бревна подтесаны индивидуально под каждый паз. С четвертой северо-западной стороны, где, вероятно, располагался вход, верхние бревна перекрыты плохо сохранившимися досками (возможно, плахами), образующими настил, выходящий за пределы постройки. Доски настила сложены внахлест, в два ряда,

каждый ряд при сохранении общей ориентации настила отличается по конфигурации. Для поддержки бревен венца с двух раскрытых сторон постройка 4 дополнительно укреплена мощными кольями. На дереве в составе постройки имеются следы рубки и неиспользуемые пазы, что указывает на его вторичное употребление.

В постройке сохранился пол. Он положен на землю и сверху перекрыт бревнами венца. Пол состоит из чередующихся широких досок (шириной 40 см или двух досок шириной по 20 см) и небольших бревен или плах (диаметром 10–15 см). Края бревен и плах в месте перекрытия бревнами венца подтесаны. Пол постройки в районе предполагаемого входа переходит в нижние ряды деревянного настила, выходящего за пределы постройки.

Из слоя заполнения постройки и с прилегающей к ней площадки происходит большое количество обрезков кожи и деталей кожаных изделий, в основном обуви. Всего при расчистке постройки было собрано 17 кожаных деталей и 66 обрезков, за ее пределами из пласта, в котором она расчищалась, – 1 кожаная деталь и 1 обрезок кожи, а из предыдущего пласта со всего раскопа – 71 деталь и 179 обрезков. При этом находки концентрировались в квадрате, в котором ниже раскрывалась постройка 4. Это позволяет связать этот тип находок с постройкой 4 и предположить в ней мастерскую по ремонту кожаных изделий, обуви.

Отдельно необходимо отметить темно-коричневый слой с мелкой щепой и небольшими включениями навоза, раскрытый в раскопе после снятия постройки 4 и подстилаемый снизу слоем пожара. В этом слое мощностью 10–20 см происходят заметные изменения характеристик массового материала. Во-первых, из слоя исчезают обрывки/обрезки кожи и детали кожаных изделий (после снятия постройки 4 в пластах ниже эта категория находок не встречается). Во-вторых, увеличивается количество происходящих из слоя фрагментов керамических сосудов и костей. По сравнению с предыдущим пластом количество фрагментов сосудов увеличивается в 5 раз, костей животных – в 4,5 раза. По сравнению с пластом, в котором расчищалась постройка 3 (также содержал значительное количество находок этих типов, а культурный слой изучался на большей площади), количество фрагментов сосудов в слое под постройкой 4 увеличивается в 2,5 раза, костей животных – в 3 раза. Керамический материал из слоя под постройкой 4 практически единообразен – это формы конца XII в. Из индивидуальных находок можно отметить фрагмент двухстороннего трапециевидного костяного гребня с линейным орнаментом (такие бытовали с конца X до начала XIII в.), фрагмент шпоры, изделия из дерева: игрушечный наконечник стрелы и орнаментированную затычку (рис. 10).

В нижних пластах раскопа раскрыты три слоя пожара. Два верхних: первый (мощностью 7–10 см) можно датировать второй половиной XII в. и второй (мощностью 3–15 см) отнести к пожарам конца XI – первой половины XII в. (рис. 11: *1, 2*).

Из слоев пожаров и слоя между ними происходит ряд индивидуальных находок. Из верхнего слоя пожара второй половины XII в. – каменная плитка с процарапанным изображением корабля (рис. 12). В слое между пожарами

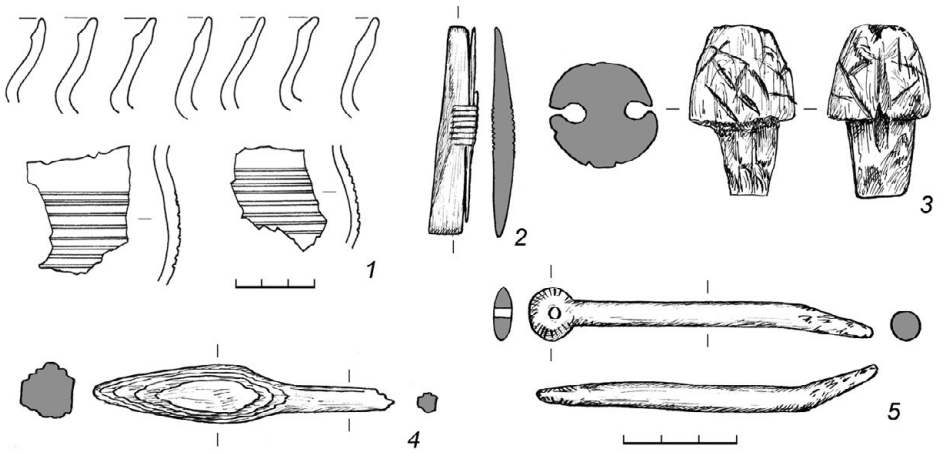


Рис. 10. Комплекс находок из слоя под постройкой 4: *1* – фрагменты керамических сосудов, *2* – фрагмент двухстороннего трапециевидного костяного гребня с линейным орнаментом, *3* – орнаментированная деревянная затычка, *4* – игрушечный наконечник стрелы из дерева, *5* – фрагмент шпоры

второй половины XII в. и конца XI – первой половины XII в. найдена княжеская вислая печать с изображением архангела Михаила и благопожелательной надписью на русском языке: «Господи помоги Михаилу князю русскому» (рис. 13). Печать происходит от ранее неизвестной пары матриц, она принадлежала князю Олегу Святославичу, князю Волынскому, Тмутараканскому, Черниговскому, Новгород-Северскому и датируется концом XI – началом XII в.[6]

В нижних пластах был раскрыт третий слой пожара мощностью 3–20 см, который по сравнению с пластами выше был насыщен костями животных и фрагментами керамических сосудов. По керамическому материалу этот пожар можно отнести к началу XI в. (рис. 11: *3*).

О древнейшей застройке участка можно судить по раскрытому практически на материке деревянному настилу (рис. 14). Настил попал в раскоп частично, расчищен на длину около 3 м (северо-запад – юго-восток) и ширину примерно 1,5–2 м (северо-восток – юго-запад), пересекает раскоп по оси северо-запад – юго-восток, что в целом совпадает с общей ориентацией построек из верхних пластов, но все же ось настила заметно отклонена к востоку и направлена на Кром. Настил сложен в три ряда из досок (плах?) шириной 10–35 см, поврежден, имеет несколько пробоин неправильной формы от 20 до 50 см в диаметре. Подкладками под настил служат несколько поперечных досок, положенных на землю без системы. Массовый материал, собранный над настилом и в ходе его разборки, крайне беден – небольшое количество костей животных и около

[6] Благодарим за помощь в атрибуции и прочтении текста печати П. Г. Гайдукова и И. О. Колосову.

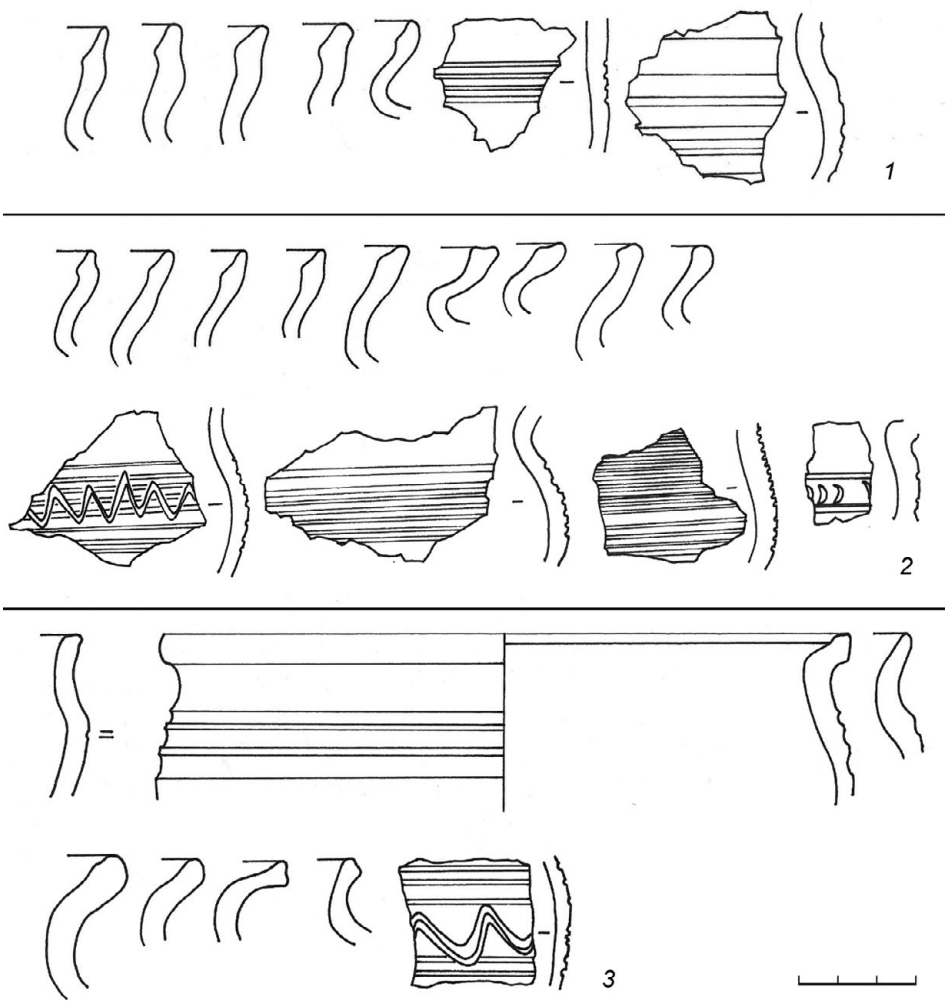


Рис. 11. Фрагменты керамических сосудов из пожаров в нижних пластах раскопа Княжий двор 2: *1* – из слоя пожара второй половины XII в., *2* – из слоя пожара конца XI – первой половины XII в., *3* – из слоя пожара начала XI в.

десятка фрагментов сосудов. Плохая сохранность древесины не позволила провести дендрохронологический анализ элементов настила.

Массовый материал из-под настила, с материка, представлен костями животных и костями и чешуей рыбы, а также единичными фрагментами керамических сосудов, созданных без гончарного круга, которые можно отнести к концу X в (рис. 15). Таким образом, конец X – начало XI в. можно считать временем первоначального освоения этого участка.

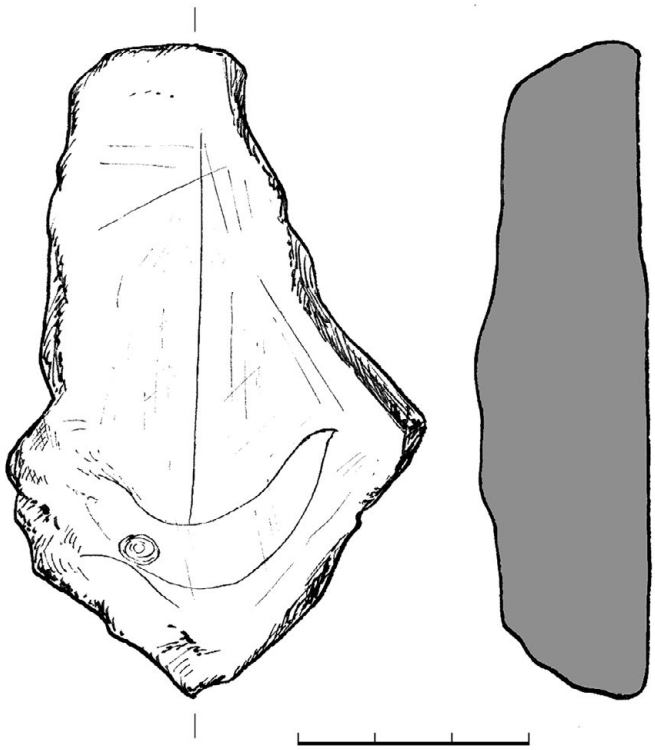


Рис. 12. Каменная плитка с процарапанным изображением корабля
из слоя пожара второй половины XII в.

Рис. 13. Княжеская вислая печать с изображением архангела Михаила
и благопожелательной надписью (конец XI – начало XII в.)

Рис. 14. Деревянный настил из нижних слоев раскопа Княжий двор 2
(конец X – начало XI в.)

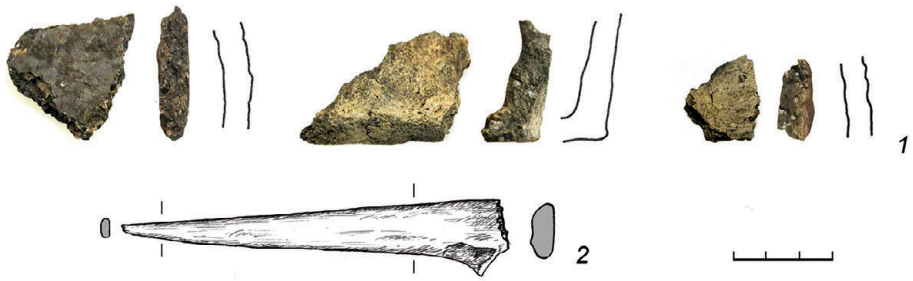


Рис. 15. Комплекс находок из предматерикового слоя:
1 – фрагменты лепных керамических сосудов; *2* – костяная проколка

Литература

Ершова Т. Е., 1992. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове у Приказной Палаты в 1991 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16553. 195 с.

Ершова Т. Е., 1995. Открытие ц. Св. Власия 1373 г. в Пскове // Церковная археология: материалы Первой Всерос. конф. Ч. 2. СПб.; Псков. С. 151–153.

Колосова И. О., 2016. Из истории изучения планов Пскова XVIII в. // Культурное наследие Псковской земли и сопредельных территорий: материалы 1 науч.-практ. конф. (8 октября 2015 г.). Псков. С. 33–69.

Кулакова М. И., 1994. Пожары в Пскове XIII–XVIII вв. // Археология и история Пскова. Вып. 2. Псков: Миклош. С. 171–189.

Лабутина И. К., 2011. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука. 342 с.

Лагунин И. И., 2012. Градостроительный ансамбль Пскова на рубеже XV–XVI вв. // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журнал. № 36. С. 70–82.

Окулич-Казарин Н., 1915. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды Псковского Археологического Общества. Вып. 11. 1914–1915 г. Псков: Типография т-ва «Псковская жизнь». С. 91–125.

Псковские летописи. Вып 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 363 с.

Седов Вл. В., 1996. Псковская архитектура XVI века. М. 304 с.

Харлашов Б. Н. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Воровского в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21163. 170 с.

* * *

Кулакова Марина Ильинична, *к. и. н., Псков, директор ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: marinakul@yandex.ru*

Калинина Елена Михайловна, *Псков, ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: elenkali@yandex.ru*

Фисенко Алексей Владимирович, *Псков, ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: f1son@yandex.ru*

Е. С. Зубкова

Что хранилось в псковском кошельке (результаты исследования кожаного кошелька из раскопок в Пскове в 2021 г.)

Резюме. При раскопках в Пскове, в комплексе постройки XIV в. найден кожаный мешочек грушевидной формы с прорезями вдоль верхнего края для стягивания шнурком. В процессе разборки и реставрации предмета изучена его конструкция. Выяснено, что внутри находились предметы, связанные с производством и ремонтом кожаных изделий.

Ключевые слова: кожаный мешочек, кожевенное ремесло, шерстяная ткань, астрагал, воск

E. S. Zubkova. What was Stored in the Pskov Purse (Results of the Study of a Leather Purse from Excavations in Pskov in 2021)

Abstract. During excavations in Pskov, in a complex of the 14th century dwelling, a pear-shaped leather pouch with slits along the upper edge for tying with a cord was found. In the process of disassembly and restoration of the object its construction was studied. It was found out that inside there were items related to the production and repair of leather goods.

Keywords: leather pouch, leather craft, woollen cloth, astragalus, wax

Осенью 2021 г. в Пскове на территории Старого Застенья, в районе предположительного расположения Княжьего двора были проведены археологические исследования[1]. В результате работ на площади 13,3 кв. м вскрыта часть комплекса постройки 1, которая, по предварительным данным дендрохронологического анализа (определение М. И. Кулаковой), датируется началом 80-х гг. XIV в. (рис. 1: *А*). Заполнение постройки – практически не нарушенный влажный темно-коричневый слой со щепой. В нижних напластованиях заполнения постройки найдены несколько обрезков кожи и деталей кожаных изделий, среди которых выделялся кожаный кошелек в виде мешочка грушевидной формы с прорезями по верхнему краю для стягивания шнурком (рис. 1: *Б*).

Подобные «кошельки» в виде мешочков с прорезями для шнурка по верхнему краю, изготовленных или из одной (прямоугольной формы) заготовки

[1] Раскоп Княжий двор 2, см. статью М. И. Кулаковой, Е. М. Калининой, А. В. Фисенко в этом выпуске.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.54-63

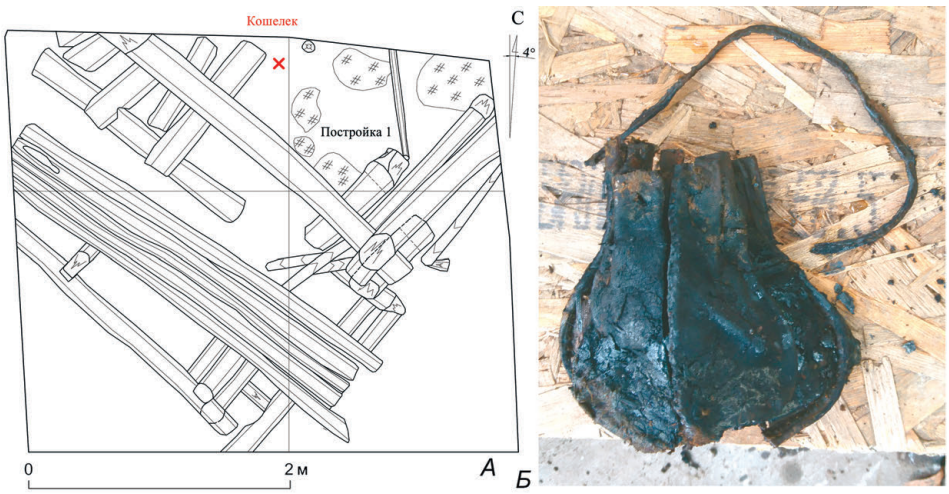


Рис. 1. Место находки кошелька на плане раскопа КнД-2 (*А*)
и общий вид кошелька при извлечении его из слоя (*Б*)

со швами по бокам (рис. 2: *1*), или сшитых из двух деталей грушевидного кроя (рис. 2: *2, 3*), нередко встречаются при археологических раскопках в древних городах как на территории России, так и за ее пределами, например, в польском городе Колобжеге (*Wywrot-Wyszkowska*, 2008. P. 199). Датировка «кошельков» подобной формы довольно широка – они существуют практически все средневековье и доживают до нового времени.

Определение «кошелек» для описанного типа вместилищ не вполне корректно (в современном значении этого слова). Случаи обнаружения монет в таких кошельках единичны. В частности, несколько стяжных мешочков прямоугольной формы с монетами и гирьками найдены при исследовании погребений в Бирке (*Gräslung*, 1940, С. 141–154), но в подавляющем большинстве кошельки-мешочки достаются исследователям пустыми.

Совершенно справедливо многие исследователи предполагают, что изначально кошельки выполняли роль сумочек для хранения разных мелких предметов, а уже впоследствии и монет. Об этом могут свидетельствовать недавно опубликованные результаты изучения мумии так называемого Этци – тирольского ледяного человека, обнаруженного в Альпах в 1991 г. По данным радиоуглеродного анализа, он жил более пяти тысяч лет назад. При нем среди прочего инвентаря был обнаружен поясной кожаный мешок, стянутый шнурком с помощью сухожилий и с помощью же сухожилий прикрепленный к поясу. В нем находились 3 кремневых орудия, костяное шило, кусок трута (*Beasley*, 1994). Среди находок последних лет на территории Руси стоит упомянуть и шелковый кошелек-мешочек прямоугольной формы со швами с боков, обнаруженный в слоях XII в. при раскопках в Новгороде. Внутри мешочка находился перстень-печатка.

Так или иначе, но кошельки-мешочки из кожи или ткани, довольно простые в изготовлении и удобные в эксплуатации (они привешивались к поясу, легко

Рис. 2. Кошельки из городов Северо-Запада Руси
1 – Старая Русса – СР-2007, Пт-I пл. 16, кв. 101, п/№ 151 (начало 1270-х – середина 1290-х гг.); *2* – Новгород, Тр-XI, XIII–XIV вв.; *3* – Новгород, Тр-IX, XIII–XIV вв.

скрывались в складках женской юбки или под полой мужского кафтана), широко применялись для хранения «под рукой» драгоценностей, монет и различного мелкого инвентаря как в Древней Руси, так и в странах Европы, и в государствах Востока. Псковская находка 2021 г. является еще одним свидетельством, что стяжные кошельки-мешочки являлись универсальным приспособлением и служили не только для хранения и переноски монет, но и для различных мелких предметов.

Обнаруженный во вскрытой в раскопе постройке псковский кошелек имел форму одного из простейших типов – грушевидную, из двух деталей, с прорезями по верхнему краю для продержки стягивающего шнурка. Высота кошелька составляла 14,4 см, ширина – 10,0–10,5 см. В отличие от известных аналогов, нижняя и верхняя (каждая) детали его были сшиты из двух частей. За время нахождения в земле сшивные нитки сгнили, и кошелек рассыпался. В просвет между деталями было видно, что в кошельке, кроме заполняющей его земли, находится округлый предмет (рис. 3: *1*). В процессе расчистки находки от грязи, после снятия верхних деталей на правой нижней из них был выявлен фрагмент сохранившей структуру ткани (рис. 3: *2*). Ткань лежала на ожелезненном слое разложившейся органики, перемешанной с песком и неразложившимися остатками дерева.

Части верхней и нижней деталей кошелька соединялись между собой тачным швом. Сам же кошелек был сшит тачным выворотным швом, который усилен узкой полоской кожи. Сам факт, что кошелек простой формы собран из четырех частей (тогда как традиционно подобные кошельки состояли из двух деталей), может свидетельствовать об использовании при его изготовлении вторичного сырья или обрезков от раскроя делового куска кожи. В пользу использования вторичного сырья косвенно свидетельствует наличие следов от «тачного шва» на верхнем крае одной из деталей (рис. 3: *3*).

Заполнение кошелька перед очисткой и промывкой было исследовано под микроскопом, в результате чего было установлено:

1. Округлый предмет, лежавший на левой части нижней детали, – кусок воска, на котором довольно четко читались следы от протяжки по нему нитей (рис. 4: *1, 2*).

2. На всех деталях кошелька фиксировались остатки текстиля в виде скопления нитей (рис. 4: *3, 4*).

3. На правой части нижней детали кошелька обнаружены фрагменты частично сохранившей структуру ткани (рис. 4: *5*; 5: *1*). Ткань изготовлена из шерстяных нитей. Переплетение – саржа диагональ. Из-за плохой сохранности плотность определить не удалось. Нити обеих систем – I порядка, с Z-круткой, довольно толстые, хотя наблюдался некоторый разброс в толщине – 0,49–0,64 мм. Вероятнее всего, более тонкими являлись нити основы.

Сохранившиеся фрагменты ткани покрыты окислами железа. При расчистке на отдельных участках большого фрагмента обнаружены отпечатки тонкого, довольно длинного предмета – иглы (рис. 5: *2*), а также сохранившие структуру отдельные фрагменты металлических предметов (рис. 5: *3, 4*).

4. На правой части нижней детали кошелька фиксировался слой разложившейся ожелезненной органики (рис. 5: *5*), при расчистке которого был обнаружен астрагал (рис. 6: *1*), а также фрагменты железных предметов (рис. 6: *2*).

Рис. 3. Детали псковского кошелька
1 – вид кошелька перед реставрацией; *2* – нижняя деталь кошелька с заполнением до расчистки; *3* – участок верхнего края детали кошелька со следами «тайного тачного» шва

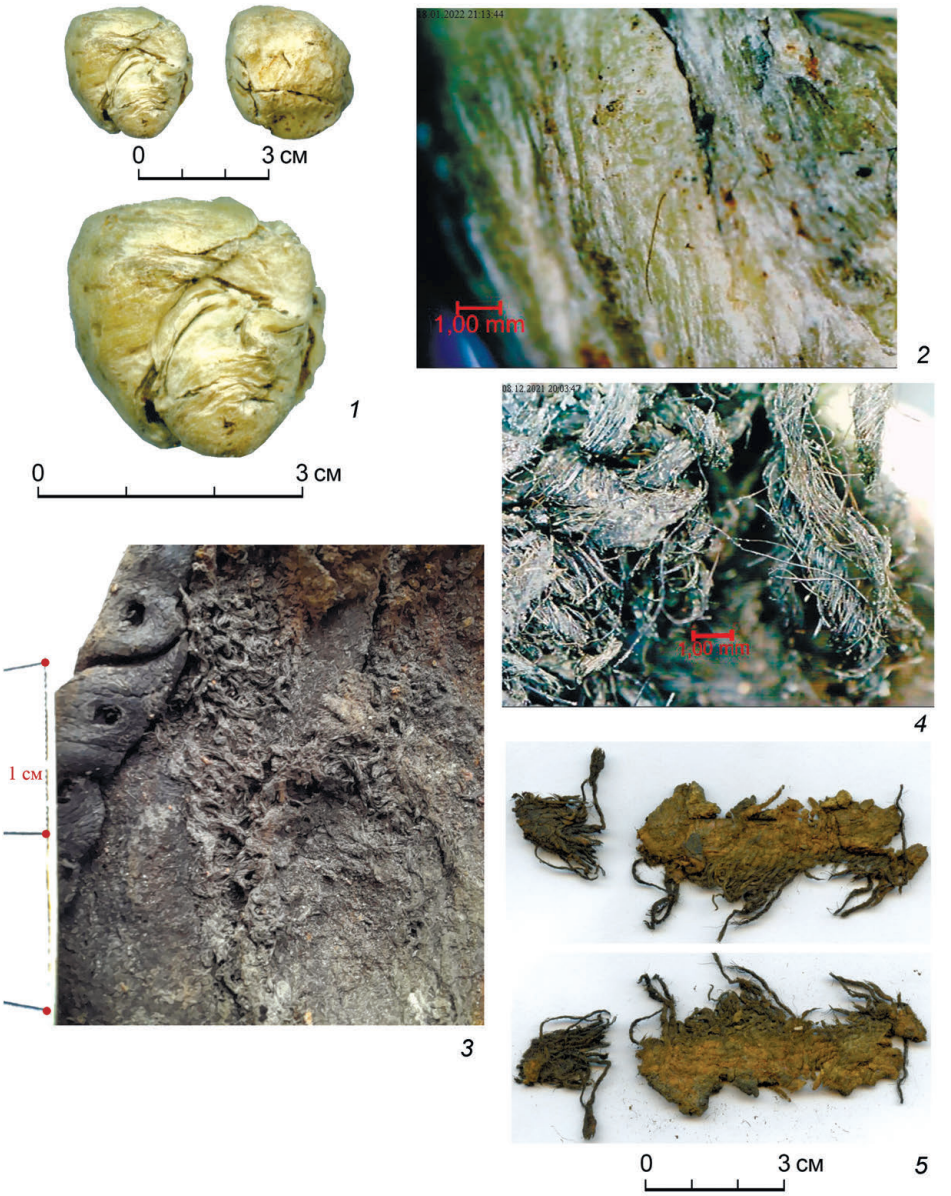


Рис. 4. Детали кошелька и его содержимого

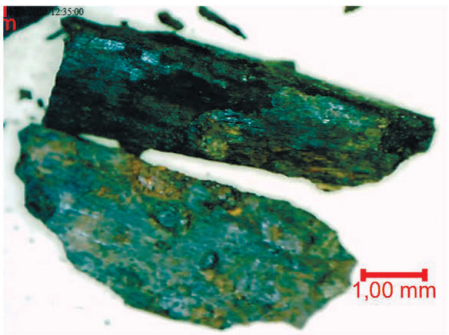
1 – воск после извлечения из кошелька и очистки; *2* – микрофотография участка воска со следами от протяжки нитей; *3* – участок левой нижней детали (под воском) кошелька с остатками текстильных волокон и нитей; *4* – участок правой нижней детали кошелька с остатками текстильных волокон и нитей; *5* – фрагменты шерстяной ткани из кошелька

Рис. 5. Детали кошелька

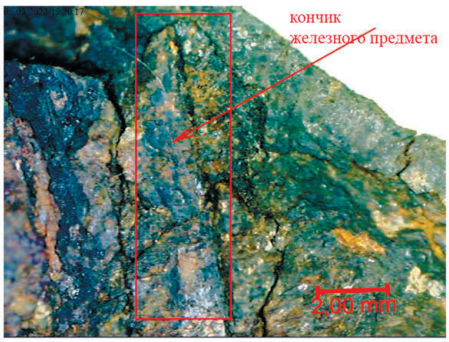
1 – участок ткани с сохранившейся структурой; *2* – участок ткани со следами от иглы; *3* – участок ткани с остатками железных предметов; *4* – фрагмент железного предмета на одном из участков ткани; *5* – общий вид изнаночной стороны правой нижней детали кошелька после частичной расчистки

1

3



2



4

Рис. 6. Детали кошелька и его содержимого
1 – астрагал после извлечения из кошелька и очистки; *2* – фрагмент металлического предмета из слоя заполнения кошелька; *3* – правая верхняя деталь кошелька после окончательной очистки; *4* – фрагмент железного предмета на изнаночной стороне правой верхней детали кошелька

Рис. 7. Кошелек после реставрации

5. Кроме того, при исследовании левой части верхней детали кошелька со стороны мерьи (лицевой) наблюдалась выпуклость, образованная неким объемным предметом, находившимся внутри кошелька (рис. 6: *3*). При микроскопическом исследовании детали со стороны бахтормы (изнаночной) был выявлен (помимо оттиска соответствующей выпуклости на лицевой стороне) оттиск, заполненный окислами железа. На одном конце фиксировался неразложившийся фрагмент железного предмета. В целом с изнаночной стороны оттиск читался как след от предмета широкого и довольно объемного на одном конце и сильно зауженного и менее объемного – на другом (рис. 6: *3, 4*). Общая длина предмета по отпечатку с изнаночной стороны составляла 9,5 см. Длина широкой части (по выпуклости с лицевой стороны) – около 4 см, ширина – 1,5 см. Узкая часть предмета (по оттиску с изнаночной стороны) в длину достигала немногим более 4 см, в ширину – 0,3–0,4 см.

Размеры металлической части предмета дают основание предполагать, что это было шильце на деревянной рукояти (остатки неразложившегося дерева и древесный тлен фиксировались в заполнении кошелька при микроскопическом исследовании). Косвенным тому подтверждением может служить наличие в кошельке куска воска с явными следами от протяжки нитей по нему. Как известно, воск использовался для вощения нитей при сшивании изделий из кожи. А шилья применялись для прокола отверстий для иглы на сшиваемых деталях.

Резюмируя результаты визуальных наблюдений и микроскопических исследований, можно уверенно сказать, что в кошельке находились предметы, используемые при пошиве (а возможно, для мелкого ремонта) изделий из кожи (рис. 7): воск, шильце, игла (возможно, несколько). Обнаруженные фрагменты железа и значительное содержание железных окислов в заполнении кошелька могут свидетельствовать о наличии в нем и других железных предметов.

Относительно шерстяной ткани можно предположить, что, скорее всего, в нее были завернуты все предметы (поскольку волокна, нити и мелкие фрагменты ткани прослеживались как на нижних, так и на верхних деталях с внутренней стороны кошелька, перекрывая остатки предметов, находившихся в нем).

Несколько непонятным остается присутствие астрагала. На нем не были обнаружены залощенные поверхности или следы от вдавлений, которые могли возникнуть в случае использования астрагала для разглаживания швов или вместо наперстка – для проталкивания иглы.

Литература

Beasley G. J., 1994. A possible creationist perspective on the Tyrolean (Oetztaler) ice man [Электронный ресурс] // Journal of Creation. Vol. 8, iss. 2. URL: https://creation.com/journal-of-creation-82 (дата обращения: 22.03.2022).

Gräslung A., 1940. Beutel und Taschen // Birka I. Stockholm. P. 141–145.

Wywrot-Wyszkowska B., 2008. Skórnictwo w lokacyjnym Kołobrzegu. XIII–XV wiek. Szczecin. 199 s.

* * *

Зубкова Елена Сергеевна, *Псков, Новгородская археологическая экспедиция МГУ, email: zuba.pskov@gmail.com*

Д. М. Добрин

Раннесредневековый инструментарий для взвешивания по данным археологических исследований в г. Пскове

Резюме. Статья посвящена описанию и анализу раннесредневековых инструментов для взвешивания (балансовые весы и гирьки к ним), найденных на территории города Пскова в результате археологических исследований. Для выявленных предметов излагаются итоги натурного обследования (описание, взвешивание). Определена датировка инструментария, выделены основные типы. Затрагивается ряд основных вопросов при изучении разновесов: о норме весовых единиц, лежащих в их основе, и об интерпретации инструментария для взвешивания в составе погребального инвентаря.

Ключевые слова: торговый инвентарь, инструментарий для взвешивания, весы, гирьки.

D. M. Dobrin. Early Medieval Weighing Tools according to Archaeological Research in Pskov

Abstract. The article is devoted to the description and analysis of early medieval weighing instruments (balance scales and weights for them), found on the territory of the city of Pskov as a result of archaeological research. For the identified items, the results of the field survey (description, weighing) are presented. The dating of the tools has been determined, and the main types have been identified. A number of basic questions are touched upon when studying weights - about the norm of weight units underlying them and about the interpretation of tools for weighing as part of the grave goods.

Keywords: trade inventory, weighing tools, scales, weights.

Изучение находок торгового инвентаря – одна из актуальных тем в археологии. На территории Восточной Европы данная категория изучена довольно хорошо. В Пскове такие находки заслуживали внимания только в контексте крупных археологических комплексов, в частности, речь идет о псковском некрополе X–XI вв.

К торговому инвентарю относятся инструменты для взвешивания, которые включают в себя весы и гирьки. По мнению исследователей, прием монет наравне со счетом подразумевал и их взвешивание, поэтому гирьки и весы рассматриваются как предметы, необходимые для определения веса серебра

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.64-73

при осуществлении торговых операций (*Жуковский*, 2022. С. 163; *Янин*, 2009. С. 193).

Миниатюрные бронзовые складные весы, используемые для взвешивания монет и их фрагментов, появились в Скандинавии и Восточной Европе в IX в., когда произошел большой приток серебряных куфических дирхемов. В Пскове было обнаружено 14 экземпляров весов и их деталей. Большая часть весов происходит из псковских некрополей X – начала XI в. В 1, 5, 6, 7 и 8 камерных погребениях Старовознесенского некрополя были обнаружены весы и фрагменты чашечек, в 5 и 6 погребениях они были помещены в футляры (*Яковлев*, 2016. С. 477–483).

По типологии Х. Штойера весы данного некрополя относятся к типу 3.1. Данный тип является наиболее распространенным на территории Северной и Восточной Европы. Эти весы начинают свое бытование со второй половины IX в., что согласуется с датировкой погребений в Пскове (*Steuer*, 1997. S. 21–33). По типологии Т. М. Берги, разработанной для находок с территории Латвии, весы из псковского некрополя соответствуют 1 типу, который датируется X в., что также совпадает с датировкой некрополя в Пскове (*Berga*, 1996. S. 51–55). М. О. Жуковский относит их к группе I и датирует второй половиной X – серединой XI в. (*Жуковский*, 2022. С. 55).

Еще один комплект весов был обнаружен на Мстиславском участке псковского курганного некрополя[1]. В одном из погребений были обнаружены равноплечные весы с двумя чашечками. Весы, в силу различных воздействий, разделились на две части. Железная стрелка не сохранилась. Основание восьмигранное, декорировано глазковым орнаментом. На плечах весов ближе к основанию имеется четырнадцатигранное утолщение и элемент глазкового орнамента. На концах имеются ребристые утолщения. На основании этих элементов орнамента мы можем отнести эти весы к типу 6 по Х. Штойеру, который сочетает как ребристые утолщения, так и четырнадцатигранные (рис. 1: *1*; табл. 1: *8*). Бытует он с конца X по начало XII в. (*Steuer*, 1997. S. 21–33). По типологии Т. М. Берги данные весы относятся к типу 3, бытовавшему в Латвии весь XI в. (*Berga*, 1996. S. 51–55). М. О. Жуковский относит подобные весы ко второй группе, которую датирует серединой XI – третьей четвертью XII в. (*Жуковский*, 2022. С. 66–67).

Помимо вышеуказанных находок весов с территории некрополей, в городском слое были обнаружены еще 8 коромысел или их фрагментов. Первое коромысло складных весов было найдено при раскопках на улице Ленина. Сохранилась основа со стрелкой и одно плечо. На плече два утолщения и два рельефных перехвата на конце (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. XLIX: *3, 4*) (табл. 1: *4*). Весы находились в слое перекопа, что затрудняет их датировку. Второе коромысло также выполнено из бронзы. Орнамент на плечах почти неразличим. Соотнести эти коромысла с какой-либо типологией не представляется

---

[1] Благодарим Е. В. Салмину и С. А. Салмина за предоставленную возможность изучить данный комплект инструментов для взвешивания.

Таблица 1

Параметры весов из городского слоя г. Пскова

№	Раскоп, № КП	Размеры	
		Длина плеча, мм	Длина основы, мм
1	Кремль-49, ПМЗ КП 2493/149, № оп. 149	57	22
2	Кремль-48, ПМЗ КП 2208/459, № оп. 266	50	–
3	Кремль-49, ПМЗ КП 2493/199, № оп. 199	67	–
4	ПЛ-82, ПМЗ КП 16017/163, № оп. 399	48	15
5	ПЛ-XIV-88, № оп. 238	66	47
6	ПЛ-XII-87, ПМЗ КП 36753/173, № оп. 208	40	19
7	П-Георг-12-II, № оп. 6	74	–
8	Мстиславский III	50	20

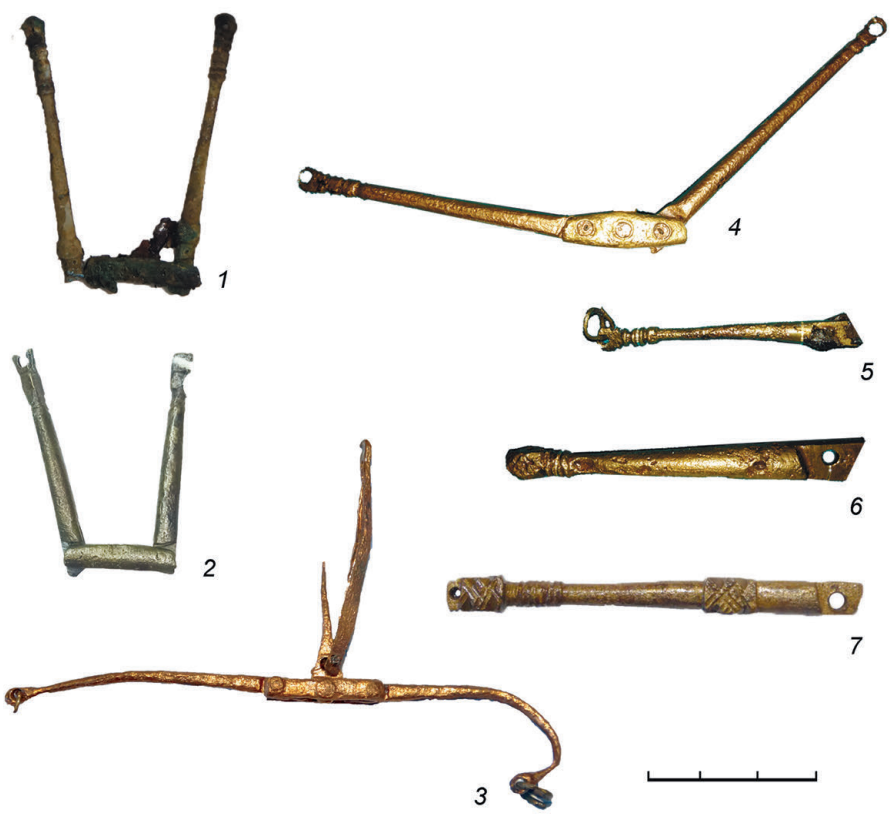


Рис. 1. Коромысла весов из г. Пскова. *1* – Мстиславский III раскоп; *2* – ПЛ-XII-87, ПМЗ КП 36753/173, № оп. 208; *3* – П-05-Бог-XXXIV № оп. 352; *4* – Кремль-49, ПМЗ КП 2493/149, № оп. 149; *5* – Кремль-48, ПМЗ КП 2208/459, № оп. 266; *6* – Кремль-49, ПМЗ КП 2493/199, № оп. 199; *7* – П-12-Геогр-II, № оп.6

возможным (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. XLIX: 5, 6) (табл. 1: *5*). Однако они обнаружены внутри сруба 12, который относится к 7 ярусу и датируется 80–90-ми гг. XIII – началом XIV в. (*Кулакова*, 2001. С. 131).

Еще одно коромысло из раскопок на улице Ленина имеет слабовыраженные рельефные перехваты и утолщения. Стрелка не сохранилась, основа неорнаментированная, соединена штифтами (рис. 1: *2*; табл. 1: *6*). Данные весы были обнаружены под настилом 7 яруса (80–90-е гг. XIII – начало XIV в.) (*Кулакова*, 2001. С. 131).

Следующее коромысло весов найдено в 2005 г. на раскопе Богоявленский-XXXIV. Его отличает ряд особенностей. Во-первых, основа имеет четыре грани, во-вторых, стрелка присоединена к основе на штифт, выступающий на теле основы, впрочем, как и штифты плеч, в-третьих, плечи не имеют перехватов, что встречается редко и выбивается из существующих типологий, в-четвертых, плечи складываются в обе стороны, в-пятых, весы выполнены целиком, даже стрелка, из цветного металла (рис. 1: *3*). Эти особенности позволяют нам предположить, что данные весы – узколокальный, возможно даже местный, вариант и достаточно грубо сделанный (на примере основы со штифтами). Также состояние весов говорит о том, что они активно использовались, так как плечи складываются во все стороны, что говорит об их износе.

На территории Псковского Кремля было обнаружено два плеча весов и одно целое коромысло. Целое коромысло выполнено полностью из бронзы, плечи и стрелка закреплены на штифтах. Плечи весов имеют рельефные перехваты (рис. 1: *4*; табл. 1: *1*). Данные весы относятся к 5 типу по классификации Х. Штойера (конец IX – середина XII в.) (*Steuer*, 1997. S. 21–33). Однако М. О. Жуковский относит подобные весы, основываясь на материалах древнерусских памятников, ко второй группе с датировкой серединой XI – серединой XIII в. (*Жуковский*, 2022. С. 53).

Два плеча весов имеют рельефные перехваты на концах, что тем не менее не позволяет соотнести их с какой-либо классификацией (рис. 1: *5, 6*; табл. 1: *2, 3*). Однако одно плечо сохранило фрагменты железного основания, что позволяет отнести его ко второй группе в классификации М. О. Жуковского (*Жуковский*, 2022. С. 53). Справедливо будет предположить, что основания и других индивидуальных находок плеч весов были выполнены из железа, которое разрушилось в культурном слое, что позволяет условно их относить ко второй группе в системе М. О. Жуковского.

Еще один фрагмент коромысла, а именно плечо, был найден на раскопе Георгиевский-II в 2012 г. Плечо хорошо сохранилось и имеет многогранное, орнаментированное утолщение в двух местах и 6 рельефных перехватов (рис 1: *7*; табл. 1: *7*). По типологии Т. М. Берги это тип V, датируется XI в. (*Berga*, 1996. S. 51–55). По типологии Х. Штойера плечо весов относится к 6 типу, датированному концом X – началом XII в. (*Steuer*, 1997. S. 21–33). Контекст находки позволяет датировать ее XI–XII вв., что совпадает с датировкой по типологии.

Для коромысел миниатюрных весов из городского слоя удалось определить основной период бытования в Пскове – вторая половина X – начало XIII в. Однако присутствуют находки из слоя конца XIII – начала XIV в.

Таблица 2

Результаты взвешивания некоторых гирек из г. Пскова

№	Раскоп, № КП	Вес, г	Кратность	Вес единицы, г.	Тип по Х. Штойеру
1	Кремль-47 №3, ПМЗ КП 2207/162, № оп. 63	39,1	5	7,82(3,91)	B4
2	П-88-Л-XIII, № оп. 391	37,62	5	7,524(3,76)	B1 früf
3	ПЛ-XVI-90, ПМЗ КП 30700/145, № оп. 173	37,2	–	–	–
4	П-84-Л-IX, ПМЗ КП 35472\614, № оп. 726	35,83	4\4	8,9(4,4)	B4
5	П-88-Л-X, ПМЗ КП 36550\720, № оп. 770	31,68	4\4	7,92(3,9)	B1 mittel
6	ПЛ-5-83, ПМЗ КП 28283\464, № оп. 525	10,25	–	–	B4
7	П-88-Л-XIII, № оп. 306	7,85	1\1	7,85(3,9)	B4

Выявленные типы инструментов в Пскове – типы 3.1, 5 и 6 по Х. Штойеру и типы 1 и 5 по Т. М. Берге. По классификации М. О. Жуковского в Пскове обнаружены весы обоих групп. Датировка находок по слою совпадает с датировкой соответствующих типов.

Другой важной составляющей инструментария для взвешивания являются гирьки. При раскопках в Пскове было обнаружено 20 разновесов различных типов. Самыми распространенными являются бочковидные и биконические железные гирьки в медной оболочке, их всего 17. Реже встречаются разновесы в форме параллелепипеда и куба, их 3, 2 и 1 соответственно. Из погребального инвентаря псковских некрополей X–XI вв. суммарно происходят 10 таких разновесов. Они обнаружены в составе инвентаря двух кремаций на территории Среднего города и двух камер Старовознесенского некрополя (*Малышева*, 2012. С. 70–72; *Яковлев*, 2016. С. 477–483).

Погребения № 9 и 57 некрополя на территории Среднего города содержали три разновеса. К инвентарю погребения № 57 относятся одна биконическая и одна бочковидная гирька. Бочковидная гирька декорирована пуансонным бордюром по периметру. Имеет пять точек кратности, соединенных S-образными линиями (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. L: *4*) (табл. 2: *2*). По классификации бочковидных разновесов Х. Штойера бочковидная гирька относится к типу B1 *früh*, который датируется концом IX – началом XI в. (*Steuer*, 1997. S. 44–49). Биконическая гирька не имеет орнамента, присутствует одна точка кратности (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. L: *5*) (табл. 2: *7*). По классификации Х. Штойера относится к типу B4 (конец XI – начало XIII в.).

Одна гирька была обнаружена в составе погребального инвентаря непотревоженного захоронения № 9. Она была найдена среди пережженных костей и сильно оплавлена, что позволяет предположить ее нахождение при погребенном во время сожжения. Из-за ее состояния определить форму не представляется возможным (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. L: *6, 7*). Семь гирек и один фрагмент были найдены в погребениях Старовознесенского некрополя. В женском погребении № 1 были обнаружены две сильно коррозированные

бочковидные гирьки. Знаки кратности на них не читаются. Имеется пуансонный поясок по периметру (*Яковлев*, 2016. С. 476. Рис. 1).

В погребении № 5 среди погребального инвентаря обнаружены остатки футляра с торговым инвентарем и детали весов. В футляре находилось пять целых гирек и один фрагмент. По форме они все бочковидные, коррозированы, что мешает их изучению. На одной гирьке, на верхней грани, читается один кружок – знак кратности. На двух гирьках виден пуансонный поясок. Из-за плохого состояния разновесов соотнести их с существующей классификацией не представляется возможным (*Яковлев*, 2016. С. 478. Рис. 4).

В городском культурном слое было обнаружено семь гирек. Пять их них происходят из раскопок на улице Ленина. Первая биконическая гирька обнаружена в 1984 г. на IX раскопе в пятне песка и обожженной глины. На ее гранях расположены две линии, пересекающиеся под прямым углом. На одной из граней находятся точки, появившиеся, вероятнее всего, в результате более позднего воздействия (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. L: *2, 3*) (табл. 2: *4*). Гирька относится к типу B4 (конец XI – начало XIII в.) по Х. Штойеру. Разновес обнаружен вблизи частокола, который, согласно отчетной документации, относится к 7 ярусу застройки и датируется, по данным дендрохронологии, концом XIII – началом XIV в. (1280-ые – 1320/21 гг.), следовательно, есть основания полагать, что и разновес попал в культурный слой в это время (*Кулакова*, 2001. С. 131).

Вторая гирька обнаружена в 1988 г. в культурном слое X раскопа на улице Ленина. По форме является бочковидным разновесом. На гранях имеются 4 точки кратности, периметр орнаментирован пуансонным бордюром, что позволяет отнести разновес к типу B1 *mittel* (середина X – начало XII в.) (Древнерусский некрополь..., 2012. Табл. L: *1*) (табл. 2: *5*). Разновес был найден чуть западнее сруба 39. Он относится к 10 ярусу, который датируется серединой – второй половиной XII в. (*Кулакова*, 2001. С. 117).

Бочковидный разновес из X раскопа 1989 г. на улице Ленина хорошо сохранился и имеет 11 точек кратности и пуансонный бордюр, что позволят его отнести к типу B1 *spät* (середина XI – середина XIII в.) (рис. 2: *1*). Обнаружен он перед срубом 64, который относится к 13 ярусу, датированному второй половиной XI в. (*Кулакова*, 2001. С. 112).

Другая находка гирьки была сделана на XVI раскопе на улице Ленина. Разновес, похожий на бочковидную гирьку, имеет одну грань, однако точки кратности не прослеживаются (рис. 1: *3*; табл. 2: *3*). Отнести его к нормированным разновесам можно только условно. Он найден под деревянным настилом двора, в слое песка и глины. Настил относится к 6 ярусу и датируется первой половиной XIV в. (1320-е – 1335 гг.) (*Кулакова*, 2001. С. 139).

Еще одна гирька обнаружена на V раскопе 1983 г. на улице Ленина. По форме она является биконической, находится в таком же состоянии, как и описанная выше. Грани выражены, однако точки кратности не прослеживаются (рис. 2: *2*; табл. 2: *6*). На основании формы ее можно отнести к типу B4 по Х. Штойеру. Данная гирька обнаружена в слое перекопа, что не позволяет установить ее датировку.

Рис. 2. Гирьки из городского слоя г. Пскова. *1* – ПЛ-X-89. ПМЗ КП 36591\506, № оп. 417; *2* – ПЛ-V-83. ПМЗ КП 28283\464, № оп. 525; *3* – ПЛ-XVI-90. ПМЗ КП 30700\145, № оп. 173; *4* – П-06-Изб-IX, № оп. 56; *5* – ПК-47. ПМЗ КП 2207\162, № оп. 63; *6* – П-17-МСТ-III № оп. 2191; *7* – П-17-МСТ-III № оп. 1168; *8* – П-17-МСТ-III № оп. 1844

Также на территории псковского Крома при раскопках 1947 г. обнаружена еще одна весовая гирька. Она находится в хорошем состоянии, что большая редкость для псковских разновесов. Грани имеют ровик по периметру, хорошо видны знаки кратности – 5 точек. Одна из граней имеет следы шлифовки (рис. 2: *5*; табл. 2: *1*). Разновес относится к типу B4 по Х. Штойеру.

Помимо территории Кремля и древней части Среднего города, разновесы находили в других частях города Пскова. Так, бочковидная гирька была обнаружена в 2006 г. на Изборском IX раскопе на Завеличье, в материковой яме, которая являлась погребальной. Керамический материал позволяет датировать погребение XI–XII вв. Сама гирька бочковидная, имеет утраты размером примерно с 1/4 гирьки. Одна грань сохранилась частично, другая утрачена. На сохранившейся грани хорошо прослеживается пуансонный орнамент, ввиду утрат не удается точно определить точки кратности (рис. 2: *4*).

Помимо бочковидных разновесов, в Пскове были обнаружены разновесы в форме куба и параллелепипеда. Их в Пскове 3 и они были найдены на Мстиславском III раскопе, 2 в форме параллелепипеда и 1 в форме куба. Разновес в форме куба имеет на грани 1 точку кратности, один разновес в форме параллелепипеда отмечен 2 точками кратности на одной стороне, третий разновес не имеет каких-либо отличительных особенностей (рис. 2: *6, 7, 8*).

Находки биконических и бочковидных разновесов из городского слоя имеют два четко выраженных периода бытования – вторая четверть XI – вторая половина XII в. и конец XIII – начало XIV в. (1290-е –1319/1320). Важно отметить, что датировка находок из Пскова не полностью совпадает с датировкой по типологии Х. Штойера. Зная относительную дату попадания находки в слой, мы можем утверждать, что бытование разновесов из Пскова закончилось несколько позже, примерно на полвека. Подобная ситуация отмечается и с новгородскими разновесами (*Жуковский*, 2022. С. 103. Табл. 5).

При изучении гирек важно провести их взвешивание. Всего было взвешено 7 бочковидных гирек из 17 (табл. 2). Взвешивание некоторых гирек оказалось бесполезным из-за их состояния, или же доступ к ним затруднен из-за нахождения на музейной выставке.

В историографии есть два подхода к расчету единиц веса гирьки. Первый подход принадлежит В. Л. Янину. Он считал, что знаки кратности на обеих гранях бочковидных и биконических гирек складываются и вес делится на сумму знаков (*Янин*, 2009. С. 193–204).

Другая точка зрения принадлежит М. О. Жуковскому. Он предлагает считать количество знаков кратности только на одной грани. При таком счете большинство гирек кратно 8-граммовому счету (*Жуковский*, 2022. С. 216).

Если считать вес псковских разновесов согласно первому подходу, то единица веса будет лежать в пределах от 3,76 до 4,4 г. Средняя единица веса равна 3,9 г. В. Л. Янин назвал норму веса в 4,0–4,1 г и 4,87–5,09 г и посчитал, что они являются удвоенным весом северной куны (2,05 г) и ногаты (2,56 г). Отсюда видно, что единица веса псковских гирек приближается к общерусской норме по В. Л. Янину.

Если же подойти к взвешиванию гирек с другой позиции и не суммировать знаки кратности на гранях разновесов, то единицы веса гирек будут лежать в интервале от 7,524 до 8,9 грамма, среднее значение 8 граммов. По мнению М. О. Жуковского, в основе весовой системы лежала единица, равная 8 г, а вес сферических гирек ориентирован на скандинавскую весовую систему эртуг – эре – марка, где вес скандинавского эртуга равен 8–8,8 г.

Один из важных вопросов при изучении торгового инвентаря заключается в интерпретации последнего в составе погребального инвентаря. В 7 из 88 погребений псковского некрополя X–XI вв. (погребения № 9 и 57 из раскопов на площади Ленина, камерные погребения № 1, 5, 6, 7 и 8 Старовознесенского некрополя) были обнаружены весы и гирьки. Такая ситуация с предметами для взвешивания в составе инвентаря псковских погребений уникальна, так как на Руси за пределами Пскова весы встречаются в погребениях редко. В Гнездове всего 18 таких захоронений из более 1300 (*Жуковский*, 2022. С. 149).

В Тимеревском могильнике всего в 8 курганах из 472 есть весы (*Фехнер, Недошивина*, 1987. С. 70–89). При этом там захоронения гирьками преобладают над погребениями с весами. В Пскове же ситуация обратная – захоронения с весами (шесть погребений) преобладают над захоронениями с гирьками (одно погребение), а в трех были найдены и весы, и разновесы.

Наиболее вероятной кажется принадлежность людей, погребенных с весами, к социальной группе, связанной с княжеским двором. На это указывают подвеска со знаком Рюриковичей и большое количество серебряных вещей с чернением в инвентаре погребений Старовознесенского некрополя. Техника чернения на Руси появляется с X в., причем именно в княжеских мастерских. Учитывая, что захоронения были ограблены в древности, допустим предположение, что весы и гирьки могли быть и в других камерах (*Ениосова*, 2016. С. 518–558). Учитывая особенности денежного обращения на вес в данную эпоху, весы могли быть не только атрибутом торговли, но и инструментом для сбора дани. В таком случае нахождение инструментов для малых взвешиваний в мужских погребениях с оружием кажется наиболее логичным.

Что касается женских и детских захоронений с весами, в изученных погребениях Пскова они преобладают. И нахождение весов в таких погребениях можно объяснить этническими особенностями погребенных. В скандинавской традиции женщина имела право наследовать имущество отцов и распоряжаться им после замужества (*Стальсберг*, 1999. С. 158–163). Торговый инвентарь был необходим для ведения хозяйства в условиях весового оборота средств платежа, в качестве которых выступало серебро. В детских погребениях весы могли выступать как предмет, показывающий высокий социальный статус семьи.

На данном этапе изучения нами было обнаружено 34 предмета, относящихся к раннесредневековому инструментарию для взвешивания, происходящих с территории г. Пскова. Всю городскую коллекцию можно поделить на вещи из погребений и на предметы из городского слоя. Основной период их бытования – X – начало XIV в. Все находки по большей части укладываются в существующие классификации и находят аналоги в других регионах вплоть до Северной Европы. Единственное, что важно отметить, бытование некоторых типов инструментов для взвешиваний продолжается на Руси после их исчезновения в Европе. Единицы веса псковских гирек приближаются как к вычисленным В. Л. Яниным, который ориентировался на древнерусскую систему мер, так и к установленным М. О. Жуковским единицам, которые ориентированы на скандинавскую систему веса. Хотя обе системы кратны 4 граммам.

Инструментарий для взвешивания является маркером экономических отношений, но в погребениях он выступает и как маркер социальных отношений, указывая на высокий социальный статус и, в определенных случаях, на профессиональную принадлежность. При этом для скандинавов инструментарий для взвешивания показывает высокий социальный статус как мужчин, так и женщин. Поэтому, рассматривая весы и гирьки, мы говорим об их профессиональном применении, но в некоторых моментах понимаем их значение шире.

Литература

Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. II. Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История, 2016. 624 с.

Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. I. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). СПб.: Нестор-История, 2012. 300 с.

Ениосова Н. В., 2016. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб. С. 518–558.

Жуковский М. О., 2022. Инструменты и практики малых взвешиваний в Древней Руси (IX–XIII века). М.: Наука. 376 с.

Кулакова М. И., 2001. Динамика застройки Пскова X–XVII вв. по данным археологии, дендрохронологии и письменных источников: дис. ... канд. ист. наук. Псков. 372 с.

Малышева Н. Н., 2012. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб. С. 26–86.

Стальсберг А., 1999. Торговый инвентарь женских погребений эпохи викингов (субъективная интерпретация) // Stratum plus. № 5. С. 158–163.

Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология. № 2. С. 70–89.

Яковлев А. В., 2016. Торговый инвентарь из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. СПб. С. 476–483.

Янин В. Л., 2009. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур. 416 с.

Berga T., 1996. Saliekamie svariņi Latvijā (10.–13. gs.) // Arheoloģija un etnogrāfija. 18. laid. / Atb. red. A. Caune. Rīga. S. 49–61.

Steuer H., 1997. Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhundert als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 10. Köln. Bonn: Rheinland. 442 S.

* * *

Добрин Дмитрий Максимович, *Псков, Псковский государственный университет, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, e-mail: DimaDobrin2011@mail.ru*

Т. Ф. Прибурова

Массовый материал охранных археологических раскопов как источник получения дополнительной информации

Резюме. Статья посвящена некоторым проблемам изучения массового материала при проведении охранных археологических раскопок. Предлагаются некоторые варианты сохранения информации о состоянии культурного слоя локального участка города с помощью использования различных дополнительных методов исследования: реконструкция форм керамической посуды, изготовление макрошлифов. Создание расширенной базы данных о керамике, предметах из железа, стекла, органики, необходимых для дальнейшей работы специалистов.

Ключевые слова: охранные археологические раскопы, массовый материал, поздний археологический материал, технико-технологическое изучение керамики, реконструкция форм посуды, кирпичи в раскопе, археологическое стекло, шлаки, «неопределенные железные предметы», городское ремесло.

T. F. Priburova. Mass Material of Protective Archaeological Excavations as a Source of Additional Information

Abstract. The article is based on the author's field observations made during many years of participation in the field work of rescue excavations. Some conclusions are based on the experience of the use of experimental archeology methods, on the experience of assembling ceramic vessels, clearing iron objects excluded from the category of individual finds. The experience of working with reporting materials related to the study of the topic of ceramic production in Pskov revealed a number of questions we would like to get answers to not only through direct participation in field work, but also with the help of working, reporting, written and graphic materials.

Keywords: protective (rescue) archaeological excavations, mass material, late archaeological material, technical and technological study of ceramics, reconstruction of pottery forms, bricks in the excavation, archaeological glass, slags, "indeterminate iron objects", urban crafts.

Культурный слой города Пскова является объектом культурного наследия федерального значения. С начала проведения археологических работ в Пскове археологи, архитекторы, историки неоднократно обращали внимание на необходимость бережного отношения к сложившейся исторической среде и изучения культурного слоя в условиях комплексной реконструкции города. Отмечая особенность культурного слоя Пскова, его нарушенность, связанную

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.74-93

с совпадением исторического и современного центра, И. К. Лабутина сравнивает его со старой рукописью: «Если допустить сравнение этого памятника с рукописной книгой, то книга будет не только без многих листов, но и каждый лист редко сохранится целым – порывы, обгорелости, выцветшие и размытые строки встретятся здесь и там. Отбросим ли мы эту книгу, предпочтя целый текст? А где найти т а к о й, подлинный и единственный целый? Историк будет бережен с тем, что сохранилось, порадуется редким полным листам, которые помогут понять книгу» (*Лабутина*, 1994. С. 21).

Охранные раскопы в городе должны предоставить максимальную информацию об исследованном объекте. «Чем большее количество хорошо проверенных и документированных данных будет известно по каждому сооружению, тем большие возможности получит исследователь для интерпретации памятника и определения его места и значения» (*Паспорт*, 2013. С. 49).

Проведение раскопов – вынужденная мера, приводящая к уничтожению культурного слоя. Можно перестроить дом, дорогу, если они сделаны плохо, но восстановить культурный слой после завершения археологических работ невозможно. Археологи первые и последние, кто может предоставить исчерпывающую информацию об истории освоения и использования конкретного исторического места.

Массовый материал – наиболее уязвимая часть археологических находок. В отличие от индивидуальных находок его осмысление производится единожды, изменить результаты сведений, занесенных в таблицу, невозможно. Поэтому именно полевой этап обработки массового материала требует особого внимания. Особенность современных охранных работ в городах с многолетним интенсивным археологическим изучением, наряду с традиционными организационными проблемами, осложнена потоком находок, которые не готовы вместить музейные фонды. В связи с чем часть предметов отсеивается на полевом этапе, оставляя следы лишь в статистических таблицах.

При проведении охранных раскопок, когда нет возможности «прирезки», а в глубоких и небольших раскопах площадь исследования неизбежно сокращается, иногда только тщательный анализ массового материала может помочь ответить на те или иные вопросы, связанные как с состоянием культурного слоя, так и с фиксацией следов производства. Так, при обнаружении объекта с большим количеством фрагментов посудной керамики традиционный статистический подсчет и составление керамических таблиц не всегда отвечают на вопрос о типе выявленного объекта: что это – часть жилой постройки, яма с производственным браком или помоечный комплекс? Механический подсчет фрагментов посудной керамики из ям 60 и 170 Климентовского 3 раскопа (2016 г.); из ям 23а, 52 Постниковского 1 раскопа (2017, 2018 гг.); яма 14 Ильинского 5 раскопа (2019, 2020 гг.) и из ямы 20 (г. Печоры, раскоп 3, 2020 г.)[1] показывает сходную картину ям, заполненных большим количеством осколков посуды, характеризующих помоечный комплекс. Однако попытка *сборки сосу-*

[1] Использован материал только тех раскопов, в которых автор принимала активное участие в руководстве полевыми работами.

дов показала, что только в двух из шести перечисленных случаев накопление посудных обломков происходило в результате систематической утилизации битой посуды в яме. В двух случаях большое количество фрагментов объяснялось сильной раздробленностью одного-трех сосудов, в других либо отражало процесс производства посуды, либо представляло своеобразный «клад» кухонной посуды, включающий набор от сковороды до горшков разного объема. Только анализ *всех частей сосудов* позволяет определить не только их количество, но и степень измельченности, следы бытового использования и производства. Сборка даже неполного профиля сосуда, практикующаяся в основном только при проведении исследовательских работ, значительно расширяет возможности создания более точной *графической реконструкции*. Сборка частей «поздней» посуды зачастую позволяет свести большое количество фрагментов к одному изделию.

Большой поток массового материала, не позволяющий очисть каждый предмет перед его подсчетом, может привести к искажению общей характеристики как хронологических рамок исследуемого объекта, так и специфики использования участка.

Возвращаясь к статистике посудной керамики, нужно упомянуть о распространенном подсчете «сероглиняных», «красноглиняных», «белоглиняных», лощеных фрагментов исходя только из *цвета поверхности* сосуда. Так, в число «белоглиняных» и «красноглиняных» фрагментов иногда попадают осколки с прокаленной поверхностью, образующейся при вторичном бытовом, то есть непроизводственном, «обжиге» и не отражающей ни степень ожелезненности использованной глины, ни тип обжига. При этом изделия из белой глины могут иметь как светло-терракотовый, так и серый, и черный цвет (*Васильева*, 2013. С. 186). То есть такая информация не отражает ни сырьевую базу, ни технологический процесс изготовления посуды. Формальный подход в определении цвета черепка без характеристики цветовых прослоев его излома снижает ценность сведенной в таблицу информации. Элементарный опыт, проведенный автором статьи, по обжигу глиняных образцов из псковской природной **серой** и печорской **красной** глины дал разные оттенки красного цвета поверхности. Обжиг проводился в разных температурных и временных режимах, в разных тепловых устройствах, воссоздающих условия окислительной среды (муфельная печь, полузакрытый очаг (надворная печь-времянка), костер), с различными минеральными и органическими добавками. Состав теста и температурный режим практически не повлияли на цвет поверхности. Лишь среда задымления, созданная в костре и очаге, незначительно отразилась на цвете поверхности и, в большей степени, на механической прочности изделий. В одних образцах, обожженных в костре, сохранилась остаточная пластичность, которая проявилась в частичном размывании поверхности после замачивания, другие (оказавшиеся в зоне огня) обожглись хорошо, до «звона». Экспериментальный обжиг фрагмента керамического штофа с зеленой поливой, с традиционным *серым* плотным тестом в муфельной печи показал изменение цвета теста с серого на красный (рис. 1). Это наглядно показывает, что цвет серых и черных черепков объясняется не столько составом и цветом

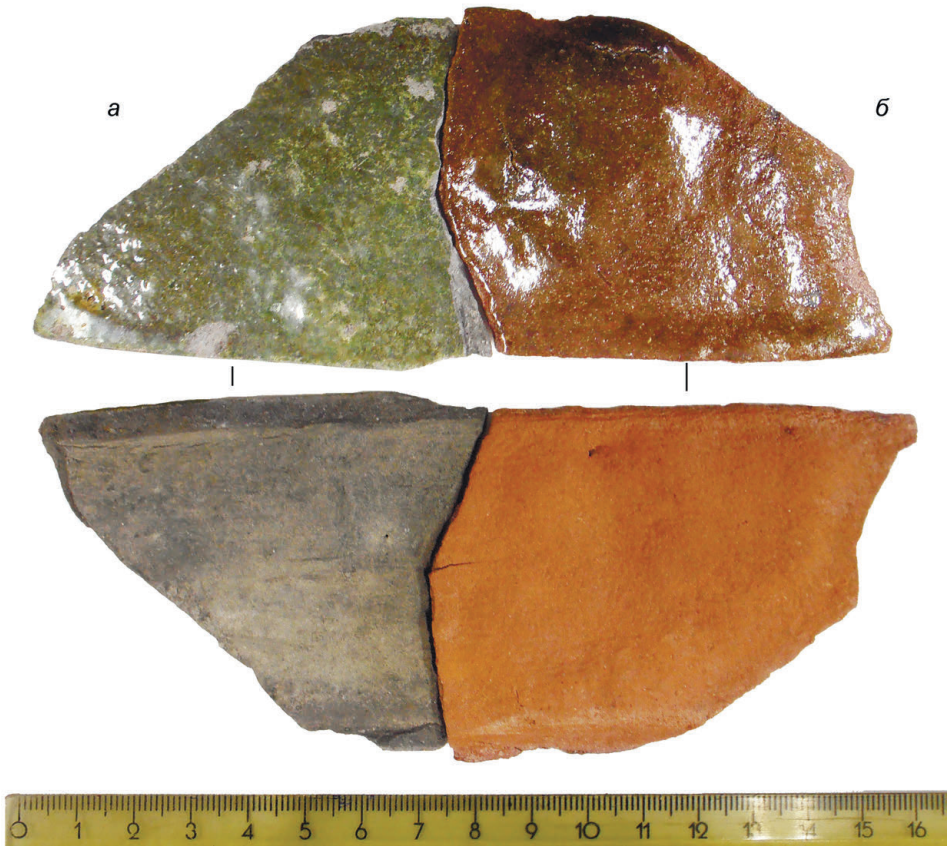


Рис. 1. Изменение цвета поверхности зеленополивного штофа с серым тестом (2 соединяющихся фрагмента):
а – вид без воздействия высоких температур; *б* – вид после вторичного обжига в муфельной печи при температуре 1100 градусов

исходного сырья, сколько созданием определенных технологических условий «закрепительной стадии» (*Васильева*, 2013. С. 185–187). То есть можно говорить только о том, что средневековые псковские гончары использовали **красножгущуюся** глину: как красную, так и серую, зеленоватую, «голубую». В связи с этим подсчет «красноглиняной» керамики в псковской археологической практике вносит дополнительную путаницу в характеристику массового материала. При подсчете лощеных фрагментов в статистической таблице в лучшем случае отражается лишь цвет поверхности: чернолощеные или серолощеные (что дает предположительную географическую привязку места изготовления). Сведения о «степени» лощения: частичное или сплошное (что уточняет хронологию изготовления предмета) – сохраняются лишь в том случае, если автор раскопа оформляет эти фрагменты в числе индивидуальных находок

в качестве примера использования «импортной» посуды. Кроме того, к «чернолощеной» керамике иногда причисляют осколки горшков с хорошо заглаженной поверхностью или с обваром. В таких случаях только свежий скол профиля может показать включения дресвы, не характерные для лощеных керамических сосудов[2]. На основе подобных статистических данных можно сделать ложный вывод о ввозе посуды из соседних регионов[3] или о поздних нарушениях культурного слоя. Некорректные определения цвета фрагмента оставляют исследователю возможность опираться только на *форму* верхней части сосуда – венчика, однако венчики не всегда сохраняются, а стенки после подсчета выбрасываются. При этом, как указывают исследователи, иногда изучение одной морфологической группы показывает различные способы ее изготовления (*Васильева*, 2013. С. 171). Не умещается в традиционные отчетные таблицы и информация о плотности черепка, особенностях формовочной массы, отражающих конкретный технологический процесс (а следовательно, и определенные хронологические, этнические рамки). С конца 70-х гг. XX в. на данный момент в России накоплен большой опыт изучения археологической керамической посуды. Прежде всего, это методика исследования технико-технологического анализа керамики, разработанная А. А. Бобринским, работы И. Н. Васильевой, В. Ю. Коваля и других авторов, эталоны-модели, хранящиеся в кабинете истории керамики ИА РАН, экспериментальные разработки Самарского университета. Некоторые выводы и наблюдения керамологов, *с учетом региональных особенностей*, можно использовать и в обычной полевой практике. К сожалению, с помощью визуальной характеристики дать *объективную* информацию о типе обжига можно только в том случае, если рассматривается закрытый производственный комплекс с образцами «свежеобожженной» посуды или при изучении столовой и парадной керамической посуды, условия использования которой не предполагают многократное воздействие высоких температур. Более точную информацию можно получить при исследовании черепков «высокой механической прочности» (*Васильева*, 2013. С. 185). Образец, изготовленный из глины, не очищенной от естественных органических примесей, с большим количеством мелкозернистого песка, взятый на заболоченном участке 3 раскопа в Печорах, при обжиге приобрел светло-коричневый, бледно-желтоватый цвет и слабую механическую прочность, что сопоставимо с некоторыми образцами ранней псковской керамики. Естественные органические примеси выгорают уже при температуре 600 градусов, не влияя на цвет изделия, оставляя только поры. В то же время обугленные, не прогоревшие палочки и зернышки обнаруживаются и в керамике с кирпичным цветом излома, что может объясняться кратковременным воздействием высоких температур в процессе приготовления пищи или использованием сосуда в качестве столовой посуды. Эксперименты по изучению

[2] В данном случае рассматривается только лощение круговой позднесредневековой керамики, без учета вариантов лощения лепной посуды.

[3] Исследования археологов Пскова вопроса о возможном варианте изготовления местной «чернолощеной и серолощеной» посуды мне неизвестны.

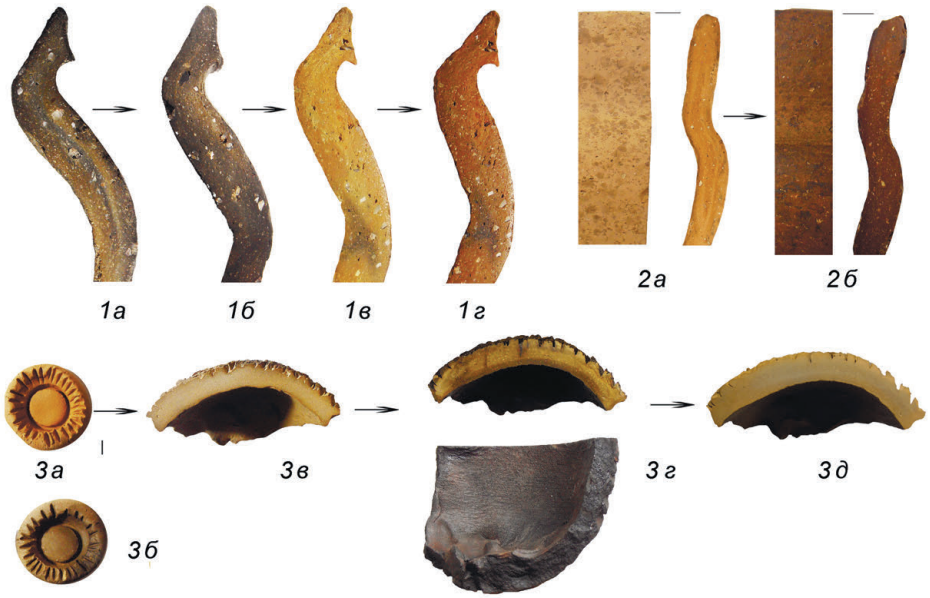


Рис. 2. Изменения цвета поверхности и излома в результате использования изделия: *1* – шлиф 174: *1а* – шлиф археологической находки; *1б* – после приготовления жирной пищи; *1в* – после выжигания на открытом огне; *1г* – после приготовления перловой каши. *2* – шлиф 257: *2а* – археологический образец слабообожженного изделия с остаточной пластичностью; *2б* – использование изделия без термической обработки (хранение растительного масла). *3* – фрагменты современной сувенирной продукции: *3а* – цвет изделия после свежего обжига; *3б, 3в* – после пребывания в костре; *3г* – после приготовления жирной пищи; *3д* – выжигание на открытом огне после приобретения черного цвета

изменения цвета поверхности и излома в процессе изменения условий *использования* экспериментальной и археологической продукции показали, что характерная для печного обжига «пятнистость поверхности» (*Васильева*, 2013. С. 185) может быть и приобретенным, вторичным признаком, отражающим использование сосуда на открытом огне при выгорании поверхностных слоев. При этом цвет поверхности может отражать все стадии изменения органических растворов (добавленных и приобретенных) от обугливания (черный, сажистый), до не полного выгорания (серый, зольный) и полного выгорания (терракотовый, прокаленный) (рис. 2). Керамика, имеющая светлый или терракотовый цвет после обжига, но низкую плотность, попадая в процессе эксплуатации в среду задымления, приобретает черный цвет поверхности. Четкость прослоев и цвет излома также изменяются. То есть так называемые органические растворы, сознательно вводимые в состав теста, визуально не будут отличаться от пропитки неглазурованной керамической посуды *пищевыми* органическими растворами. Приготовление жирной пищи в печи ускоряет процесс затемнения излома. После 3–4 подобных процедур цвет поверхности

и излом приобретают устойчивый черный цвет. При шлифовке черных черепков часто отмечается слабая механическая прочность, жирный блеск излома. При кратковременном приготовлении зерновых и молочных блюд изделие из красножгущейся глины приобретает коричневый оттенок (красноватый от ячменя (рис. 2: *1г*) и желтоватый от кисломолочных продуктов), при приготовлении рыбы образуются ржавые пятна. Таким образом, равномерный черный, темно-коричневый, темно-серый цвет поверхности и излома образуются и во время приготовления пищи в закрытых печах, без соприкосновения с огнем, после прогорания топлива. Приготовление пищи на открытом огне приводит к выгоранию поверхностных слоев, приобретающих бледный цвет в местах соприкосновения с огнем и задымленные зоны в верхней части сосуда. Высветленная, выщербленная внутренняя поверхность образуется при длительном использовании сосуда для кипячения воды или жидкой постной пищи. Пятнистая поверхность образуется и при сознательном выжигании нагара посуды с целью ее очистки после длительного использования. Выжигание керамической посуды является более щадящим способом ее очистки от плотного нагара по сравнению с «выскабливанием». Таким образом, фрагменты археологической посуды могут рассказать о типе используемого теплового устройства, о рационе и бытовой гигиене наших предков. То есть, рассматривая археологическую кухонную посуду, исследователь сталкивается *чаще всего* с режимом ее использования, а не производства.

Наиболее доступным и перспективным является изучение формовочной массы, поиск визуально определимого индикатора местной посуды. Формовочная масса относится к устойчивым культурным традициям определенного региона и сохраняется в течение тысячи лет (*Васильева*, 2013. С. 178). Традиции отбора тощих или жирных глин напрямую связаны с региональными особенностями сырьевой базы. Именно особенности сырьевой базы определяли складывание традиций состава формовочных масс, необходимость корректировки пластичности и температуры спекания исходного сырья. В одних регионах широко распространено моносырье, в других наблюдается использование смеси глин и введение добавок дресвы или шамота (Актуальные проблемы...; *Коваль*, 2009; *Васильева*, 2013). Консервативность в выборе исходного сырья и составе формовочной массы объясняется стремлением снизить процент производственного брака. Слабоожелезненные глины спекаются хуже, красножгущееся сырье может оказаться легкоплавким, что приведет к деформации формы уже во время обжига.

Изготовление макрошлифов верхней части сосуда с последующей фотофиксацией профиля позволяет дать визуальную характеристику цвета поверхности, особенностей его излома, плотности, состава теста в привязке к морфологическим признакам (рис. 3, 4). Наиболее удобным способом для дальнейшей работы по определению состава теста является сканирование, позволяющее более точно, чем фотографирование, определить размер и состав примесей. Опыт изготовления макрошлифов псковской и печорской керамики показывает возможность выделения региональных маркеров в составе теста (рис. 5). Так, по предварительным подсчетам, для псковской посудной

П-20-Печоры-3.

Е-3-109

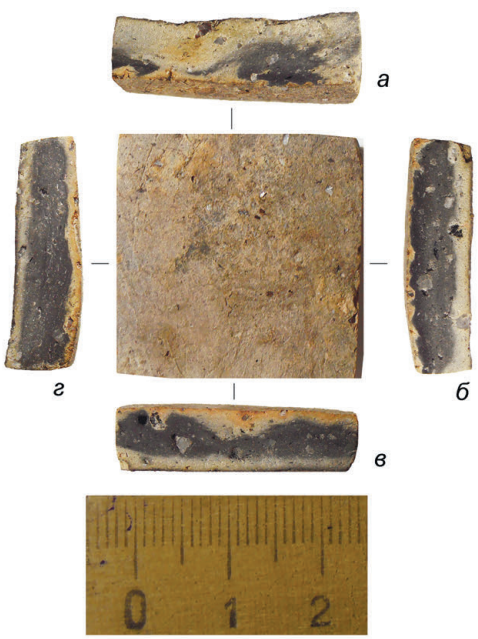
328 d неопределим

Толщина стенки 6–8 мм. Частичный скол внутренней поверхности. Цвет поверхности и излом черные. Внешняя поверхность заглажена, на поверхности слюда в виде чешуек и пыли. Минеральные включения значительные: крупный песок 0,5–1,5мм. Шамота нет.

Слабая механическая прочность, жирный блеск при шлифовке, черный равномерный цвет – **использование сосуда в закрытом тепловом устройстве, без соприкосновения с открытым огнем**.

Датировка по слою – XVI–XVII вв.

Рис. 3. Материалы фотокартотеки макрошлифов посудной керамики



П-20-Печоры-3.

Яма 105.

320.

Фрагмент стенки сосуда. Толщина стенки 6–8 мм.

Поверхность пятнистая. Цвет поверхности светло-коричневый, розоватый, бледный. Изломы четырех сторон фрагмента различаются:
а) пятнистое задымление прокаленной поверхности;
б) 3-хслойный излом: внешняя поверхность красно-коричневая, прокаленная с волнообразным краем. Середина темно-серая до черного с более светлыми пятнами;
в) 3-х слойный с большими перепадами мощности прослоев;
г) спокойный, 3-хслойный с темно-серой серединой.

Крупный кварцевый песок до 1,5мм, включения розовых минералов.

Пережженный сосуд, долгое время находившийся в костре

Рис. 4. Материалы фотокартотеки макрошлифов посудной керамики

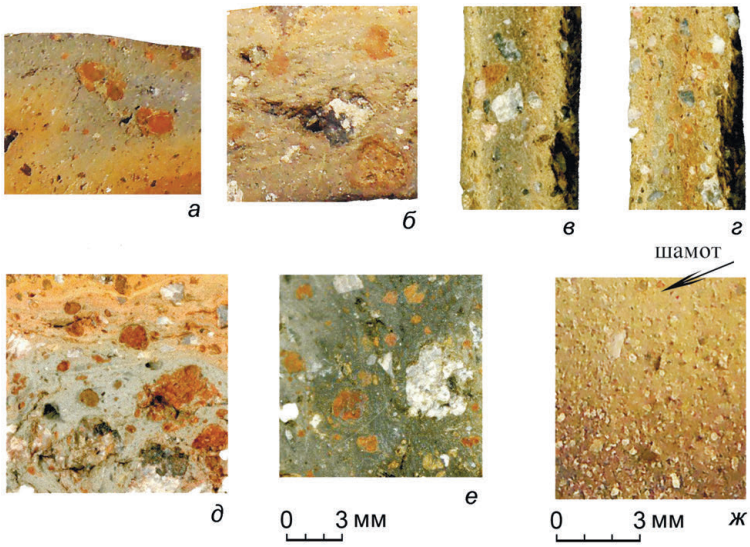


Рис. 5. Включения шамота в посудной и печной керамики из Пскова: *а* – фрагмент крышки зелено-поливного сосуда; *б* – фрагмент крышки неполивного сосуда – П-21-Зв-4 (XVI–XVIII вв.); *в, г* – фрагменты сосуда из ямы 14, П-19-*Ил*-5 (XI–XII вв); *д, е* – печные кирпичи из раскопа П-20-НБ-1; *ж* – включения измельченного до «муки» шамота в экспериментальном образце из красной глины, обожженном в печи-времянке

керамики характерно добавление шамота (30 из 50 –XI–XIII вв. (Ильинские 4, 5, 6 раскопы); и 9 из 10 – XVI–XVII вв. (КД-12, ЗВ-4). Для печорской керамики добавление шамота нехарактерно (5 из 180). В яме 14 Ильинского 5 раскопа (*Прибурова, Фисенко*, 2021) среди керамики XI–XIII вв. присутствуют фрагменты как с добавлением шамота, так и без. При этом тесто сосуда с высоким цилиндрическим горлышком из ямы 14 не содержит шамот. Визуальная характеристика макрошлифов подобных сосудов из Ильинского 4 и 6 раскопов позволяет определить данную особенность «не псковской» ремесленной традиции. То есть эти сосуды были либо привозными, либо изготовлены мастером, прибывшим в Псков из других мест[4]. Слабая механическая прочность сосудов, отслоение поверхности, черный цвет излома керамики XVI–XVII вв. из Печор, по сравнению с керамикой этого же периода из Пскова, позволяют отнести ее скорее к «домашнему», а не серийному типу производства, так как приготовление твердой пищи возможно и в сосудах слабого обжига. При этом бытовое накопление жирных пищевых растворов в толще горшка или сковороды способствует снижению влагопроницаемости, что делает возможным использование данного сосуда и для приготовления жидкой пищи.

[4] При воспроизведении (подражании) формы сосуда псковские гончары использовали бы собственный рецепт теста.

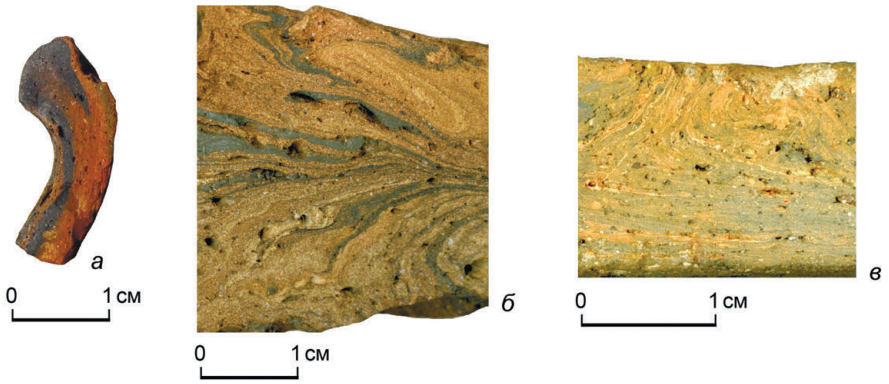


Рис. 6. Пережог изделий из красножгущейся глины с образованием камнеподобной массы, без шлакования: *а* – фрагмент зелено-поливного сосуда (Печоры3, шлиф 70); *б* – фрагмент кирпича с клеймом завода Викенгейзера в Псковской губернии (1895–1915гг.); *в* – фрагмент кирпича из ямы 97 в раскопе Печоры 3

Состав теста и плотность можно определить и без подшлифовки с помощью свежего слома. Слабая плотность сосудов, объясняющаяся низким качеством обжига, определяется и при помывке; процент содержания органики можно определить по проценту водопоглощения[5]. А вот пережог без образования пористой структуры, но с образованием «камнеподобной» массы в полевых условиях можно определить только в процессе подготовки макрошлифа. Подобные фрагменты как посудной, так и строительной керамики с трудом поддаются шлифовке, визуально определяются только по характерным «языкам» темных участков (рис. 6). Однако методы быстрой полевой фиксации являются сугубо индивидуальными и не способствуют накоплению *общедоступных* сведений. Систематическое накопление подобных сведений в виде электронной фото-, сканотеки позволит в дальнейшем с большей уверенностью анализировать те комплексы, в которых отсутствуют яркие хронологические маркеры, основываясь не только на авторитете полевого исследователя, но и на базе объективных физических характеристик. Определение региональных гончарных традиций позволяет обнаружить следы *иных* ремесленных технологий, выделить образцы, требующие дополнительных исследований. Сохранение макрошлифов наиболее типичных образцов дает в перспективе возможность привлечения узких специалистов для изучения технологических особенностей производства посуды того или иного региона (рис. 3, 4). На данный момент автором подготовлено 348 образцов посудной керамики (макрошлифы, электронная фотокартотека с описанием) из раскопа в Печорах в 2020 г., ведется работа по систематизации образцов посудной и печной керамики из раскопов

[5] Подготовка образцов и формула вычисления процента водопоглощения описаны в работе «Актуальные проблемы изучения древнего гончарства» под редакцией А. А. Бобринского.

Таблица 1

Описание образцов посудной керамики, подготовленных для изготовления макрошлифов

Комплекс	**№ п/п**	**Часть сосуда**	**Размеры изделия D (см), толщина стенки (мм)**	**Цвет поверхности**	**Включения**	**Максимальный размер фрагмента до изготовления шлифа (см). Примечания**	**Датировка по форме сосуда**
П-02-Покр-IX Яма 6	1.	В	d-18-20, 3–5мм	Т-к с нагаром. Сколы внутренней поверхности.	Дресва	7×4,5	
	2.	В	d/но, 6–7мм	С-к снаружи, черный внутри.	Шамот	6×6	

Сокращения к таблицам 1, 2 (*фрагменты таблиц, прилагаемых к коллекции образов посудной керамики*): В – венчик; н/о – неопределимый диаметр; т-к – темно-коричневый; с-к – светло-коричневый; т-с – темно-серый; с-с – светло-серый

Таблица 2

Вариант систематизации описания шлифов образцов посудной керамики

№ шлифа	**Характеристика слоя**		**Общее описание**			
230	Комплекс	Датировка	Поверхность	Излом	Включения минеральные, органика, шамот	Дополнительные сведения
	П-20-Печоры-III. Яма 29	Конец XV – первая половина XVI в.	Серо-коричневая Частичное отслоение внешней поверхности	Коричневый Неравномерный, зонный, с образованием 2-х, 3-х прослоев	Неравномерные включения дресвы, песка. Вытянутые по вертикали поры	диаметр сосуда (см) – н/о толщина стенок (мм) – 4–5мм сохранность *(до шлифовки)* – 2 фрагмента венчика 3×2см

в Пскове (П-19-Ил-5, П-20-НБ-1, П-21-Зв-4). Основную долю коллекции составляют образцы из красножгущейся глины, зеленополивная керамика, единичные – серолощеные и белоглиняные. Хронологические рамки – от XI до XVIII в. Образцы строительных и печных кирпичей – до XIX в.

Сохранению информации о массовом керамическом материале способствует и составление описания собранных в раскопе фрагментов (табл. 1, 2).

Подсчет керамических шлаков и ошлакованной посуды без детального осмотра также малоинформативен. Что может специалист-исследователь почерпнуть из статистических таблиц: количество обгоревших во время *локального пожара* сосудов или признаки *их производства?* Что привело к шлакованию: использование легкоплавких глин при быстром нагревании до температуры более 1000 градусов или присутствие в тесте тонкодисперсных органических добавок? Традиционные унифицированные таблицы не разделяют поверхностное

воздействие высоких температур и фрагменты сосудов керамзитного состояния, фрагменты с остекленевшей поверхностью. Не указывается и зона ошлакованности: верхняя часть горшка, край слома, внутренняя часть дна, которые могут указывать как на причины его повреждения, так и на производственные процессы, связанные с обработкой металла. Подсчет общего количества ошлакованной посуды без сохранения образцов не позволяет в дальнейшем сделать обоснованный вывод о причинах ее появления.

За десятилетия археологической практики в Пскове сложились определенные представления о состоянии культурного слоя в городе, выделены некоторые шаблонные маркеры «перемешанного» или позднего слоя. Одним из таких маркеров являются осколки кирпичей. Учет находок кирпичей состоит зачастую в упоминании их в качестве компонента культурного слоя. Отсутствие доступных, объемных залежей глины в Пскове затормозило кирпичное строительство[6]. Однако в археологической практике Пскова кирпичи как плинфяные, так и брусковые (большемерные и маломерные) находят и в слоях XV–XVI вв[7]. Основную долю этих находок составляют печные кирпичи, применявшиеся для выкладки пода и конструктивных элементов топки. В отличие от строительных печные кирпичи не подвергались воздействию атмосферных явлений, главным техническим условием к их изготовлению были показатели жаропрочности и способность сохранять тепло. Поэтому для их производства можно было использовать сырье в виде суглинков, что позволяло обходиться без сложных стационарных устройств по обжигу, необходимых для получения качественной продукции. Даже осколки печных кирпичей, обнаруженные в археологическом контексте, легко узнаются по естественным примесям дресвы, песка, обломков известняка, неравномерности обжига. Использовали псковичи и искусственные добавки в виде толченой керамики. Для сооружения печей в Пскове использовали и сырцовые кирпичи, «обжиг» которых осуществлялся в процессе эксплуатации теплового устройства.

Первое письменное упоминание термина «кирпич» (от татарского *kirpic*) зафиксировано в 1450 г. В XV в. кирпичи 5–6×16–17×26–30 см использовались для строительства церквей. С 1476 г. утвердился южно-европейский – «Аристотелев» – кирпич (6,5×12×28 см). В XVI в. большемерный кирпич, размеры которого сопоставимы с кирпичами Прибалтики (8–10×13–15×29–31 см), ис-

---

[6] Даже в XIX в. в Пскове частные гражданские постройки возводились в смешанной технике, с применением известнякового камня и кирпича. Несмотря на появление собственных кирпичных фабрик, до XX в. использовали и привозной кирпич (клейма Новгородских кирпичных фабрик).

[7] На Трупеховском 3 раскопе обнаружен развал изразцовой печи, в конструкции которой были использованы маломерные кирпичи. Автор отчета датирует печь рубежом XVI–XVIIв. (*Салмина*, 1998. С. 25). В яме 170 Климентовского 3 раскопа (рубеж XIV–XV вв.) зафиксирован развал печи, сложенной с использованием кирпичей (*Ершова*, 2016. С. 59–60). В Пскове, во владениях Снетогорского монастыря упоминается «Изба для изготовления кирпича» (*Голубева*, 1994. С. 129).

пользовался не только при возведении церквей, но и в крепостном строительстве (Нижний Новгород, Тула, Коломна, Смоленск (*Инчик*, 2006), маломерные кирпичи (4–5×10–12×20–21 см) использовались и в церковном строительстве (*Подъяпольский*, 2000. С. 59) и для печей (*Кренке и др.*, 2011. С. 323).

Методика датировки построек домонгольского периода по формату кирпичей на примере смоленских памятников была разработана П. А. Раппопортом (*Раппопорт*, 2013). В последние годы появилось много работ как архитекторов, так и археологов, посвященных методике изучения кирпичей, датировке и технологии производства (*Баранова*, 1996; *Инчик*, 2006; *Киселев*, 1990, *Кондратьев*, 2016; *Кренке и др.*, 2011; *Подъяпольский*, 2000).

Надежным основанием датировки кирпичей, обнаруженных в раскопе, как считают специалисты, является систематический сбор информации их размеров и состава формовочной массы. Если при датировке *архитектурных* объектов основная проблема заключается в «сложности выделения основного стандарта» (*Раппопорт*, 2013. С. 175) при наличии в одном сооружении разноразмерных кирпичей, то в археологической практике чаще всего сбор подобной информации осложнен фрагментарностью кирпичей. Методы, основанные на измерении длины и ширины кирпичей, разработанные архитекторами, редко можно использовать в археологии. Измерение только высоты (толщины) фрагмента кирпича не позволяет различить даже маломерные и плинфяные кирпичи. Измерение двух параметров осколка кирпича уже дает возможность для создания основы его дальнейшего изучения. Обобщая данные археологических находок кирпичей, можно выделить устойчивый отличительный признак, позволяющий уточнять датировку находок, – изменение пропорций соотношения высоты и ширины кирпича[8]. По данным Москвы и Подмосковья, до конца XV в. оно составляет 1:3, с XVI в. – 1:2. Соотношение высоты к ширине 1:4 и более характерно для плинфяных, или плинфообразных, кирпичей. Ранние брусковые кирпичи (*Раппопорт*, 2013. С. 194–199), имеющие соотношение, «близкое» к пропорции 1:2, дает погрешность от 4 до 7 см. Для определения региональных особенностей нужно собирать собственную базу. Полевые замеры кирпичей высотой от 4 до 7 см, сделанные на Зв-4, Мар-1 раскопах в Пскове и раскопе 3 в Печорах, позволяют выделить обе группы пропорций (табл. 3–5). С учетом технологических особенностей производства кирпичей (усадка, использование различных форм, ручная нарезка) допускается погрешность + - 1–2 см. Однако нужно учитывать возможность вторичного использования строительных кирпичей в кладке более позднего периода. Так, постройка с печью, сложенной в смешанной технике с применением большемерного кирпича, открытая в 1977 г. на ул. Школьной г. Пскова, датирована автором отчета по находке монеты 1776 г.[9]. Из таких же кирпичей была

[8] Обобщения носят предварительный характер с целью привлечь внимание руководителей раскопов к сбору информации, на основе которой можно будет проверить жизнеспособность предлагаемого метода.

[9] К сожалению, описание печи в отчете ограничено двумя строчками, без упоминания кирпичей. Размеры кирпичей восстановлены по полевым чертежам (*Плоткин*, 1977).

Таблица 3

Измерение кирпичей. Соотношение высоты к ширине. П-21-Зв-IV. Постройка 4, пласт 16–17. Руководитель раскопа Т. Ю. Закурина, замеры кирпичей Т. Ф. Прибуровой

№ образца	Высота (толщина, см)	Ширина (см)	Длина (см)	Пропорция (погрешность, см)	Тесто[10]. Примечания
1-5	5,5	12,2	?	1:2 (+1,2)	н/о
6	5,5	11,2	?	1:2 (+0,2)	н/о
7	5,5	11	?	1:2	н/о (включения камней до 2,5 см)
8,9	5	12	?	1:2 (+2)	н/о. № 8 – серый, плотный, оплавленный (пережог без шлакования)
10, 11,12	4,9	12	?	1:2 (+0,4)	н/о
13,14,15	4,7	12	?	1:2 (+0,8)	н/о
16	4,7	11,3	?	1:2 (+0,9)	н/о
17-21	4,6	11	?	1:2 (+0,9)	н/о. № 17 – вспучен, деформирован
22,23	4,5	11,7	?	1:2 (+1,8)	н/о
24,25	4,5	11,5	?	1:2 (+1,6)	н/о
26,27,28	4,5	12	?	1:3 (- 0,5)	н/о
29	4,4	12,2	?	1:3 (-1,2)	н/о
30	4,4	11,5	?	1:3 (-1,7)	н/о
31	4,2	12,5	?	1:3 (-0,1)	н/о
32-37	4,2	11,6	?	1:3 (-1)	32 – с зольной поверхностью
38	4	12	?	1:3	н/о
39,40	4	11	?	1:3 (-1)	39 – вспучен
41	4	17	Более 16	1:4 (+1)	н/о «плинфа» – плитка 4×17×17?
42	6	12	?	1:2	н/о, вспучен
43	6	13	?	1:2 (+1)	н/о, вспучен
44	6,6	13	?	1:2 (+0,2)	н/о

сложена и постройка в Довмонтовом городе, исследованная в 2009 г. (*Ершова*, 2009. С. 25–30). И в одном, и в другом случае размеры кирпичей соответствуют стандарту, введенному Годуновым – 31×12×8 см (31×13×9). *Табличный* вариант описи кирпичей, представленный в Приложении к отчету 2010 г., является самой удобной формой для дальнейших работ, упрощая задачу получения нужной информации в тексте отчета. На проблемы археологического изучения архитектурных памятников, приводящие к «невосполнимым потерям», неоднократно указывал П. А. Раппопорт (*Раппопорт*, 2013. С. 77). Возвращаясь к учету массового материала археологических раскопов, приведу пример подсчета

[10] н/о (неочищенное сырье с минеральными включениями), б/пр. (без визуально определимых примесей).

Таблица 4

Замеры кирпичей П-20,21-Печоры-III. Рук. раскопа С. В. Степанов, замеры Т. Ф. Прибуровой, Е. М. Васиной

№	Высота (см)	Ширина (см)	Длина (см)	Пропорция (погрешность, см)	Тесто	Комплекс, датировка
1	5	14	?	1:3 (+1)	н/о	Печоры-20, я. 23 – к. XVI – н. XVII в.
2	5,8	15	?	1:3 (-2,4)	н/о	Яма 94 – к. XVI – н. XVII в.
3	6,5	13	?	1:2	б/пр	Яма 2 – XVIII–XIX вв.
4	6,2	12	24	1:2 (-0,4)	б/пр	Печоры, основание водонапорной башни (н. XX в.)
5	6,5	13,5	24,5	1:2 (+0,5)	б/пр	Печоры, основание ц. 40 мучеников (ремонт 1817 г.)
6	5,2	15,2	?	1:3 (-0,4)	–	Печоры-21, я. 17
7	4,5	12,6	?	1:3 (-0,9)	–	Печоры-21, я. 17а

Таблица 5

Замеры кирпичей П-21-Мар-I. Соотношение высоты к ширине. Руководитель раскопа С. В. Степанов, замеры Е. М. Васиной

№	Высота (см)	Ширина (см)	Длина (см)	Пропорция (погрешность, см)	Комплекс
1	4,8	10,5	14	1:2 (+0,1):3 (-0,4)	пл. 11, уч. А
2	4	11,5	?	1:3 (-0,5)	пл. 11, уч. А
3	4	12	?	1:3	я. 1, уч. А
4	4	11	?	1:3 (-1)	я. 1, уч. А
5	4	11	?	1:3 (-1)	пл. 12, уч. Б
6	3,8	11,2	?	1:3 (-0,2)	пл. 15,уч. Б
7	3,8	11,2	?	1:3 (-0,2)	пл. 17, уч. Б
8	3,8	11,2	?	1:3 (-0,2)	пл. 17, уч. Б
9	2	4	11	1:2:3 (-1)	пл. 15, уч. В, сруб 2
10	4,7	10,7	?	1:2 (+1,3)	пл. 13, уч. Г

«кирпичей» в Печорах (раскоп 3, 2020 г.)[11]. При выявлении в нижнем горизонте темно-серого слоя (датирующегося рубежом XVI–XVII вв.) большого количества кусков обожженной глины, имеющих большую плотность, чем так называемая «печина» и «обмазка», при том, что некоторые обломки имели плоские поверхности, образующие прямоугольные грани, все фрагменты не посудной керамики при учете массового материала подсчитывались как «кирпичи». На участках с четким разделением зоны нарушения и темно-серого культурного слоя, на контрольных квадратах был произведен полный подсчет всех фрагментов «кирпичей». В результате получилась «неудобная» статистика: темно-серый слой и предматериковая супесь – 512 фрагментов,

[11] Подсчет «кирпичей» произведен в связи с отсутствием специалиста камеральной обработки массового материала с расчетом на то, что в дальнейшем можно будет определить более точно категорию данных находок. Обработка данных продолжается.

в зоне нарушения – 48 фрагментов. В связи с этим дисбаланс в соотношении количества «кирпичей» из заведомо поздних комплексов и из «чистого» археологического слоя представляется абсолютно неоправданным. Логичное объяснение может иметь два направления: 1) либо для нужд монастыря была заказана большая партия кирпичей, которую делали на месте; 2) либо «кирпичи» не являются кирпичами. В непосредственной близости к югу от раскопа находится церковь 40 мучеников Севастийских, перестроенная в кирпиче в начале XIX в. Однако слой максимальной концентрации «кирпичных» осколков датируется не позднее XVII в. Кроме того, размерные показатели из раскопа только в одном случае соотносятся с размерами кирпичей основания церкви (табл. 4. № 3, 5). Постройка 3-этажной кирпичной монастырской ризницы в 1687 г. хронологически ближе к датировке слоя, но площадка для расположения «кирпичного сарая» – места формовки и сушки кирпичей – находится на значительном расстоянии от строящегося объекта. В связи с этим для проверки второго предположения было взято более 100 образцов «кирпичей» для дальнейшего исследования. Предварительные итоги показали, что большая часть образцов оказались либо слабо обожженными (не доведенными до температуры спекания), либо просто высушенными. То есть большая часть обломков, учтенных на контрольных участках, является либо фрагментами сырцовых кирпичей, либо обмазкой или «печиной». Контрольная выборка всех фрагментов обожженной глины показала также зону их максимальной концентрации. Подсчет «обломков кирпичей» в Печорах является наглядным примером того, как вынужденное поспешное проведение охранных полевых работ может отразиться на выводах о состоянии культурного слоя на том или ином объекте.

Многие предметы оказываются вне поля зрения исследователей по причине невозможности хранения материалов, не представляющих интерес для экспозиции музея, и даже не попадают в отчетную документацию. Вещи плохой сохранности (прежде всего из органических материалов) в лучшем случае попадают в статистику. То есть «увидеть» их может только автор раскопа. Многочисленные изделия из кожи, бересты, дерева, войлока не сохраняются для узких специалистов даже в рисованном виде. В условиях ограниченных возможностей пополнения музейных фондов нагрузка на полевую обработку данных значительно увеличивается. Только от руководителя раскопа зависит: будет ли пополнен список *неопределенных* железных предметов или будут проведены работы по расчистке предметов, переведенных в категорию массового материала. При работе с коллекцией 1998 г.[12], когда в индивидуальные находки «брали все», именно *неопределенные* железные предметы, бесформенные куски окислов, прошедшие более чем 20-летний период так называемой «самореставрации», дали наиболее интересный результат: ключ от цилиндрического замка, ложковидное сверло, свистящая стрела из цветного металла, гарда клинкового оружия, фрагмент светца, вертлюжное кольцо и так далее. Кроме того, были обнаружены предметы с характерными признаками кузнечного производства:

[12] Плановая подготовка коллекции для передачи на постоянное хранение в фонды Псковского музея-заповедника.

бруски с обрубленными зубилом концами, заготовки изделий. В современных условиях проведения охранных раскопов многочисленные железные пластины, бруски, стержни, предметы так и остаются балластом, довеском к отчетной документации, не доходя до внимания специалистов. Так, в статистических таблицах указывается общее количество кованых гвоздей, но ничего не сообщается об их длине, форме шляпки и т.д. Часто все подковные, обувные, обойные, кровельные, корабельные гвозди определяются в одну графу «Гвозди кованные», снижая, таким образом, объем полученной информации. А графа «гвозди проволочные» может привести к неверным выводам о фиксации слоя нарушения или «перемешанности» культурных отложений, так как любой стержень круглого сечения в коррозированном состоянии может быть воспринят как «гвоздь проволочный». Предварительная расчистка «сомнительных» железных предметов, составление таблиц с их описанием или обычное фотографирование, создание фотокартотеки помогают сохранить информацию даже при отсутствии фондов массового материала. Те же самые выводы строятся иногда на статистике таких категорий находок, как «стекло оконное», «стекло посудное», «стекло бутылочное». Подсчет всех осколков стекла в лучшем случае не несет никакой информации, в худшем – приводит к искажению фактов. Пример изучения находок оконного стекла без применения дорогостоящих химических анализов представлен в статье И. И. Синчук «Оконное стекло XVIII в. по материалам раскопок в историческом центре г. Могилева» (*Синчук*, 2009. С. 445–459). Систематизация данных о толщине и размерах стекол, о форме и способе обработки края в привязке к конкретному архитектурному памятнику позволила автору представить внушительную подборку, которая не только является надежным источником датировки данной категории находок, но и представляет интерес для дальнейшего исследования. В частности, появляется возможность выделения в числе «оконного» стекла «мебельного» стекла.

Как уже отмечалось выше, в условиях непрерывного развития города, без длительных периодов запустения, очень трудно фиксировать следы производственных процессов. Многочисленные ямы и перекопы сменяющихся поколений разрушают картину первоначального освоения территории. Следы гончарных, металлургических мастерских и кузниц «растворяются» в массе бытовых находок. Несколько лучше распознаются следы косторезного ремесла, которое можно определить по наличию отходов, вплоть до скоплений роговой стружки[13]. Однако выявление инструментария косторезов также требует специальных знаний. Кроме того, как и все железные предметы, инструменты костореза плохо сохраняются не только по причине разрушения металла, но и в результате *исторического* сбора «металлолома», пригодного для дальнейшего использования.

Производственные комплексы, связанные с обработкой железа, не всегда выявляются не только по причине исключения многих железных предметов из категории индивидуальных находок ввиду плохой сохранности или так называемой «неинформативности», но и из-за отсутствия специалистов. Так,

[13] Полевые наблюдения автора статьи на Ольгинском 5 и Званницком 4 раскопах.

например, из девяти признаков железообрабатывающего производства, перечисленных А. Н. Наумовым на основе анализа сельских мастерских на Куликовом поле (*Наумов*, 2008. С. 43), в городских условиях может остаться 2–3 неспецифических признака. 1. *Наличие горна*. В городских условиях даже углубленное сооружение (не говоря уже о наземных) уничтожается подвалами, подполами и т. п. 2. *Металлургический шлак*. Отсутствие скопления металлургического шлака А. Н. Наумов объясняет уборкой территории: *«не во всех мастерских или рядом с ними присутствует железный шлак в большом количестве. Он вполне мог утилизироваться металлургами вне городских кварталов, где скученность усадеб и построек просто не позволяла создавать значительные скопления отходов производства»* (Там же. С. 139). 3. *Куски железной руды* не всегда определяются во время полевых работ: *«Не всегда археологи могут визуально определить вид того или иного материала. Металлургический шлак называют крицей, кузнечным шлаком, полуфабрикаты и заготовки путают с железным ломом или бракованной продукцией»* (Там же. С. 142). 4. *Фрагменты глиняных сопел*. Во-первых, как отмечает Наумов, не все горны имели сопла (Там же. С. 37), во-вторых, их отсутствие может объясняться утилизацией или повреждением. 5. *««Фрагменты гончарных сосудов с ошлакованной внутренней поверхностью» – следы использования керамики для производственных операций»* (Там же. С. 43). Как отмечалось выше, в статистике не отражается зона ошлакованности. 6. *«Повышенное содержание костей животных на территории производственных зон – возможное использование их в качестве флюсов»* (Там же). Для городских раскопов очень сомнительный признак, так как отражает множественные бытовые процессы. 7, 8. *Железный лом и лом цветного металла, полуфабрикаты, заготовки* в статистике массового материала часто «унифицируются» – подгоняются под соответствующую графу таблицы, превращаясь в лучшем случае в «стержни» и «пластины» без каких-либо отличительных признаков. *9. Наличие признаков и объектов смежных ремесел, в частности гончарного*. Следы гончарного производства в слое, массовый материал которого максимально представлен осколками керамической посуды, в реальной археологической практике практически не улавливаются. А производственные объекты не сохраняются по той же причине, что и железоплавильные горны. В отдельных случаях следы гончарного производства в городе можно определить только по сохранившимся ямам с производственным браком или на участках с периодами длительного запустения или с исторической «консервацией», связанной, например, с перенесением дорог.

Таким образом, сохранение массового материала не в виде унифицированных отчетных таблиц, а в зарисованном, сфотографированном, описанном или в натурном виде дает возможность *не только автору отчета* сделать правильный вывод о состоянии культурного слоя локального участка города, но и помогает сохранить информацию *для узких специалистов*, расширяет возможность изучения городской бытовой культуры, может являться надежным источником изучения ремесел. К сожалению, иногда приходится сталкиваться с тем, что проблемы организации **охранных** археологических работ в городе с **тысячелетней историей** приводят к утрате информации, которую не всегда могут восполнить научные

раскопки периферийных участков, расположенных вдали от крупных городских центров. Недостаток внимания к деталям при проведении охранных археологических исследований может привести к тому, что роль археологии будет ограничена поставкой ценных экспонатов в музейные фонды. Кроме того, необходимо создавать условия не только для *накопления* массового материала, но и для привлечения *внимания специалистов*. Даже создание отдела хранения массового материала не будет иметь смысла без публикаций состава коллекций. В любом городе, где проводятся масштабные археологические раскопы, должен быть научно-исследовательский центр по обработке массового материала.

Выражаю благодарность руководителям раскопов П-21-Зв-IV – Т. Ю. Закуриной – и П-21-Мар-I – С. В. Степанову – за возможность использования полевых материалов.

Литература

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Под ред. А. А. Бобринского. Самара, 1999.

Баранова С. И. Первые московские здания из кирпича [Электронный ресурс]. URL: http://oldchest.ru/bricks/pervye-moskovskie-zdaniya-iz-kirpicha/(дата обращения: 21.08.2022).

Баранова С. И., 1996. Кирпич старой Москвы // Московский архив. М. С. 59–75.

Васильева И. Н., 2013. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIVвека Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья. Вып. 9. М. С. 168–191.

Голубева И. Б., 1994. Архитектурный ансамбль Снетогорского монастыря // Псков через века. СПб. С. 119–144.

Ершова Т. Е., 2009. Отчет о проведении археологических исследований в шурфах у Персей в Довмонтовом городе и Кремле, севернее Троицкого собора в 2009 году в Пскове // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1

Ершова Т. Е., 2016. Отчет об археологических раскопках в 2016 году в г. Пскове по адресу: ул. Красноармейская, д. 2 (Климентовские III–V, VII–IX раскопы). Т. 1–8 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1

Инчик В. В., 2006. Производство кирпича и строительство в Московском государстве в XVI–XVII вв. // Вестник гражданских инженеров. № 3 (8). С. 112–118.

Киселев И. А., 1990. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам. М.

Коваль В. Ю., 2009. Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии // Археология Подмосковья. Вып. 5. М. С. 142–151.

Кондратьев И. И., 2016. Московские круглые «надворные варочные печи». Второй сюжет из истории обогревательных устройств на Руси [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/27893604 (дата обращения: 21.08.2022).

Королева Э. В., 2001. Отчет об археологических исследованиях в г. Пскове в 2001 г. на ул. Профсоюзной, 16 (Печерский раскоп) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 25847, 25848.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Кудрявцев А. А., Лазукин А. В., 2011. Раскопки усадьбы XVI в. на месте дачи П. С. Полуденского в Кузьминках // Археология Подмосковья. Вып. 7. С. 323.

Лабутина И. К., 1994. От летописания не обретается воспомянуто... // Псков через века. СПб. С. 17–37.

Наумов Н. А., 2008. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – третьей четверти XIV века. Тула.

Плоткин К. М., 1977. Отчет об охранных раскопках 1977 г. в г. Пскове на ул. Школьной // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9319, а–в.

Подъяпольский С. С., 2000. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. № 1. С. 59.

Прибурова Т. Ф., Фисенко А. В., 2021. Предварительные итоги исследования углубленной постройки XI–XIII вв. на Запсковье (по материалам Ильнского-5 раскопа 2019 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 36. Материалы 66-го заседания (2021 г.). М.; Псков. С. 51–66.

Раппопорт П. А., 2013. Архитектура средневековой Руси: избранные статьи: к 100-летию со дня рождения / Отв. ред. О. М. Иоаннисян. СПб.: Лики России. 328 с.

Салмина Е. В., 1998. Отчет о раскопках в Пскове в 1998 г. на месте прокладки коммуникаций к дому 12 по Октябрьскому проспекту (Трупеховский III и Трупеховский VI раскопы) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1, № 21164, 21165.

Синчук И. И., 2009. Оконное стекло XVIII в. по материалам раскопок в историческом центре г. Могилева // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54-го заседания (2008 г.). Псков. С. 445–459.

Степанов С. В., 2021. Отчет о спасательных археологических работах на раскопе «Печоры-III» на месте строительства «странноприимного дома» и инженерных сетей к нему, в рамках завершения 3-й очереди гостиничного комплекса Псково-Печерского монастыря, на ул. Международной, в г. Печоры Псковской области, в 2020–2021 гг., на объекте культурного наследия федерального значения «Культурный слой Монастырской слободы»: в 2 т. Спасательные раскопки на месте строительства «странноприимного дома» в 2020 году (участки А–З). Псков.

* * *

Прибурова Татьяна Филипповна, *Псков, ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: tatyanapriburova@yandex.ru*

Т. А. Щукина

Еще раз о поясных накладках псковского некрополя X–XI вв.

Резюме. В 2017–2019 гг. в ходе работ на Мстиславских раскопах в Пскове изучен участок курганного могильника X–XI вв. и собрана значительная коллекция деталей ременной гарнитуры того же времени. В их числе была зооморфная накладка, найденная вне курганных насыпей в Мстиславском-III раскопе. Ей найдена аналогия в материалах курганного могильника Траповка в Северном Причерноморье, в погребении, определенном как печенежское.

Также, обратившись к вещевым коллекциям ранее изученных участков псковского некрополя X–XI вв., удалось расширить круг находок, связанных с художественной традицией Карпато-Балканского региона.

Ключевые слова: Псков, некрополь X–XI вв., поясной набор, Северное Причерноморье, Карпато-Балканский регион.

T. A. Shchukina. More about the Belt Plates of the Pskov Necropolis of the 10th–11th cc.

Abstract. During the work at the Mstislav excavations in Pskov in 2017–2019, a section of a burial mound of the 10th–11th cc. was researched, and a significant collection of the belt set details dated by that period was collected.

It included a zoomorphic overlay found outside the mounds in the Mstislavsky-III excavation site. An analogous overlay was found in the materials of the Trapovka burial mound, identified as a Pecheneg one, in the Northern Black Sea region. Besides, the study of things collections from previously excavated areas of Pskov necropolis of the 10th–11th cc., made it possible to expand the range of finds associated with the artistic tradition of the Carpathian-Balkan region.

Keywords: Pskov, necropolis of the 10th–11th centuries, belt set, Northern Black Sea region, Carpathian-Balkan region.

В 2017–2019 гг. в ходе работ на Мстиславских раскопах в Пскове был изучен участок курганного могильника X–XI веков (рис. 1) и собрана значительная коллекция деталей ременной гарнитуры того же времени. Это были как отдельные находки, так и целые наборы, открытые в погребениях. Удалось установить связь обнаруженных здесь изделий с болгарскими и волжско-булгарским производственными центрами (*Щукина*, 2019. С. 47; 2021. С. 214).

Долгое время не удавалось найти точных аналогий для необычной накладки, найденной вне курганных насыпей в Мстиславском-III раскопе (2017 г.)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.94-100

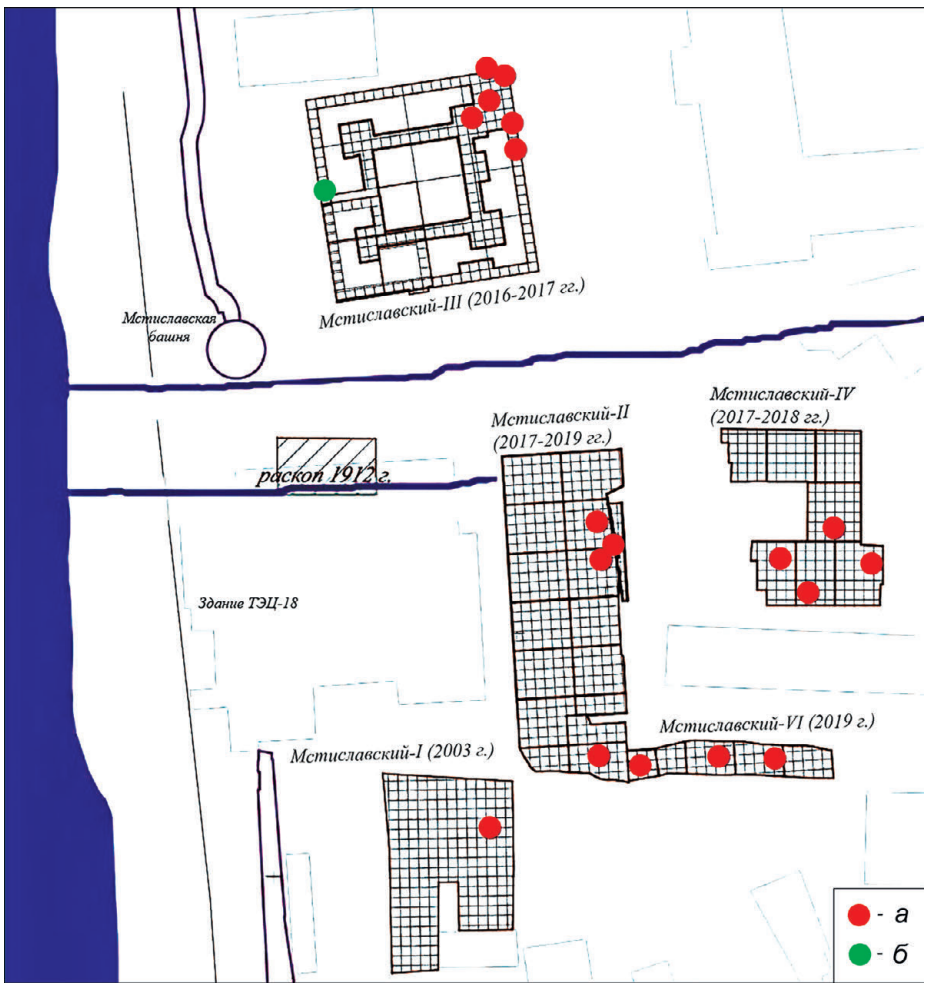


Рис. 1. Мстиславские раскопы 2003–2019 гг. (по: *Салмина, Салмин*, 2021. С. 196. Рис. 1): *а* – курганные насыпи; *б* – место находки зооморфной накладки

(рис. 2: *1, а, б*). Это крупная (размер: 3,1×2,9 см) пятиугольная выпуклая накладка из цветного металла с зооморфной личиной, с двумя ромбическими выступами сверху и снизу и рельефным ободком. Крепилась накладка с помощью 3 штифтов, однако в процессе использования один штифт был утрачен, и вместо него было проделано отверстие.

Аналогию к данной накладке обнаружилась в материалах курганного могильника Траповка в Северном Причерноморье, в погребении по обряду трупоположения, определенном как печенежское. В погребении также были найдены останки коня (*Орлов*, 1984. С. 25). Этот комплекс можно датировать X в. (*Комар*, 2018. С. 221–222). Поясной набор состоял из сердцевидных бляшек

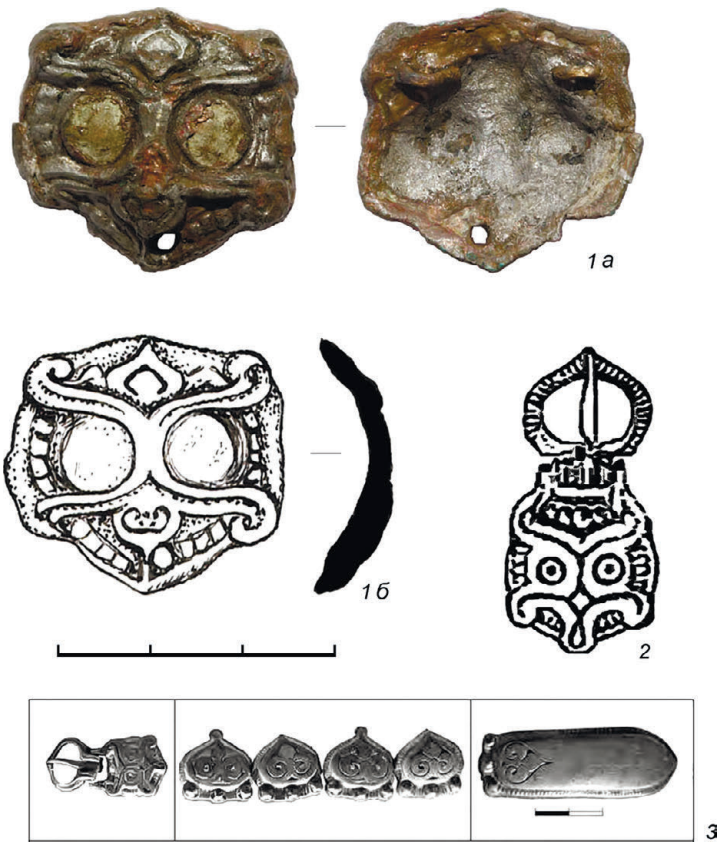


Рис. 2. Детали поясной гарнитуры. *1* – зооморфная накладка из Мстиславского-III раскопа, 2017 г. (*а* – фото, *б* – рис.); *2* – пряжка поясного набора из могильника Траповка (по: *Орлов*, 1984. С. 29. Рис. 4: *52*); *3* – поясной набор из могильника Траповка (по: *Комар*, 2018. С. 398. Рис. 82: *1–3*). *2, 3* – масштаб разный

двух видов – наконечника и пряжки – и был выполнен из серебра с золочением (рис. 2: *3*).

Бляшки двух типов мало различаются между собой: сердцевидные, с тремя выступами на широкой стороне, из них с выступом на остром конце – 13 экземпляров, без выступа – 18 экземпляров. На каждой бляшке и наконечнике в технике инкрустации серебряной проволокой выполнен мотив трилистника, вписанного в сердцевидную фигуру. Общей чертой всех деталей набора является каннелированный позолоченный бордюр (*Орлов*, 1984. С. 32).

Пряжка набора имеет пятиугольный щиток с выступами и декором в виде растительного побега и симметрично расположенных колец с точкой посередине (*Орлов*, 1984. С. 32).

Несмотря на иную интерпретацию орнаментального мотива, сходство этих двух артефактов очевидно (рис. 2: *2*). Случаи, когда для изготовления щитка

пряжки используется та же форма, что и для накладки, известны (*Комар*, 2018. С. 398. Рис. 82: *5–6*). К сожалению, нет данных о размере пряжки, но, скорее всего, она меньшего размера, чем псковская накладка.

В пользу определения псковской накладки как зооморфной можно привести следующие аргументы:

1. Трансформация растительного мотива в «личину», довольно часто встречающееся явление (*Комар*, 2018. С. 210).

2. Особенность декорирования накладки: «глаза» личины выделены с помощью металлического сплава иного цвета и состава (по определению Я. В. Френкеля и Я. Р. Урузаевой). Если бы мастер предполагал растительный орнамент, то такой акцент представляется излишним.

Поясные накладки из Траповки, по мнению С. С. Рябцевой, можно отнести к ремесленной традиции Карпато-Балканского региона (*Рябцева*, 2020. С. 176), и изготавливались они, по всей видимости, в местных мастерских (Там же. С. 177).

Это не единственное свидетельство наличия связи Пскова с Карпато-Балканскими производственными центрами: в том же году на Мстиславском-II раскопе в погребении по обряду кремации был найден целый поясной набор, имеющий прямые аналогии с изделиями, произведенными в мастерских Болгарии, а также широко распространенными в Карпато-Балканском регионе (*Щукина*, 2019. С. 47).

Е. В. Салмина и С. А. Салмин высказали предположение о том, что все открытые некрополи X–XI вв. в междуречье Великой и Псковы могут быть участками единого некрополя (*Салмина, Салмин*, 2021. С. 206) (рис. 3).

Сопоставление ременной гарнитуры, связанной с Карпато-Балканским регионом, и находок в материалах других участков псковского некрополя привело нас к поясному набору из погребения мальчика-подростка с топором из 5 камеры Подзноевского XII раскопа 2008 года (*Ершова*, 2016. С. 235), датированного второй половиной X в. (*Ершова*, 2016. С. 243).

Набор состоял из трех видов бляшек, наконечника, а также двух соединительных колец и двух обоймиц. Весь набор выполнен из цветного металла. Также в наборе была пряжка, фрагменты которой были видны на рентгеновском снимке монолита из погребения, но, к сожалению, ее не удалось сохранить, т. к. она прослежена лишь в виде солей металла (*Ершова*, 2016. С. 240).

В наборе из камеры 5 представлены накладки, аналогии которым широко известны на территории Волжской Болгарии и Древней Руси (*Ениосова*, 2016. С. 537).

Особый интерес вызывают восемь сердцевидных бляшек с ободком из крупных перлов, углубленной криновидной фигурой в центре и выступом по центру широкой стороны накладки (*Ершова*, 2016. С. 240) (рис. 4: *1*).

Рассматривая ряд накладок из материалов болгарских поселений и производственных центров и накладки из камеры 5, мы, хотя и не видим полного совпадения, не можем не заметить сходства форм и декора этих накладок (*Бонев, Дончева*, 2011. С. 276. Табл. XXXIV: *248*; *Плетньов, Павлова*, 2000. С. 235. Табл. XLIV: *777–779*; *Рябцева*, 2020. С. 175. Рис. 3: *16–18*), (рис. 4: *2, 3*). Основное отличие накладки из камеры 5 в том, что она имеет только один выступ

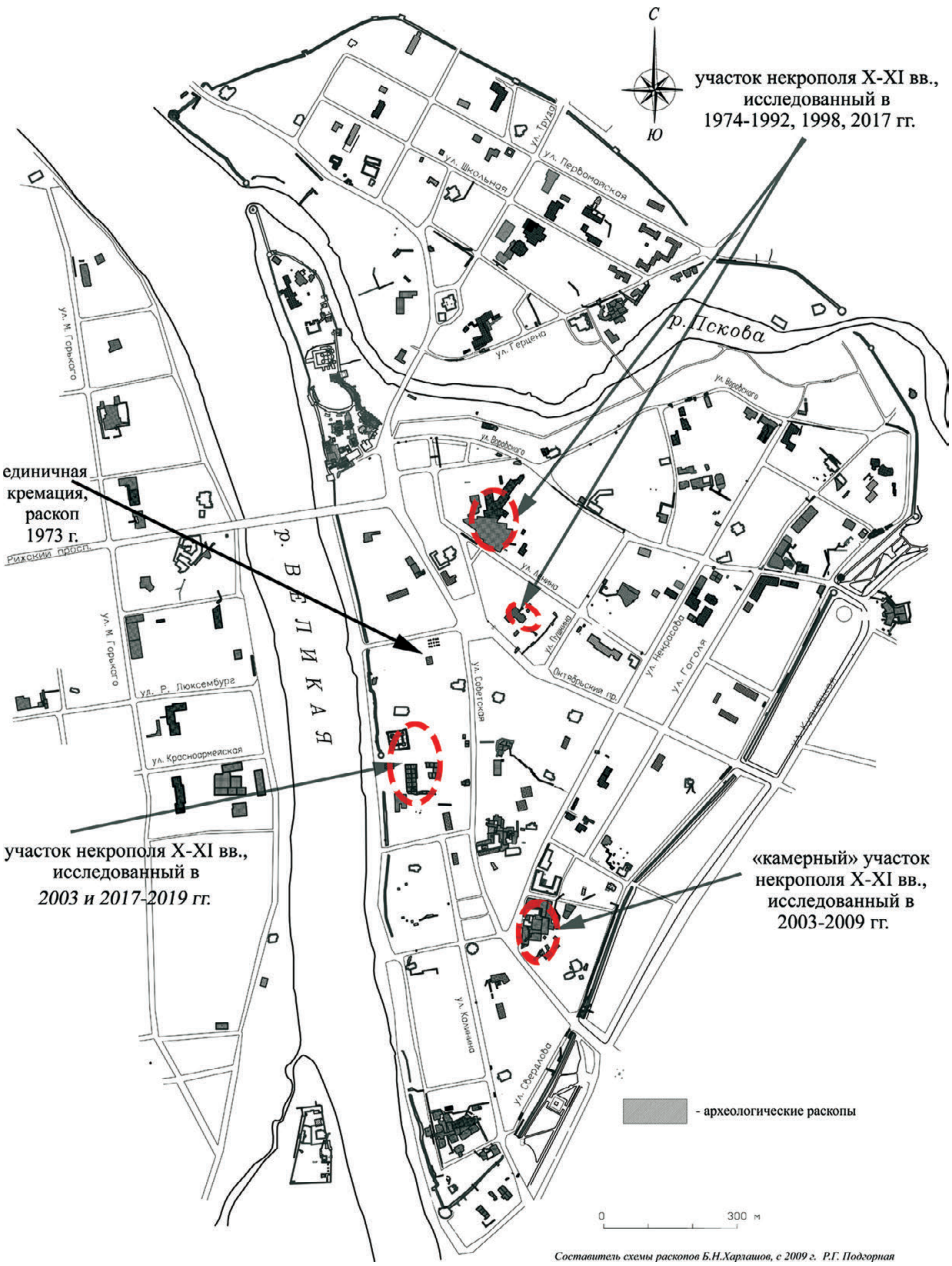


Рис. 3. Схема распространения погребений X – первой половины XI в. на территории Пскова (по: *Салмина, Салмин*, 2021. С. 205. Рис. 13)

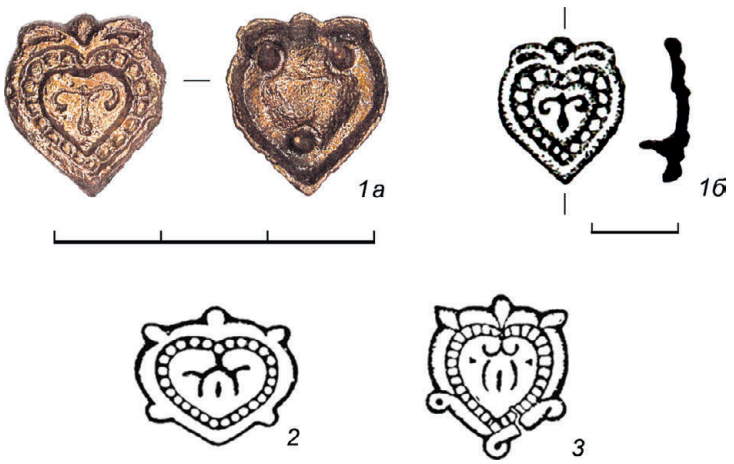


Рис. 4. Поясные накладки. *1а, б* – накладка из камеры 5 Подзноевского XII раскопа, 2008 г. (по: *Ершова*, 2016. С. 252), *2* – накладки из материалов археологических памятников Болгарии (по: *Рябцева*, 2020. С. 175. Рис. 3: *16, 18*). Масштаб разный

по краю накладки, тогда как у болгарских таких выступов пять, а также в более простой фигуре в центральном медальоне. Аналогии из болгарских поселений и производственных центров датируются первой половиной X в. (*Бонев, Дончева*, 2011. С. 104).

А. В. Комар, говоря о влиянии яркой торевтики Венгрии X в. на древнерусское ювелирное ремесло, отметил как характерную черту то, что древнерусские мастера, заменяя сложный черненый декор центральной части бляшек, создавали растительный декор довольно глубоким рельефом, а центральный медальон обрамляли псевдозерненым ободком (*Комар*, 2018. С. 215). Возможно, справедливо предположить, что таким же образом могло происходило и упрощение и иных декоративных мотивов.

Тогда можно предположить, что накладка из 5 камеры не имеет точных аналогий, при явном сходстве с изделиями болгарских мастерских, поскольку речь идет не об импорте, а о подражании.

Таким образом, удалось найти аналогию для зооморфной найденной вне курганных насыпей в Мстиславском-III раскопе и расширить круг находок, происходящих из материалов псковского некрополя X–XI вв., связанных с художественной традицией Карпато-Балканского региона.

Литература

Бонев С., Дончева С., 2011. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново: Фабер. 322 с.

Ениосова Н. В., 2016. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесен-

ского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: В 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История. С. 518–559

Ершова Т. Е., 2016. Камерное погребение 5 // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: В 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб.: Нестор-История. С. 235–256

Комар А., 2018. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции (Komar O. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei). Budapest: Martin Opitz Kiadó, PPKE BTK Régészettudományi Intézet, MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport. 426 c.

Орлов Р. С., 1984. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. № 47 / Відп. ред. Артеменко І. І., К.: Наукова думка. С. 24–44.

Плетньов, Павлова, 2000. Ранносредновековни ремъчни апликации във Варненския археологически музей // Известия на народния археологический музей Варна. Известия Варненского археологического музея. Вып. 30–31 (45–46) / Отв. ред. Александър Кузев. Варна. С. 24–240

Рябцева С. С., 2020. О находках деталей ременных и сумочных гарнитур с территории Карпато-Днестровского региона / A Kárpát–Dnyeszter régióból származó öv- és tarsolygarnitúrák díszítményeiről // Первый Молдо-Венгерский археологический круглый стол, посвященный вопосам раннего средневековья Восточной Европы Кишинев, l0–11 июня 2015 г. / Отв. ред. TÜRK ATTILA, BUDAI D. ADOR-JÁN O. PRAEM., Лилия В. Дергачёва. Budapest: BTK Magyar Ostôrténeti Kutatócsoport; Martin Opitz Kiadó; PPKE BTK Régészettudományi Intézet. С. 169–184

Салмина Е., Салмин С., 2021. Псковский некрополь X–XI вв.: Новые открытия и новые вопросы (по материалам Мстиславских раскопов 2016–2019 гг.) // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага / уклад. і навук. рэд.: М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск: Колорград. С. 195–208

Щукина Т. А., 2019. Поясной набор из погребения 3 (курган 1) на Мстиславском II раскопе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 34: Материалы 64-го заседания (10–12 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН. С. 39–47

Щукина Т., 2021. Поясной набор из погребения «мужчины с топором» X–XI вв. из Мстиславского раскопа в Пскове // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага / уклад. і навук. рэд.: М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск: Колорград. С. 209–214

* * *

Щукина Татьяна Александровна, *Псков, ФГБУК «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», e-mail: tanven@yandex.ru*

Ю. В. Колпакова

К атрибуции застежек типов «крючок-петля» и «замок-ключ» в псковских археологических коллекциях

Резюме. В статье приводится аргументация в пользу определения миниатюрных металлических предметов в форме ракушек как парных кафтанных застежек. Дается обзор находок различных застежек «крючок-петля» и «замок-ключ» из раскопок в Пскове, их аналогов по материалам Государственного каталога музейного фонда РФ и изобразительных источников позднего Средневековья и Нового времени.

Ключевые слова: Псков, застежки в форме ракушек, застежки «крючок-петля», застежки «замок-ключ», двухчастные разъемные пряжки, поясные пряжки.

Yu. V. Kolpakova. To the Attribution of «Hook&Eye» and « Lock&Key» Closures in Pskov Archaeological Collections

Abstract. The article provides a reasoning for defining miniature metal objects in the form of shells as paired kaftan closures. The article gives an overview of finds of various hook&eye and lock&key closures from excavations in Pskov, their analogues from the State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation and pictorial sources of late medieval and modern times.

Keywords: Pskov, shell-shaped closures, hook&eye closures, lock&key closures, two piece buckle, belt buckles.

Обращение к данной теме обусловлено разбросом трактовок, который возникает при анализе редких предметов из вещевых коллекций раскопок. Например, устойчивая традиция ложной атрибуции некоторых предметов как «книжных застежек» приводит к формированию недостоверных тематических подборок в музейных витринах либо в работах по истории быта. Обычные застежки для одежды из-за переусложненной трактовки символики формы оказываются определены как предметы культа.

Застежки типа «крючок-петля» в форме ракушек

При раскопках в г. Пскове найдено несколько миниатюрных металлических изделий в форме раковины морского гребешка с крючками и петлями (рис. 1: *1–3*). Эти немногочисленные археологические находки так же, как и изделия в форме капли с эмалевым декором (рис. 1: *5*), уже получали предположительную атрибуцию в контексте христианской культуры. Также выска-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.101-112

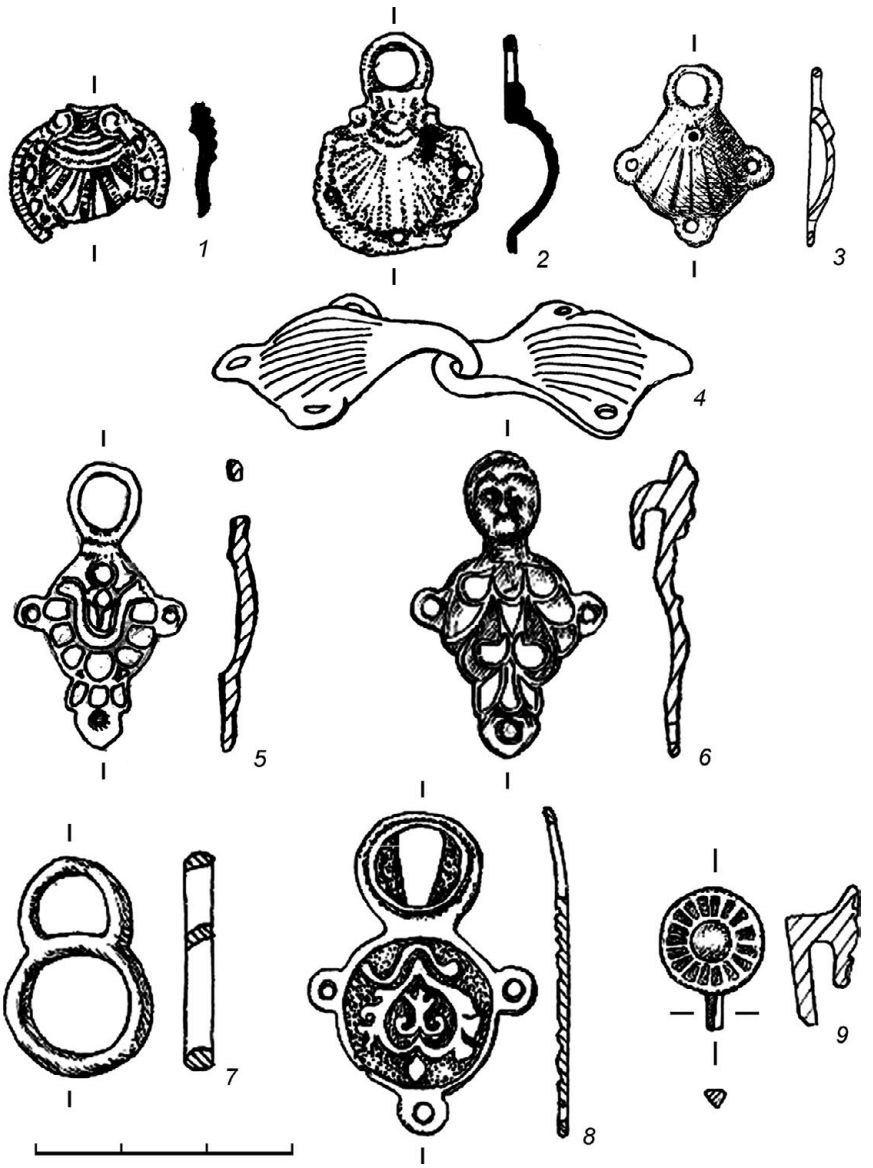


Рис. 1. Застежки типа «крючок-петля» из археологических раскопок в Пскове. *1–9* – цв. металл. *1–3*: застежки типа «крючок-петля» в форме ракушек (П-13-ЛУЖ III, № 11, А-11 (-207)-14, № 5; П-01-ПОКР III, № 274, А-9 (-177)-36, слой пожара, № 67; П-03-ПОКР XIII, № 126, Б-14 (-267)-49, № 2); *4* – схема застегивания «ракушек»; *5–6* – застежки типа «крючок-петля» с полихромным эмалевым декором (ПСРГ-I-75, ПГОИАХМЗ колл. 9052, № 10, Б1–35/7–185; П-17-СВ, № 1, 9 (-170)-1, № 1); *7* – недекорированная застежка типа «крючок-петля» (книжная застежка?) (П-18-ИЗБ XIV, № 6, И-16 (-314)-134, № 6); *8* – застежка типа «замок-ключ» с ушками для пришивания (П-18-МСТ IV, № 12, Б-23-1Н, № 5); *9* – «ключ» от застежки типа «замок-ключ» (П-18-СВ-VI, № 13, 1-7(-140)-2, № 21)

зывались осторожные предположения о связи иконографии подвесок в виде ракушек с паломническими жетонами.

На сегодняшний день основную проблему для хоть сколько-нибудь уверенной атрибуции этих вещей составляет тот факт, что все подобные находки из Пскова происходят из нарушенного слоя, связанного с горизонтами каменного строительства XVII–XVIII вв., и первоначальное происхождение и датировка вещей неизвестны.

В Пскове накладки в форме ракушки найдены на Лужском III раскопе в 2013 г. (П-13-ЛУЖ III, № 11, А-11 (-207)-14, № 5; рис. 1: *1*), на Покровском III раскопе 2001 г. (П-01-ПОКР III, № 274, А-9 (-177)-36, слой пожара, № 67) и на Покровском XIII раскопе 2003 г. (П-03-ПОКР XIII, № 126, Б-14 (-267)-49, № 2; рис. 1: *2, 3*).

Как можно наблюдать, у двух из трех предметов есть кольцевидное ушко, расположенное фронтально. Это в некоторых случаях и послужило причиной для предположений, что предметы являются крестовидными подвесками.

В музейных собраниях России есть десятки аналогичных предметов, которые позволяют прояснить предназначение псковских находок. Это парные нашивные застежки, на одной половине которых находится приемное колечко, напоминающее ушко, на второй половине – крючок, при застегивании заходящий в колечко (схема – рис. 1: *4*).

Полными аналогами «ракушкам» с тремя ушками для пришивания, а также с кольцом либо крючком являются 26 «кафтанных застежек», хранящихся в музеях Пермского края, Северного и Центрального Урала (4 экз.), Москвы (3 экз.), Новомосковска (2 экз.), Твери (8 экз.), Обнинска, Пензы, Каргополья (6 экз.), Кемеровской области, Кургана, а также в музее-заповеднике «Куликово поле» (Государственный каталог...). Надо отметить, что приведенная статистика в большей степени указывает на динамику изъятия археологического материала из незаконного оборота, чем на реальные зоны концентрации этих предметов.

К сожалению, в каталоге не публикуется аргументация музейных датировок предметов, а сами они дают широкий разброс от XI–XIII вв. до XVI–XVII вв., XVII–XVIII вв. и XVII–XIX вв. Археологические датировки имеет находка из Азова, происходящая из солдатской землянки эпохи русско-турецкой войны 1736–1742 гг. (Историко-археологические исследования...), находки из г. Кузнецка XVII–XVIII вв. (*Ширин*, 2018) и находка XVIII в. из поселения Саратовка-8 в округе Кузнецкой крепости (Поселение Саратовка-8...). Аналогичная половинка застежки происходит из подводных раскопок в районе Великого моста в Великом Новгороде (ВМ13–239)[1]. Учитывая археологический контекст известных нам находок, представляется логичным согласиться с группой более поздних датировок.

Сходны с имеющими три ушка для пришивания «ракушками» застежки аналогичной конструкции, также в форме ракушек, окантованных поло-

[1] Благодарю Айвара Владимировича Степанова за предоставленную информацию.

сой с целой серией отверстий. Такую форму первоначально имела и находка из Покровского III раскопа 2001 г. в Пскове (рис. 1: *2*).

Не менее 18 предметов данной разновидности происходит из коллекций музеев Северного и Центрального Урала (3 экз. в Уральском военно-историческом музее), Южного Зауралья (2 экз. в Курганском музее), Пермского края, Твери (2 экз.), Курска (3 экз.), Кузнецка, Москвы (4 экз.). Датируются данные застежки как XV–XVII вв., так и XVII–XVIII вв. (Государственный каталог...). На примере находки из Кузнецкой крепости можно наблюдать, что часть отверстий или углублений в ободке застежки могла использоваться не для пришивания, но и для размещения эмалевого декора (Изделия из бронзы...).

Некоторые из этих застежек имеют фигурно оформленные крючки с изображением человеческих лиц, а на некоторых антропоморфная композиция перенесена на место самой «ракушки» (Государственный каталог..., ТОКГ: КП-20119; КП-20115; ВИЭМ: КП 11261/72). Особо среди них надо выделить предмет из собрания Бежаницкого историко-культурного центра Философовых в Псковской области (Государственный каталог..., БИКЦФ: ОФ 1390).

Н. В. Жилина в своей предварительной публикации свода застежек Московской Руси относит застежки-ракушки к типу V (крючки) и типу III (петли) отдела 4. Находки происходят из раскопок А. Г. Векслера в Москве. По мнению Н. В. Жилиной, застежки отдела 4 предназначены для застегивания стыкующихся пол одежды (*Жилина*, 2015. Рис. 11. С. 236–237).

В целом надо отметить, что рассмотренные предметы всех трех указанных категорий изготовлены довольно топорно, качество проработки деталей низкое, материалом служит бронза, а иногда и сплав на основе свинца.

В связи с этим очень интересна серия изделий, которую отличает материал – серебро, часто с золочением, и более высокое качество отливки и проработки деталей. Все предметы (21 экз.) происходят всего лишь из двух музеев – Государственного исторического музея (ГИМ № щ 5355, № щ 53572, и др.) и Национального музея Республики Татарстан (НМРТ № КП-156728; НМРТ № КП-1020238 и др.) (Государственный каталог...). По этнографическим сведениям, они атрибутируются как «кафтанные застежки» в ГИМ и как «воротниковые застежки» в Татарстане.

Благодаря пробирным знакам изделия хорошо датированы концом XVIII–XIX в. и, в случае с вещами из ГИМ, атрибутированы ювелирным мастерским Киева. Среди них есть разновидности как с тремя ушками для пришивания, так и с фигурной «юбочкой» с серией отверстий, и с личиной на крючке. Примечательно, что личины на серебряных застежках ориентированы таким образом, чтобы находиться вертикально при горизонтальном положении застежки. На бронзовых изделиях личины расположены иначе. Тем же мастерским атрибутированы серебряные застежки «крючок-петля» в форме парных фигурок львов, иногда коронованных (ГИМ № щ 5260; ГИМ № 89032: 1, 2).

Некоторые серебряные изделия в форме ракушек дополнительно снабжены декоративными цепочками с фигурными звеньями (например, ГИМ № щ 177411). Звенья выполнены как из гладкой, так и из рубчатой проволоки, их

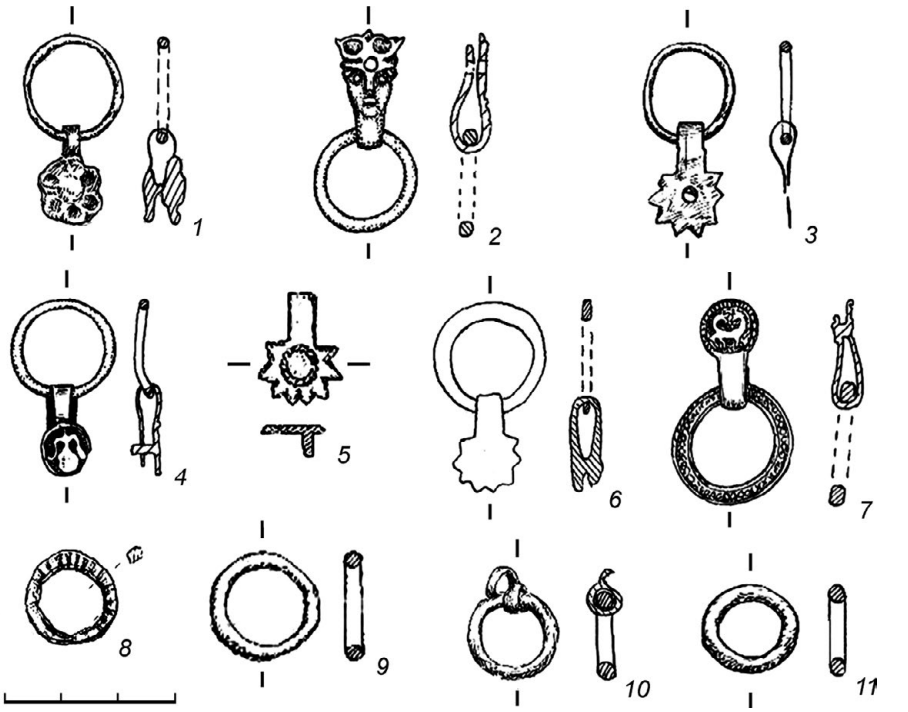


Рис. 2. Кольца и кольца с обоймицами, которые, предположительно, могут принадлежать застежкам «крючок-петля» из археологических раскопок в Пскове. *1–11* – цв. металл. *1* – П-11-НТ X, № 759, В-11 (-214)-63, № 1; *2* – П-13-НТ-XI, № 744, А-17 (-333)-37, № 12; *3* – П-18-СВ VI, № 257, З-11 (-204)-39, № 3; *4* – П-04-ВАС III, № 661, В-13 (-256)-66, № 11; *5* – П-18-ИЗБ XIV, № 67, И-18 (-352)-139, яма 35; *6* – П-16-КЛИМ VII, № 4, Б-6 (-106)-51, № 1; *7* – П-15-Покр XLIII, № 4, Б-9-10, № 1; *8* – П-99-БОГ XIII, № 221, А-4 (-80)-24, № 82; *9* – П-18-ИЗБ XIV, № 64, И–18 (-357)-134, яма 35; *10* – П-18-ИЗБ XIV, № 108, К-25-163а, № 3; *11* – ИЗБ XIV, № 73, И–18 (-350)-134, яма 35

размер и декор перекликаются с обликом колечка парных застежек. На большинстве цепочек соединителями между круглыми звеньями служат фигурные обоймицы в форме резного листа.

Сходные по размеру кольца с обоймицами есть в материалах раскопок из Пскова, содержащих поздние материалы: Васильевский раскоп (П-04-ВАС III, № 661, В-13 (-256)-66, № 11), Новоторговский X раскоп 2011 г. (П-11-НТ X, № 759, В-11 (-214)-63, № 1), Новоторговский XI раскоп 2013 г. (П-13-НТ-XI, № 744, А-17 (-333)-37, № 12), Покровский XLIII раскоп 2015 г. (П-15-Покр XLIII, № 4, Б-9–10, № 1), Климентовский VII раскоп 2016 г. (П-16-КЛИМ VII, № 4, Б-6 (-106)-51, № 1), раскоп на ул. Свердлова 2018 г. (П-18-СВ VI, № 257, З-11 (-204)-39, № 3), Изборский XIV раскоп 2018 г. (П-18-ИЗБ XIV, № 67, И-18 (-352)-139, яма 35) (рис. 2). Выявленные в псковских коллекциях обоймицы имеют разнообразную форму, и следует отметить возможную универсальность их применения, в том числе для крепления коле-

Рис. 3. Изображения застежек-ракушек в портретной живописи. *1* – портрет молодой тверской купчихи XIX в. из собрания Государственного исторического музея, художник неизвестен (по: *Ефимова*, 1989. С. 57. № 44); *2* – портрет купца И. Я. Кучумова, художник Д. М. Коренев (Ярославские портреты…, 1986. Рис. 25)

чек для подвешивания кожаных изделий. Но нельзя и исключить возможность принадлежности к застежкам «петля-крючок».

Сходное колечко с характерным рифлением есть в материалах раскопок у церкви Богоявления в 1999 г. (П-99-БОГ XIII, № 221, А-4 (-80)-24, № 82). Ввиду неясности его предназначения предположим лишь его возможную принадлежность к деталям застежек с кольцом и крючком.

В целом среди археологического материала встречаются и гладкие колечки подходящего диаметра (например, П-18-ИЗБ XIV, № 64, 73, № 108, в том числе найденные в одном контексте с одной из обоймиц), но, разумеется, утверждать об их однозначной принадлежности данному типу изделий уже сомнительно.

Особенно ценным для подтверждения принадлежности «ракушек» к элементам костюма являются свидетельства, выявленные историками костюма в образцах русской портретной живописи (*Ефимова*, 1989; *Жилина*, 2015; Ярославские портреты...) (рис. 3).

На портретах XIX в. молодой тверской купчихи и «молодой крестьянки в праздничном наряде Тверской губернии» мы можем наблюдать, как застежка в форме парных ракушек скрепляет декоративный тканый пояс, надетый

поверх праздничного сарафана (*Ефимова*, 1989. С. 57. № 44; рис. 2: *1*; *Жилина*, 2015. Рис. 12: *2а, 2б, 3а, 3б*).

Застежки-ракушки удалось обнаружить среди изображений мужского костюма в серии провинциальных портретов конца XVIII в. из Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. На мужском портрете купца и благотворителя И. Я. Кучумова кисти Д. М. Коренева три парные застежки с подвесными цепочками скрепляют разрез верхнего одеяния мужчины (Ярославские портреты..., 1986. Рис. 25; рис. 2: *2*). В данном случае изобразительный источник подтверждает их атрибуцию как парных кафтанных застежек. Заметим при этом, что застежки-ракушки в соответствии с этим источником могли использоваться и для запашной одежды.

Источник иконографии этих широко распространенных застежек неочевиден. На наш взгляд, не стоит отказываться от версии, что застежки в форме раковины морского гребешка тем или иным образом восходят к средневековым нашивным жетонам паломников аналогичной формы. Сходные предметы бытовали в Европе еще в XV в., возможно, и позже (*Spencer*, 1998; *Locker*, 2012. P. 104, fig. 8, Abb. 6: S 1–2; *Sawicki*, 2014. P. 113, ryc. 37: *b*).

Со временем, судя по всему, изделия теряют первоначальную символическую нагрузку, так как застежки в форме ракушек мы видим уже и на кольчугах из Турции XVII в., и на кафтанах русских солдат. Например, в своем обзоре сходных по типу крепления застежек В. М. Прокопенко приводит различные их варианты, например, на кольчуге из собрания Оружейной палаты в Дрездене (*Прокопенко*. Краткая история... Рис. 6.6).

По мнению Н. В. Жилиной, на распространение застежек в форме раковин мог повлиять и стиль рококо, что согласуется с датировкой находок из Москвы XVII – первой половины XVIII в. (*Жилина*, 2015. С. 237). Трудно согласиться с тем, что появление этих застежек связано со стилем, возникшим во второй трети XVIII в., однако более поздние серебряные изделия из киевских ювелирных мастерских весьма напоминают стилизацию под рококо и ампир.

Застежки типа «крючок-петля» с полихромным эмалевым декором

Аналогичным застежкам-ракушкам функционалом, вероятно, обладали накладки-застежки овальной формы с эмалевым декором. Из археологических материалов в Пскове происходит, по крайней мере, три подобных находки. Две из них условно составляют пару, необходимую для атрибуции застежки типа «крючок-петля», но не являются частями одного комплекта.

Это элемент с кольцом (петлей), который первоначально атрибутировался как подвеска (и даже как крестик или подвеска-иконка), из раскопок 1975 г. на Романовой горке (ПСРГ-I-75, ПГОИАХМЗ колл. 9052, № 10, Б1–35/7–185; рис. 1: *5*), его полный аналог из раскопок в палатах купца Поганкина (№ 1180; рис. 1: *6*) и элемент с крючком из раскопок 2017 г. на улице Свердлова (П-17-СВ, № 1, 9 (-170)-1, № 1; рис. 1: *7*).

Примитивной, неукрашенной формой такой застежки является конструкция из соединенных парных колец, найденная на Изборском XIV раскопе в 2018 г. (П-18-ИЗБ XIV, № 6, И-16 (-314)-134, № 6; рис. 1: *8*). Впрочем,

в силу неочевидности способа крепления кольцевидного щитка к основе нет твердых оснований однозначно утверждать, что последний предмет – не фрагмент книжной, обувной или не доспешной застежки.

Застежки типа «замок-ключ» с ушками для пришивания

Представляется, что застежки с ушками для пришивания, так же как «ракушки», служили для застегивания предметов одежды – мужских кафтанов или элементов женского сарафанного комплекса.

Одно из таких изделий происходит из материалов Мстиславского IV раскопа 2018 г. (П-18-МСТ IV, № 12, Б-23-1Н, № 5; рис. 1: *8*). Щиток почти круглый, украшен выпуклым растительным узором в виде розетки с расходящимися побегами. По трем сторонам от щитка – ушки для пришивания или заклепок, на четвертой стороне – приемная часть замка с трапециевидной прорезью. Заметим, что конструкция замка относится не к типу «крючок и петля», а ближе к типу «замок-ключ», где вторая половина запорного устройство представлена дисковидным изделием на изогнутой ножке или на подвижном креплении наподобие запонки. Диск продевался в прорезь и поворачивался декорированной стороной наверх, изогнутая ножка оставалась под прорезью, благодаря чему формировалось плоское соединение «в ключ» приемного кольца и «ключа». При раскопках поселения Белое Юго-Восточное в слоях Некрасовского селения 40–70-х гг. XVIII в. на правобережье Старой Кубани найдена и ошибочно атрибутирована как привеска аналогичная по устройству приемная часть от застежки «замок-ключ». Надо отметить, что и автор публикации отмечает, что «элементы сложных многочастных нашивных и подвесных украшений, встречающихся в составе адыгейского и ногайского костюмов» названы «привесками» условно (*Каргин*, 2016. С. 131–132, 185. Рис. 27: 19).

Верхней деталью «ключа» от подобной застежки может быть «пуговица» из разрушенного погребения в шурфе-1 2020 г. у Троицкого собора (рис. 4: 9). «Ключ» с дисковидным завершением на изогнутой ножке представлен находкой на раскопе 2018 г. на улице Свердлова (П-18-СВ-VI, № 13, 1-7 (-140)-2, № 21; рис. 1: *9*)

Аналог механизма застежки можно видеть на замке XVII в. от османской кольчуги из музея земли Гессен-Кассель, однако заметим, что для крепления подобных застежек к доспеху используются более серьезные конструкции (*Прокопенко*. Краткая история... Рис. 6.6: *а*). Псковская находка снабжена маленькими ушками для пришивания, что доказывает ее принадлежность костюму, а не доспеху.

Застежки типа «замок-ключ» с полым коробчатым щитком

В контексте истории застежек «крючок-петля» и «замок-ключ» интересна группа застежек, которые часто ошибочно атрибутируются как книжные. Это довольно крупные экземпляры с подвижным элементом застежки и со щитком преимущественно прямоугольной формы, иногда с фигурным краем, с рельефным изображением, иногда с эмалью. Конструкция застежки соответствует системе «замок – ключ», то есть состоит из двух совместимых круглых деталей, одна из которых имеет крестовидную или т-образную прорезь и углубление по форме второй.

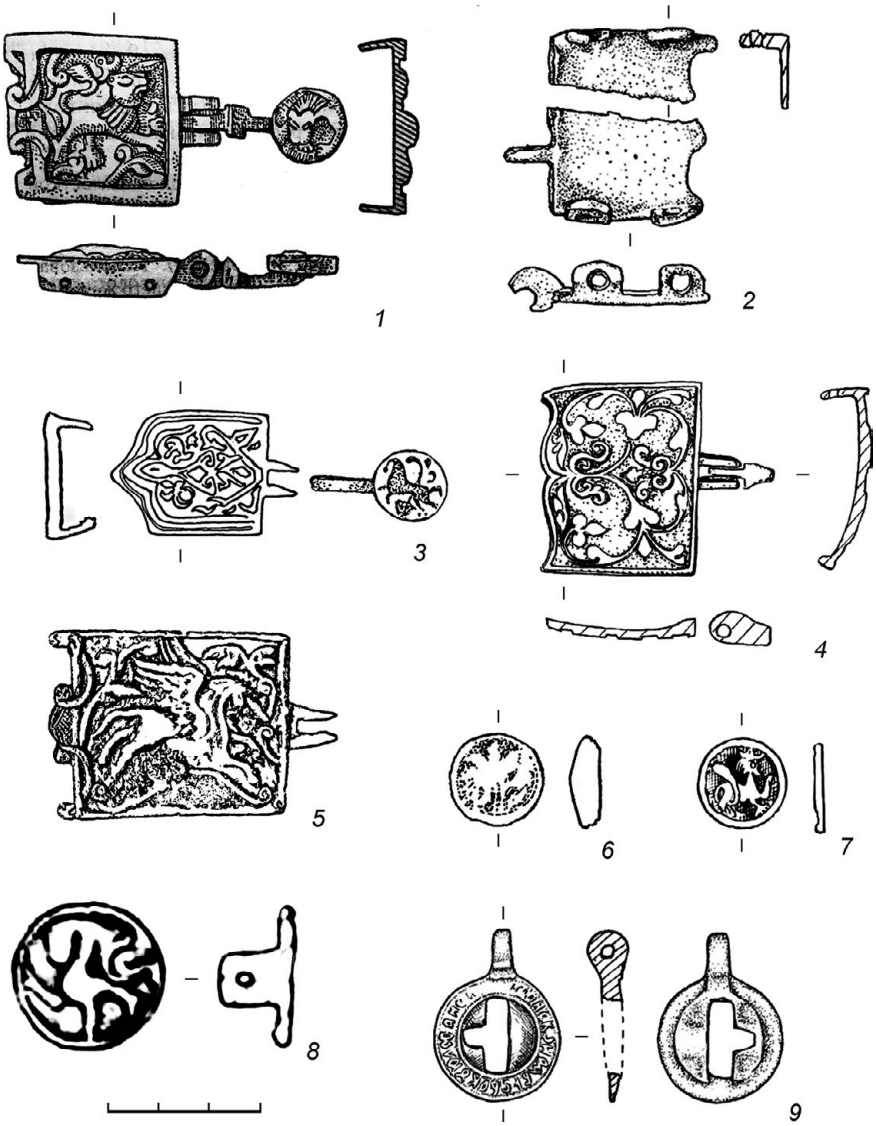


Рис. 4. Застежки типа «замок-ключ» с полым коробчатым щитком и их фрагменты из археологических раскопок в Пскове. *1–9* – цв. металл. *1* – П-67-ОГ, № 110, 8-В-38, цв. металл, эмаль; *2* – П-06-ОЛЬГ I, № 621, Г-157–6, № 14; *3* – П-14-ПЛ-ХХ, № 151, 14-7 (-128); *4* – П-18-ОГ-XI, № 17, 2-10 (-195)-21, № 3; *5* – ПП-V, № 738; *6* – П-08-ОЛЬГ V, № 323, Д-14 (-267)-109, я. 12, № 3; *7* – П-10-Петр VIII, № 247, П-3 (-56)-408, я. 102, № 25; *8* – Псков, 2020. Троицкий собор, шурф-1; *9* –П-08-ОЛЬГ VIII, № 2, 19 (-379)-4, №1

Впервые в псковской археологии подобная застежка была опубликована по итогам раскопок 1967 г. в Окольном города. Застежка имеет почти квадратный щиток, украшенный рельефным изображением зверя кошачьей породы, фон щитка залит светло- зеленой эмалью (рис. 4: *1*). Атрибуция застежки при публикации была снабжена знаком вопроса (*Лабутина*, 1994. Рис. 14. С. 40). На обложке выпуска 2 сборника «Археологическое изучение Пскова» изображение застежки было помещено на изображение книги чисто в декоративном ключе. В ссылках на публикацию знак вопроса при атрибуции исчез.

Аналогичные пряжки-застежки найдены в Пскове на Ольгинском I раскопе на Завеличье в 2006 г. (П-06-ОЛЬГ I, № 621, Г-157-6, № 14; рис. 4: *2*), на раскопе 2014 г. на ул. Ленина в древней части Среднего города (П-14-ПЛ-XX, № 151, 14-7 (-128); рис. 4: *3*), на раскопе 2018 г. в Окольном городе (П-18-ОГ-XI, № 17, 2-10 (-195)-21, № 3; рис. 4: *4*), при раскопках Поганкиных палат 2020 г. (ПП-V, № 738; рис. 4: *5*). Застежки из Среднего города и Окольного города имеют растительный орнамент, украшены горизонтально расположенными пальметтами, на щиток пряжки из Поганкиных палат помещено рельефное изображение пегаса.

Детали круглой формы с рельефным изображением, которые могут быть фрагментами подобных застежек (впрочем, как и пуговиц или перстней-печаток), найдены на Ольгинском V раскопе в 2008 г. (П-08-ОЛЬГ V, № 323, Д-14 (-267)-109, я. 12, № 3; рис. 4: *6*) и на Петровском VIII раскопе 2010 г. (П-10-ПЕТР VIII, № 247, П-3 (-56)-408, я. 102, № 25; рис. 4: *7*), а также при вышеупомянутой шурфовке стен Троицкого собора (рис. 4: *8*). Интересен декор круглых «ключиков» от застежек – на них встречаются стилизованные изображения львиной морды, скачущей лошади, зверя кошачьей породы в геральдической позе.

На Ольгинском VIII раскопе в 2008 г. (П-08-ОЛЬГ VIII, № 2, 19 (-379)-4, № 1; рис. 4: *9*) найдена приемная часть застежки «замок-ключ», в поле ошибочно атрибутированная как оправа образка. Обратим внимание, что данный предмет является лишь частью половины застежки, поскольку сам не имеет никаких приспособлений для прикрепления к основе. С помощью штифта и парных ушек он крепился к дополнительному щитку застежки. По периметру предмета располагается надпись или ее имитация.

Крепление коробчатого щитка с выступающими пластинами на изнаночной стороне непригодно для застежки книжных переплетов, а также неудобна сама застежка, которая требует поворота деталей в процессе застегивания и расстегивания. Об этом также писал в своем обзоре застежек В. М. Прокопенко (*Прокопенко*, 2019; Краткая история...). Внутри полого щитка с помощью серии штифтов зажимается край ремня или плотного тканого пояса. Застежка, таким образом, является двухчастной разъемной пряжкой.

Использование таких пряжек для пояса хорошо известно по изобразительным источникам и отражено в портретах шляхты и русского дворянства XVII в. Застежка пояса из двух щитков с фигурным краем и S-видного крючка хорошо видна на парсуне молодого Александра Меншикова кисти Михила ван Мюссхера, на портретах короля Сигизмунда III Вазы, ловчего ве-

ликого литовского Станислава Владислава Потоцкого и коронного канцлера Ежи Оссолинского. Застежка «замок-ключ» (двухчастная разъемная пряжка) с дисковидной деталью изображена на портрете кавалерийского полковника Станислава Потоцкого и, возможно, полных коронных гетманов Николая Иеронима Синявского и Мартина Казановского. На портретах встречается также вариант поясной застежки с коробчатыми щитками, но при этом с перпендикулярно к ним повернутыми крючком и петлей, а также застежки, похожие на эмалевые «крючок-петля» (портреты Эрнеста Денхоффа, Иеронима Ходкевича и краковского воеводы Костки Дембинского).

Пряжки со щитками могли застегиваться и просто с помощью S-видного крючка. Подобный крюк происходит из раскопок в крепости в Изборске, хотя и является более массивным и, возможно, предназначен для портупеи или колчана (*Артемьев*, 1998. Табл. 37. Рис. 7). Конструкции тех версий застежек, где используется массивный S-видный крючок, эволюционно связаны с устройством застежки сабельного портупейного подвеса (*Прокопенко*, 2014).

Подводя итог обзору застежек «замок-ключ», следует сказать, что функционал пряжек с подпрямоугольным щитком XVI–XVII вв. может быть определен только для застегивания поясов или портупей – либо с помощью дополнительного S-видного крючка или с помощью замка с прорезью.

В данном случае было важно выделить ряд известных находок и вернуть категории застежек-ракушек, нашивных застежек с эмалью и поясных застежек «замок-ключ» в поле истории костюма, где и находятся все связанные с ними реалии.

Литература

Артемьев А. Р., 1998. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток.

Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru (дата обращения: 22.08.2022).

Ефимова Л., 1989. Русский народный костюм / Гос. ист. музей. М.: Советская Россия. 311 с.

Жилина Н. В., 2015. Застежки в костюме Московской Руси (предварительный очерк) // Археология Подмосковья. Вып. 11. С. 227–253.

Изделия из бронзы, меди, серебра и свинца [Электронный ресурс] // Музей-заповедник «Кузнецкая крепость». URL: http://kuzn-krepost.ru/collections/kollektsii/arkheologicheskaya-kollektsiya.html?view=article&id=221&catid=9 (дата обращения: 22.08.2022).

Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. (вып. 30). Азов, 2018. С. 122–178.

Каргин Ю. Ю., 2016. Казаки-некрасовцы на правобережье Старой Кубани (по материалам охранных раскопок поселения Белое Юго-Восточное в 2014 г.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. № 8. С. 93–191.

Кафтанные застежки [Электронный ресурс] // Доноведение. URL: http://donovedenie.ru/blog/kaftannye_zastjozhki/2014-10-04-478 (дата обращения: 22.04.2023).

Лабутина И. К., 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков. С. 6–43.

Поселение Саратовка 8 [Электронный ресурс] // Музей-заповедник «Кузнецкая Крепость» https://kuzn-krepost.ru/collections/kollektsii/arkheologicheskaya-kollektsiya.html?view=article&id=429&catid=9 (дата обращения: 22.08.2022).

Прокопенко В. М. Краткая история застежек-крючков на Востоке (часть II – Восточная Европа) [Электронный ресурс] // Китаб Хона. Колодец знаний. URL: http://www.kitabhona.org.ua/costum_axess/obzorkruk2.html (дата обращения: 22.08.2022).

Прокопенко В. М., 2014. Сабельный портупейный подвес с крючком-застежкой. Восточная Европа, Османская Империя – XVI – начало XVIII в. // Історія давньої зброї. Дослідження 2014. Киев. С. 180–191.

Прокопенко В. М., 2019. Горизонтальні застібки-гачки в Східній Європі XVI–XVII ст. Частина I // Стрій. № 1. С. 19–42.

Ширин Ю. В., 2018 Археологическое изучение Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. Томск; Новокузнецк. С. 26–78: фот., ил., карты.

Ярославские портреты XVIII–XIX веков / Авт. вступ. ст. и сост.: И. Н. Федорова, С. В. Ямщиков. 2-е изд. М., 1986.

Locker M. D., 2012. Landscapes of pilgrimage in Medieval Britain: Thesis Submitted to University College London for the Degree of Doctor of Philosophy / The Institute of Archaeology University College. London.

Sawicki J., 2014. Średniowieczne świeckie odznaki w Polsce na tle europejskim = Medieval Secular Badges in Poland Against the European Background. Wrocław. (Wratislavia antiqua studia z Dziejów wrocławia studies on the history of Wrocław).

Spencer B., 1998. Pilgrim Souvenirs and Secular Badges, Medieval Finds from Excavations in London. London.

* * *

Колпакова Юлия Вячеславовна, *к. и. н., Псков, Псковский государственный университет, e-mail: pskov-sova@mail.ru*

Т. Ф. Прибурова

Варианты композиций и некоторые вопросы технических приемов орнаментации печных дуг (по материалам археологических раскопов в г. Пскове)

Резюме. Статья является частью комплексного исследования печного ремесла XV–XVII вв. в Пскове. Вводятся понятия «высота», «ширина», «длина» дугового кирпича, являющегося частью печной дуги. Впервые рассматриваются варианты композиций печных дуг, предлагается разработанная схема описания композиции изделия. Выделяются основные варианты композиций: «классический», «линейный», «многорядный», «комбинированный». Рассматриваются технологические особенности изготовления дуговых кирпичей, повлиявшие на предпочтения в выборе формы штампа при орнаментации лицевой поверхности. Анализируются возможности реконструкции печной дуги по находкам одного дугового кирпича, размеров устья печи.

В работе использованы предметы из фонда археологического хранения Псковского музея-заповедника.

Ключевые слова: Псков, редкие типы бытовых печей, печные дуги, реконструкция размеров печных дуг, орнаментация гончарных изделий штампом, городское ремесло.

T. F. Priburova. Variants of Compositions and Some Issues of Techniques for Ornamenting Furnace Arches (Based on Archaeological Excavations in Pskov)

Abstract. The article is part of a comprehensive study of the kiln craft of the XV–XVII centuries in Pskov. The concepts of “height”, “width”, “length” of an arc brick, which is part of the furnace arc, are introduced. For the first time, options for compositions of furnace arcs are considered, and a developed scheme for describing the composition of the product is proposed. The main variants of compositions are distinguished as “classic”, “linear”, “multi-row”, “combined”. The article considers technological features of the manufacture of arc bricks, which influenced preferences in choosing the shape of the stamp when ornamenting the front surface. The possibilities of reconstructing the furnace arc based on the finds of one arc brick and the dimensions of the furnace mouth are analyzed.

The items from the fund of archaeological storage of the Pskov Museum-Reserve are used.

Keywords: Pskov, rare types of household stoves, stove arches, reconstruction of stove arch sizes, ornamentation of pottery with a stamp, urban craft.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.113-131

Статья является частью комплексного исследования развития печного ремесла XV–XVII вв. в Пскове, целью которого является выявление мастерских, занимающихся производством печных дуг. В письменных и изобразительных источниках материальная культура, городское ремесло позднесредневекового Пскова представлены слабо. Если бытовые тепловые сооружения примитивного типа (открытый очаг) и изразцовые печи имеют многочисленные аналоги как в России, так и во всем мире, то печи переходного периода отдельных регионов изучены плохо. В зависимости от климатических условий и наличия тех или иных природных ресурсов, типов жилищ открытые очаги превращались в закрытые – печи. Печи архаичных конструкций (каменки и глинобитные) благодаря своей простоте сохранились до новейшего времени. Определенную лакуну в изучении печного дела Пскова представляют печи переходного периода – периода становления сложных бытовых тепловых устройств, отвечающих требованиям не только повышения теплоемкости, но и эстетическому восприятию. Некоторые варианты подобных поисков не прошли «естественный отбор» и, просуществовав короткий промежуток времени, вышли из употребления. В таком случае единственным источником их изучения являются материалы археологических раскопок. Многочисленные находки фрагментов печной дуги, орнаментированной при помощи штампа, обнаруженные при проведении археологических исследований в Пскове, подтверждают широкое распространение типа печи, арочный проем устья которой оформлялся при помощи специфического конструктивного элемента – печной дуги.

Дуга, обрамляющая устье печи, состояла из двух изогнутых кирпичей, имеющих г-образный профиль, образованный в результате соединения лицевой пластины и румпы в двух плоскостях. Высота *дуги*, реконструируемая по находкам целых кирпичей, составляла 35–40 см, ширина – 52–70 см. Внутренний объем, ограниченный дугой, без учета глубины тепловой камеры – 27×46 см (рис. 1), 29×52 см (рис. 2), 32×54 см (дуга Покровского раскопа: ПГОИАХМЗ[1], отдел приемки и хранения археологических коллекций)[2]. Лицевая пластина формировалась на горизонтальной поверхности из пласта глины. Изначальная толщина пласта определяется по толщине верхнего края лицевой пластины. Затем к нижнему краю готовой дуги прикреплялась вертикальная деталь в виде «полуцилиндра» (не замкнутого объема) – румпа. Угол соединения румпы и лицевой пластины с внешней стороны укреплялся дополнительным наложением жгута из формовочной массы. Место соединения тщательно заглаживалось, образуя плавный переход от внешней поверхности

[1] ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

[2] При описании размеров кирпича на первом месте указывается высота, на втором ширина. Такая же система используется при указании размеров штампа. При описании треугольной формы указывается ширина основания, при описании пятиугольной формы с зауженным основанием учитывается не только ширина основания, но и максимальная ширина центральной части.

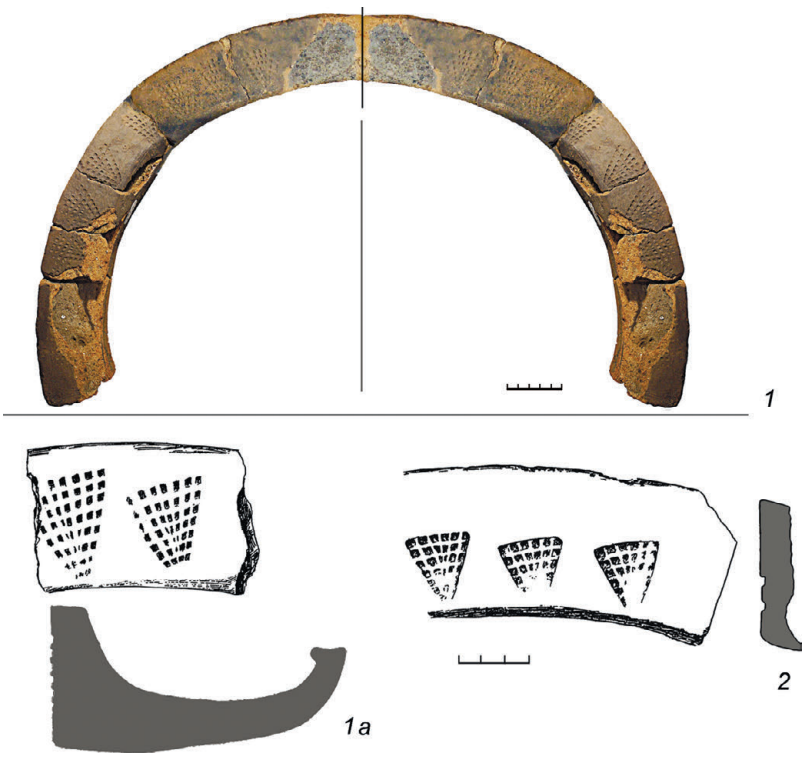


Рис. 1. Сборка дугового кирпича и реконструкция печной дуги: *1* – П-18-Св-10, № № 44, 64, 74, 112 – линейная композиция «вершиной вниз»; *1а* – оттиск штампа и профиль дугового кирпича № 44-112; *2* – фрагмент дугового кирпича № 82. П-18-Св-10. Реконструкция и фото Т. Ф. Прибуровой

лицевой пластины к румпе. После того как готовое изделие было способно удержать собственный вес без деформации общей формы, но до момента полной утраты пластичности лицевой поверхности производилось декорирование дуги штампом. Нанесение декора осуществлялось на целой форме, затем кирпич по центру разрезался на две части. При описании фрагментов дуговых кирпичей учитываются параметры части *целого кирпича* как составной части дуги. *Высота* дугового *кирпича* определяется шириной лицевой пластины (средние значения: 5–7,5 см), *ширина* кирпича – суммарным значением длины румпы и толщины лицевой пластины (10–14 см; иногда до 17 см), *длина* дугового кирпича – расстояние от одной линии обрезки до другой (рис. 2). Чаще всего длина дугового кирпича не определяется из-за фрагментарности находок. В таком случае указывается, на какую длину сохранился кирпич (или на сколько оттисков), что позволяет оценить степень утраты изделия и возможность его реконструкции. Фрагменты с одним обрезанным краем находят часто. В одних случаях оттиск, находящийся у обрезанного края, расположен на некотором расстоянии от обреза, в других оттиск обрезан и четко соединяется с оттиском

Рис. 2. Определение размеров дугового кирпича. Раскоп на ул. Набат 2020 г., № 421 (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций. Колл П-20-Нб-1). Фото Т. Ф. Прибуровой

второй части дуги. Зачастую в первом случае фиксируется изменение расстояния между оттисками либо в сторону увеличения, либо в сторону уменьшения. В связи с этим логично предположить, что фрагменты с необрезанным оттиском штампа являются нижней частью основания дуги и началом (или концом) орнаментации поверхности. Данное предположение подтверждается редкими находками развалов целых дуг[3]. Во втором случае обрезка осуществлялась через оттиск сознательно для облегчения сборки дуги в печи.

[3] ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-02-Покр-12, № 48, целая дуга из 9 фрагментов, 27 оттисков.

Сложность декорирования полосы арочной формы штампом заключается в разной длине верхнего и нижнего краев. Нанесение орнамента с помощью *штампа* по сырой глине на большой площади, с одной стороны, облегчает работу, с другой – требует твердой руки и хорошего глазомера. Если при изготовлении изразцов и киотов использовались готовые матричные формы, то при декорировании печной дуги орнамент наносился на готовое изделие без предварительной разметки, поэтому мастер мог ориентироваться только на края дуги и расстояние между оттисками. При этом большое значение имел выбор формы и размера штампа. Качественное, профессиональное декорирование характеризуется равномерным *шагом* (в пределах 1 см) между оттисками, расположением оттисков по центру лицевой пластины: с равнозначными отступами от верхнего и нижнего краев дуги (0,7–1 см)[4], «зеркальным» отражением правой и левой частей с одинаковым расположением и количеством оттисков (23–27), равномерным нажимом (глубиной оттиска). Соблюдение подобных соотношений создает гармоничную полосу орнамента и указывает на отработанные технические приемы, высокий ремесленный уровень мастера.

Среди археологических находок Пскова **часто** встречается небрежное или непрофессиональное декорирование печных дуг (рис. 3): неравномерный шаг между оттисками; смещение оттисков к тому или иному краю дуги; наложение оттисков один на другой; неравномерный нажим (отражающийся в различной глубине одного оттиска); декорирование дуги по переувлажненной глине, оставляющее рваные кромки по краю оттиска; смещение (скольжение) штампа на рабочей поверхности. Ошибки декорирования приводят к нарушению композиции. Так, при узком шаге (0,5 см и менее) плохо читается рисунок оттисков, нарушается ритм чередования элементов орнамента и зон чистой поверхности; при широком шаге (более 1,5 см) на дугообразной поверхности сложнее выдержать равномерный наклон и сохранить «параллельность» оттисков. Использование большого штампа, размеры которого не соотносятся с шириной лицевой пластины, приводит к нарушению зон чистой поверхности, создающих своеобразную рамку вдоль верхнего и нижнего краев дуг. Использование штампа малого размера компенсируется созданием дополнительных рядов оттисков, что, однако, увеличивает объем работы. Тот факт, что подобная «бракованная» продукция проходила полный производственный цикл, вплоть до обжига, объясняется сложностью изготовления дуги. Внешний диаметр печной дуги (у основания) составляет 50–70 см. Вес *сырой* печной дуги с учетом потери влаги[5] мог достигать 12 кг (вес одного *обожженного* кирпича (то есть половина целой дуги) составляет от 4 до 5,5 кг). Стремление снизить вес изделия отражается в изменении пропорций его конструктивных частей. Так, при увеличении высоты румпы уменьшается ее толщина и объем формовочной массы, используемой для соединения румпы и лицевой пла-

[4] Учитывается расстояние между основанием оттиска и краем дуги, так как именно основание определяет границу орнаментированной полосы.

[5] Подсчет процента потери влаги керамического изделия при сушке и обжиге осуществлен керамистом Пскова Кулаковой Е. А.

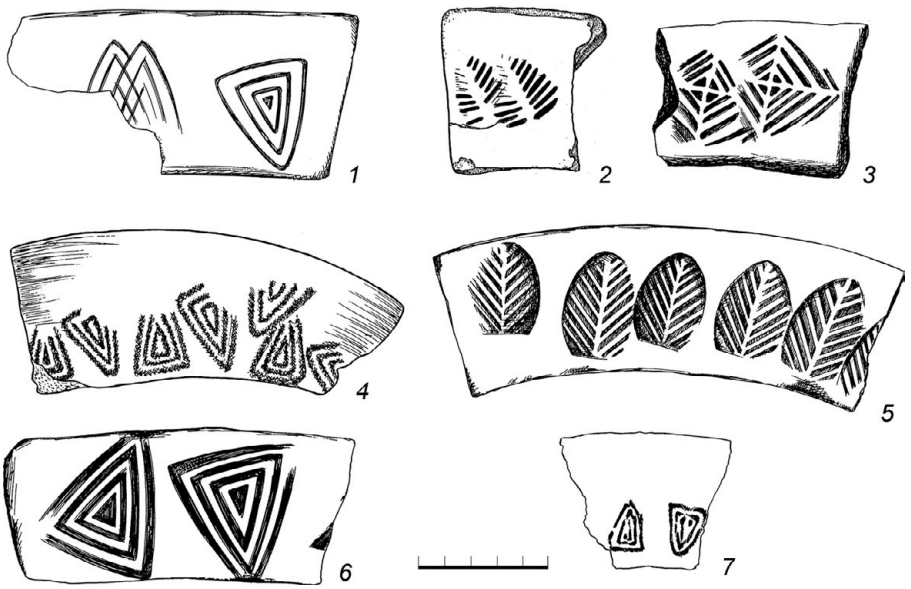


Рис. 3. Ошибки декорирования: наложение оттисков; неполный оттиск; нарушение центровки; использование штампов, несоразмерных ширине лицевой пластины. По рисункам из графических описей (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций)

стины. Возможно, непрофессионально орнаментированная дуга реализовывалась в качестве низкосортной продукции по доступным для широких слоев населения ценам и пользовалась спросом. В случаях, когда страдало не только «лицо», но и форма дугового кирпича, не исключается возможность самостоятельного изготовления печной дуги непрофессионалом. Изучение композиций орнаментированных печных дуг позволяет утверждать, что в основе жизнеспособности того или иного варианта композиции и предпочтении определенной формы штампа лежат не эстетическое восприятие и семантический подтекст, а прагматические задачи упрощения процесса декорирования криволинейной поверхности.

Остается открытым вопрос о материале, из которого изготавливались штампы. По этнографическим материалам, для этих целей могли использовать органические орнаментиры или трафареты. Бронзовые штампы и литейная форма с рисунком круглого решетчатого штампа были найдены в ремесленных мастерских Древнего Вышгорода (*Довженок*, 1950. С. 64–91) (рис. 4: *1*). Строительные кирпичи XI в. в Смоленске имеют оттиски штампа, изготовленного из рога (*Раппопорт*, 1994). Расположение рабочей поверхности на торцевой части плотного рога определяло размер и форму штампа. Использование роговых орнаментиров сопровождалось выбором преимущественно круглых форм, не требующих дополнительной обрезки. Костяные орнаментиры для нанесения линейного орнамента на посуде были обнаружены и в Пскове. Московские гончары при

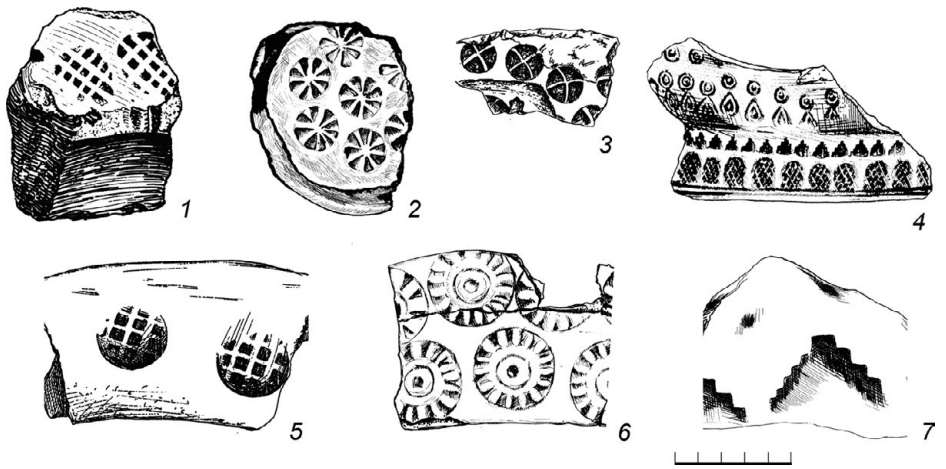


Рис. 4. Использование штампов для орнаментации посуды и дуговых кирпичей:
1 – литейная форма из Вышгорода с решетчатым рисунком (по: *Довженок*, 1950);
2–4 – кулинарные формы из раскопок в г. Пскове; *5–7* – фрагменты дуговых кирпичей.
2–7 – по рисункам из графических описей (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций)

изготовлении изразцов использовали глиняные штампы (*Плешанова*, 1966. С. 195). Возможно, штампы для орнаментации дуговых кирпичей делали из дерева. Это объясняет отсутствие археологических находок штампов. Некоторые находки фрагментов дуговых кирпичей орнаментированы штампами, аналогичными штампам керамической посуды. Однако в отличие от посудной керамики, штампованный рисунок которой не превышает 1,5 см, средний размер штампа, используемого для декорирования дуговых кирпичей, составлял от 3 до 5,5 см (рис. 4). То есть посудные штампы не использовались для орнаментации печей.

Если для изготовления кулинарных форм и форм для изразцов с использованием сложных растительных мотивов или жанровых сцен были необходимы профессиональные резчики по дереву и набор специальных инструментов, то изготовление штампа с геометрическим рисунком требовало лишь элементарных навыков резьбы по дереву и одного-двух резцов. То есть гончар сам мог изготовить штамп, не обращаясь к дорогостоящим услугам резчиков по дереву. Наиболее простым вариантом штампа является штамп с решетчатым рисунком. Для его изготовления нужна заготовка, торцевой части которой придавалась определенная форма: круг, треугольник, квадрат и т. д. На рабочей поверхности такой заготовки вырезались перекрещивающиеся линии. Не затронутая резьбой поверхность давала при оттиске рисунок решетки (сетки) с углубленными ячейками. Подобные знаки использовались с древнейших времен как при декорировании керамической посуды, так и в качестве самостоятельного знака-оберега, вырезанного или процарапанного на предметах повседневного обихода: от каменных грузил до деревянной мебели. Именно отпечатки решетчатых штампов были обнаружены на древнерусских строительных кир-

пичах в Смоленске (*Раппопорт*, 1994. С. 178, 179), в Успенском монастыре в Тихвине (*Никонова*, 2017. С. 269) и на печных дугах XVI–XVII вв. в Беларуси (*Синчук, Зайцева*, 1997. С. 244–250). Строительные кирпичи с клеймами из Тихвина датируются второй половиной XVII в. (*Никонова*, 2017. С. 269).

Однако в Пскове наиболее многочисленную группу составляют кирпичи, орнаментированные штампом треугольной формы с л-образными элементами. Некоторые варианты штампов могли появиться в результате использования фрагмента дугового кирпича в качестве самостоятельного орнаментира (типы А-IX, А-X). Косвенно это подтверждается тем, что оттиск самого кирпича всегда меньше оттиска штампа. Одновременное использование двух и более штампов одним мастером подтверждается находками дуговых кирпичей, орнаментированных различными штампами. Однако для декорирования одной дуги, как правило, применялось не более двух штампов. Это позволяло без особых усилий сохранить основной принцип построения геометрической орнаментальной композиции – симметричность.

Изучение дуговых кирпичей, обнаруженных при раскопках в Пскове, показало не только многообразие типов штампов (*Прибурова*, 2019. С. 55–82), но и многообразие вариантов композиционного построения. В целом все композиции можно разделить на две группы: однорядные и многорядные (рис. 5). Наибольшее распространение получил вариант чередования штампов треугольной формы, расположение *оснований* которых привязано к краю дуги. Традиционная, ставшая «классической» для псковских печников, схема чередования «прямых» и «перевернутых» штампов треугольной формы перекликается с элементами архитектурного декора псковских церквей. В орнаментации печей рисунок «бегунка» достигается путем равномерного шага между треугольными оттисками, образующим неорнаментированный выступ, напоминающий установленные ребром известняковые плитки, составляющие основу архитектурного «бегунка».

1. «Классический» вариант композиции с использованием одного штампа.

В качестве примера использования классического варианта орнаментации можно привести дуговой кирпич, обнаруженный при раскопках на ул. Набат (П-20-НБ-1, № 421). Сохранилась только левая часть дуги, позволяющая сделать реконструкцию всей *дуги*: на лицевой поверхности дуги было 25 оттисков. Внутренний объем рабочей камеры печи, ограниченной дугой, составлял 29×52 см (без учета глубины). Дуговой кирпич сохранился полностью в виде развала (рис. 2). Длина *кирпича* – 54 см, ширина – 11 см. Высота 5,6–6,4 см (с расширением к центру). На лицевой поверхности расположено 12,5 оттисков (центральный обрезан). Для орнаментации использован один штамп, имеющий форму равностороннего треугольника (3,7×3,5 (3,7?) см) типа А-I (2). Вероятно, левый угол основания штампа был поврежден. Оттиски равномерные, отчетливые. Композиция классическая с шириной шага 1,5 см. К левому краю дуги наблюдается нарушение шага: 1,2 см и 1,8 см. Центровка относительно края выдержанная, в пределах 1 см. Учитывается расстояние между *основанием* оттиска и краем дуги, так как именно основание определяет границу орнаментированной полосы. Дуговой кирпич из раскопа на ул. Набат является примером качественной продукции.

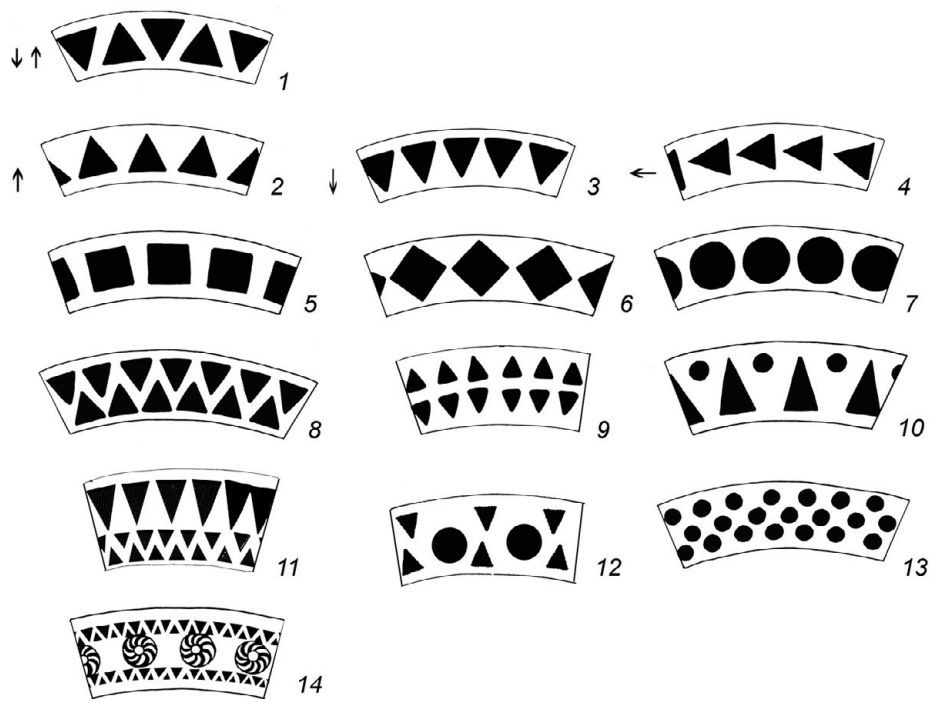


Рис. 5. Схемы композиций орнаментации дуговых кирпичей: *1–4* – использование штампов с ярко выраженной вершиной; *5–7* – однорядные композиции с использованием статичных форм; *8–13* – многорядные композиции. Рис. Т. Ф. Прибуровой

Хорошее качество отмечает и фрагмент дугового кирпича, состоящий из двух соединяющихся обломков, обнаруженных на Трупеховском I раскопе (П-98-Тр-1, № 521, № 524). Фрагменты образуют полный профиль кирпича с обрезанным правым краем. Высота – 7,3 см, ширина – 14,6 см. Для орнаментации использован штамп типа А-IX (3) – трехрамочный треугольник с треугольником в центре. Размер оттиска – 4,2×4 см. Оттиск местами слабоват, но углублен равномерно. Крайний правый оттиск не обрезан, расположен с отступом от края 1 см (то есть является нижней, правой частью дуги). Композиция классическая. Датировка сопутствующего массового материала – XVI–XVII вв. (*Закурина*, 1998. С. 73).

Другой кирпич, орнаментированный штампом такого же типа (П-98-Тр-1, № 352) (рис. 6: *1*), значительно отличается не только качеством орнаментации, но и формой всего изделия: неравномерной шириной лицевой пластины, ее «заваленностью» вперед (соединение румпы и лицевой пластины образует тупой угол). Высота кирпича– 3,8–5 см; ширина – 10,6 см. Толщина лицевой пластины по верхнему краю – 1,2 см. Для орнаментации использован штамп типа А-IX (3) размерами 3,6×3,1 см. Оттиск неравномерный: от глубокого (до 0,3 см) до полного отсутствия контура, сделан по переувлажненной глине, визуально определяется смещение формовочной массы. Несмотря на то, что

Рис. 6. Классический вариант композиции: *1* – схема; *2* – фрагмент дугового кирпича, Трупеховский 1 раскоп, № 352 (ПГОИАХМЗ, колл. 37402/273: П-98-Тр-1); *3* – фрагмент дугового кирпича № 354 (там же, № 275), Трупеховский 1 раскоп. Фото и рис. Т. Ф. Прибуровой

в композиции использован принцип классического построения орнаментальной полосы, треугольные оттиски расположены под разным углом наклона, без соблюдения единой осевой привязки, с широким, неравномерным шагом (от 2 до 3,5 см). Все признаки указывают на непрофессиональное изготовление продукции (№ 352), связанное, возможно, с ремонтом утраченной части дуги, представленной фрагментом кирпича с аналогичной композицией и штампом – № 354 (рис. 6: *2*). Качество кирпича № 354 значительно выше, отличаются и размеры: 5,5–5,7×12 см, при максимальной толщине верхнего края – 0,9 см. Размеры оттиска почти совпадают: 3,7×3 см.

«Классический» прием чередования прижился и получил развитие при орнаментации другими формами штампа, характерен для декорирования дуговых кирпичей с применением всех типов штампов, за исключением ступенчатого и круглого.. Фрагмент дугового кирпича № 1098 Петровского раскопа (рис. 7) является центральной частью печной дуги. Сохранился полный профиль кирпича. Высота – 6–6,2 см; ширина – 14,2 см. В длину сохранился на 8 оттисков, два из которых повреждены в местах слома. Толщина верхнего края лицевой пластины – 1,8 см. Верхний край обрезан под прямым углом с образованием жестких граней. Край румпы приподнят, профилирован с образованием подтреугольного венчика. Лицевая пластина орнаментирована решетчатым штампом арочной формы. Размеры штампа близки к маломерным – 3×2,5 см. Основу рисунка штампа составляют 6 вертикальных и 7 горизонтальных линий. Пятая вертикальная линия укорочена, первая горизонтальная (от основания) значительно тоньше других, искривлена и нарушает параллельность. Глубина оттисков поверхностная, более четкая у основания.

Рис. 7. Классический вариант композиции с использованием решетчатого штампа. № 1098, Петровский 4 раскоп (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций. Колл. П-00-Петр-4.) Фото и рис. Т. Ф. Прибуровой

Композиция классическая, но с нарушением центровки: основания оттисков у нижнего края лицевой пластины расположены параллельно краю, но с постепенным сползанием к краю. Основания оттисков, расположенных у верхнего края, имеют повторяющийся значительный наклон в левую сторону. Ширина шага неравномерная – от 0,5 до 1,3 см. Обнаружен в яме 21 участка В, в заполнении ямы колодца, за пределами сруба. Керамический материал из заполнения датируется XV–XVI вв. (*Харлашов*, 2000. С. 119).

Вариант 1а – сочетание двух *разномасштабных подтипов* одного типа или двух *одномасштабных схожих типов* с помощью *чередования* прямых и перевернутых изображений. Наиболее часто встречается при использовании треугольных и пятиугольных форм. Штамп, используемый для декорирования поверхности вдоль верхнего края, всегда несколько больше нижнего, благодаря чему уменьшается разница между длиной верхней и нижней дуги.

Фрагмент № 214 Трупеховского 1 раскопа соединяется с № 223 (рис. 8), является нижним левым краем дуги, так как обрезан без нарушения оттиска, с отступом более 0,5 см. Поверхность обрезанного края имеет характерные следы. Фрагменты обнаружены в диапазоне 3 пластов на двух участках раскопа. Сохранилась часть профиля со значительными утратами румпы. Высота кирпича – 5,5 см, толщина верхнего края лицевой пластины – 1,9 см. Для орнаментации использованы 2 типа разномасштабных штампов: А-IX (2), размеры – 3,5×3,5 см и тип А-X (3), размеры – 4×3,8 см. Основания треугольни-

Рис. 8. Левый край печной дуги со следами обрезки. Трупеховский 1 раскоп, № 214, 223 (ПГОИАХМЗ, колл. 37402/172). Фото Т. Ф. Прибуровой

ков в соответствии с формой дуги имеют либо выпуклую форму (по верхнему краю), либо вогнутую (по нижнему краю). Композиция классическая, с использованием двух типов штампов с неравномерной шириной шага – 0,7–1 см. Центровка вдоль краев дуги нарушена. Датировка слоя – XVI–XVII вв., с преобладанием форм XVI в. (*Закурина*, 1998. С. 32, 44).

2. Расположение однотипных штампов «линейным» способом (без переворота) (рис. 5: *2–7*)

2а – основание расположено у нижнего края дуги лицевой пластины кирпича; 2б – основание – у верхнего края, вершина – у нижнего; 2в – однорядная композиция с горизонтальным расположением штампа; 2г – однорядная композиция с использованием штампа без явно выраженной вершины.

Самое большое распространение варианты 2а и 2б получили при использовании листовидных штампов. Иногда применяется при использовании решетчатых штампов и никогда – при использовании геометрических типов. Только эти способы применяются при нанесении ступенчатых оттисков. При декорировании с помощью штампов типа Л (листочек) преимущественное использование варианта 2а можно объяснить примитивным восприятием, замещением целого частью. В таких случаях значение «листочка» трактуется иногда не только как декоративный элемент, но и как символ дерева. Так, некоторые

Рис. 9. Линейная композиция «вершиной вверх», со смещением к нижнему краю дуги. Раскоп на ул. Свердлова, № 109 (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-18-Св-10). Фото Т. Ф. Прибуровой

подтипы штампа Л напоминают скорее ель, чем часть лиственной породы деревьев. Однако версия о прагматичном подходе вписывания распространенного мотива «листочка» в треугольную форму представляется более реальной. Как уже отмечалось, треугольная форма штампа проще в использовании, так как дает возможность ориентирования оттисков относительно друг друга по прямым линиям.

Вариант 2а. Фрагмент дугового кирпича № 109 (рис. 9), найденный в яме 10 10-го раскопа на улице Свердлова, орнаментирован решетчатым штампом арочной формы (2,9×2,5 см). Сохранился неполный профиль кирпича. Высота (по лицевой пластине) – 6,4 см, толщина верхнего края – 1,1 см. Композиция линейная, однорядная, с ориентацией вершины *к верхнему* краю дуги. Используя маломерные штампы, мастер применил смелый, уникальный прием, декорируя только нижнюю часть лицевой пластины, не создавая второй ряд вдоль верхнего края печной дуги. Таким образом, арочный проем устья печи подчеркивается орнаментальным поясом из повторяющихся арок. Размеры и особенности штампа позволяют утверждать, что для орнаментации печной дуги использован тот же штамп, что и для орнаментации дуги, обнаруженной на Петровском 4 раскопе (№ 1098) (рис. 7). Основу штампа составляют шесть вертикальных и семь горизонтальных линий. Вертикальные линии почти параллельны, одна из них (предпоследняя) доведена лишь до четвертой (пятой?) горизонтальной линии. То есть дуги были изготовлены практически одновременно. Более слабое техническое мастерство орнаментации, *традиционная* схема построения композиции дуги, найденной на Петровском раскопе, могут указывать на начальный «ученический» период работы мастера. При этом профиль Петровского кирпича соответствует профилю кирпича с решетчатым орнаментом треугольной формы, найденного на ул. Свердлова. Визуальные характеристики состава теста также аналогичны. В связи с тем, что состав теста является наиболее консервативной частью производства керамических изделий, именно анализ минералогического и химического состава формовочной массы мог бы дать окончательный ответ на принадлежность кирпичей одной мастерской (мастера).

Вариант 2б (рис. 1: *1*). Фрагменты № 44, № 64, № 74, № 112 обнаружены как в пластовых отложениях, так и в ямах раскопа 10 на ул. Свердлова. Высота дугового кирпича – 6 см, ширина – 12,5 см, максимальная длина от обреза до обреза – 51 см (по верхнему краю лицевой пластины). Толщина верхнего края лицевой пластины – 1,5 см. Верхний край скошен в сторону румпы. Толщина румпы постепенно уменьшается к краю (от 2,5 см до 1,4 см). Край румпы приподнят, профилирован, образуя подтреугольный «венчик». Ширина манжеты венчика – 1,9 см. Кирпич орнаментирован 11 оттисками штампа, левый край орнаментированной поверхности сколот. Для орнаментации использован решетчатый штамп треугольной формы – 3,5×3 см. Композиция линейная (однорядная) вершиной вниз. Шаг неравномерный – от наложения оснований оттисков до 2,5 см. Центровка относительно краев дуги не выдержана. Оттиски расположены с заметным, повторяющимся наклоном основания влево. На румпе левого края кирпича (№ 44) расположена метка из двух черточек, соединенных по центру под углом 55 градусов. Вертикальная линия расположена в 4,5 см от обрезанного края. Длина вертикальной черты – более 4 см (верх сколот), ширина и глубина – чуть более 1 мм. Длина диагональной – 2,5 см. Нанесена тем же острым инструментом. Непрофессиональное изготовление дуги, выраженное слабостью композиции, находит подтверждение и при анализе характера сколов. На значительной площади кирпича в результате неплотного соединения лицевой пластины и румпы, использования «пересушенной» массы для соединения деталей произошло отслоение лицевой пластины. Полностью собранный из осколков дуговой кирпич позволяет реконструировать печную дугу. Длина (по внешнему краю) – 102 см, высота 32–34 см, ширина (по основанию) – 56–60 см. Размеры дуги определяют размеры устья печи (без учета глубины): 26–28×44–48 см.

В таком же стратиграфическом разбросе были обнаружены куски дугового кирпича, орнаментированного идентичным образом (раскоп 10 на ул. Свердлова, № 44, 82) (рис. 1: *2*). Для орнаментации использован тот же тип штампа, что и на дуге, и тот же вариант композиции, отличающийся значительным смещением к нижнему краю. Размер оттиска – 2,8×2,8 см. Орнаментация выполнена более профессионально: равномерные нажим и шаг между оттисками. Цвет поверхности, трехслойный излом и состав формовочной массы идентичны. Подобные сочетания находок схожих кирпичей встречаются часто. Наличие в одном археологическом объекте дуговых кирпичей, изготовленных по образу какого-то первоисточника, может говорить либо о ремонте теплового устройства, либо о производстве печных дуг.

Вариант 2в (рис. 10) – линейный, однорядный, с горизонтальным расположением оттисков обнаружен в единственном случае – на Богоявленском 22 раскопе. Нетрадиционная ориентация штампа, когда оттиски наносились параллельно краям дуги, друг за другом, может быть объяснена только желанием мастера вместить непривычно большой штамп на узкой лицевой пластине.

Вариант 2г (рис. 5: *5–7*) – линейный, однорядный вариант композиции с использованием штампов статичных форм (квадрат, круг). Использование штампов статичных форм усложняло задачу орнаментации в связи с утратой

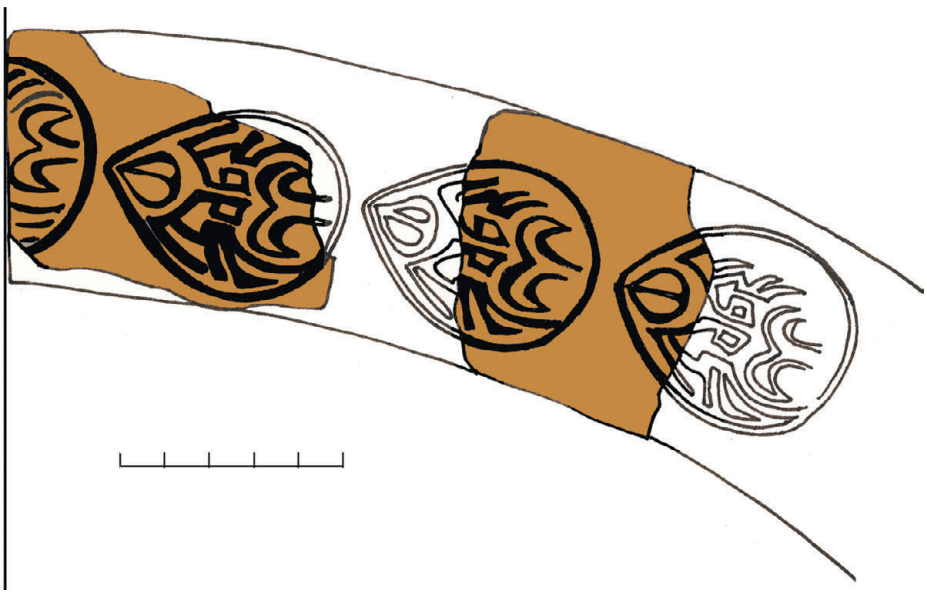


Рис. 10. Линейная, однорядная композиция с горизонтальным расположением оттисков. Центральная часть дуги. Богоявленский раскоп, № 24, 33 (ПГОИХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций, П-00-Бог-22). Рис. Т. Ф. Прибуровой

внутренних ориентиров (между элементами) или несоответствием ориентиров между элементами – дугообразной поверхности. Так, при использовании штампа квадратной формы попытка ориентации отдельных элементов относительно сторон квадрата приводила к нарушению дугообразной формы орнамента. С проблемой четких ориентиров сталкивались и мастера, в руках которых был полномасштабный штамп круглой формы. Кроме того, использование круглых форм, расположенных в один ряд, создавало однообразную, лишенную ритма поверхность. Решение подобных задач привело к расположению квадрата в положение ромба и созданию многорядных композиций с использованием маломасштабных штампов круглой формы.

3. Многорядные композиции (рис. 5: *8–14*)

Создание многорядных композиций упрощает задачу ориентации повторяющихся элементов на дугообразной поверхности, но увеличивает объем работы. Чем меньше штамп, тем больше создавалось рядов. Наибольшее распространение получило двухрядное расположение однотипных, одноразмерных штампов треугольной и пятиугольной формы с ориентировкой оснований вдоль верхнего и нижнего краев дуги.

3а. Двухрядное размещение однотипных, одноразмерных штампов с ориентировкой *оснований* вдоль верхнего и нижнего краев дуги (рис. 5: *8*).

Фрагмент № 435 Трупеховского 1 раскопа обнаружен в яме 15. Орнаментирован типом штампа В-6 (б3) пятиугольной формы с округлыми углами. Имеет одну рамку и 3 л-образных элемента на общем основании с пикой

в центре. Высота кирпича (ширина лицевой пластины) – 6,5 см. Размер штампа – 3,8×2,2 см. Отчетливо различим дефект штампа в виде вертикального шва. Такой же дефект был выявлен на фрагменте дугового кирпича П-16-Клим-7 раскопа в яме 9а. Композиция двухрядная с классическим расположением оттисков. Оттиски расположены близко друг к другу, иногда размещаются на краю дуги: один оттиск съехал, образовав двойные линии. Ширина шага: между верхними оттисками – 2,1 (2,2) см; между нижними – 1,3 (1,5) см, что соответствует различной длине верхнего и нижнего краев дуги. Яма 15 датируется по сопутствующему материалу второй половиной XV–XVI в. Датировка аналога, обнаруженного на Климентовском 7 раскопе, полностью совпадает (*Ершова*, 2016).

3б. Двухрядное расположение оттисков с ориентировкой *вершин* к краям дуги (рис. 5: *9*).

Фрагмент дугового кирпича, обнаруженный на Романовой Горке (раскоп 8, 1991 г.), является примером редкого построения двухрядной композиции с использованием однотипных маломерных штампов треугольной формы с ориентировкой *оснований* вдоль *центральной* горизонтальной оси дуги. Отсутствие ориентира для основания привело к слабости композиции, поэтому она не получила дальнейшего развития.

3в. Трехрядное размещение однотипных маломерных розеток (рис. 5: *13*).

Для орнаментации дуговых кирпичей, обнаруженных на Климентовском и Покровском раскопах (П-16-Клим-III. № 85, № 87; П-14-Покр-37. № 133), использован редкий тип штампа в виде глухой маломерной розетки с плоским дном. Ширина лицевой пластины Климентовского кирпича достигает 8,7 см. Толщина верхнего края – 2,5–2,7 см. Румпа не сохранилась. Слабая, не выдержанная трехрядность композиции, не зачищенные излишки глины по верхнему краю, неровная, со следами пальцевого вдавливания и заглаживания поверхность лицевой пластины говорят о примитивном, непрофессиональном изготовлении дуги. При орнаментации покровской дуги трехрядность едва угадывается, нарушена хаотично расположенными оттисками, образующими дополнительные «ряды».

При исследовании Романовой Горки (раскоп 3, 1991, № 8) был обнаружен дуговой кирпич с редким вариантом трехрядной композиции: расположение трех разномасштабных однотипных штампов треугольной формы (рис. 11). Использование полномасштабного штампа вдоль верхнего края дуги, дополненное двумя рядами маломасштабных оттисков, идеально вписывается в дугообразную поверхность. Аскетичность выбора однотипных нетрадиционных штампов подчеркивает четкий *ритм неорнаментированной* поверхности, которая образует самостоятельный двухрядный орнамент *из треугольников* в верхней части и *остроугольной волны* – в нижней. Сложность композиционного решения, второстепенная роль рисунка штампа, имеющего здесь фоновое значение, говорит о высоком профессиональном уровне мастера. Фрагмент кирпича является частью печной дуги, изготовленной по индивидуальному заказу.

Не получил широкого распространения в Пскове и способ орнаментации печных дуг с использованием штампов *различных форм* – **комбинированный вариант** (4). Комбинированный вариант композиции с использованием

Рис. 11. Центральная часть печной дуги. Раскоп на Романовой горке, № 8 (ПГОИАХМЗ, колл. 33165/7: П-90-Рг-3). Фото Т. Ф. Прибуровой

треугольного и круглого штампов, пожалуй, единственный случай, когда можно говорить о семантическом значении орнамента. При орнаментации печной дуги используются сюжеты вышивки и резьбы по дереву. Арочная форма устья печи как нельзя лучше соответствует изображению небесного свода с проходящими по нему светилами. Подобные знаки круглой формы встречаются и среди гончарных клейм, и во всех случаях трактуются как громовой или солярный знак.

4а. Комбинированный двухрядный (рис. 12). Вариант зафиксирован только на Запсковье (Козмодемьяновские и Богоявленские раскопы) и перекликается с находками дуговых кирпичей с *трехрядной* композицией из Изборской крепости. Фрагменты кирпичей из Пскова отличаются хорошим качеством формовки дуги и орнаментации лицевой пластины при низком качестве формовочной массы и слабостью производственного обжига. Изборские кирпичи уступают как в формовке, так и в орнаментации. На лицевой пластине дугового кирпича № 31 (П-93-КД-6) вдоль короткой дуги, основанием к нижнему краю расположены подтреугольные решетчатые оттиски с вписанным по центру 5-лопастным солярным знаком. В верхней части дуги расположены круглые штампы в виде 7-лопастных знаков, окаймленных линейным решетчатым элементом. Дефект нижней лопасти круглого штампа Козмодемьяновского кирпича повторяется в кирпиче № 294 (П-85-Бог-2). Фрагменты дугового кирпича № 31 составляют развал дуги (*Салмина*, 1994. Рис. 142) с незначительными утратами.

4б. Комбинированный трехрядный (рис. 13). Кирпичи Покровского 27 и Климентовского 7 раскопов, расположенных на противоположных берегах р. Великой, орнаментированы в смешанной технике, с использованием единой композиционной схемы. Два фрагмента из двух раскопов отражают поиск решения упрощения нанесения орнамента на дугообразную форму. На покровском кирпиче вначале центр лицевой пластины орнаментировался штампом круглой формы, а затем вдоль верхнего и нижнего краев вырезались ряды треугольников, образующих негативный рисунок остроугольной волны. На Климентовском кирпиче вначале наносилась негативная волна, а затем центральное поле

Рис. 12. Комбинированный вариант композиции: *1* – центральная часть дуги Козмодемьяновского раскопа (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-93-КД. № 31); *2* – фрагмент дугового кирпича (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-00-Бог-2, № 294); *3* – фрагмент дугового кирпича из Изборской крепости (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-12-Изборская крепость, раскоп, № 35); *4* – там же, № 113. Фото Т. Ф. Прибуровой, рис. по графическим описям

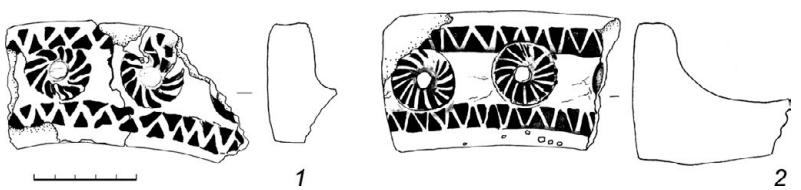


Рис. 13. Комбинированный трехрядный вариант композиции: *1* – фрагмент дугового кирпича Покровского раскопа (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-06-Покр-27, № 23); *2* – Климентовский раскоп (ПГОИАХМЗ, отдел приемки и хранения археологических коллекций: П-16-Клим-4, № 233). Рис. Т. Ф. Прибуровой

лицевой пластины орнаментировалось штампами круглой формы с солярными знаками. Широкого распространения не получил по причине трудоемкости.

Таким образом, изучение композиционного построения орнамента дуговых кирпичей, обнаруженных при раскопках в Пскове, анализ форм профиля, технологических приемов их изготовления являются дополнительными источниками изучения печного ремесла позднесредневекового Пскова. Так, понимание основных принципов композиции, способов изготовления печной дуги, соотношение конструктивных и художественных элементов дает возможность реконструкции формы и объема тепловой камеры. Определение взаимосвязи между изменением формы дугового кирпича и стремлением упростить способ его декорирования позволяет выстроить относительную хронологию производственного процесса. По предварительным итогам, в производстве дуг наблюдается упрощение способов орнаментации от многорядных композиций

с использованием маломасштабных штампов к однорядным. Композиции, прошедшие «естественный» отбор производственного процесса, отражают его расцвет (классический вариант). На завершающем этапе появляются попытки обновления орнамента, усложненные формы штампа: листовидные, стилизованные, многогранные. С увеличением топочной камеры изменяются пропорции изделия, усложняется профиль кирпича, совершенствуется обжиг и состав формовочной массы. Определение качества *массовой* продукции иллюстрирует технический уровень мастера, определение качества *уникальных* изделий указывает на социальный статус заказчика. Процентное содержание низкосортной продукции помогает выявить возможные следы локализации гончарных мастерских, установить взаимосвязь гончаров, занимающихся производством посудной керамики, и производства печных деталей.

Литература

Довженок В. И., 1950. Обзор археологического изучения древнего Вышгорода за 1934–1937 гг. // Археология. Т. III. Киев. С. 64–91.

Ершова Т. Е., 2016. Отчет об археологических раскопках в 2016 году в г. Пскове по адресу: ул. Красноармейская, д. 2 (Климентовские III–V, VII–IX раскопы). Т. 1–8 // Архив ИА РАН. Р-1. № 53322–53329.

Закурина Т. Ю., 1998. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Пскове по Октябрьскому проспекту, 10б (Трупеховский 1 раскоп) в 1998 году. Т. 1–6 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23859–23864.

Никонова А. А., 2017. Особенности строительной техники // Варакин Е. П., Пятницкая Т. Н. Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб.: Сохранение природы и культурного наследия. С. 266–271.

Плешанова И. И., 1966. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М.: Наука. С. 149–206.

Прибурова Т. Ф., 2019. Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 64-го заседания. М.; Псков: ИА РАН. С. 55–82.

Раппопорт П. А., 1994. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука. 158 с.

Салмина Е. В., 1993. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Герцена, 6б (Козмодемьянские 4–8 раскопы) в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17924., рис. 124

Синчук И. И., Зайцева О. Е., 1997. Заслонки и печная дуга XVII века из Дисны // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. СПб.; Псков. С. 244–250.

Харлашов Б. Н., 2000. Отчет об археологических раскопках на ул. Гоголя, 29–29а, 31, ул. К. Маркса, 39 (Петровский 4 раскоп) в 2000 г. Псков // Архив ИА РАН. Р-1. № 26652.

* * *

Прибурова Татьяна Филипповна, *Псков, Псковский музей-заповедник,*
e-mail: tatyanapriburova@yandex.ru

А. В. Яковлев

Нишевые изразцы из Пскова и ранние керамиды Псково-Печерского монастыря[1]

Резюме. Псковские нишевые изразцы определены как особая категория находок недавно. Выявлено 44 фрагмента из 21 раскопа. Находки встречены во многих частях города, но не образуют скоплений. Графически реконструированы два варианта изразцов. Они появляются до 1530 г. и выходят из употребления после 1581 г. Они близки изразцам типа Танненберг из юго-западной Германии (1350-е – 1500 гг.), но различаются в декоре, что предполагает связь через не известные пока дериваты. Нишевые изразцы Пскова созданы новой керамической технологией качественных поливных изделий сложных конструкций, декорированных комбинациями разных штампов. «Мастерская Давыда» при Псково-Печерском монастыре стала местом переноса готической ремесленно-художественной традиции на русскую почву и адаптации к местному спросу. Нишевые изразцы стали источником форм для декора ранних печерских керамид и для глиняных киотов. Авторские подписи на некоторых изразцах и керамидах относятся к редкой для Европы эпиграфической группе.

Ключевые слова: нишевые изразцы, изразцы типа Танненберг, надгробия-керамиды, керамические киоты, Псково-Печерский монастырь.

A. V. Yakovlev. Niche Tiles from Pskov and Early Ceramides of the Pskovo-Pechersky Monastery

Abstract. Pskov niche tiles have recently been identified as a special category of finds. By now 44 fragments from 21 excavations have been identified. The finds were found in many parts of the city, but do not form any clusters. Two variants of tiles have been graphically reconstructed. The niche tiles appeared before 1530 and fell out of use after 1581. They are close to the Tannenberg type tiles from southwestern Germany (1350s – 1500s), but differ in decoration, suggesting a connection through some yet unknown derivatives. Niche tiles from Pskov are created with a new ceramic technology of high-quality glazed products of complex designs, decorated by combinations of different stamps. “David’s Workshop” at the Pskovo-Pechersky Monastery became the place where the Gothic craft and artistic tradition was transferred to Russian soil and adapted to local demand. Niche tiles became the source of forms for decorating early Pechersky ceramides and for clay icon cases. The author’s signatures on some tiles and ceramiides belong to an epigraphic group that is rare in Europe.

Keywords: niche tiles, Tannenberg type tiles, ceramide tombstones, ceramic icon cases, Pskovo-Pechersky Monastery.

[1] Доклад на 66-м заседании Семинара (21 апреля 2021 г.).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.132-154

Псковские нишевые изразцы XVI в. до сих пор не были предметом специального археологического изучения. Находки на Новоторговских VIII и X раскопах 2011 г. и затем на Новоторговском XI раскопе 2013 г. серии фрагментов этих необычных предметов стали поводом для попытки оценить их место в материальной культуре позднесредневекового Пскова. На сегодня в результате просмотра рисованных описей индивидуальных находок 1984–2021 гг. из 270 раскопов есть данные о 44 фрагментах из 21 раскопа. Список находок представлен в таблице 1. Обращение к материалам раскопов более ранних лет, особенно огромному исследованному комплексу на пл. Ленина, наверняка позволит существенно его пополнить. Планиграфия находок свидетельствует об их довольно равномерном распределении в культурном слое позднесредневекового Пскова, не исключая Запсковья и Завеличья (рис. 1). Стоит сразу заметить, что характер археологизации ранних изразцов, включая горшковидные, безрумповые керамические плиты с рельефами и нишевые, значительно отличается от изразцов XVII и XVIII вв. Ранние изразцы практически никогда не образуют скоплений. Не известно ни одного случая раскрытия развала ранней изразцовой печи или компактного нахождения выброса изразцовых фрагментов в результате ремонта отопительного устройства, а для печей XVII в. таких случаев множество. Может быть, причина в том, что ранние изразцовые печи чаще всего устраивали на втором этаже богатых деревянных жилищ. Каменные жилые постройки в Пскове почти не известны до второй половины XVII в. Гибель в пожаре была общей участью городских деревянных строений, а рухнувшие остатки верхнего этажа разбирали и вывозили из усадьбы в первую очередь. Таково может быть объяснение разрозненности и редкости изразцов XVI в. Обычная встречаемость нишевых изразцов – по одному фрагменту на раскоп. Пять фрагментов найдено в единственном случае – на Новоторговском X раскопе.

Нам удалось выполнить полные графические реконструкции двух вариантов (из зафисированных пяти) нишевых изразцов, которые относятся к одному типу и различаются размерами и деталями оформления.

Вариант I (рис. 2) более крупный, с лицевой пластиной 19,5 × ок. 30,5 см, высота румпы – ок. 16 см, глубина – ок. 10 см. Края и углы заполнены растительными завитками. Найдены фрагменты изразцов с зеленой поливой и без поливы, со следами побелки. Шатры боковых башен увенчаны не луковичными главками, а шарами. Основанием для реконструкции послужили фрагменты из Новоторговского X раскопа 2011 г. (№ 564), Благовещенского II раскопа 1995 г. (№ 144), Богоявленского II раскопа 1985 г. (№ 283), раскопа у фабрики Мейера II 2021 г. (№ 54).

Вариант II (рис. 3) помельче, с лицевой пластиной 16 × ок. 29 см, высота румпы – ок. 18 см, глубина – ок. 9 см. Края и углы заполнены косицами из лент. Реконструкция выполнена на основании фрагментов из Ольгинского I раскопа 2006 г. (№ 105), Богоявленского X раскопа 1999 г. (№ 144), Богоявленского XXXII раскопа 2004 г. (№ 247), Покровского XXXVIII раскопа 2014 г. (№ 143), раскопов у фабрики Мейера I 2021 г. (№ 190) и II 2021 г. (№ 172, румпа). Фрагмент изразца 2006 года был опубликован авторами раскопок (*Салмина, Салмин,* 2008).

Таблица 1

Список фрагментов нишевых изразцов и керамид
из раскопок в Пскове 1985–2021 гг.

№	Год, раскоп, автор раскопок	Уч.	Пласт (глубина от R)	Квадрат	№ по описи сквозной	Кол-во фрагментов под №
1	2021-Палаты Трубинских-II, Т. Е. Ершова	А	13 (-243)	2а	22	1
2	2021-Фабрика Мейера-I, Т. Е. Ершова	Б	4 (-74)	58	190	1
3	2021-Фабрика Мейера-II, Т. Е. Ершова	А	20 (389)	25	54	2 (румпа)
4	2021-Фабрика Мейера-II	Б	15 (-297)	35 (Я.45)	172	2 (румпа)
5	2019-Званицкий-III, Т. Ю. Закурина	З	13 (-257)	16	47	1
6	2018-Петровский-XVI, С. А. Салмин	Б	13	30 (Я.32)	102	1
7	2018-Ул. Свердлова-V, М. И. Кулакова					3
8	2018- Ул. Свердлова-V					2
9	2017-Палаты Постниковых- I, Т. Е. Ершова и Т. Ю. Закурина	Е	15 (-299)	3 (Я. 3)	253	1
10	2014-Покровский-38, Т. Е. Ершова	Б	10 (-185)	34 (Я.1)	143	1
11	2014-Покровский-38	А	14 (-264)	2	159	1
12	2013-Новоторговский-11, Т. Е. Ершова	Г	13 (-252)	99	336	1
13	2013-Новоторговский-11	Б	14 (-265)	22	376	2
14	2011-Новоторговский-10, А. В. Яковлев	Б	10 (-187)	28	564	5
15	2011-Новоторговский-10	Б	10 (-189)	36	576	1
16	2011-Новоторговский-10	А	11 (-218)	23	717	1
17	2011-Новоторговский-10	Б	11 (-212)	36	743	1
18	2010-Петровский-11, Е. В. Салмина	А	12 (-223)	14	25	1
19	2007-Петровский-10, Б. Н. Харлашов				12	1
20	2006-Ольгинский-I, Е. В. и С. А. Салмины	З	5 (-90)	299	59	1
21	2006-Ольгинский-I	А	5 (-97)	17	105	2
22	2006-Ольгинский-I	Л	5	363	163	1
23	2004-Богоявленский-32, Е. В. Салмина	Г	59 (-1178)	165	247	3
24	2003-Площадь Ленина-XVII, С. В. Степанов				63	1
25	2002-Казанский-3, М. И. Кулакова		7 (-130)	13 (Я.14)	72	1
26	2002-Покровский-8, Э. В. Королёва	В	11 (-207)	11 (Я.33)	155	1
27	2001-Благовещенский-IV, Е. А. Яковлева	В	13	108 (Я.38)	7001	1
28	2001-Благовещенский-IV	Г	10	56	739	1
29	2001-Благовещенский-IV	Г	10	7 (Я.23)	742	1
30	2000-Петровский-IV, Б. Н. Харлашов	Л	12 (-220)	404	952	1
31	1999-Богоявленский-10, Е. В..Салмина	Г	10 (-193)	88 (Я.11)	144	1
32	1998-Трупеховский- I, Т. Ю. Закурина	Е	14 (-263)	166	208	1
33	1995-Благовещенский-2, Е. А. Яковлева	Б	9 (-161)	19	144	1 (румпа)
34	1985-Богоявленский-2, С. В. Белецкий				283	1

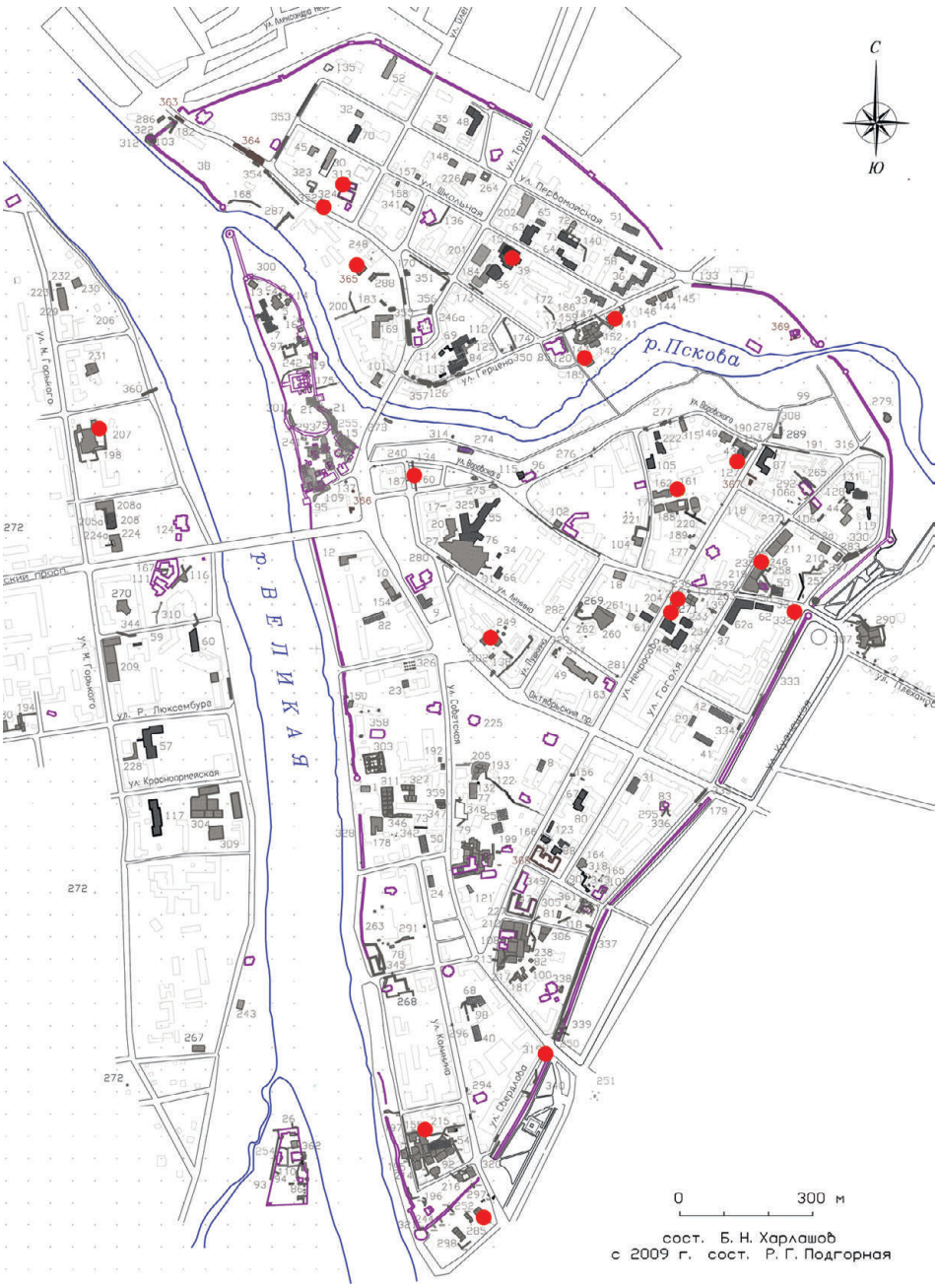


Рис. 1. План исторической части Пскова с обозначением мест раскопов, в которых были найдены нишевые изразцы

Рис. 2. Псковский нишевый изразец. Вариант I

Вариант III. Ширина 18 см (рис. 4). Как в варианте II, края и углы заполнены лентами, которые здесь оформлены несколько иначе. Из граненых оснований боковых башенок с внешних сторон «вырастают» фестоны. Частичная реконструкция выполнена на основании фрагментов из Новоторговского XI раскопа 2013 г. (№ 336, 376), Новоторговского X раскопа 2011 г. (№ 576).

Вариант IV. Найденные фрагменты не позволяют сделать полную реконструкцию. Ширина лицевой пластины 18 см (рис. 5). Края заполнены овальными растительными завитками, часть из которых охватывает миниатюрные изображения зверей и птиц. Большинство найденных фрагментов оплавлены в пожарах. Частичная реконструкция выполнена на основании фрагментов из Казанского III раскопа 2003 г. (№ 72), Петровского X раскопа 2007 г. (№ 12), Петровского X раскопа 2007 г. (№ 12), Покровского XXXVIII раскопа 2014 г. (№ 143).

Вариант V (рис. 6). Края лицевой пластины декорированы трилистниками. Размеры не установлены. В таблице использованы фрагменты из Благовещенского раскопа 2001 года (№ 700, 739) и из Богоявленского раскопа 2004 года (№ 247).

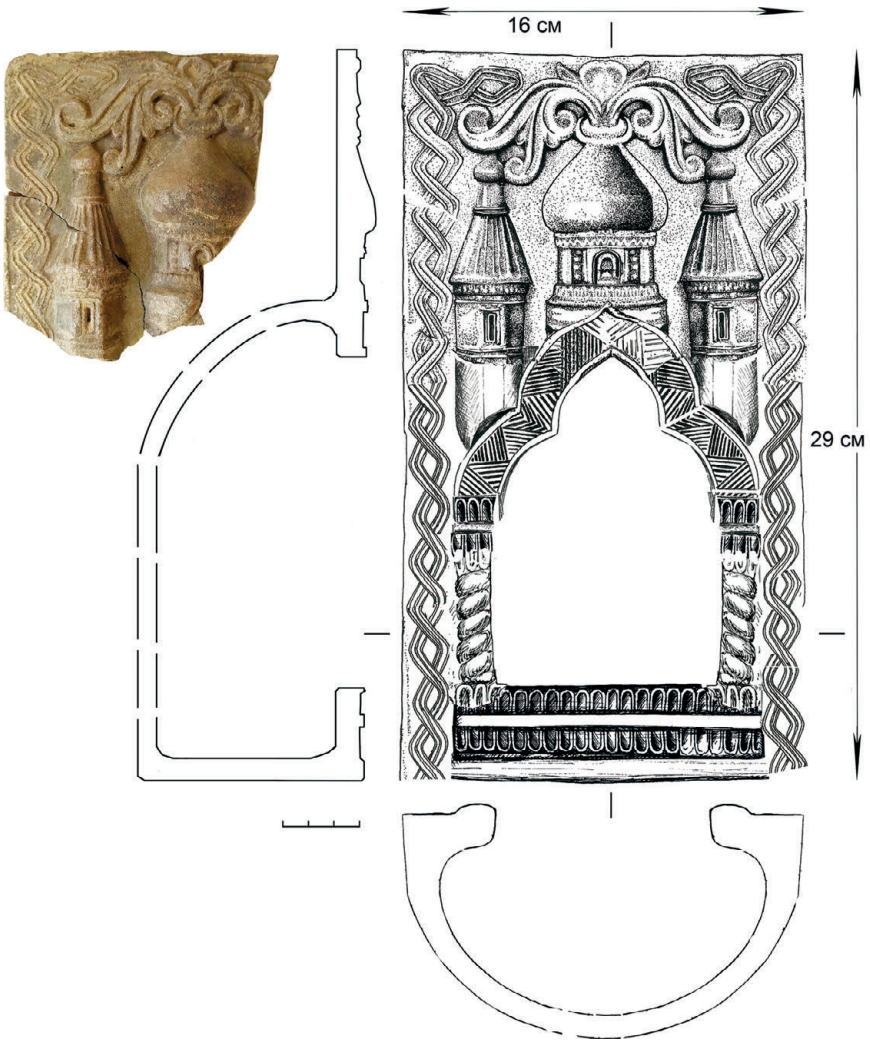


Рис. 3. Псковский нишевый изразец. Вариант II

Морфология псковских нишевых изразцов своеобразна. Их отличает полуцилиндрическая румпа с плоским дном и чашевидным верхом (рис. 3). Лицевая пластина была значительно выше румпы. Плоское дно румпы крепилось заподлицо к нижнему краю лицевой пластины, а ее полукруглый верх – на уровне от половины до двух третей высоты, в зависимости от размеров сквозного окошка – портала. Лицевая пластина имела в центре характерный сквозной портал, обрамленный витыми колонками и увенчанный килевидной арочкой. Сквозь этот портал была видна внутренняя округлая стенка румпы. Центральное завершение арки образует процветший луковичный купол на круглом барабане. Процветшее завершение происходит от харак-

Рис. 4. Псковский нишевый изразец. Вариант III

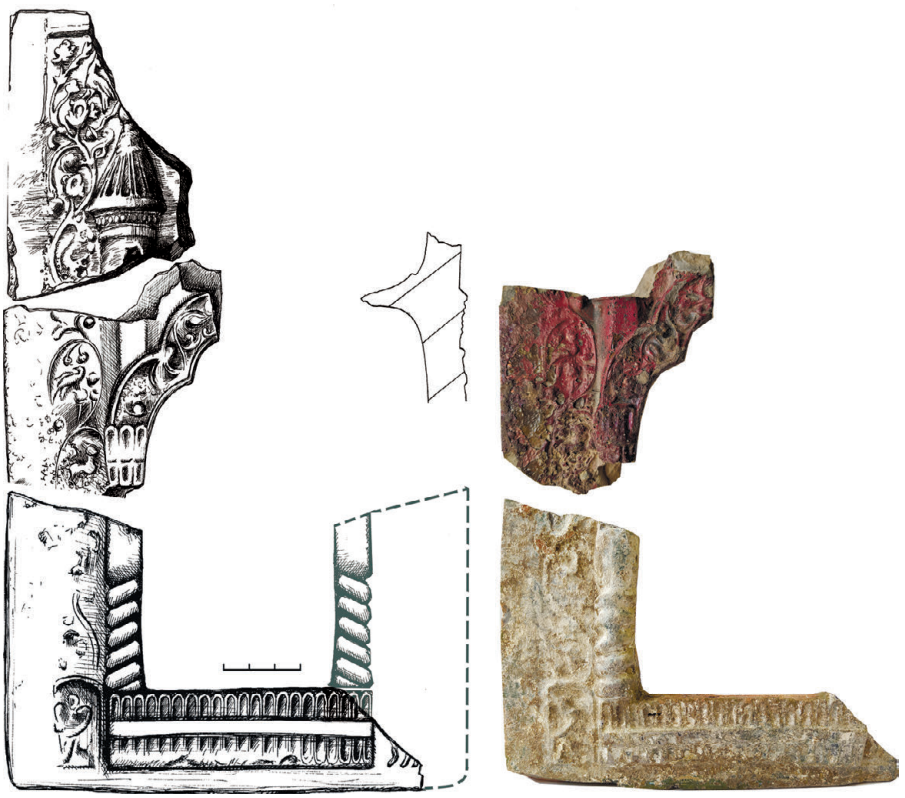


Рис. 5. Псковский нишевый изразец. Вариант IV

терного готического вимперга. По бокам от него – две шатровые башенки на восьмигранных основаниях. Они, видимо, восходят к готическим пинаклям[2].

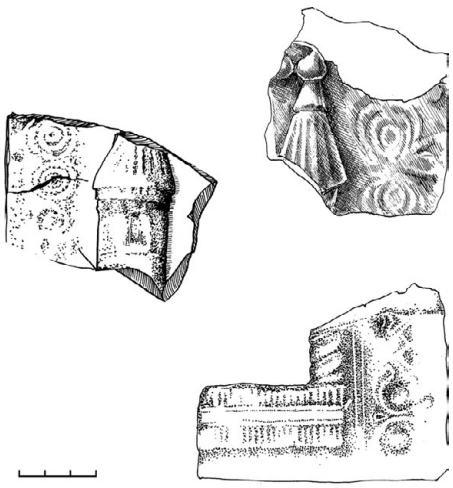


Рис. 6. Псковский нишевый изразец. Вариант V

Отдаленным прототипом псковских нишевых изразцов послужили немецкие готические изразцы типа Танненберг XIV–XV вв. Этот тип изразцов получил название от замка баронов-разбойников в немецкой земле Гессен. Замок был взят штурмом и разрушен в 1399 г. Место никогда больше не заселялось. Образовался отличный закрытый комплекс с известной верхней датой. Раскопки провели в 1849 г. немецкие археологи Хефнер и Вольф. Вскоре они опубликовали результаты исследования, включая рисунки изразцов и предполагаемую реконструкцию печи (*von Hefner, Wolf*, 1850) (рис. 7: *1, 2*; 8: *1*). Из современных немецких исследователей наибольшее внимание этому типу изразцов уделили Харальд Росманиц (рис. 7: *3*; 8: *2*; *Rosmanitz*, 2015; 2021) и Геральд Фолькер Гримм (*Grimm*, 2009). Основной ареал изразцов этого типа в XV в. – Средний и Нижний Рейн, Большой Кельн, Нидерланды, низовья Майна и Неккара, Швейцария и Венгрия. Их широкое бытование началось в середине XIV в. К началу XVI в. классические изразцы этого типа стали быстро терять популярность, но они использовались в печках не самых престижных строений, которые часто перекладывались с участием самых разнотипных деталей весь XVI и XVII вв. Такие печи Гримм называет «пестрыми собаками». В декоре классических изразцов типа Танненберг не встречаются витые колонны. Но конструкцию и многие элементы стилистики изделия псковских мастеров XVI в. унаследовали именно от них через посредство поздних дериватов, которые пока нами не найдены. Представляется, что творческая переработка наследия поздней готики привела к созданию совершенно новых декоративных форм, приятных глазу русского православного человека.

Нишевые изразцы в России использовались не часто и редко оказывались в поле зрения исследователей. Во втором выпуске «Древнерусских изразцов» Алексея Васильевича Филиппова (*Филиппов*, 2003. С. 87) единственный фрагмент такого типа представлен под № 116 со следующим описанием: «Ниша с двумя пилястрами по бокам, покрытые рельефным растительным орнаментом. Изразец оттиснут в форме, покрыт белым ангобом и поверх зеленой

[2] Ближайшей аналогией этому изображению является резной киотец из Русского музея, приведенный И. И. Плешановой в исследовании о надгробиях-керамидах (*Плешанова*, 1966. Рис. 17).

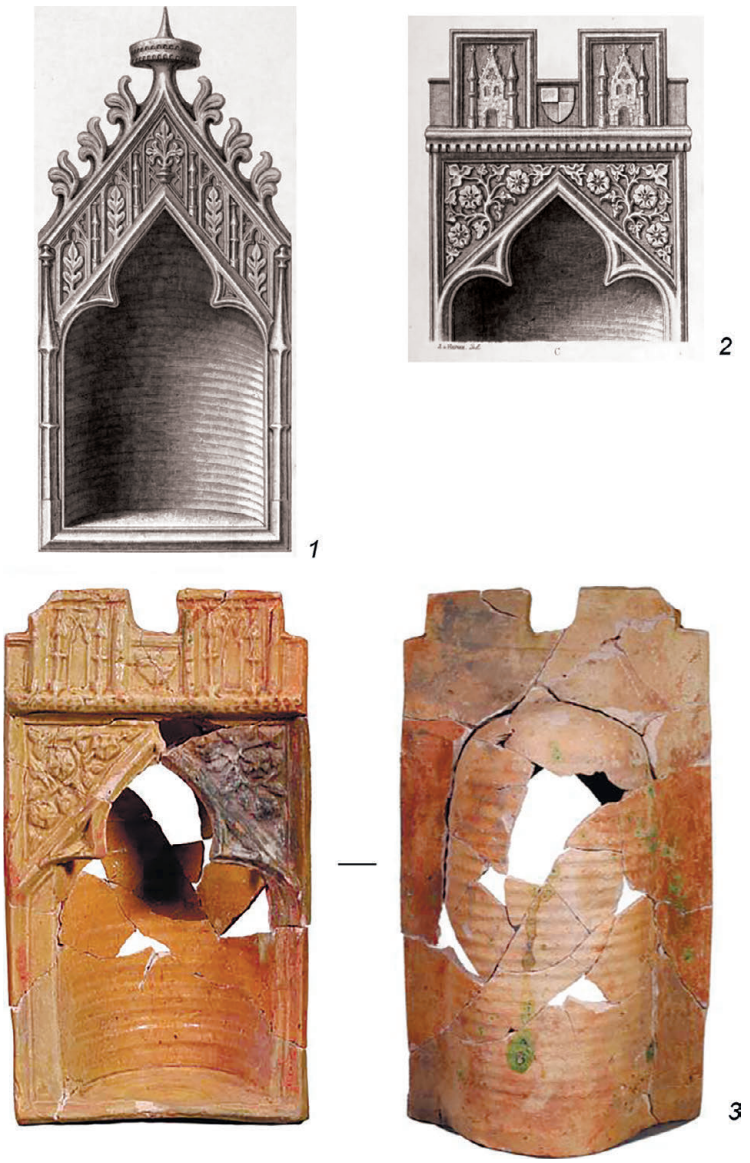


Рис. 7. Изразцы типа Танненберг.
1, 2 – из раскопок одноименного замка в Гессене (по: *von Hefner, Wolf*, 1850);
3 – из замка Хауэнштайн близ Кромбаха нач. XV в. (по: *Rosmanitz*, 2021)

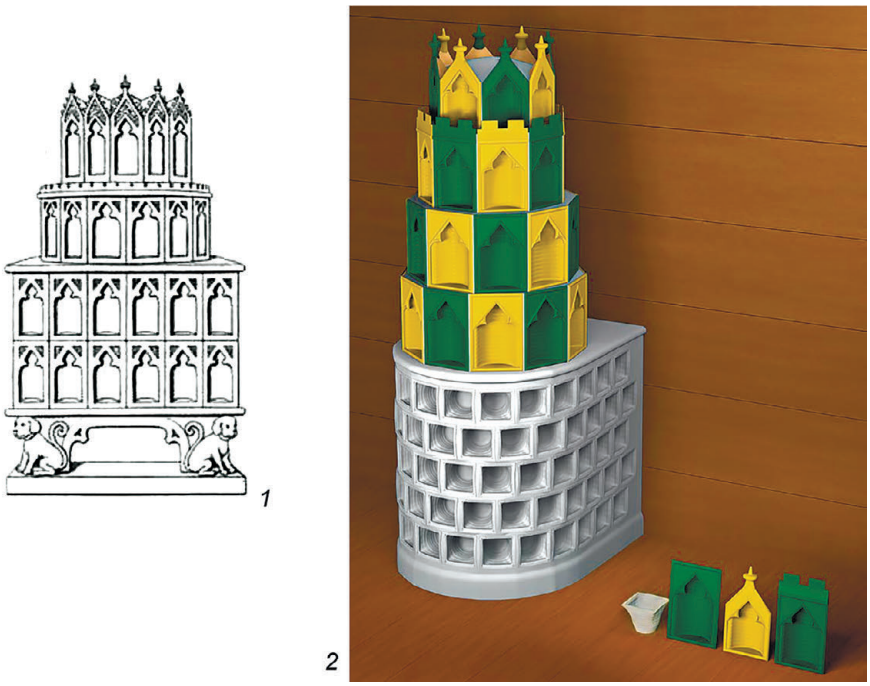


Рис. 8. Реконструкции печей с изразцами типа Танненберг.
1 – по: von Hefner, Wolf, 1850; *2* – по: *Rosmanitz*, 2021

медной прозрачной глазурью. Размер 230×210 мм» (рис. 9: *1*). Это печной изразец из Троице-Болдина монастыря Дорогобужского района Смоленской области. Филиппов получил его от архитектора Петра Дмитриевича Барановского, которому во время исследовательских и реставрационных работ в монастыре встретились такие же полихромные (там же). Изразцы того же типа, как в муравленом, так и в терракотовом (рис. 9: *2*) вариантах, найдены в Смоленске, в раскопе Г. Н. Пронина на ул. Ногина в 2010 г. (*Пронин, Соболь*, 2013. С. 95, 96).

Изразцовые печи стали распространяться в Альпийском регионе Европы как раз в середине XIII в. (*Roth Heege*, 2012). Естественно рассматривать это явление в связи с надвигавшимся тогда малым ледниковым периодом (*Жилина,* 2010, *Клименко, Мацковский, Пахомова,* 2012) как один из культурных механизмов освоения европейцами растущего «пространства зимы». Эта специализированная разновидность печей предназначалась для быстрого бездымного обогрева помещения. Конструктивно она представляла собой «огненный шкаф» с топкой из другой комнаты (*Кондратьев*, 2016). Истопник с дровами не должен был входить в чистое и теплое помещение. Отопление изразцовой печью – одно из удобств многокомнатного жилья, в котором хозяева могли себе позволить отдельно топить еще и кухонную, варную печь. В XIV–XV вв. изразцовые печи распространяются на север и восток Европы (рис. 10) как атрибут богатства и комфорта в доме, достигая Ливонии, Швеции (*Осе*, 1989)

Рис. 9. Смоленские нишевые изразцы XVII в.
1 – из Троице-Болдина монастыря (по: *Филиппов*, 2003); *2* – из Смоленска, размеры: 24×18 см (раскопки 2010 г. на ул. Ногина, 29, по: *Пронин, Соболь*, 2013. С. 96, 222).

и северо-запада России. В эти столетия возникло большое типологическое разнообразие изразцов. Сначала они были небольшими горшочками, вмурованными в глиняные стенки и свод печи.

В начале XVI в. в Пскове горшковидные изразцы с круглым и прямоугольным венчиком – лицевой пластиной – были наиболее распространенной формой печной керамики (рис. 11). Их описание и классификация впервые предложены Владимиром Игоревичем Кильдюшевским (*Кильдюшевский*, 1994). Считается, что традиция производства таких изразцов в XV в. заимствована с территории Великого княжества Литовского, где крупными центрами производства изразцов были Полоцк, Лида, Витебск, Вильно. Однако псковские горшковидные изразцы с выраженными плечиками и шейкой, а также гипертрофированными венчиками мало похожи на свои предполагаемые прототипы.

В числе памятников Псковщины, относящихся к первой половине XVI в., исследователям давно известно два, в составе которых есть надежно датированные керамические артефакты, стилистически близкие к псковским нишевым изразцам. Во-первых, это наиболее раннее датированное надгробие-керамида пещерного некрополя Псково-Печерского монастыря с датой упокоения 19 мая 1530 г. (*Плешанова*, 1978. С. 64). Во-вторых, в 1542–1543 гг. на барабане Никольского собора в Острове появились совершенно не известные ранее на Руси изразцы с килевидными арками и многочисленными готическими элементами декора. Уникальный поясок из чередующихся муравленых изразцов двух типов впервые получил подробное описание в работе ленинградской исследовательницы Изиллы Ивановны Плешановой (*Плешанова*, 1963). Для украшения

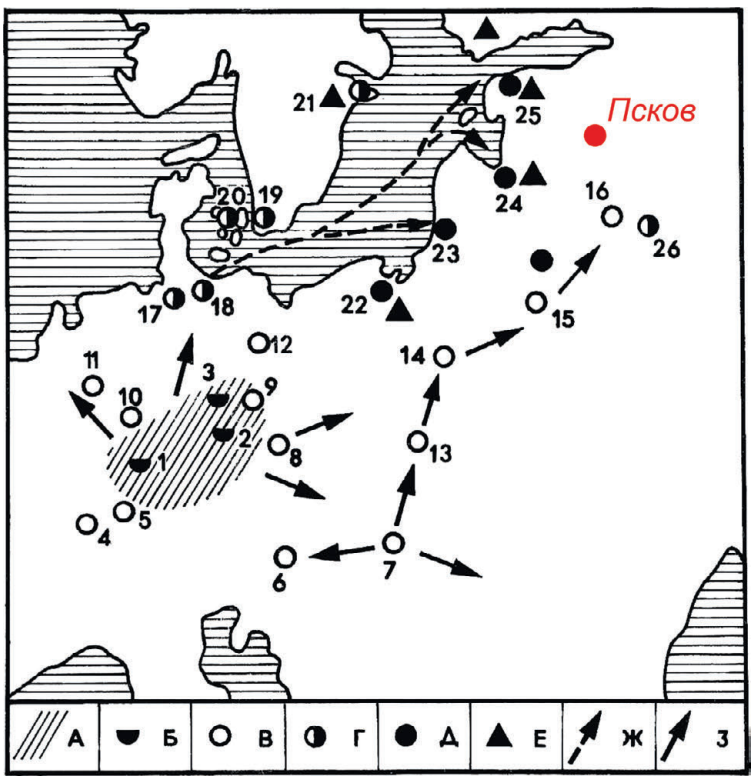


Рис. 10. Псков в контексте распространения изразцовых печей
в Европе в XIV–XV вв. (на основе карты: *Осе*, 1989. Рис. 1).
А – район возникновения изразцовых печей; начало применения печных изразцов по местам находок: Б – XII–XIII вв.; В – XIV в.; Г – XIV/XV в.; Д – XV в.; Е – места находок гипокаустов XIV–XV вв.; направления распространения изразцовых печей: Ж – XV в.; З – XIV в.
1 – Вимпфен, 2 – Родевиш, 3 – Випрехтсбург, 4 – Базель, 5 – Цюрих, 6 – Грац, 7 – Буда, 8 – Прага, 9 – Дрезден, 10 – Франкфурт, 11 – Кельн, 12 – Берлин, 13 – Краков, 14 – Варшава, 15 – Лида, 16 – Полоцк, 17 – Любек, 18 – Гамбург, 19 – Лунд, 20 – Копенгаген, 21 – Стокгольм, 22 – Гданьск, 23 – Клайпеда, 24 – Рига, 25 – Таллинн, 26 – Витебск, 27 – Вильнюс

барабана использованы матрицы изразцов двух похожих типов (типы 1 и 2, рис. 12, 13). Их общая особенность – килевидная арка на двух витых колоннах в центре композиции, увенчанная луковичной главой и четырьмя шатровыми башенками, по две с каждой стороны от главной «луковки». Главки, арочки, колонны и все края изразцов покрыты зеленой поливой. Пространство портала под аркой между колонн не глазуровано, а только покрыто светлым ангобом, который подстилает зеленую глазурь по всей лицевой поверхности изразца и по бокам. Колонны опираются на вытянутый по горизонтали прямоугольный цоколь, сверху и снизу украшенный рядами мелких арочных фестонов, разделенных орнаментальной полосой. У изразцов типа 1 эта полоса заполнена растительными завитками, у изразцов типа 2 – плетенкой-косицей из двух

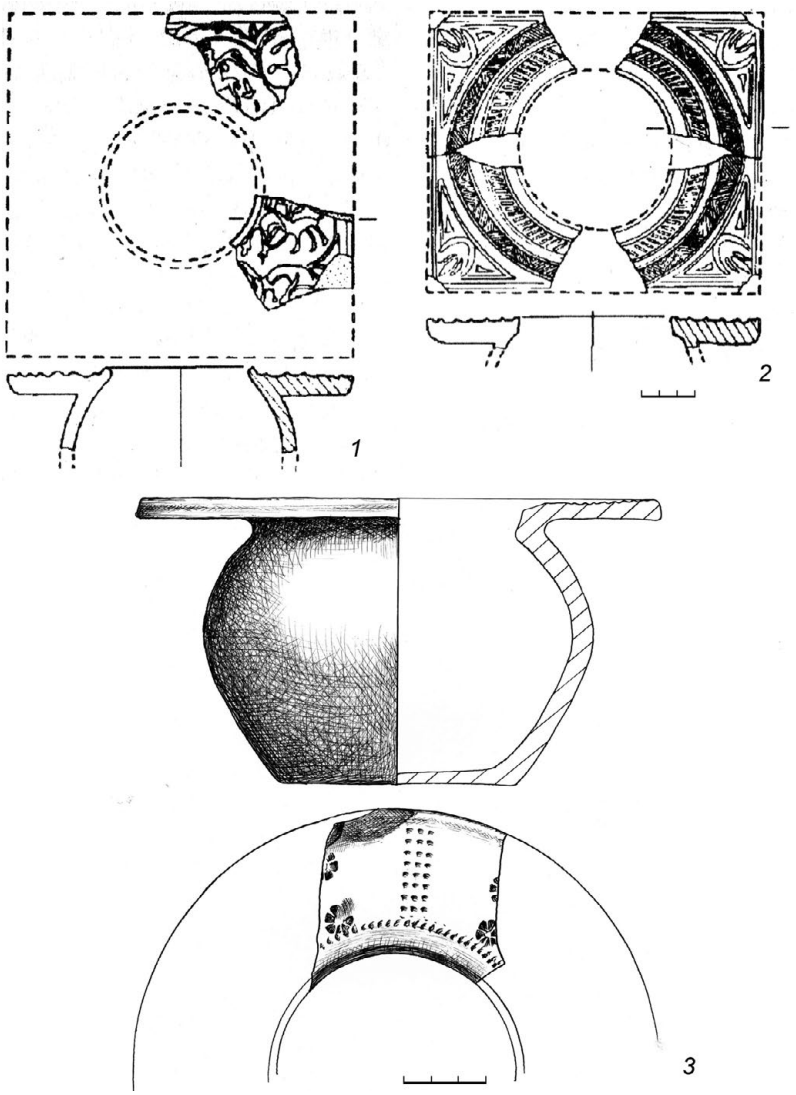


Рис. 11. Горшковидные изразцы Пскова. *1, 2* – прямоугольные (по: Кильдюшевский, 1994. С. 92), *3* – круглый, муравленый, из Новоторговского VIII раскопа (№ по описи 121)

лент. Лицевая пластина изразцов типа 1 по краям снизу до верху украшена кольцевидными дубовыми завитками с желудями и листиками. Каждый завиток оканчивается парой желудей. Слева и справа по вертикали расположены по 10 завитков, еще 2 завитка слева и 3 справа наклонены к центральной главке. Многие завитки послужили виньетками для миниатюрных изображений реальных и фантастических животных и птиц, причем с правой стороны показаны только птицы, а слева – самые разнообразные существа.

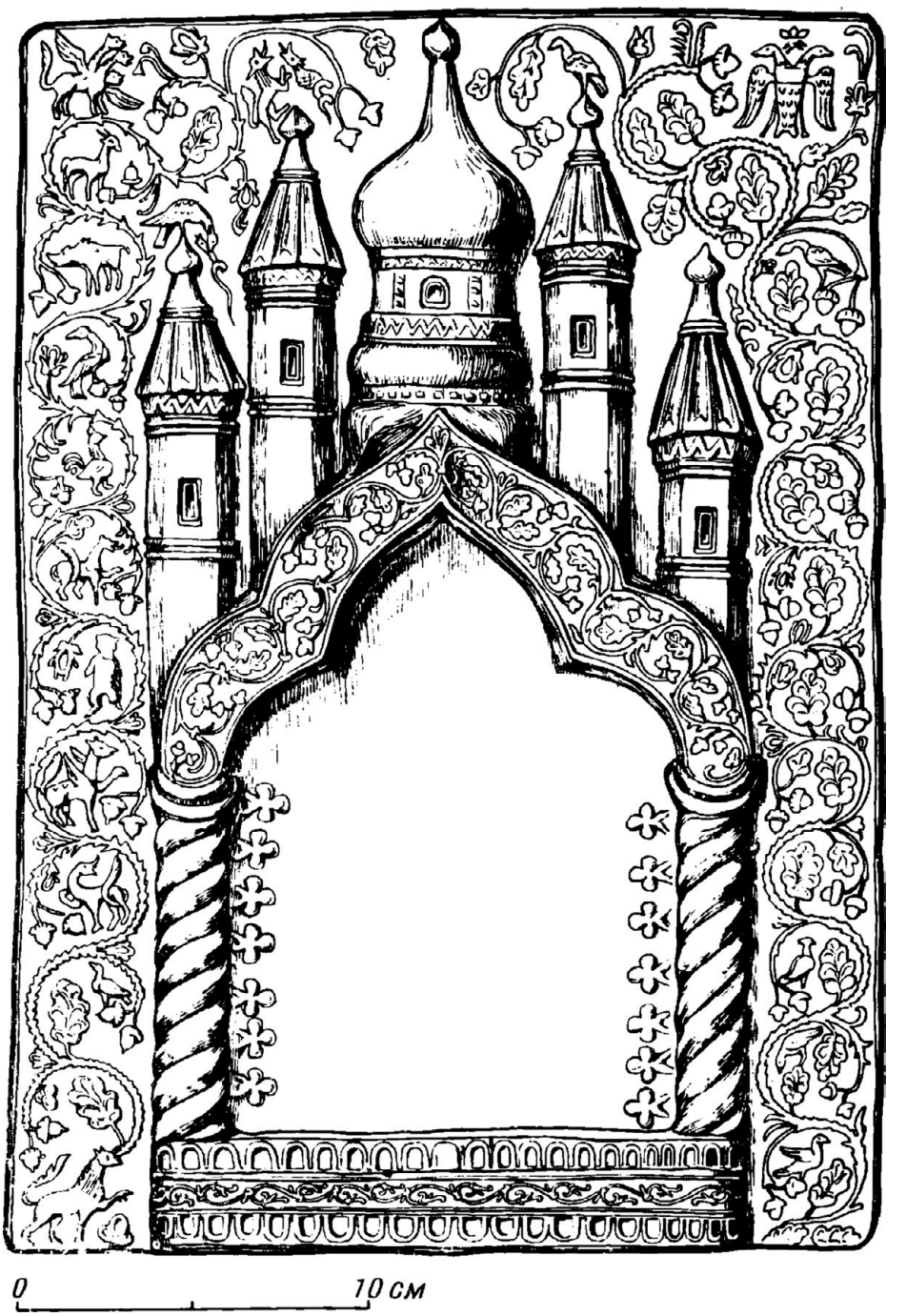


Рис. 12. Декоративная плита Никольского собора в Острове, тип 1
(по: *Плешанова*, 1963. С. 218)

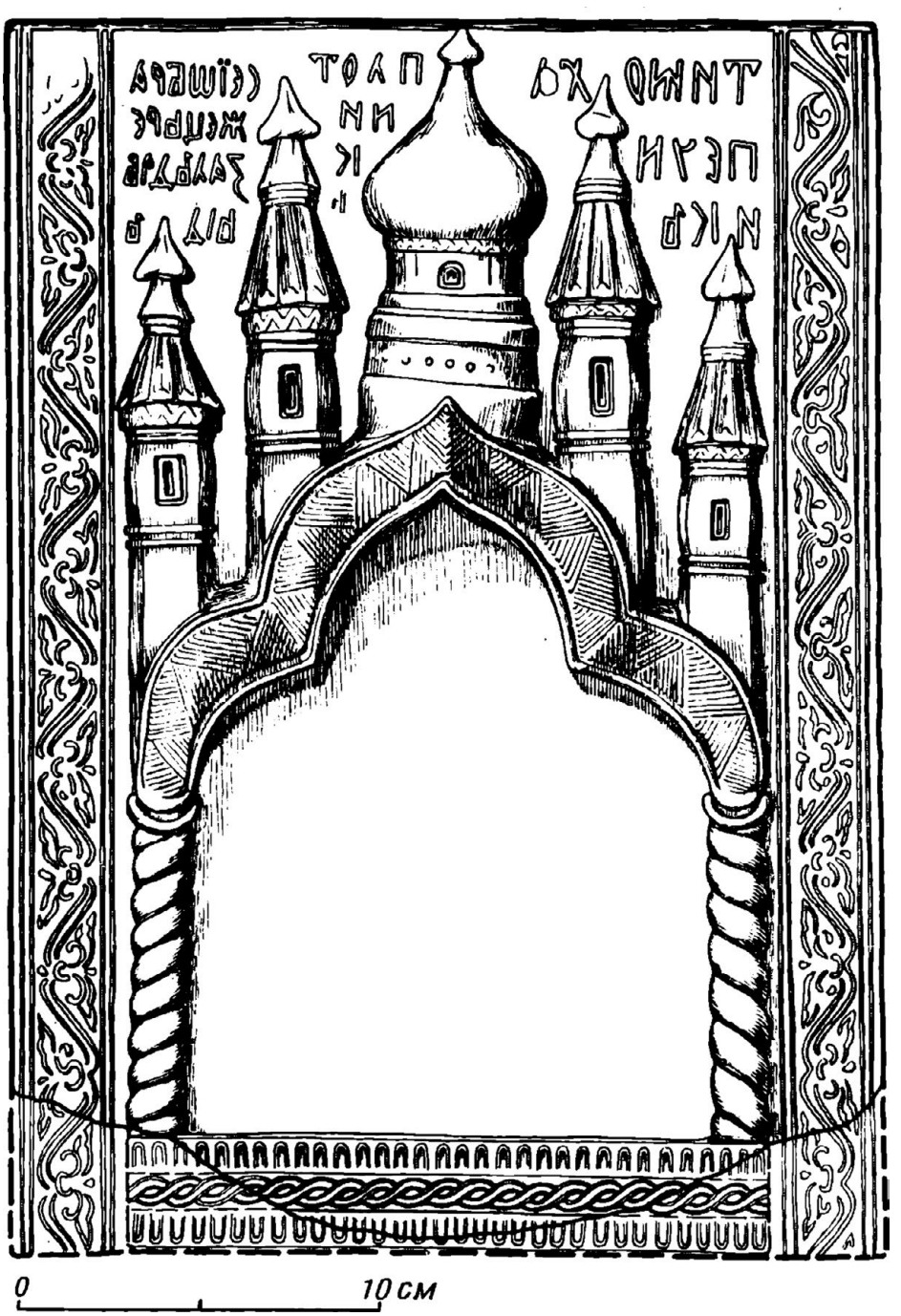


Рис. 13. Декоративная плита Никольского собора в Острове, тип 2
(по: *Плешанова*, 1963. С. 219)

Рисунок выполнен тонко, тщательно и изящно, с большим мастерством. Но особенное и совершенно уникальное значение представляет для нас изразец типа 2, с менее изысканным оформлением краев (волны, составленные из двух вытянутых волют, заполненные растительными завитками). В верхней части изразца помещена надпись, о которой И. И. Плешанова пишет следующее: «На свободном поле плиты, над главками башенок имеется вырезанная на форме и, следовательно, на плите обратная, подпись мастеров. Справа – «Тимоха печникъ». Слева «плотникъ сей ображець резалъ Давыдъ». Таким образом, плита была выполнена двумя мастерами – плотником Давыдом, вырезавшим «ображец», и печником Тимохой, который, вероятно, обжигал и покрывал плиту глазурью. Почерк подписи – полуустав, простой, с пропорциональными частями букв, отличается правильностью, а вся подпись – грамотностью» (*Плешанова*, 1963. С. 217).

Надпись нанесли на поверхность еще не просохшей глиняной матрицы. Матрицы обоих изразцов с Никольского собора использованы затем в керамических надгробиях (керамидах) пещерного некрополя Псково-Печорского монастыря времен Ливонской войны. Матрица типа 1 (с дубовыми завитками) использовалась очень долго, более 50 лет – с 1530 г. (*Плешанова*, 1978. С. 64). Последнее ее применение зафиксировано в надгробии И. С. Чертова 1581 г. (№ 40 по каталогу Плешановой) (*Плешанова*, 1966. С. 169, 170). Матрица типа 2 (с авторской надписью) – использована в заупокойной плите Г. Ш. Ододурова 1560 г. (№ 41 по каталогу Плешановой) (*Плешанова*, 1966. С. 169, 171). Алексей Васильевич Филиппов (1882–1956), опубликовавший в 1938 г. изразец типа 1 из Никольского собора в Острове, как и Плешанова, считал, что матрицы этих изделий изготовлены исключительно для создания керамических муравленых надгробий (*Филиппов*, 1938. С. 21–25. Табл. 8). Теперь, в результате многолетних исследований культурных отложений средневекового Пскова, стало ясно, что в Пскове XVI в. бытовали малораспространенные в России нишевые печные изразцы с архитектурными мотивами. Образ килевидной арки на витых колоннах, увенчанной многоглавием, очевидно, сложился сначала как декор печного изразца. Эти изразцы совершенно неожиданно развили традицию готических изразцов типа Танненберг. Очевидно, что большинство изобразительных средств, использованных мастерами, относятся к декоративному «арсеналу» готического немецкого изразца. Это и дубовые побеги с желудями, и цветки руты, исходящие из витых колонн на изразцах типа 1, и сама форма килевидных арок, и пояски арочных фестонов, и, наконец, идея завершения килевидной арки с куполом и башенками по краям. Правда, в немецких изразцах XV в. по бокам арочки мастера изображали декоративные башенки-пинакли, характерные для готической архитектуры. Изразцы с нишевой румпой, как у печной керамики типа Танненберг, практически не применялись в изразцовом деле Ливонии и Великого княжества Литовского. Нишевые изразцы были известны в Великопольше с XV в., но они стилистически сильно отличаются от псковских. Скорее всего, традиция была заимствована у более далеких ганзейских партнеров Пскова. Может быть, это балтийские города Любек или Штральзунд, где изразцовое производство рано достигло высокого

уровня и такие изразцы были в ходу. Скорее всего, именно у «доброго» немецкого мастера из этих мест обучены Давыд и Тимоха где-то в 20-х гг. XVI в. О конкретных обстоятельствах этого ученичества нам ничего не известно. Может быть, немецкий мастер-керамист оказался в псковских пределах, или русские ученики попали в «немецкое заморье», а затем вернулись под крыло Печерского монастыря. Ясно только, что передача традиции произошла ранее 1530 г. Это время Реформации, когда популярность готики как художественного стиля быстро угасала, а наставник, судя по архаической стилистике, был из католической среды. Ученики восприняли уходящую моду едва ли не на последнем ее дыхании. Но, поместив вместо готических пинаклей православные шатры с куполами, они совершили художественное открытие, обеспечившее яркому образу города-храма долгую жизнь. Ученичество в мастерских русских изразечников в XVII в. продолжалось 5–7 лет, иногда дольше. (*Баранова,* 2011. С. 126–127). Логично предположить близкие сроки и для XVI в. В мастера учеников выпускали с набором форм и инструментов, изготовленных под руководством хозяина-наставника (там же). Так что молодые русские мастера начали работу в Пскове во всеоружии и всю жизнь продолжали использовать многие из полученных в юности форм и инструментов, а некоторые, наверно, передали по наследству. Конечно, мастера XVI в. не могли ограничиваться только производством изразцов – этот рынок был в Пскове слишком узок. Они занимались также изготовлением всякой поливной посуды, прежде всего сложной, требующей конструирования из разных деталей и нанесения многочисленных оттисков, – фляг, кумганов, водолеев, кулинарных форм. Они же делали по заказу керамические поливные валики, черепицу-лемех для церковных куполов, сгоны для сброса дождевой воды с крыш, керамические муравленые арочки – «кокошники» – для украшения церковных барабанов.

Точную численность мастеров-керамистов в Пскове первой половины – середины XVI в. установить невозможно: состояние источников не позволяет этого, но можно дать приблизительную оценку на основании данных западных соседей. Польская исследовательница Ядвига Олброт определяет численность мастеров-гончаров в столичном стотысячном Кракове середины XVI столетия в 20 человек (*Olbrot*, 2014). Очевидно, что речь идет только о полноправных мастерах – хозяевах мастерских. Если прибавить участвующих в производстве членов семьи мастера (по 2 человека в среднем) и учеников (также по 2), получим порядка 100 человек – работников керамической «отрасли» крупного средневекового города. В Кракове они объединились в гончарную гильдию – ремесленное сообщество со своим самоуправлением, судом, под предводительством «цехмейстера», под флагом, на котором изображались Адам и Ева в раю. Их патрональной церковью был храм св. Стефана. Особо почитался и украшался алтарь св. Агнессы. Всего два мастера работали в небольшом городе Казимеж, к северо-востоку от Кракова, они принадлежали к тамошней гильдии (в Польше с XIV в. действовало «Магдебургское право»). Именно из Казимежа происходил единственный из польских керамистов XVI в., кто отмечал своим именем изразцы – Бартош: «Bartosz fecit», «Bartosz uczinil» («Бартош сделал», по-латыни и по-польски), «de Cazimirus fecit» («изделие Казимежа»).

В Кракове он владел мастерскими возле костелов Тела Христова и св. Катаржины, хотя принадлежал к Казимежской гильдии. Производством изразцов и строительством печей занимались совсем немногие гончары. Для именования печного мастера существовал специальный термин – «zdun», но в латинской номенклатуре гончарских специальностей он не отразился. В польских средневековых источниках – «figulus, lutifigulus, ollifex» или «ollificus». Так что невозможно по документам точно определить число «здунов» среди других керамистов (*Olbrot*, 2014. S. 173–177).

Примерная численность керамических мастерских, если ориентироваться на ситуацию восточноевропейских соседей, получается примерно следующая: согласно расчетам К. А. Мержановой, население Пскова XVI в. составляло немногим более 15 тыс. человек (*Мержанова*, 1991), соответственно, число гончарных мастерских в городе было менее десятка и не больше одной-двух из них работали со сложными поливными изделиями.

Чтобы понять значение и место мастерской Давыда в истории псковского и вообще российского керамического ремесла, коснемся еще раз надписи на подписной матрице изразца второго типа из Никольского собора в Острове, воспроизведенной в печорской керамиде № 41 (надгробие Ододурова 1560 г.). Во-первых, стоит отметить разницу в именовании мастеров. Давыд назван полным именем, Тимоха – в просторечной, уменьшительной форме. В средневековых надписях форма и порядок именования почти всегда отражают место человека в социальной иерархии. Тимоха младший в этом партнерстве. Может быть, младший родственник или ученик в мастерской Давыда. Во-вторых – по смыслу – это декларация мастера, уверенного в своих силах и доброкачественности своих изделий. Надпись стоит в одном ряду с клеймами польского мастера Бартоша из Казимежа. Это еще не реклама – скорее продолжение традиции средневековых подписей лучших ремесленников и владельцев мастерских – оружейников, ювелиров и литейщиков. Но в том же XVI в. из подобных подписей начинает вырастать реклама. В статье чешских авторов Михаля Сукупа, Маркеты Сукуповой и Адама Шрайбера рассказывается о Гессенском мастере-изразечнике Гансе Бермане (Hans Berman), который помечал именными клеймами свою продукцию (*Soukup et al.*, 2012). Кроме имени мастера, клеймо на нижней рамке изразца сообщало дату – арабскими цифрами в двух вариантах – неопределенный 155X и 1562. География находок таких изразцов такова, что исследователям очевидно – на дальних рынках Берман торговал не изразцами, а патрицами для изготовления форм – клише лицевых пластин или только рамок-порталов для изразцов. Его продукция адресовалась коллегам-керамистам. Деятельность Бермана свидетельствует о том, что свободное комбинирование штампов в европейском изразцовом деле того времени – совершенно обычная практика. В одну и ту же рамку (рис. 14: *1*) мастер помещал совсем разные сюжеты – то сцену распятия с предстоящими (рис. 14: *2*), то портрет саксонского курфюрста в рост (рис. 14: *3*), то фантастический архитектурный интерьер. В русле этой традиции сложное комбинирование матриц при изготовлении печерских керамид, как представлял его А. В. Филиппов (рис. 14: *4*), выглядит вполне органично. Изразцы

Рис. 14. Комбинирование штампов керамических изделий.
1–3 – изразцовые формы Ганса Бермана, б/м (по: *Soukup et al.*, 2012. Fig. 2, 15, 18);
4 – реконструкция станка для оттискивания керамид с помощью составной формы (по: *Филиппов*, 1938. С. 23)

Бермана встречены в городах Германии, Польши, Швеции, Дании и Латвии. Его именные изразцы – ранний пример рекламной кампании. В целом имена мастеров на изразцах в XVI в. во всей Европе весьма редки, тем более важно и интересно, что русские входят в этот короткий перечень.

Мастерская Давыда тесно связана с Псково-Печерским монастырем, где в 1529 г. игуменом стал энергичный двадцативосьмилетний Корнилий (1501–1570 гг). Заботясь о хозяйственном процветании и благолепии обители, он, по-видимому, способствовал и деятельности при монастыре керамической мастерской. Для нужд изготовления надгробий-керамид форма нишевых изразцов была со временем модифицирована: если в древнейшем из сохранившихся надгробий (1530 г.) пространство портала еще ничем не заполнено, то в керамидах 1550-х и по 1581 г. оно занято изображением креста с голгофой и стен Иерусалима. Уже в 1530 г. наверху добавлены еще две башенки «храма». При использовании матрицы для формовки декоративных плит барабана Никольского собора внутри арки, где у печных изразцов имелся сквозной проем, была оставлена пустая ангобированная плоскость. Тождественность форм киотца керамиды 1530 г. и оформления средника плиток типа 1 Никольского собора в Острове отмечена И. И. Плешановой (*Плешанова,* 1978. С. 63).

Давыд с его мастерской стал главным производителем сложной поливной керамики для Пскова и Печор, да и для всей Псковской земли. Теперь нам становится ясно, что они составили эпоху в развитии муравленого декора Псковских храмов, ввели в обиход арочные поливные изразцы с православным многоглавием, а затем адаптировали этот мотив для украшения кубовидных варочных печей. Так появились массивные терракотовые «киоты» – предназначенные под побелку безрумповые изразцы. Эти предметы систематизировали Л. Г. Паничева и В. И. Кильдюшевский (*Кильдюшевский, Паничева*, 1987) (рис. 15). Авторы отмечали композиционную близость киотов разновидности 2Д и изразцовых плит Никольского собора в Острове, считали вероятным изготовление керамид, киотов и декоративных плит в одних и тех же псковских мастерских, но заузили хронологию киотов, определив верхнюю хронологическую границу их бытования серединой XVII в. (*Кильдюшевский, Паничева*, 1987. С. 65–68). Уже в ходе охранных раскопок сезона 1988 г. по адресу ул. Советская 47а их производство в Пскове 1670-х гг. подтверждено находкой ямы с браком при обжиге (*Кильдюшевский*, 1990). В статье 1987 года авторы еще следуют идее Ю. П. Спегальского о роли изучаемых предметов как дешевой формы обрамления небольших домашних икон (*Спегальский,* 1960). Позднее В. И. Кильдюшевский интерпретировал псковские керамические киоты только в качестве печной керамики (*Кильдюшевский*, 2001). В той же публикации 2001 г. он высказал блестящую догадку о том, что форма киотов со сквозными прорезями и главками могла возникнуть под влиянием нишевых изразцов, которые псковичи видели в заграничных поездках. Сегодня изображение архитектурного многоглавия в сочетании со сквозными прорезями на этих предметах становится понятно в свете их происхождения от лицевых пластин псковских нишевых изразцов. «Киоты» намного

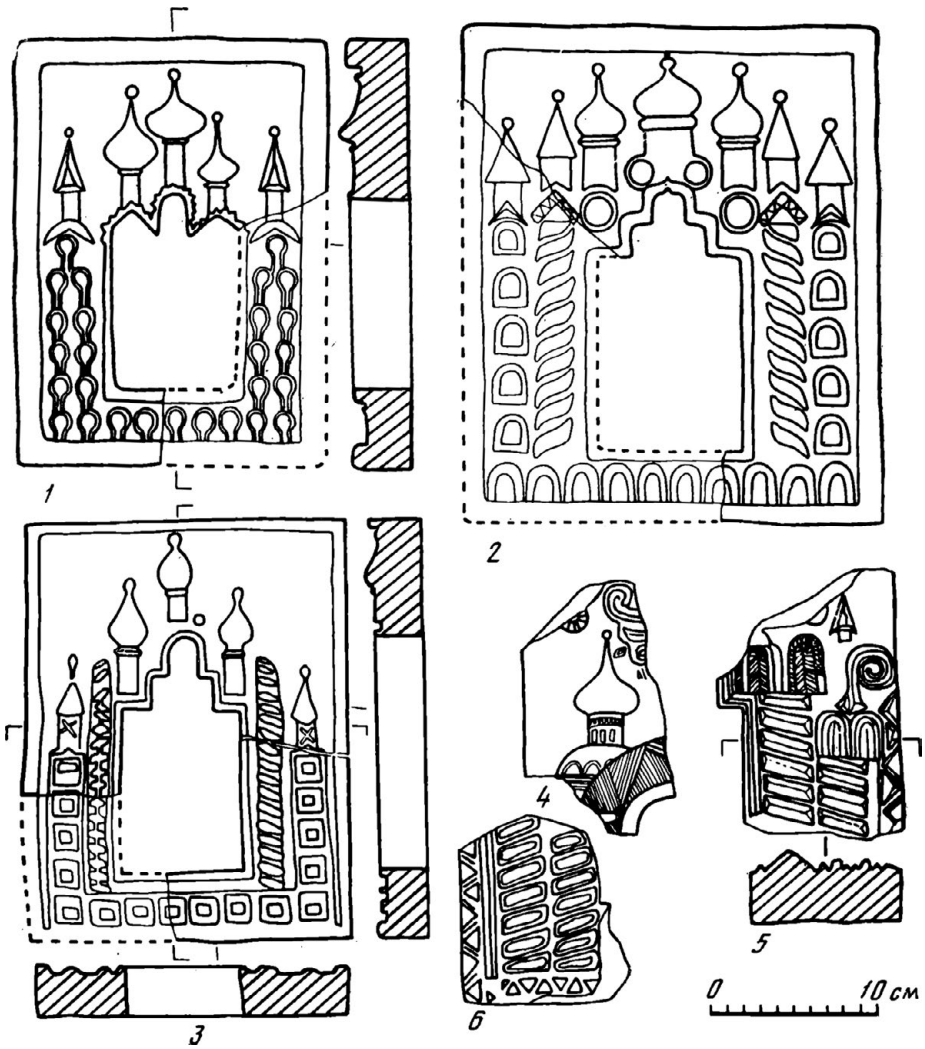


Рис. 15. Керамические безрумповые изразцы-киоты
(по: *Кильдюшевский, Паничева*, 1987. С. 67)

пережили свои глазурованные прототипы, просуществовав в Псковском быту около 200 лет, до начала XVIII в.

В итоге следует отметить, что появление довольно сложных и высокотехнологичных для своего времени нишевых изразцов в обиходе псковичей XVI в. не было изолированным явлением. У состоятельных горожан Московского царства возникает в это время спрос на керамику новых форм и нового декора. В Москве эта новая номенклатура столовой и бытовой посуды с черным лощением – водолеи, фляги, кумганы, кубышки, кувшины, рукомойники-аквананилы (*Коваль*, 2019). В Пскове та же линейка наименований появляется

в зеленой глазури, и сверх того – нишевые изразцы. Еще одна характерная особенность появления нишевых изразцов в Пскове заключается в том, что они стали изразцами «второго поколения». В местный обиход уже давно вошли печи с горшковидными изразцами. Ту же последовательность отмечает Х. Росманиц относительно немецких прототипов – изразцов типа Танненберг (*Rosmanitz*, 2021). Они всегда появлялись в тех местах, где уже закрепилась традиция изразцовых печек с более простыми элементами, дополняли и усложняли архитектуру печи богатого дома (рис. 8: *2*).

Литература

Баранова С.И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.

Жилина Т.Н., 2010. Малый ледниковый период как одно из колебаний климата в Голоцене и его последствия в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. № 340. С. 206–211.

Кильдюшевский В.И., 1990. Следы производства изразцов в Пскове в XVII веке (по материалам раскопа на ул. Советской, 47) // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. науч.-практ. конф. (1989 г.). Псков. С. 22–23.

Кильдюшевский В.И., 1994. Горшковидные изразцы в средневековом Пскове // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. С. 89–96.

Кильдюшевский В.И., 2001. К вопросу о псковских керамических киотах // Архитектурно-археологический семинар. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 57–64.

Кильдюшевский В.И., Паничева Л.Г., 1987. Псковские керамические киоты // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 190. С. 64–69.

Клименко В.В., Мацковский В.В., Пахомова Л.Ю., 2012. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века // История и современность. № 2. С. 130–163.

Коваль В.Ю., 2019. Московская чернолощеная посуда // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 15. М.: ИА РАН. С. 383–400.

Кондратьев И.И., 2016. Московские круглые «надворные варочные печи». Второй сюжет из истории обогревательных устройств на Руси [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/27893604 (дата обращения: 14.11.2022).

Мержанова К.А., 1991. Численность населения средневекового города: возможности реконструкции (на примере Пскова) // Советская археология. № 4. С. 108–122.

Осе И., 1989. Возникновение изразцовых печей в Латвии // Vakaru Baltu archeologija ir Istoria. Klaipeda. С. 137–145.

Плешанова И.И., 1963. Псковские архитектурные керамические пояса // Советская археология. № 2. С. 211–226.

Плешанова И.И., 1966. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. VI. М., С. 149–151, 194–200.

Плешанова И.И., 1978. Каменные надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // Нумизматика и эпиграфика. XII. М. С. 63–185.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., 2013. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток. 240 с.

Салмина Е.В., Салмин С.А., 2008. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 53-го заседания (2007 г.). Псков. С. 29–56.

Спегальский Ю. П., 1960. Псковские керамические киоты // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 81. С. 117–120.

Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы. Вып. I. XV–XVII века. М.

Филиппов А. В., 2003. Древнерусские изразцы. Вып. II. Изразцы XVII века. Период освоения ремесленной техники массового художественного производства. (Восстановленная рукопись). М.

Grimm G. V., 2009. Bruhler Ofenkacheln aus dem Mittelalter mit einem Beitrag zur Datierung und zur Entwicklung der Verkleidungen vom Typus Burg Tannenberg // Bonner Jahrbücher. 209. S. 215–238.

von Hefner J., Wolf J. W., 1850. Die Burg Tannenberg und ihre Ausgrabungen. Frankfurt am Main.

Olbrot J., 2014. Praca krakowskiego zduna w ZłotymWieku kaflarstwa czyli o budowie renesansowych pieców kaflowych // Menhir. 10. S. 31–39.

Rosmanitz H., 2015. Die Ofenkacheln vom Typ Tannenberg – Eine spätgotische Massenproduktion im Spannungsfeld von Produzent und Konsument // Arbeiten aus dem Institut für Kunstgeschichte und Archäologien Europas der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Neue Folge. Weissbach. S. 355–375.

Rosmanitz H., 2021. Immer den Krümeln nach – zur Aussagekraft von Fragmenten // Archäologie in Deutschland. № 2. P. 24–25.

Roth Heege E., 2012. Ofenkeramik und Kachelofen. Typologie, Terminologie und Rekonstruktion im deutschsprachigen Raum (CH, D, A, FL), mit einem Glossar in siebzehn Sprachen. Basel: Schweizerischer Burgenverein. 380 S.

Soukup M., Soukupová M., Šrejber A., 2012. Bohemian finds of stove tiles with the signature «HANS BERMAN» // Studies in Post-Medieval Archaeology. 4. P. 145–164.

* * *

Яковлев Алексей Владимирович, *Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; e-mail: leon-yak@yandex.ru*

П. А. Миляев

Предметы вооружения и военного снаряжения XVI–XVIII вв. из раскопок на территории Нового Торга в Пскове (по материалам работ 2004–2013 гг.)

Резюме. В статье подробно рассматриваются находки, связанные с военным делом XVI–XVIII вв., обнаруженные в ходе раскопок 2004–2013 гг. на месте расположения Нового Торга в Пскове. Среди них имеются детали огнестрельного и холодного оружия, боеприпасы, наконечники стрел и фрагменты пластинчатых и кольчатых доспехов. Большинство изделий сломано, на них имеются следы демонтажа отдельных деталей. Наличие подобных находок на данном участке связано не с боевыми действиями, а со специализацией некоторых лавок Нового Торга. По данным письменных и археологических источников, здесь занимались сбором и продажей железного лома, мелкими слесарными работами, литьем небольших предметов из легких сплавов.

Ключевые слова: Псков, Новый Торг, XVI–XVIII вв., огнестрельное оружие, холодное оружие, доспехи.

P. A. Milyaev. Weapons and Military Equipment of the 16th–18th Centuries from Excavations on the Territory of the New Market in Pskov (on the Excavations of 2004–2013 Data)

Abstract. The article examines in detail the finds related to military affairs of the 16th–18th centuries, discovered during excavations in 2004–2013 at the location of the New Market in Pskov. Among them there are parts of firearms and bladed weapons, ammunition, arrowheads and fragments of plate and ring armor. Most of the products are broken, they have traces of dismantling of individual parts. The presence of such finds in this area is not related to the fighting, but to the specialization of some shops of the New Market. According to written and archaeological sources, they were engaged in the collection and sale of iron scrap, small metalwork, casting of small objects from light alloys.

Keywords: Pskov, Novy Torg (New Market), 16th–18th centuries, firearms, edged weapons, armor.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.155-192

Предметы вооружения и военного снаряжения XVI–XVIII вв. являются одной из интереснейших, хронологически и типологически важных категорий находок в поздних культурных напластованиях русских городов и крепостей. На данный момент в целом уже определился круг археологических памятников и объектов, для которых подобные предметы являются характерными и могут быть обнаружены в значительном количестве. В первую очередь это поля сражений позднего Средневековья – Нового времени (напр., Молоди, Судьбищи, Берестечко, Бородино), городские слои, сохранившие следы боевых действий, обстрелов и осад укреплений (напр., Ладога, Орешек, Ниеншанц), территории полевых военных лагерей (напр., Тушинский лагерь, лагеря Крымской войны), места размещения постоянных гарнизонов, районы компактного проживания представителей военного сословия и служилых людей (напр., каменные крепости Северо-Запада, Москва, Тула, Радонеж, городище Искер, Мангазея, Тобольск и т. д.), а также крупнейшие арсеналы конца XVI–XVII в. (напр., Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри) (*Двуреченский и др.*, 2020. С. 19–51; *Свєшніков*, 1992. С. 225–269; *Миляев*, 2019; *Двуреченский*, 2018; *Хохлов, Нестерова*, 2020; *Кутасов*, 2010; *Кирпичников, Хлопин*, 1972. С. 168–181; *Балан*, 2013 и др.). Немало интересующих нас находок можно связать с ремесленными металлообрабатывающими комплексами и мастерскими (Москва, Ивангород), множество железных предметов и их обломков, в частности оружия, хранилось у населения в качестве лома для последующей переделки и утилизации (Москва, Тула, Ладога) (*Петренко*, 1989. С. 43; *Векслер, Двуреченский*, 2000; *Простяков*, 2016 и др.).

Участки городов, где находились средневековые торжища, не являются характерными местами, где можно предполагать наличие в материалах раскопок большого количества предметов, связанных с военным делом. Однако в ходе археологических работ на территории Нового Торга в Пскове удалось собрать довольно многочисленную и разнообразную коллекцию предметов вооружения и снаряжения XVI–XVIII вв. Ее интересно рассмотреть в типологическом и хронологическом аспектах, а также подробнее изучить контекст обнаружения данных изделий и выяснить причину их присутствия в столь специфическом районе позднесредневекового Пскова. Указанные находки также характеризуют комплекс вооружения псковичей в указанный хронологический период и отражают его изменения и развитие.

Новый Торг возник в 1510 г. и локализуется в северо-восточной части Окольного города Пскова. С запада он был ограничен стеной Среднего города (примерно соответствует трассе совр. ул. Пушкина), на юге достигал Трупеховской ул. (совр. Октябрьский пр.), на северо-восток распространялся до Михайловской ул. (совр. ул. Спегальского). Восточная граница торжища столь же точно не определена, но, возможно, доходила до стены Окольного города (рис. 1). На территории Нового Торга, площадь которой могла составлять более 11 га, было около 1300 лавок, объединенных в 19 специализированных рядов – деревянных линейных сооружений (*Салмина и др.*, 2014. С. 31–32; 2016. С. 51. Рис. 2–5; 2019. С. 181, 184, 186–187). На данном участке Пскова рынок располагался до 1778 г.

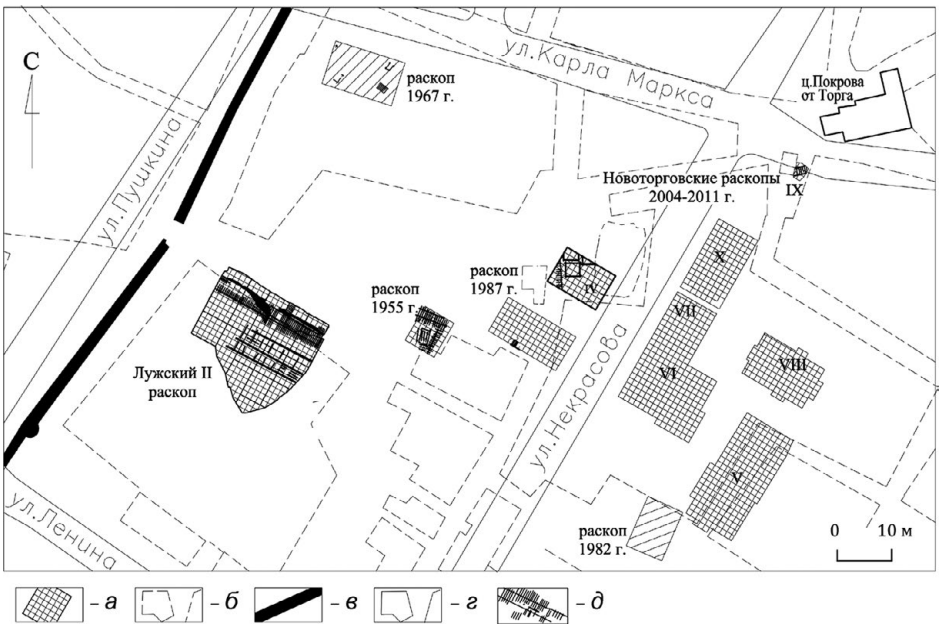


Рис. 1. План расположения раскопов 1955–2012 гг. на Новом Торгу в Пскове, совмещенный с планом 1740 г. *а* – раскопы; *б* – объекты плана 1740 г.; *в* – стена 1374/1375 гг., скрытая в толще культурного слоя; *г* – сохранившиеся исторические и современные здания; *д* – наиболее значительные деревянные сооружения, раскрытые при раскопках (по: *Салмина, Салмин, Подгорная*, 2016)

Археологическое изучение данной территории началось в 1965 г. (рук. Г. П. Гроздилов), затем в 1967 г. был заложен раскоп на северо-западной окраине Торга (рук. И. К. Лабутина), после перерыва оно возобновилось в 1987 г. (рук. Т. Е. Ершова). Следующий этап работ проводился в 2004–2011 гг. на Новоторговских IV–X раскопах (рук. Е. А. Яковлева, А. В. Михайлов; Т. Е. Ершова, Р. Г. Подгорная, В. В. Фролов, А. В. Яковлев) и продолжен в 2011–2013 гг. на Лужских II–IV раскопах (рук. Р. Г. Подгорная, Е. В. Салмина, С. А. Салмин) (*Михайлов, Яковлева*, 2007; *Салмина и др.*, 2016. С. 52–54; *Салмина, Салмин*, 2019. С. 1–4. Рис. 1–3) (рис. 1). В результате указанных исследований были открыты основания лавок XVI–XVII вв. – небольших одинаковых срубов-клетей, объединенных в единые линейные конструкции, – ряды, а также обнаружены мощенные улицы, располагавшиеся на территории Нового Торга, и межрядные проходы. Многочисленные находки подтверждают общественный, открытый характер использования данной территории, отсутствие следов ведения традиционного домашнего хозяйства, получены свидетельства функционирования нескольких ремесленных мастерских. Также имеются предметы, относящиеся непосредственно к товарам и торговому инвентарю (*Салмина и др.*, 2014. С. 39–40; 2016. С. 59–62; *Салмина, Салмин, Подгорная, Михайлов*, 2016). Результаты раскопок, реконструкция структуры

Таблица 1

Наименование	Огнестрельное оружие	Холодное оружие ближнего боя	Метательное оружие	Защитное снаряжение
Детали ружейных замков	6			
Пули свинцовые	9			
Ружейные кремни	21			
Ядро	1			
Детали клинкового оружия		1		
Наконечник ножен		1		
Наконечник копья		1		
Втоки		2		
Навершие шестопера		1		
Наконечники стрел			5	
Фрагмент колчана			1	
Нащечная пластина шлема				1
Фрагмент кольчуги				1
Общее количество	37	6	6	2
Итого: 51				

Нового Торга, некоторые категории археологического материала, в частности ряд находок, связанных с военным делом, подробно были освещены в ряде публикаций (*Салмин*, 2008; *Салмин*, 2017).

В данной работе учтены предметы вооружения и военного снаряжения XVI–XVIII вв., обнаруженные в ходе работ 2004–2013 гг. на Новоторговских IV–X и Лужских II–IV раскопах. Всего в коллекции насчитывается 51 находка, среди которых имеются детали огнестрельного и холодного оружия, свинцовые и железные боеприпасы, наконечники стрел, фрагменты защитного снаряжения. Их распределение по категориям изделий представлено в таблице1.

Из представленной статистики очевидно, что большая часть находок – 37 экземпляров – относится к огнестрельному оружию и демонстрирует его подавляющее превосходство над другими видами боевых средств, что особенно было характерно для периода конца XVI–XVII в. При этом значительное их количество составляют боеприпасы и ружейные кремни. Немногочисленные наконечники стрел могут свидетельствовать о снижении роли саадака в военном деле указанного периода на Северо-Западе Московского царства. Количество находок, относящихся к холодному оружию ближнего боя, также очень невелико, дорогостоящее защитное снаряжение и вовсе представлено единичными небольшими фрагментами.

Непосредственно к огнестрельному оружию XVI–XVIII вв. относится шесть деталей ружейных замков различных типов. Наиболее ранней и редкой находкой из них является железный S-видный курок – «жагра» от фитильного замка с боковым спуском-кнопкой (рис. 2: *1*). Размеры изделия – 93×22 мм, в его центре есть расширение – площадка овальных очертаний, в центре которой имеется отверстие с сохранившимся в нем фрагментом гвоздя или ружейного винта с округлой грибовидной шляпкой. К сожалению, обломок

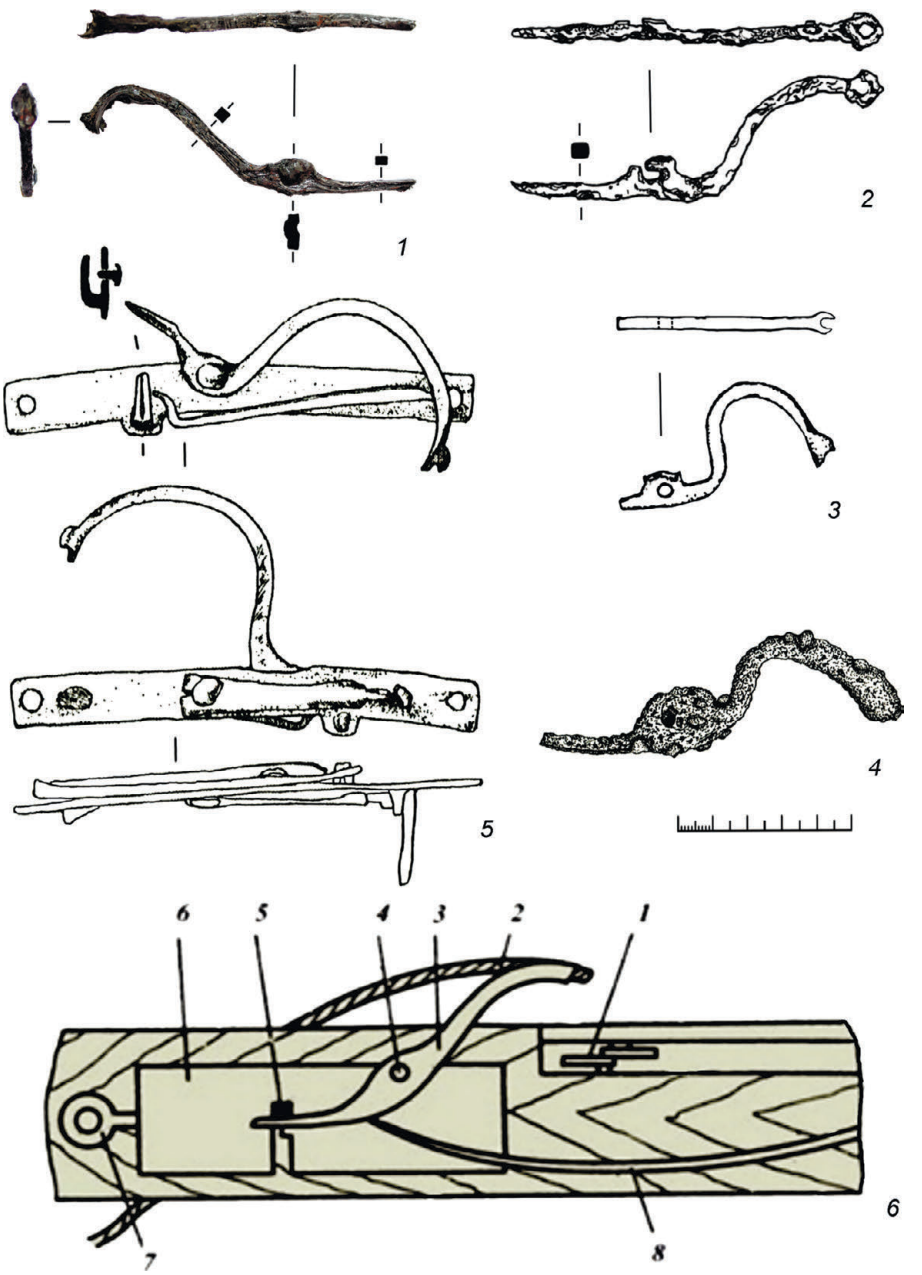


Рис. 2. S-видные курки-серпентины. *1* – Псков, Новый Торг; *2* – городище Искер (по: *Адамов*, 2021); *3* – Пустозерск; *4* – Порхов (по: *Миляев*, 2018); *5* – фитильный ружейный замок с S-видным курком, Псков (по: *Салмин*, 2011); *6* – фитильный ружейный замок с боковым спуском-кнопкой во взведенном состоянии: *1* – пороховая полка, *2* – фитиль, *3* – курок, *4* – ось курка, *5* – шептало, *6* – замочная доска, *7* – спуск-кнопка, *8* – боевая пружина (по: *Маковская*, 1992). *1–5* – железо

указанного крепежного элемента сильно пострадал от коррозии, и точно определить его вид не представляется возможным. Край верхнего плавно изогнутого рычага детали был расплющен и свернут в трубку для фитиля, от которой сохранились лишь небольшие фрагменты стенок. Нижнее плечо детали прямое, обломанное на конце.

Конструкция классического фитильного замка с кнопочным спуском, к которому принадлежит данная деталь, оформилась в конце XV в. на территории Западной Европы. Однако в первой четверти XVI в. он еще не использовался повсеместно и устанавливался далеко не на все образцы ручного огнестрельного оружия, массовое использование подобных механизмов начинается с 20-х гг. XVI в. (*Мышковский*, 1965. С. 188). Замок состоял примерно из семи деталей, крепившихся к деревянной ложе сначала гвоздями, а ближе к концу XVI в. ружейными винтами. Спуск курка осуществлялся при помощи боковой пластинчатой пружины с круглой плоской кнопкой и шепталом, которое удерживало серпентин с фитилем во взведенном состоянии (рис. 2: *6*). На территорию Московского государства данный механизм, вероятнее всего, также попал в первой четверти XVI в. вместе с привозными образцами ручного огнестрельного оружия. Однако, судя по археологическим находкам, сначала не использовался массово, а время его наибольшего распространения относится ко второй половине столетия (*Миляев*, 2018. С. 231–232).

Подобные фитильные замки с боковым спуском кнопкой устанавливались на ручные пищали (ручницы), которые являлись основным вооружением стрельцов эпохи Ивана IV (рис. 3: *1–2*). В последней четверти XVI в. механизны воспламенения заряда на данных образцах огнестрельного оружия стали заменять на новые ударно-кремневые, которые стали преобладающими в начале XVII в. (*Тарасюк*, 1965. С. 8; *Маковская*, 1992. С. 22). Однако устаревшие образцы фитильных ручных пищалей явно применялись и в Смутное время, а позже в небольшом количестве сохранялись в арсеналах крепостей и монастырей (*Миляев*, 2018. С. 232). В отдаленных регионах Московского царства – Севере, Северо-Западе и Сибири – активное их использование служилыми людьми могло продолжаться и более длительное время. Фитильные ружейные замки с боковым спуском-кнопкой, снабженные S-видными курками, устанавливались и на тяжелые затинные пищали – крепостные ружья XVI–XVII вв. Причем на этом оружии, конструкция которого оставалась довольно архаичной, срок службы данных механизмов воспламенения заряда мог быть еще дольше.

В этом свете интересно уточнить контекст обнаружения описанной выше детали. Данный S-видный серпентин был обнаружен в 2008 г. на Новоторговском VI раскопе (участок В) при разборке пласта 9 в темно-коричневом слое со щепой, вне каких-либо построек, близко к уровню материка. Наиболее вероятная датировка этих напластований может быть определена в рамках конца XVI–XVII в. Наиболее важными сопутствующими находками здесь являются поддон керамической фляги с зеленой поливой, фрагменты оконных заполнений – обломок свинцового переплета и стекло, а также медная монета шведского короля Густава-Адольфа (*Яковлев*, 2009д. С. 33, 49, 52; 2009е.

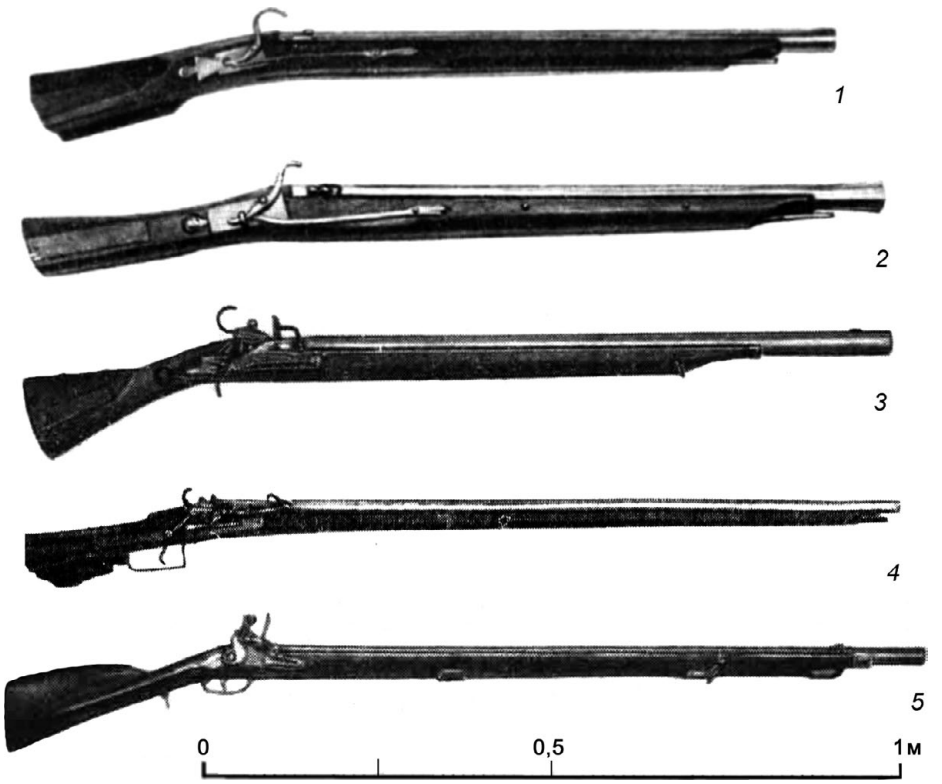


Рис. 3. Стрелковое оружие. *1–2* – ручные пищали с кнопочными фитильными замками середины – второй половины XVI в. из Оружейной палаты Соловецкого монастыря (ВИМАИВ и ВС); *3–4* – ручные пищали с ударно-кремневыми замками русского типа, первая четверть – середина XVII в.; *5* – солдатская фузея обр. 1731 г. (по: *Маковская*, 1992)

Рис. 103, 110). Вероятнее всего, курок был демонтирован с ручной пищали из-за повреждений или для замены устаревшего фитильного замка на ударно-кремневый и до выпадения в слой мог храниться на территории Нового Торга Пскова в качестве железного лома.

Находки, аналогичные псковскому S-видному серпентину, являются нечастыми, однако обнаружены в ходе раскопок ряда русских городов и крепостей как в европейской части страны, так и в Сибири. Они происходят из Ладоги, Орешка, Копорья, Порхова, Кирилло-Белозерского монастыря, Нижнего Новгорода, Пустозерска и городища Искер (*Миляев*, 2018. С. 225–229. Рис. 3; *Адамов*, 2021. С. 54. Рис. 1: *7*) (рис. 2: *2–4*). Кроме описанной выше находки с территории Нового Торга, в Пскове, на Петровском IX раскопе был обнаружен целый фитильный ружейный замок с S-видным курком-серпентином и длинной узкой замочной доской (*Салмин*, 2011. С. 29–30. Рис. 1: *14*; 2017. С. 299. Рис. 2: *14*). Однако спусковой механизм данного изделия предполагал уже использование не боковой кнопки, а стержня, как на ударно-кремневых

замках (рис. 2: *5*). Такие же S-видные курки-серпентины известны и на сопредельных территориях, входивших в состав Великого княжества Литовского и Ливонского ордена, – в современных Латвии, Литве, Беларуси (*Миляев*, 2018. С. 228–229). Важно, что все указанные находки, которые имеют внятный контекст, происходящие как с территории России, так и сопредельных стран, датируются не ранее второй половины XVI в.

Наиболее крупной деталью огнестрельного оружия с территории Нового Торга в Пскове является фрагмент ружейного ударно-кремневого замка (Новоторговский X раскоп, уч. 2011 г.). Сохранилась часть массивной замочной доски размерами 112×38×2–3 мм, обломанной с обоих краев (рис. 4: *1*). На ее верхней кромке имеется прямоугольный вырез, в который вставлена пороховая полка, закреплявшаяся при помощи винта. Она представляет собой отдельную деталь размерами 28×18×5 мм, с углублением для пороха полусферической формы диаметром 15 м. На ее боковом фигурном крае, в углу, имеется круглое отверстие с фрагментом вертикального штифта, на котором крепилась не сохранившаяся крышка полки. Интересно, что в большинстве случаев для этого использовался короткий винт, однако на псковской находке здесь установили железную трубочку диаметром около 5 мм, расклепанную на обоих концах. Под пороховой полкой сохранился небольшой горизонтально выступающий фрагмент подогнивной пружины, а именно ее основание с перпендикулярным выступом, который был вставлен в специальное отверстие на замочной доске и закреплен изнутри при помощи вертикального клинышка. Данная деталь была обломана в процессе демонтажа, ширина ее оставшейся части составляет 14 мм, толщина 5 мм. Слева от пороховой полки имеется круглое отверстие, в котором сохранился фрагмент ружейного винта для закрепления замка на деревянной ложе ручного огнестрельного оружия. Он выступает над поверхностью замочной доски на 8 мм, головка грибовидная диаметром около 6 мм с вертикальным шлицем. На узком краю изделия имеются два вертикально расположенных отверстия. Одно из них, диаметром около 5 мм, было предназначено для крепления курка, второе, меньшее, диаметром около 3 мм, могло быть предназначено для закрепления конца курковой накладки или для монтажа замка на ружейной ложе. Слева от большого отверстия, ближе к краю изделия прослеживается сильно поврежденный коррозией выступ прямоугольных очертаний размерами около 6×5 мм, вероятно, остатки горизонтального шептала, удерживавшего курок во взведенном состоянии. На внутренней стороне замочной доски сохранилась часть шептальной пружины прямоугольных очертаний размерами 20×10×2 мм. Примечательно, что эта деталь была закреплена заклепкой с плоской круглой шляпкой диаметром 11 мм, хотя на большинстве аналогичных механизмов для этого применялся короткий винт. Выше нее заметны остатки вертикального клинышка, которым крепилось основание обломанной подогнивной пружины, расположенной на внешней стороне замочной доски. Фрагмент ружейного замка сильно поврежден коррозией, боевая пружина, огниво и курок сняты, на механизме заметны следы преднамеренного демонтажа деталей, сломы и деформация. Вероятно, после того, как механизм пришел в негодность, его

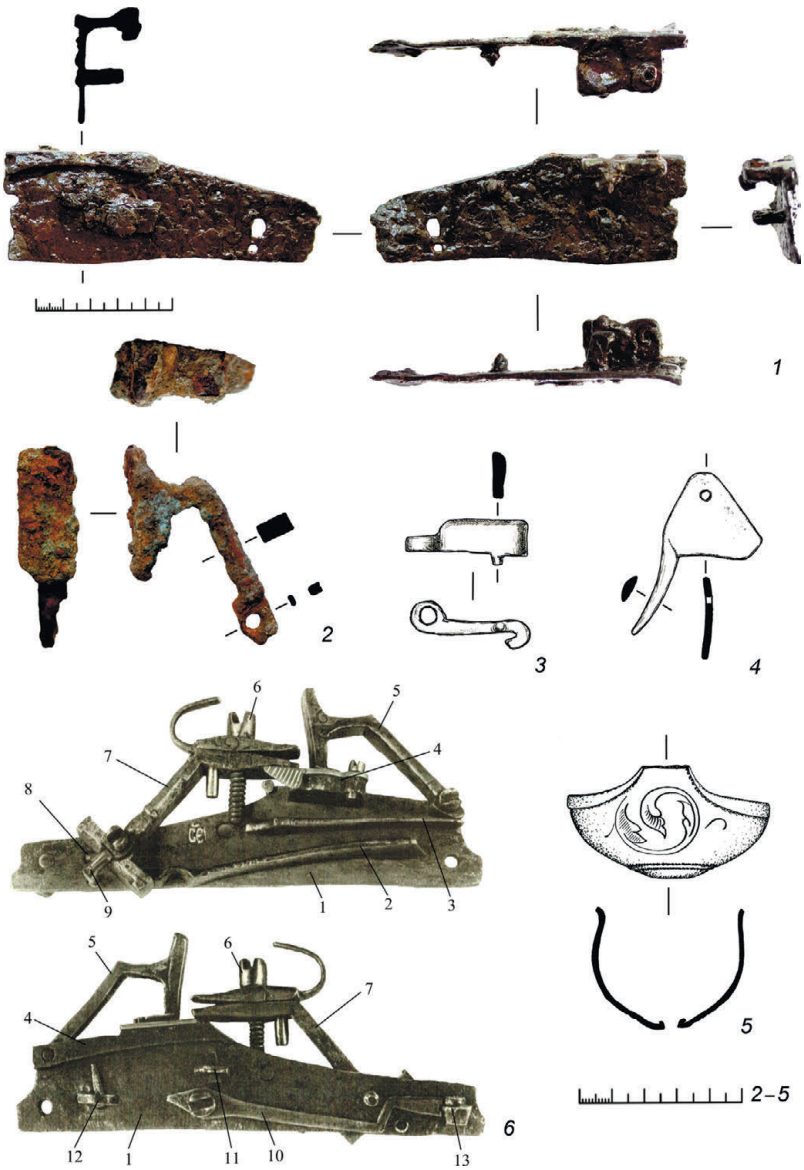


Рис. 4. Детали оружия. *1–5* – Псков, Новый Торг. *1* – фрагмент ударно-кремневого ружейного замка русского типа; *2* – огниво от ударно-кремневого ружейного замка; *3* – фрагмент боевой пружины от ударно-кремневого ружейного замка французского типа; *4* – спусковой крючок ударно-кремневого ружейного замка французского типа; *5* – оголовье рукояти пистолета; *6* – ударно-кремневый замок русского типа. Оружейная палата Троице-Сергиевой Лавры, конец XVI – первая четверть XVII в.: *1* – замочная доска, *2* – боевая пружина, *3* – подогнивная пружина, *4* – пороховая полка с крышкой, *5* – огниво, *6* – винт курка, *7* – курок, *8* – шептало, *9* – курковая накладка, *10* – пружина шептала, *11* – ушко подогнивной пружины, *12* – ушко боевой пружины, *13* – спусковая тяга (по: *Маковская*, 1992). *1–4* – железо, *5* – медный сплав

элементы, которые можно было использовать при ремонте, были изъяты, а сам он был использован в качестве кузнечного сырья.

По расположению отверстий для монтажа деталей удалось определить, что данная находка является частью ударно-кремневого замка русского типа, который, скорее всего, имел две прямые пружины. Данные механизмы воспламенения заряда были одними из наиболее распространенных в Московском государстве. Их особенностью является курок, у которого на ножке имеются два прямоугольных выступа: пята (нижний) и лодыжка (верхний). При этом боевая пружина упирается концом в пяту и действует сверху вниз (рис. 4: *6*). Высокая массивная замочная доска, пороховая полка с полусферическим углублением и фигурным внешним краем относятся к признакам ранних замков подобной конструкции (*Гордеев*, 1954а. С. 10–12; *Мышковский*, 1965. С. 190–192; *Маковская*, 1992. С. 14, 22; *Чубинский*, 2014. С. 410). Скорее всего, механизм с территории Нового Торга в Пскове мог быть изготовлен в конце XVI – начале XVII в. Возможно, что перед нами местное изделие, несколько отличное от имеющихся в нашем распоряжении аналогичных образцов. Об этом может свидетельствовать попытка мастера-оружейника несколько упростить конструкцию, сократив количество винтов в ней путем замены на заклепки. Однако нельзя исключать, что эти особенности возникли в результате ремонта и замены некоторых деталей механизма, который мог служить в течение весьма длительного времени.

Наиболее яркими аналогиями псковской находке являются некоторые замки русского типа, установленные на пищали из арсенала Троице-Сергиевой Лавры, хранящихся в фондах Оружейной палаты в Москве (рис. 4: *6*). Среди них имеются изделия, которые считаются одними из наиболее ранних подобных механизмов (*Гордеев*, 1954а. С. 13. Рис. 7–9; *Чубинский*, 2015. С. 619). Несмотря на широкое распространение и массовое производство, ружейные замки русского типа конца XVI – начала XVII в. нечасто встречаются при раскопках. Изделия указанного периода, схожие с находкой из Пскова, были обнаружены на месте Тушинского лагеря под Москвой, на Земляном городище в Старой Ладоге, в Кирилло-Белозерском монастыре и среди остатков полярной экспедиции на острове Фаддея и в заливе Симса у полуострова Таймыр[1] (*Двуреченский*, 2018. С. 16, 102. Рис. 11: *478*; *Миляев*, 2019. С. 451. Рис. 2: *4*; *Кирпичников*, 1971. Л. 10; *Косинский*, 1951. С. 94. Таб. III: *2–4*). К более позднему времени относится целая винтовальная кавалерийская пищаль с сохранившейся деревянной ложей, снабженная ударно-кремневым замком русского типа, найденная в Пскове на Петровском IX раскопе. Она была изготовлена не ранее начала второй трети XVII в. и, скорее всего, связана с псковским восстанием 1650 г. (*Салмин*, 2011. С. 30–34). Аналогичной не только по конструкции, но и по контексту является находка подобного механизма воспламенения заряда из раскопок территории Торговых рядов в Костроме (*Лазарев и др.*, 2022. С. 20–21). Он также относится к XVII в. и был изготовлен не ранее 20–30-х гг. указанного

[1] В тексте публикации автор ошибочно называет найденные среди остатков полярной экспедиции ударно-кремневые ружейные замки «нидерландскими», или «голландскими». Несомненно, что данные механизмы относятся к русскому типу.

столетия. Примечательно, что данный ружейный замок сохранился целиком, демонтажа деталей не производилось, даже длинные винты, крепившие его к ложе, находятся на своих местах. Вероятно, данное изделие могло входить в число товаров, продававшихся в лавках. Ряд аналогичных ударно-кремневых механизмов русского типа, относящихся к XVII столетию, происходит с территории Соловецкого монастыря и его округи (*Балан*, 2013. С. 62–67).

В последней четверти XVI в. ударно-кремневые замки разных типов, в том числе русского, стали устанавливаться на ручные пищали, в частности, нередко происходила замена ими старых фитильных замков с боковым спуском-кнопкой. В начале XVII в. ручное огнестрельное оружие, снабженное подобными механизмами, стало основным в стрелецком войске. Такие сохранившиеся образцы конца XVI–XVII в. имеются в фондах Государственной Оружейной палаты, ВИМАИВ и ВС и Государственного Эрмитажа (*Гордеев*, 1954а. С. 6–15. Рис. 2; *Маковская*, 1992. Рис. 51, 55, 58, 86, 107; *Тарасюк*, 1971. Табл. I: *56*) (рис. 3: *3–4*). Примечательна ручная пищаль из коллекции ВИМАИВ и ВС, на ложе которой заметны следы фитильного кнопочного замка, замененного в начале XVII в. на ударно-кремневый механизм русского типа (*Маковская*, 1992. Рис. 51) (рис. 3: *3*). Примечательно, что детали обеих указанных систем воспламенения заряда были обнаружены в ходе раскопок на территории Нового Торга и отражают описанный выше процесс эволюции ручного огнестрельного оружия, использовавшегося псковичами.

К деталям ударно-кремневого механизма воспламенения заряда также относится огниво размерами 69×44×15 мм, обнаруженное на Лужском II раскопе в 2011 г. (рис. 4: *2*) Ножка изделия прямоугольного сечения, в верхней части имеет коленчатый изгиб, почти под прямым углом. Поверхность ударной площадки огнива ровная, горизонтальная бородка на ней отсутствует. В основании ножки имеется ступенька-уступ и прямоугольная площадка размерами 17×11×5 мм, в центре которой пробито сквозное отверстие под ружейный винт диаметром 5 мм. Подобные детали с прямой ударной площадкой более всего характерны для конца XVI – первой половины XVII в. С середины XVII в. стали изготавливать огнива с вогнутой поверхностью, которые давали больше искр, однако изделия раннего и позднего образцов продолжали бытовать синхронно (*Гордеев*, 1954а. С. 12). Аналогичные по форме находки были обнаружены в Старой Ладоге (*Миляев*, 2019. С. 455. Рис. 1: *7–8, 10*; 2: *4*) и на территории города Гремячий в Тульской области (*Заидов, Гуркин*, 2007. Рис. 4: *7*). Стоит отметить, что описанная выше деталь с территории Нового Торга была обнаружена вблизи одной из построек на уровне сооружений яруса 2, которые можно датировать периодом конца XVI. К сожалению, тип кремневого замка, к которому принадлежало псковское огниво, точно определить невозможно. Такие целые детали нечасто встречаются при археологических раскопках, поскольку имели определенную ценность в оружейном деле. Их замена или демонтаж с поврежденного механизма производились легко, поэтому отдельные огнива сохранялись мастером и часто использовались для ремонта ружейных замков.

Наиболее поздние детали ручного огнестрельного оружия, найденные на территории Нового Торга в Пскове, относятся к XVIII столетию. Среди

них имеются детали ружейного батарейного замка французского типа. Отличие этих более совершенных механизмов состоит в том, что большинство их деталей располагалось на внутренней стороне замочной доски, а огниво было совмещено с крышкой пороховой полки и приняло вид L-образной батареи (рис. 5: *3*). Изменились также форма курка и конструкция спуска, применялись только гнутые двуперые пружины (*Маковская*, 1992. С. 16. Рис. 17). На территории Московского царства ружейные замки французского типа появились на рубеже второй и третьей четвертей XVII в., однако для русского огнестрельного оружия армейских образцов они стали стандартными и массовыми только с начала XVIII в. и использовались до середины XIX в. включительно, а на охотничьих ружьях вплоть до начала XX столетия (*Tarassuk*, 1964. S. 6–11; *Тарасюк*, 1965. С. 12–13; *Маковская*, 1992. С. 16).

В ходе работ на Новоторговском VIII раскопе обнаружены две детали от такого механизма, причем в весьма интересном контексте. На участке Б при исследовании пласта 13 в темно-коричневом слое со щепой и древесным тленом (квадрат 33) было выявлено скопление из 24 железных изделий и их обломков, среди которых находились фрагменты навесных замков и ключа, пробои, гвозди, а также указанные части оружия (*Яковлев*, 2009а. С. 61; 2009б. Рис. 120, 126). По всей видимости, данный комплекс образовался в результате преднамеренного сбора железного лома для последующей переделки или продажи. Никаких остатков построек на данном участке не было обнаружено, хотя, возможно, здесь могло располагаться каркасное или столбовое сооружение, фрагменты которого не сохранились. Нельзя исключать, что это скопление предметов было преднамеренно скрыто: закопано на пустом участке и является своеобразным «кладом». В указанном слое сопутствующими находками были оконное и бутылочное стекло, а также фрагмент мундштука голландской трубки XVIII в. В свете описанного контекста интересно, что при раскопках в Туле был обнаружен комплекс оружейных деталей, также относящийся к указанному столетию, который был специально спрятан в заброшенном гончарном горне (*Простяков*, 2016. С. 373).

Одной из деталей ружейного батарейного замка французского типа, находившейся в составе описанного выше скопления предметов с территории Нового Торга в Пскове, является фрагмент железной двуперой пружины размерами около 37×10×4 мм (рис. 4: *3*). Сохранилась только ее верхняя часть, на конце которой имеется характерная, выступающая вверх округлая проушина с отверстием, более узкая, чем основная часть детали. Она предназначалась для крепления пружины к замочной доске посредством винта, а дополнительную фиксацию обеспечивал специальный выступ, расположенный на боковой внутренней грани находки вблизи изгиба. Несмотря на то, что нижний рычаг изделия обломан, наиболее вероятно, что данный фрагмент относится к боевой пружине, поскольку именно у нее проушина на конце обычно смещена вверх. Например, точно такая деталь изображена в числе элементов ружейного замка и прибора солдатской фузеи обр. 1715 г. производства Олонецкого завода. Аналогичные изделия были найдены и в ходе раскопок, например, они имеются на ружейных замках французского типа второй половины XVII в., обнаруженных в руинах Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря,

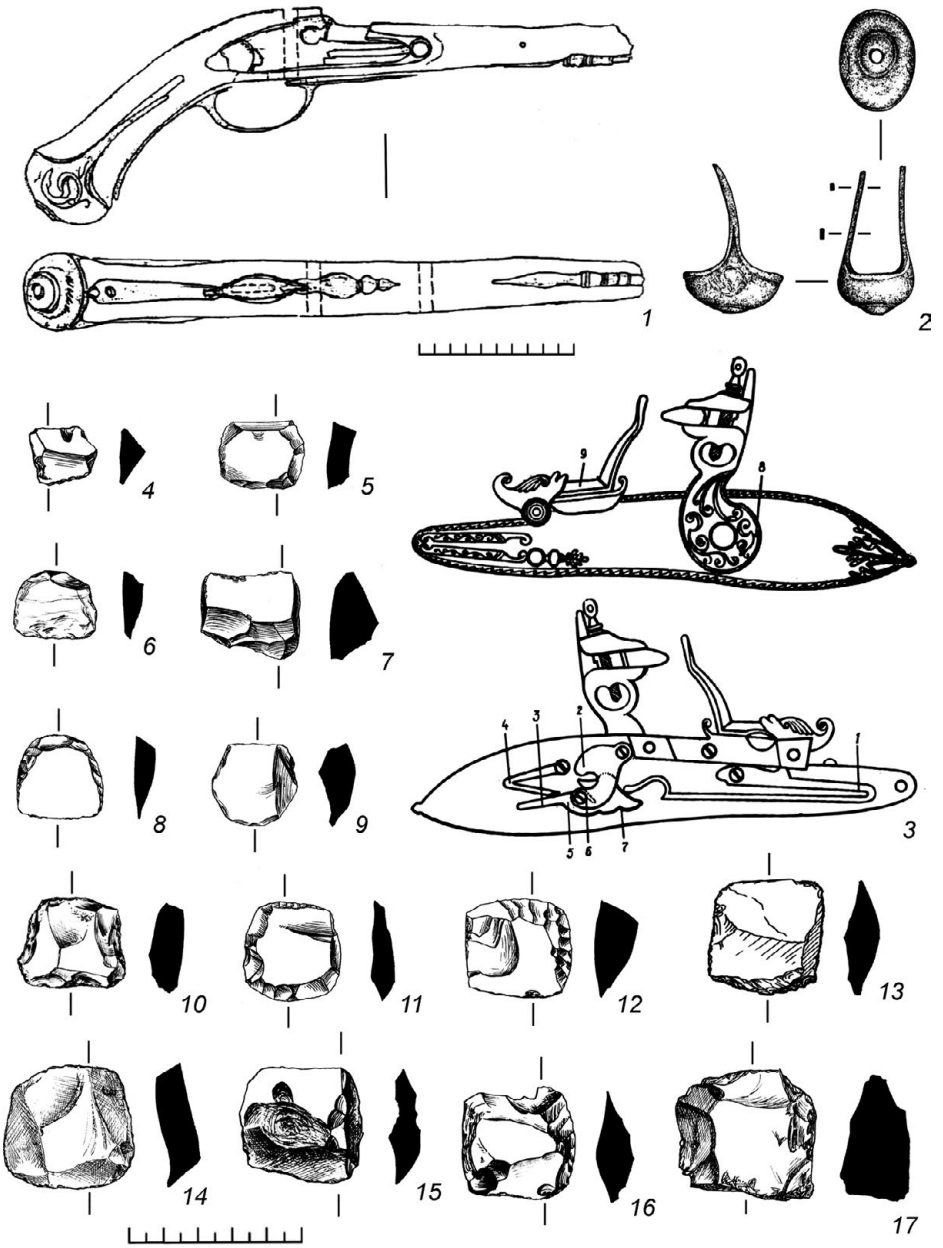


Рис. 5. Детали оружия. *1* – ложа пистолета с латунным прибором. Финский залив, пролив Бьеркезунд, кораблекрушение «Верккоматала 2» (по: *Сорокин*, 2004); *2* – оголовье рукояти пистолета (по: *Простяков*, 2016); *3* – ударно-кремневый батарейный замок французского типа: *1* – боевая пружина, *2* – личинка лодыжки, *3* – переднее колено спускового механизма с шепталом, *4* – спусковая пружина (перка), *5* – лодыжка, *6–7* – вырез лодыжки для боевого и предохранительного взвода, *8* – курок, *9* – огниво (по: *Маковская*, 1992); *4–17* – ружейные кремни. Псков, Новый Торг. *1* – дерево, медный сплав; *2* – медный сплав

отдельная боевая пружина, относящаяся к первой половине XIX в., обнаружена на территории военно-полевого лагеря времен Крымской войны на Мекензиевых высотах (*Tarassuk*, 1964. Ill. 6a, 8a, 9a, 10a, 11a; *Хохлов, Нестерова*, 2020. С. 266. Рис. 34, *1*).

Вторая деталь ружейного батарейного замка французского типа, происходящая из скопления железных вещей с территории Нового Торга в Пскове, является спусковым крючком данного механизма (рис. 4: *4*). Размеры изделия составляют примерно 55×31 мм, его верхняя часть представляет собой пластину трапециевидной формы с отверстием в верхней части для поперечного штифта, на котором данная деталь закреплялась внутри ружейной ложи. На одном из углов предмета имеется удлиненный стержневидный слегка изогнутый выступ с приостренным концом, линзовидный в поперечном сечении. Внешний облик данного спускового крючка уже весьма близок к современному.

Однако к замку какого именно ручного огнестрельного оружия принадлежали описанные выше детали с территории Нового Торга в Пскове, определить невозможно. Механизмы воспламенения заряда французского типа, одинаковые по конструкции, устанавливались на пистолеты, армейские и охотничьи ружья, карабины. Различие их состояло преимущественно в размерах и отделке. Множество экземпляров огнестрельного вооружения XVIII в., снабженного такими замками, хранится в фондах отечественных музеев, например, в ВИМАИВ и ВС, ГИМ, ГМЗ «Гатчина» (*Денисова и др.*, 1953. Табл. XXIII: *143*, XXV: *157*, XXVI, XXVII: *155–167*, XXXII; *Маковская*, 1992. Рис. 63–76, 80–85, 89–93, 109–113, 118–143; *Родионов*, 2017. С. 82–93, 104–147, 202–241) (рис. 3: *5*).

Интересной деталью ручного огнестрельного оружия является оголовье рукояти пистолета XVIII в., обнаруженное в 2007 г. на Новоторговском V раскопе (рис. 4: *5*). Данное изделие, отлитое из медного сплава, имеет вид «чаши» полусферической формы, несколько сплюснутой по бокам, овальной в продольном сечении. В нижней части изделия есть невысокий округлый выступ с отверстием в центре, ограниченный по периметру параллельными чеканными линиями, по верхнему краю детали выполнены бортики-утолщения. На обеих боковых плоскостях оголовья рукояти нанесен гравированный орнамент в виде плавно закрученного кольцом растительного побега с листьями. В верхней части данного изделия должны находиться длинные узкие выступы с приостренными концами, однако они были обломаны, сохранились лишь их приподнятые основания.

На Новоторговском V раскопе не выявлены культурные напластования ранее рубежа XVII–XVIII вв. Описанное выше оголовье рукояти пистолета было обнаружено на участке Е в юго-западной части исследованной территории в районе мощенной деревом улицы и придорожной канавы. Сопутствующими находками здесь были столовые ножи и вилки, обломки белоглиняных курительных трубок, пуговицы, осколки стеклянных сосудов. Значительной серией представлены также фрагменты фарфоровой посуды, чье выпадение в культурный слой датируется третьей четвертью XVIII в. до «екатерининской» перепланировки города в 1778 г. (*Подгорная и др.*, 2009. С. 46–57). Благодаря письменным документам и сохранившимся образцам пистолетов XVIII столетия можно точно установить время изготовления и принадлежность оголовья с территории

Нового Торга. В 1731 г. при императрице Анне Иоанновне был введен латунный прибор для ручного огнестрельного оружия русской армии. Производство драгунских пистолетов с элементами из медного сплава началось в 1733 г., кирасирских несколько раньше – с 1732 и продолжалось до 1736 г., когда детали рукоятей и накладки были вновь заменены на железные (*Маковская*, 1992. С. 51–52). Интересующая нас деталь полусферических округлых очертаний с Новоторговского V раскопа принадлежит именно к драгунскому пистолету, изготовленному в указанный выше период[2]. Судя по наличию гравированного орнамента, данное оружие было офицерским, солдатские образцы не украшались. Целое, полностью аналогичное, оголовье рукояти с орнаментом было обнаружено в Туле при раскопках на территории Гончарной слободы (рис. 5: *2*). Это изделие находилось в составе «клада» пистолетных спусковых скоб, шомпольных трубок и накладок, укрытого в заброшенном горне для обжига керамических изделий (*Простяков*, 2016. С. 373. Рис. 4: *1*). Оружие с латунным прибором могло использоваться достаточно долгое время, несмотря на то, что срок его службы определялся в 10 лет (*Маковская*, 1992. С. 18). При подводных археологических исследованиях 2003 г. в акватории Финского залива, в южной части пролива Бьеркезунд были обнаружены обломки военного корабля, предположительно погибшего в ходе Выборгского морского сражения 1790 г. Из внутренней кормовой части этого судна происходит деревянная ложа пистолета с латунным прибором и украшенным гравировкой оголовьем рукояти, абсолютно идентичным псковской находке (*Сорокин*, 2004. С. 36. Рис. 19) (рис. 5: *1*).

Что касается интересующей нас детали, обнаруженной на территории Нового Торга, то после демонтажа и намеренного удаления боковых выступов данное изделие сохранялось в качестве лома цветного металла, что может быть связано со специализацией некоторых лавок. Таким образом, исходя из времени производства, срока службы и окончания функционирования рынка на данной территории в 1778 г., выпадение оголовья пистолета в культурный слой, вероятнее всего, относится к 40–70-м гг. XVIII в. Описанные выше находки характеризуют качественные изменения, которые произошли в ручном огнестрельном оружии гарнизона и горожан Пскова в Новое время.

В ходе археологического изучения Нового Торга 2004–2013 гг. было обнаружено значительное количество ружейных кремней – 21 экземпляр. Большинство их относится к периоду конца XVI–XVII вв., четыре находки можно, предположительно, отнести к XVIII столетию (Новоторговский V раскоп). По своей форме ружейные кремни разделяются на три варианта: квадратных (8 экз.), прямоугольных (9 экз.) и трапециевидных очертаний (4 экз.). Как видно, подавляющее большинство изделий относится к первым двум группам. Среди квадратных преобладают довольно крупные изделия параметрами 33–41×33–38 мм, толщиной 8–19 мм, реже встречены средней величины размерами 27–28×26–28×5–7 мм, и только одна находка небольшая – 16×15×8 мм (рис. 5: *11–17*; 6: *5*). Прямоугольные ружейные кремни более

[2] Латунное оголовье кирасирского пистолета 1732–1736 гг. имело на боках грани.

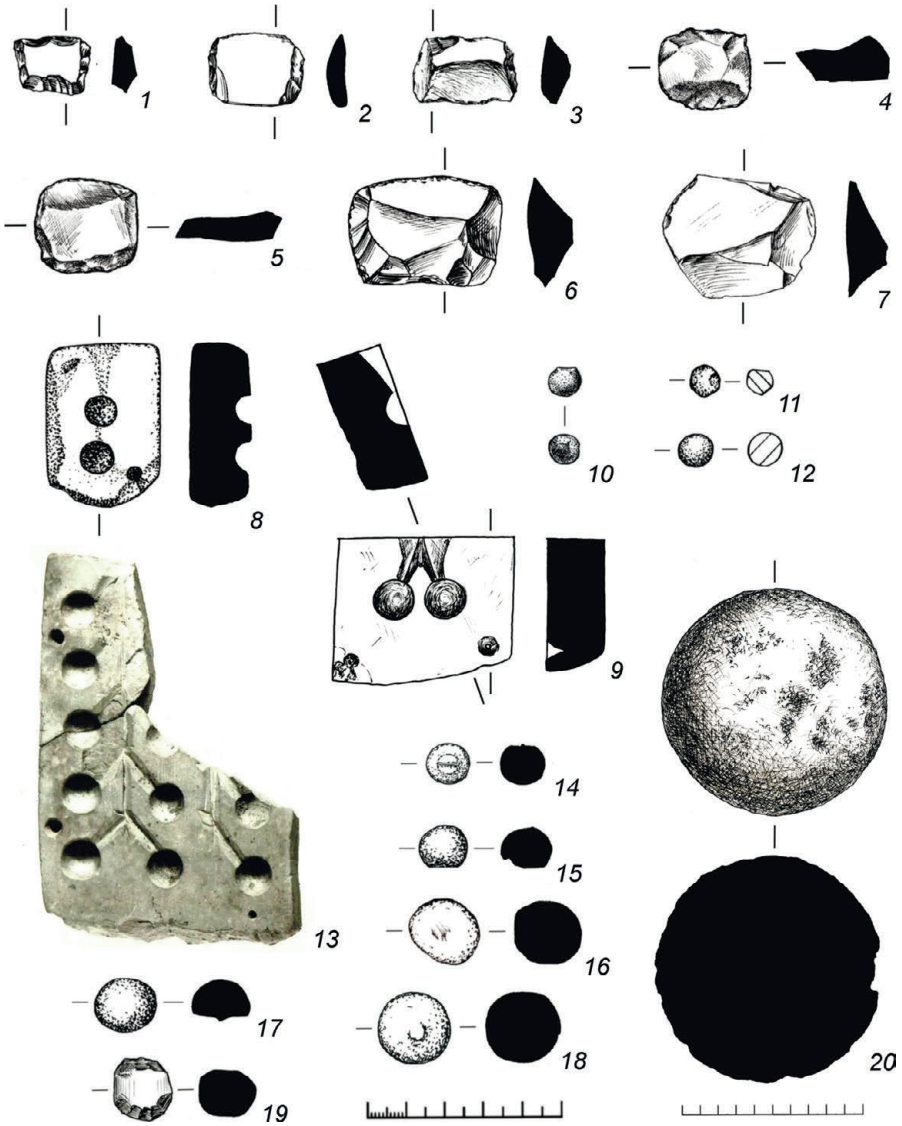


Рис. 6. Предметы вооружения. *1–7* – ружейные кремни; *8–9, 13* – формы для отливки пуль; *10–12, 14–19* – пули; *20* – артиллерийское ядро. *8–9, 13* – известняк; *10–12, 14–19* – свинец; *20* – железо

однородны, большинство их имеет длину от 25 до 28 мм, ширину – 18–25 мм, толщину – 6–13 мм, в меньшем количестве представлены крупные предметы величиной 31–38×28–33×10–13 мм (рис. 5: *4–5, 7*; 6: *1–4, 6–7*). Размеры немногочисленных изделий трапециевидных очертаний составляют 20–31×15–27×6–10 мм (рис. 5: *6, 8–10*).

Ружейные кремни представляют собой короткие отщепы с широкой нефасетированной ударной площадкой и очень острыми углами скалывания. Они обработаны нерегулярной полукруглой или пологой ретушью. Края изделий часто не прямые и ровные, а немного скругленных очертаний, то же касается и углов. Ретушированные рабочие кромки располагаются с трех или со всех четырех сторон ружейных кремней. На одной находке были явно заметны следы обожженности, что может свидетельствовать о ее пребывании в пожаре. Примечательно, что среди ружейных кремней с территории Нового Торга почти не было выявлено экземпляров с сильной забитостью, сработанностью или выкрошенностью краев. То есть подавляющее большинство изделий после изготовления еще не использовалось для стрельбы. Резонно предположить тогда, что они были в числе товаров, продававшихся в лавках. Интересной особенностью данной коллекции является то, что более половины всех ружейных кремней обнаружено в ходе работ на Новоторговском X раскопе (12 экз.), на остальных участках исследований подобные артефакты малочисленны или вовсе встречены в единичных экземплярах.

К сожалению, к каким именно видам огнестрельного оружия принадлежат указанные выше находки, определить проблематично. Их параметры напрямую зависели от размеров губ курков ружейных замков, которые до XVIII в. никак не регламентировались и могли быть очень разными. Ружейные кремни в конце XVI–XVII в. необходимы были для стрельбы из ручных пищалей и карабинов с искровыми механизмами воспламенения заряда ударного действия различных типов, в XVIII в. они использовались в армейских и охотничьих ружьях. Изделия небольших размеров изготавливались для пистолетов, хотя до конца XVII в. они имели в основном колесцовые замки, и только с начала XVIII в. на них начали массово устанавливаться батарейные французского типа. Довольно большое количество ружейных кремней, происходящих из раскопок Нового Торга, несомненно, свидетельствует о широком распространении ручного огнестрельного оружия с механизмами воспламенения заряда ударного действия в арсенале псковичей.

Касательно описанных выше находок, необходимо упомянуть, что в ходе археологического изучения места древнего торжища на его территории были выявлены следы производства изделий из камня. В 2011–2012 гг. на раскопе Лужский II была открыта яма, в заполнении которой находилось скопление небольших кремневых сколов, многочисленные отщепы не раз встречались и на других участках исследований (*Салмина и др.*, 2016. С. 127. Рис. 5). Известно, что в составе Котельного ряда Нового Торга, имевшего несколько специализаций, указан также и Кренёвый (Кремнёвый) (*Салмина и др.*, 2019. С. 183, 192). По всей видимости, здесь не только торговали изделиями из камня, но и производили их на месте.

Известно, что в XVII – первой половине XIX в. ружейные кремни производились тысячами экземпляров и централизованно большими партиями поставлялись в полки и гарнизоны по всей стране (*Мышковский*, 1965. С. 198; *Вилков*, 1967. С. 110; *Суханов, Хабурзания,* 2000. С. 62–63). Их изготовлением воины занимались также самостоятельно, для чего в комплекте инструментов

для обслуживания ручного огнестрельного оружия иногда находится небольшой железный молоток, который использовался в том числе для колки камня (*Ефимов, Рымша*, 2009б. С. 263). Те, кто не имел вышеперечисленных возможностей, мог приобрести данные изделия в лавках специализированного ряда. Таким образом, псковский Новый Торг являлся важным звеном в снабжении служилых и посадских людей необходимыми им ружейными кремнями в большом количестве. Интересно, что Новоторговский X раскоп, где было найдено большинство подобных изделий, предположительно, располагался на месте Большого Гостинного двора, где селились московские купцы. Можно предположить, что псковичи продавали данный товар в центральные регионы страны или же приезжие «гости» также торговали ружейными кремнями.

Свинцовых боеприпасов для стрельбы из ручного огнестрельного оружия на территории Нового Торга найдено очень немного – девять экземпляров. В пределах участков исследований они выявлялись разрозненно, чаще всего это были единичные находки. Подавляющее большинство из них были отлиты в пулелейках или литейных формах и лишь одна пуля изготовлена без применения температурного режима из рубленого свинцового стержня. По классификации, разработанной О. В. Двуреченским, находки разделяются следующим образом. Восемь изделий шарообразной формы относятся к группе 1 (рис. 6: *10–12, 14–18*). Из них семь, у которых после отливки был удален литник, принадлежат к варианту 2, а одна пуля, обрубленная наполовину, – к варианту 2А (рис. 6: *17*). Один боеприпас, вероятнее всего, изготовленный холодным способом, относится к группе 3 варианту 2 (*Двуреченский*, 2005. С. 266–267, 270. Рис. 3). Он имеет вид цилиндра с округлыми неровными торцами, полностью покрытыми мелкими вмятинами, образовавшимися в процессе обкатки изделия на твердой поверхности (рис. 6: *19*). Примечательно, что у этой находки имеется деформация при выстреле, а именно гладкий поясок шириной 8–10 мм по всему периметру пули. Подобный след также был выявлен на поверхности еще одного снаряда, который происходит с Лужского II раскопа (рис. 6: *10*). Кроме них, у свинцовых боеприпасов с территории Нового Торга имеются неровности и каверны, образовавшиеся при отливке. Характеристики описанных выше пуль приведены в таблице 2.

О принадлежности боеприпасов с территории Нового Торга к тем или иным видам вооружения можно сделать следующие предположения. Три пули диаметром 8–9 мм могли отливаться для малокалиберных пищалей, какие особенно были характерны для XVI в., или же представлять собой дробь (рис. 6: *10–12*). Два боеприпаса калибром 12–13 мм предназначались для стрельбы из ручных пищалей XVI–XVII вв. или, вероятно, из пистолетов XVII–XVIII вв. (рис. 6: *14–15*) Свинцовые снаряды диаметром от 16 до 20 мм использовались в качестве боекомплекта к фитильным мушкетам и затинным пищалям (*Двуреченский*, 2005. С. 267) (рис. 6: *16–18*).

Уточнить хронологию описанных выше свинцовых пуль позволяет рассмотрение контекста их обнаружения. Наиболее ранним является снаряд, происходящий с Новоторговского VI раскопа (2008 г.). Он был обнаружен в темно-коричневом слое с включениями гумуссированного песка под срубом 5, ниже

Таблица 2

№	Наименование, раскоп	Диаметр (размеры) (мм)	Вес (г)	Группа, вариант по типологии О.В. Двуреченского	Деформации
1	Боеприпас свинцовый. П-05 НТ-IV №65 (№27)	19	15	Группа 1, вариант 2	–
2	Боеприпас свинцовый. П-07 НТ-V №84 (№88)	20	37, 6	Группа 1, вариант 2	–
3	Боеприпас свинцовый. П-07 НТ-V №131 (№13)	12	7,2	Группа 1, вариант 2	–
4	Боеприпас свинцовый. П-07 НТ-V №316 (№11)	17×15×13	22,8	Группа 3, вариант 2	Гладкий поясок – след от выстрела
5	Боеприпас свинцовый. П-07 НТ-V №434 (№1)	13	11,7	Группа 1, вариант 2	Каверна, усадка при отливке
6	Боеприпас свинцовый. П-08 НТ-VI №120 (№3)	8	2,6	Группа 1, вариант 2	Вмятина, возможно от удара
7	Боеприпас свинцовый. П-08 НТ-VI №384 (№57)	9	4,2	Группа 1, вариант 2	–
8	Боеприпас свинцовый. П-08 НТ-VIII №107 (№10)	16	16,9	Группа 1, вариант 2А	Каверна, усадка при отливке
9	Боеприпас свинцовый. П-11 Луж-II №352 (№27)	8	3	Группа 1, вариант 2	Гладкий поясок – след от выстрела
Итого: 9					

его окладных венцов (*Яковлев*, 2009д. С. 90–91, 147; 2009е. Рис. 277) (рис. 6: *12*). Для данного сооружения были получены дендрохронологические даты в рамках 1512–1532 гг. Соответственно, указанный боеприпас может относиться к началу XVI в. Свинцовая пуля, происходящая с территории Лужского II раскопа (2011 г.), была обнаружена над настилом, располагавшимся перед одной из лавок Торга «верхнего» горизонта, и может относиться к последней трети или концу XVI столетия (рис. 6: *10*). Примечательно, что указанные боеприпасы имеют небольшой диаметр, что было весьма характерно для ранних ружейных стволов этого периода (*Мышковский*, 1961. С. 234). Значительно шире датируется крупная, разрубленная пополам пуля, найденная в ходе работ на Новоторговском VIII раскопе (2008 г.) внутри сруба 3, в его северо-восточной части на уровне нижних венцов (рис. 6: *17*). Заполнение сооружения представляло собой темно-коричневый слой со щепой и древесным тленом, керамика, собранная здесь, датируется второй половиной XVI–XVII в. (*Яковлев*, 2009а. С. 47, 49; 2009б. Рис. 83). К более позднему периоду можно отнести свинцовую пулю калибром 19 мм, выявленную на Новоторговском IV раскопе в 2005 г. (рис. 6: *16*) Она залегала у настила, сооруженного из пяти плотно лежащих бревен со следами пребывания в огне (предположительно, пожар1682 г.). Данная конструкция являлась частью обширного, свободного от построек деревянного замощения, которое возникло после пожара 1609 г. и существовало с поновлениями до начала XVIII в. (*Яковлева*, 2005а. С. 78). Данный боеприпас датируется XVII в., возможно, периодом ближе к концу столетия (*Яковлева*, 2005а. С. 24–25, 28; 2005б. Рис. 39, 62). Наиболее вероятно, что он предназначался для стрельбы из фитильного мушкета, а данный вид вооружения широко распространился

на территории Московском царства именно в указанное время (*Богоявленский,* 1938. С. 269–270; *Малов*, 2006. С. 42).

Наибольшее количество пуль, а именно четыре снаряда, происходят с Новоторговского V раскопа, где были исследованы напластования XVIII–XX вв. (*Подгорная и др.*, 2009. С. 42) (рис. 6: *14, 15, 18, 19*). Однако уверенно датировать их указанным периодом затруднительно, поскольку данные небольшие находки могли быть переотложены в результате активной строительной деятельности, которая велась здесь после упразднения Торга в 1778 г. Возможно, эти боеприпасы относятся к более раннему времени – XVI–XVII вв. То же можно сказать и о еще одной пуле, обнаруженной на Новоторговском VI раскопе в верхних напластованиях, представлявших собой серый гумуссированный песок со щебнем, включениями щепы, а также кирпичного боя. Здесь же были выявлены две монеты XVIII в., в частности «денга» 1738 г. (*Яковлев*, 2009д. С. 56–57; 2009е. Рис. 177, 120–121) (рис. 6: *11*). Несмотря на нумизматические находки, мешанный характер слоя не позволяет уверенно датировать указанный свинцовый боеприпас именно Новым временем, вполне возможно, он относится к XVI–XVII вв. Приведенная хронология пуль свидетельствует о том, что их калибр увеличивался с течением времени от XVI до XVIII в., что полностью соответствует общей концепции развития ручного огнестрельного оружия в указанный период (*Мышковский*, 1961. С. 234).

Можно с уверенностью утверждать, что свинцовые боеприпасы, обнаруженные на территории Нового Торга в Пскове, выпали в культурный слой не в ходе каких-либо боевых действий. Количество их крайне мало по сравнению с полями сражений XVI–XIX вв. или городскими напластованиями, содержащими следы осад и обстрелов, где подобные находки исчисляются сотнями экземпляров. Видимо, их присутствие на месте древнего торжища связано с определенной спецификой деятельности некоторых хозяев лавок и мастерских.

В этом свете следует обратить внимание на две части каменных известняковых форм для отливки пуль, также обнаруженные в 2008 г. при археологических работах на месте Торга. Подобные изделия в литературе подробно не рассматривались, несмотря на то, что они использовались не менее широко, чем известные железные пулелейки в виде щипцов. Псковские находки интересны тем, что имеют точные контекст и датировки. Первая из них представляет собой известняковую плитку прямоугольных очертаний размерами около 51×43,5×23 мм, на одной из плоскостей которой в центре имеются две полусферические выемки, расположенные горизонтально рядом друг с другом (рис. 6: *9*). В верхней части изделия имеется конусовидная горловина для заливки металла, от которой к указанным углублениям прорезаны два коротких (ок. 5–6 мм) литника. Поперечное сечение данных каналов V-образное. У нижней кромки каменной плитки есть пара несквозных отверстий, свидетельствующих о том, что изначально форма состояла из двух половин, которые соединялись при помощи металлических штифтов. При помощи данного приспособления можно было отливать свинцовые пули диаметром около 12 мм. Все остальные плоскости изделия довольно тщательно и гладко отшлифованы.

Указанная находка была обнаружена на Новоторговском VII раскопе в слое гумуссированного песка с включениями щепы у восточной стены сооружения 4. Это была нерегулярная конструкция из досок и плах, представлявшая собой, вероятно, остатки дворового настила. В процессе ее расчистки и изучения были выявлены целые керамические тигли для плавки металлов, а также их развалы и отдельные фрагменты (*Яковлев*, 2009в. С. 65–66, список находок; 2009г. Рис. 166, 170, 171, 180, 181). Указанный слой залегал на материке и не был нарушен поздними перекопами, вероятнее всего, форма для отливки пуль может относиться к XVI в. Примечательно, что, несмотря на наличие инструментов, связанных с обработкой металлов, большого количества шлаков или отходов, непосредственно связанных с производством, здесь не выявлено. Вероятно, соответствующая ремесленная мастерская располагалась за пределами раскопа на смежном не исследованном участке.

Еще одна половина формы для отливки пуль происходит с Новоторговского VIII раскопа. Это также прямоугольная плитка известняка размерами 45,5×32×18 мм, на одной из сторон которой вырезаны две полусферические выемки диаметром около 10 мм. В отличие от первой находки, здесь углубления размещены вертикально одно над другим и соединены коротким (4–5 мм) литником (рис. 6: *8*). В верхней части изделия имеется горловина для заливки металла конусообразной формы, полукруглая в поперечном сечении. У нижнего края данной половины литейной формы также сохранилось отверстие для штифта, которое свидетельствует о изначальном наличии второй аналогичной половины. Остальные плоскости этой каменной плитки выровнены, однако качество обработки заметно хуже, чем у описанной ранее находки.

Контекст обнаружения этого изделия менее выразителен. Предмет залегал в темно-сером слое с примесью щебенки и щепы на участке раскопа, где застройки не было выявлено. Вероятно, это была подсыпка для выравнивания территории, керамика, обнаруженная в ней автором раскопок, была отнесена к XVI в. (*Яковлев*, 2009а. С. 80–81; 2009б. Рис. 200, 205). Вероятно, этим периодом и следует датировать данную половину формы для отливки пуль. В целом следует отметить, что обе рассмотренные находки с территории Нового Торга схожи между собой внешне по материалу, технологии изготовления и способу применения. Часть подобной литейной формы ранее была обнаружена в Пскове при раскопках на улице Гоголя в 1977 г. (*Кильдюшевский*, 1983. С. 108. Рис. 3: *10*) (рис. 6: *13*). Это изделие крупнее по размерам и на нем более многочисленные полусферические углубления располагаются «гроздьями» по бокам от двух вертикальных параллельных длинных литников, а по краям имелись отверстия для штифтов второй половины формы. Примечательно, что находка с улицы Гоголя была обнаружена в облицованной досками яме, заполненной отходами металлообработки и фрагментами керамических тиглей. Аналогичные половины каменных форм для отливки пуль XVI–XVII вв. имеются в материалах раскопок других городов и крепостей на территории России: Албазинского острога (XVII в.), Мангазеи (XVII в.), городища Искер (конец XVI в.), Тулы (XVI – начало XVII в.) и др. (*Артемьев*, 2005. С. 163. Рис. 6: *4*; *Белов и др.*, 1981. С. 47. Табл. 48: *3, 5*; *Адамов*, 2021. С. 57. Рис. 1: *4–5*;

Варенов, 1997. С. 185–186. Рис. 1). Две более крупных находки, на которых полусферические углубления располагались «гроздьями» по бокам длинного вертикального литника, как на изделии с ул. Гоголя в Пскове, происходят из подводных раскопок Великого моста в Новгороде[3].

Из инструментов, связанных с литейным делом, на территории Нового Торга были обнаружены железные ложки, применявшиеся для розлива легкоплавких металлов в формы. Конструкция данных изделий в целом одинакова. У них имеются глубокие полусферические черпала круглой или овальной формы, иногда с небольшим носиком-сливом, а сбоку расположен черешок для насаживания на деревянную рукоять. В ходе раскопок Торга было выявлено четыре подобных инструмента, два из которых сохранились почти полностью, а остальные – в виде фрагментов. Последние происходят с Новоторговского VII раскопа, как и одна из форм для отливки пуль. Однако части железных ложек являются более поздними, они относятся к горизонту 2, датированному в рамках конца XVII – третьей четверти XVIII в. (*Яковлев*, 2009в. С. 45–47, 153; 2009г. Рис. 72, 76, 77). Стоит отметить, что данный участок оказался сильно нарушен перекопами и эти фрагменты инструментов могли быть переотложены. Не исключено, что они принадлежат к несколько более раннему времени – XVII в. Две почти целых железных ложки для литья, у которых только немного обломаны черешки, обнаружены на Новоторговском X раскопе (рис. 7: *1–2*). Судя по аналогиям, их можно датировать в рамках второй половины XVI–XVII вв. Схожие приспособления для розлива легкоплавких металлов в формы имеются среди археологических находок из крепостей Северо-Запада России, в частности, они выявлены в Старой Ладоге, Орешке и Ивангороде, найдены они и в других регионах страны (*Миляев*, 2022. С. 211). Известно, что в XVII столетии «уполовники железные» вместе с формами для литья пуль и металлическими горшками для плавки свинца централизованно выдавались пехотным полкам для изготовления боеприпасов (*Малов*, 2006. С. 291–292, 294, 305–306).

Итак, принимая во внимание подробно рассмотренный выше инструментарий, можно предположить, что в мастерских, располагавшихся на территории псковского Нового Торга, кроме прочего, занимались отливкой изделий из легкоплавких металлов. Среди них были и свинцовые пули, которые могли изготавливаться партиями на заказ и являться предметом торговли. Сооружения, связанные с металлообработкой, не раз исследовались в ходе раскопок на разных участках средневекового торжища (*Салмина, Салмин, Подгорная*, 2016. С. 52, 56; *Салмина и др.*, 2016. С. 129).

Единственным артиллерийским боеприпасом в коллекции оружия из раскопок Нового Торга 2004–2013 гг. является железное кованое ядро диаметром около 130 мм (рис. 6: *20*). Судя по всему, оно использовалось для стрельбы из полевого артиллерийского орудия небольшого калибра. Данная находка обнаружена на Новоторговском VI раскопе 2008 г. в темно-коричневом слое

[3] Автор благодарит сотрудников центра подводного археологического наследия ИА РАН А. В. Степанова и М. А. Степанова за информацию о данных находках.

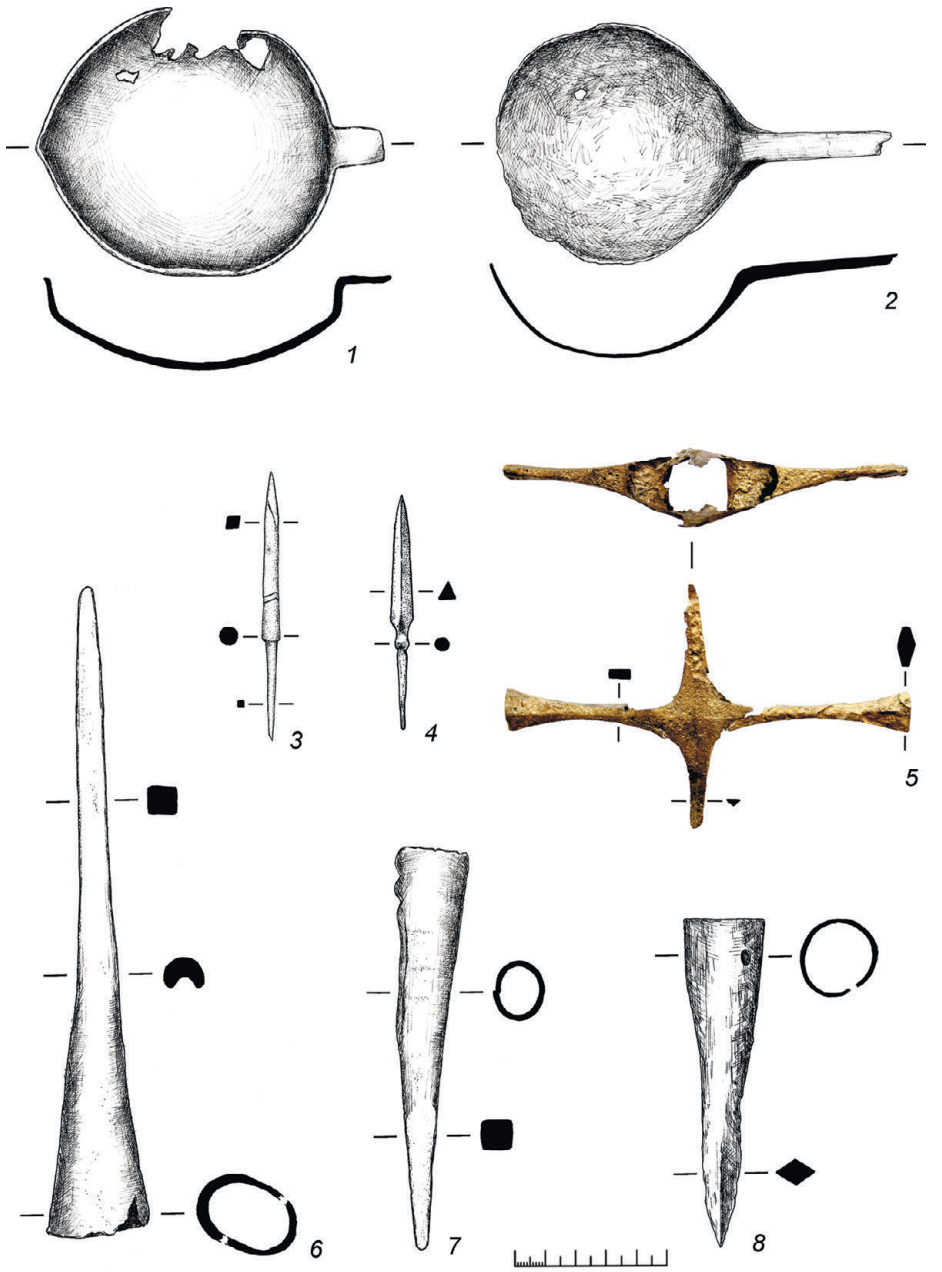


Рис. 7. Предметы вооружения. *1–2* – ложки для розлива металла; *3–4* – наконечники стрел; *5* – перекрестье сабли; *6* – наконечник копья; *7–8* – втоки. *1–4, 6–8* – железо; *5* – медный сплав

со щепой среди развала плах и жердей, которые представляли собой нерегулярное замощение топкой территории этого участка в древности. Сопутствующие находки в этих напластованиях преимущественно относились к XVII в. Видимо, ядро относится именно к этому периоду (*Яковлев*, 2009д. С. 41; 2009е. Рис. 60, 68). Необходимо отметить, что данный единичный артиллерийский боеприпас вряд ли является свидетельством каких-либо военных действий и мог храниться в качестве железного лома для последующей перековки.

Подобные находки на территории Пскова периодически встречаются, однако в небольшом количестве. Кроме указанного выше экземпляра, целое железное ядро и несколько фрагментов таких же боеприпасов были обнаружены на периферии Нового Торга в раскопе И. К. Лабутиной 1967 г. (угол ул. К Маркса и ул. Пушкина) (*Лабутина*, 1994. С. 30. Прил. 1. Рис. 15). Пара аналогичных находок имеется в материалах раскопок В. И. Кильдюшевского на ул. Гоголя (*Кильдюшевский*, 1983. С. 115). В целом они датируются XVI–XVII вв. На Северо-Западе России наиболее представительные коллекции железных артиллерийских боеприпасов происходят из раскопок Ладоги, Ивангорода, Копорья и отражают активные военные события XVII в., преимущественно бои Смутного времени.

Как было указано выше, находок, относящихся к холодному оружию ближнего боя, в ходе раскопок 2000-х гг. на территории Нового Торга выявлено мало – всего шесть экземпляров. Наиболее выразительным является перекрестье сабли, отлитое из медного сплава (рис. 7: *5*). Изделие было сломано в древности и сохранилось в двух крупных фрагментах. Размеры целой детали составляли примерно 115×75×23 мм. Центральная часть перекрестья ромбовидных очертаний с вертикальным ребром снабжена длинными узкими отростками вверху и внизу. Удлиненные горизонтальные боковые плечи изделия расширены и уплощены на концах, поперечное сечение которых близко к ромбовидному. Сквозная центральная проушина под хвостовик клинка с одной стороны перекрестья, обращенной к рукояти, выполнена подквадратной формой с закругленными углами (19×19 мм), а с противоположной имеет расширение линзовидных очертаний (50×19 мм). Данная находка происходит из Лужского II раскопа 2011 г. и была обнаружена на пространстве между лавками Нового Торга и деревянным уличным замощением, относящимся ко второму «верхнему» горизонту сооружений. Наиболее вероятно, что описанная выше деталь клинкового оружия может датироваться в рамках последней трети – конца XVI в. Несомненно, что это сломанное изделие сохранялось на территории Нового Торга в качестве лома цветного металла.

Данное перекрестье из Пскова относится к типу 1, варианту 1а по классификации О. В. Двуреченского (с простыми стержневидными окончаниями) (*Двуреченский*, 2015. С. 57–58). В центральной России аналогичная находка была выявлена при раскопках на территории Московского кремля и относится к периоду XVI – середины XVII в. (*Курмановский, Панова*, 2018. С. 205. Рис. 2: *96*). На Северо-Западе страны, кроме Пскова, полностью идентичная деталь клинкового оружия происходит из недавних исследований 2020 г. в крепости Ивангород (Большой Боярший город). Это перекрестье сабли,

также отлитое из медного сплава, было обнаружено внутри одной из построек строительного горизонта 2, предварительно датированного концом XVI – первой половиной XVII в.[4] Данные археологии и письменных источников позволяют уверенно определить, к какой именно разновидности клинкового оружия принадлежат указанные выше детали с территории Нового Торга Пскова и других городов и крепостей Московского царства. Известно, что перекрестья такой формы, изготовленные из медного сплава, были характерны для сабель «на черкасское дело» – северокавказской традиции (*Курмановский, Панова*, 2018. С. 205). Целые экземпляры подобного оружия XVI – первой половины XVII в. известны в курганах Белореченского могильника (Адыгея) и некрополя Черноморка 2 (Краснодарский край) (рис. 8: *1*). Эти сабли имели разные клинки: первая – длинный без елмани с «штыковидным» концом, вторая – короткий, довольно широкий с елманью (*Дедюлькин, Курмановский*, 2018. С. 236–238. Рис. 3–8). Стоит отметить, что, кроме одинаковых перекрестий, данные экземпляры клинкового оружия имели характерный прибор ножен, включавший рельефные обоймы, выполненные из листа медного сплава (Там же. Рис. 9: *1–2*). Часть аналогичной детали была также найдена в Пскове на Петровском 9 раскопе (2007 г.) (рис. 8: *2*). Принимая во внимание указанные факты, можно констатировать, что сабли «черкасской» традиции были широко распространены на территории Московского царства, в частности, состояли на вооружении защитников городов и крепостей русского Северо-Запада.

К деталям ножен клинкового оружия относится и железный наконечник, происходящий из Новоторговского X раскопа 2011 г. (рис. 8: *4*). Изделие размерами 77×19 мм свернуто из листа металла толщиной 0,8 мм, на его конце напаян шарик диаметром 6 мм. Поперечное сечение наконечника ножен овальное, основной шов находится на одной из плоскостей детали, которая, видимо, была внутренней. Верхняя часть находки повреждена, часть ее обломана, а шарик свернут на сторону. Параметры и конфигурация изделия указывают на то, что это наконечник ножен не сабли, а некоего узкого длинного прямого клинка, возможно, шпаги или кинжала европейского происхождения. Данная находка, вероятнее всего, относится к XVII столетию. Аналогичные железные наконечники ножен были обнаружены в ряде крепостей Северо-Запада России. Например, более ранний образец второй половины XIV в. происходит из Орешка; изделия, синхронные псковскому, известны в раскопках Ивангорода 2020 г. (*Кильдюшевский*, 1999. С. 74. Рис. 4: *5*).

К древковому оружию относятся три находки из раскопок территории Нового Торга 2004–2013 гг. Наиболее крупной из них является железный втульчатый наконечник копья с граненым шиловидным пером (Новоторговский X раскоп, 2011 г.) (рис. 7: *6*). Его общая длина составляет 212 мм, ширина в основании – 34 мм, боевая часть высотой 129 мм квадратная в поперечном сечении (9×9 мм), острие немного обломано. Втулка изделия конусовидная,

[4] Автор благодарит с. н. с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН к. и. н Н. А. Боковенко и м. н. с. Центра спасательной археологии ИИМК РАН В. О. Глухова за информацию о данной находке.

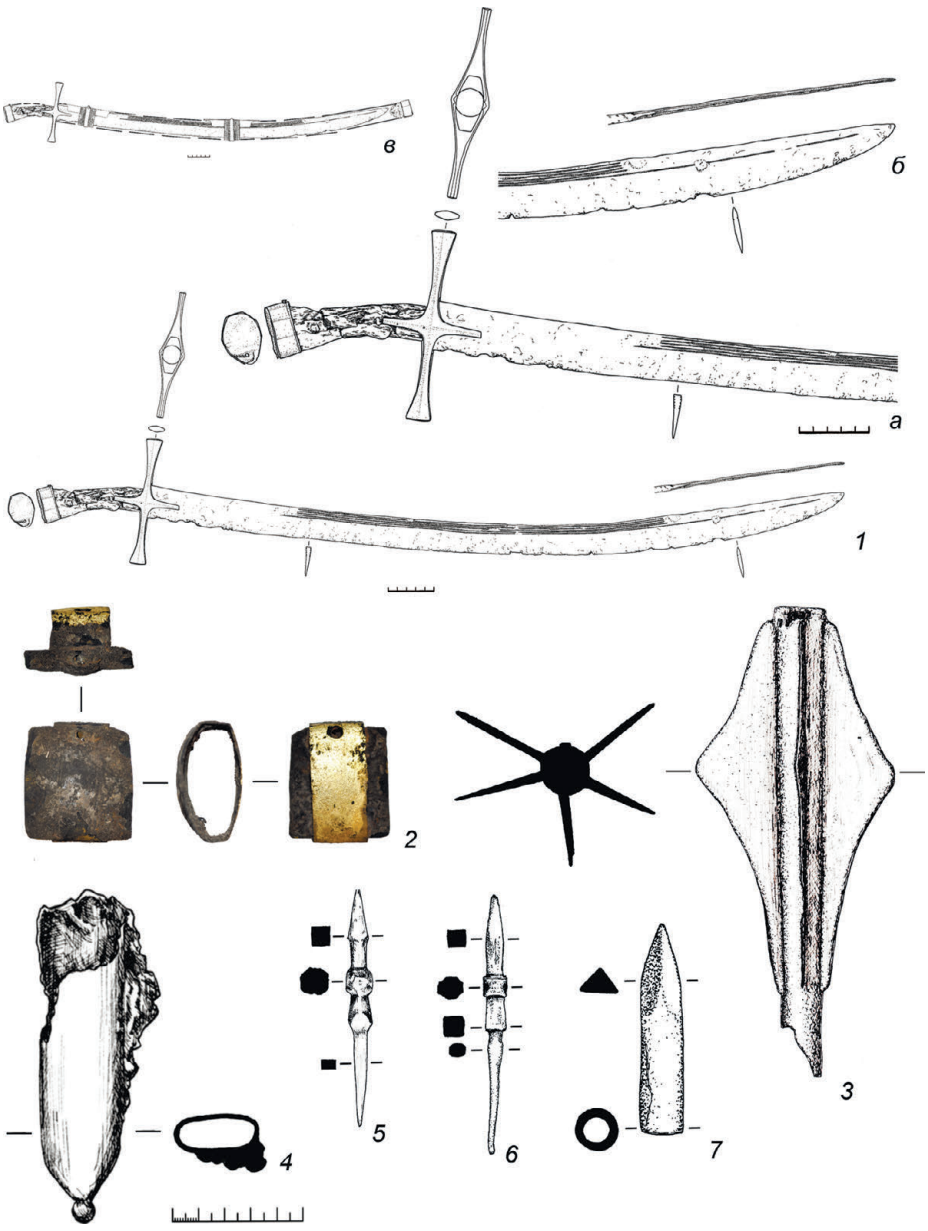


Рис. 8. Предметы вооружения. *1* – сабля из погребения 1 кургана 14 могильника Черноморка 2 (по: *Дедюлькин, Курмановский*, 2018); *2* – обойма ножен сабли «черкасской» традиции. Псков, Петровский 9 раскоп; *3* – фрагмент шестопера; *4* – наконечник ножен; *6–7* – наконечники стрел. *3–7* – Псков, Новый Торг. *1* – железо, медный сплав, дерево, кожа; *2* – медный сплав; *3–7* – железо

с отверстием для крепежного гвоздя (дм. 3,5 мм), свернута с наложением краев друг на друга и их последующей проковкой, при этом в основании пера осталось отверстие, поскольку ее верх не сомкнут до конца. Нижняя часть находки смята, вследствие чего имеет не круглые, а овальные очертания, на краю одной из сторон явно заметны следы ударов, нанесенные, возможно, при демонтаже наконечника копья с древка. Данное изделие относится к периоду XVI–XVII вв. и вполне может являться товаром, реализовывавшимся в торговых лавках, поскольку серьезных повреждений, несовместимых с его использованием, не имеется.

Наконечник копья с территории Нового Торга в Пскове относится к типу 1 варианту Б по классификации О. В. Двуреченского, широко распространенному на территории Московского государства. Для псковской находки наиболее близкими аналогиями являются экземпляры из Москвы, Тушинского лагеря, Старицы и Старой Ладоги (*Бойцов*, 1995. С. 262. Рис. 2: *4*; *Двуреченский*, 2015. С. 77–78. Рис. 22: *1*; 23; *Миляев*, 2021. С. 337–338. Рис. 1: *3, 6–7*). Преимущественно они датируются концом XVI–XVII в. Обычно наконечники типа 1 вариант Б относят к вооружению конных ратников, однако ряд крупных тяжелых изделий XVII в., когда копье уже перестало использоваться поместной конницей, наверняка являются оружием пехоты (*Двуреченский*, 2015. С. 101; *Миляев*, 2021. С. 341).

К деталям древкового оружия также относятся два железных втока, происходящие с Новоторговского X раскопа 2011 г. (рис. 7: *7–8*). Оба принадлежат к типу 2 по О. В. Двуреченскому и представляют собой изделия с конусовидными втулками и выделенными короткими гранеными остриями (*Двуреченский*, 2015. С. 120). Длина находок – 107–135 мм, ширина в верхней части – 23–28 мм, заостренная часть втоков в одном случае имеет квадратное, в другом ромбовидное сечение. Высота непосредственно граненых «копеец» составляет 48–50 мм. Втулки изделий свернуты с наложением краев и их последующей проковкой, сбоку у них пробиты круглые сквозные отверстия диаметром около 5–6 мм для прикрепления гвоздем к древку. Оба втока с Новоторговского X раскопа датируются XVI–XVII вв. В Пскове подобные синхронные находки были известны и ранее, также аналогичные предметы обнаружены в Москве, из раскопок в Старой Ладоге происходит более изящное изделие типа 2, декорированное рельефными поясками (*Двуреченский*, 2015. С. 120. Рис. 66: *5–8*; *Миляев*, 2021. С. 346. Рис. 2: *5*). Чаще всего втоками снабжались нижние концы древок копий, а также топорков, бердышей и иного оружия, также, предположительно, ими могли оковывать посохи и дорожные палки (*Салмин*, 2017. С. 298).

Очень необычной находкой с территории Нового Торга в Пскове является железное навершие шестопера с медной обтяжкой, обнаруженное в 2005 г. (Новоторговский IV раскоп) (рис. 8: *3*). Это боевая часть ударно-дробящего оружия размерами 142×82 мм с обломанной полой рукоятью и повреждениями на перьях. Данный предмет, несомненно элитарного статуса, был подробно издан С. А. Салминым, останавливаться на его описании и аналогиях не стоит (*Салмин*, 2008; 2013. С. 70. Рис. 1: *2*; 2017. С. 298. Рис. 1: *4*). Однако

можно несколько уточнить датировку находки. Навершие шестопера было обнаружено под настилом, примыкающим к постройке № 2, по всей видимости, оно находилось в яме в скоплении поврежденных предметов – железного лома, в частности навесных замков. Данный комплекс может быть связан с процессом «выржавливания» – отделения ценного цветного металла от черного, который был основой изделий (*Салмин*, 2008. С. 52; 2017. С. 298; *Салмина и др.*, 2016. С. 129). Согласно результатам дендрохронологического анализа, сруб № 2 был построен после пожара Торга 1607 г. и, в свою очередь, сгорел в 1609 г. (*Яковлева*, 2005а. С. 49, 78; 2005б. Рис. 136, 162). Таким образом, выпадение навершия шестопера в культурный слой могло произойти в течение конца XVI – начала XVII в. Сам предмет вооружения, вероятнее всего, был изготовлен в конце XV–XVI в., однако подобные образцы бытовали и в XVII столетии (*Müller, Kölling*, 1982. Abb. 294–297; *Салмин*, 2008. С. 55; *Ефимов, Рымша*, 2009а. С. 367, инв. № 129/95).

Как указывалось выше, к метательному оружию относится всего шесть находок, большинство из которых это наконечники стрел. Они являются единичными, разрозненными и явно выпали в культурный слой Нового Торга не в результате каких-либо военных действий. По два черешковых наконечника стрел обнаружены на Новоторговском X и Лужском II раскопах в 2011 г., и один втульчатый происходит из Новоторговского VIII (2008 г.). Наиболее интересна пара довольно сложных изделий с упорами и конусовидными шейками, выше которых в основании пера имеется крупный рельефный элемент в виде многогранника – т. н. «яблоко». Боевые части обоих наконечников имеют пирамидальную форму и квадратное сечение. Подобная находка, обнаруженная на Лужском II раскопе, находилась в заполнении ямы под постройками наиболее раннего «нижнего» горизонта построек и может датироваться концом XV – началом XVI в. (рис. 8: *6*) Схожий наконечник стрелы из Новоторговского X также выявлен на низких нивелировочных отметках и, предположительно, относится к XVI в. (рис. 8: *5*) Есть мнение, что эти редкие оригинальные изделия могли быть личными метками лучников и использоваться для жеребьевки на соревнованиях по стрельбе (*Салмин*, 2017. С. 298).

Необычным является также черешковый наконечник стрелы с упором и короткой шейкой из Новоторговского X раскопа (2011 г.) (рис. 7: *3*). По типологии О. В. Двуреченского данное изделие наиболее близко к типам 9а/9б, хотя эта принадлежность довольно условна, вследствие оригинальности находки (*Двуреченский*, 2015. С. 277–278. Рис. 172, 173, 192). В нижней части пера наконечника имеется орнаментальный поясок из парных, косо поставленных насечек, длинными чеканными линиями также выделено острие его боевой части. Данное изделие, судя по нивелировочной отметке, вероятнее всего, было обнаружено в нижней части культурных напластований и может относиться к концу XV–XVI в.

Более простой черешковый наконечник стрелы с удлиненным трехгранным пером, происходящий из Лужского II раскопа, относится к типу 1а по классификации О. В. Двуреченского (*Двуреченский*, 2015. С. 267–268. Рис. 165) (рис. 7: *4*). Его особенностью является небольшой шаровидный упор,

не характерный для подобный изделий. Данная находка была обнаружена в заполнении ямы под постройками наиболее раннего «нижнего» горизонта застройки и относится к концу XV – началу XVI в.

Редкой находкой является также пулевидный наконечник стрелы с Новоторговского VIII раскопа (2008 г.) (рис. 8: *7*). Его цилиндрическая высокая втулка напрямую оканчивается довольно короткой трехгранной боевой частью. Данная находка была обнаружена в темно-коричневом слое со щепой и залегала к северу от настила из досок и плах. Указанные культурные напластования по сопутствующему материалу были датированы в рамках второй половины XVI–XVII в. (*Яковлев*, 2009а. С. 52; 2009б. Рис. 94, 103).

Необходимо отметить, что представленная выше коллекция наконечников стрел из раскопок 2004–2013 гг. на территории Нового Торга в Пскове состоит из нестандартных, во многом индивидуальных предметов, большая часть которых имеет декоративные элементы, орнамент и отделку. Подобные украшенные изделия были не характерны для эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени, что может свидетельствовать в пользу версии их небоевого применения (*Салмин*, 2017. С. 298).

К снаряжению стрелка из лука относится обнаруженный в 2005 г. на Новоторговском IV раскопе фрагмент кожаного колчана (рис. 9: *1*). Фигурно вырезанная лицевая деталь чехла размерами около 400×215 мм имеет вытянутые очертания со скругленной нижней частью, срезанной наискосок верхней кромкой и двумя выступами сбоку – полукруглым и треугольным (*Курбатов*, 2012. С. 188. Рис. 318). По краю находки располагается шов в виде непрерывного ряда сквозных отверстий, при помощи которого эта боковина соединялась с другими частями колчана. На поверхности детали не выявлено орнамента или какой-либо дополнительной отделки, по всей видимости, перед нами образец массового снаряжения, которым пользовалось большинство воинов. На обоих выступах изделия имеются отверстия, которые остались после демонтажа специальных накладок медного сплава с П-образными скобами на внутренней стороне, которые использовались для подвешивания чехла к поясу (*Прокопенко*, 2020. С. 327–328. Рис. 7: *а-б*). Указанная находка с Новоторговского IV раскопа была обнаружена внутри сруба № 3, ближе к юго-западному углу сооружения. Судя по результатам дендрохронологического анализа, эта постройка была сооружена после пожара 1607 г. и, в свою очередь, сгорела в пожаре 1609 г. (*Яковлева*, 2005а. С. 45, 78; 2005б. Рис. 136, 161). Таким образом, фрагмент колчана из раскопок Нового Торга в Пскове можно датировать в рамках конца XVI – начала XVII в.

Подобные чехлы для стрел, входившие в состав саадака, хорошо известны по сохранившимся до наших дней экземплярам XVI–XVII вв. из русских и зарубежных музеев, например, Московской Оружейной палаты, ВИМАИВ и ВС (Санкт-Петербург), Королевской оружейной палаты в Стокгольме (*Livrustkammaren*) и др. (*Двуреченский*, 2015. С. 254–256. Рис. 159: *1*; 160: *1–3*; *Прокопенко*, 2020. Рис. 7: *а-б*, 9). Такие колчаны нередко встречаются и на изобразительных источниках указанного периода (*Кирпичников*, 1976. Табл. XXII; *Двуреченский*, 2015. Рис. 206). Что касается археологических материалов, то находки чехлов

Рис. 9. Предметы вооружения. *1–4* – Псков, Новый Торг. 1 – фрагмент колчана; *2–3* – фрагменты кольчужного полотна; *4* – нащечная пластина открытого шлема с полями; *5* – пехотный шлем, Фландрия, ок. 1635 г. Собрание Британского музея, Лондон (British Museum) инв. № 1881,0802.35 (по: https://www.tricetiletavalka.cz/blog/prilba-vojaka-v-tridsatrocnej-vojne.html. Электронный ресурс. Дата обращения: 10.03.2023). *1* – кожа; *2–4* – железо; *5* – железо, кожа

саадака редко встречаются в ходе раскопок. Кожаный налуч, который был богато украшен вышитым орнаментом, происходит из слоев ханского времени в Казани и датируется серединой XV – первой половиной XVI в. (*Ситдиков*, 2006. С. 91. Рис. 91; *Курбатов*, 2012. С. 188). Крупный фрагмент колчана конца XVI – начала XVII в., по форме аналогичный псковскому, с сохранившимися накладками для подвески на боковых выступах, был обнаружен в ходе недавних раскопок в Москве[5].Таким образом, редкая находка из Пскова является важной для характеристики снаряжения лучников Московского царства. Кроме того, известно, что один из рядов Нового Торга – Котельный – имел также специализацию Саадачный, где продавались луки и стрелы в чехлах с соответствующей системой подвески к поясу (*Салмина и др.*, 2019. С. 183). Вероятно, колчан, фрагмент которого был обнаружен в 2005 г., был предметом торговли и продавался в одной из лавок указанного выше торгового ряда. Наверняка, стрелы и их наконечники также выступали здесь в качестве товара, с чем можно связать наличие подобных находок на территории Торга.

Самой малочисленной категорией предметов в составе рассматриваемой коллекции являются фрагменты защитного снаряжения. Наиболее ранние из них – это два обрывка кольчужного полотна, происходящие из Новоторговского VI раскопа 2008 г. (рис. 9: *2–3*). Они были найдены у северо-западного угла сруба № 5 в темно-коричневом слое со щепой и древесным тленом. По результатам дендрохронологического анализа данная постройка относится к периоду 1512–1532 гг., т. е. фрагменты кольчатого доспеха можно датировать первой третью XVI в. (*Яковлев*, 2009д. С. 76, 86, 147; 2009е. Рис. 175). Составные элементы кольчуги изготовлены из проволоки круглого сечения толщиной 0,08–1 мм, диаметр колец при этом составляет 9–10 мм. Концы их расплющены и скреплены внакладку «на гвоздь», то есть через сквозные отверстия заклепкой, концы которой выходят на обе стороны. Данный способ был характерен для кольчуг как XVI–XVII вв., так и древнерусского времени (*Гордеев*, 1954б. С. 65. Рис. 1: *А1*; *Шиндлер*, 2014. С. 429–432). Систему плетения доспеха точно определить затруднительно вследствие обилия окислов на фрагментах. Однако, судя по всему, оно также было наиболее распространенным – одинарным, когда в одно кольцо вдето четыре соседних (*Гордеев*, 1954б. С. 70, 74). В качестве аналогий можно привести обрывки кольчуг, а также почти целый такой доспех первой половины XVII в., обнаруженные при раскопках на Биржевой площади в Москве, и многочисленные сохранившиеся образцы из музейных собраний (*Гордеев*, 1954б. С. 67–78. Рис. 2–8; *Векслер, Двуреченский*, 2000. С. 173–174. Рис. 7).

Еще одним фрагментом защитного снаряжения из раскопок на территории псковского Нового Торга является пластина вытянуто-трапециевидной формы толщиной около 1 мм, размерами 102×58 мм, имеющая плавный изгиб (рис. 9: *4*). Боковые края детали подогнуты внутрь и по всей своей длине оформлены в виде округлых валиков. В центре изделия имеются два по-

[5] Автор благодарит д. и. н. с. н. с. Отдела археологических памятников ГИМ Д. О. Осипова за информацию о данной находке.

лусферических декоративных элемента, выбитых изнутри, т. н. «жемчужин», расположенных горизонтально в ряд. Кроме того, на пластине есть три заклепки, две из которых, с округлыми шляпками, расположены по углам верхней кромки изделия, а одна, с ромбовидной шайбой на внутренней стороне, находится в центре ее нижней части. Данная находка происходит из Новоторговского VIII раскопа 2008 г. и обнаружена в темно-сером слое с большим количеством щепы вне каких-либо построек или сооружений. Из сопутствующих находок встречены мундштук курительной трубки, фрагменты сосуда с зеленой поливой, которые свидетельствуют о датировке этой детали вряд ли ранее XVII в. (*Яковлев*, 2009а. С. 70).

Уточнить время бытования описанной выше пластины поможет обращение к аналогиям. Такие детали защитного снаряжения, несомненно, имеют европейское происхождение. Это трапециевидные нащечные пластины, которые подвижно крепились к внутренней части шлемов с полями, обычно капелин и кабасетов. Внизу они имели подбородочные ремешки и застегивались при помощи небольшой пряжки, защищая голову воина от боковых ударов. Пехотные боевые наголовья с такими нащечниками, например, есть в коллекциях Музея армии в Стокгольме (Armémuseum), Королевской оружейной палаты (Royal Armouries) и Британского музея (British Museum) в Лондоне (*Essen*, 2020. P. 168; *Blackmore*, 1990. Fig. 76) (рис. 9: *5*). Указанные экземпляры датируются XVII столетием. Стоит отметить, что находки аналогичных деталей от европейских открытых шлемов с полями есть и в других городах Северо-Запада Московского царства. Одна из них была обнаружена в Старой Ладоге на территории каменной крепости и связана с военными событиями Смутного времени (*Миляев*, 2020. С. 42. Рис. 14: *6*). Из материалов недавних раскопок 2020 г. в Ивангороде происходит довольно значительная серия подобных нащечных пластин в количестве семи экземпляров, также относящихся к XVII в. Таким образом, подтверждается датировка описанной выше находки из Пскова в рамках данного столетия. Деталь с территории Нового Торга могла быть демонтирована с трофейного европейского шлема и храниться в качестве железного лома. Однако известно, что комплекты пехотных доспехов, включавшие боевые наголовья с полями и нащечниками, массово закупались в Европе для полков нового строя армии Московского царства в 1630–1650-х гг. (*Малов*, 2002. С. 10, 11, 15). Возможно, что псковская пластина могла принадлежать одному из таких шлемов.

Подробно рассмотрев коллекцию предметов вооружения и военного снаряжения XVI–XVII вв. с территории Нового Торга в Пскове, можно констатировать, что в подавляющем большинстве это сломанные предметы, имеющие различной степени повреждения. Фрагменты сложных механизмов, таких как ружейные замки, несут следы преднамеренного демонтажа элементов. Часть находок представляет собой именно такие отдельные снятые детали. В составе коллекции крайне немногочисленны боеприпасы для огнестрельного оружия и наконечники стрел, которые характерны для полей сражений. Очевидно, что предметы из раскопок Нового Торга, связанные с военным делом, отражают не какие-либо боевые действия или события, а характеризуют отдельные виды деятельности и специализацию некоторых лавок и рядов. По письменным

источникам известно, что на территории позднесредневекового псковского рынка велась активная торговля «железной ветошью», т.е. металлическим ломом (*Салмина и др.*, 2016. С. 129). Именно к этой категории относится большинство описанных выше предметов вооружения, часть которых имеет явные следы разрубания зубилом; впоследствии они шли на утилизацию и перековку в качестве сырья. Некоторые сломанные изделия, в конструкции которых имелся медный сплав, использовались в процессе «выржавливания» в ямах, целью которого было отделение цветного металла от черного (Там же). На территории Нового Торга также находились мастерские «судоплатов», которые специализировались на починке сосудов из железа и медного сплава. Для этого, в частности, могли использоваться демонтированные доспешные пластины. В некоторых лавках занимались различными слесарными работами, в частности, починкой навесных замков (*Салмина и др.*, 2016. С. 56, 59, 62). Возможно, мастера могли осуществлять также незначительный ремонт механизмов воспламенения заряда ручного огнестрельного оружия, подобрать и заменить пришедшую в негодность деталь, например, огниво, пружину или спусковой крючок. Подобные отдельные элементы ружейных замков без повреждений имеются в коллекции из раскопок Торга и, возможно, являлись запасными частями. Одной из особенностей деятельности металлообрабатывающих мастерских являлась отливка свинцовых пуль, возможно, партиями на заказ.

Интересны полученные в ходе раскопок свидетельства о производстве на территории Нового Торга изделий из камня, в частности, ружейных кремней, которые могли продавать в специализированном «креневом» ряду. Некоторые предметы вооружения и снаряжения, такие как кожаный колчан и наконечники стрел, также могли являться товарами в купеческих лавках.

Представленная выше коллекция находок, связанных с военным делом, свидетельствует о разностороннем, многогранном характере деятельности Нового Торга в Пскове. Подробное изучение данного комплекса во многом освещает дальнейшую судьбу большей части этих предметов после поломки и прекращения функционирования по прямому назначению. Обломки поврежденного вооружения являлись весьма ценным товаром и сырьем, они довольно быстро исчезали из обихода, подвергаясь перековке. Этим отчасти объясняется небольшое количество подобных находок в материалах археологических раскопок, а также малое число сохранившихся до наших дней «рядовых» образцов оружия и военного снаряжения эпохи Московского царства и более раннего времени. Данные обстоятельства необходимо учитывать при работе с комплексами аналогичных предметов из культурных напластований русских городов и крепостей.

Литература

Адамов А. А., 2021. Огнестрельное оружие и оружейный прибор русского воинства в 1582–1585 гг. (по материалам с городища Искер) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (52). С. 50–61.

Артемьев А. Р., 2005. Археологические исследования русских памятников Нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье // Российская археология. № 1. С. 155–166.

Балан С. Б., 2013. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков: каталог оружия в собрании Соловецкого музея-заповедника. Архангельск: Соловецкий гос. ист.-архитектур. и природ. музей-заповедник. 82 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Часть II. М.: Наука. 152 с.

Богоявленский С. К., 1938. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР. С. 258–283.

Бойцов И. А., 1995. Производственное сооружение середины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука. С. 256–269.

Варенов А. Б., 1997. Каменная орнаментированная пулелейка из Тульского кремля // Российская археология. № 4. С. 185–188.

Векслер А. Г., Двуреченский О. В., 2000. Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 10. М. С. 166–181.

Вилков О. Н., 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука. 324 с.

Гордеев Н. В., 1954а. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: сб. науч. тр. по материалам Гос. Оружейной палаты. М.: Искусство. С. 1–58.

Гордеев Н. В., 1954б. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: сб. науч. тр. по материалам Гос. Оружейной палаты. М.: Искусство. С. 63–114.

Двуреченский О. В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII в. // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 264–295.

Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 498 с.

Двуреченский О. В., 2018. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН. 196 с.

Двуреченский О. В., Брусенцов О. А., Соловьев Д. Б., Шевяков Е. С., 2020. Ратные поля как особый вид памятника археологии // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 6. Специальный выпуск, посвященный военному делу Московской Руси XV–XVII вв. М.: ИА РАН. С. 6–103.

Дедюлькин А. В., Курмановский В. С., 2018. Воинское погребение из кургана 14 могильника Черноморка 2 // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 233–251.

Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н., 1953. Русское оружие: краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М.: Госкультпросветиздат. 168 с.

Ефимов С. В., Рымша С. С., 2009а. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. I. Доспехи, клинковое оружие, оружие на древках, орудия правосудия. СПб.: Атлант. 398 с.

Ефимов С. В., Рымша С. С., 2009б. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. II. Арбалеты, артиллерия, ручное огнестрельное, комбинированное и охотничье оружие. СПб.: Атлант. 384 с.

Заидов О. Н., Гуркин А., 2007. Позднесредневековый город Гремячий и его округа // Позднесредневековый город: археология и история: материалы Всерос. семинара

(18–20 ноября 2005 г.): в 2 ч. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России. Тула: Гос. воен.-ист. и природ. музей-заповедник «Куликово поле». С. 66–77.

Кильдюшевский В. И., 1983. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. // Археологическое изучение Пскова / Ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 105–118.

Кильдюшевский В. И., 1999. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок в крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей: сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 63–79.

Кирпичников А. Н., 1971. Рисунки находок оружия в Оружейной палате и остроге Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. // Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 146.

Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука. 104 с.

Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н., 1972. Великая государева крепость. Л.: Художник РСФСР. 253 с.

Косинский М. Ф., 1951. Оружие и огнестрельные припасы // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути. С. 93–96.

Курбатов А. В., 2012. Кожевенное ремесло в средневековой России: дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 622 с.

Курмановский В. С., Панова Т. Д., 2018. Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор) // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 202–232.

Кутасов П. А., 2010. Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переулка в Москве // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 303–321.

Лабутина И. К., 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков: Псковский гос. науч.-исслед. археолог. центр. С. 6–43, 216–252.

Лазарев А. С., Горохова А. В., Дедик А. В., 2022. Археологические раскопки в торговых рядах г. Костромы в 2017–2018 гг. Кострома: Линия График Кострома. 39 с.

Маковская Л. К., 1992. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: определитель. М.: Воен. изд-во. 200 с.

Малов А. В., 2002. Русская пехота XVII века. Государево жалование – служилое платье // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. № 17 (1). С. 10–16.

Малов А. В., 2006. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище. 624 с.

Миляев П. А., 2018. Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV–XVI в. из Старой Ладоги и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий // Археологические вести. Вып. 24. СПб.: Изд-во ИИМК РАН. С. 218–238.

Миляев П. А., 2019. Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладоги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: Тверской науч.-исслед. и реставрац. центр. С. 447–471.

Миляев П. А., 2020. Европейские воинские контингенты в Ладоге и их вооружение по данным археологии и письменных источников (1610–1617 гг.) // Оружейный семинар Государственного Эрмитажа. Заседание 30 апреля 2020 г. СПб.: Гос. Эрмитаж. 56 с.

Миляев П. А., 2021. Копья в комплексе вооружения воинов Ладоги XV–XVII вв. // Археологические вести. Вып. 31. СПб.: ИИМК РАН. С. 332–353.

Миляев П. А., 2022. Планиграфия и стратиграфия верхних культурных напластований в южной части Земляного городища Старой Ладоги (раскоп 3) // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования: коллективная монография. Т. 2 / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: ИИМК РАН: Невская типография. С. 109–252. (Труды ИИМК РАН; т. LX).

Михайлов А. В., Яковлева Е. А., 2007. Археологические исследования на Ново–Торговском IV раскопе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 52-го заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков: ИА РАН. С. 29–44.

Мышковский Е. В., 1961. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. 1961. № 1. С. 225–235.

Мышковский Е. В., 1965. Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. С. 186–198.

Петренко В. П., 1989. Археологическое изучение Ивангорода // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология: тез. докл. конф. Нарва: Ленинградское отд. Ин-та археологии АН СССР. С. 41–44.

Подгорная Р. Г., Френкель Я. В., Яковлев А. В., 2009. Исследование отложений XVIII века в Новоторговском V раскопе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 54-го заседания. Псков: ИА РАН. С. 42–58.

Прокопенко В., 2020. Короткий огляд функціональних накладок для підвісу сагайдака з пласким колчаном // Історія давньої зброї. Дослідження 2018. Збірник наукових праць Третьої міжнародної збро знавчої конференції (Київ, 12–14 червня, 2018 р.). Київ: Інститут історії України Національної академії наук України. С. 326–351.

Простяков И. С., 2016. Клад пистолетных накладок XVIII века из раскопок в Гончарной слободе города Тулы в 2014 г. // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 373–380.

Родионов Е. А., 2017. Коллекция оружия Гатчинского дворца: науч. каталог. Т. IV. СПб.: НП Принт. 445 с.

Салмин С. А., 2008. Навершие шестопера из раскопок в Пскове в 2005 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LIII заседания. Псков: ИА РАН; Псковский археолог. центр. С. 52–56.

Салмин С. А., 2011. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 56-го заседания. М.; Псков: Псковская обл. тип. С. 28–34.

Салмин С. А., 2013. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания. М.; Псков: ИА РАН. С. 68–78.

Салмин С. А., 2017. Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок Псковского Окольного города // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск: Наука. С. 296–303.

Салмина Е. В., Салмин С. А., 2019. Псковский Новый Торг: итоги исследовательского проекта и перспективы продолжения [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 5 (23). URL: https://portal.novsu.ru/file/1571593 (дата обращения: 19.02.2023).

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2014. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 29. Материалы 59-го заседания. М.; Псков; СПб.: Нестор-История. С. 31–41.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2016. Археологическое исследование Нового Торга Пскова // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии России XVI–XVIII вв.: материалы науч. конф. М.; Вологда: Древности Севера. С. 51–62.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2019. Внутренняя планировка Нового Торга Пскова: опыт составления «принципиального плана» расположения торговых рядов // Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3. К 39-м Международным Ганзейским дням. Псков: Археолог. центр Псковской обл. С. 179–200.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., Михайлов А. В., 2016. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005–2013 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 31. Материалы 61-го заседания. М.: ИА РАН. С. 123–134.

Свєшніков І. К., 1992. Битва під Берестечком. Львів: Слово. 304 с.

Ситдиков А. Г., 2006. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиант. 288 с.

Сорокин П. Е., 2004. Изучение памятников морской археологии в Финском заливе и на Ладожском озере в 2003 г. // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб.: ИИМК РАН. С. 24–42.

Суханов И., Хабурзания М., 2000. Кремень как средство воспламенения порохового заряда оружия // Ружье. Российский оружейный журнал. № 4. С. 61–63.

Тарасюк Л. И., 1965. Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков (Воспламенительные механизмы, их эволюция и применение): автореф. дис. ... канд. ист. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л. 16 с.

Тарасюк Л. И., 1971. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Ленинград: Искусство. 223 с.

Хохлов А. Н., Нестерова М. Е., 2020. К изучению материальной культуры бивуаков российских войск времен Крымской войны 1853–1859 годов на Мекензиевых высотах в Севастополе // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь: Тверской науч.-исслед. и реставрац. центр. С. 252–279.

Чубинский А. Н., 2014. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. (14–16 мая 2014 г.). Ч. IV. СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инж. войск и войск связи. С. 405–428.

Чубинский А. Н., 2015. О времени изготовления стволов, замков и лож «троицких пищалей» из собрания Оружейной палаты // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к междунар. науч. конф. (Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г.). М.: МГУ.

Шиндлер О. В., 2014. Классификация русских корпусных доспехов XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. V. С. 417–486. URL: http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler (дата обращения: 09.03.2023).

Яковлев А. В., 2009а. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Некрасова, 27 в 2008 г. (Новоторговский VIII раскоп). Т. I. Текст отчета. Псков.

Яковлев А. В., 2009б. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Некрасова, 27 в 2008 г. (Новоторговский VIII раскоп). Т. II. Альбом иллюстраций. Псков.

Яковлев А. В., 2009в. Отчет об археологических раскопках на ул. Некрасова, 27а в 2008 г. (Новоторговский VII раскоп). Т. I. Текст отчета. Псков.

Яковлев А. В., 2009г. Отчет об археологических раскопках на ул. Некрасова, 27а в 2008 г. (Новоторговский VII раскоп). Т. II. Альбом иллюстраций. Псков.

Яковлев А. В., 2009д. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Некрасова, 27 в 2008 г. (Новоторговский VI раскоп). Т. I. Текст отчета. Псков.

Яковлев А. В., 2009е. Отчет об археологических раскопках в г. Пскове на ул. Некрасова, 27 в 2008 г. (Новоторговский VI раскоп). Т. II. Альбом иллюстраций. Псков.

Яковлева Е. А., 2005а. Отчет о работах на Новоторговском IV раскопе в г. Пскове в 2005 году. Т. I. Текст отчета. Псков.

Яковлева Е. А., 2005б. Отчет о работах на Новоторговском IV раскопе в г. Пскове в 2005 году. Т. II. Альбом иллюстраций. Псков.

Blackmore D., 1990. Arms & Armour of the English Civil Wars. London: The Trustees of the Royal Armouries. 99 p.

Essen M. F. von, 2020. The Lion from the North. Volume I. The Swedish Army during the Thirty Years' War, 1618–1632. Warwick: Helion & Company. 272 p.

Müller H., Kölling H., 1982. Europäische Hieb – und Stichwaffen aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik. 448 S.

Tarassuk L., 1964. Introduction de la platine à silex à la française dans les armes à feu russes // Armi Antiche: bollettino dell`Accademia di S. Marciano. Torino: Accademia di S. Marciano. P. 3–18.

* * *

Миляев Павел Андреевич, *Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН, e-mail: milyaev.paul@yandex.ru*

К. В. Горлов, С. А. Салмин

Описание монетного клада конца XVII в. из раскопок в Пскове на ул. Герцена в 2020 г.[1]

Резюме. В 2020 г. экспедицией Псковского археологического центра при исследовании культурного слоя в пределах Козьмодемьянского-13 раскопа был обнаружен монетный клад, укрытый в небольшом керамическом сосуде. В состав комплекса входили 124 русские серебряные монеты копеечного номинала, принадлежащие эмиссии Федора Ивановича, Второго земского ополчения, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича периода совместного правления, а также два фальшивых экземпляра, имитирующие копейки Михаила Федоровича и Федора Алексеевича. Время чеканки младших монет депозита определяет период его тезаврации самым началом 1690-х гг. Зарегистрированная в кладе сумма составляет 1 рубль 26 копеек, что позволяет отнести его к группе мелких капиталов, принадлежавших, вероятнее всего, небогатой прослойке городского населения.

Ключевые слова: Псков, клад, копейки, керамический сосуд, тезаврация, денежное обращение.

K. V. Gorlov, S. A. Salmin. Description of the Late 17th Century Coin Treasure from 2020 Excavations in Herzen Street of Pskov

Abstract. In 2020, an expedition of the Pskov Archaeological Center, while studying the cultural layer within the Kozmodemyansky-13 excavation, discovered a coin treasure hidden in a small ceramic vessel. The complex included 124 Russian silver coins of a penny denomination belonging to the issue of Fedor Ivanovich, the Second Zemstvo Militia, Mikhail Fedorovich, Alexei Mikhailovich, Fedor Alekseevich, Ivan Alekseevich and Peter Alekseevich of the period of joint rule, as well as two fake copies imitating the pennies of Mikhail Fedorovich and Fedor Alekseevich. The time of minting of the smaller coins of the deposit determines the period of its hoarding at the very beginning of 1690s. The sum registered in the hoard is 1 ruble 26 kopecks, which makes it possible to attribute it to the group of small capitals, most likely belonging to the poor stratum of the urban population.

Keywords: Pskov, hoard, treasure, kopecks (pennies), ceramic vessel, hoarding, money circulation.

[1] К. В. Горловым исследование выполнено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.193-213

В конце XVII в. система денежного обращения Русского царства обнаруживает ряд явлений, констатирующих ее регрессивное состояние. В качестве важного признака этого приведем синхронное присутствие в обороте монет одного номинала, но выпущенных на основании различных весовых нормативов. Такая ситуация сложилась в результате неоднократного повышения на протяжении XVII в. монетной стопы 1613 г. в четыре рубля из гривенки серебра с нормативным весом копейки в 0,512 г. В результате последнего изменения стопы для проволочных монет 1698 г. их чеканка осуществлялась уже на основании норматива 720 копеек из гривенки серебра с уставным весом 0,284 г[2] (*Мельникова*, 1989. С. 158–161; *Зверев*, 2005. С. 243–247; 2014. С. 56–62). При этом в 80-е – 90-е гг. XVII в. значительный объем денежной массы по-прежнему был представлен тяжелыми серебряными копейками эмиссии Михаила Федоровича и Алексея Михайловича[3].

Критерий устойчивости курса русских проволочных монет зависел от величины содержания в них драгоценного металла. Поэтому коммуникация в процессе обращения денежных знаков одного номинала, однако выпущенных на основании различных весовых нормативов, была достаточно сложной. Документы конца XVII в. сообщают, что русские люди «почали деньги разбирать и старые от новых отделять зделанными деревянными нарочно для того маленькими машинами»[4] (*Юхт*, 1986. С. 27; *Зверев*, 2020. С. 202). Старые тяжелые монеты, по существу, превращались в товар, которым велась активная торговля с повышением цены, например в серебряных рядах (*Юхт*, 1986. С. 27).

Другое негативное явление выразилось в недостатке монет более низкого, чем копейка, достоинства, необходимых для мелких денежных расчетов. Несмотря на значительную потерю веса, двуденежники по-прежнему сохраняли свою высокую покупательную стоимость и для рядовых сделок были не всегда непригодны. Разменные номиналы в виде денег и полушек по причине невыгодности производства для казны чеканились на протяжении XVII в. очень небольшими тиражами, что вызвало их дефицит. Нехватка монет низкого достоинства привела к разменному кризису, сопровождавшемуся появлением «сеченных», т. е. разделенных на несколько частей копеек, и кустарно изготовленных денежных суррогатов (*Юхт*, 1994. 11, 12).

На присоединенной к Русскому царству во второй половине XVII в. части Украины возник ареал сложного смешанного монетного обращения, в котором участвовали, например, русские серебряные проволочные копейки и их фракции, «севские чехи», а также различные образцы денежных знаков из биллона

---

[2] Проволочные копейки, а тем более их фракции вместе с повышением монетной стопы получали совершенно крохотный размер, все больше неудобный при расчетах.

[3] Присутствуя в обращении длительное время, большинство таких экземпляров имели значительные потертости, вследствие чего становились трудноотличимыми от продукции фальшивомонетчиков.

[4] Видимо, «машинки» по конструкции представляли собой простейшие равноплечные рычажные весы с привесом, настроенным на массу новых копеек.

и серебра западноевропейской чеканки (напр.: *Спасский*, 1970. 133–135; *Зверев*, 2017. С. 59–67).

Важным источником для изучения состава русского денежного обращения последней четверти XVII в., отражающим региональную специфику, выступают монетные клады. Один из таких депозитов был обнаружен в Пскове в 2020 г. в ходе работы экспедиции Псковского археологического центра в пределах Козьмодемьянского-13 раскопа на ул. Герцена. Исследованный участок представляет собой зону малонарушенных позднесредневековых отложений, перекрывающих напластования более ранних периодов. В XVI–XVII вв. здесь фиксируется плотная городская застройка с рядом зданий, имеющих каменные подвалы, в том числе с сохранившимися сводами. Судя по стратиграфии, часть строений возводилась уже после крупных городских пожаров 1607 или 1609 гг. Постройки использовались долгое время, продолжая функционировать и после пожара 1710 г., когда выгорел весь Псков, включая Запсковье.

Рис. 1. Керамическая «кубышка», содержавшая клад. Фото Р. Подгорной

Особенности стратиграфической ситуации на Козьмодемьянском-13 раскопе не позволяют привязать зарегистрированный здесь клад к какому-то конкретному сооружению. Уверенно можно говорить о фиксации находки ниже слоя углистой прослойки, связанной с пожаром 1710 г.

Капитал депозита был сокрыт в небольшом керамическом сосуде с зеленой поливой, датированной по местным аналогиям **концом XVII–XVIII** в. (рис. 1) Верхняя часть сосуда оказалась утраченной в результате позднего хозяйственного освоения участка. Сосуд представлял собой «кубышку» на невысоком поддоне. Высота сосуда – 6,4 см, максимальный диаметр – около 6 см, диаметр горлышка – 1,4 см. Кубышка изготовлена из красножгущейся глины, зеленая глазурь подверглась вторичному обжигу, в результате чего произошел переход оксида меди, содержавшегося в глазури, в куприт, и сосуд приобрел красный цвет. В результате этого же нагревания в теле сосуда образовались трещины и расслоения.

В состав клада входили 124 русские серебряные монеты копеечного номинала, принадлежащие эмиссии Федора Ивановича (1 монета), Второго земского ополчения (1), Михаила Федоровича (42), Алексея Михайловича (28), Федора Алексеевича (29), Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича периода совместного правления (23), а также два фальшивых экземпляра, имитирующие двуденежники Михаила Федоровича и Федора Алексеевича (табл.).

Таблица 1

Описание состава клада конца XVII в.,
обнаруженного в Пскове на ул. Герцена в 2020 г.

№ пр.	Эмитент	Дата чеканки	Место чеканки	Дифферент	Тип[1]	Кол-во	Вес, г	№ шифра хранения
1	Русское царство / Федор Иванович	1598	Новгород	О HOPS	116	1	0,565[2]	91
2	Второе земское ополчение	осень 1612	Москва	о М	353	1	0,480[3]	89
3, 4	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1614	Москва	МОС КВА	382	2	0,455[4]; 0,470	16; 61
5	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1616	Москва	МОС КВА	389	1	0,460	27
6	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1616	Москва	МОС КВА	390	1	0,395	24
7	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1617	Москва	МОС КВА	391	1	0,485	83
8, 9	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1615	Москва	МО СКВА	406	2	0,455; 0,460[5]	18; 60
10, 11	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1618	Москва	МО	439	2	0,450; 0,470	26; 56
12	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1619	Москва	М	450	1	0,485	4
13	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1618	Москва	М	451	1	0,445[6]	6
14	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1619	Москва	о М	461	1	0,430	59
15	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1620	Москва	о М	462	1	0,460	76
16–18	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1625	Москва	о М	531	3	0,395[7]; 0,405; 0,445	74; 77; 82
19, 20	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1625	Москва	о М	534	2	0,420; 0,430	63; 70
21	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1629	Москва	о М	538	1	0,460	69
22	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1630	Москва	О Б о М	554	1	0,440	65
23	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1633	Москва	К Ц МОС КВА	572	1	0,445	75
24	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1643	Москва	К Ц МОС КВА	582	1	0,435	57

[1] Типология монет приведена по систематизации И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова (*Гришин и др.*, 2021).

[2] Повторный удар штемпеля.

[3] Повторный удар штемпеля. Погнута.

[4] Отверстие. Погнута.

[5] Погнута.

[6] Отверстие.

[7] Отверстие.

№ пр.	Эмитент	Дата чеканки	Место чеканки	Диффе-рент	Тип[1]	Кол-во	Вес, г	№ шифра хранения
25	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1633	Москва	К Ц ос МК	591	1	0,405[8]	55
26	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1639	Москва	о М	622	1	0,400	84
27	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1639	Москва	о М	623	1	0,340[9]	78
28	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1639	Москва	о М	634	1	0,390	85
29	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1642	Москва	о М	658	1	0,445[10]	62
30	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1642	Москва	о М	660	1	0,445	81
31, 32	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1642	Москва	о М	667	2	0,415; 0,475	66; 73
33	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1641	Москва	о М	671		0,440	58
34	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1641	Москва	о М	674		0,450	68
35	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1641	Москва	о М	675		0,425	13
36–39	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1643	Москва	о М	678	4	0,385; 0,440; 0,450; 0,460	7; 64; 67; 72
40	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1641	Москва	о М	679	1	0,435	15
41	Русское царство / Михаил Федорович	1645	Москва	о М	684	1	0,440	21
42	Русское царство / Михаил Федорович	1645	Москва	о М	701	1	0,430	79
43	Русское царство / Михаил Федорович	ок. 1643	Москва	о М	о.с. 51	1	0,405	5
44	Русское царство / Михаил Федорович	1617–1626/27	Псков	ПС	740	1	0,425	1
45–47	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650 (?)	Москва	о М	798	3	0,420; 0,470; 0,520	2; 101; 103
48	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	802	1	0,460	11
49	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	803	1	0,445	20
50	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	819?	1	0,410	106
51	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	825	1	0,405	25
52, 53	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	826	2	0,410; 0,465	19; 98
54	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	832	1	0,405[11]	94

[8] Погнута.
[9] Отверстие.
[10] Погнута.
[11] Повторный удар штемпеля.

№ пр.	Эмитент	Дата чеканки	Место чеканки	Диффе-рент	Тип[1]	Кол-во	Вес, г	№ шифра хранения
55	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	837?	1	0,365	105
56	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1650(?)	Москва	о М	857	1	0,470	9
57	Русское Царство / Алексей Михайлович	1650(?)–1655	Москва	о М	895?	1	0,415	12
58	Русское царство / Алексей Михайлович	1650(?)–1655	Москва	о М	896	1	0,480	23
59, 60	Русское царство / Алексей Михайлович	1650(?)–1655	Москва	о М	899	2	0,420 (2)	8; 93
61	Русское царство / Алексей Михайлович	1650(?)–1655	Москва	о М	917	1	0,385	104
62	Русское царство / Алексей Михайлович	1663–1676	Москва	о М	958	1	0,440	107
63–68	Русское царство / Алексей Михайлович	1663–1676	Москва	о М	959	6	0,335; 0,415; 0,440; 0,460; 0,475; 0,510	71; 95; 96; 97; 99; 102
69	Русское царство / Алексей Михайлович	1663–1676	Москва	о М	977	1	0,450[12]	100
70	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1676	Москва		о.с. 4	1	0,425[13]	90
71	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1676	Москва		л.с. 20	1	0,445	10
72	Русское царство / Алексей Михайлович	1645–1676	Москва		о.с. 7?	1	0,360	14
73, 74	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1008	2	0,445; 0,480	37; 38
75	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1010	1	0,470	49
76–78	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1014	3	0,300; 0,460; 0,490[14]	34; 41; 115
79	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1018	1	0,380	39
80	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1035	1	0,575	33
81	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1050	1	0,420	32
82–85	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1055	4	0,340; 0,380; 0,390; 0,400	31; 42; 47; 53
86	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1058	1	0,375	88
87	Русское царство / Федор Алексеевич	1676–1680	Москва	о М	1060	1	0,405	44
88–99	Русское царство / Федор Алексеевич	1681–1682	Москва	о М	1068	12	0,330; 0,335; 0,360 (2); 0,370; 0,375; 0,380 (3); 0,385; 0,395; 0,400	29; 30; 35; 36; 40; 43; 45; 48; 50; 52; 54; 87

[12] Повторный удар штемпеля.

[13] Повторный удар штемпеля. Отверстие. Погнута.

[14] Повторный удар штемпеля.

№ пр.	Эмитент	Дата чеканки	Место чеканки	Диффе-рент	Тип[1]	Кол-во	Вес, г	№ шифра хранения
100, 101	Русское царство / Федор Алексеевич	1681–1682	Москва	о М	1072	2	0,425; 0,280	46; 86
102, 103	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1093	2	0,380[15]; 0,385	92; 118
104	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1094	1	0,385	122
105	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1100	1	0,365	123
106	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1102	1	0,340	22
107	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1107	1	0,385	3
108	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1109	1	0,555	119
109	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1112	1	0,300	121
110	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	о.с. 10	1	0,390	120
111, 112	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1154	2	0,380; 0,395	114; 117
113	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1157	1	0,410	108
114	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1164	1	0,440	124
115	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1167	1	0,360	113
116–119	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1169	4	0,380; 0,385; 0,390; 0,425	17; 110; 112; 126
120	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1170	1	0,415	116
121, 122	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1171	2	0,380; 0,420	111; 125
123	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва	о М	1184	1	0,325	109
124	Русское царство / Иван V, Петр I	1682–1696	Москва		о.с. 5	1	0,405	28
125	Фальшивый экземпляр, имитирующий копейку Михаила Федоровича Московского денежного двора.			М		1	0,360	80
126	Фальшивый экземпляр, имитирующий копейку Федора Алексеевича. Белый метал			о М		1	0,320	51

[15] Повторный удар штемпеля.

Представленный паритет количественного распределении монет по эмитентам характерен для подавляющего большинства депозитов, сформированных в 80–90-е гг. XVII в. (*Волков, Прокопишин*, 2004. С. 159, 160).

Присутствие в составе клада копеек трехрублевой стопы в виде незначительной примеси стало следствием денежной реформы 1613 г., когда произошел переход к четырехрублевому нормативу чеканки (табл., № 1, 2; рис. 2: *1, 2*).

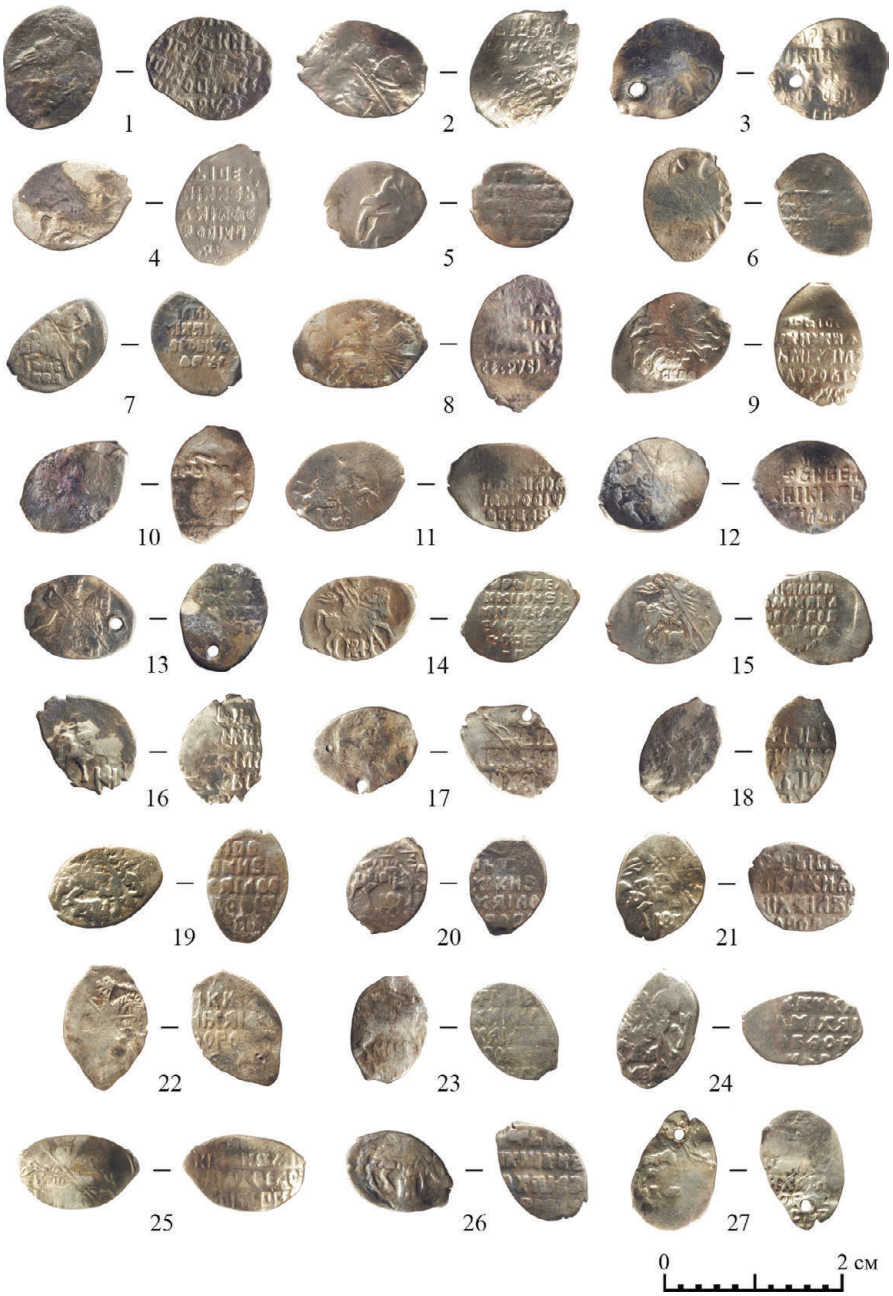


Рис. 2. Серебряные копейки из состава клада: *1* – Федор Иванович, Новгород; *2* – Второе земское ополчение, Москва; *3–27* – Михаил Федорович, Москва

На начальном этапе основной сырьевой базой[5] для эмиссии Михаила Федоровича служили старые русские монеты, выкупавшиеся у населения с наддачей (*Спасский*, 1955. С. 330, 353, 354; *Мельникова*, 1989. С. 157–163). Материалы кладов и письменные свидетельства показывают, что основная масса денежных знаков трехрублевой стопы вышла из обращения к середине 20-х гг. XVII в. (*Мельникова*, 1989. С. 158). В 1620 г. московским властям из Пскова сообщали, что все «...деньги старые переделаны до 128-го году» (*Зверев*, 2005. С. 232, 240).

Преобладание в составе рассматриваемого комплекса монет Михаила Федоровича связано с длительным временем его правления, сопровождавшимся интенсивной эмиссией (табл., № 3–44; рис. 2: *3–27*; рис. 3: *28–44*). Количественное распределение копеек по датам чеканки показывает доминирование экземпляров конца 30-х – первой половины 40-х гг. XVII в. Данное обстоятельство может быть связано как с повышенной интенсивностью работы Московского денежного двора в этот период, так и наибольшей близостью времени чеканки этих монет к сроку тезаврации клада[6] (*Мельникова*, 1989. С. 178).

Только одна копейка Михаила Федоровича принадлежит продукции Псковского денежного двора 1617–1627 гг. (табл., № 44; рис. 3: *44*). В течение этого десятилетия производство монет в Пскове осуществлялось преимущественно на сырьевом ресурсе торговых людей, вследствие чего объем чеканки по сравнению с московским был очень мал, однако превосходил новгородский (*Мельникова*, 1989. С. 183; *Зверев*, 1998. С. 144–146).

Подавляющее большинство копеек Михаила Федоровича имеет значительные потертости вследствие длительного обращения. Вероятно, с этим связаны низкие весовые показатели данных экземпляров с учетом ремедиума. На четырех монетах присутствуют признаки внеэкономического использования в виде отверстий (рис. 2: *3, 13, 17, 27*).

Фальшивая копейка с именем Михаила Федоровича изготовлена из высокопробного серебра[7] в ущерб денежного обращения и не находит аналогов среди «непрямых» денег Ярославля или шведских и датских подделок, представленных в базовом каталоге 2021 г. (табл., № 125; рис. 6: *125*). Во время правления Михаила Федоровича «злой промысел» приобретает угрожающие масштабы, в результате чего «воровские» экземпляры стали атрибутом почти

---

[5] Приток в Московское государство западноевропейских денариев (ефимков), служивших основным сырьем для русской эмиссии, был нарушен событиями Смутного времени и восстановился только после заключения Столбовского мира в 1617 г. (*Мельникова*, 1989. С. 158, 159).

[6] Можно отметить, что московские копейки также массовых тиражей 1613–1617 гг. (*Мельникова*, 1989. С. 158, 159) не дают в составе данного депозита значительных количественных пиков, что может указывать на вымывание ранних монет Михаила Федоровича из состава денежного обращения в конце XVII в.

[7] Ag – 95,54%; Cu – 3,3%; Pb – 0,8%; Au – 0,36%. Рентгенофлуоресцентный анализ металла проведен в Отделе Научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа в Лаборатории технико-технологических исследований. Artax 400. Аналитик Д. С. Прокураторов.

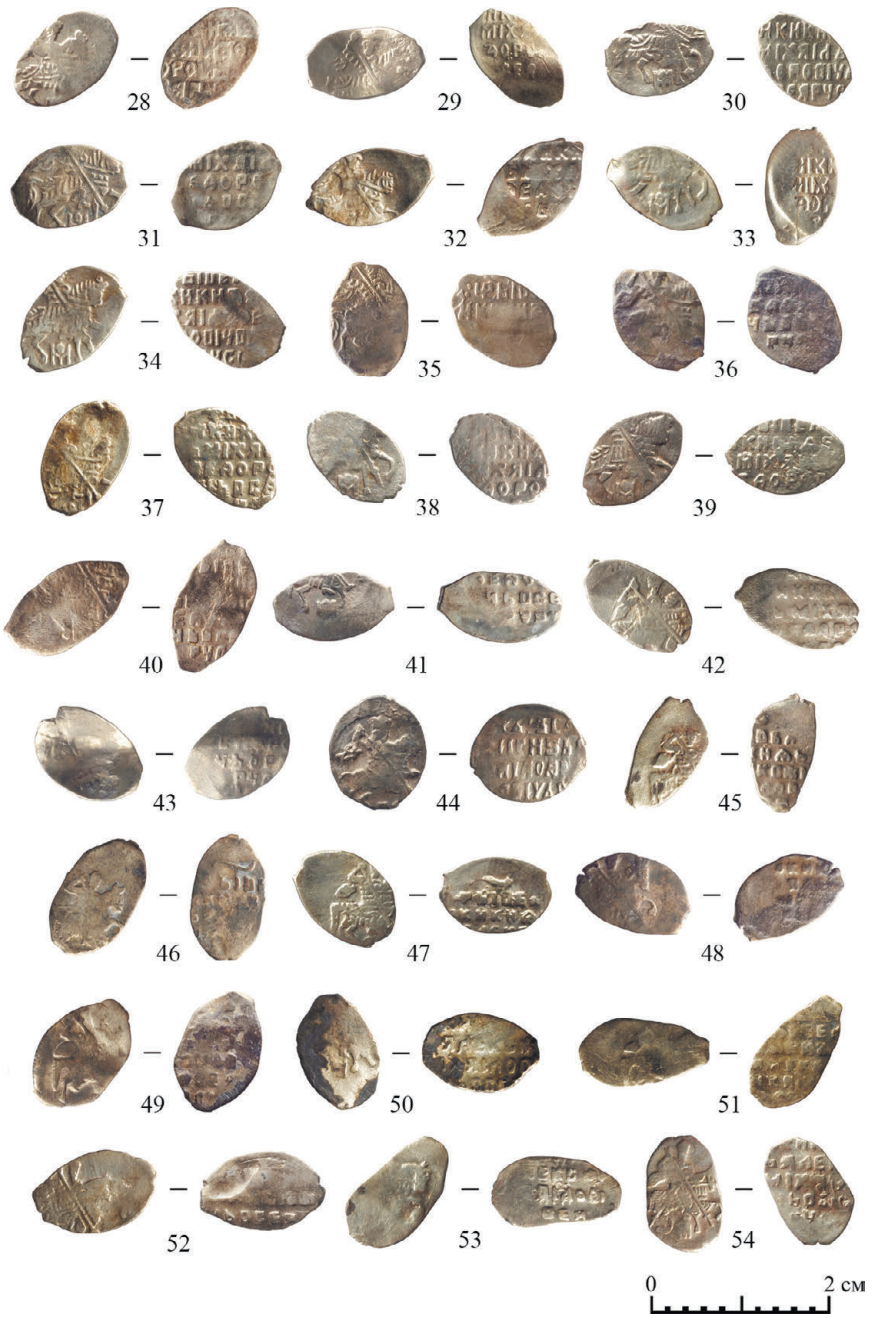


Рис. 3. Серебряные копейки из состава клада (*продолжение*): *3–44* – Михаил Федорович, Москва, Псков; *45–54* – Алексей Михайлович, Москва

каждого комплекса (*Мельникова*, 1989. С. 231; 2005. С. 198–232, 205, 207; *Зверев и др*, 2013. С. 139–141; *Гришин и др*., 2021. С. 370–409).

Копейки Алексея Михайловича в составе псковского клада количественно занимают третье место[8]. Время выпуска таких монет разделяется на три хронологические группы: 1645–1650 гг., 1650–1655 гг., 1663–1676 гг.[9] (*Мельникова*, 1989. С. 206–209; 1996. С. 94, 95; *Гришин и др*., 2021. С. 18). В структуре рассматриваемого депозита преобладают экземпляры ранних выпусков, а также образцы, отчеканенные после 1663 г. (табл., № 45–72; рис. 3: *45–54*; рис. 4: *55–72*). Небольшое количество монет 1650–1655 гг. связано с ухудшением экономической обстановки в Русском царстве в середине XVII в., сопровождавшимся сокращением потока талеров, служивших основной сырьевой базой для русской эмиссии (*Мельникова*, 2004. С. 28–36).

Денежные знаки Алексея Михайловича, как и копейки предыдущего правления из состава рассматриваемого комплекса, имеют потертости, вследствие чего их весовые показатели оказались ниже нормативных. На одном экземпляре присутствует отверстие (рис. 4: *70*).

Копейкам Федора Алексеевича в структуре псковского клада численно принадлежит второе место, что является нетипичным явлением (*Волков, Прокопишин*, 2004. С. 159, 160). Еще А. С. Мельниковой было отмечено относительно небольшое количество таких монет в собраниях крупнейших музеев России вследствие их массового вывода из оборота вместе с более ранними образцами после перехода к новой стопе в 1698 г.[10] (*Мельникова*, 1989. С. 227–230). Причина значительного присутствия копеек Федора Михайловича в составе псковского клада связана со временем его формирования, завершившимся до начала изъятия из оборота тяжелых денег.

На основании данных об изменении монетной стопы эмиссия Федора Алексеевича разделяется на два хронологических этапа: 1676–1680 гг. и 1681–1682 гг. В составе рассматриваемого комплекса наблюдается равное количество ранних и поздних копеек 14:14, несмотря на различную продолжительность их выпуска

---

[8] А. С. Мельникова указывает, что количество серебряных монет, выпущенных в годы правления Алексея Михайловича, сохранилось гораздо меньше, чем от его предшественника на троне (*Мельникова*, 1989. С. 206). Это представление, вероятно, касается общего количества кладов, найденных в России, и не учитывает региональную специфику. Так, например, в Вятской земле количество кладов Алексея Михайловича не уступает депозитам Михаила Федоровича при общем доминировании монет первого (*Зверев, Мокерова*, 2011. С. 141).

[9] В данном случае речь идет о московских серебряных копейках. С 1655 г. Новгородский денежный двор осуществлял чеканку серебряных двуденежников, выпуск которых был нерегулярен и малочислен (*Мельникова*, 1989. С. 208).

[10] Огромные масштабы чеканки, связанные с расходами Северной войны, требовали пополнения сырьевой базы серебра, добыча которого в России на тот момент еще не велась. Решение этой задачи правительство находило в традиционной закупке иностранной серебряной монеты и перечеканке старых русских денег в новые пониженного веса. На 1701–1702 гг. приходится время наиболее массовой сдачи свезенных в Москву «старых» копеек (*Ширяков*, 2013. С. 143; *Краснов*, 2015. С. 188).

Рис. 4. Серебряные копейки из состава клада (*продолжение*): *55–72* – Алексей Михайлович, Москва; *73–78* – Федор Алексеевич, Москва

(табл., № 73–101; рис. 4: *73–78*; рис. 5: *79–101*). Аналогичная ситуация прослеживается в составе других комплексов, где тяжелые и легкие монеты присутствуют примерно в равном соотношении (*Мельникова*, 1989. С. 228). Обозначенный паритет можно объяснить повышенной интенсивностью денежного производства в последние годы правления Федора Алексеевича в связи с переходом к новой стопе.

Отметим, что значительная часть поздних копеек в структуре псковского клада представлена одним сочетанием маточников, образующим тип № 1068 (табл., № 88–99*;* рис. 5: *88–99*). Значительная часть этих экземпляров отчеканена штемпелями с различными дефектами, полученными в процессе монетного производства, но все равно они оставались в работе. Ситуация с использованием бракованных инструментов могла происходить во время интенсивного денежного передела, когда казне требовалось большое количество монет, и утрата их качества уже не имела ведущего значения.

Присутствующая в составе депозита фальшивая копейка Федора Ивановича отличается высоким качеством изготовления. Сырьем для нее послужил высокопробный сплав серебра[11] (табл., № 126; рис. 6*: 126*).

Младшими в структуре псковского клада стали двуденежники, выпущенные во время совместного правления Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича в 1682–1696 гг. Лицевые стороны этих монет отчеканены одинаковыми штемпелями с изображением всадника и индивидуальными оборотными, содержащими имя одного из царей. В составе депозита копейки Ивана V и Петра I немного уступают эмиссии Федора Алексеевича. Экземпляров с именем Петра больше, чем Ивана, что прослеживается и в других комплексах (табл., № 102–124; рис. *5: 102*; 6: *103–124*).

Поздней монетой в составе клада следует считать копейку с именем Петра Алексеевича, связанную с сочетанием маточников, получивших в каталоге № 1184 (табл., № 123; рис. 6: *123*). Выпуск таких экземпляров происходил около 1690–1691 гг., на что указывает использование в ходе совместной чеканки 1682–1696 гг. еще не менее десяти более поздних лицевых инструментов, последний из которых включал слово PW/CIA, помещенное под ногами коня[12].

Вероятно, к самому началу 1690-х гг. следует отнести и время тезаврации депозита, которое для комплексов русских монет вполне аргументированно определяется временем, близким к дате чеканке младших экземпляров (*Потин*, 1993. С. 171–185).

На протяжении XVI–XVII вв. прослеживается тенденция к увеличению размеров кладов. Среднестатистическая сумма депозитов, тезаврированных в правление Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Федоровича

---

[11] Ag – 79,8%; Cu – 13,1%; Pb – 1,5%; Zn – 5,6%.

[12] На подавляющем большинстве проволочных монет даты чеканки отсутствуют. Только на продукции Новгородского и эпизодически Псковского денежных дворов, начиная с правления Федора Ивановича, ставился год выпуска. На московских монетах, преобладающих в русском денежном обращении на протяжении XVII в., дата выпуска не указывалась до 1696 г. (*Дуров*, 1980. С. 9, 10).

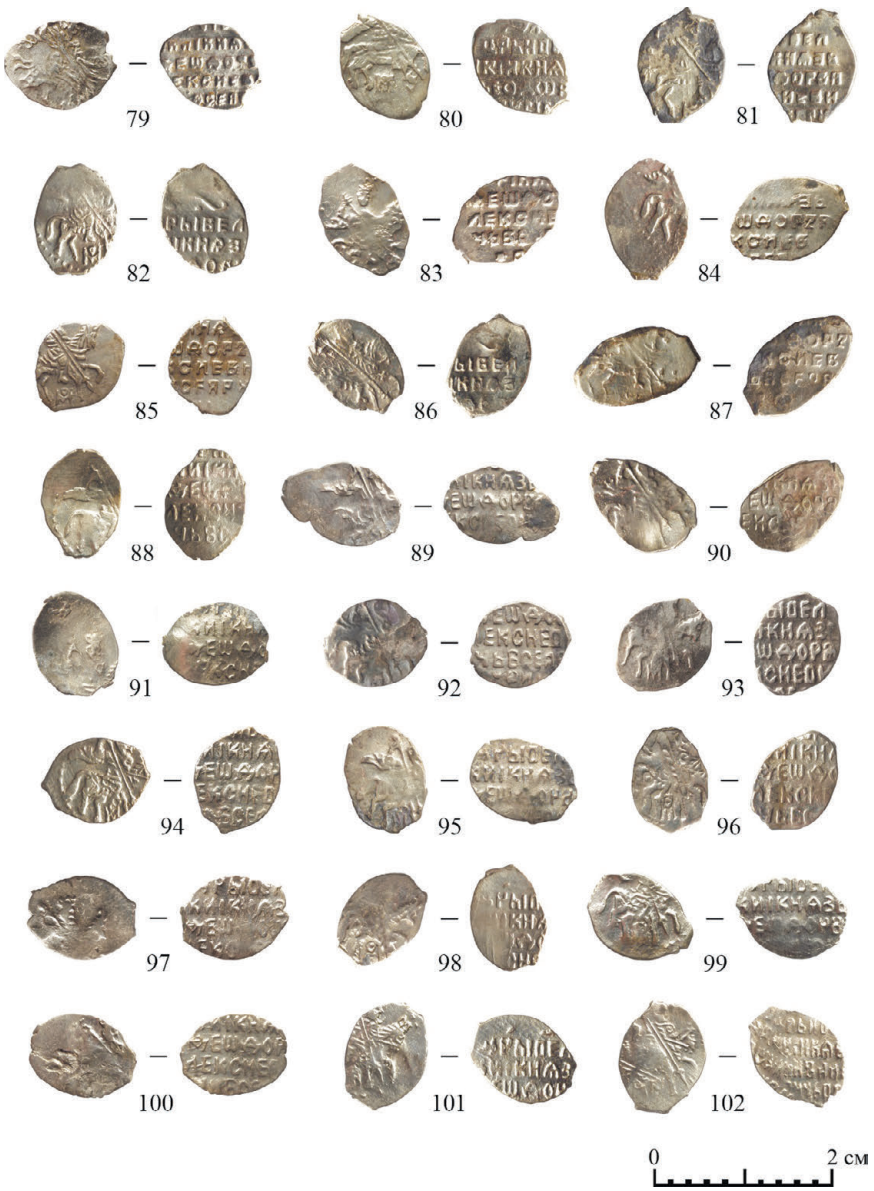


Рис. 5. Серебряные копейки из состава клада (*продолжение*): *79–101* – Федор Алексеевич, Москва; *102* – Иван Алексеевич, Петр Алексеевич, Москва

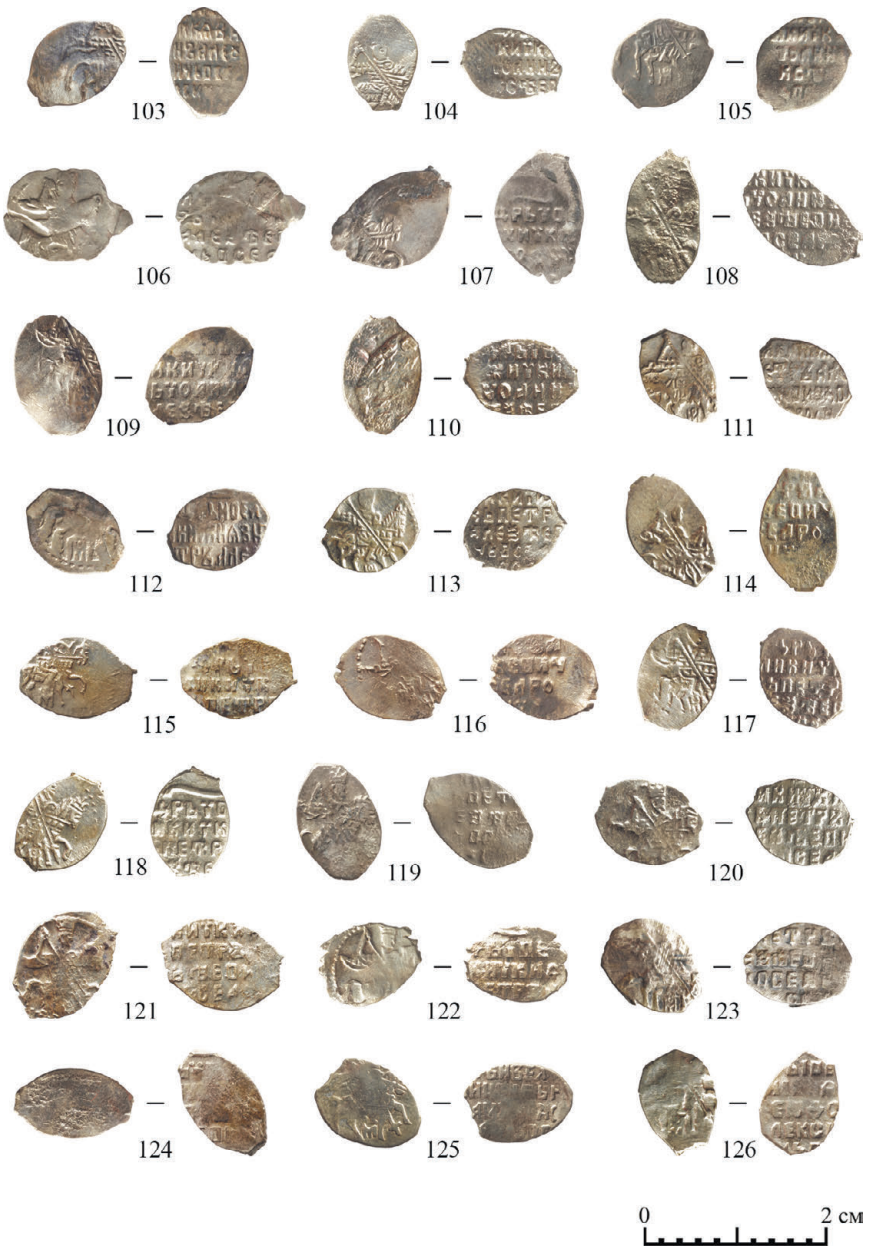


Рис. 6. Серебряные копейки из состава клада (*продолжение*): *103–124* – Иван Алексеевич, Петр Алексеевич, Москва. *125* – фальшивый экземпляр, имитирующий московскую копейку Михаила Федоровича; *126* – фальшивый экземпляр, имитирующий московскую копейку Федора Алексеевича

Годунова в сельской местности, составляет от одного до трех-шести рублей. Размер большинства кладов городского населения в это время превосходит крестьянские незначительно. Объем депозитов, сокрытых в царствование Василия Шуйского, увеличивается вдвое и в среднем составляет шесть-восемь рублей[13] (*Мельникова*, 2003. С. 15, 95). Во время правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича возрастает как количество сокрытых кладов, так и их размер, составляющий в среднем 1500–2000 монет, чаще всего копеечного номинала. С недолгим царствованием Федора Ивановича также связана значительная группа депозитов, величина которых остается в прежних пределах (*Мельникова, Дядченко*, 1994. С. 17; *Векслер, Мельникова*, 1999. С. 122).

На этом фоне сокрытая в псковском кладе сумма в 1 рубль 26 копеек представляется необычно скромной. Однако археологический контекст находки депозита не позволяет уверенно считать, что умножение его капитала было окончательно законченным. Нельзя исключать, что обнаруженные монеты являются частью комплекса длительного накопления, которое было прервано.

Известно, что клад достоверно был сокрыт в пределах крупного города, в районе проживания богатой социальной прослойки, связанной с торговлей. Однако размер рассматриваемого депозита и особенности структуры не позволяют связать социальный облик его потенциальных владельцев с зажиточными горожанами. Вероятнее всего, обладатель найденных монет принадлежал к податному сословию, занимаясь в части города, застроенной богатыми домами, дворовой хозяйственной деятельностью[14].

Такой социальной принадлежности комплекса не противоречит и наличие в его составе при относительно скромной величине сразу двух фальшивых монет, пусть и высокого качества изготовления. Обращает внимание и присутствие здесь пяти копеек с отверстиями, указывающими на использование данных экземпляров на одном из этапов их бытования в качестве нашивок на каком-либо уборе. Проволочные монеты с признаками внеэкономического использования известны в составах кладов XVI–XVII вв. в виде небольшой примеси (напр.: *Хухарев*, 1997. С. 71–73; *Бушлякова, Волков*, 2010. С. 27, 28, 35, 61–63; *Горлов, Плохов*, 2019. С. 234–236). Д. В. Рябцевич полагал, что регистрация в одних комплексах целых монет и экземпляров с признаками вторичного использования свидетельствует о повторном участии последних в денежном обращении, несмотря на приобретенные дефекты (*Рябцевич*, 2002. С. 196–198). А. В. Быков, рассматривая опись Яхренгской волости 1686 г., приводит ряд терминов, характеризующих особенности местного денежного обращения, упоминая «выборные» копейки, за которыми могли скрываться стертые или проколотые монеты, «выбракованные» из обращения для сдачи в переплавку (*Быков*, 1996. С. 96).

---

[13] Увеличение сумм было обусловлено падением ценности копейки и ростом цен на предметы первой необходимости, в том числе и на сельскохозяйственную продукцию.

[14] Похожий клад «дворового человека» был обнаружен в Твери в 2020 г. в ходе исследования каменного подвала богатого дома XVIII в. (*Горлов и др.*, 2022).

Как уже отмечалось ранее, в составе псковского клада зарегистрировано значительное количество затертых в результате длительного обращения копеек, а также слегка погнутые экземпляры. Также здесь наличествуют монеты с производственным браком, в результате которого на заготовке была оттиснута только одна из сторон.

Приведенные особенности структуры депозита позволяют заключить, что для его состава не производился намеренный отбор наиболее качественных монет, находившихся в то время в обороте. Создается впечатление, что в «кубышку» намеренно помещали деньги, расчет которыми при торговых сделках мог быть затруднен. При этом нельзя исключать банальное отсутствие возможности у владельца капитала отбирать для него экземпляры без дефектов.

Депозиты с подобным составом часто характеризуют как разово изъятую сумму из обращения, полученную, например, после продажи какого-либо товара. Вывод из оборота наличных свободных денег мог происходить и с целью накопления для будущих расходов: покупки продуктов на сезонных рынках, приобретения хозяйственного и ремесленного инвентаря и т. д. (*Смирнов*, 1992. С. 17–19). Весьма обременительной категорией расходов для податных сословий Русского царства оставалась выплата налогов[15]. В контексте особенностей состава клада отметим, что казенные учреждения, особенно во время сбора подушной подати, по свидетельству Берг-коллегии, «выметывали», браковали треть поступавших серебряных копеек, а на Украине – чуть ли не половину (*Юхт*, 1986. С. 26).

Для понимания возможной природы рассматриваемого клада следует упомянуть о находке в Пскове 1990 г. еще одного монетного комплекса, полученного в ходе археологических раскопок на Романовой горке. Здесь, у «Дома Псковского общественного собрания», исследовались остатки ювелирной мастерской, погибшей в пожаре 1710 г. При расчистке подпечной ямы удалось получить около 500 находок, большая часть которых связана с ювелирным и бронзолитейным делом. Здесь же был зарегистрирован и «клад» серебряных проволочных копеек, значительная часть которых оплавилась в пожаре. По определению В. А. Калинина, комплекс состоял из 70–80 монет конца XVII – начала XVIII в., младшая из которых датируется 1708 г. По мнению В. И. Кильдюшевского, археологический контекст находки позволяет рассматривать денежные знаки в качестве ювелирного сырья[16] (*Кильдюшевский*, 2019. С. 313–315). К сожалению, в публикациях, упоминающих этот нумизматический комплекс, отсутствует подробное описание монет, на основании которого

[15] В 1679 г. был издан царский указ, заменявший многочисленные устаревшие налоги «новыми стрелецкими деньгами», оклад которых осуществлялся из числа дворов, «чтобы полные люди перед бедными во льготе, а бедные перед богатыми в тягости, и никто бы в избыли не был». Теперь размер денежного налога со двора как сельского, так и городского населения стал составлять 1–1,5 рубля. Сумма денежного оброка в то же время составляла чаще всего 1–1,25 рубля со двора (*Мельникова*, 1984. С. 161).

[16] Отметим, что письменные источники содержат примеры использования копеек и денежек «во всякие серебряные работы» (*Юхт*, 1986. С. 27).

можно было бы сделать выводы об особенностях денежных знаков, отложенных в качестве ювелирного лома.

Хранение денег в кубышке в земле, как наиболее надежном месте, в первую очередь из-за частых пожаров, получило у русского населения широчайшее распространение, о чем говорят как многочисленные находки депозитов[17], так и свидетельства иностранных путешественников и дипломатов.[18] При этом сокрытие русских кладов XVI–XVII вв. в подавляющем большинстве не было связано с какими-либо чрезвычайными ситуациями. Капиталы укрывались в реалиях повседневной жизни, что дает основание рассматривать их в качестве «отложенных денег», временно выведенных из системы денежного обращения с возможностью быстрого возврата в экономику (*Мельникова*, 1984. С. 153–162; 1989. С. 155, 156; 2003. С. 11).

Следует заключить, что зарегистрированный в 2020 г. в Пскове комплекс монет является небольшим по размеру кладом, т. е. намеренно выведенной из обращения и сокрытой в керамическом сосуде суммой денег. Тезаврация капитала, вероятнее всего, произошла в самом начале 1690-х г. из монет, находящихся в повседневном денежном обращении, без отбора качественных образцов. Небольшой размер клада при условии, что его накопление было полностью завершено, позволяет представить в качестве его потенциального обладателя небогатого человека, вероятно, принадлежащего к податному сословию. Пример монетного комплекса, найденного в Пскове в 1990 г., может указывать, что сокрытые деньги, помимо ряда экономических целей, могли откладываться и в качестве сырья для ювелирного производства. Такой интерпретации не противоречит присутствие в структуре депозита 2020 г. погнутых копеек и экземпляров с отверстиями. Однако сложность картины русского денежного обращения в конце XVII в. с употреблением «нарочно зделанных машин» не исключает использование «выборных» монет при финансовых сделках. Представленный клад хорошо иллюстрирует особенности структуры денежного обращения перед началом Петровских реформ, в которых ведущее место продолжали занимать монеты Михаила Федоровича, присутствуя в обороте более 50 лет. Примечательна регистрация в составе комплекса и двух копеек 3-рублевой стопы.

Важно подчеркнуть, что нумизматическая находка была получена в ходе археологических раскопок, что дополняет ее достоверной информацией о полноте состава и месте регистрации. В последние десятилетия подавляющее большинство депозитов было найдено в ходе незаконных раскопок, распродано в частные коллекции и потеряно для научного изучения.

---

[17] Количество зарегистрированных кладов «царского» периода к концу 1980-х гг. перешло за 1000 (*Мельникова*, 1989. С. 8). В настоящее время можно уверенно говорить не менее чем о полутора-двух тысячах кладов XVI–XVII вв., о составе которых имеются более-менее подробные сведения (*Бушлякова, Волков*, 2010. С. 3).

[18] Барон А. Мейерберг писал: «Деревенские жители, да и сами дворяне, живущие в своих деревнях и поместьях, обыкновенно зарывают свои нажитые деньги в землю в лесах и полях» (*Мейерберг*, 1874. С. 179).

Литература

Бушлякова В. А., Волков И. В., 2010. Тверские клады XVI – начала XVIII в. Вып. 1. Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского государственного объединенного музея. М.; Тверь: Нумизматическая литература. 80 с.

Быков А. В., 1996. Основные проблемы изучения денежного обращения в России второй половины XVII в. (на примере кладов Великоустюгского уезда) // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция (Дмитров, 22–26 апреля 1996 г.): тез. докл. / Отв. ред. А. С. Беляков. М. С. 95–96.

Векслер А. Г., Мельникова А. С., 1999. Российская история в московских кладах. М.: Жираф. 272 с.

Волков И. В., Прокопишин В. П., 2004. Клад начала 1680-х гг. из с. Колошичье // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.): тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. А. С. Мельникова. М. С. 158–160.

Горлов К. В., Лапшин В. А., Михайлов К. А., Лазарев А. А., Хлуднев К. В., Конончук К. В., Филиппенко Р. В., Бессуднов А. А., 2022. Нумизматические находки в Твери и Тверской области в 2019, 2020 гг. (по материалам работ ИИМК РАН) // Археологические вести. Вып. 37.

Горлов К. В., Плохов А. В., 2019. Монетный клад 1700 г. из окрестностей Новой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород. С. 234–243.

Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В., 2021. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. Изд. 2-е, перераб. М.: ЛеопАрт. 880 с.

Дуров В. А., 1980. Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII – начале XVIII в. // Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. Нумизматический сборник. Ч. 7 / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Гос. ист. музей. С. 7–36. (Труды Гос. ист. музея; вып. 53).

Зверев С. В., 1917. Региональные денежные реформы на юго-западе Русского государства в 1677 и 1683–1686 гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». Вып. 3 (24). С. 59–67.

Зверев С. В., 1998. Письменные источники о работе Псковского денежного двора при Михаиле Федоровиче // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.): тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. В. М. Потин. СПб. С. 144–146.

Зверев С. В., 2005. К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVII. М.: Восточная литература. С. 219–252.

Зверев С. В., 2014. Весовые нормы русской монетной чеканки XVI–XVII вв. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2014 г.: материалы докл. и сообщ. / Отв. ред. И. В. Волков. М.: Гос. ист. музей. С. 56–62.

Зверев С. В., 2020. «Старые деньги» как сорт серебряного сырья для денежного дела в конце XVII – начале XVIII в. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2020 г.: материалы докл. и сообщ. / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: Гос. ист. музей. С. 202–205.

Зверев С. В., Мокерова Е. Ю., 2011. Клад времени Алексея Михайловича из Уржумского района Кировской области // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 г.): тез. докл. и сообщений / Отв. ред. В. А. Калини. СПб. С. 140–142.

Зверев С. В., Селин А. А., Фомина Ю. Б., 2013. Новые материалы о русских фальшивомонетчиках «в Свее» в начале XVII в. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Пущено, 22–26 апреля 2013 г.): тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. И. В. Ширяков. М. С. 139–141.

Кильдюшевский В. И., 2019. Клады из раскопок на Романовой горке в Пскове в 1990 г. // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–18 октября 2019 г.) / Отв. ред. А. А. Богданов. СПб.: Гознак. С. 309–316.

Краснов Р. В., 2015. Проект мастера Кадашевского двора Никиты Толмачева 1706 года // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.): тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: Триумф принт. С. 188–190.

Майерберг А., 1874. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М. 216 с.

Мельникова А. С., 1984. К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческом значении монетных кладов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин / Отв. ред. И. Д Ковальченко. М.: Наука. С. 153–162.

Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика. 318 с.

Мельникова А. С., 1996. Серебряные копейки Алексея Михайловича и Уложение 1649 г. // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция (Дмитров, 22–26 апреля 1996 г.): тез. докл. / Отв. ред. А. С. Беляков. М. С. 94, 95.

Мельникова А. С., 2003. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона-монета. 200 с.

Мельникова А. С., 2004. Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654–1663 гг. // Денежные реформы в России: История и современность: сб. ст. / Отв. ред. Е. А. Тюрина. М.: Древлехранилище. С. 28–36.

Мельникова А. С., 2005. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.: Стрелец. 320 с.

Мельникова А. С., Дядченко О. С., 1994. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступивших в Государственный исторический музей после 1966 г. М.: Гос. ист. музей. 112 с.

Потин В. М., 1993. Монеты. Клады. Коллекции. СПб.: Искусство СПб. 303 с.

Рябцевич Д. В., 2002. «Деньги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.): тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. А. С. Мельникова. М. С. 196–198.

Смирнов М. И., 1992. Значение находок кладов с медной монетой XVIII столетия для изучения социально-экономической истории России // Нумизматический сборник. Вып. 2 / Гл. ред. Г. А. Щетинин. М.: Московское нумизмат. о-во. С. 13–20.

Спасский И. Г., 1955. Денежное обращение в Московском государстве // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М.: АН СССР. С. 214–354. Табл. I–IV. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 44).

Спасский И. Г., 1970. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. 4-е, доп. Л.: Аврора. 256 с.

Хухарев В. В., 1997. Клад монет XVI–XVII вв. из Бежецкого Верха // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 21–25 апреля 1997 г.): тез. докл. и сообщ. Вып. 5 / Отв. ред. А. С. Беляков. М. С. 71–73.

Ширяков И. В., 2013. О начале медной чеканки на Кадашевском монетном дворе // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2013 г.: материалы докл. и сообщ. / Отв. ред. И. В. Волков. М.: Триумф принт. С. 142–147.

Юхт А. И., 1986. Передел мелкой серебряной монеты в крупную (из истории денежного обращения в России в 20-х – 50-х гг. XVIII в.) // Нумизматический сборник. Ч. 9. Новые нумизматические исследования / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: Гос. ист. музей. С. 26–43. (Труды Гос. ист. музея; вып. 61).

Юхт А. И., 1994. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика. 336 с.

* * *

Горлов Константин Вячеславович, *Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН, e-mail: costik.gorlov@yandex.ru*

Салмин Сергей Анатольевич, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области»; e-mail: solvarg@yandex.ru*

С. В. Степанов, Е. А. Яковлева,
Т. Ф. Прибурова

Спасательные раскопки на месте строительства странноприимного дома гостиничного комплекса Псково-Печерского монастыря в 2020–2021 гг.

Резюме. Статья посвящена результатам спасательных археологических раскопок в 2020–2021 гг. на месте строительства странноприимного дома паломническо-гостиничного комплекса Псково-Печерского монастыря в г. Печоры Псковской области. Раскопками исследованы позднесредневековые отложения XVI–XVIII вв. северной части монастырского «дворца», ставшего истоком подмонастырской слободы. Зафиксированы фрагменты уличного мощения исторической подъездной дороги к монастырю с севера. На раскопе 2020 г. выявлены значительные разрушения культурных отложений в ходе строительных работ рубежа XX–XXI вв.

Ключевые слова: археологические раскопки в Печорах Псковской области, монастырская слобода XVI–XVIII вв., Псково-Печерский монастырь.

S. V. Stepanov, E. A. Yakovleva, T. F. Priburova. Rescue Excavations at the Construction Site of the Guest House of the Pskovo-Pechersky Monastery Hotel Complex in 2020–2021

Abstract. The article is devoted to the results of 2020–2021 rescue archaeological excavations at the construction site of the guest house of the pilgrimage and hotel complex of the Pskovo-Pechersky Monastery in Pechory, Pskov region. Excavations have investigated the late medieval deposits (16th–18th centuries) of the northern part of the monastery yard, which became the source of the settlement adjacent to the monastery. Fragments of the street pavement of the historical road leading to the monastery from the north have been recorded. The excavation of 2020 revealed significant destruction of cultural deposits during the construction works of the turn of the 20th–21st centuries.

Keywords: archaeological excavations in Pechory, Pskov region; monastery settlement of the 16th–18th centuries, Pskovo-Pechersky Monastery.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.214-230

Спасательные археологические исследования на раскопе Печоры-III[1], в пятне строительства «странноприимного дома» (рис. 1), возводимого в рамках завершения третьей очереди создания паломническо-гостиничного комплекса Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, в границах объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой Монастырской слободы», XVI–XVII вв., в 2020–2021 гг. были проведены АНО «Псковский археологический центр» по договору с АНО «Возрождение объектов культурного наследия г. Пскова (Псковской области)» по Открытому листу № 1267–2020 от 20.07.2020 на имя С. В. Степанова.

В 2020 г. состоялся раскоп в котловане здания гостиницы, в марте – апреле 2021 г. – на трассе подключения хозяйственно-бытовой канализации. Работы стали первыми столь масштабными по площади археологическими исследованиями в Печорах.

Участок нового строительства расположен в центральной части города, вдоль исторического подъезда к монастырю с севера, со стороны Изборска и Пскова, в 130 м от главного въезда в обитель (рис. 2, 3).

Из истории территории исследования

Точная дата основания монастыря на ручье Каменец неизвестна. Легендарная традиция относит появление первых отшельников в местных пещерах, сокрытых в глухих лесных массивах северо-западных окраин Псковской земли, ко времени задолго до строительства священником Иоанном Шестником (иноком Ионой) в 1472 г. пещерной церкви Успения Богородицы (Повесть о Псково-Печерском монастыре...).

Одновременно с монастырем развивалась и подмонастырская слобода, ставшая истоком города Печоры. Слобода представляла собой торгово-ремесленное поселение, тесно связанное с монастырем и с обширной сельскохозяйственной округой, располагавшимися среди богатых лесных угодий, подобно другим русским монастырским слободам, например, Тихвина, Сергиева посада и др.

Средневековое поселение имело традиционную планировочно-функциональную структуру русского порубежья: город-крепость (в данном случае – монастырь), окружающий его неукрепленный посад с торгом, окрестные села. Особенностью Печор является то, что монастырь так и не стал планировочным центром поселения, которое разрасталось асимметрично вдоль подъездных дорог, соотносясь со сложным рельефом местности.

Территориальным истоком слободы, а в дальнейшем и всего поселения, являлся «монастырский двОрец» – местность, расположенная к северу от Святых ворот монастыря (первоначально Никольских, а затем, с XVIII в., – Петровских). Границы «двОрца» точно не определены, и, вероятно, не были фиксированными. Известно, что центральная его часть располагалась «на горе», куда при Корнилии, в 1541 году, «на малый двор» (Повесть о Псково-Печерском

[1] Шифр коллекции индивидуальных находок и отчетной документации: П-20-Печоры III и П-21-Печоры III.

Рис. 1. Схема границ объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой Монастырской слободы» (*а*) и расположения археологических раскопов (*б*) и шурфов (*в*) в г. Печоры: *1* – траншея 1991 г.; *2* – шурфы 2016–2017 гг.; *3* – раскопы Печоры 1-2 2019 г.; *4* – раскоп Печоры 3 2020–2021 гг. (исп. Р. Г. Подгорная)

монастыре...) была вынесена ц. Сорока мучеников Севастийских, более поздняя сохранившаяся постройка которой существует на том же месте и сегодня. Храм находится примерно в 30 метрах к югу от места раскопок, на той же стороне улицы. Таким образом, расположение раскопа связывается с северной частью монастырского «двОрца».

Писцовая книга 1586 г. указывает о размещении на «двОрце» 10 келий, где жили 60 человек «мирян, слуг, вкладчиков, 160 конюхов, плотников, тележников и других работников по службам в монастыре. Там же находились две конюшни, а поблизости кузнечный двор. Рядом располагались лавки бобылей, торговавших хлебом, калачами, солью (Псковский Печерский монастырь... С. 17). Торг располагался на месте нынешней торговой площади. Осью этой планировочной структуры была Псковская дорога, ведущая к Святым воротам. Территория поселения не являлась самостоятельной административной единицей. Она числилась в Тайловской губе Завелицкой засады (*Харлашов*, 2009).

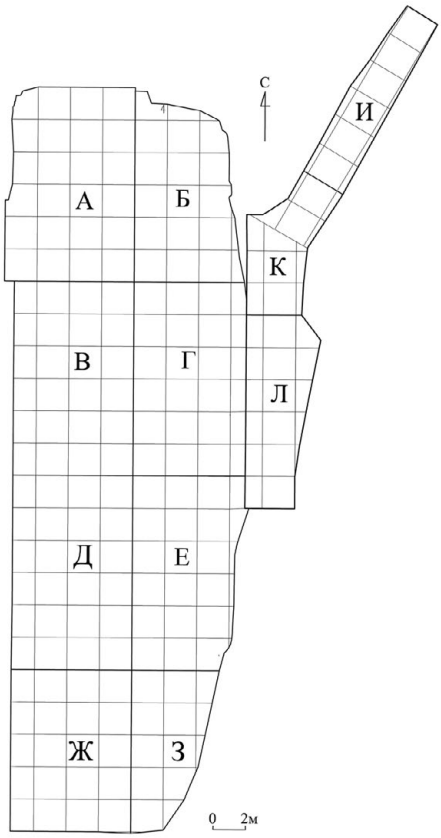


Рис. 2. Разбивочный план раскопа Печоры-III, 2020–2021 гг.

Со времен Ивана Грозного монастырь охранялся отрядом стрельцов, присланных сюда с семьями на постоянное поселение (*Алешковский*, 1971. С. 156). В третьей четверти XVII в. в Печорах располагался гарнизон, состоящий из 200 стрельцов (*Кириков, Плоткин*, 1994. С. 103).

Дополнительную информацию о ближайших окрестностях монастыря в 60–70-х гг. XVII в. дают планы и зарисовки, сделанные в известных путешествиях Эрика Пальмквиста и Августина Майерберга с Горацием Вильгельмом Кальвуччи. На «Чертеже русского монастыря и крепости Печеры, пограничной с Лифляндией...» Пальмквиста изображена крепость и окружающий ее посад. Изображение требует критики источника. Для нас важно, что «Чертеж» отразил и сложившуюся квартальную планировку неукрепленного посада, трассы основных улиц и дорог, наиболее значимые объекты слободы: Рыбную площадь, бани, торговые ряды, постоялый двор и др.

В альбоме Мейерберга 1661–1663 гг. имеется вид поселения Печоры и монастыря с традиционной деревянной застройкой посада (рис. 4),

Рис. 3. Псково-Печерский монастырь и центральная часть г. Печоры.
Вид с севера. Место раскопа отмечено красным кружком

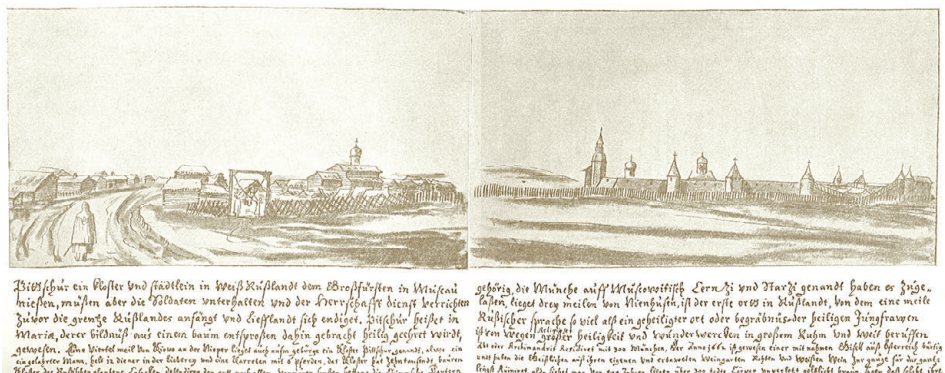


Рис. 4. Вид г. Печоры (по: Альбомъ Мейерберга…)

располагавшегося по обеим сторонам подъездных дорог к монастырю-крепости. На панорамном виде (предполагаемо, с юго-запада, от границы поселения) выделяется узнаваемая постройка церкви Сорока мучеников на посаде. На зарисовке отразился облик и силуэт застройки вблизи участка исследований.

Вместе с монастырем-крепостью посад-слобода переносил все тяготы своего приграничного положения. К наиболее значимым датам, известным по письменным источникам, следует отнести пожары, связанные с вражескими набегами: 1581 г. (пожар при нападении отрядов армии Стефана Батория), 1611 г. и 1615 г. (горела слобода во время шведских набегов и от отрядов пана Ходкевича), 1634 г. (литовцы пожгли посад), 1655 г., 1657 г., а также 1701 г. (шведы пожгли посад).

После Северной войны крепость монастыря утрачивает свое стратегическое значение, а поселение, хотя и медленно, продолжает развиваться.

В 1782 г. Екатерина II даровала монастырской слободе Печерского монастыря статус уездного города. Жители были переведены на положение экономических крестьян, помимо земледелия, занимавшихся торговлей и ремеслами (*Кириков, Плоткин*, 1994. С. 104).

Планировка Печор на исследуемом участке, к северу от монастыря, остается довольно консервативной благодаря устойчивости линий подъездных путей. Застройка преимущественно деревянная.

К началу XX в. (1905 г.) площадь селитебной территории города Печоры, берущего свое начало от монастырской слободы, равнялась 45 десятинам 1540 кв. саженям (49,87 га). Здесь было 11 улиц и переулков общей длиной 1605 сажен (3,42 км) и 5 площадей. Город был почти исключительно деревянным – из 228 жилых строений насчитывалось лишь 7 каменных и 6 «полукаменных». Водопровод в городе отсутствовал, источниками воды служили колодцы и речка Пачковка.

В 1920 г. по Тартускому мирному договору город Печоры (Петсери) и Печорский уезд отошли Эстонии и оставались там вплоть до присоединения Эстонии к СССР в 1940 г. Известен страшный пожар летом 1939 г., уничтоживший почти всю историческую деревянную застройку центральной части городка. На фотографии эстонского периода видно, что на месте раскопа стоял каменный дом (рис. 5).

Во время Великой Отечественной войны город и монастырь бомбили, однако разрушения были частичными, почти все пострадавшие объекты были восстановлены на прежних местах и в своих объемах.

Из истории археологического изучения города Печоры

Несмотря на многовековую историю местности, вплоть до 90-х гг. XX в. никакой информации о культурном слое на территории Печор не было.

В 1991 г. при прокладке газопровода к монастырю вдоль ул. Рабочей, которая проходит параллельно ул. Международная, примерно в 100 м к востоку от последней проводились работы по прокладке инженерных коммуникаций

Рис. 5. Торговая площадь г. Печоры. 1925–1930 гг. Автор съемки: Joh Mikk. Вид с запада (источник: http://www.pechory.biz/photos/9867543_large.jpg, дата обращения 12.08.2022)

(рис. 1: *1*). В ходе этих работ Б. Н. Харлашовым были зафиксированы разрезы культурного слоя монастырской слободы в траншее, проложенной по исторической трассе улицы (*Александров и др.*, 1992. С. 17). Под балластом 0,3–0,8 м залегал культурный слой мощностью 0,7–1,8 м. По всей длине траншеи обнаружены остатки трех ярусов средневековой уличной мостовой (порубочная дата одной из лаг – 1550 г.). Коллекция индивидуальных находок и керамический материал датировали слой XV–XVII вв.

В 2016–17 гг. специалистами ГБУК «Археологический центр Псковской области» по открытому листу на имя М. И. Кулаковой были проведены исследования по определению границ территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой монастырской слободы» XVI–XVII вв. (Псковская область, г. Печоры) (*Кулакова*, 2017). В ходе работ было заложено несколько шурфов, расположенных на значительном расстоянии от места наших работ (рис. 1: *2*). Участок монастырского гостиничного комплекса оказался в границах территории объекта археологического наследия.

Ближайшие к месту исследований 2020–2021 гг. археологические раскопки проводились в 2019 г. под руководством А. Б. Романовского, в 85 м к северу от раскопа 2020 г., по ул. Псковская, в зоне строительства газопровода к домам № 3 и 5 в 2019 г. (рис. 1: *3*). В траншее и шурфах были раскрыты элементы дворовой застройки, дорожного мощения улицы, фрагменты дренажных систем. Культурный слой здесь имел мощность до 1 м. Он залегал на глубине 0,6 м от современной поверхности, на суглинистом, местами обводненном, сером материке. Отмечалась невысокая насыщенность слоя находками, в т. ч. массовым материалом.

Раскопки 2020–2021 гг.

Работы прошли на двух площадках (рис. 2): большом раскопе, под здание странноприимного дома, в 2020 г. (участки А-З) на площади 592 кв. м и на трассе небольшой траншеи под канализацию в 2021 г., на площади 103 кв. м. Общая площадь исследований составила 693 кв. м.

Неприятным открытием большого раскопа стало то, что на всей его площади в неустановленное время, вероятно последнего 10-летия, были проведены земляные работы, уничтожившие большую часть культурных отложений: выполнен демонтаж оснований существовавшего здесь здания, известного по фотографии 20–30 гг. XX в., вырыт более глубокий котлован, установлены блочные фундаменты, отлиты вертикальные опоры, проведена засыпка котлована песком и грунтом отвалов. Сохранились лишь фрагменты непотревоженных отложений вдоль северной и восточной стен раскопа, участки погребенной супеси, заполнения ям.

Толща антропогенных отложений, с учетом заполнения ям, составляла 1,6–3,25 м от современной поверхности. Из них мощность культурного слоя – 0,15–0,44 м. По всей площади раскопа были зафиксированы фрагменты погребенной почвы периода первоначального освоения территории в виде коричневатых и серых гумусированных супесей. Культурный слой XVI–XVIII вв. был представлен темно-серыми аморфными отложениями, характеризующимися значительной слежалостью (и плотностью), слабой сохранностью органики. Поверхность геологических «материковых» пород представлена красноватым суглинком, супесями, участками пылеватых песков.

Наиболее значимыми результатами работ на большом раскопе можно считать:

– раскрытие фрагментов замощения уличной трасы, проходившей параллельно современной ул. Международной и являющейся частью исторической дороги в монастырь со стороны Пскова и Изборска (рис. 6). Предварительная датировка сохранившихся ярусов деревянного замощения – XVII – первая половина XVIII в. Датировка определяется нумизматическим материалом. На поверхности настила найдено четыре медных монеты эпохи Анны Иоанновны (1734 г., 1736 г.);

– фиксацию следов горизонтов позднесредневековых пожаров;

– выявление планировочных осей участка средневекового посада, совпадающих с современными.

Определенный интерес представляет концентрация на полотне древней дороги, под мощением, на материке округлых в плане, небольших и по глубине ямок, зафиксированных на участке Д (рис. 7). На участке однозначной интерпретации этих следов пока нет.

Для раскопа характерны разнообразные деревянные конструкции (срубные и каркасно-столбовые) в небольших (до 1,2×1,2 м) и неглубоких (до 1,4 м) материковых ямах, вероятно, погреба и ледники, маркирующие места владений.

Керамический материал датирует культурные отложения XVI–XVIII вв. (рис. 8). В его составе более полусотни фрагментов стенок, горлышек и ручек

Рис. 6. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Фрагменты обгоревшего мощения улицы. Участок Д, верхний ярус. Вид с юго-запада

Рис. 7. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Зона концентрации маленьких круглых ямок под нижним ярусом мощения, на материке. Участок Д, вид с юго-запада

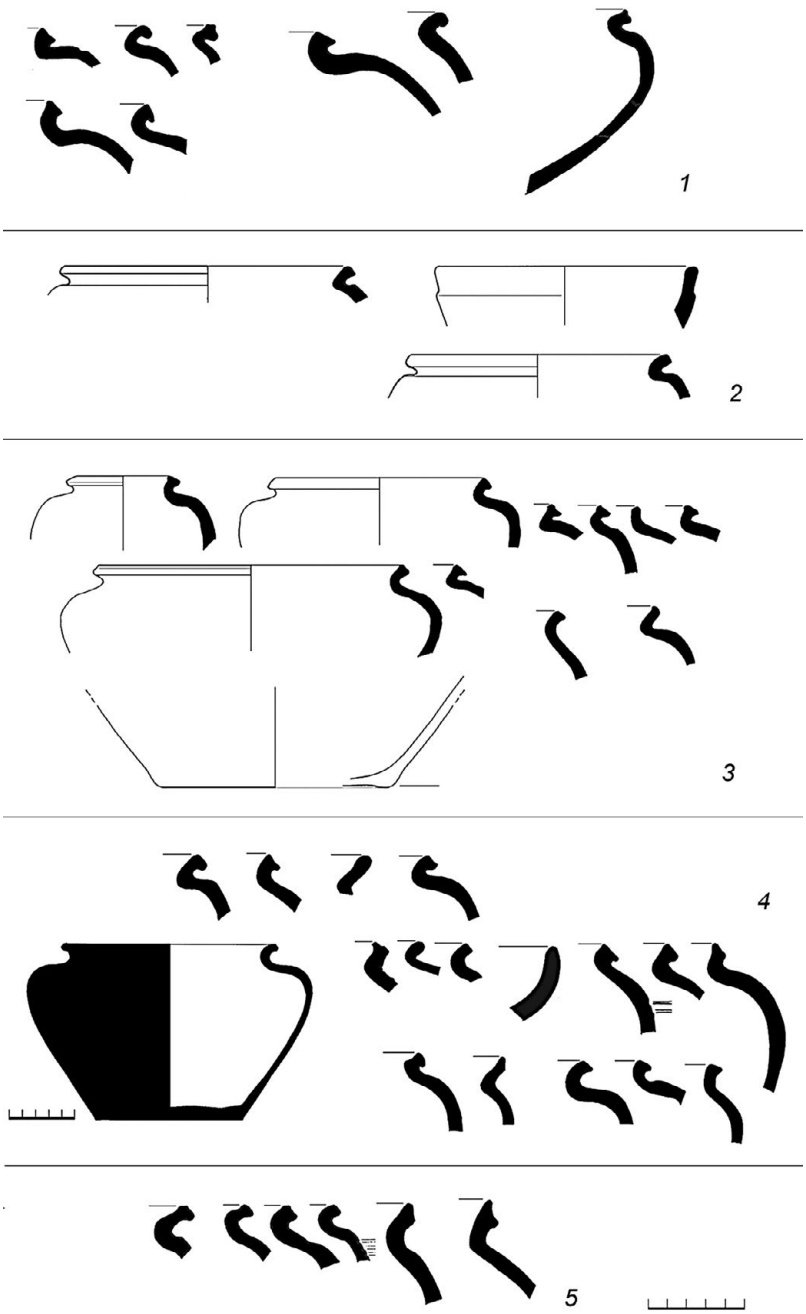


Рис. 8. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Керамика.
1 – участок Б; *2* – участок З; *3* – участок Г; *4* – участок Е; *5* – участки Д и Ж

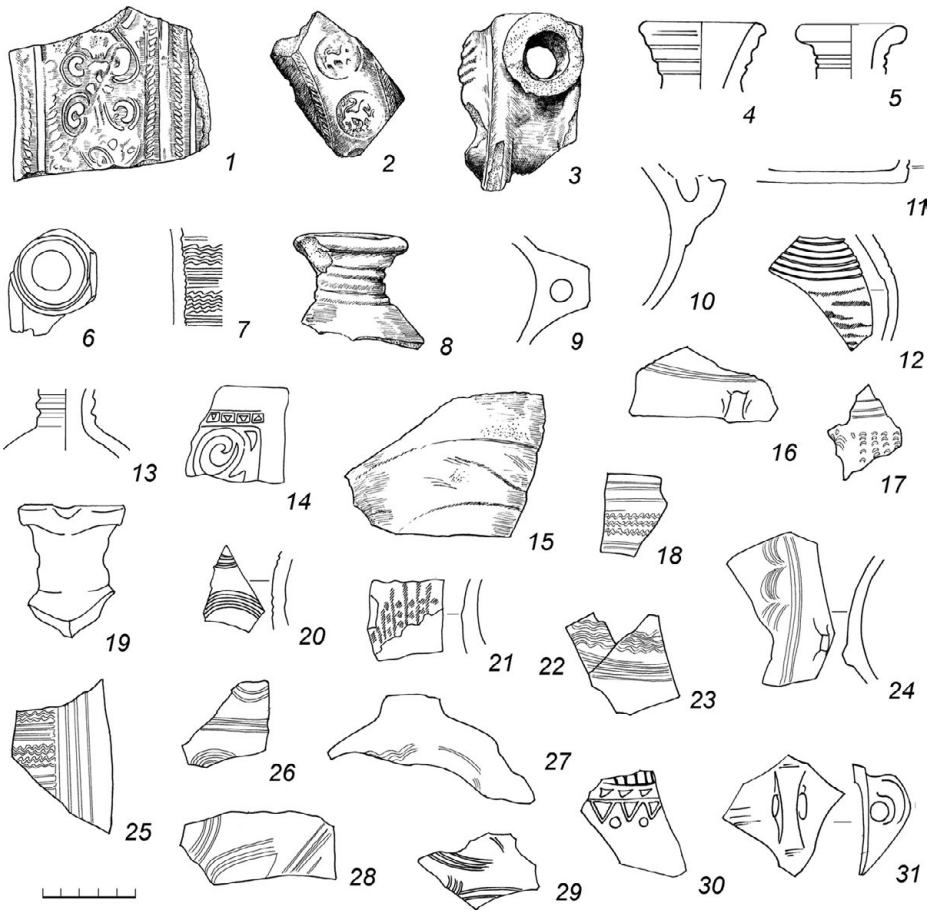


Рис. 9. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Фрагменты фляг:
1–11, 13–20, 22–31 – зеленополивные; *12, 21* – чернолощеные

зелено-поливных и чернолощеных серо-глиняных фляг и штофов (рис. 9). Выделяется экземпляр с круглым штампиком с изображением зверя (соотносимого с обликом животных из семейства кошачьих) в геральдической позе (рис. 9: *2*).

На участках к востоку от улицы, остатки трассы которой фиксировались вдоль западного борта раскопа, были найдены осколки «импортной» посуды (белоглиняной, чернолощеной, западноевропейской – т. н. «рейнской»), что косвенно подтверждает близость торга или гостиного двора.

Коллекция индивидуальных находок раскопа составляет 148 единиц, среди которых предметы быта, ремесла, торговли, детали вооружения и украшения. Из типового ряда широко распространенных категорий позднесредневековой материальной культуры русского города – светец, пешня, подковки (рис. 10: *6–8, 10, 12*) и пр. – выделяются такие находки, как: заготовка для

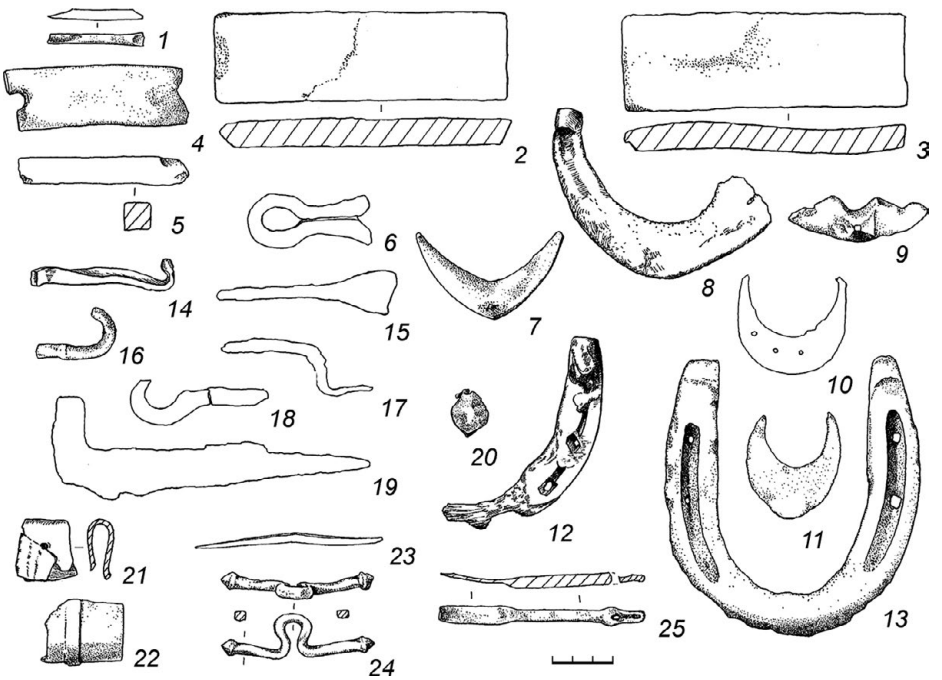


Рис. 10. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Находки из черного металла, предположительно связанные с деятельностью кузнечного двора: *1, 25* – инструмент (?); *2, 3* – полосы; *7–11* – обувные подковки; *12, 13* – лошадиные подковы; *23* – шильце; *14–18, 20–22* – лом; *19* – костыль; *25* – ружейная отвертка (?)

вырубки нательных крестов из листа латуни (рис. 11: *19*), ружейная отвертка (рис. 10: *25*), костяные орнаментированные накладки.

На раскопе 2020 г. обнаружены следы производственной деятельности, связанной с ремонтом инструментов, обработкой железа (рис. 10, 11) (железные бруски, пластины, шлак, недоделанные изделия), которые могли быть связаны с деятельностью упоминаемого письменными источниками «кузнечного двора».

Первичный этап изучения результатов раскопа позволяет высказать некоторые предположения о характере первоначального освоения территории. Они связаны с цепочкой ям округлой формы, заполненных пластичной глиной, расположенных фактически непрерывной линией по оси север – юг через весь раскоп. Диаметр круглых ям – ок. 0,8 м, размеры овальных – до 2 м х 0,6 м. Глубина ям – до 0,9 м (рис. 12). В некоторых ямах на дне обнаружены обрубки бревен или большие валуны, использовавшиеся в качестве ступеньки.

Возможно, они связаны либо с добычей глины, либо с процессом ее подготовки. Подобные производственные ямы известны в составе гончарных мастерских по археологическим и этнографическим данным. Ямы не содержали датирующего материала. Но стратиграфия и планиграфические наблюдения

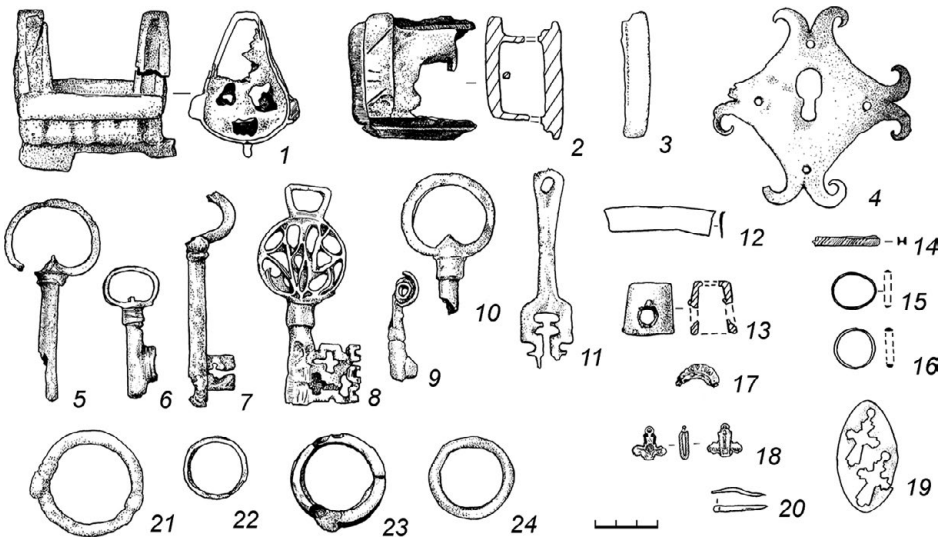


Рис. 11. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Находки: *1–3* – замки навесные; *4* – замочная накладка; *5–11* – ключи; *21–24* – кольца; *18* – креста-тельника фрагмент; *15, 16* – кольца; *19* – отходы производства крестов-тельников; *14* – оконного переплета фрагмент; *12, 13* – изделия. *1–11, 21–24* – черный металл; *12–20* – цветной металл

Рис. 12. Раскоп Печоры-III, 2020 г. Цепочка материковых ям, предположительно связанных с добычей и подготовкой гончарной глины. Участок Ж, вид с севера

указывают на то, что они не могли появиться позднее XVI в. Остается открытым вопрос о хронологических рамках функционирования гончарного ресурсно-производственного комплекса: является ли выявленная цепочка ям синхронным объектом или произошло наслоение ям, связанных с заготовкой (подготовкой) глины в различные периоды.

Траншеей 2021 г. (рис. 13) исследован участок к востоку от раскопа 2020 г. По основным характеристикам культурных отложений, составу и датировке находок оба раскопа во многом схожи. Мощность антропогенных отложений здесь была несколько большей, чем в раскопе, и составляла 1,7–2,2 м. Из них культурные отложения XVI/XVII–XVIII вв. имели мощность 0,3–0,5 м (без учета заполнения ям). В основании культурного слоя фрагментарно сохранилась погребенная почва, предматериковая серая супесь мощностью до 0,1 м. Вследствие центрального положения участка исследований в структуре поселения и высокой антропогенной активности культурный слой нарушен множеством поздних перекопов, перемешан историческими ямами (рис. 13: *г*).

Отложения характеризуются аморфностью, слежанностью, слабой сохранностью органики, высокой степенью дестратификации значительных по площади участков. Это связано как с инженерно-геологическими условиями их формирования (в т. ч. отсутствием водоупора в толще материковых пород), так и особенностями накопления культурного слоя: относительно небольшим хронологическим периодом, центральным положением участка в поселении в условиях довольно высокой хозяйственной активности населения, способствовавшей не только накоплению, но и разрушению начальной стратиграфии.

В границах исследования на период рубежа XVI/XVII–XVIII вв. зафиксированы западный край мощения уличной трассы, параллельной той, что была обнаружена вдоль западной границы большого раскопа 2020 г. Улицы проходили на расстоянии 12–14 м друг от друга и вели к монастырю. Между этими уличными трассами прослежены участки посадской застройки: от первых частокольных оград (рис. 13: *в*) до многочисленных ям с деревянными конструкциями, маркирующими постройки и территории владений.

Коллекция индивидуальных находок (рис. 14) насчитывает 74 единицы полевой описи. Большая часть предметов относится к широко распространенным категориям предметов позднесредневековой материальной культуры: чапельник, обувные подковки, пуговицы, нательные крестики (рис. 14: *1, 2*), осколки оконного стекла с закраинами и ретушью по краю, фрагменты свинцовых оконных переплетов. Часть артефактов относится к категории «часто встречающихся» в культурном слое Пскова XVI – начала XVIII в., но при этом обладает рядом индивидуальных признаков: русские серебряные и медные монеты, бронзовые перстни-печатки (рис. 14: *3–5*), резная костяная рукоять ножа (рис. 14: *6*). К уникальным находкам можно отнести лезвие топорика, орнаментированное по обеим лопастям изображениями «двузубцев», выполненными точечными насечками по периметру изделия (рис. 14: *8*). Единична находка шведской монеты 1675 г. достоинством 1/6 эре. Интересна серия

а

б

в

г

Рис. 13. Раскоп Печоры-III, траншея 2021 г.:
а – общий вид с запада; *б* – каркасно-столбовая постройка XVII в., участок И, вид с востока; *в* – частокольная линия первого этапа освоения территории, участок Л, вид с севера; *г* – пятна разновременных ям в материке, участок И, вид с севера

свинцовых товарных пломб рубежа XIX/XX вв., среди которых одна принадлежит торговому дому «Вдова Кутуар с сыновьями».

Таким образом, несмотря на значительную нарушенность культурных отложений, раскопки 2020–2021 гг. показали бесспорную перспективность

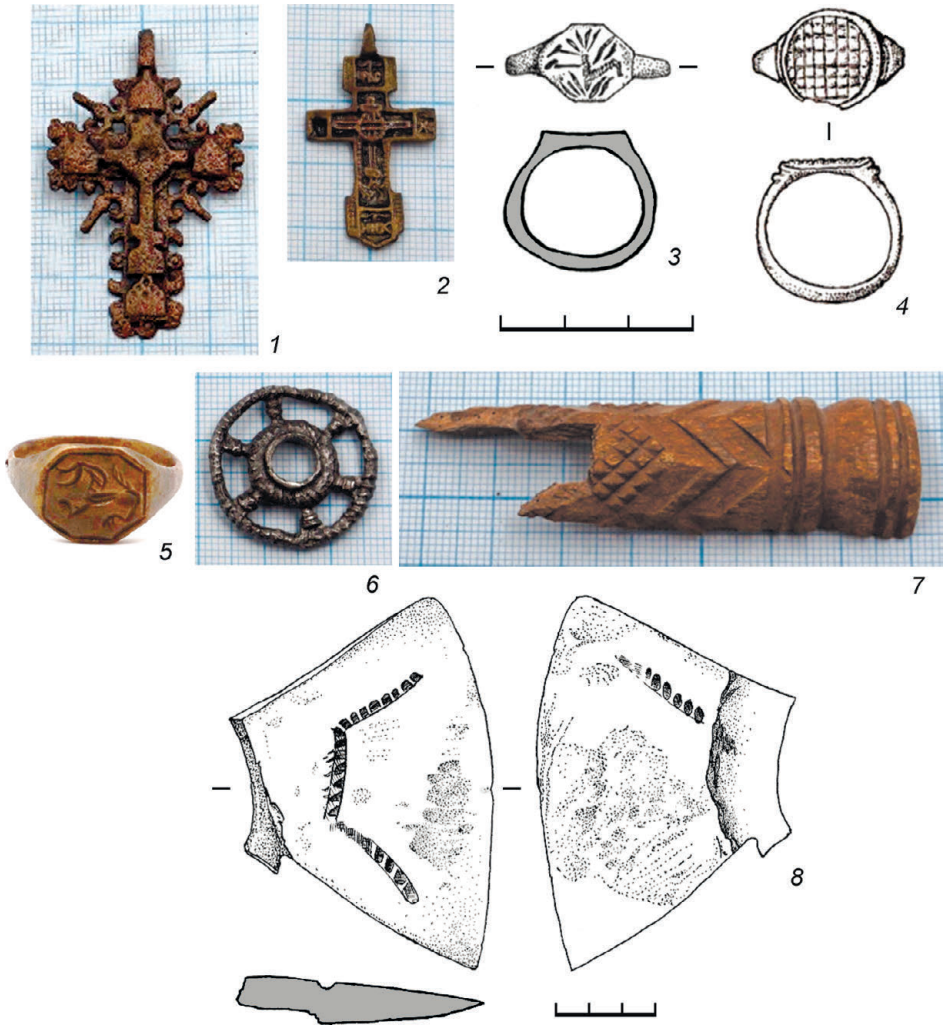


Рис. 14. Раскоп Печоры-III, траншея 2021 г. Находки: *1, 2* – кресты нательные; *3–5* перстни; *6* – пуговица; *7* – рукояти орнаментированной часть; *8* – лезвие топора, орнаментированное насечками. Материал: *1–6* – цветной металл; *7* – кость; *8* – железо

дальнейшего археологического изучения Печор. Состав массового материала, в том числе керамическая коллекция, в совокупности с особенностями индивидуальных находок и данными исторической топографии отражает основные события истории местности, известной по письменным источникам рубежа XVI/XVII–XX в., характеризует исследуемый участок как часть селитебной зоны поселения, облик которого ближе городскому, нежели сельскому формату. Исследования полученных материалов продолжаются.

Литература

Александров А. А., Королева Э. В., Милютина Н. Н., Харлашов Б. Н., 1992. Археологические разведки и раскопки в Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Алешковский М. Х., 1971. Каменные стражи. Л.

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII века [Электронный ресурс] // URL https://www.booksite.ru/enciklopedia/album/meierberg/ (дата обращения: 10.08.2022).

Кириков Б. М., Плоткин К. М., 1994. Печоры в XVI–XVIII вв.: от слободы – к городу // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого. СПб. С. 96–109.

Кулакова М. И., 2017. Проект границ территории объекта культурного наследия федерального значения – памятника археологии «Культурный слой монастырской слободы» XVI–XVII вв. (Псковская область, г. Печоры) // Археологический центр Псковской области.

Повесть о Псково-Печерском монастыре / Подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой//Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI век / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 2005.

Псковский Печерский монастырь в 1586 г. [Моск. Архив М. Ю. Список с писцовой книги по Псковскому уезду, 7094–7095 (1586–1587) годов N 830. Листы 1112 об. – 1136] [Электронный ресурс] // URL: https://vivaldi.pskovbook.ru/43.pdf/details (дата обращения: 10.08.2022).

Харлашов Б. Н., 2009. Изборский уезд и Завелицкая засада Псковского уезда в XVI в. // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Eesti Rahva Museum 100. Tartu, 2009 (DVD приложение).

* * *

Степанов Сергей Владимирович, *Псков, АНО «Псковский археологический центр», e-mail: pskovarheolog@yandex.ru*

Яковлева Елена Александровна, *Псков, АНО «Псковский археологический центр», e-mail: lensanpsk@yandex.ru*

Прибурова Татьяна Филипповна, *Псков, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, e-mail: tatyanapriburova@yandex.ru*

А. В. Степанов, С. Г. Фокин

Подводно-археологические исследования на Чудском озере в 2021 г.

Резюме. Место и обстоятельства сражения русских дружин под командованием князя Александра Ярославовича с войском Дерптского епископства и Ливонского ордена, произошедшего в 1242 г. на льду Чудского озера, до сих пор остаются дискуссионными. Подводно-археологические работы Центра подводных исследований РГО и Центра подводного археологического наследия ИА РАН на Чудском озере в 2021 г. открыли цикл комплексных исследований, направленных на поиски материальных свидетельств этого исторического события.

Проведены гидрографические, геофизические работы, водолазное обследование. Гидроакустическими средствами получена *цифровая* модель участков дна Теплого озера. Исследованиями установлена орнитоморфная конфигурация Вороньего камня, выявленного в 1957 г. первой комплексной экспедицией под руководством Г. Н. Караева. Получена цифровая модель Подборовской банки и установлен факт взрыва валуна в центральной ее части. Отобраны и датированы образцы корней деревьев, оставшихся на дне после подъема уровня воды. Разработана реконструкция событий марта 1242 г. на льду Чудского озера, на основании которой выделены участки для дальнейших работ на основе методики идентификации аномалий на дне озера. На выбранных участках озера магнитометрической съемкой выявлено около 284 аномалий. Работа над палеогеографической реконструкцией ведется командой географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена.

Ключевые слова: Ледовое побоище, Чудское озеро, Вороний камень, подводная археология.

A. V. Stepanov, S. G. Fokin. The Underwater Archaeological Research on Lake Peipsi in 2021

Abstract. The place and circumstances of the battle of the Russian squads under the command of Prince Alexander Yaroslavovich with the army of the Bishopric of Dorpat and the Livonian Order, which took place in 1242 on the ice of Lake Peipsi, are still debatable. The underwater archaeological work of the Center for Underwater Research of the Russian Geographical Society and the Center for Underwater Archaeological Heritage of the IA RAS on Lake Peipus in 2021 opened a cycle of comprehensive research aimed at finding material evidence of this historical event.

Hydrographic, geophysical works, diving survey were carried out. A digital model of the sections of the bottom of Lake Teploe (Warm) was obtained by hydroacoustic means. Research has established the ornithomorphic configuration of the Raven Stone, discovered in 1957 by the first complex expedition led by G. N. Karaev. A digital model of the Podborovs-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.231-244

kaya Bank has been obtained and the fact of a boulder explosion in its central part has been established. Samples of tree roots left on the bottom after the water level rise were selected and dated. A reconstruction of the events of March 1242 on the ice of Lake Peipsi has been developed, and on the its basis areas have been allocated for further work based on the method of identifying anomalies on the lake bottom. About 284 anomalies were revealed by magnetometric survey in selected areas of the lake. The work on the paleogeographic reconstruction is carried out by the team of the Geographical Faculty of the Herzen State Pedagogical University.

Keywords: Ice battle, Lake Peipsi, Voroniy (Raven) stone, underwater archaeology.

Сражение русского войска под командованием князя Александра Ярославовича с войском Дерптского епископства и Ливонского ладмейстерства Тевтонского ордена в 1242 г. на Чудском озере продолжает оставаться в области гипотетического знания. Ограниченный объем информации о событиях в письменных источниках приводит исследователей к разнообразным интерпретациям. Первым провел комплексные исследования по уточнению места Ледового побоища военный историк генерал-майор в отставке Г. Н. Караев. В 1956–1960 гг. он организовал первую комплексную экспедицию по уточнению места Ледового побоища. Ее результаты были опубликованы в Трудах комплексной экспедиции в 1966 г. (Ледовое побоище..., 1966). Однако материальные свидетельства сражения экспедицией не обнаружены, и итоговая историческая реконструкция осталось гипотезой.

За прошедшие десятилетия методическая и техническая база подводной археологии значительно усовершенствовалась. Современные возможности позволяют объективно фиксировать выявленные под водой объекты, а естественно-географические методы – создавать достоверные палеогеографические реконструкции. В 2021 г. Центр подводных исследований РГО с Центром подводного археологического наследия ИА РАН приступили к программе комплексных исследований, призванных верифицировать результаты первой комплексной экспедиции и получить новые данные. Палеолимнологическими исследованиями занялась команда географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена под руководством д. г. н. Д. А. Субетто.

Анализ исторических источников, современных исследований в различных научных дисциплинах показал, что имеются данные для нового осмысления событий 1242 г. Первым, что вызывает сомнение в объективности летописного сообщения, является дата описываемых событий – «*А бишася месяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыя Богородица, в суботу*». (НПЛ, 1950, С. 78). По григорианскому календарю дата соответствует 12 апреля. В наше время в середине апреля ледовый покров на водоемах Северо-Запада России уже в значительной степени деградирован.

Наиболее значительными климатическими событиями последнего тысячелетия на территории Восточной Европы являлись т. н. средневековая теплая эпоха (примерно X–XIII вв.) и малый ледниковый период (XIV–XIX вв.), однако точные хронологические рубежи этих периодов до сих пор являются дискуссионными. Обобщив палинологические, дендрохронологические и исторические данные, А. М. Слепцов и В. В. Клименко создали реконструкцию

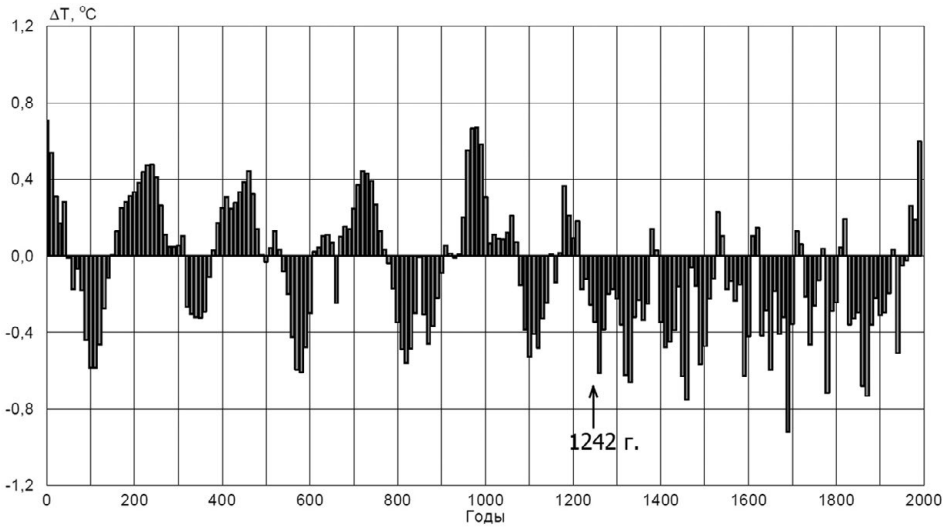


Рис. 1. Отклонения среднегодовой температуры воздуха от современных значений для территории Русской равнины (осреднение по 10-летиям) (по: *Слепцов, Клименко*, 2005. Рис. 3)

отклонений средней годовой температуры и количества осадков на территории Русской равнины от современных значений (*Слепцов, Клименко*, 2005. С. 118–135). Основываясь на данных, приведенных на графике (рис. 1), можно полагать, что 40-е гг. XIII в. пришлись на начальную стадию т. н. малого ледникового периода со среднегодовыми температурами, отклоняющимися ниже современных значений примерно на 1 °С. Это значительная величина, превосходящая средние значения всего малого ледникового периода. Следовательно, прочный ледовый покров на водоемах в середине апреля 1242 г. вполне реален.

Главный вопрос состоит в определении места Ледового побоища. Среди версий о месте сражения 1242 г. существуют варианты, разбросанные более чем на 60 км, и очевидно, что современных топонимов для определения места сражения недостаточно. Первая комплексная экспедиция по уточнению места Ледового побоища обнаружила на дне корневища деревьев *in situ*, послужившие поводом полагать, что в XIII в. уровень озера мог быть на 2–3 м ниже современного. Известно, что история формирования акватории Псковско-Чудского озера в голоцене характеризуется постепенным увеличением объема его водной массы, расширением занимаемой озером площади, повышением уровня водной поверхности и постоянной изменчивостью конфигурации его береговой линии. Причиной этих процессов является дифференцированный компенсационный гляциоизостатический подъем земной коры после снятия ледниковой нагрузки (*Татарников*, 2011. С. 128–139). Однако существующих данных недостаточно для достоверной палеореконструкции изменения уровня озера в течение последнего тысячелетия.

Ход описываемых источниками событий говорит о том, что после освобождения Пскова Александр Ярославович стремился нанести Дерптскому епископству и Ливонскому ордену максимальный ущерб, дабы напомнить о былых договоренностях и на длительное время лишить ресурсов для дальнейшей экспансии на восток. Но времени на осаду замков у него не было – зима подошла к концу. В этот период ледяной и снежный покров имеет максимальную толщину, уровень воды в водоемах минимальный, но скоро наступит распутица и ледоход. В этих обстоятельствах проверенной тактикой было вынудить противника покинуть замки и навязать сражение в подходящей местности. Именно так в зимой 1234 г. поступил отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, разбивший рыцарское войско на р. Омовже (НПЛ, 1950. С. 73).

Действия Александра Ярославовича летопись описывает так: «*...а самъ пойде на Чюдь. И яко быша на земли, пусти полкъ всь в зажития, а Домашь Твердиславичь и Кербетъ быша в розгоне*» (НПЛ, 1950. С. 78). В целях провокации укрывшихся в замках немцев большая часть русского войска на территории противника занялась отъемом ресурсов у населения, что должно было привести к голодному году, а отдельный отряд отправлен в разведку боем (*Салмин*, 2013. С. 43–46).

Каким путем «*пойде на Чюдь*» Александр Ярославович? В XIII в. из Пскова в Дерпт (Юрьев, Тарту) известны только два пути: сухопутный через Изборск, в обход с юга заболоченной котловины Псковского озера, и путь по воде или льду р. Великая – оз. Псковское – оз. Теплое – оз. Чудское в устье р. Эмайыги (*Tvauri*, 2012. С. 243–246). На обширных пространствах, покрытых льдом, толщина снежного покрова относительно невелика, так как ветер сдувает снег в прибрежные леса и тростниковые заросли. Таким образом, при сравнимом расстоянии пути через Изборск и пути по льду восточнее о. Пийриссаар (Желачок, Порка) последний возможно преодолеть быстрее. Характерно, что после создания Дерптского епископства немцы построили на водном/ледовом пути из Чудского озера к Дерпту по берегам р. Эмайыги два замка – Олденторн и Варбек. Также и на сухопутной дороге, идущей через Изборск, располагались замки Киррумпя и Нойхаузен. Их назначение – выполнять таможенные и пограничные функции, контролировать пути вероятного вторжения с востока. Следовательно, других путей вторжения с востока дерптские власти не опасались. Летописная фраза – «*И яко быша на земли ...*» отражает момент перехода русской дружины с ледового покрова р. Омовжи к западу от болотистой долины ее правого притока р. Áхья (эст. *Ahja jõgi*) на населенные земли, подвластные Дерптскому епископству. Ливонская рифмованная хроника подтверждает эту тактику и ее успех – «*В Дерпте узнали, что пришел князь Александр с войском в землю братьев-рыцарей, чиня грабежи и пожары. Епископ не оставил это без внимания, быстро он велел мужам епископства поспешить в войско братьев-рыцарей для борьбы против русских*» (*Бегунов и др.*, 1966. С. 211–213).

Учитывая, что северо-западное побережье Теплого озера было заболоченной, слабозаселенной и труднопроходимой территорией *(Кустин*, 1966. С. 98–102, *Паклар*, 2011. С. 32), версии о перемещении войск по земле в этом

районе (*Караев*, 1966б. С. 145–166 и др.) не кажутся убедительными. В 1981 г. на этих болотах был создан ландшафтный заповедник, ныне называемый Пейпсивеэре (Peipsiveere). Можно полагать, что в ретроспективе остров Пийриссаар (Желачек, Межа, эст. Piirissaar, нем. Porka), ныне отделенный от западного берега мелководным проливом Эстонские ворота, соединялся с ним. Восточный же пролив (Русские Ворота) имеет естественный фарватер, глубина которого достигает 8 м.

Летописец упоминает еще один ориентир, который, как полагают некоторые исследователи, помогает реконструировать маршрут движения войска – «*и усретоша я Немци и Чюдь у моста, и бишася ту*» (НПЛ, 1950. С. 78). На наш взгляд, выбирать поздние наименования населенных пунктов, созвучные со словом *мост*, нецелесообразно. Вернее, что в летописи упомянут мостовой переход через реку, т. к. это реже встречающиеся сооружение, чем замощенная дорога, и может служить уникальным ориентиром.

Расстояние погони «*гоняче, биша ихъ на 7-ми верстъ по леду до Суболичьскаго берега*» (НПЛ, 1950. С. 78) кажется не более чем фразеологизмом. Число «семь» в этом выражении употребляется в обобщенно-символическом значении, как и во фразеологических сочетаниях *семь верст киселя хлебать*, *семь верст до небес, бешеной собаке семь верст не крюк, семеро по лавкам, за семерых, на семи ветрах, до седьмого пота, седьмая вода на киселе, семь пятниц на неделе* и т. п. Такая же дистанция указана летописцем при описании погони за бегущими с поля боя датско-ливонскими войсками в Раковорской битве 1268 г.: «*...и гониша их бьюще, до города, в три пути, на 7 верст...*» (НПЛ, 1950. С. 318). Однако этот оборот четко дает понять, что сражение произошло не у западного, а у восточного берега озера, т. к. то, что *Суболичьский* берег западный, сомнений нет. Александру Ярославовичу недостаточно было отступить на озеро и ждать появления противника посреди ледяной пустыни. Юго-восточный берег Чудского озера у Подборовского мыса и ныне высокий, поросший сосновым бором, удобен для организации зимнего бивуака. Высочайшая точка округи, находящаяся в километре от берега, называется Княжья гора, а рядом с ней расположено урочище Каменная стража. Это удобная локация для сбора войск и ожидания противника в относительно комфортных условиях и возможности своевременного построения для битвы. Место построения должно иметь значительную площадь, а в этих местах отрытой местностью могли быть либо болота, либо прибрежные тростниковые заросли, либо лед. Сообщение Ливонской рифмованной хроники о падающих на траву рыцарях также идиома. Ср. немецкое идиоматическое выражение *in das Gras beifien* – «пасть на поле брани», дословно – «укусить траву» (*Бегунов и др.*, 1966. С. 213). Так как засыпанные снегом болота и плотные тростниковые заросли высотой до 3,5 м просто непроходимы, остается – лед.

Исходя из вышесказанного, вероятной представляется гипотеза, что *Узменью* называли пролив Русские ворота между о. Пийриссаар и Подборовским мысом на восточном берегу Чудского озера. С учетом предполагаемого уровня поверхности озера, ниже современного на 2–3 м, косы («рога»), тянущиеся навстречу друг к другу от о. Пийриссаара и м. Подборовье, сужали акваторию

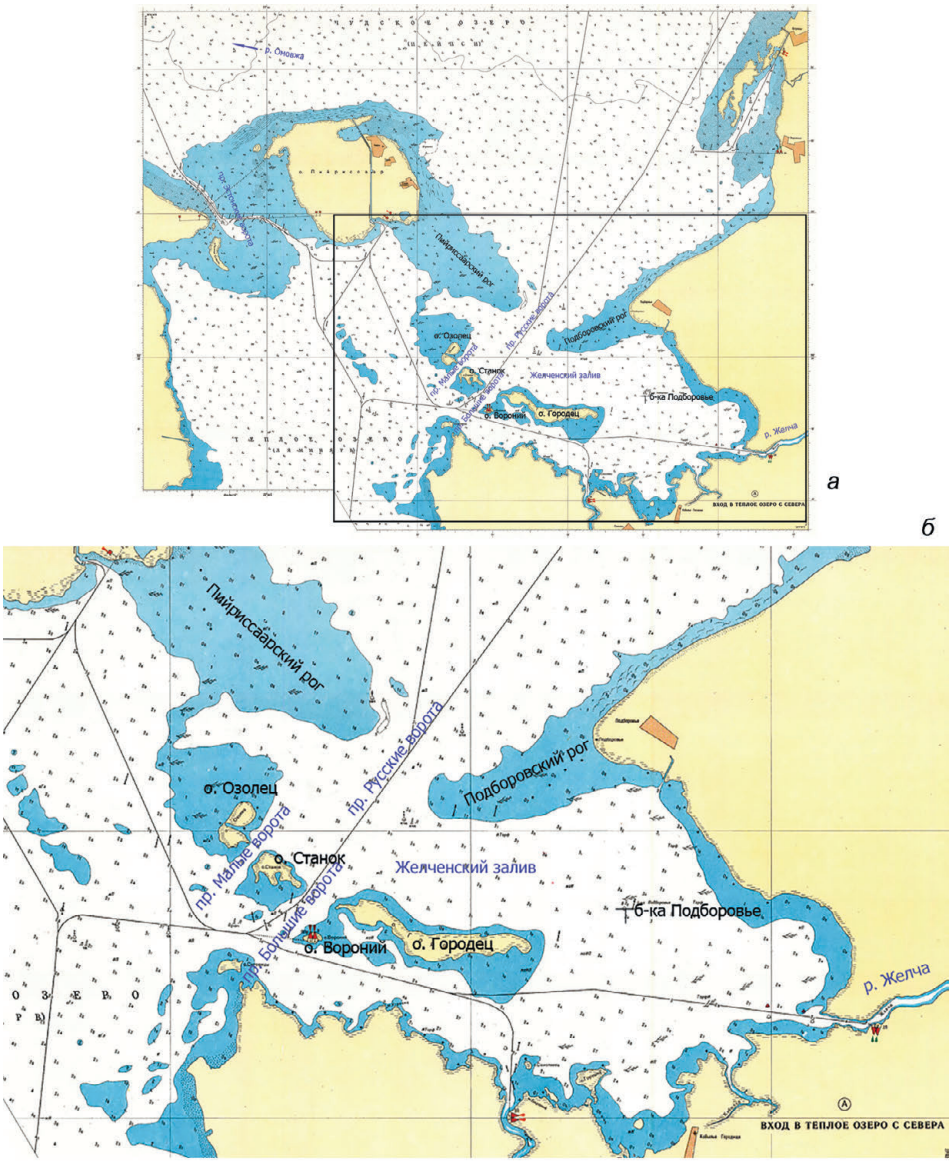


Рис. 2. Вход в Теплое озеро с севера: *а* – ситуационный план (навигационная карта), *б* – фрагмент плана

пролива до 0,9 км и создавали воронковидный залив в южной части Чудского озера (рис. 2).

Для проверки разработанной гипотезы в 2021 г. была организована подводная археологическая разведка. На первом этапе акватория обследовалась гидрографическими средствами (гидроакустическая съемка). На втором об-

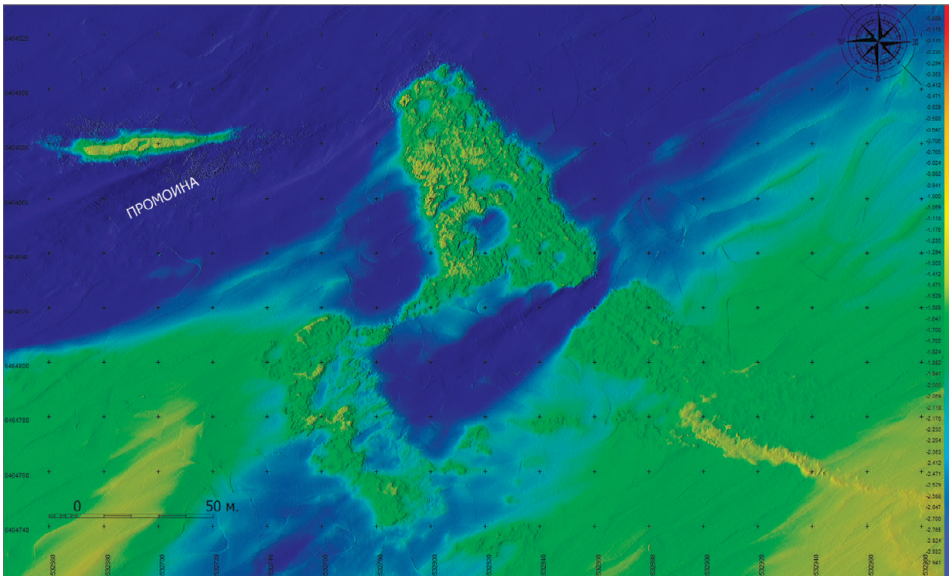


Рис. 3. Батиметрический план. Останец красно-бурого девонского песчаника в проливе Большие ворота

следовании расчистку объектов, разработку шурфов, подводную фото/видеофиксацию этапов работ выполняли водолазы-исследователи. Третьим этапом была гидромагнитная съемка.

Съемка исследуемой акватории выполнялась гидрографическим приборным комплексом, позволяющим получить детальную трехмерную цифровую модель поверхности дна, – многолучевым эхолотом RESON Seabat T50-P. В результате создана карта донного рельефа для нескольких участков Теплого озера общей площадью около 300 га в районе группы островов Вороний, Станок, Городец, Озолец и Сиговец, а также Подборовской банки в Желченском заливе Теплого озера.

В первую очередь был обследован пролив Большие ворота, где экспедицией Г. Н. Караева в 1957 г. выявлен *«Вороний камень» (Караев*, 1966а. С. 60–62). Это остáнец – изолированный массив горной породы, обнажившийся после разрушения окружавшей его более неустойчивой породы в результате длительного воздействия экзогенных факторов – выветривания, эрозии водой и льдом. Останцы красно-бурого девонского песчаника лужского горизонта встречаются как на дне, так и на берегах Чудского озера. Но только этот обладает морфологическими признаками птицы. Можно выделить три части: протяженные «крылья», «туловище» и «хвост» (рис. 3). Глубина воды по всей верхней плоскости останца составляет 2,1–2,4 м (28,3–28,0 м БС), у основания достигает 4,3 м (26,1 м БС).

Наиболее крупная часть имеет форму плоской подпрямоугольной дуги длиной более 200 м. Ширина по центру – ок. 50 м, у оконечности уменьшается

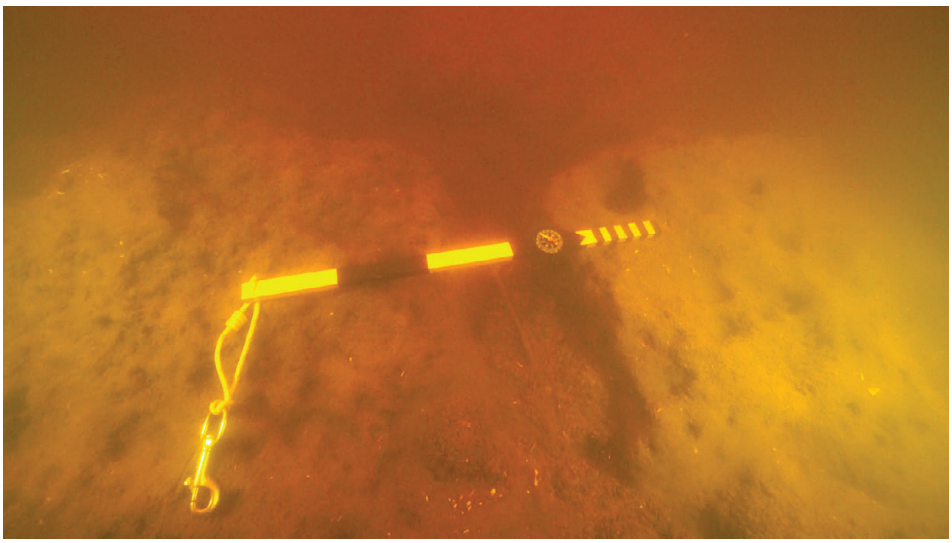


Рис. 4. «Хвостовая» оконечность останца. Трещина

до 25 м. «Крылья» ориентированы по оси ССЗ – ЮЮВ, частично перегораживают пролив Большие ворота между островами Вороний и Станок. Юго-восточное «крыло» уходит под песчаные наносы о. Вороний. По центру дуги имеется поперечная прорезь (горловина) шириной ок. 10 м.

«Туловище» ограничено двумя узкими боковыми линиями из деградированного (скругленного) песчаника шириной до 3 м, соединяющими «крылья» и «хвост». Полость, ограниченная «боками», «крыльями» и «хвостом», имеет размеры 70×50 м. Глубина воды в полости – до 4,3 м.

«Хвостовая» часть – прямоугольная двухуровневая платформа, параллельная «крыльям», длиной ок. 80 м, шириной ок. 34 м. Северо-восточная часть, обращенная к внутренней полости, ниже остальной поверхности в среднем на 0,3 м (ок. 27,7 м БС). Юго-западная (внешняя) кромка обрамлена волнистой (в плане) полосой шириной около 10 м, соответствующей по высотным отметкам общей поверхности останца.

Поверхность останца неровная, ноздреватая, покрыта бороздами и трещинами. Небольшие образцы песчаника в результате вымывания цементирующих веществ весьма непрочны и рассыпаются при сжатии с небольшим усилием, что позволило ранее сделать вывод об активном разрушении останца (*Кузнецова*, 1966. С. 129). Однако ряд признаков указывает, что это не так. Кромка останца местами имеет поперечные трещины, не заполненные продуктами денудации. Следует отметить, что некоторые из них создают вид искусственного сооружения (рис. 4). Однако они видны только по краям, не создают сети швов, характерной для искусственной кладки, и явно имеют естественное происхождение. Местами у основания стенки заметна прибойная ниша – свидетель того, что длительное время уровень озера был ниже современного более

чем на 3 м. Края массива, теряющие опору подмываемых слоев, растрескивались и обламывались. Обломков особенно много по внешнему контуру останца. Иногда они имеют правильную форму, что также свидетельствует о том, что денудация не слишком активная, иначе углы и грани должны были стать скругленными. Однако нельзя исключать, что форма останца была подправлена человеческими усилиями. Площадное водолазное обследование внутри полости «Вороньего камня» (квадрат 30×30 м), как и гидроакустическая съемка, корней деревьев не выявили.

Для определения стратиграфии донных отложений и наличия археологических предметов в «горловине» разработаны 2 шурфа, площадью 12 м^2 на северо-восточном углу горловины и 8 м^2 в ее центре. Подводные экскавационные работы проводились гидроэжектором – водолазным инструментом, в рабочем органе которого струей воды создается разряжение, позволяющее захватывать и отводить воду, насыщенную частицами грунта, – «пульпу» – в сторону от раскопа. Гидроэжектор закрепляли рядом с заданным участком, выбросная труба была выведена вниз по течению (на север) и приподнята над дном. Водолаз выполнял расчистку гибким заборным рукавом с входным фильтром. Поверхность дна на глубине – 3,1–3,8 м (27,3–26,6 м БС), глубина шурфов – 1,3–0,8 м. Стратиграфические наблюдения показали, что поверхностный слой мощностью 0,4–0,6 м состоит из рыхлого песка с илом и большим содержанием раковин моллюсков, растительных остатков. Его подстилает чистый кварцевый песок без примеси органики, в котором попадаются прослойки песчаника, свидетельствующие о том, что этот песок не переотлагался со времен среднего девона. Его подстилает массив красно-бурого песчаника, имеющий уклон в стороны от стенки останца. Это позволяет предполагать наличие в массиве останца песчаной линзы. Антропогенных предметов в обоих шурфах не обнаружено.

В проливе Большие ворота выявлены и обследованы водолазами 2 отрицательные формы рельефа дна. Небольшая промоина располагается к западу от оконечности СЗ «крыла» Вороньего камня. Ее длина составляет 90 м, ширина – 20 м, глубина – ок. 8,0 м, при окружающих глубинах – ок. 3,0 м. Промоина имеет илистое дно, никаких следов антропогенной деятельности не обнаружено. С севера к промоине примыкает протяженная положительная форма рельефа с минимальными глубинами 1,8 м (рис. 3). Водолазное обследование показало, что гряда представляет собой останец песчаника, аналогичного соседнему массиву. По словам бывшего руководителя Новгородского района водных путей и судоходства В. И. Силкина, дноуглубительные работы в проливах Теплого озера не производились. Земснаряды псковского прорабства путевых работ занимались углублением устьевых баров, обеспечивая судоходство.

Восточную оконечность о. Городец обрамляет промоина протяженностью около 300 м, шириной более 40 м и глубиной до 7,5 м. Водолазное обследование показало, что дно промоины илистое, а крутой береговой склон острова сложен слоями торфа на высоту не менее 5 м.

Банка Подборовье, расположенная в Желченском заливе в 1,3 км к ВСВ от восточной оконечности о. Городец, отмечена как местоположение

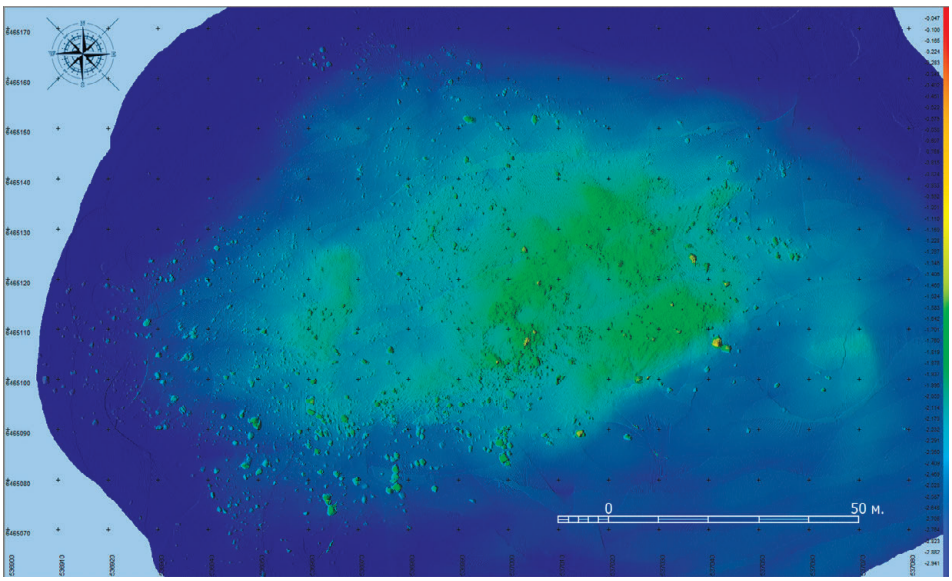


Рис. 5. Батиметрический план. Банка Подборовье

летописного «Вороньего камня» Э. К. Пакларом (*Паклар*, 2011. С. 33, 39). Обследование показало, что отмель – положительная форма рельефа овальной формы, вытянута с ВСВ на ЗЮЗ, размером 130×70 м. Банка сложена окатанными гранитными валунами и песком. Глубина воды у основания банки – до 3,2 м. Валуны достигают размеров 2,8×2,5 м, их возвышение над грунтом – до 1,0 м. Глубина воды над некоторыми валунами – до 1,1 м (29,30 м БС). В центре банки расположена замытая песком воронка размером 8×9 м, с бруствером подпрямоугольной в плане формы (рис. 5). Брустверсложен из колотых кусков гранита, что подтверждает свидетельство, опубликованное Э. К. Пакларом о взорванной, как мешавшей судоходству, скале. Банка представляет собой положительный элемент холмисто-моренного рельефа, распространенного на восточном побережье Чудского озера.

К северо-востоку от о. Озолец экспедиция Г. Н. Караева в 1958 г. выявила фундамент церкви Архангела Михаила (*Караев*, 1966а. С. 62). Участок мелководен – на батиметрической карте показаны глубины от 0,5 до 1,7 м. Съемка дна была выполнена гидролокатором бокового обзора CM2 C-MAX – гидрографическим приборным комплексом, создающим цифровое тенеграфическое изображение поверхности дна. Съемка выполнена в диапазоне глубин 2–1,5 м. Изображение дна на площади 27 га зафиксировало сложную геологическую текстуру дна, формируемую останцами плотной породы причудливой формы. Водолазное обследование показало, что это преимущественно структуры, сложенные девонским песчаником. Искусственных сооружений не выявлено. При водолазном обследовании линейной структуры угловой формы установлено, что она состоит из древесных остатков, в том числе корневищ деревьев, *in situ*.

Корни, по большей части, не замыты донными отложениями и погружены в грунт только оконечностями. По-видимому, имеет место размыв рыхлой поверхности донных отложений, что свидетельствует о том, что дневная поверхность во время роста этих деревьев располагалась на 20–30 см выше (т.е. не на 28,0 м БС – уровень современной дневной поверхности, а на 28,3 м БС). Древесина стволовой части на корневищах *in situ* не сохранилась. Найдены и корневища с комлевой частью ствола, лежащие на боку, но их не рассматриваем ввиду отсутствия уверенности в том, что они росли именно здесь. Были отобраны 6 образцов корней для радиоуглеродного анализа.

Эффективным методом уточнения местоположения исторических битв, проходивших на акваториях, является систематическая гидромагнитная съемка с последующей идентификацией магнитных аномалий. Успешный опыт локализации участка Коростынского сражения 1471 г. (*Иванов, Степанов*, 2013. С. 101–119) и Судбищенской битвы 1555 г. (*Куликов*, 2021. С. 46–53) показывает, что на дне вполне возможно выявить скопления металлических элементов вооружения, формирующих ферромагнитные аномалии. Метод достаточно трудоемок, так как на дне акваторий, помимо археологических предметов, нередко присутствует масса относительно современного металлического мусора, который тоже приходится идентифицировать.

Буксируемый магнитометр измеряет модуль индукции магнитного поля и фиксирует его изменения под влиянием ферромагнитных предметов. Гидромагнитная съемка выполнялась буксируемым магнитометром SeaSPY-2 производства MarineMagnetics. Междугалсовый интервал съемки 5 м, магнитометр буксировался за катером на дистанции 15 м на высоте 1–2 м над дном, заглубление устройства регулировалось скоростью буксировки (3–7 км/ч). Зафиксировано магнитное поле на трех протяженных участках общей площадью около 112 га:

– первый участок протяженностью 3 км начинается от пролива Русские ворота – акватории между оконечностями Пийриссаарской и Подборовскими косами (рогами) – и продолжается в Чудское озеро на ССВ;

– второй участок располагается в Теплом озере между о-вами Городец и Станок и продолжается 2,5 км до пролива Русские ворота;

– третий участок протяженностью 0,9 км отснят в проливе Большие Ворота между островами Вороний, Городец и Станок.

Магнитное поле в заданном районе не отличается стабильностью, что свидетельствует о сложном геологическом составе подстилающих пород. Общее среднее значение магнитного поля от Чудского озера к о. Сиговец в Теплом увеличивается на 120 нТл.

В каталог аномалий, подлежащих визуальной идентификации, в первую очередь включали аномалии амплитудой от 1 нТл, относительно небольшой протяженности. Неглубоко залегающие fe-магнитные предметы создают аномалии с высокими градиентами. Пологие градиенты характерны для геологических аномалий и глубоко залегающих предметов. Всего в результате гидромагнитной съемки выявлено 284 аномалии. В связи с небольшим расстоянием между галсами аномалии, вызванные крупными техногенными предметами,

фиксируются на 2, 3 и более галсах, что увеличивает число подлежащих проверке аномалий, но исключает объединение близко расположенных аномалий малой протяженности программными средствами, строящими магнитные карты.

В сезоне 2021 г. не планировалась идентификация всех локализованных магнитных аномалий водолазами. Актуальной задачей была отработка методики и анализ залегания выявленных fe-магнитных предметов. Для этого водолазы обследовали 22 выявленных аномалии. Аномалеобразующие предметы, найденные в верхнем слое донных отложений, представлены сетевыми грузами-кольцами и осколками крупнокалиберных артиллерийских боеприпасов. Большинство заданных аномалий не лежат на поверхности дна, а погребены донными отложениями на глубину до 0,5 м.

В результате исследований 2021 г. была разработана гипотетическая реконструкция событий на льду Чудского озера в 1242 г. Она основывается на предположении, что уровень воды в XIII в. был на 2–3 м ниже современного. Теплое озеро представляло собой подтопленную пойму рек Великой и Желчи, берега которых были заболочены и имели конфигурацию, значительно отличающуюся от современной. Устьем реки Великой – летописной Узменью – был воронкообразный залив между оконечностью полуострова Пийриссаар и Подборовским рогом. Александр Ярославович мог построить русские полки перед устьем, в самом устье или за ним. Дальше ледовые пути как минимум раздваиваются.

На дне Теплого озера в проливе Большие Ворота к северо-западу от острова Вороний находится останец красно-бурого песчаника. Созданная многолучевым эхолотом цифровая модель дна показывает орнитоморфную положительную форму рельефа – в плане останец имеет вид птицы с расправленными крыльями. Водолазное обследование не выявило «искусственной кладки из валунов, глыб песчаника, кусков известняка». Пни внутри «сооружения» также не найдены. Разработанные под водой шурфы не принесли никакой информации о населенности этого места в древности и существовании «городца». Таким образом, версия Г. Н. Караева об использования останца как пограничной крепости (*Караев*, 1966а. С. 62; 1966б. С. 148) на этом этапе исследований не подтверждается. Все же представляется весьма вероятным, что указанный останец песчаника является летописным «Вороньим камнем». Его форма (птицы с распростертыми крыльями) пока является единственным, но весьма существенным аргументом в пользу этой версии. Без учета абразии и наносов, верхняя поверхность останца в половодье могла возвышаться над поверхностью воды на 0,5 м, а глубина воды в его внутреннем резервуаре составляла до 1,5 м. Указанный резервуар, соединявшийся с открытой водой только через узкую «горловину» между «крыльями», соответствует схеме рыболовной ловушки, применявшейся с эпохи мезолита (*Куза*, 2016. С. 87). Известны стационарные рыболовные устройства, называемые в источниках *котцы, езы* и *исады*. Обычно «крылья» перегораживали русло реки, вынуждая рыбу, идущую против течения, сходиться к узкой горловине, по которой она заходила в корзину или во внутреннюю замкнутую акваторию, откуда не находила выхода. В данном случае «крылья» частично перегораживают узкий пролив в северной части Теплого озера, как раз против

течения. Гидроакустическая съемка дна р. Наровы, выполненная в 2017 г., выявила значительное количество остатков рыболовных преград – езов – в виде дугообразных в плане заграждений из кольев. Наверняка, останец в проливе Большие ворота является естественной формой рельефа, но допустимо предположить, что «горловина» была прорезана намеренно, а «бока», ограничивающие внутреннюю полость, были пристроены. Столь выдающееся рыболовное сооружение наверняка было широко известно, пока его не затопило в результате подъема уровня озера. Затопленный палеопролив Русские ворота находится в прямой видимости от пролива Большие ворота с «Вороньим камнем», а дистанция между ними составляет около 2 км. Это вполне соответствует значению предлога «у» (Вороньего камени) – *около, рядом*.

Результаты радиоуглеродного датирования 6 образцов корней сосны, поднятых севернее о. Озолец, значительно усложняют палеогеографическую реконструкцию. Две лаборатории – ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН (датировка проб выполнена в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии, США) и Лаборатория изотопных исследований РГПУ им. А. И. Герцена определяют возраст образцов более 6 тыс. лет. Непостижимая сохранность столь древних образцов *in situ* наводит на мысль, что они длительное время были законсервированы донными отложениями, которые вторично были размыты при падении уровня воды.

Исследования донных отложений, выполненные сотрудниками Географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена под руководством Д. А. Субетто, показали, что вскрыты озерные илы и подстилающий их торфяник, который, согласно предварительным данным, формировался до 6000 радиоуглеродных лет назад. Дальнейшие исследования (дополнительное бурение в прибрежной зоне, микропалеонтологические анализы) позволят более точно реконструировать динамику изменения береговой линии Псковско-Чудского озера в районе исследования.

Литература

Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П., 1966. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М.; Л.: Наука. С. 169–240.

Иванов А. М., Степанов А. В., 2013. Локализация места Коростынского сражения 1471 г. // Изучение памятников морской археологии. Вып. 7. СПб. С. 101–119.

Караев Г. Н., 1966а. Результаты подводного археологического обследования северной части Теплого озера // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л.: Наука. С. 60–64.

Караев Г. Н., 1966б. Ледовое побоище и его трактовка на основе работ экспедиции // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М.; Л.: Наука. С. 145–166.

Куликов С. А., 2021. Потерянная битва // Вопросы подводной археологии. № 12. С. 46–53.

Куза А. В., 2016. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Нестор-История. 208 с.

Кузнецова В. С., 1966. Геологические условия района Чудского озера // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М.; Л.: Наука. С. 122–129.

Кустин А. Э., 1966. Некоторые данные о заселении западного побережья Теплого озера (X–XIII вв.) // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М.; Л.: Наука. С. 98–102.

Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М – Л.: Наука. 1966. 241 с.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л, 1950. 642 с.

Паклар Э. К., 2011. Где произошло Ледовое побоище? // Региональные Чудские чтения: сборник материалов 2010 г. Псков. С. 29–40.

Салмин С. А., 2013. Еще раз о Ледовом побоище: неучтенные реалии // Ледовое побоище в зеркале эпохи. Липецк, 2013. С. 42–59.

Слепцов А. М., Клименко В. В., 2005. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // История и современность. № 1. С. 118–135.

Татарников О. М., 2011. Палеогеографические доказательства местоположения битвы «Ледовое побоище» (к 770-летию битвы) // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 27 (57). М.; Псков. С. 128–139.

Tvauri A., 2012. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Tartu, 2012. 384 p.

* * *

Степанов Айвар Владимирович, *Великий Новгород, Центр археологических исследований НГОМЗ, Центр подводного археологического наследия ИА РАН, e-mail: ayvarstepanov@yandex.ru;*

Фокин Сергей Георгиевич, *Санкт Петербург, Центр подводных исследований Русского географического общества, e-mail: s.fokin@urc-rgs.ru*

К. С. Косовец

Результаты археологической разведки в нижнем течении Великой на территории селищ в д. Кусва в 2021 г.

Резюме. Селища 1–2 в д. Кусва расположены в нижнем течении р. Великая. В ходе разведочных работ в 2021 г. сотрудниками ГБУК ПО АЦПО определены границы селищ, уточнена датировка и мощность культурных отложений памятников. Селище 1 можно предварительно отнести к XII–XIV вв. Культурный слой памятника ограничен зоной распространения песчаного материка, который маркируется понижением вокруг существовавшего ранее водоема в центре памятника.

По итогам работ на селище 2 в целом подтверждена версия С. В. Белецкого о существовании более раннего ядра поселения в восточной части деревни до оврага. По немногочисленному керамическому материалу, происходящему из шурфов в восточной части памятника, первоначальный период заселения этой территории определяется в границах XII–XIV вв., что говорит о синхронном существовании селища 1 и селища 2. К XVI–XVII вв. село Кусва значительно прирастает территорией в западную сторону за овраг.

Ключевые слова: нижнее течение Великой, округа Пскова, деревня Кусва, селище, археологическая разведка.

K. S. Kosovets. Results of Archaeological Exploration in the Lower Reaches of the Velikaya River on the Selishche Territories in the Kusva Village in 2021

Abstract. Selishche 1 and 2 in the village of Kusva are located in the lower reaches of the Velikaya river. During the exploration works in 2021, the archaeologists of the State Budgetary Institution of Culture of Pskov Region Archaeological Center of Pskov Region determined the boundaries of the selishche areas and clarified the dating and thickness of the cultural deposits of the sites. Selishche 1 can tentatively be dated back to the 12th–14th centuries. The cultural layer of the site is limited by the distribution zone of the sandy continent, which is marked by a depression around the pre-existing reservoir in the center of the site.

The results of work at selishche 2 provided general confirmation of S. V. Beletsky's version about the existence of an earlier core of the settlement in the eastern part of the village up to the ravine. Based on the small amount of ceramic material coming from pits in the eastern part of the site, the initial period of settlement of this territory is determined within the boundaries of the 12th–14th centuries, which indicates the synchronous

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.245-253

existence of selishche 1 and selishche 2. By the 16th–17th centuries the village of Kusva had significantly expanded its territory to the west beyond the ravine.

Keywords: lower reaches of the Velikaya River, Pskov area, Kusva village, selishche, archaeological exploration.

В сентябре 2021 г. сотрудниками ГБУК ПО АЦПО проводилась разведка в нижнем течении р. Великой на территории селищ в д. Кусва. Селища расположены на левом берегу Великой в 5 км от Пскова. Селище 1 располагается в 0,25 км к югу от д. Кусва (рис. 1: *1*), селище 2 занимает северо-восточную часть современной деревни (рис. 1: *2*). Основной целью работ являлось уточнение границ территории памятников и их датировки, а также получение сведений о мощности культурного слоя в разных частях памятников.

Погост Камно является центром микрорегиона, к которому относятся селища у д. Кусва (рис. 1: *3*). Археологические памятники в этом регионе делятся на три хронологических периода: первый – вторая половина I тыс. н. э.; второй – XII–XIII вв.; третий – XIV–XVIII вв. С. В. Белецкий отмечал, что памятники второго хронологического периода (XII–XIII вв.) в этом регионе единичны, а материалы XI в. вообще отсутствуют (*Белецкий и др*., 1985. С. 91). К памятникам второго хронологического периода относятся культурные отложения XII–XIII вв. на площадке городища Камно и его посада, селище 1 у д. Кусва и грунтовый могильник у д. Селище (*Михайлов, Романовский*, 2016. С. 186), (рис. 1: *1, 3, 4*). Основная масса археологических памятников в микрорегионе Камно относится к третьему хронологическому периоду – XIV–XVII вв. (*Белецкий и др*., 1985. С. 91).

Территория селища 1 (д. Кусва) представляет собой пахотное поле (рис. 2). Площадка селища имеет выраженный уклон к центру, где располагается высохший водоем. В отчетах С. В. Белецкого водоем назван «прудом» или «заболоченным прудом» (*Белецкий*, 1981; *Белецкий и др*., 1982). Нам кажется наиболее вероятной версия о сезонном его существовании (рис. 3).

Памятник был открыт разведочным отрядом по изучению окрестностей г. Пскова Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1974 г. под руководством С. В. Белецкого. В 1981–1982 гг. обследование памятника было завершено, был составлен глазомерный план**,** определены предварительные границы селища по распространению подъемного материала в пахотном слое. По подъемному материалу (фрагменты гончарной керамики и «пряслице розового овручского шифера») время существования памятника определено в пределах XII–XIII вв. (*Белецкий*, 1981; *Белецкий и др*., 1982).

В сентябре 2021 г. заложено 9 разведочных шурфов (1×1 м) в разных частях селища 1 (рис. 4). Территория памятника подвергается многолетней распашке, из четырех шурфов, в которых был зафиксирован культурный слой, два нарушены современной распашкой до уровня материка. Несмотря на это, в шурфах 1, 6, 7 был обнаружен располагавшийся на материке практически не нарушенный культурный слой, представленный слоем серой супеси, мощ-

Рис. 1. Карта памятников в округе д. Камно, упомянутых в статье.
1 – селище 1 у д. Кусва; *2* – селище 2 у д. Кусва; *3* – городище Камно и его посад;
4 – грунтовый могильник у дер. Селище

ностью 20–40 см. В шурфах 1, 2 и 6 в слое супеси в нижних предматериковых слоях присутствовали включения мелких угольков. Хочется отметить, что керамический материал со всей территории памятника был сильно окатан и малочисленен, из-за этого датировка затруднена (рис. 5). В целом керамический материал из слоя серой супеси можно датировать в пределах XII–XIV вв.[1] Индивидуальных находок на памятнике не обнаружено. Общая площадь селища составляет 3,23 га.

Материк на территории памятника представлен плотным желтым песком. Распространение культурных отложений зафиксировано исключительно в зоне песчаного материка, которая соотносится с понижением в сторону высохшего водоема. За территорией памятника материк характеризуется плотным суглинком, который был зафиксирован в пустых шурфах (ш. 3–5, 8, 9).

Возникновение поселения в этом месте, вероятно, обеспечили легкие супесчаные почвы, которые были пригодны для земледелия. В шурфах 1 и 7 на поверхности материка прослежены следы древней пахоты. Они представляли

[1] Здесь и далее датировка керамического материала селищ приводится на основе сравнения с керамикой Пскова (см.: *Кильдюшевский*, 2002; *Королева, Кулакова, Степанов*, 2002; *Степанов*, 2016). Благодарим за помощь в определении датировки керамики С. В. Степанова и И. С. Аракчееву.

Рис. 2. Вид на площадку селища 1 (д. Кусва) с юго-запада

Рис. 3. Водоем в центре селища 1 (по: Белецкий и др., 1982. Рис. 9)

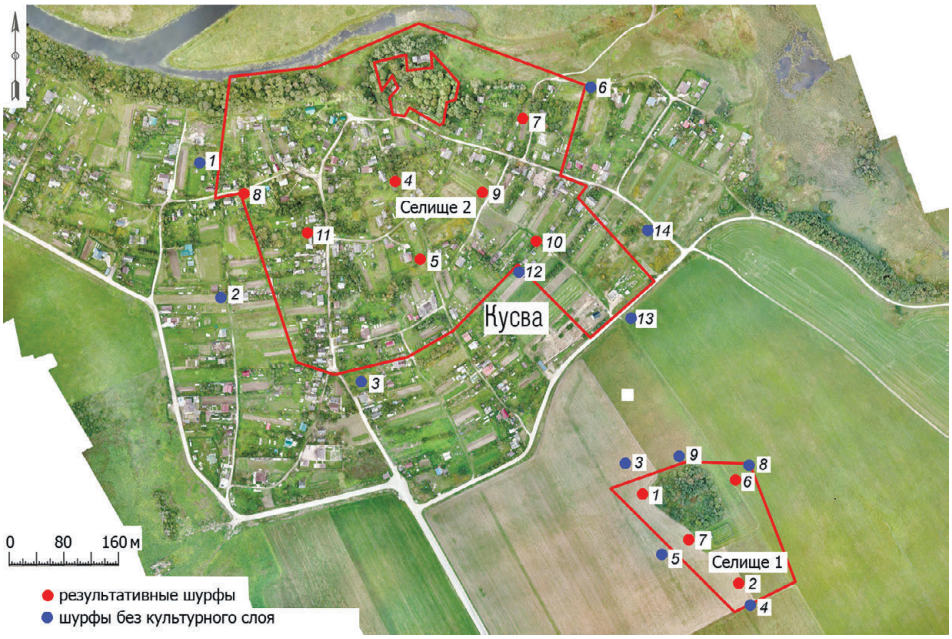


Рис. 4. Схема проведенных работ в 2021 г.

собой узкие (шириной 4–6 см) перекрещивающиеся прерывистые полосы, заполненные слоем серой супеси[2].

Селище 2 соответствует средневековому селу Кусва, известному с конца XVI в. Первое упоминание относится к 1585–1587 гг., в писцовой книге по Пскову содержатся сведения, что в Каменской губе Завелицкой засады Псковского уезда находится церковь «Мины великого мученика, что в Кусве» (МАМЮ. Т. 5. Псков и его пригороды, 1913. С. 139. Цит. по: *Постников*, 2013. С. 20). Основываясь на архивных данных, А. Б. Постников высказывает предположение, что первая каменная церковь в Кусве могла быть построена еще в начале XVI в. (*Постников*, 2013. С. 22).

Территория селища 2 представляет собой северо-восточную часть современной д. Кусва. Площадка памятника ровная, расположена на крутом возвышенном левом берегу р. Великая и имеет небольшой уклон в северо-восточную сторону. В северо-западную сторону через территорию селища проходит овраг, который делит памятник на две неравные части: меньшую – северо-восточную и большую – юго-западную. Памятник открыт в 1981 г. Псковской археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством С. В. Белецкого. Предварительно границы памятника определены по распространению подъемного материала на огородах. На основании распространения

[2] Историография вопроса изучения древней распашки освещена в работе К. Г. Самойлова (2003).

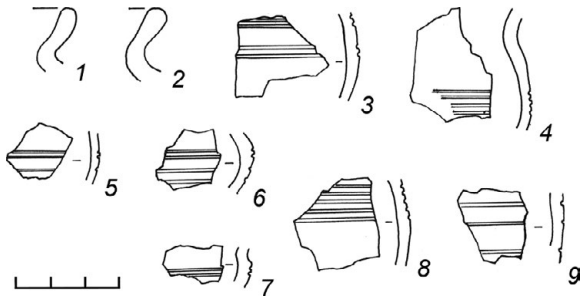


Рис. 5. Керамика из шурфов, селище 1.
1, 2 – шурф 6; *3* – шурф 7; *4–6* – шурф 1; *7, 8* – шурф 2

подъемного материала сделан вывод о существовании более раннего ядра поселения XIV–XV вв. в восточной части деревни, до оврага (*Белецкий*, 1981).

В следующем 1982 году разведочные работы на территории памятника были продолжены. По результатам работ было установлено, что «площадь распространения подъемного материала в основном совпадает с территорией современной деревни» на момент разведки 1982 г. В западной части деревни (за оврагом) были собраны фрагменты керамики XVII–XVIII вв. и сделан вывод, что в этой части деревни нет материала ранее XVII в. В ходе археологической разведки 1982 г. снят глазомерный план селища, памятник нанесен на карту, составлено его описание, проведена фотофиксация (*Белецкий и др.*, 1982).

Во время работ 2021 г. на памятнике было заложено 14 разведочных шурфов (1×1 м) в разных частях памятника (рис. 4). Культурный слой селища страдает от многовековой хозяйственной деятельности местных жителей. Мощность культурных отложений, представленных слоем серой супеси, в восточной части памятника (шурфы 7, 9, 10) в среднем составила 45–50 см. Мощность культурных отложений, представленных слоем серой супеси и темно-серым слоем, в западной части памятника (шурфы 4, 5) в среднем составила 40–50 см. В шурфе 11 был выявлен темно-серый слой мощностью около 40 см, под которым, вероятно, раскрыта конструкция отопительного сооружения.

По собранному керамическому материалу в шурфах 7, 9, 10 и в близлежащих местах сбора подъемного материала первоначальный период освоения восточной части территории селища определяется в рамках XII–XIV вв. Стоит отметить: керамический материал этого периода малочисленен (рис. 6), что сильно усложняет датировку.

Примечательно, что ранние культурные отложения распространяются в юго-восточную сторону в виде некоего «языка» от основной границы памятника (шурфы 7, 9, 10). Отсутствие культурных отложений в северо-восточной части д. Кусва на краю коренного берега, вероятно, обусловлено высоким уровнем залегания известняковой скалы на этой территории, что было зафиксировано в шурфе 6. Остается вопрос, почему же культурный слой XII–XIV вв. вытянут в юго-восточную сторону относительно основной границы памятника? Это может быть связано с расселением вдоль некой дороги, идущей в юго-

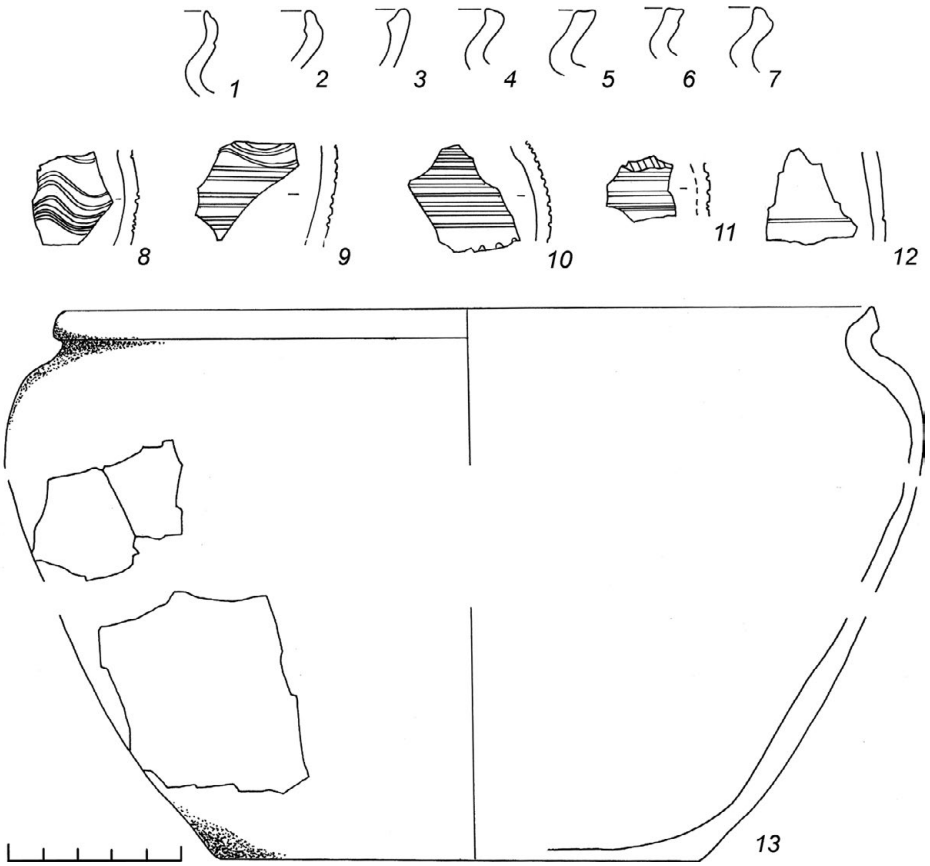


Рис. 6. Керамика из шурфов и подъемный материал, селище 2.
1, 5, 6, 12 – шурф 10; *2* – место сбора подъемного материала в восточной части деревни; *3, 4, 8, 9* – шурф 7; *7, 10, 11* – шурф 9; *13* – шурф 5

восточном направлении в сторону современной д. Замогилье. Вопрос остается открытым. Но очевидно, что ранние отложения селища 2 синхронны периоду существования селища 1. При этом границы памятников не смыкаются, что показал пустой шурф 13.

Со временем застройка села Кусва начинает сдвигаться в юго-западном направлении, в том числе за овраг. Что маркируется фрагментами керамики XVI–XVII вв., обнаруженными в шурфах 4, 5, 7 и близлежащих местах сбора подъемного материала, например, развалом горшка из шурфа 5 (рис. 6: *1*). При этом керамического материала этого периода в шурфах 9 и 10 не обнаружено. Возможно, небольшое смещение основного ядра поселения в западную сторону связано со строительством каменного храма в XVI в. Керамический материал XVIII – первой половины XIX в. был зафиксирован в шурфах 4, 5, 7 и 11. Общая площадь селища составила 19,9 га.

Итак, в ходе разведочных работ в 2021 г. определены границы селища 1, в шурфах был собран керамический материал, который можно отнести к XII–XIV вв. Культурный слой памятника ограничен зоной распространения песчаного материка, что соотносится с зоной понижения в сторону высохшего водоема.

По итогам работ на селище 2 определены границы памятника, в целом подтверждена версия С. В. Белецкого о существовании более раннего ядра поселения в восточной части деревни до оврага. По немногочисленному керамическому материалу, происходящему из шурфов в восточной части памятника, первоначальный период заселения этой территории определяется в границах XII–XIV вв., что говорит о синхронном существовании селища 1 и селища 2. К XVI–XVII вв. с. Кусва значительно прирастает территорией в западную сторону за овраг. Что иллюстрируют находки керамического материала этого периода из шурфов в западной части памятника. Смещение ядра поселения может быть связано со строительством храма святых мучеников Мины, Виктора и Викентия. В дальнейший период происходит увеличение территории села.

Подводя итоги, нужно отметить, что подавляющая часть селищ в микрорегионе Камно поставлена на охрану по результатам разведок без земляных работ. Определение границ и датировка памятников часто произведена по сбору подъемного материала в слое пахоты. Вопрос поиска памятников древнерусского периода в этом микрорегионе может быть решен путем дальнейших разведок и планомерных раскопок на территории уже известных памятников XIV–XVII вв.

Литература

Белецкий С. В., 1981. Отчет о полевых работах 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9846.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М., Станюкович А. К., Фролов В. П., Шишкин К. В., 1985. Сельское расселение на северо-западе Восточной Европы (возможности комплексного изучения) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.: Наука. С. 85–97.

Белецкий С. В., Раев Б. А., Фролов В. П., 1982. Охранные раскопки в Пскове и разведки в Псковской земле (отчет за 1982 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. № 9652.

Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.

Королева Э. В., Кулакова М. И., Степанов С. В., 2002. Керамика средневекового Пскова X–XVII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат. науч. семинаров за 2001–2002 гг. Псков.

Михайлов А. В., Романовский А. Б., 2016. О новом типе погребальных памятников XI в. в окрестностях Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 31. Материалы 61-го заседания (2015 г.). М.; Псков; СПб.: ИА РАН. С. 173–189.

Постников А. Б., 2013. Храм святых мучеников Мины, Виктора и Викентия в селе Кусва Псковского уезда в XVI–XX вв. // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 38. С. 14–42.

Самойлов К. Г., 2003. Следы древней распашки на материке Борисоглебского (XVI) раскопа в г. Старая Русса и некоторые проблемы изучения истории земледелия // Ладога первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. СПб. С. 79–87.

Степанов С. В., 2016. Археологические раскопки 2014 г. в прибрежной части Запсковья в г. Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 31. Материалы 61-го заседания (2015 г.). М.; Псков; СПб.: ИА РАН. С. 25–42.

* * *

Косовец Кристина Сергеевна, *Псков, ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: kriskosovec@gmail.com*

В. А. Деркач

Средневековый город Жижец: археологические реалии[1]

Резюме. Средневековый город Жижец располагался к югу от современной д. Залучье на берегу Жижицкого озера на длинном мысу, впадающем в озеро. Памятник известен по письменным источникам с XII в. Результаты археологических исследований доказали, что на месте летописного города Жижца располагается комплекс памятников археологии. Центральное место в комплексе занимает средневековый город Жижец – крупное городское образование, имеющее укрепленное ядро и обширный посад. В непосредственной близости от городища открыт комплекс разновременных памятников, как синхронных городу Жижец, так и предшествующих его возникновению. В настоящее время территория у д. Залучье активно застраивается, остро стоит вопрос о сохранении памятников археологии.

Ключевые слова: Жижец, могильник, поселение, Полоцкая земля, Верхнее Подвинье.

V. A. Derkach. The Medieval Town of Zhizhets: Archaeological Realia

Abstract. The Medieval town of Zhizhets is located to the south of Zaluchie Village on the bank of Zhizhitskoye Lake on a long cape projecting forward into the lake. This place has been known from written sources since the 12th century. The results of archaeological research have proved that a complex of archaeological monuments is located at the place of the town of Zhizhets mentioned in the chronicles. The central place in this complex is occupied by the medieval town of Zhizhets – a big town entity with a fortified core and a vast territory of the unprotected settlement. A complex of monuments dating back to different time periods, both synchronous to the town of Zhizhets and preceding its origination, has been discovered in close proximity to the ancient settlement. At the present time the territory near Zaluchie Village is being actively developed. The problem of preservation of the monuments of archaeology is very acute.

Keywords: Zhizhets, settlement, Polotsk territory, Upper Dvina basin.

В 2019 г. проведена археологическая разведка на территории к югу от д. Залучье Куньинского района Псковской области. Участок разведочных работ, расположенный на северо-западном берегу Жижицкого озера, относится

[1] Доклад прочитан на международной научной конференции «Археология и история Подвинья» (г. Полоцк, 21–22 ноября 2019 г.). Материалы конференции не были опубликованы.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.254-263

к верхнему течению бассейна р. Западной Двины (см. также: *Кулакова*, 2021. С. 22, 24–26).

Территория Куньинского района в современных границах на протяжении своей истории входила в состав разных государственных образований. В XII в. эта территория относилась к Смоленским землям. В 1167 г. при Мстиславе Ростиславиче Храбром из состава Смоленского княжества выделилось Торопецкое княжество. В 1350–1360 гг. Торопецкие земли отошли в состав Великого Княжества Литовского. В 1503 г. усилиями Ивана III все эта территория была возвращена Русскому государству. Образован Торопецкий уезд. Плавецкая, Жижецкая и Озерская волости вошли в состав Великолукского уезда. В период Смуты по Деулинскому перемирию район Жижицкого озера и часть других территорий были переданы Речи Посполитой и возвращены в состав Русского государства только в результате русско-польской войны и подписанного в 1667 г. Андрусовского перемирия.

В средневековых письменных источниках неоднократно упоминается Жижец – крупное поселение на берегу Жижицкого озера. Жижец находился в большом скоплении древних поселений неподалеку от Торопца, был центром отдельной области – волости.

По епископской грамоте «о погородьи» в 1110/11–1117/18 гг. Жижец выплачивал епископии 5 гривен погородья и 1 куну почестья. Упоминание Жижца связано и с именем смоленского князя Ростислава Смоленского. В «Уставной грамоте» князя, составленной в 1136 г., среди погостов, плативших князю дань, значится погост *Жижец*. Размер дани в 130 гривен свидетельствует о том, что в XII в. Жижец был крупным богатым поселением. Кроме того, находясь у озерных угодий, Жижец поставлял на княжеский стол рыбу (*Алексеев*, 2006. С. 196). В летописных источниках Жижец впервые упоминается в 1245 г. в связи с разгромом литовских войск Александром Невским. Совершив набег на Торжок и Бежецк, литовские княжичи отступили на Торопец и Жижец. Вскоре новгородские войска во главе с князем разбили литовцев, освободив пленных: «*Оттоле же Новгородци воспятишася, а князь великий Александръ погониса по нихъ своим двором, и би ихъ подъ Жижичемь, и не упусти ни единого ихъ...*» (ПСРЛ. Т. VII. С. 152). Неоднократно Жижец упоминается в Духовных грамотах русских князей Ивана III и Ивана IV (Духовные и договорные грамоты... С. 357).

В XIX в. территория верхнего Подвинья в пределах Псковской губернии не представляла интереса для исследователей. Впервые попытка локализовать летописный город Жижец была предпринята в конце XIX в. И. Побойниным (*Побойнин*, 1902. С. 12). Планомерные исследования территории верхнего Подвинья в границах современной Псковской области были начаты в конце 40-х гг. XX в.

Впервые городище у д. Залучье (ОКН «Городище», рис. 1: *1*) обследовалось в 1950 г. Я. В. Станкевич. В рамках археологической разведки составлено описание памятника, проведена шурфовка площадки городища, обследована территория, расположенная в непосредственной близости. На основании керамического материала Я. В. Станкевич сделала вывод, что древнейшие отложения

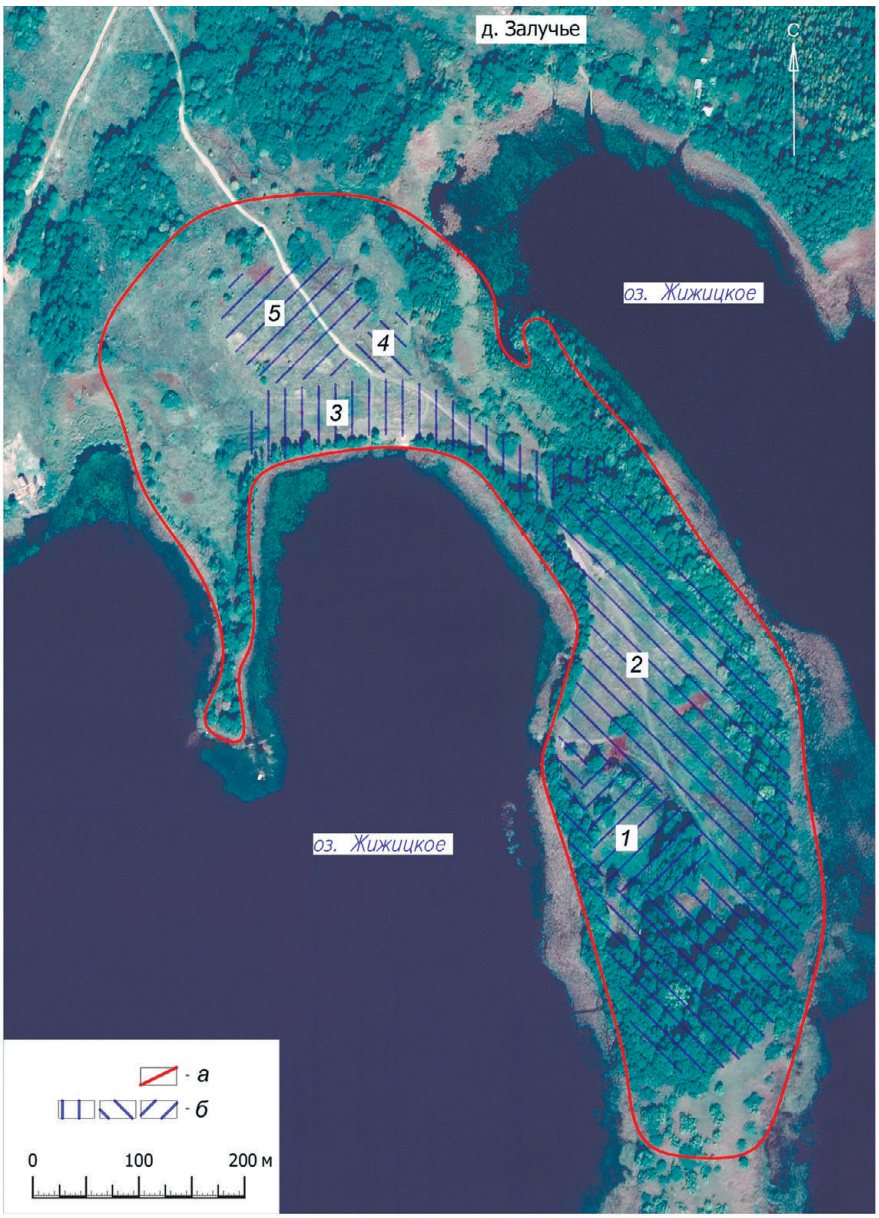


Рис. 1. Комплекс памятников у д. Залучье Куньинского района Псковской области: *а* – граница территории, обследованной в 2019 г.; *б* – территории объектов культурного наследия по результатам работ 2019 г. (ОКН); *1* – ОКН «Городище», вторая половина I тыс. н. э.; *2* – ОКН «Селище I», XI/XII–XVII н. э.; *3* – ОКН «Селище» (по нумерации Г. Н. Пронина – селище II), вторая половина I тыс. н. э.; *4* – ОКН «Могильник у д. Залучье»; *5* – «Селище III», XVII–XVIII вв. (датировка памятника приводится по учетной документации)

с сетчатой керамикой, обнаруженные по склону городища, относятся к последним векам до нашей эры, а само городище датируется XI–XIV вв. (*Станкевич*, 1960. С. 316–320). Сведения, полученные в результате работ Я. В. Станкевич, привлекались исследователями неоднократно (*Куза*, 1996. С. 66; *Раппопорт*, 1961. С. 38 и др.). В 1985–1986 гг. городище обследовано Псковским отрядом ИА АН СССР под руководством Г. Н. Пронина. Дополнено описание городища, составлен инструментальный план памятника, произведена фотофиксация. На основании проведенного обследования в 1989 г. Г. Н. Прониным составлена учетная документация. Обследования Г. Н. Пронина незначительно изменили представления о городище, однако в зону обследования вошел берег залива Жижицкого озера, где, в свою очередь, было выявлено селище[2], датирующееся XI–XIII вв.

Несмотря на отдаленность территории от населенных пунктов (д. Залучье является фактически вымирающей), в последние годы специалисты неоднократно фиксировали следы грабительских работ любителей металлопоиска на площадке городища и прилегающих территорий. В 2018 г. стало известно, что на территории к югу от д. Залучье проведено выделение земельных участков с целью их последующей продажи под индивидуальное жилищное строительство. Несмотря на действующее законодательство, вопрос сохранения комплекса памятников у д. Залучье обострился.

Первоочередной целью работ 2019 г. стала локализация территории посада-селища (ОКН «Селище I», рис. 1: *2*), прилегающего к городищу. В археологических изысканиях прошлых лет территория предполагаемого посада обозначалась весьма расплывчато – «окружающее городище» – и датировалась синхронно памятнику XI–XIV вв., в основном базируясь на находках, обнаруженных в непосредственной близости к городищу (*Станкевич*, 1960. С. 317) или к югу от него, на действующем в настоящее время кладбище (Паспорт памятника истории и культуры «д. Залучье. Городище», вкл. п. VII).

Визуальный осмотр территории, сбор многочисленного подъемного материала, фиксация грабительских ям позволили определить границы распространения культурного слоя поселения. Памятник занимает весь узкий полуостров длиной 0,5 км, шириной 120–200 м. В границах территории памятника, в ее южной части, расположено действующее современное кладбище. Для характеристики культурных отложений на территории посада было заложено три шурфа: шурф 1 – в центральной западной части полуострова, к северу от городища; шурф 2 – в центральной восточной части полуострова, к востоку от городища; шурф 3 – у северо-западного подножия городища. Шурфы 1, 2 были заложены на месте грабительских ям, шурф 3 – на непотревоженном участке.

Несмотря на небольшую площадь археологических раскопок, полученные результаты позволили выделить функциональные зоны поселения. Ядро

[2] В учетной документации памятник упоминается как «Селище II» (Паспорт памятника истории и культуры «д. Залучье. Селище II»); на государственную охрану поставлен как ОКН «Селище»//Постановление Псковского областного Собрания депутатов № 542 от 30.01.1998 г., № 541 в списке.

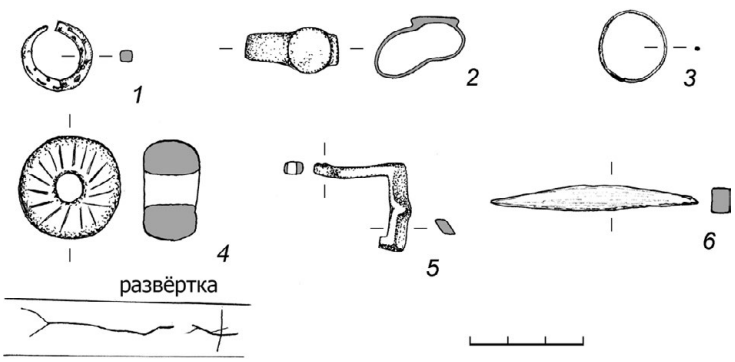


Рис. 2. «Селище I». Находки из шурфов 1 (1) и 2 (2–6).
1 – кольцо орнаментированное со следами лужения; *2* – перстень со щитком; *3* – кольцо проволочное; *4* – пряслице орнаментированное; *5* – пряжка (фрагмент) со следами лужения (?); *6* – шильце (*1–3, 5* – цветной металл; *4* – шифер; *6* – железо)

посада находилось к югу от городища. Топографически – это самая высокая часть полуострова. В XVIII в. здесь располагалась каменная церковь, построенная, по всей видимости, на месте более раннего храма. На возвышенном восточном берегу полуострова фиксируется ремесленная зона, где было сосредоточено производство, в том числе связанное с металлообработкой. Об этом свидетельствует черный углистый культурный слой мощностью до 0,9 м с обильным включением дресвы, керамического и железного шлака. Среди индивидуальных находок – изделия из железа, цветного металла, шиферное пряслице с процарапанными знаками (рис. 2).

Западная часть посада носила хозяйственный характер, была слабо освоена и располагалась в подтопляемой пойме Жижицкого озера. В стратиграфии шурфа 1 на глубине 0,5 м от дневной поверхности, под пахотным слоем, фиксируется темно-серый культурный слой мощностью до 0,2 м. Остальные отложения представлены речным песком серого или серо-коричневого цвета мощностью до 0,7 м. В слое песка выявлено два уровня погребенного дерна.

Анализ массового керамического материала позволяет высказать предположение о местном производстве керамики, о чем свидетельствует наличие значительных включений слюды в керамическом тесте. Среди орнаментированных фрагментов заметно преобладают вариации линейного орнамента, волнистого и комбинированного (волна и линии) декора. На отдельных фрагментах керамики встречаются орнаменты в виде насечек и треугольных оттисков (отпечатков), нанесенные палочкой (рис. 3).

В 2019 г. на территории селища, выявленного в 80-е гг. Г. Н. Прониным, проведены работы по определению границ памятника (рис. 1: *3*). Селище древнерусского времени локализуется на берегу Жижицкого озера, к северо-западу от полуострова. Поселение занимало невысокую прибрежную площадку на коренном берегу озера, у подошвы большой моренной возвышенности. Площадка селища размером 332×40/60 м вытянута вдоль берега озера,

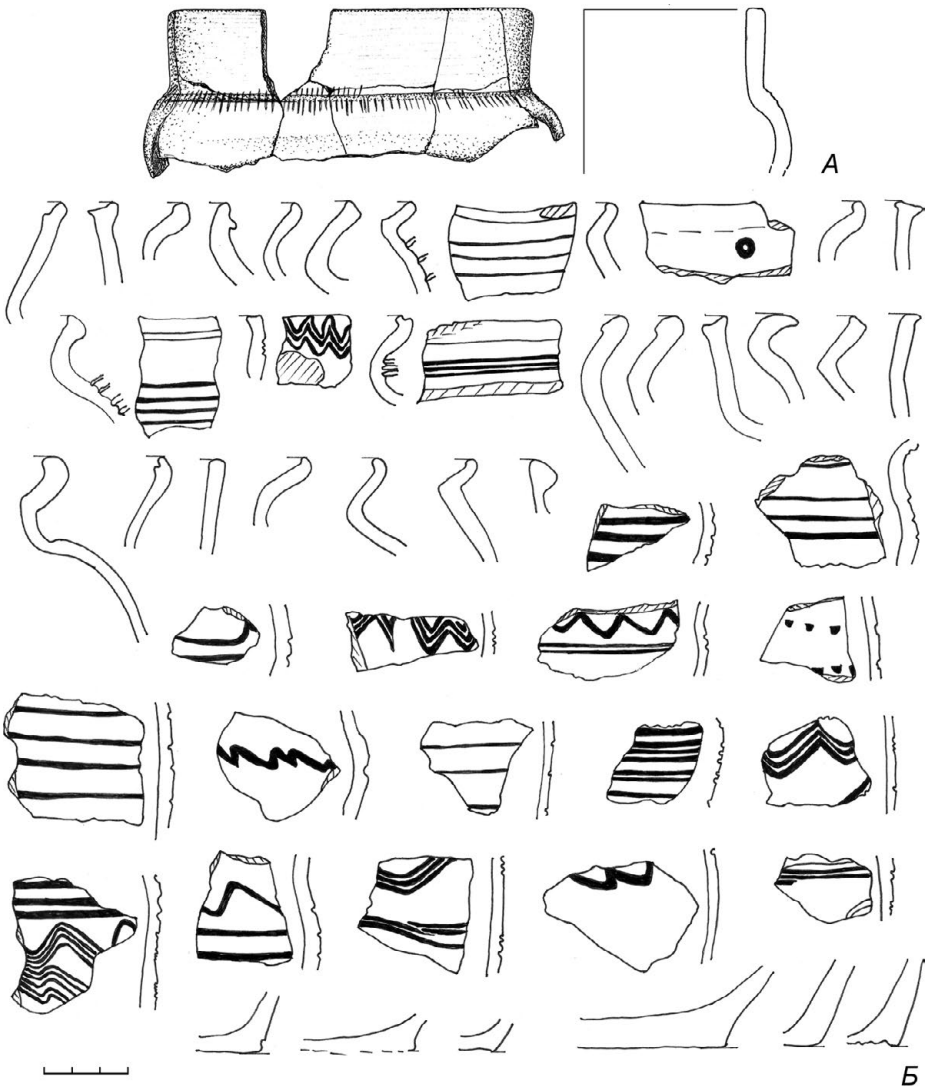


Рис. 3. «Селище I», шурф 2, керамика.
А – пл. 3–4; *Б* – пл. 4

в направлении запад – восток. В западной части к северу от береговой террасы фиксируется траншея времен Второй мировой войны. Западная часть поселения граничит с заболоченной низиной. Поверхность территории поселения ровная, имеет значительный уклон к югу, территория селища свободна от крупной растительности, задернована. По сведениям 80-х гг. XX в., территория памятника распахивалась, культурный слой селища интенсивно развеивался и размывался.

Для уточнения характеристики культурных отложений и определения участка распространения культурного слоя в полевом сезоне 2019 г. было заложено 8 шурфов.

Интересные данные получены в результате работ на шурфах 3 и 4, где под культурным слоем поселения, на материке, обнаружены погребения. В западной части шурфа 3, на уровне материка, выявлено пятно гумусированного песка, которое оказалось могильной ямой с захоронением ребенка 2–6 месяцев[3]. Справа от головы погребенного найдены два глиняных сосуда: раннегончарный орнаментированный сосуд слабого обжига и лепной сосуд баночной формы (рис. 4)[4].

Орнаментированный раннекруговой сосуд эсовидной формы высотой 9,3 см, диаметр венчика – 8 см, горла – 8,4 см, максимального расширения тулова – 10 см, дна – 6,2 см. Венчик скошен, отогнут наружу, плечо хорошо выражено, дно слегка вогнуто. Фиксируется примесь дресвы в тесте. Орнамент сосуда многообразен. Венчик орнаментирован насечками по внешнему краю. Шейка сосуда украшена двумя (местами тремя) параллельными линиями тонких скошенных насечек. Тулово сосуда орнаментировано двумя многорядными волнообразными линиями (рис. 4: *2*). Лепной сосуд высотой 6,4–6,8 см, диаметр венчика – 9,1 см, максимального расширения – 9,3 см, дна – 6,1 см. Стенки сосуда, плавно изгибаясь, загнуты внутрь, края округлены. Толщина стенок – 0,5–1,2 см. В тесте фиксируются значительные примеси крупной дресвы (рис. 4: *3*). Аналоги лепного сосуда, обнаруженного в шурфе 3, встречаются в Гнёздовских курганах (датируются X в., вероятно, его серединой), в Литве и в Бирке (Швеция, рубеж IX–X – X в.) Орнаментированный раннекруговой сосуд по типологии Е. В. Каменецкой датируется X в. (*Каменецкая*, 2019. С. 30–31, 33–34).

В пределы шурфа 4 погребение вошло частично (только нижние конечности). Ориентировка погребения – запад – восток. Находок при изучении погребальной ямы не обнаружено. По всей видимости, первоначальное освоение территории связано с функционированием могильника в восточной части селища.

Массовый керамический материал слоя поселения в верхних отложениях представлен раннегончарной керамикой. В центральной части памятника (шурфы 2, 3, 4) фиксируется наличие фрагментов лепных сосудов. В шурфе 4 в отложениях, залегающих над слоем могильника, обнаружены фрагменты лепной штрихованной керамики (рис. 5). Очевидно, что полученные данные требуют корректировки устоявшейся хронологии памятника.

К северу от центральной части селища обнаружен грунтовый могильник (рис. 1: *4*). Памятник расположен на возвышенности, к юго-востоку от урочища Горка. С северо-запада на юго-восток территорию памятника пересекает старая дорога в д. Залучье. На западном склоне возвышенности фиксируются

---

[3] Антропологические определения выполнены Д. В. Пежемским.

[4] Благодарю Б. С. Короткевича и Н. В. Лопатина за помощь в атрибуции погребальных сосудов.

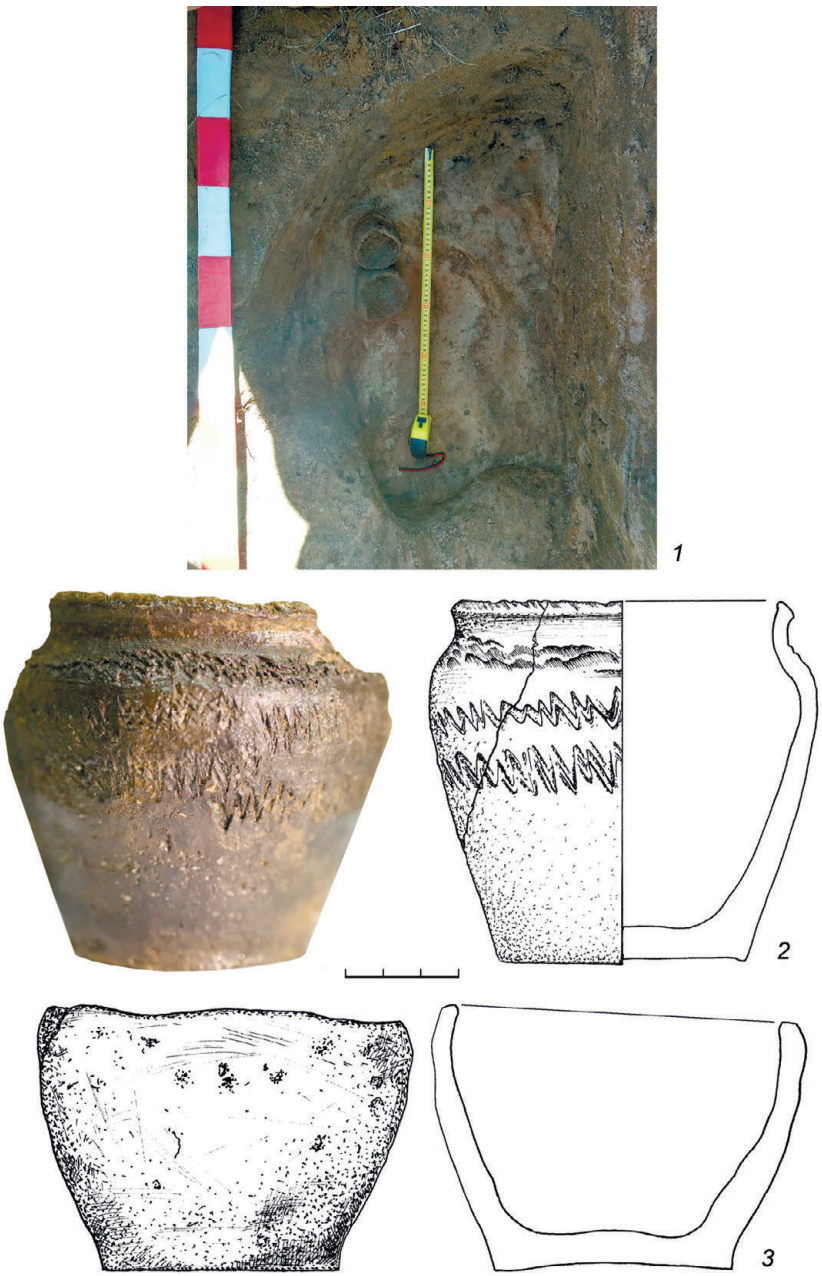


Рис. 4. «Селище». Шурф 3, яма 1, погребение 1.
1 – керамические сосуды *in situ*; *2* – сосуд раннекруговой; *3* – сосуд лепной

Рис. 5. «Селище». Шурф 4, пласт 15–16. Лепная штрихованная керамика

следы антропогенного воздействия (возможно, заброшенный карьер). Визуальных признаков погребальных конструкций не выявлено. В результате полевых археологических работ 2019 г. зафиксированы остатки 6 погребений. Ориентировка погребенных – юго-запад – северо-восток. Раскопками исследовано 3 сильно потревоженных погребения. Отсутствие находок, нарушенность погребений, небольшая площадь исследования не позволяют точно датировать памятник. Близость расположения открытого грунтового могильника и селища ставит вопрос о синхронности исследованных объектов. Возможно, исследованные погребения являются частями одного могильника.

К северо-западу от древнерусского селища на возвышенности в ур. Горка выявлено селище, относящееся к периоду позднего средневековья – нового времени (рис. 1: *5*).

Таким образом, в результате археологических работ 2019 г. к юго-западу от д. Залучье выявлено три новых памятника археологии и уточнены сведения о двух объектах. Вместе они составляют комплекс поселенческих и погребальных памятников археологии. Центральное место в комплексе занимает средневековый город Жижец – крупное городское образование, имеющее укрепленное ядро и обширный посад, площадью 11,5 га. В непосредственной близости от городища находятся разновременные памятники, как синхронные городу, так и предшествующие его возникновению. Дальнейшие археологические исследования позволят уточнить время возникновения летописного города Жижец, а также изучить особенности освоения этой территории до появления городского центра.

Литература

Алексеев Л. В., 2006. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. книгах. Кн. 1. М.: Наука. 289 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин; под ред. С. В. Бахрушина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

Каменецкая Е. В., 2019. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: Книжный дом Университет: Унив. книга. 244 с.

Куза А. В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское изд-во. 256 с.

Кулакова М. И., 2021. Полевые работы псковских археологов в 2019 и 2020 годах // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 36. Материалы 61-го заседания (2021 г.). М.; Псков: ИА РАН. С. 7–30.

Паспорт памятника истории и культуры «д. Залучье. Городище», Псковская область, Куньинский район, в 0,7 км к ЮЮЗ от южной окраины деревни, на мысу оз. Жижицкого (дата составления, составитель: 03.01.1987 г., Г. Н. Пронин) // Комитет по охране объектов культурного наследия Псковской области.

Паспорт памятника истории и культуры «д. Залучье. Селище II», Псковская область, Куньинский район, в 0,25 км к югу от ЮЗ окраины деревни, в ур. «Горка» (дата составления, составитель: 16.01.1987 г., Г. Н. Пронин) // Комитет по охране объектов культурного наследия Псковской области.

Побойнин И., 1902. Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века / Императорское о-во истории и древностей Российских при Московском ун-те. М.: Унив. тип. 376 с.

ПСРЛ. Т. VII – Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб.: Тип. Эдуарда Праца. 1856. 347 с.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 105).

Станкевич Я. В., 1960. Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 327 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; вып. 76).

* * *

Деркач Виктория Александровна, *Псков, ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», e-mail: vikapsk2007@yandex.ru*

ИСТОРИЯ ПСКОВЩИНЫ: ГОРОД, ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Н. В. Лопатин

О Сергее Васильевиче Белецком и его трудах по керамике Псковской земли

Резюме. С. В. Белецкий (1953–2022) широко известен как специалист по истории Пскова и Псковской земли, а также целому ряду проблем русской средневековой культуры. Одним из его любимых направлений исследований была археологическая керамика, благодаря массовости не имеющая конкурентов среди других источников. При подготовке кандидатской диссертации «Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона)» (1979) С. Белецкий изучил огромное количество керамики из раскопок Пскова и других памятников, разработал оригинальную методику и создал новаторское историческое исследование на их основе. Керамика стала важнейшим источником в трудах С. Белецкого по истории Пскова, Изборска и других памятников Псковской земли.

Ключевые слова: Псков, Изборск, керамика, типология, орнамент, стиль

N. V. Lopatin. About Sergey Vasilyevich Beletsky and his Works on Ceramics of Pskov Land

Abstract. S. V. Beletsky (1953–2022) is widely known as an expert on the history of Pskov and Pskov Land, as well as a number of problems of Russian medieval culture. One of his favourite areas of research was archaeological ceramics, which due to its massiveness has no rivals among other sources. When preparing his PhD thesis “Ceramics of the Pskov Land of the second half of the I – early II millennia A.D. as a historical source (cultural stratigraphy of the region)” (1979), S. Beletsky studied a huge amount of ceramics from excavations of Pskov and other monuments, developed an original methodology and created an innovative historical study on their basis. Ceramics became the most important source in S. Beletsky’s works on the history of Pskov, Izborsk and other monuments of Pskov land.

Keywords: Pskov, Izborsk, ceramics, typology, ornament, style

Сергей Васильевич Белецкий (21.VIII.1953–19.II.2022) был яркой личностью и ярким исследователем. К нему привлекали его подчеркнутый демократизм в общении с более молодыми коллегами, студентами-археологами, охотные заинтересованные обсуждения сложных научных вопросов (рис. 1).

Знакомство с Сергеем было запоминающимся явлением в моей археологической юности. Запомнился его спор с Леонидом Давыдовичем Поболем

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.264-271

Рис. 1. Сергей Васильевич Белецкий среди участников Псковского семинара в 2017 г. (вверху) и 2018 г.

в обсуждении моего первого доклада на Псковском семинаре в мае 1984 г. Маститый белорусский археолог критиковал мою попытку обобщения лепной керамики (во многом справедливо) и высказывал свое мнение о том, что молодой археолог должен многие годы упорно работать в поле, прежде чем приступит к обобщениям. В ответ С. В. высказал убеждение, что всякому археологу следует «меньше копать и больше думать». Этот девиз оказался близким моему

мироощущению в науке, и спустя несколько лет мы с А. В. Яковлевым избрали его для оформления нашего экспедиционного флага.

Большой любовью в науке, особенно в первой половине научной жизни Сергея, была керамика, благодаря массовости не имеющая конкурентов среди других источников. В своем хорошем интервью, озаглавленном, кстати, вышеприведенным девизом, он сообщает, что рисовать находки, и в первую очередь керамику, его учил отец, Василий Дмитриевич, а за свою жизнь он перерисовал «с десяток кубометров черепков, может, больше» (*Демина*, 2017). С. В. рисовал керамику быстро и уверенной рукой, обладая и техническими навыками, и художественным даром. В рисунок он вкладывал не только формальную документальность, но также элементы интерпретации артефакта. В некоторых случаях, при работе с коллекциями керамики (особенно лепной) по следам Сергея, мне приходилось замечать неточности его рисунков, обусловленные именно этой особенностью авторского подхода.

1970-е годы – время наиболее активной источниковедческой работы С. Белецкого с керамическими материалами Пскова и Псковской земли из раскопок С. А. Тараканової, Г. П. Гроздилова, В. Д. Белецкого, В. В. Седова. Параллельно происходило осмысление стратиграфии и хронологии памятников. Были обработаны, в числе прочих, коллекции Труворова городища за первые пять сезонов – 1971–1975 – и оформлены в виде чистовых листов «альбома» (рис. 2), переданного автору раскопок, учителю Сергея – Валентину Васильевичу Седову. Эти материалы использовались В. В. Седовым в его трудах об Изборске (*Седов*, 2002; 2007).

Итогом этой большой работы 1970-х гг. стала кандидатская диссертация «Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тысячелетий н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона)» (1979). Была создана хронологическая шкала на основе типологии лепной и круговой керамики, разобраны варианты орнаментации, определена функция выделенных групп, выявлены культурные комплексы, что позволило автору выстроить логичную схему, в которой нашли свое место все памятники и их отдельные культурно-хронологические горизонты.

Все это составило целостную концепцию, которая была изложена в рукописи диссертации, но не опубликована в полной мере. Классификация начиналась с определения описательных терминов (*Белецкий*, 1979. С. 35). Лепная керамика поделена на грубую (10 типов по форме) и парадную (также в целом 10 типов).

Классификация круговой керамики построена довольно оригинально, как и многие другие произведения автора. Главным признаком сосуда избрана форма «венчика» («верхнего среза сосуда» – «деталь, не несущая функциональной нагрузки и потому достаточно консервативная» – *Белецкий*, 1979. С. 35, 40), а другие характеристики верхней части использованы как второстепенные. При некоторой спорности такого подхода он имел свои основания и был применен четко и последовательно, однако в научном дискурсе, по сути дела, не обсуждался.

Система Белецкого в очень кратком и «замаскированном» виде опубликована в совместной статье с Ю. М. Лесманом (*Белецкий, Лесман*, 1982).

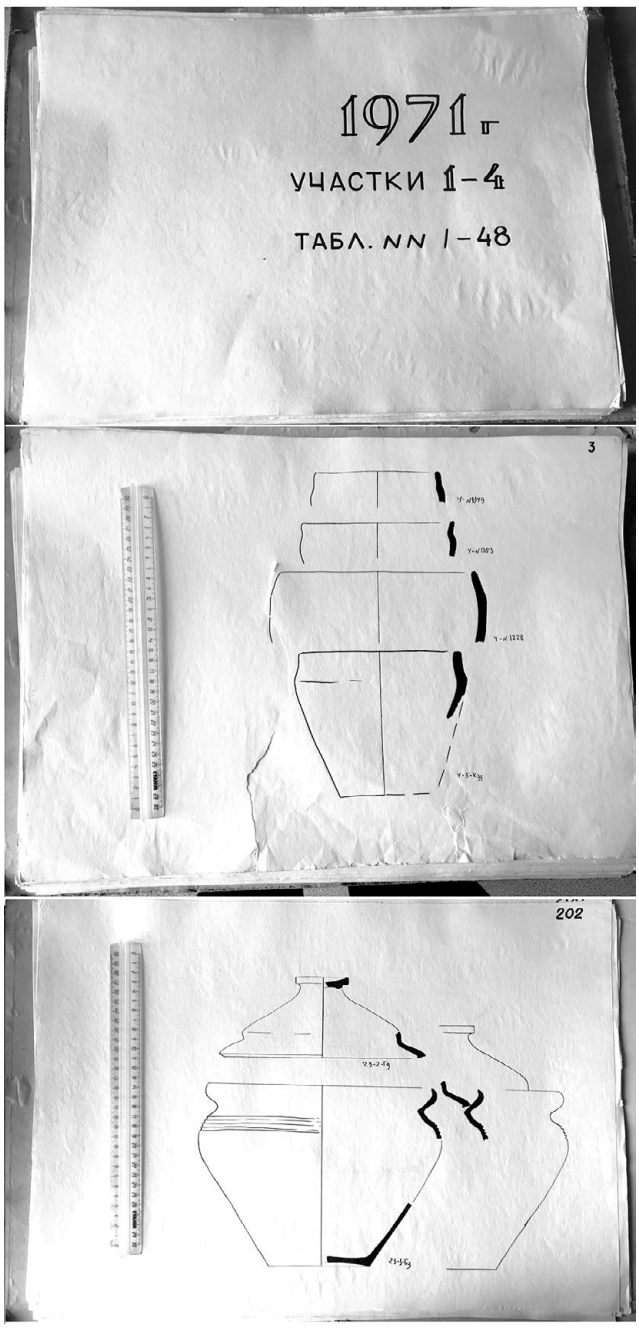


Рис. 2. Чистовые листы Изборского альбома С. В. Белецкого

Этой небольшой статье необходимо уделить особое внимание, поскольку она осталась единственной публикацией, где собственно типология круговой керамики показана детально, и также подробно представлена методика выделения стилистических групп. Поэтому ее следует использовать при сравнении системы Белецкого с другими разработками по Псковской керамике. В статье вариантам формы керамики дана сквозная нумерация (римские цифры) для удобства статистического анализа, но порядок их следования соответствует первоначальной номенклатуре из диссертации, и ее несложно восстановить (рис. 3). Приведена таблица орнаментальных элементов (рис. 3, вверху), корреляция которых с вариантами форм анализировалась с помощью методов математической статистики. Обосновано выделение трех культурно-хронологических групп круговой керамики («стилей») – роскошный (называемый в других публикациях также «богато орнаментированной» керамикой), простой и строгий, в каждой из которых объединились варианты формы (рис. 4). Именно эти группы (стили) в более поздних публикациях применялись автором в качестве основных единиц анализа.

В статье в сборнике «Археологическое изучение Пскова» (*Белецкий*, 1983) опубликованы наиболее важные комплексы керамики из разных раскопов в Пскове, имеющие стратиграфическую и культурно-хронологическую определенность. Обратившись к автору с вопросом, почему в этой публикации не приведены даты комплексов, я получил ответ, что в те годы действовали ограничения на объем статьи, планировалось ее продолжение с развернутым обоснованием датировок, но эта вторая часть не была опубликована. При этом он продиктовал мне хронологические дополнения к подрисуночным подписям.

Ряд публикаций объединен темой культурной стратиграфии Пскова и построения истории города. Первой из них была статья в КСИА (*Белецкий*, 1980). Главной идеей автора стала прерывистость истории города, в которой он наблюдал не менее четырех серьезных миграций извне на протяжении I – начала II тыс., всякий раз изменявших облик материальной культуры Пскова. В этом контексте керамика рассматривалась весьма обобщенно – в виде 6 групп: 1–3 – лепная, 4 – предкруговая и примитивнокруговая, 5, 6 – две большие группы круговой керамики. Вся типология, позволившая прийти к таким общим выводам, осталась за пределами рассмотрения и даже не упоминалась. Сейчас мне представляется, что в интерпретации групп 4 и 5 преувеличено западнославянское (южнобалтийское) влияние, которое вкупе с рассмотрением других сфер культуры приводило автора к выводу о значительной роли мигрантов из этой зоны. Также, вероятно, преувеличивалась дискретность групп 5 и 6 круговой керамики.

Наиболее подробно историческая концепция изложена в монографии «Начало Пскова» (1996) и в нескольких крупных статьях. В монографии развернута оригинальная гипотеза, связавшая в единый узел историю Пскова и Изборска. На мой взгляд, главной ошибочной точкой отсчета в этом построении стало доверие к сведениям Начальной летописи об Изборске, побудившее автора локализовать этот летописный город на территории Пскова, археологическая характеристика которого в большей мере соответствовала этим сведениям. Что

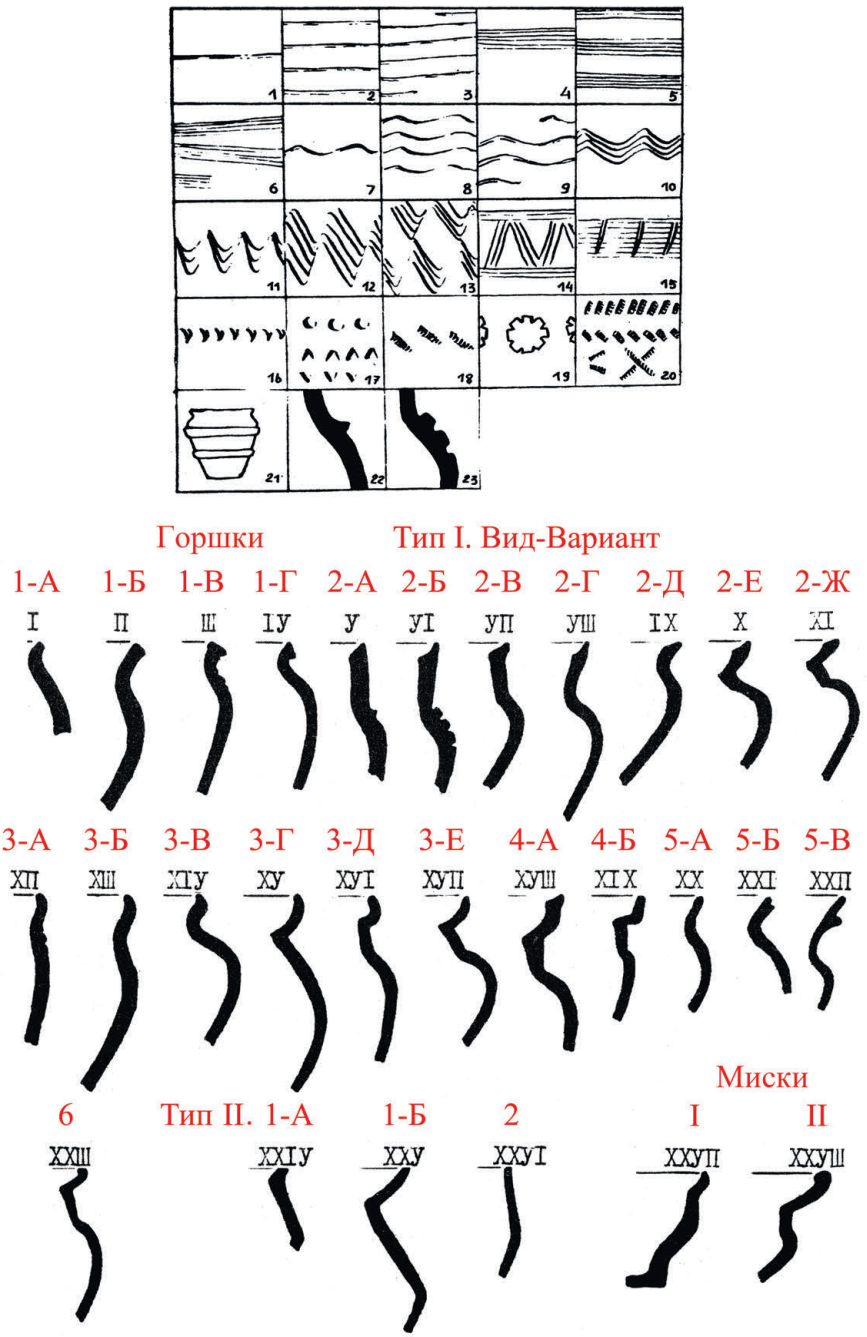


Рис. 3. Орнаментальные элементы и варианты форм круговой керамики (*Белецкий, Лесман*, 1980. С. 136). Красным показана номенклатура тех же вариантов из диссертации (*Белецкий*, 1979. С. 40–45)

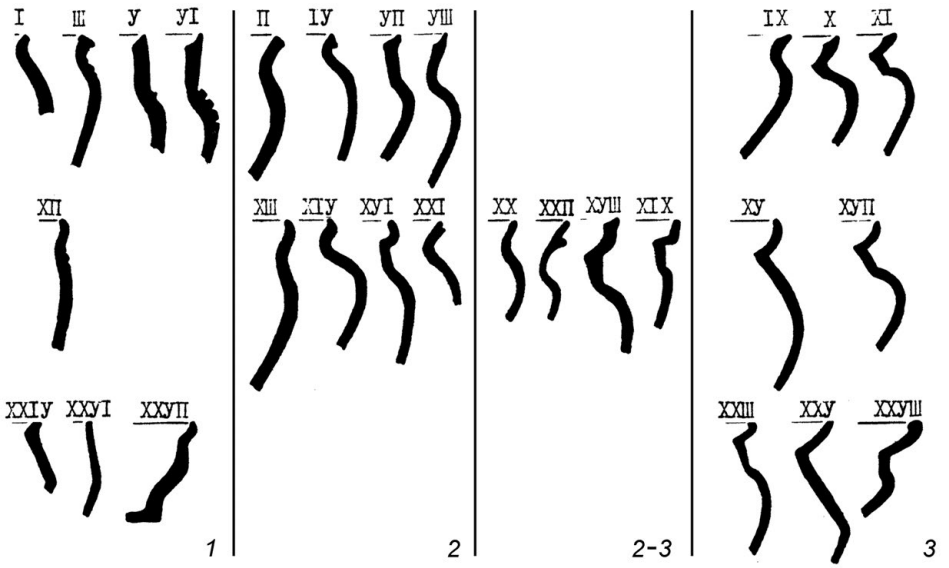


Рис. 4. Стилистические группы керамики, выделенные по корреляции вариантов формы и орнаментов согласно одному из методов, обоснованных в статье (*Белецкий, Лесман*, 1980. С. 137, 140): *1* – роскошный стиль; *2* – простой стиль; *3* – строгий стиль

касается керамики, то в этой книге и статьях автор оперировал уже обобщенными культурными комплексами (лепная разных типов, предкруговая, раннекруговая, круговая богато орнаментированная и др.), не вдаваясь в детали типологии (*Белецкий*, 1996. С. 25–29, 36–40, 56–67; 2011. С. 372, 388, 389).

Керамические материалы послужили основой для выводов С. В. Белецкого о дискретности истории Изборска, которые противоречили концепции В. В. Седова о непрерывном развитии города. Материалы своего изборского керамического альбома С. В. Белецкий практически полностью опубликовал в полемической рецензии «О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова)» (*Белецкий, Лесман*, 2005). Спор между учеником и учителем на эту тему не разрешен однозначно и сегодня, несмотря на большую историографию с участием и других исследователей (подробнее см.: *Лопатин*, 2012; 2013). Замечу, что на фоне заострения со временем своих выводов (от «кратковременного затухания» жизни города в X веке до лакуны протяженностью почти в два столетия) керамический аспект их аргументации С. В. Белецкий оставил с 1979 года практически в неизменном виде.

До последних лет Сергей Васильевич признавался коллегами авторитетнейшим экспертом по керамике Псковщины, но в наиболее известных публикациях его больше увлекало построение исторических концепций, чем углубление в хронологию и другие детали изучения конкретных типов и комплексов керамики. Остается сожалеть, что оригинальное новаторское исследование

С. В. Белецкого по керамике Псковской земли не было своевременно опубликовано в полном объеме, из-за чего его вклад в развитие этой области науки оказался менее весомым, чем мог бы быть.

Литература

Белецкий С. В., 1979. Керамика Псковской земли второй половины I – начала II тыс. н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона): Дис. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2259.

Белецкий С. В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. С. 3–18.

Белецкий С. В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука. С. 46–80.

Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб. 92 с.

Белецкий С. В., 2011. Псков в I – начале II тысячелетия н. э. // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб. С. 361–395.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М., 1982. О стилистических особенностях орнаментики древнерусской круговой керамики (по материалам Пскова) // Естественные науки и археология в изучении древних производств (Материалы совещания 27 марта 1981 г.). М.: Наука. С. 135–148.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М., 2005. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова) // Stratum plus. № 5. 2003–2004. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 515–577.

Демина Н., 2017. Археолог Сергей Белецкий: Надо меньше копать и больше думать [Интервью: Электронный ресурс] // Правмир. URL: https://www.pravmir.ru/arheolog-sergey-beletskiy-nado-menshe-kopat-i-bolshe-dumat/(дата обращения: 23.08.2022)

Лопатин Н. В., 2012. Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., Вологда. С. 122–137.

Лопатин Н. В., 2013. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (2012 г.). М., Псков. С. 186–192.

Седов В. В., 2002. Изборск – протогород. М.: ИА РАН. 96 с.

Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 414 с.

* * *

Лопатин Николай Владимирович, *к. и. н., Москва, Институт археологии РАН, e-mail: n.lopatin@gmail.com*

В. И. Клейменов

«Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора»: забытая страница военной истории Северо-Запада Руси (Каменское побоище 21 августа 1407 г.)

Резюме. Статья посвящена Каменскому побоищу 21 августа 1407 г., известному также как битва на Логозовицком поле. Данное сражение представляет собой знаковое событие военной истории Северо-Запада Руси, которому, однако, практически не уделяется внимание в историографии. В работе проанализирован исторический контекст этого события, дана оценка численности участвовавших в сражении войск, по летописным текстам реконструирован ход самого сражения, а также определено значение Каменского побоища для последующих событий псковско-ливонской войны 1406–1409 гг. В заключение автор приходит к выводу, что в исторической памяти псковичей XV в. Каменское побоище занимало важное место, о чем свидетельствует сопоставление этого сражения в летописном тексте с Раковорской битвой 1268 г., в которой принимал участие князь Довмонт. Несмотря на это, в наши дни и Раковорская битва, и, тем более, Каменское побоище оказались незаслуженно забыты и исключены из современного исторического нарратива, находясь в тени Ледового побоища 1242 г., неразрывно связанного с фигурой князя Александра Ярославича (Невского).

Ключевые слова: военная история, Каменское побоище, Псков, Ливония, историческая память, XV в.

V. I. Kleymenov. “This Battle Was as Harsh as the Battle on the Ice, of Rakovor”: The Forgotten Chapter in the Military History of North-Western Rus’ (The Battle of Kamno, 21 August 1407)

Abstract. The article is devoted to the Battle of Kamno on 21 August 1407, also known as the Battle of Logozovitskoe Field. This battle is considered to be a remarkable event for the military history of North-Western Rus’, to which, however, almost no attention is paid in historiography. Firstly, the context of this event is analysed, and the number of participating troops is also assessed. Then, the course of battle is reconstructed on the basis of chronicles’ narrative, and the consequences of the Battle of Kamno are discussed. Finally, the author concludes that for the Pskov people in the 15th century the Battle of Kamno was a significant event in terms of historical memory as in chronicles it was compared to the Battle of Rakovor (1268), in which participated Prince Dovmont. Despite this fact, nowadays both the Battle of Rakovor and, moreover, the Battle of Kamno are completely excluded from the historical narrative, being in the shadow of the Battle on the Ice (1242), closely connected to the figure of Prince Alexander Yaroslavich (Nevsky).

Keywords: military history, the battle of Kamno, Pskov, Livonia, historical memory, 15th century.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.272-282

Сражение, которому посвящена данная статья, – Каменское побоище 21 августа 1407 г. – представляет собой поистине забытую страницу истории Северо-Запада Руси. Об этом событии, несмотря на его важность как для средневековых псковичей, так и для военной истории Северо-Запада Руси, незаслуженно мало написано в историографии: так, например, оно упоминается лишь эпизодически в монографии Н. А. Казаковой (*Казакова*, 1975. С. 43–44) и в монографии Д. И. Вебера и А. И. Филюшкина (*Вебер*, *Филюшкин*, 2018. С. 91–92). Более подробно это сражение, а вместе с ним и псковско-ливонская война 1406–1409 гг. были рассмотрены в статье С. А. Салмина (*Салмин*, 2019. С. 165–167), однако предложенная в ней реконструкция хода сражения требует некоторых дополнений. Тем не менее несмотря на то, что данному сражению практически не уделяется внимание в научной литературе, его можно считать знаковым как для жителей средневекового Пскова, так и для военной истории Северо-Запада Руси.

В настоящей работе анализируется исторический контекст данного события, дается оценка численности участвовавших в сражении войск, по летописным текстам реконструируется ход самого сражения, а также определяется значение Каменского побоища для последующих событий псковско-ливонской войны 1406–1409 гг. Вынесенный в название данной работы фрагмент летописного текста, взятый из Псковской первой летописи, содержит важное указание на место этой битвы в исторической памяти псковичей XV в., о чем подробнее будет сказано далее.

Предшествующие события: начальный этап псковско-литовско-ливонской войны 1406–1409 гг.

Изучение Каменского побоища следует начать с рассмотрения предыстории конфликта, частью которого является это сражение. В 1398 г. Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) и Тевтонский орден заключили Салинский договор, по которому Псков был признан сферой интересов Ордена, а Новгород – ВКЛ (*Казакова*, 1975. С. 37–38; *Вебер*, *Филюшкин*, 2018. С. 90–91; *Салмин*, 2019. С. 158). Условия этого договора были подтверждены в Рацёнжке и Ковне в 1404 г. (*Полехов*, 2022. С. 39). После взятия Смоленска литовцами в 1404 г. Новгород и Псков оказались под ударом со стороны правителя Литвы Витовта. 5 февраля Витовт вторгся в Псковскую земли и взял псковский пригород Коложе, после чего повернул вспять. Вслед литовским войскам отправилась погоня «*охочих людей*» из Пскова и псковских пригородов. Этот отряд во главе с посадником Юрием Филипповичем Козачковичем совершил рейд на новгородские Великие Луки и Ржеву Пустую, через которые отступали литовцы (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 28; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 31–32). На примере этого конфликта отчетливо видно, что боевые действия на псковско-ливонско-литовском пограничье развивались по принципу маятника: сначала происходил рейд в одну сторону, а затем в обязательном порядке совершался ответный рейд. Новгородцы, в свою очередь, отказали в поддержке псковичам, из-за чего Псков пошел на сближение с Москвой – великий князь московский Василий Дмитриевич «*разверже мир*» с Витовтом (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 32–33). В конце июня псковичи во главе с великокняжеским наместником Даниилом

Александровичем совершили поход на Полоцк и в течение трех дней безуспешно осаждали его (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 28–29; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 32). Уже в августе Ливония вступила в войну на стороне Витовта. Объединенные силы Ордена, Дерптского и Курляндского епископств напали на Псковскую землю и разорили окрестности пригородов Пскова – Изборска, Острова и Котельно (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 29). Еще один ливонский отряд отправился к Велью, но был разбит отрядом вельян (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 113). В октябре псковичи устроили ответный рейд на земли Дерптского епископства и разбили ливонцев в битве под Киремпе (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 29; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 32). 15 марта 1407 г. в Псков в разгар мора прибыл новый московский наместник Константин Дмитриевич. 26 июня псковичи вместе с Константином Дмитриевичем совершили крупный поход за р. Нарву. Всего через месяц после успешного похода за Нарву, 20 июля, князь Константин Дмитриевич уехал из Пскова. Одновременно с этим в Новгород прибыл ставленник Витовта Лугвень (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 30; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33). Новгородско-псковский оборонительный союз, существовавший с переменным успехом на протяжении многих лет, окончательно распался. Как сообщают псковские летописи, оказавшись в таких невыгодных условиях в состоянии войны одновременно с ВКЛ и Орденом, «*... псковичи положиша оупование на Бога, на Святую Троицу и на князя великаго Василия Димитреевича*» (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 30).

Поход Конрада фон Фитингхофа на Псков в августе 1407 г.

Вскоре после отъезда князя Константина Дмитриевича боевые действия входят в активную фазу: Орден начинает полномасштабный поход на Псков. В историографии утвердилось мнение, что ливонцы воспользовались отъездом брата великого князя, начав вторжение именно в тот момент, когда в Пскове не было московского наместника (*Казакова*, 1975. С. 43; *Салмин*, 2019. С. 165). Данное предположение было опровергнуто в статье С. В. Полехова: используя материалы орденской корреспонденции, исследователь указывает на то, что эти два события не были связаны (*Полехов*, 2022. С. 47). Так, еще зимой 1406/1407 г. великому магистру Ордена было известно о предстоящем походе на Псковскую землю, который был запланирован на конец лета 1407 г. К участию в походе также были привлечены рыцари-«гости» из Европы. Кроме того, начало похода было назначено на праздник Девы Марии (Успение) – святой покровительницы Тевтонского ордена. На основании этого С. В. Полехов приходит к выводу, что вторжение планировалось заранее и с учетом погодных условий, благоприятных для ведения боевых действий на территории Псковской земли[1]. Таким образом, учитывая наблюдения С. В. Полехова, мы не можем утверждать, что поход на Псков в августе 1407 г. был приурочен к отъезду князя Константина

[1] Данный тезис также подтверждается исследованиями С. А. Салмина и Е. В. Салминой. В специальной работе, посвященной влиянию природных факторов на ход боевых действий на границах Псковской земли, исследователи подчеркивают, что август был месяцем наиболее частных военных столкновений, и выбор именно этого месяца для крупномасштабного вторжения был довольно обычен в том случае, если война велась на Северо-Западе Руси (*Салмин, Салмина*, 2021. С. 91).

Дмитриевича в Москву – по всей видимости, эти события просто совпали. Однако невозможно отрицать и тот факт, что уход брата великого князя с войском усугубил и без того крайне невыгодное положение псковичей.

На исходе лета ландмайстер Конрад фон Фитингхоф собирает силы Ордена и Курляндского епископства в Вайссенштайне (совр. Пайде). 18 августа 1407 г. фон Фитингхоф во главе объединенного войска вторгается в Псковскую землю: «*Того же лѣта князь местерь, събравъ силы многыя, и Задвиньскую силу Коурскую подъемь прииде от Бѣлого камени в землю Псковскую, месяца августа въ 18 день...*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33). Направляясь к Пскову, ливонское войско останавливается и встает лагерем у бродов через р. Великую в Туховитицах (в 25 км южнее Пскова и в 10 км к югу от Выбутских бродов) (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31). П2Л сообщает, что ливонцы пытались переправиться в Выбутах (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33), однако данное указание, по всей видимости, является ошибкой: Выбутские броды были более традиционным местом для переправы, чем Туховитицы, и летописец мог ретроспективно полагать, что и в 1407 г. ливонцы собирались перейти реку именно там. Ливонское войско не стало делиться на несколько частей, а сразу направилось к Пскову, выбрав нетипичное место для переправы вместо Выбутских бродов (*Салмин*, 2019. С. 166, примеч. 20).

Направление похода указывает на то, что фон Фитингхоф рассчитывал осадить Псков, а не заниматься разорением волости и брать штурмом пригороды. Данный факт противоречит известному тезису А. Селарта о том, что в Ливонии не планировался полномасштабный крестовый поход на Русь (*Selart*, 2015. P. 309, 310). Идея А. Селарта получила неожиданное развитие в работе Д. И. Вебера и А. И. Филюшкина: в ней авторы утверждают, что Ливония, Новгород и Псков никогда не пытались друг друга покорить или завоевать (*Вебер*, *Филюшкин*, 2018. С. 89). Это утверждение уже вызвало резкую критику со стороны С. А. Салмина (*Салмин*, 2019. С. 151 (примеч. 1), 154)[2]. Однако, как уже было отмечено, поход Конрада фон Фитингхофа против Пскова в августе 1407 г. явно не укладывается в данную концепцию: целью похода было именно взятие Пскова, поэтому считать эту кампанию мелким пограничным конфликтом вряд ли стоит.

---

[2] Вместе с тем другие исследователи также подчеркивают, что основным видом боевых действий на псковско-ливонском пограничье являлись пограничные конфликты («малые войны»). Ю. Г. Алексеев выделил особенности этих «малых войн» на примере кампании 1463 г., которую он обозначил как «типичный пограничный конфликт локального масштаба»: боевые действия происходили недалеко от границы и длились всего несколько дней, а борьба за отдельные населенные пункты на территории сопровождалась опустошением окрестностей (*Алексеев*, 2003. С. 188). К схожим выводам приходит и М. Б. Бессуднова: по мнению исследовательницы, «малые войны» длились недолго, затрагивали только узкую приграничную полосу, не приводили к переделу границы и, несмотря на жертвы и разрушения, не причиняли особого вреда Псковской земле и Ливонии (*Бессуднова*, 2015. С. 8; 2019. С. 25). Характерные черты «малых войн» на псковско-ливонском пограничье были выделены еще К. Штерном (*Stern*, 1937. S. 69–79), и именно эту классификацию пограничных конфликтов активно использует в своих работах М. Б. Бессуднова.

В ответ на вторжение ливонского войска псковичи, собрав войско из Пскова и волости, заблокировали броды, которые были защищены оградой – «*заворены ворами*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33). 18–21 августа происходило «стояние» на бродах. В течение четырех дней псковичи удерживали броды, отбивая атаки ливонцев: «*И стояша погании ту 4 дни, и многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша, псковичемъ биющемся с ними...*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33). Не сумев переправиться, ливонские силы были вынуждены отступить – «*и поидоша Нѣмцы прочь не оучинивше ничто же*» (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31).

Численность сторон

Отдельно следует остановиться на оценке численности сил сторон. Со стороны Пскова в противостоянии ливонцам участвовал городовой полк («*псковичи*»), насчитывавший около 450 человек, а вместе с подкреплением в виде контингентов из волости («*сельских людей*») – 700 человек. Более подробно вопросы численности были рассмотрены нами ранее (*Клейменов*, 2021. С. 85–87). Численность собственно городового полка Пскова мы оцениваем в 450 человек на основании известий псковских летописей о походе Витовта на Псковскую землю в 1426 г. (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 36; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 41). Что же касается «*сельских людей*», то они в псковском летописании упоминаются всего один раз, а именно в известии П1Л о Каменском побоище: «*... и оубиша на первом ступѣ Еленьтия посадника, Кортача посадника, Панкратия посадника и инѣх боляръ много и* ***сельских людеи*** *много избиша, а всѣх числомъ яко до* ***седмисотъ головъ****...*» (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31). Из приведенного сообщения П1Л также известна численность объединенных сил Пскова и волости, которая, согласно летописному тексту, составляла примерно 700 человек. На приблизительность данной цифры указывает оборот «*яко до*», однако сама по себе она является довольно точной. В отличие от большинства оценок численности в летописании, которые обычно исчисляются тысячами, эта цифра может считаться весьма близкой к действительности: она соответствует реальной численности сил, которые действовали на псковско-ливонско-литовском пограничье в рассматриваемый период[3]. Поскольку подобных указаний на численность объединенных сил Пскова и волости в псковском летописании больше нет, мы не обладаем другими опорными данными и вынуждены отталкиваться от этой цифры. Здесь следует особо остановиться на том, как может интерпретироваться рассматриваемое летописное сообщение об «избиении» 700 псковичей. На первый взгляд, это известие должно трактоваться как указание на число потерь в псковском войске – около 700 человек (*Казакова*, 1975. С. 43), однако данная интерпретация представляется в корне неверной. В предыдущей статье нами было продемонстрировано, что глагол «*избиша*» указывает на общую численность разгромленного войска

[3] Ср. с численностью псковского войска в битвах под Изборском 1240 г. (600 чел.) и под Котельно 1426 г. (400 чел.), а также с численностью двора служилого князя Александра Чарторыйского в 1461 г. (300 чел.) (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 13, 36, 58). Если размер отрядов, участвовавших в сражениях, в псковском летописании обычно исчисляется сотнями, то потери – десятками (см., например: ПЛ. Вып. I, 1941. С. 11, 18, 32, 36; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 24, 26, 35, 41).

(тем самым сближаясь по значению с современным глаголом «разбили»), тогда как при описании потерь в летописных текстах стабильно используется глагол «*оубиша*» (*Клейменов*, 2021. С. 86). Следовательно, летописное известие П1Л о Каменском побоище может с уверенностью считаться уникальным свидетельством, отражающим численность объединенных сил Пскова и волости. В случае полной мобилизации численность совокупных сил Пскова, волости и пригородов могла составлять 1200–1450 человек[4]. Однако применительно к Каменскому побоищу псковские летописи единогласно свидетельствуют, что мобилизация сил пригородов не была проведена: в П1Л – «*псковичи совокупивше свою власть, опрочь пригородовъ*» (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31), в П2Л – «*псковичи бес пригородовъ поидоша*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33). Полки из пригородов не участвовали в отражении похода Конрада фон Фитингхофа, по предположению С. А. Салмина, из-за угрозы удара ливонцев по южным пригородам – Острову и Велью (*Салмин*, 2019. С. 166). О. В. Комаров также предполагает, что в обороне бродов могли быть задействованы пешие ополченцы – «*молодые люди*» (*Комаров*, 2019. С. 111)[5].

Определить точную численность ливонских сил не представляется возможным из-за нехватки опорных данных в источниках. Однако, если верить псковским сообщениям, ливонские силы были значительны и вполне могли превышать численность псковского войска. Тем более что возможность собрать большое войско у Ордена была: вторжение на Псковскую землю в августе 1407 г. планировалось заранее, о подготовке к нему было известно руководству

---

[4] Данная цифра, полученная с помощью метода экстраполяции, была приведена нами ранее (*Клейменов*, 2021. С. 86), однако дальнейшие исследования позволили нам скорректировать и дополнить некоторые выводы, сделанные в прошлой работе, особенно по вопросу численности. Применение двух других методов («археологического» и «территориально-административного») позволило провести новые расчеты, на основании которых численность городовых полков пригородов Пскова оценивается нами в пределах 430–556 человек, что в сумме с численностью объединенных сил Пскова и волости (700 человек) дает цифру в 1130–1256 человек при полной мобилизации Псковской земли (подробнее см.: *Клейменов*, 2023. С. 70–74).

[5] Предположение О. В. Комарова трудно как подтвердить, так и опровергнуть, поскольку в летописных известиях отсутствуют упоминания об участии «*молодых людей*» в обороне Туховитицких бродов в 1407 г. Представляется, что при отражении атак ливонцев пешие ополченцы могли использовать луки и арбалеты («*самострелы*»), причем о популярности последних в Пскове наглядно свидетельствуют результаты археологических исследований. Согласно подсчетам А. Р. Артемьева, в городских слоях Пскова к 1987 г. было найдено около 200 наконечников стрел и арбалетных болтов, причем последние составляют до 20% от общего числа находок. В Изборске это соотношение вдвое больше: из 130 найденных наконечников 40% – это арбалетные болты. Находки наконечников болтов известны также в других пригородах Пскова – в Вороначе, Велье, Котельно и Гдове, а наконечники стрел обнаружены в Вороначе, Кобыльем городке и Красном (*Артемьев*, 1987. С. 23–24). Современные раскопки на территории Пскова под руководством С. А. Салмина дают схожую картину. Кроме того, упоминания о «*самострелах*» встречаются в письменных источниках: так, например, в статье Псковской третьей летописи за 1408 г. сообщается о том, как вельяне настигли на границе немецкий рейдовый отряд и разбили его, захватив среди прочих трофеев много «*самостреловъ немецкихъ*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 117).

Тевтонского ордена в Пруссии, а в самом походе, помимо ливонцев, участвовали также рыцари-«гости» из Европы (*Полехов*, 2022. С. 47).

Перед битвой

21 августа, после четырехдневного «стояния» на бродах, Конрад фон Фитингхоф с войском отошел к погосту Камно и Лозоговицкому полю (совр. деревня Логозовичи в 6 км к западу от Пскова), которые находятся примерно в 20 км к северо-западу от Туховитиц, и разбил там лагерь. Выбор места, как считает С. А. Салмин, был обусловлен тем, что восточный фланг прикрывает р. Камёнка, по которой должны были прибыть ревельские суда, необходимые для переправы на правый берег р. Великой (*Салмин*, 2019. С. 166).

Псковичи переправились через реку и пошли вслед за отступающими ливонцами, поскольку под угрозой оказался Изборск, псковское Завеличье и, в случае переправы ливонцев через броды в Выбутах, сам Псков. Вечером («*по вечерни*») псковичи настигли ливонское войско, вставшее лагерем «*за Камномъ на Лозоговичьскомъ поли*» (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31).

Ход сражения

Последовавшая за этим битва описана во всех трех памятниках псковского летописания – Псковских 1-й, 2-й и 3-й летописях (П1Л, П2Л и П3Л). Для наглядности поместим летописные повествования в таблицу:

Летописные повествования о Каменском побоище 21 августа 1407 г.

П1Л (Тихановский список) (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31)	**П2Л** (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33–34)	**П3Л (Строевский список)** (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 115–116)
И псковичи оуполчившеся и поидоша за рѣку въ слѣд их, и сугнаша их за Камномъ на Лозоговичьскомъ поли, оже Нѣмцы станы стоятъ в недѣлю по вечернии, на память святыя мученицы Васисы; а они погании бяхуть опольчилися; и оударишася на них псковичи, се бо бысть божие неспособие за оумножение грѣх наших, и показаша псковичи плещи своя и побѣгоша; и оубиша на первом ступѣ Еленьтия посадника, Кортача посадника, Панкратия посадника и инѣх боляръ много и сельских людеи много избиша, а всѣх числомъ яко до седмисотъ головъ, а немецьких князеи и боляръ избиша много, ие толко колко псковичь пало, но и боле, и конеи немецких великих много приведоша во Псковъ. Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора.	*И псковичи идоша въ слѣдъ их и постигоша их за Камном на Логовицкомъ поли; а Немци станы сташа, в неделю о вечернемь годѣ, августа въ 21 день, на память святого апостола Фаддѣя и святыа мученици Вассы. И Немци воскорѣ исполчишяся; и тако псковичи оударишa на них и, много бившеся, одолѣша Немци, а псковичи побѣгоша. И оубиша на сступе Елентиа посадника, и Картача посадника, и Панкрата посадника, и боярь много; и всѣх людеи избиша 700 человекъ, и паде тогда Немець много.*	*...и ополчившеся псковичи поидоше за рѣку вслѣд их, и соугнаше ихъ за Камномъ на Лозоговицкомъ поли, оже Нѣмци станы стоятъ, в неделю по вечернии, на память святыа мученици Вассы; но погании бяхуть ополчилися; и оударишa на нихъ псковичи, се бысть божие непособье за оумножение грѣх ради наших, и показаша плеща свои, и побѣгоша, и оубиша на сступе Панкрата посадника, Леонтиа посадника, Ефрѣма посадника и иных бояръ много, и сельских людеи много, а всех избиша числом 700, а Нѣмець князеи и бояръ много избиша, но толко колко псковичь и конеи великих немецких много приведоша во Псковъ. Сее бысть побоище сильно, яково же бысть Ледовое и оу Раковора.*

Летописные повествования позволяют в общих чертах реконструировать ход Каменского побоища. Тем не менее стоит отметить, что данная реконструкция отчасти является гипотетической, поскольку в ее основе лежат довольно скупые на подробности описания нарративных источников. Сражение началось с того, что псковичи сходу атаковали готовые к бою ливонские войска, занявшие выгодную позицию (*«и оударишася на них псковичи»*). Ливонцы выдержали первый натиск, и между противниками завязалась напряженная схватка, в результате которой псковичи были вынуждены отступить. Гибель трех псковских посадников позволяет предположить, что ливонцы контратаковали центр псковского построения и опрокинули его. Сражение оказалось кровопролитным для обеих сторон – и псковичи, и ливонцы понесли тяжелые потери. Во время первой схватки погибло трое (!) псковских посадников, много «*бояр*» и «*сельских людей*». Потери ливонцев были сопоставимы с псковскими, а по псковским летописям – даже превышали их: «*... а немецьких князеи и боляръ избиша много, ие толко колко псковичь пало, но и боле...*». Несмотря на поражение, псковичам удалось захватить трофеи (*«коней великих немецких»*) и организованно отступить.

Ливонские источники отдельно не сообщают о Каменском побоище, однако сведения о поражении псковичей нашли отражение в Хронике Бальтазара Рюссова. Описывая поход на Псков в августе 1407 г., Бальтазар Рюссов сообщает, что Конрад фон Фитингхоф *«вел ожесточенную войну против русских и предпринял поход в Псковскую область, где имел сражение с русскими при водах Модды (Великая), убил из них 7000 человек и отбросил множество их в воду, так что они должны были потонуть»* (*Рюссов*, 1879. С. 262)[6]. Помимо завышенных в разы псковских потерь[7], которые упоминает Рюссов, стоит также отметить, что в Хронике, очевидно, смешались два события – «стояние» на бродах в Туховитицах и победа ливонцев в Каменском побоище. Отказ от преследования псковичей и возвращение немецкого войска в Ливонию Рюссов тенденциозно объясняет тем, что Конрад фон Фитингхоф *«должен был воротиться ради пруссаков, на которых сильно нападали Ягелло, король польский, и Витольд, великий князь литовский, чтобы подать помощь и освобождение пруссакам»*, хотя в действительности боевые действия между Тевтонским орденом и Польшей-ВКЛ из-за Жемайтии начались позже (*Казакова*, 1975. С. 44).

Последствия и значение битвы

Что касается последствий Каменского побоища и его значения для дальнейшего хода конфликта, то из-за тяжелых потерь в ходе этого сражения, а отнюдь не из-за войны за Жемайтию, как сообщает Хроника Рюссова, Конрад фон Фитингхоф был вынужден прекратить поход на Псков и отойти

---

[6] Данный фрагмент приводится в переводе Е. В. Чешихина. См. также оригинальный текст Хроники, написанный на средненижненемецком языке (Scriptores rerum Livonicarum. Bd. 2, 1853. S. 28–29).

[7] О больших псковских потерях также сообщает и орденский хронист (Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3, 1866. S. 286). На это известие обратил внимание С. В. Полехов (*Полехов*, 2022. С. 48, примеч. 34).

в Ливонию. Одновременно с Каменским побоищем у входа в Теплое озеро (в районе Осатни) произошло столкновение судовой рати псковских «*охочих людей*», двигавшейся к р. Нарве и достигшей Узмени, с немецкой флотилией, прихода которой, вероятно, ожидал фон Фитингхоф. Встретив превосходящие силы противника, псковичи бросили свои суда – «*насады*», «*оускуи*», «*лодьи*» и «*прочии посоуди*» – и вернулись в Псков пешими (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 34). Псков понес настолько серьезные потери в Каменском побоище, что ответный поход в Ливонию так и не был предпринят, «маятник» не качнулся в обратную сторону, и стратегическая инициатива полностью перешла к ливонцам и литовцам: в феврале 1408 г. они осаждают Велье, совершают рейд на Вороначскую волость и разоряют Залесье (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 34), в мае 1408 г. происходит нападение на Велейскую волость (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 32; ПЛ. Вып. II, 1955. С. 35), а в феврале 1409 г. – поход на Запсковье (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 32). Во время последнего ливонцев атаковал псковский отряд «*охочих людей*», во главе которого был воевода Арист Картачевич – вероятно, сын убитого в Каменском побоище посадника Ефрема Картача[8]. По предположению С. А. Салмина, действия «*охочих людей*» были мотивированы желанием отомстить ливонцам за погибших в Каменском побоище (*Салмин*, 2019. С. 169).

В целом же для военной истории Северо-Запада Каменское побоище является самым крупным полевым сражением в рассматриваемый период, в котором принимали участие, с одной стороны, силы Пскова с волостью, а с другой – войска Ордена и Курляндского епископства. Полевые сражения для данного региона оставались большой редкостью, поскольку доминировавшей формой ведения боевых действий были рейды, сопровождавшиеся небольшими столкновениями, и осады, которые обычно длились 3–4 дня, тогда как крупных сражений обе стороны старались избегать (*Алексеев*, 2003. С. 188; *Комаров*, 2019. С. 113–116, 123–126; *Салмин*, 2019. С. 176). Однако поражение псковичей в Каменском побоище, как мы видим, не привело к завершению боевых действий и заключению мира на условиях Ордена – псковско-ливонский конфликт продолжался вплоть до 1409 г. Такое развитие событий крайне характерно для войн эпохи позднего Средневековья: победа одной из сторон в «генеральном сражении» далеко не всегда определяла исход войны. Фактически единственным последствием Каменского побоища был переход стратегической инициативы к противникам Пскова – Ливонии и ВКЛ. И хотя данное сражение действительно серьезно ослабило военный потенциал Пскова, оно надолго запомнилось псковичам.

---

[8] В списке семей псковских посадников, который приводит А. А. Вовин, в качестве сына Ефрема Кортача указан староста святой Троицы Арист Картачев, якобы убитый в 1407 г. (*Вовин*, 2019. С. 176). При этом в летописании Арист Картачевич фигурирует исключительно как воевода «охочих людей» в феврале 1409 г. Исследователь допустил ошибку, вероятно, перепутав воеводу Ариста Картачевича с его тезкой – троицким старостой Аристом Павловичем, погибшим в сражении под Киремпе в октябре 1406 г. (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 26, 29).

Каменское побоище в исторической памяти

В заключение следует также упомянуть о месте Каменского побоища в исторической памяти. В сообщении П1Л содержится очень яркое указание на значение Каменского побоища для псковичей: «*Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора*» (ПЛ. Вып. I, 1941. С. 31). В летописном тексте Каменское побоище по своим масштабам сравнивается с Раковорской битвой 1268 г., которая называется «*Ледовым побоищем*» (sic!). В П2Л такое сравнение отсутствует вовсе, а в П3Л эти два сражения явно разделяются: «*See бысть побоище сильно, яково же бысть Ледовое и оу Раковора*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 115–116). Раковорская битва, названная в известии П1Л «*Ледовым побоищем*», имела большое значение для псковичей, т. к. в ней участвовал князь Довмонт (Тимофей) – для истории Пскова личность, безусловно, легендарная. Его культ как святого покровителя города к XV в. уже сформировался и был распространен в Пскове. Сопоставление Каменского побоища с Раковорской битвой в летописном рассказе свидетельствует о том, что для Пскова в начале XV в. это событие было пусть и трагическим, но знаковым. Об этом же свидетельствует и упоминание Каменского побоища в приписке на полях Пролога рубежа XV–XVI вв. (РНБ, Погод. 602)[9], которая восходит к тексту поминальной записи, составленной вскоре после сражения. Спустя почти столетие погибших в Каменском побоище продолжали поминать, и эта традиция, вероятно, сохранялась в Пскове вплоть до утраты им самостоятельности в 1510 г. На важность этого сражения для псковичей указывает и тот факт, что известие о нем в Синодальном списке П2Л снабжено соответствующим заголовком – «*О Каменском побоищи*» (ПЛ. Вып. II, 1955. С. 33). В наши дни, напротив, и Раковорская битва, и тем более Каменское побоище по большей части исключены из исторического нарратива, находясь в тени Ледового побоища 1242 г., неразрывно связанного с фигурой князя Александра Ярославича (Невского).

Литература

Алексеев Ю. Г., 2003. Кампания 1463 г. на псковско-ливонском рубеже // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М.: Московский гос. ун-т печати. С. 179–188.

Артемьев А. Р., 1987. Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII – начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. науч.-практ. предстоящей конф. Псков. С. 23–24.

Бессуднова М. Б., 2015. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М.: Квадрига. 488 с.

[9] *«В лето 6916 месяца августа 21 на память святыа мучиници Васисы и чад ея. Бысть немцы с великою силою у брода и псковичи их не пустиша чрес реку Великую. И побегоша прочь. А псковичи погнашася после их до Камна. И бысть им на Камне сечя зла, псковичем с немцы. И паде пскович 7 сот и немец паде много велми»* (Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 2, 1992. С. 205). Благодарю С. В. Городилина, обратившего мое внимание на этот источник.

Бессуднова М. Б., 2019. «Обидные места» псковско-ливонского порубежья // Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3. С. 11–31.

Вебер Д. И., Филюшкин А. И., 2018. «От ордена осталось только имя...». Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб.: Наука. 247 с.

Вовин А. А., 2019. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 398 с.

Казакова Н. А., 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV – начало XVI в. Л.: Наука. 359 с.

Клейменов В. И., 2021. Организация городовых полков Новгорода и Пскова в XIV – 1-й пол. XV в. // Novogardia. № 3. С. 60–97.

Клейменов В. И., 2023. К вопросу о военной организации Псковской земли в XIV – первой половины XV в.: контингенты из волости и городовые полки пригородов Пскова // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 1 (21). С. 61–75.

Комаров О. В., 2019. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным // Novogardia. № 2. С. 106–130.

ПЛ. Вып. I – Псковские летописи. Вып. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 208 с.

ПЛ. Вып. II – Псковские летописи. Вып. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 363 с.

Полехов С. В., 2022. Псков во внешней политике великого князя литовского Витовта в первом десятилетии XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (90). С. 39–60.

Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог. Вып. 2. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1992. 304 с.

Рюссов Б., 1879. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига. С. 157–404.

Салмин С. А., 2019. Межгосударственные конфликты с участием Господина Пскова в начальный период контактов с Ганзой (кон. XIV – нач. XV в.): причины, ход, особенности // Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3. С. 149–178.

Салмин С. А., Салмина Е. В., 2021. «... Отложить поход до зимы»: влияние природных факторов на военные действия XIV–XV вв. на псковских границах // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 5. Закон природы и прихоти средневековья. С. 85–98.

Scriptores rerum Livonicarum. Bd. 2. Riga; Leipzig, 1853. 830 S.

Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3. Leipzig, 1866. 736 S.

Selart A., 2015. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston: Brill. 385 p.

Stern K., 1937. Der Kleinkrieg um die Ostgrenze im 15. Jahrhundert // Baltische Monatsschrift. S. 69–79.

* * *

Клейменов Виталий Игоревич, *студент 5-го курса ОП бакалавриата История, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), e-mail: vikleymenov@edu.hse.ru*

С. А. Салмин

Кто спас «богоспасаемый Псков»? Соперничество псковского клира и Псково-Печерского монастыря

Резюме. Ограниченный круг источников, освещающих с русской стороны события, связанные с осадой Пскова королем Стефаном Баторием (1581–1582 гг.), заставляет особое внимание уделять информации двух нарративных текстов, созданных в Псковской земле. Это «Повесть о прихожении короля Стефана Батория на град Псков» и «Повесть о Псково-Печерском монастыре». Выявленные разночтения позволяют высказать предположение, что причиной их появления послужила разница интересов псковского городского клира и Печерского монашества, претендующих на главенствующее положение в псковской религиозной жизни XVI в.

Ключевые слова: Псков, Псково-Печерский монастырь, церковные корпорации, осада Пскова (1581–1582 гг.), Стефан Баторий.

S. A. Salmin. Who Saved the "God-saved Pskov"? Rivalry between the Pskov Clergy and the Pskov-Pechersky Monastery

Abstract. A limited range of sources covering the events related to the siege of Pskov by King Stefan Batory (1581–1582) from the Russian side makes the researchers pay special attention to the information of two narrative texts created in the Pskov land. These are "The Story of the Coming of King Stefan Batory to the city of Pskov" and "The Story of the Pskov-Pechersky Monastery". The revealed discrepancies allow us to suggest that the reason for their appearance was the difference in the interests of the Pskov city clergy and the Pechersky monachs, claiming a dominant position in the Pskov religious life of the 16th century.

Keywords: Pskov, Pskov-Pechersky Monastery, church corporations, the siege of Pskov (1581–1582), Stefan Batory.

«...Многа же и ина преславная и чюдная знамения мнози видѣша благоговѣйнии псковстии мужие Пречистою Богородицею бывшая во граде Пскове. Инии же видяху нѣкоего воеводу, саномъ нарочита, по стенѣ града всего на конѣ ездяща днем и нощию и строяща людемъ граду ополчение, и не знаху его...» (Повесть о Псково-Печерском монастыре).

События «Стефанова прихожения» являются одним из самых ярких и популярных эпизодов псковской военной истории, и поэтому на протяжении столетий им уделяется значительное внимание как в российской, так

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.283-292

и в зарубежной историографии. Нельзя не отметить, что это событие изучается в значительной мере по материалам дневниковых записей участников с польско-литовской стороны конфликта. Поскольку псковское летописание практически не отразило этого события[1], основными источниками с русской стороны остаются два художественных произведения: «Повѣсть о прихожении литовского короля Стефана...»[2] (далее – ПКС) и «Повѣсть списана о печерьском монастырѣ..»[3] (далее – ППМ). По мнению исследователей, первая из указанных повестей (ПКС) «послужила источником для описания событий 1581 г. в летописях и в «Повести о Псково-Печерском монастыре» (*Охотникова*, 2005. С. 819).

Особенностью этих произведений является то, что оба они имеют несомненные панегирические черты. В ПКС они концентрируются вокруг личности И. П. Шуйского (второго псковского воеводы), а в ППМ – вокруг образа печерского игумена Корнилия.

Второй важной особенностью этих текстов является подробное описание «незримой брани», которую «святые защитники Пскова» вели против польско-литовской армии. Не менее важной особенностью, на которую до сих пор обращали мало внимания, является конкурентность информации этих «Повестей». Наиболее показательным является отсутствие в начальной редакции ПКС сюжета, ставшего своеобразной визитной карточкой представлений о событиях 1581 г., – т. н. «видения старца Дорофея»[4].

Начальный текст ПКС ничего не знает о «Видении Дорофея» и, несмотря на упоминание Богородицы в качестве защитницы Пскова, она, как и «пресвятая Троица», не называется непосредственной участницей событий.

При известии о прихожении Батория царь «Богу, рече, и Богородицы и святым великим чюдотворцем град сей Псков в руцѣ предаю, ноипаче сроднику своему, благовѣрному князю Гаврилу-Всеволоду, еже сам изволи в том богоспасаемом граде Пскове в соборной церкви Живоначальныя Троицы честным его мощем положеным быти» (ПКС. С. 490). Св. Гавриил-Всеволод оказывается выделенным из числа всех святых чудотворцев и поименован третьим в ряду небесных защитников Пскова.

---

[1] Исключение составляет «Окончание к списку Оболенского» (ПСРЛ, 2003. С. 114–115), но этот текст позволяет предполагать его вторичное происхождение относительно «ПКС».

[2] «Повѣсть о прихожении Литовского короля Стефана великим и гордым воинством на великий и славный богоспасаемый град Псковъ; откуды и како и коим образом попусти его Богъ на Рускую землю грѣх ради наших, и како великою милостию пребезначальныя Троицы к нам грѣшным християном ото града Пскова со студом многим и великимъ срамом отиде» (ПКС. С. 535–607).

[3] «Повъсть списана о Печерьском монастырь, иже во Псковской земли, и о Марцѣ, первомъ старцѣ Печерномъ, в ней же явлено вкратцѣ и о чюдесѣх от иконы Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и о избавлении града Пскова и обители Печерския от пленения в нашествие безбожнаго короля Литовскаго Стефана». (ППМ. С. 476–534).

[4] Несмотря на это, зачастую «видение Дорофея» связывается именно с «Повестью о прихожении..» (см., например: *Мусин*, 2010. С. 196).

В дальнейшем именно его помощи уделяется особенное внимание. Мощи Всеволода, а не Печерская чудотворная икона, возглавляют крестный ход; мощи Всеволода останавливают наступление врага «в проломе» («печерский игумен Тихон со всѣм освещенным собором, с честными кресты, и с чюдотворными образы, и со святыми мощьми благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода на то мѣсто приходят, в Угол, во храм Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Покрова»)[5]. Именно «приимша в душу свою» Всеволода (а также Довмонта и Микулу) псковичи контратакуют литовскую силу. При описании ликования от победы «у пролома» первый псковский князь выделен особо, псковичи прославляют «более всего – великого светильника, настоящего и истинного заступника славного именитого града Пскова, благоверного великого князя Гавриила-Всеволода». Во время крестных ходов к Покровскому Углу (ставших в период осады регулярными) также подчеркивается первенствующее значение мощей Гавриила-Всеволода[6]. С личностью Гавриила-Всеволода связано и чудо, совершенное иконой св. Дмитрия Солунского «корсунского греческого письма» (ПКС. С. 591)[7]. Согласно житийной традиции, тело Гавриила-Всеволода изначально было помещено в Дмитриевском храме (Житие... С. 28–29, 38–39). Особенное значение имеет связь этой иконы с событиями Ледового побоища, отмеченная источником, что свидетельствует о традиции длительного (и явно «домосковского») почитания этого чудотворного образа.

В дальнейшем роль св. Гавриила-Всеволода подчеркивается и в «слове на победу», где упоминается родство псковского чудотворца с княгиней Ольгой:

---

[5] Упоминание иконы Успения Пресвятой Богородицы, принесенной к пролому вместе с мощами св. кн. Гавриила-Всеволода, появляется только в одном месте: «посылают в соборную церковь Живоначалныя Троицы по большое и надежное избавление, по святыя и чюдотворныя иконы и **чюдотворныя мощи благовѣрнаго великого князя Гаврила-Всеволода,** чюдотворца и избавителя псковского от враг, и повелевают принести близ проломного мѣста от литвы. Якоже чюдотворную святую икону **Пречистую Богородицу из Володимера** въ царьствующей град Москву нахожения ради Темиря-Аксака царя, здѣ же в богоспасаемом граде Пскове нахожения ради полского короля. Тамо, яко именитого Колтыри, здѣ же проименитого Оботуры; тамо же по Владимерскую икону, **зде же по Печерскую икону**» (ПКС. С. 576). Примечательно, что содержание указанного отрывка практически дублирует первое описание событий в ПКС и может быть объяснено результатом позднейшей вставки. Прямое указание на симметричность почитания Владимирской и Печерской чудотворных икон преследует цель подчеркнуть «московскую традицию» Успенского культа.

[6] «Такоже и освященный собор о сицевых настоящих бедах безпрестанно Бога молящи день и нощь о избавлении града Пскова; такоже по трижды на недели на пролом со кресты, и со святыми чюдотворными иконами, и с чюдотворными мощми благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода» (ПКС. С. 590).

[7] Образ был принесен из Троицкого собора и, следовательно, заслуга в отражении «литовского замышления» также принадлежала троицкому клиру (ПКС. С. 590). Особо подчеркнутое «корсунское» происхождение иконы (как и наименование в летописях «корсунским» псковского вечевого колокола) (ПСРЛ, 2000. С. 226), вероятно, призвано подчеркнуть древность и святость предметов, связанных с первым, еще докиевским, этапом крещения Руси.

«Пребожественныя Троица, три солночныя зари, боговидѣнием зрѣти сподобишася, и началницы основания богохранимаго того града Пскова, и начальницы во Христа истинныя вѣры всеа Руския земли, благовѣрным царем и великим князем благому корени, благовѣрныя и христолюбивыя великия княгини Олги, нареченныя во святом крещении Елены; и святого правнука ея, благовѣрнаго князя Гаврила-Всеволода». Таким образом, Богородица в версии ПКС действует, как и Живоначальная Троица, без своего зримого присутствия – в отличие от Гавриила-Всеволода, «во плоти» пребывающего на поле боя.

Версия ППМ, ставшая к настоящему времени канонической, во главу «небесной защиты» Пскова ставит покровительство Богородицы («Видение Дорофея»), причем окружение Богородицы подчеркивает ее тождество с Богородицей чудотворной иконы «Успения» из Псково-Печерского монастыря. Выражается это в первую очередь в том, что в Пскове Богородица появляется в сопровождении святого Антония Печерского и преподобного Корнилия, который следует одесную – более почетную сторону – от Богородицы.

Традиционные псковские чудотворцы играют в событии скорее служебную роль, и впрямую «обвиняются» в недостаточной заботе о душах псковичей, которые «осодомили град сей скверными своими делами». Особенного порицания удостаивается св. архиепископ Нифонт. Гнев Богородицы укрощают игумен Корнилий и Микула-юродивый (Никола Салос) (ППМ. С. 490).

Представляется значимым принцип формирования списка псковских святых, присутствующих в Видении Дорофея. Первым (и единственным, подвергшимся персональному порицанию[8]) называется св. Нифонт Новгородский, «строитель Мирожа», и только потом – «избранники Божии, что лежат в церкви Святой Троицы», «благоверные великие князья Владимир Киевский, Всеволод и Довмонт Псковские и чуть сзади них, примерно в полусажени, блаженный Никола, что был юродивым в Пскове[9]». Таким образом, новгородский архиепископ, связанный с монастырским устроением, оказывается впереди не только традиционных псковских заступников, но и самого равноапостольного св. князя Владимира. После упреков в адрес псковичей со стороны Богородицы к ней обращаются с молением отнюдь не традиционные псковские заступники святые Гавриил и Тимофей[10], а «игуменъ Корнилий и Микула уродивый» – новые для Пскова и на этот момент даже не канонизированные святые «московского периода»[11].

---

[8] « „Где Мирожский строитель Нифонт, епископ Новгородский?" И сей же час встал перед нею епископ Нифонт и, поклонившись, сказал так: „Госпожа Пресвятая Владычица, в моем монастыре в этом году не было Литургии". Она же ответила: „Сыну моему и Богу так угодно"» (ППМ. С. 490).

[9] Любопытно, что «блаженный Никола» не воспринимается автором ППМ как общеизвестный персонаж и нуждается в развернутой характеристике.

[10] Выведенные только под своими мирскими именами, что противоречит псковской традиции, отраженной в летописях и «Большой челобитной» (1650 г.), и находится в противоречии с дальнейшими упоминаниями св. князей в тексте ППМ.

[11] Внезапное включение в число спутников Богородицы неканонизированных персонажей свидетельствует о назревшей необходимости создания для Псково-Печерского монастыря своего, отдельного от Пскова собора «ярких» святых. Если бы Богородицу

При следующем перечислении псковских чудотворцев порядок более традиционный[12], что, возможно, говорит о полученном ими (по заступничеству Корнилия и Николы?) прощении. Подчеркивается приоритет чудотворной иконы «Успения Богородицы» в момент совершения крестного хода[13].

Для сравнения: в ПКС печерская святыня только в одном эпизоде выделена как особая сила, хотя подразумевается, что она присутствует в общем числе регулярно упоминаемых «чюдотворных икон». Даже в том случае, когда «печерская икона» упоминается особо, она уступает первенство мощам Гавриила-Всеволода. Несмотря на то, что Василием-изографом указывается приверженность Ивана IV к Псково-Печерскому монастырю (отраженная и в летописных свидетельствах[14]), центральными элементами повествования являются Троицкий собор и св. кн. Гавриил-Всеволод[15]. На этом фоне почитание Печерских святынь, автором не отрицаемое, играет второстепенную роль в спасении города и не сопровождается чудотворением (в частности, Василий-изограф не знает или не считает нужным упомянуть «видение Дорофея).

Сравнение текстов позволяет выделить противоречия в источниках, связанные не столько с фактической стороной, которая остается за пределами данного исследования, сколько с ее агиографической подачей и оценкой.

В целом выглядит вероятным, что текст ПКС отражает начальную версию повествования о божественном вмешательстве в оборону Пскова[16]. При всем уважительном отношении к Печерской обители, Василий-изограф подчеркивает

сопровождали традиционно почитаемые псковские святые, связать «видение Дорофея» с Псково-Печерской обителью стало бы практически невозможно. С необходимостью введения в число псковских святых представителя печерского монашества связан и момент фактической узурпации статуса «устроителя» обители игуменом Корнилием, оттеснившим на задний план своих предшественников (ему же атрибутируется и создание первой редакции ППМ) (*Охотникова,* 1989. С. 269).

[12] «Святаго Владимира, крестившаго Рускую землю святым крещениемъ, и чюдотворнаго Гавриила-Всеволода, и храбраго князя Тимофея-Доманта; и на преподобныхъ отецъ молитву – Антония, и Нифонта епископа, и Корнилия Печерскихъ; и Никулу Псковскаго» (ППМ. С. 490).

[13] «Во градѣ же тогда священный соборъ и весь синьглит носяще той Пречистыя Успения чюдотворный образъ и прочихъ святых, молебная совершающе беспрестани» (ППМ. С. 492).

[14] «И был в Новѣгороде одну ночь, начовал в неделю, на другую ночь на Вороночи был у пречистеи богородицы на Синичьи горы, а третию нощь был у пречистые богородицы в Печерахъ (ПСРЛ, 2003. С. 116).

[15] Начиная войну с Ливонией, Иван IV посещает в первую очередь Троицкий собор, где молится Живоначальной Троице, Пресвятой деве и «сроднику своему, благоверному великому князю Гавриилу-Всеволоду, псковскому великому чудотворцу» (ПКС. С. 536). Затем следует посещение Печерского монастыря и поход в Ливонию. Возвращаясь, царь снова посещает монастырь и собор. Изменение порядка поклонения проистекает из маршрута.

[16] Василий завершил свою работу не позднее 1586 г., поскольку в противном случае следовало бы ожидать в тексте упоминаний пострижения и смерти И. П. Шуйского – главного героя Повести.

приоритет старых псковских святынь в защите города[17]. В отличие от Василия, автор ППМ вынужден был «встраивать» свою версию происходившего в уже существующую традицию при том, что вмешательство Богородицы в ход военных действий уже предполагалось, но оставалось локальным сюжетом.

Как представляется, основой для сложения этого сказания могло выступить явление, зафиксированное польским источником: «видны на небе какие-то знаки, как бы столбы, которые представляют подобие двух конных войск; еще какие-то подобия крестов» (Осада..., 2005. С. 324). Как место локализации видения Дорофея (Покровский, т. е. Богородицын, угол), так и дата основного приступа (Рождество Богородицы) не могли не вызвать ассоциаций с коренными псковскими монастырями – Покровским в Углу и Рождества Богородицы на Снятной горе. Вероятно, редакция ППМ взяла за основу уже существовавшую версию, изначально связанную с Покровским монастырем (ее реликты мы наблюдаем в принадлежности «старца Дорофея» к числу насельников Покровской обители и в том, что на городскую стену Богородица выходит из Покровской церкви[18]).

Отметим также, что ППМ сохранила следы традиции, согласно которой особую роль в обороне Пскова сыграл св. кн. Гавриил-Всеволод. Согласно тексту ППМ, в обороне города важную роль сыграл некий святой заступник, которого описывали как «воеводу, саномъ нарочита, по стенѣ града всего на конѣ ездяща[19] днем и нощию и строяща людемъ граду ополчение, и не знаху его» (ППМ. С. 494). Упоминается св. кн. Гавриил-Всеволод и при описании учреждения в 1602 г. регулярного благодарственного крестного хода из Печер в Псков (ППМ. С. 512–515)[20].

Мы с достаточной степенью уверенности можем утверждать, что в первоначальной традиции, отраженной в ПКС, основным заступником и непосредственным хранителем Пскова выступал св. кн. Гавриил-Всеволод. Параллельно с этим существовал сюжет, посвященный заступничеству Богородицы, связанный первоначально с Покровским-в-Углу монастырем. Акцент «упования» на традиционные городские святыни, отчетливо выраженный в ПКС, связан

[17] Объяснением меньшему «участию в событиях» св. Тимофея-Довмонта служит, скорее всего, его литовское происхождение и вытекающее отсюда отсутствие связей между святым и династией Рюриковичей. Напротив, в тексте ПКС несколько раз подчеркивается, что Гавриил-Всеволод является «сродником» Ивану IV и св. Ольге-Елене, входя, таким образом, в число небесных покровителей династии.

[18] «И вшедша чрез градную стѣну въ церковь Покрова Святѣй Богородицы, и потом изыде из церкви со онѣмъ свѣтомъ, и взыде на стѣну града» (ППМ. С. 490).

[19] Вспомним позднюю традицию изображать святых Гавриила и Тимофея Псковских в виде вооруженных всадников.

[20] Согласно ППМ, польский король вез с собой Благовещенскую икону, «доставленую из Иерусалима». Эту икону королевский военачальник сулил принести в дар Псково-Печерским монахам, если они прекратят сопротивление, однако изначально, вероятно, предполагалось помещение ее в Троицком соборе или в Благовещенской церкви на Крому (ППМ. С. 503) – вспомним, что Благовещение является основным праздником, ассоциируемым с именем арх. Гавриила.

в первую очередь с тем, что Василий-изограф являлся выразителем позиции троицкого клира, тесно связанного с почитанием св. кн. Гавриила-Всеволода.

В противовес уже существующей традиции, печерскими иноками была выработана концепция приоритетного места, отводимого Богоматери Печерской в отражении иноземного воинства. Сюжет был развит на основе уже существовавших представлений о вмешательстве Богородицы в события в «Печерском углу», являвшихся внутренней легендой Покровского-в-Углу монастыря. Не исключено также, что на особую связь с чудом претендовали монахи Снетогорского монастыря Рождества Богородицы (чему могла способствовать дата основной победы псковичей над «Обатуром»). Сказание о явлении Богородицы в редакции ППМ возникает сравнительно поздно, но достаточно быстро (к началу XVII в.) обретает популярность.

Претензия Псково-Печерского монастыря на ведущую роль в духовной защите города представляется крайне важным свидетельством подспудной борьбы сравнительно молодой обители и Троицкого (и в целом псковского) клира за духовное первенство в регионе.

С самого момента «псковского взятия» фиксируются признаки предвзятого отношения псковских летописцев к пограничной обители, оказавшейся под особым покровительством московских властей. Если до 1519 г. Печерский монастырь представлял собой «убогое мѣсто, незнаемо никим же», и для указания его местоположения существовала необходимость привязки к другим объектам, «под немецким рубежом 40 верстъ ото Пскова, а десять верстъ за Изборском, в Таилове погосте, 7 верстъ от Нового городка от немецкого», то после реконструкции монастыря, произведенной Мисюрем Мунехиным, «монастырь Печерской» стал «славен, не токмо в Руси, но и в Латыне, рекше в Немецкой земле, даже и до моря Варяжска» (ПСРЛ, 2003. С. 101).

Одновременно с ростом богатства монастыря летопись указывает на возрастание роли обители в качестве нового культового центра Псковской земли. Под 1521, 1522, 1532 гг. летопись отмечает случаи особого почитания иконы «Успения Богородицы» Печерской. Однако обращение к этой святыне зачастую оказывается бесполезным, а иногда приводит к обострению бедственной для псковичей ситуации.

При построении церкви Успения-с-Пароменья в 1521 г. «Веснѣ совершиша церковь каменую на Завеличьи Успение пречистеи, и покрыша ю. И въ 7 четвергъ, как поидоша псковичи скуделницы проводить, и в то время загорѣлось у Пречистои на Завеличьи, на бую под колоколы Якова попа двор. И яшася огнь за колоколницу, и не успѣша колокол сняти. И в одного колокала уши отломишяся, а церковь едва, а еще не свящану Богъ ублюде» (ПСРЛ, 2003. С. 101).

В 1522 г. завершение работ на Успенской церкви и ее освящение совпали с очередным псковским мором, от которого не защитило ни строительство церкви, ни паломничество к Печерам: «Того же лѣта освящаша церковь каменую на Завеличьи Успение пречистеи, августа въ 15 день на самои еа Госпожи праздник. И стекошася весь град на освящение. А иныя поидоша в Печеру и молящеся пречистеи Богородицы о избавлени града нашего, чтобы Господь Богъ избавил от повѣтрея». (ПСРЛ, 2003. С. 102).

Только святая вода, присланная от митрополита и соединенная с водой «от Троицы» (ПСРЛ, 2003. С. 102), остановила мор. То, что помощь пришла от Троицы – верховной защитницы Пскова – само по себе достаточно ожидаемо, однако прослеживается некоторая оппозиция главного псковского храма и новой, московской по своему происхождению, обители.

Подобное паломничество в 1532 г. не только не остановило моровое поветрие, но и совпало с грандиозным пожаром на псковском Запсковье: «В лѣто 7040. Бысть мор во Псковѣ, мряху бо мужи, и жены, и младыя дѣти. Того же лѣта мѣсяца августа въ 15 день, загорѣлось у Воскресениа Христова на Стадищи в манастыри келеа. А в то время псковичи соидоша къ пречистои в печеру, и погорѣ до Спаса посад, а церковь тогда каменая Воскресение Христово не додѣлано бысть» (ПСРЛ, 2003. С. 105).

В данном случае решением проблемы мора стало строительство по приказу Василия III обыденной церкви: «кои храм миру угож. И паде жребеи на святого архистратига Гаврила, и поставиша церковь святого Гаврила у Михаиловских воротъ на Обакумови дворищи Можаица, сведенаго против диацких дворов, и поставиша и освящаша ю в один день, мѣсяца декабря 14. А уже повѣтрие преставает» (ПСРЛ, 2003. С. 105).

Очевидно, уже в первые десятилетия существования Псково-Печерского монастыря возникали ситуации соперничества между старым псковским клиром, опирающимся на поклонение традиционным псковским святыням, и новым, «промосковски» настроенным монастырем. Летопись сообщает, что первенство в обоих случаях осталось за псковским клиром.

Что же послужило базисом этого соперничества? Вероятно, следует выделять две основных причины для возникновения и развития конкуренции. В первую очередь, это борьба за первенство между черным и белым духовенством и утверждение монашества как особого сословия внутри церковной организации, отраженная, например, в постановлениях «Стоглава» (Стоглав. С. 57–59). Высокомерное отношение иноков к «бельцам» и подчеркивание приоритета иеромонашеского богослужения в значительной мере лишало городские и сельские храмы прихожан, приводя к дроблению местных церковных общин и снижению доходов приходского духовенства. В Пскове, не имевшем своего епископа, который мог бы в какой-то мере сглаживать эти противоречия, противостояние ведущего загородного монастыря и городских церковных объединений должно было принимать крайне решительные формы. Явление это было не новым, еще в XV в. борьба между черным и белым духовенством играла значительную роль в церковной жизни Пскова (*Круглова*, 2001).

Второй не менее важной причиной являлось то, что после присоединения Пскова к Москве и вывода из города псковской условной «аристократии» (посадников) именно псковские старые монастыри[21] и наследственное белое духовенство стали средоточием местных патриотических (умеренно

[21] Под 1510 г. летопись сообщает: «А иные во граде мнози постригахоуся в черньцы, а жены оу черницы и в монастыри поидоша, не хотяще в полон поити от своего града во иные грады» (ПСРЛ, 2003. С. 96).

антимосковских) настроений. Превращение псковичей из «добровольных людей» Великого князя в подданных московских государей здесь играло меньшую роль, чем введение новых, нарушающих традиции порядков (в частности, неоднократно отмеченных «Стоглавом» особенностей псковской церковной и богослужебной жизни). Смягчение «омосковления» после назначения в Псков князя Петра Шуйского (Великого) сняло основные претензии псковичей к московской власти, однако наличие московских «гостей»[22] в городе воспринималось как чужеродное явление. Сообщение, что «Того же лѣта мор во Пскове ... а москвичам то бысть посещение божие моровое не обычно ... А в гостеи, хто прииметца у кого за живот, и тот весь вымрет», вероятно, отражает не только наблюдение о наличии у псковичей определенного иммунитета к «псковскому мору», но и констатацию чуждости для псковского миропорядка «гостей сведеных».

Таким образом, борьба культовых центров опосредованно являлась отражением борьбы местного и пришлого компонентов в составе псковского населения.

Вероятно, на стороне троицкого клира выступали и «старые» городские монастыри, что и вызвало отдельное упоминание «мирожского строителя» архиепископа Нифонта, на жалобу которого об отсутствии литургической службы в Спасо-Преображенском монастыре: «Она (Богородица) же глагола: Сыну моему и Богу тако извольшу» (ППМ. С. 490).

Версия изложения событий «прихожения», предлагаемая Печерским монастырем, в большей мере, чем версия ПКС, наделена чертами полемического сочинения и направлена против троицкого клира и городского монашества. Прямые указания на «нерадение» псковского монашества и священства; молчание, которое сохраняют при укоризне Богородицы «избраннии Божии, иже у Святѣй Троицы въ церкви лежаху» не решающиеся (?) вступиться за Псков, и контрастирующие с этим решительные действия новых святых (Корнилия и Николы Салоса) должны восприниматься как пример претензий братии Псково-Печерского монастыря на лидирующее положение в духовной жизни региона[23].

Литература

Житие князя Всеволода-Гавриила и слово на обретение его мощей. Псков, 1992.

Круглова Т. В., 2001. Церковь и духовенство средневекового Пскова [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/history/15/2/krug_ps2.html (дата обращения: 05.05.2023).

---

[22] «Того же лѣт*а* к Троицыну дни поѣхаша гости сведеные москвичи з десяти городов 300 семеи» (ПСРЛ, 2003. С. 97).

[23] Необходимо подчеркнуть, что «печерская» сторона предпринимала некоторые усилия для включения в свой сакральный комплекс традиционных псковских святых. Например, уже в 1547 г. в Псково-Печерском монастыре была возведена трапезная Благовещенская церковь (ППМ. С. 487).

Мусин А. Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб.
Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / Пер. с пол. О. Н. Милевского. Псков: Псковская обл. тип., 2005.
Охотникова В. И., 1989. Повесть о Псково-Печерском монастыре // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Ленинград. С. 269–271.
Охотникова В. И., 2005. Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков: комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб. С. 818–825.
ПКС – Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С. 535–607.
ППМ – Повесть о Псково-Печерском монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. СПб., 2005. С. 476–534.
Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 1. Псковские летописи. М., 2003.
Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 2. Псковские летописи. М., 2000.
Стоглав: текст, словоуказатель. М.; СПб., 2015.

* * *

Салмин Сергей Анатольевич, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области»; e-mail: solvarg@yandex.ru*

А. Б. Постников

Каменный летописец и памятные плиты XVII века в псковской церкви Михаила Архангела с Городца

Резюме. В статье впервые представлены результаты изучения четырех сохранившихся каменных плит и надгробий последней четверти XVII в. из псковской церкви Михаила Архангела с Городца. Памятники эпиграфики рассматриваются в связи с историей храма, его перестройками и судьбами прихожан. Отмеченные в мемориальных текстах люди принадлежали к приказным подьячим и посаду. Две плиты относятся к роду подьячего Псковской приказной избы Андрея Максимова сына Шандина. Особенное значение имеет памятный летописец 1696 г., являющийся шедевром камнерезного мастерства псковитина посадского человека Ивана Степанова сына Щетинкина. В нем сообщается о строительстве и освящении Архангельского храма, а также о его благоустройстве в 1690-е годы усердием псковского купца Н. И. Ямского и церковного старосты Гавриила Свечника. Благодаря их попечению окончательно сложился архитектурный облик Михайловской церкви, ставшей в 1720-е годы соборной.

Ключевые слова: Псков, Храм Михаила Архангела с Городца, каменные надгробия, эпитафии, обронная резьба, приказные подьячие, посадские люди.

A. B. Postnikov. Stone Chronicler and Commemorative Plates of the 17th Century in the Pskov Church of Michael the Archangel from Gorodets

Abstract. The article presents for the first time the results of a study of four survived stone slabs and tombstones from the last quarter of the 17th century. from the Pskov Church of Michael the Archangel from Gorodets. The monuments of epigraphy are considered in connection with the history of the church, its reconstruction and the fate of the parishioners. The people mentioned in the memorial texts belonged to the clerks of the Prikaz and the townspeople (Posad).

Two slabs belong to the family of Andrey Maksimov, son of Shandin, a clerk of the Pskov Prikaz. Of particular importance is the memorable chronicler of 1696, which is a masterpiece of the stone-cutting skill of the Pskovite townsman Ivan Stepanov, son of Shchetinkin. It reports of the construction and consecration of the Archangel Church, as well as its improvement in the 1690s by the zeal of the Pskov merchant N. I. Yamsky and the church warden Gavriil Svechnik. It is thanks to their care, the architectural appearance of St. Michael's Church, which became a cathedral church in the 1720s, was finally formed.

Keywords: Pskov, Church of the Archangel Michael from Gorodets, stone tombstones, epitaphs, carvings, clerks, townspeople.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.293-327

Несмотря на определенные успехи в области псковской эпиграфики, еще далеко не все мемориальные надписи в настоящее время выявлены, скопированы и описаны. Многие до сих пор не введены в научный оборот. Между тем состояние их сохранности год от года лишь ухудшается, что побуждает к новым исследованиям и незамедлительным мероприятиям по фиксации и копированию этих эпиграфических памятников для последующей постановки на учет, поскольку они нуждаются в признании за ними статуса особого предмета охраны как неотъемлемой части объектов культурного наследия федерального значения.

К таким древним памятникам письменности относятся и каменные плиты с вырезанными надписями, находящиеся в стенах церкви Михаила и Гавриила Архангелов «в Городце». По сказанию Псковской 1-й летописи, начало строительства Михайловского храма произошло осенью 1338 г.: «В лето 6847. Заложена бысть церковь каменна святых арханьгел Михаила и Гавриила. Того же лета князь Александр и сын его Феодор оубиена быста в Орде различною смертию и теръпении мнозе стяжаста душа своя и прияста Царство небесное, месяца октября в 28 день» (ПЛ, 1941. С. 18).

Итак, в 1338/39 г. Михайловская церковь была заложена, а на следующий 1339/40 год, вероятно, свершена и освящена. Она находилась внутри крепостной стены 1309 г. «в Городце», «на Большой улице», ведущей в Кром к Троицкому собору. В те времена и теперь – это центр города Пскова. Храм располагался к юго-востоку от Торговой площади, на возвышении. В платежной книге Пскова 1585–1587 гг. местоположение церкви «архангела Михаила из Середнево города» уточняется ее нахождением «с Великие улицы» или «на Великой улице», «в Застенье» (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 142, 154, 178, 181). Там же сообщается о ее существовании «во Пскове в Городетцком конце» (Сб. МАМЮ. Т. 5. С. 179).

На протяжении всей своей истории храм Михаила Архангела «в Городце» сохранял заметное место в духовной жизни псковичей. Находясь в самой середине города, он всегда оставался на виду и привлекал к себе внимание богомольцев и заботливых попечителей. За века своего существования храм приобрел обширную вотчину, которая превратилась в одну из самых богатых и многолюдных, что позволяло благоукрашать церковь, пристраивать к ней дополнительные приделы и достойно содержать клир из шести-восьми человек[1].

Переписная книга Пскова 1711 г. содержит описание Великоулицкой сотни, которое начинается с представления наличных в ней храмов: «**Ц(е)рковь Михаила Архангела на Болшой улицы каменная з двума пределы: Успение Пр(е)св(я)тей Б(огоро)д(и)цы, да Прес(вя)тей же Б(огоро)д(и)цы Положение пояса**» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 10). То есть богослужения совершались в головном храме Архангелов Михаила и Гавриила, а также в юж-

[1] Приводимые в статье некоторые сведения о Михайловском соборе «на Городце» заимствованы из подготовленной к печати двухтомной монографии (*Постников Б. А., Постников А. Б.*, 2018. Раздел 5.1. Ружные и исконно-приходские храмы и их служители. Глава 32. Михаила Архангела «на Городце», собор).

ном теплом приделе Успения Пресвятой Богородицы и малом северном приделе Положения пояса Пресвятой Богородицы.

В ходе проведения Первой ревизии населения в 1720–1723 гг. была составлена переписная «Книга имянная <...> Псковской Правинции священнослужителем и причетником действительно служащим <...>». В ней представлено все белое духовенство Пскова с детьми мужского пола. Под номером 3 описан клир Михайловского собора. «Соборные ж ц(е)ркви Михаила Архангела изо Пскова з Болшой улицы по скаске 720-го году: <...>» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 4). Далее перечислены ее служители по именам. **Здесь впервые Михайловский храм назван собором**. Его штат состоял из шести человек, исключая андринника и просфирню. То есть можно полагать, что перемена статуса церкви с превращением ее в соборную произошла в ходе проведения Первой ревизии с принятием приходских духовных штатов в 1722 г. Провозглашение Михайловской церкви собором было связано с ее крепким вотчинным положением.

С 1722 по 1764 г. полный штат Архангельского собора состоял из следующих служителей: протопоп, два попа, два дьякона, два дьячка, два пономаря, звонарь, сторож, просвирня, староста. Всего 13 человек. Для хранения ценного имущества и хлеба, свозимого из вотчинных деревень, необходимо было наличие одного андринника или двух сторожей.

Михайловский храм и его буй (церковный двор с кладбищем) издревле служили местом упокоения для прихожан. Об этом свидетельствуют каменные памятные плиты, вмурованные в стены четверика и приделов как изнутри, так и снаружи. К сожалению, не все они сохранились, но те, что уцелели, представляют особый интерес для исследования. Один лишь текст каменного летописца иногда привлекал псковских краеведов. Но все памятные плиты этой церкви в совокупности до настоящего времени еще не были предметом специального изучения.

Впервые на псковские надгробные плиты как исторический источник обратил внимание преосвященный Евгений (Болховитинов). Находясь на кафедре архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского с 7 февраля 1816 г. по 24 января 1822 г., Евгений собирал материалы для написания «Истории княжества Псковского», а также для очерков о крупнейших действующих обителях епархии. По его заданию была составлена рукопись на 19 листах под названием: «Надписи в пещерах Псково-Печерскаго монастыря». Она содержала тексты эпитафий XVI–XVIII веков, находящихся в подземном некрополе знаменитой обители (*Петров*, 1904. С. 140. № 416 (191)).

Впоследствии, став митрополитом Киевским и Галицким, Евгений (Болховитинов) в 1831 г. издал в типографии Киево-Печерской Лавры свою «Историю княжества Псковского». В документальном приложении к третьей части этого труда им была опубликована пространная «Надпись, находящаяся во Псковоградской Михаило-Архангельской церкви, вырезанная на плите и вделанная на правой стороне в стену» (*Евгений (Болховитинов, митрополит)*, 1831. Ч. 3. С. 164–165). Она является каменным церковным «летописцем» и излагает основные строительные этапы в истории храма от его закладки в 1338/39 г. до последнего капитального ремонта и освящения в 1696 г.

Ввиду необходимости сравнения опубликованного текста этой плиты с оригиналом приведем его полностью в прочтении Евгения (Болховитинова). В нем сообщается: «Въ лѣто 6847 (1339) [1338/39. – *А. П.*] заложена бысть Церковь каменная Михаила и Гавріила при державѣ Великія Россійскія Державы, Московскаго Государства Князей и Бояръ и Воеводъ и всей Земли, а въ которые лѣта совершена и освящена, и того въ писаніи не обрѣтено за многими лѣты. Въ лѣто 7121 (1613) [1612. – *А. П.*] мѣсяца Ноемврія въ 8 день на Соборъ Архистратига Христова Михаила и прочихъ Небесныхъ силъ безплотныхъ освященъ олтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Церковь во имя его Архистратига Михаила, по благословенію Великаго Господина, Преосвященнаго Исидора, Митрополита Великаго Новаграда, а освящали тое Церкви Соборныя Церкви Живоначальные Троицы Попъ Лазарь съ братіею, при Псковскомъ Бояринѣ и Воеводѣ при Никитѣ Димитріевичѣ Веніаминовѣ и Дьякѣ Василіи Коринѣ. И въ лѣто 7202 [1693/94. – *А. П.*] и 7203 (1694) [1694/95. – *А. П.*] году при Державѣ Благовѣрныхъ Царехъ и Великихъ Князехъ Іоаннѣ Алексіевичѣ, Петрѣ Алексіевичѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣхъ и при Святѣйшемъ Кvръ Адріанѣ, Архіепископѣ Московскомъ и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархѣ, а по благословенію Преосвященнаго Иларіона, Митрополита Псковскаго и Изборскаго, построена тажъ церковь Архистратига Михаила вновь, внутрь и около обѣтшавыя мѣста и своды верхніе и глава железная луженая, и на главѣ Крестъ золоченой изъ Церковныхъ доходов тоежъ Церкви прихожанъ Псковичь Посадскихъ людей Никифора Иванова сына Ямскаго и Старосты Гавріила Свѣчника. А освящена бысть въ 7204 (1695) [1696. – *А. П.*] году мѣсяца Августа въ 2 день Иларіономъ Митрополитомъ Псковскимъ и Изборскимъ и всѣмъ освященнымъ Соборомъ, при Священницѣхъ тоежъ Церкви Михаилѣ, Іоаннѣ Акиндиновыхъ и Діаконѣ Григоріи и при Псковскомъ Ближнемъ Стольникѣ и Воеводѣ Государства Псковскаго и Намѣстника Полоцкаго Іоанна Степановича Салтыкова и при Дьякахъ Ермѣе Полянскомъ, Іоаннѣ Молчановѣ.

А сей Летописецъ рѣзалъ Іоаннъ Степановъ Щетинкинъ въ ... годѣ мѣсяца Октября въ ... день» (*Евгений (Болховитинов, митрополит)*, 1831. Ч. 3. С. 164–165).

Как можно видеть, эта пространная надпись была приведена преосвященным Евгением почти полностью, за исключением неразобранного списателем года и дня в конце текста. Кроме того, указанные им в круглых скобках переводы церковно-славянских лет со времени от сотворения мира на годы от Рожества Христова содержат погрешности, поскольку не учитывают разницу начала Новолетия с месяца сентября по старому летоисчислению. Есть также и некоторые другие неточности в пропуске отдельных слов и в их прочтении, что будет заметно далее при сопоставлении с первоисточником.

Несомненной заслугой митрополита Евгения было введение в научный обиход этой надписи и целого ряда других письменных источников, многие из которых не сохранились и известны теперь только благодаря его публикации. Позднее другие исследователи Михаило-Архангельской церкви обращались к тому тексту, который был прочтен и впервые опубликован Евгением (Болховитиновым).

В 1854–1856 гг. инженер-полковник И. Ф. Годовиков, составляя свой «Атлас рисунков древностей Пскова», создал акварельные изображения древних церквей «в существующем виде». Среди них на листе XXI он поместил под буквой «Г» «План церкви и колокольни Архангела Михаила» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. Годовиков И. Ф. О. Ф. 28006 (20). РУК–508. Л. XXI). План был снят до переделок, которые произошли в интерьере храма в конце XIX в. В то же время в изображении западного фасада Михайловской церкви заметна неточность: вместо завершения стен четверика закомарами изображены традиционные псковские лопатки и соединяющие их «трехлопастные и ползучие кривые» арки, как при покрытии на восемь скатов.

В опубликованной части труда И. Ф. Годовикова «Описание и изображение древностей Псковской губернии» приводится «изъяснение плана» церкви «Св. Архангелов Михаила и Гавриила (на площади)» с северным приделом «Положения Пояса Богородицы». Посвящение южного придела, упраздненного до середины XIX в., осталось для И. Ф. Годовикова неизвестным (*Годовиков*, 1881. С. 70–72).

В «Кратком историческом обозрении города Пскова и его древностей» И. Ф. Годовиков отметил существование многочисленных надгробных плит в псковских храмах. Признавая их художественную и историческую ценность, он сообщал: «Замечательны каменныя дски, вделанныя в стены церквей, частию внутри, а частию снаружи или в папертях, с выпукло-изсеченными надписями, украшениями и арабесками, с позолотою и яркими красками, совершенно теперь слинявшими, или просто белыя, свидетельствующия о каком нибудь историческом факте, или об усопшем и погребенном лице <...>» (*Годовиков*, 1881. С. 45).

Надгробия из церкви Архангелов Михаила и Гавриила не были зарисованы И. Ф. Годовиковым. Но в «особом приложении II о церквях» он поместил под № 12 исторические сведения о «Михаила и Гавриила Архангельской церкви», где упомянул о памятной плите, приведя некоторые сведения из ее надписи в изложении своими словами. «В надписи находящейся вделанною в стене у праваго клироса высеченной на каменной дске сказано: “Церковь эта была основана в 1339 году, но когда сооружена и освящена того в писании не обретено, за многими леты”. В 1663 [1612. – *А. П.*] ноября 8 была освящена, вероятно после исправления. В 1694 г. из той же надписи видно, что: “Была вновь перестроена каменною, внутри и около обветшалыя места, своды и глава”. В 1695 г. “Августа 2-го освящена была Митрополитом Псковским и Изборским Иларионом со всем освященным собором, при Псковском Ближнем Стольнике и Воеводе Государства Псковскаго и Наместнике Полотском Иоанне Степановиче Салтыкове и при дьяках Еремее Полянском и Иоанне Молчанове” известно из той же надписи на дске» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 174. Годовиков И. Ф. О. Ф. 28006 (31). РУК–507. С. 707–709). Здесь заметно, что автор не обращался к тексту настоящей плиты, но цитировал его по изданию митрополита Евгения (Болховитинова), повторяя те же погрешности в датировках по сентябрьскому стилю. При этом он допустил некоторые отступления от своего источника. Например, передавая падежные окончания титула

и имени воеводы И. С. Салтыкова, он привел их в правильное соответствие из родительного падежа в предложный, хотя это и не соответствовало подлиннику. Кроме того, И. Ф. Годовиков изменил имя дьяка Полянского и вместо «Ермея» написал «Еремея».

Псковский краевед И. И. Василев в «Археологическом указателе города Пскова и его окрестностей» (1898 г.) также воспроизводил тексты псковских мемориальных плит из Михаило-Архангельского храма, усыпальницы Троицкого собора и других церквей, но только те, что уже были опубликованы предшествующими авторами. Со своей стороны, И. И. Василев почти не добавил к ним новых. Цитируя по Болховитинову текст памятного летописца Михайловской церкви, он допустил целый ряд неточностей. Так, вместо слова «осв(**я**)щена», находящегося под титлом, у него написано «освѣщена». Между словами «архистратига Михаила» пропущено слово «**Хр(и)стова**». Вместо «**о**лтарь» значится «**а**лтарь». Где написано: «**А** осв(я)щ**ал** тое **ж** ц(е)рк(о)в**ь** соборны**и** ц(е)ркви Живоначалные Тро(и)цы поп Лаз**о**р(ь) **з** брат(**ь**)ею», изменено иначе: «**и** освящал**и** тое церкв**и** соборны**я** церкви Живоначальные Троицы поп Лаз**а**рь **с** брат**и**ею». Неверно переданы отчество и фамилия псковского воеводы. Вместо «при Н**і**ките Дмитр**иевиче Вел(ь)яминове**» значится «при Н**и**китѣ Дмитр**іевомъ Веніаминовѣ**». Отчество государей Иоанна и Петра «Алекс**і**евичей» записано как «Алекс**ѣ**евичей». Имя патриарха Адриана изменено на «А**н**дриана». Вместо слов «обетшалые места» стоят «обветшавыя мѣста». В подлиннике значится «луженая», «посад**цк**их», а у И. И. Василева «лужена», «посаднихъ». На плите высечено прозвище старосты Гавр**и**ила Св**е**чник**а**, а в издании напечатано «Гавр**і**ила Свѣчни**н**а», и так далее. Конец надписи из двух с половиной строк совсем не дописан и не приводится автором «Археологического указателя...».

При таком невнимательном отношении к источнику И. И. Василев выразил странный и необоснованный скептицизм, заявив о памятной плите из Михаило-Архангельской церкви, что «этой записи, составленной сравнительно недавно, едва ли во всем можно верить». Его рассуждения основывались на ошибочном толковании текста 2-й Псковской летописи, где говорится о заложении в 1339 г. церкви «в Городце». Однако автор посчитал, что речь идет о какой-то другой церкви, поскольку, по мнению И. И. Василева, Архангельский собор находился в Торговском, а не Городецком конце (*Василев*, 1898. С. 42–43). Все это показывает, что почтенный краевед не придавал серьезного значения памятникам эпиграфики.

Впоследствии на существование старинных памятных плит в Архангельской церкви обратил внимание другой исследователь псковского края Н. Ф. Окулич-Казарин. В своем «Спутнике по древнему Пскову», изданном в 1911 и 1913 гг. он отмечал: «Хотя на находящейся в церкви плите и написано, будто церковь основана в 1339 г., но покойный Василев сомневался в правильности этого обозначения, так как во 2-й Псковской летописи под 1339 годом указано основание церкви св. Михаила и Гавриила в Городце, т.е. приблизительно у нынешних Михайловских ворот, а не на Торговой площади» (*Окулич-Казарин*, 1913. С. 122–123). Далее, описывая строение храма, он сообщал

о существовании внутри церкви «возле праваго клироса, в стене» каменной плиты XVII в., надпись на которой буквально воспроизвел с издания И. И. Василева со всеми отмеченными выше погрешностями и недочетами. Это показывает, что Н. Ф. Окулич-Казарин самостоятельно не обращался к тексту на подлинном «летописце», доверившись сведениям своего предшественника-краеведа.

В то же время Н. Ф. Окулич-Казарин оказался более внимательным исследователем, заметив в Михайловской церкви существование еще и «другой доски, находящейся на правой стороне от входа в главный храм». Он также привел в своем путеводителе имеющуюся на ней надпись, которую прочел сам в той мере, как смог ее разобрать. В его прочтении эпитафия гласит: «Лѣта 7205 (1697) году мѣсяца марта въ КѲ (29) день, на память преподобнаго отца нашего Марка епископа Ареѳусійскаго преставися раба Божія Елена Андреева дочь да въ томъ же годѣ преставися раби Божіи Иванъ, Антипъ, Андрей, Стефанъ, Екатерина, Мар...» (*Окулич-Казарин*, 1913. С. 125).

К сожалению, Н. Ф. Окулич-Казарин не указал точное местонахождение этой плиты, ее размеры и не описал внешний вид памятника. Но приведенный им текст позволил впоследствии атрибутировать это сохранившееся надгробие, которое в 1988 г. оказалось изъятым из церкви и перемещенным сначала в здание Псковского филиала института «Спецпроектреставрация» (Псков, ул. Некрасова, д. 9), а затем, в 2013 г. поступило в Псковский музей-заповедник, в его Отдел хранения монументальной живописи при Мирожском монастыре[2].

Исследователи, обращавшиеся к истории Михайловской церкви «с Городца», рассматривали прежде всего ее архитектурные особенности. В 1888 г. В. В. Суслов впервые заметил, что эта церковь, построенная в 1339 г., имеет отличительные черты, заключающиеся «в устройстве подпружных арок, которыя сделаны несколько выше следующих за ними коробовых сводов (и немного уже столбов церкви). Это устройство арок при низких церквах поднимало их и давало более легкий переход к барабану. Такое устройство сводов стало практиковаться не только в последующих церквах Пскова и Новгорода, но вошло и в Московскую архитектуру лучшаго периода» (*Суслов*, 1888. С. 14). Впоследствии церковь Михаила Архангела стала предметом обсуждения среди исследователей древнерусского зодчества как «ключевой памятник для построения теорий о появлении повышенных подпружных арок» (*Седов*, 1992. С. 46).

При этом некоторые искусствоведы, рассматривая строительную историю Михайловского храма, обращались к опубликованным сведениям из «каменного летописца» XVII в., повествующего о его перестройках. Так, архитектор-реставратор Ю. П. Спегальский в книге «Псков» отмечал: «В начале XVII века храм оказался в запущенном состоянии. Резная каменная памятная плита, вставленная в южную стену главного помещения его, сообщает о том, что

---

[2] Сведения о позднейших перемещениях этой плиты были уточнены у архитекторов-реставраторов С. П. Михайлова и А. М. Лебедева, а также у ст. н. с. Псковского музея-заповедника И. А. Мельниковой (Богдановой), которых автор благодарит за разъяснение.

в 1613 году состоялось освящение алтаря, очевидно, после капитального ремонта здания. Та же плита приводит ряд подробностей ремонта, проведенного в 1694–1695 годах. Тогда были починены своды и сделан ныне существующий барабан, глава покрыта луженым железом и увенчана позолоченным крестом. На барабане сделали цветистый поясок из печных изразцов» (*Спегальский*, 1963. С. 142).

Несмотря на прямое указание «каменного летописца» о переделке сводов в конце XVII в., в другой своей работе Ю. П. Спегальский утверждал, «что барабан, сделанный при перестройке 1694–1695 гг., покоится на ступенчато-повышенных подпружных арках, относящихся к первоначальной постройке», то есть к 1339 г. (*Спегальский*, 1960. С. 31). Упоминая о надписи, вырезанной на каменной плите, Ю. П. Спегальский ссылался на ее текст, опубликованный Н. Ф. Окуличем-Казариным.

Вл. В. Седов в монографии о псковской архитектуре XIV–XV веков, рассматривая строительную историю храма Михаила Архангела, также привлекал текст изданной надписи на памятной плите, вмурованной в стену четверика. Он отмечал, что «закладная плита XVII в., опубликованная Н. Ф. Окуличем-Казариным, дает аналогичную летописным дату закладки церкви в 1339 г. и сообщает важные дополнительные сведения о ее освящении в 1613 г., возможно, связанном с ремонтом, а также о перестройке храма в 1694–1696 гг., когда “построена та жь церковь архистратига Михаила вновь, внутрь и около обветшавыя места, и своды верхние...”» (*Седов*, 1992. С. 48).

В результате анализа архитектурных особенностей Михайловского храма, а также опираясь на сообщение закладной плиты, Вл. В. Седов пришел к выводу о позднейшем происхождении существующих сводов и подпружных арок. По его наблюдению, «если верх церкви Михаила Архангела, а также, видимо, его столбы относятся к XVII в. (скорее всего, это формы ремонта 1694–1696 гг.), то нижние части стен четверика (на боковых фасадах примерно до обреза лопаток, на восточном – до уровня закомар, включая окно) и апсида относятся к 1339 г. Приделы и притвор относятся к более позднему времени (XV–XVI вв.), так как приложены к основному объему» (*Седов*, 1992. С. 51).

С наблюдением Вл. В. Седова соглашался и А. И. Комеч, замечая, что «церковь Михаила Архангела дошла до нас в перестройке 1694–1696 гг. <...> Снаружи хорошо видно, что закомары на боковых фасадах не соответствуют лопаткам и даже (на северном) оторваны от них, отделены поясом металлических связей конца XVII в. С большой долей уверенности можно утверждать, что существующее позакомарное завершение фасадов и система повышенных сводов возникли в 1694–1696 гг. Собственно, об этом говорит и давно известная надпись на плите внутри храма: “... в лето 7202 и 7203 (т. е. в 1694 и 1695 гг. – *А. К.*) устроена вновь, внутрь и около обветшавшие места, и своды верхние, и глава...”». При этом А. И. Комеч также сослался на ее публикацию в «Спутнике по древнему Пскову» Н. Ф. Окулича-Казарина (*Комеч*, 1993. С. 80–83).

Рассмотрение существующей литературы показывает, что к настоящему времени целостного и специального исследования архангельских памятных плит не проводилось. Авторы обращались преимущественно лишь к опубли-

кованному тексту одной из них. Причем текст «каменного летописца», впервые опубликованный в 1831 г. митрополитом Евгением (Болховитиновым), впоследствии с погрешностями переиздавался И. И. Василевым в 1898 г., а затем уже с него третий раз был обнародован Н. Ф. Окуличем-Казариным в 1911 и 1913 гг. В дальнейшем все авторы ссылались уже на последнюю публикацию, не сверяя ее с подлинником. При этом памятники эпиграфики из Михайловской церкви использовались разрозненно, иллюстративно, в отрыве друг от друга. Никто не ставил себе целью их полностью скопировать, описать и представить материал в соответствии с требованиями методики научного документирования.

В 2019 г. к автору этих строк, как сотруднику Псковского музея, обратился московский исследователь Ю. М. Свойский – технический руководитель проекта по составлению «Свода русских надписей». Он просил сообщить ему места расположения и хранения псковских каменных плит и керамид в храмах города для их сканирования. Необходимая информация была предоставлена. В результате этой разведывательной экспедиции были отсняты в хорошем разрешении 44 псковских памятника средневековой эпиграфики. При этом в церкви Михаила и Гавриила Архангелов «с Городца» была сфотографирована только одна плита с каменным летописцем.

После фотофиксации местных надгробий научный руководитель проекта А. Г. Авдеев пополнил ими «Свод русских надписей»[3]. Основным плодом его работы стала докторская диссертация, защищенная в РГГУ в 2020 г.: «Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси» (*Авдеев*, 2018; 2020). В ее первом томе показано «практическое применение методики бесконтактного трехмерного моделирования и математической визуализации рельефа поверхности при документировании эпитафий из некрополя Псково-Печерского монастыря». В качестве примеров описано несколько керамид из 335, отснятых автором диссертации в 2016 г. (*Авдеев*, 2020. Т. 1. С. 935–940. Т. 2. 44–47, 569–584, 586, 1021, 1025). Кроме того, отдельное внимание А. Г. Авдеев уделил вопросу о «гибели преподобного Корнилия Псково-Печерского», сопоставив «исторические источники и монастырские предания» (Там же. Т. 1. С. 655–666). Но непосредственным исследованием памятников эпиграфики города Пскова он не занимался, сосредоточившись преимущественно на объектах центральной России.

В апреле 2021 г. из личной беседы с псковским архитектором-реставратором Сергеем Петровичем Михайловым автор узнал о том, что в 1987 г.

---

[3] В 2015–2016 гг. исследовательский коллектив «Лаборатории RSSDA» разработал для документирования каменных памятников эпиграфики в России методику бесконтактного трехмерного цифрового моделирования. Для сохранения и исследования древних надгробий постоянно пополняется «Свод русских надписей» (Свод...), который создается исследовательским коллективом Центра эпиграфических исследований Университета Дмитрия Пожарского при поддержке Русского фонда содействия образованию и науке. Научный руководитель проекта А. Г. Авдеев, технический руководитель Ю. М. Свойский.

по заданию Псковской архитектурно-реставрационной мастерской ему доводилось делать обмеры храма Михаила Архангела в Пскове. Эта работа была связана с проектом приспособления церковного здания для размещения Археологического центра. Кроме С. П. Михайлова, в обмерах принимали участие супруги Александр Михайлович и Галина Владимировна Тютюнниковы. При этом был составлен план церкви, который снимался на уровне нижнего откоса оконных проемов. Во время обмеров южного придела, находясь внутри его притвора, А. М. Тютюнников облокотился на стену в северо-восточном углу помещения, как вдруг штукатурка треснула, и из-под лопнувшей выпучины проступили надписи. Тогда С. П. Михайлов приступил к их раскрытию и освобождению от позднейших штукатурных наслоений. Одна за другой здесь были обнаружены две каменные надгробные плиты XVII в., вмурованные в стену. Тогда же, списав их тексты, С. П. Михайлов отнес записку с именами усопших священнику Владимиру Попову в храм Николы в Любятово для церковного поминовения.

Как исследователь древней псковской эпиграфики, С. П. Михайлов известен статьями о «керамидах» церкви Успения с Полонища и о храмозданной надписи, фрагменты которой были обнаружены им на сводах Никольской трапезной церкви в Снетогорском монастыре (*Михайлов*, 1984. С. 13; 1988. С. 37–39). Однако про новое открытие двух каменных плит в Михайловской церкви он не готовил публикации.[4]

Наша работа с Михаило-Архангельскими памятными плитами была связана с написанием монографии «Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ 1666–1764 гг.» (*Постников Б. А., Постников А. Б.*, 2018), где тексты скопированных эпиграфических памятников привлекались при описании истории Троицкого собора, Мирожского и Козмодамианского Гремячего мужских монастырей, Ново-Вознесенского, Ильинского, Успенского с Полонища и Воскресенского со Стадища девичьих монастырей, Успенского собора на Завеличье, Архангельской церкви с Городца и других объектов. При этом фотофиксация плит в местах их нахождения проводилась неоднократно, начиная с февраля 2005 г. по 2022 г. Она показала изменения их состояния и сохранности.

26 июля 2021 г., заручившись официальным отношением из Псково-Изборского объединенного музея-заповедника, автор обратился к настоятелю церкви Михаила Архангела «с Городца» протоиерею Георгию Быкову с просьбой о разрешении снять копии с храмовых надгробных и памятных плит, вмурованных в стены храма и его южного придела.

Эстампы с памятных плит Михаило-Архангельской церкви были сделаны автором в августе 2021 г.[5] Прориси памятников были исполнены автором в период с августа 2021 г. по март 2022 г.

---

[4] Автор благодарит С. П. Михайлова за то, что он любезно поделился сведениями о своей находке и тем самым воодушевил на исследование всех архангельских памятных плит в совокупности.

[5] В этой работе по снятию оттисков на бумаге мне оказывал помощь М. А. Постников, которого сердечно благодарю.

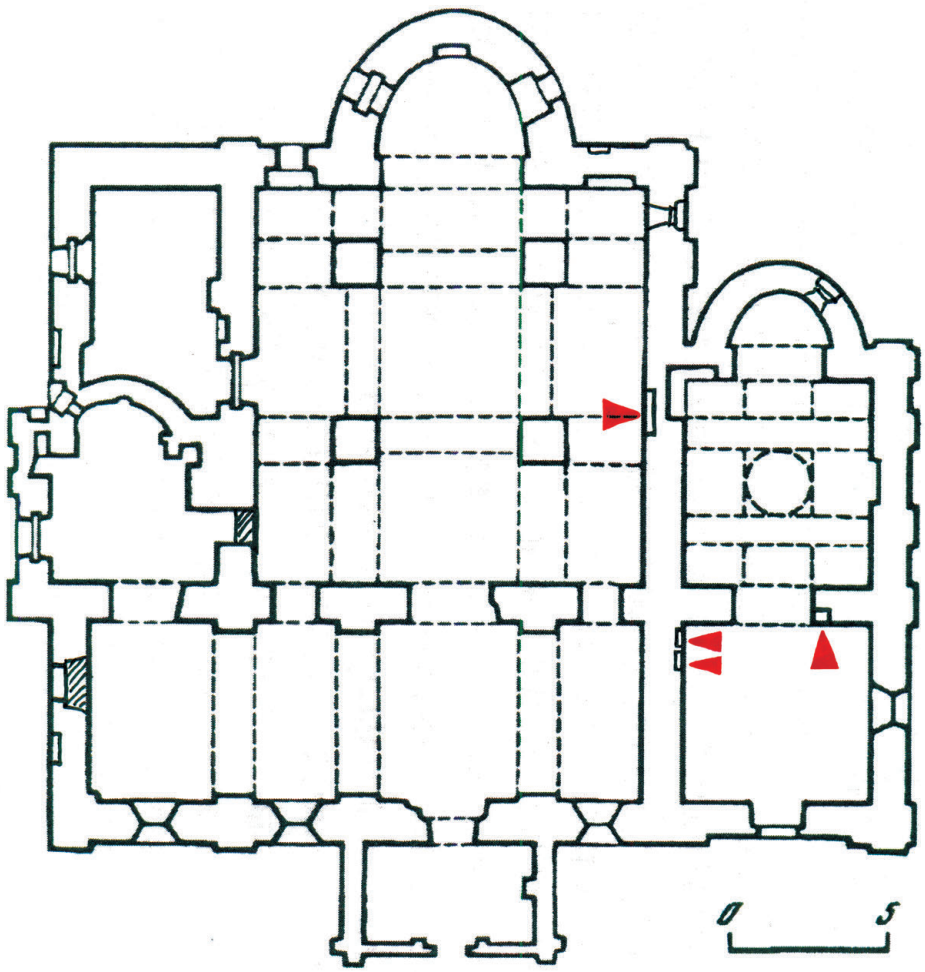


Рис. 1. План церкви Михаила Архангела с указанием
мест расположения памятных плит (по: *Комеч*, 1993. С. 77)

Задачей настоящей статьи является документирование и исследование всех сохранившихся в Архангельской церкви каменных надгробий как исторических источников. Места их расположения показаны на прилагаемом плане (рис. 1).

Для снятия копий с надгробных памятников был использован метод эстампирования, то есть создания оттиска на бумаге с последующей прорисовкой очертаний выпуклых изображений и текста. Кроме того, чтобы повысить читаемость надписей, применялось фотографирование общего вида памятников и их фрагментов с использованием искусственного освещения. Затем делались необходимые измерения и описания памятников, а их тексты буквально воспроизводились с передачей всех орфографических особенностей.

Рис. 2. Надгробия Шандиных. Фото А. Б. Постникова, 12 августа 2021 г.

Также велись документальные архивные изыскания для сбора исторических сведений о людях, упомянутых на мемориальных досках.

Поскольку к данной статье прилагаются графические прорисовки памятников, к которым можно обратиться для уточнения всех особенностей написания слов и внешнего вида источников, их тексты публикуются по упрощенному правилу, принятому в исторических изданиях для документов XVI–XVII вв. Полууставное письмо, приближающееся к славянской вязи, воспроизводится русским гражданским шрифтом с сохранением букв старой орфографии, с разделением на слова. Деление на строки сохраняется, при этом они обозначаются привнесенной нумерацией. Заглавные буквы вводятся для имен собственных. Буквы, утраченные в тексте, восстанавливаются в квадратных скобках. Выносные буквы выделяются курсивом. Слова под титлами раскрываются, а выпущенные буквы восстанавливаются в круглых скобках. Диакритические знаки – титла, паерки, ударения, придыхания – не воспроизводятся. Цифирь передается арабскими числами.

1. Надгробие подьячего Андрея Максимова сына Шандина, умершего 29 февраля 1673 г.

Самое раннее из сохранившихся в соборной церкви. Оно находится внутри южного придела Успения Пресвятой Богородицы на левой стороне от входа (рис. 2, 3). Плита вмурована в северную стену притвора на высоте 116 см

Рис. 3. Надгробная плита подьячего Андрея Максимова сына Шандина.
Прорись А. Б. Постникова

от пола. Выполнена из серого известняка в технике неглубокой обронной резьбы. Каменная «дска» имеет форму вертикально вытянутого прямоугольника со скругленным верхом. По периметру плита окаймлена рамкой. Возглавие оформлено традиционно с рельефным изображением креста и надписаниями под титлами. В середине верхней части помещено традиционное изображение осмиконечного Распятия на Голгофе с двухступенчатым подножием и орудиями страстей Христовых – копием и тростию. Декоративные обрамления

вокруг креста отсутствуют. Слева и справа в пять рядов размещены надписания под титлами (монограммы), разделенные точками: Цр҃ь (Царь) Сл҃а (Славы) Іс҃ (Исус) Хр҃ (Христос); мѣ (мѣсто) л҃ (лобное) р҃ (Рай) бы҃ (бысть). По сторонам Голгофы: гл҃ (глава) а҃ (Адама). Рядом с Крестом: НИКА҃ (Победа), гр҃ (гора) гл҃ (Голгофа). Под Крестом и Голгофой символическое изображение «главы Адама» – черепа и двух костей.

Ниже следует четырехстрочная надпись, исполненная обронной резьбой. Текст крупного полуустава, тяготеющего к вязи, распределен по доске равномерно. Начертания букв изящные, шрифт с художественными особенностями личного почерка мастера-резчика. Почти все слова разделены точками, поставленными посередине строки. Плита расколота. Ее поверхность повреждена царапинами и сколами при грубой очистке из-под штукатурки. Приведем ее текст буквально в построчном расположении.

«1) **Лѣта 7181-*г*(о) [1673] го*ду* ѳевраля въ КѲ [29] д(е)нь**

2) **на па́мя*т*(ь) пр(е)п(о)*д*(о)бнаго ѿца на́ше*го* Ка**

3) **сияна Римлянина преставися ра*б***

4) **Б(о)жиі А*н*дреі Мак*с*имо*в* с(ы)нъ Ша*н*дин**».

Размеры плиты по внешним очертаниям: 44×38,7 см. Высота букв – от 3,5 до 4,6 см. Междустрочное расстояние – 1,6–1,8 см.

Расположение надгробия внутри притвора Успенского придела указывает на наличие погребений под его каменным полом. Следует полагать, что против того места, где в стене была установлена каменная поминальная плита, находится подпольный склеп семьи подьячего А. М. Шандина, где покоятся, по крайней мере, два человека: он сам и его дочь.

2. Надгробие девицы Фотинии Андреевой дочери Шандиной, умершей 26 августа 1673 г.

Находится внутри южного придела Успения Пресвятой Богородицы на левой стороне от входа (рис. 1). Плита вмурована в северную стену притвора рядом с плитой Андрея Шандина (рис. 2, 4). Она располагается слева от нее на высоте 116 см от уровня пола. В основании плита имеет прямые углы, а ее навершие скруглено аркой. Верхняя часть украшена изображением восьмиконечного креста на одноступенчатом голгофском подножии. По сторонам копие и трость, древки которых имеют отростки и сучки, а под крестом голова Адама с двумя костями. Обрамления креста отсутствуют. Слева и справа в пять рядов обычные надписания под титлами, иначе называемые «крестными словесами». Каждое слово разделено с двух сторон точками: Цр҃ь (Царь) Сл҃ (Славы) Іс҃ (Исус) Хр҃ (Христос); ко҃ (копие) тр҃о (трость); мѣ (мѣсто) л҃ (лобное) р҃ (Рай) бы҃ (бысть). Рядом с Крестом: НИКА҃ (Победа), гл҃ (глава) а҃ (Адама). Ниже помещена надпись славянской вязью в четыре строки. Она исполнена обронной резьбой.

Приведем ее в построчном расположении.

«1) **Лѣта 7181-*г*(о) [1673] го*ду* а́вгуста вь**

2) **26 де(нь) на памя*т*(ь) с(вя)тыхь му*ч*(еникъ)**

3) **Андреяна і Наталиі пре*с*тавися ра**

4) **ба Б(о)жия Ѳотиния д(ѣ)віца А*н*дрея Шанді(н)а**».

(Размеры: 42×36,7×7,5 см)

Рис. 4. Надгробная плита девицы Фотинии – дочери подьячего Андрея Шандина. Прорись А. Б. Постникова

Высота строк – 3,8–4 см, междустрочный интервал –1,8–2 см. Бортик ковчежца шириной от 2,5 до 4 см. Выносных букв немного. Кроме титл, почти не употребляются диакритические надстрочные знаки каморы, ударения: оксия и вария. Буквы вытянутые, имеют свободные изгибы. Используются лигатуры. Орнаментальность прямого почерка достигнута дроблением мачт и подчинениями букв. Число строчных знаков (без выносных) колеблется от 16 до 29.

Плита расколота по вертикали. Трещина пролегает слева от креста сверху донизу. Вся левая половина надгробия также повреждена трещинами, разделяющими ее на четыре осколка разных размеров. От этих трещин имеются сколы на некоторых буквах.

Поскольку в тексте самих памятников не уточнялось сословное происхождение погребенных, следовало обратиться к другим письменным источникам. По материалам документов РГАДА и Древлехранилища Псковского музея устанавливается принадлежность рода Шандиных к приказным служилым людям Москвы и Пскова второй половины XVII в.

Благодаря исследованию приказной бюрократии в России XVII в., проведенному Н. Ф. Демидовой, ею были выявлены пять представителей рода Шандиных. Из них четверо находились в Москве: **Алексей** – служил в столице старым подьячим в Приказе Большого дворца в 1675–1688 гг.; **Григорий** – работал молодым подьячим в Приказе Большого дворца в 1687–1692 гг.; **Тимофей** – являлся старым подьячим Приказа Большого дворца в 1677 г.; **Данила Андреев** – упоминался не верстанным подьячим в Печатном приказе в 1679 г.

Один лишь **Андрей Шандин** служил подьячим в Псковской приказной избе с 1652 г. По данным Н. Ф. Демидовой, в первое время Андрей сидел по подписной челобитной, затем, с 1662/63 г. специализировался по грамотам, присылаемым из Приказа Новгородской четверти. В сентябре 1667 г. он переведен подьячим в Денежный стол с окладом в 19 рублей. В 1670/71 г. его оклад составлял 19,5 рублей. Умер «не позднее 1684» г. (*Демидова*, 2011. С. 623).

Таким образом, надгробие псковского подьячего Андрея Максимова сына Шандина позволяет уточнить данные Н. Ф. Демидовой, поскольку надгробная эпитафия содержит отчество покойного и точную дату его смерти – 29 февраля 1673 г.

В опубликованной Годовой смете по Пскову 1667 г. сообщается: «В Съезжей избе подьячие у государевых дел: <...> В Денежном столе: 19 рублев. Андрей Шандин, со 161-го [1652] году по подписной челобитной, а со 171-го [1663] году генваря с 21-го числа по государеве грамоте из приказу Новгородцкие чети» (Сб. МАМЮ. Т. 6, 1914. С. 157).

Ценные сведения документов РГАДА дополняют псковские источники, позволяющие глубже выяснить родословие Шандиных, прояснить их генеалогию и связи со Псковом. Этому помогают записи на книгах, столбцах и в синодиках, сберегающихся в Древлехранилище Псковского музея.

Документы показывают, что подьячий А. М. Шандин к 1652 г. прибыл в Псков из Москвы. Свою службу он начал при псковском воеводе окольничем князе Василии Григорьевиче Ромодановском (*Барсуков*, 2010. С. 218).

В собрании Древлехранилища Псковского музея сохранилось две личных подписи подьячего Андрея Шандина. Первое его рукоприкладство («справа») находится в конце Приходо-расходной книги Псковской съезжей избы за 1662/63 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 608. О. Ф. 28330 (2). РУК–296. Л. 646 об.) (рис. 5). Другая подпись подьячего: «Справил Андрюшка Шандинъ», присутствует на обороте свитка с «Выписью из псковских писцовых книг И. Вельяминова 1624–1627 гг.». Выпись была дана строительнице За-

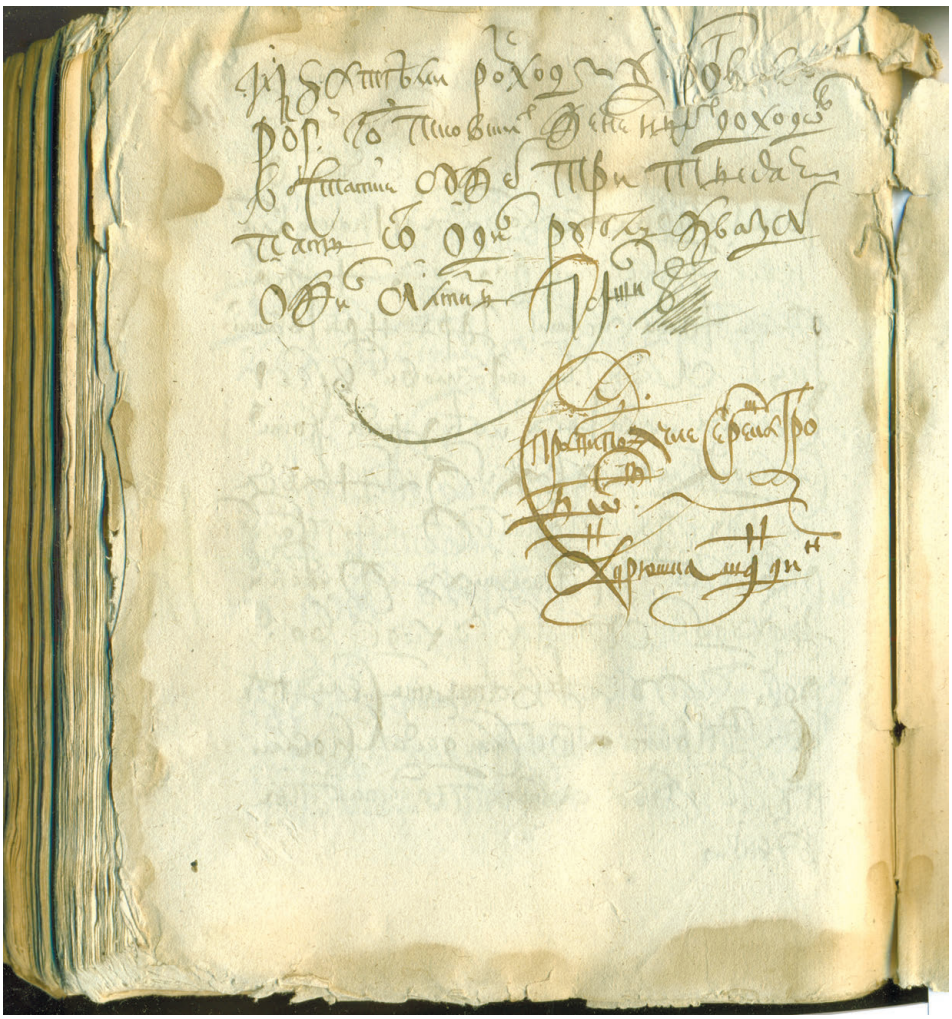


Рис. 5. Рукоприкладство («справа») подьячего Андрея Шандина в конце Приходо-расходной книги Псковской съезжей избы 1662/63 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 608. О. Ф. 28330(2). РУК-296. Л. 646 об.)

чатейского монастыря с Мильца старице Агафии на окологородные угодья 31 мая 1669 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 264. О. Ф. 12400 (4). РУК–753. Л. 5 об.) (рис. 6).

Находясь в течение 21 года на службе в местной Съезжей избе, Андрей Шандин, по-видимому, женился здесь, обзавелся двором в городе, где жил со своею семьей. Укоренившись на Псковской земле, он стал помещиком. Так, в «Росписи пустошам и их владельцам в Псковском, Островском и Дубковском уездах», составленной в период с 10 марта 1671 г. до апреля 1672 г., сообщается о том, что в Торошинской губе Бельской засады Псковского уезда

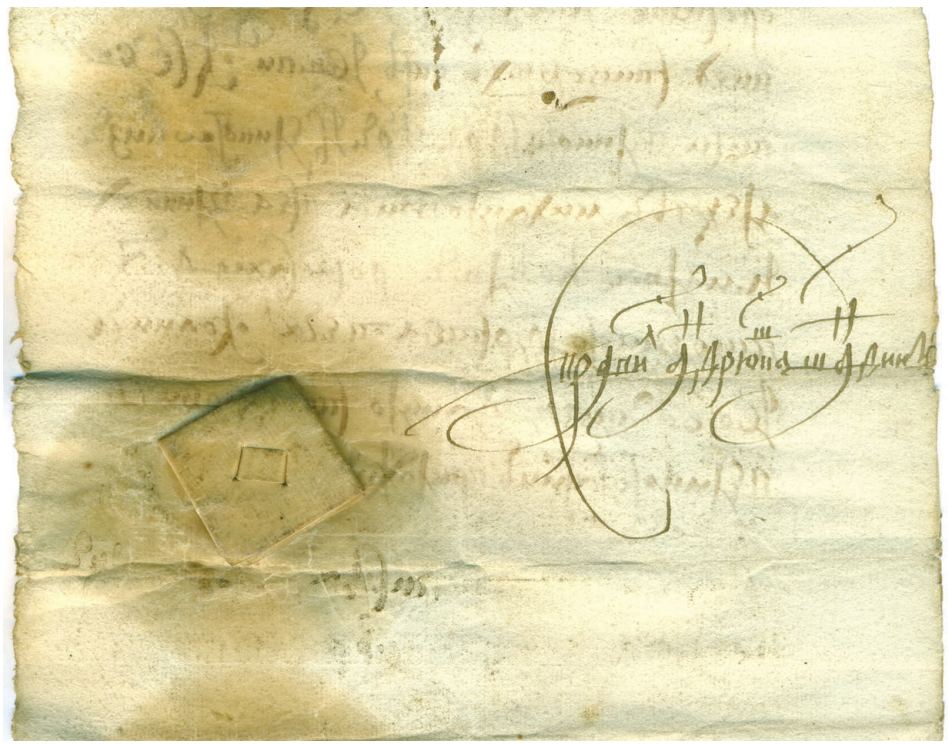


Рис. 6. «Справил Андрюшка Шандинъ». Подпись подьячего на обороте свитка с «Выписью из псковских писцовых книг И. Вельяминова 1624–1627 гг., данной строительнице Зачатейского монастыря с Мильца старице Агафии на окологородные угодья в 1669 г. мая 31» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 264. О. Ф. 12400(4). РУК-753. Л. 5 об.)

находилась пустошь Жагровка, «по кр(е)стьянской скаске Жаглово: половина владеют Ильинские старосты с Торошина, а другой половиной под(ь)ячей Андрей Щандин» (*Постников*, 2013. С. 718–719. № 1044).

Вероятно, Андрей Шандин был прихожанином Михаило-Архангельской церкви и проживал в центре города. Его род был вписан в различные помянники Пскова. В старом Синодике Троицкого собора, заведенном в середине XVII в., есть запись, относящаяся к 1680-м гг.: «Родъ под(ь)ячего Андрѣя Максимова с (ы)на Шандина: ИНОКА МОИСЕЯ СХИМ. АНДРѢЯ. ѲЕОДОРЫ. ДАНІИЛА. ВАРВАРЫ» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 831. О. Ф. 12368 (53). РУК–90. Л. 17 об.). Из этой записи можно понять, что названный здесь инок Моисей схимник являлся отцом Андрея, а женой последнего была Феодора (рис. 7).

Те же имена повторяются и в новом синодике Троицкого собора конца XVII в.: «Родъ под(ь)ячего Андрѣа Маѯімова с(ы)на Шандинѧ: СХИМОНАХА МОVСЕА. АНДРЕА. ѲЕОДОРЫ. ДАНІИЛА. ВАРВАРЫ» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 831. О. Ф. 12368 (54). РУК–94. Л. 61).

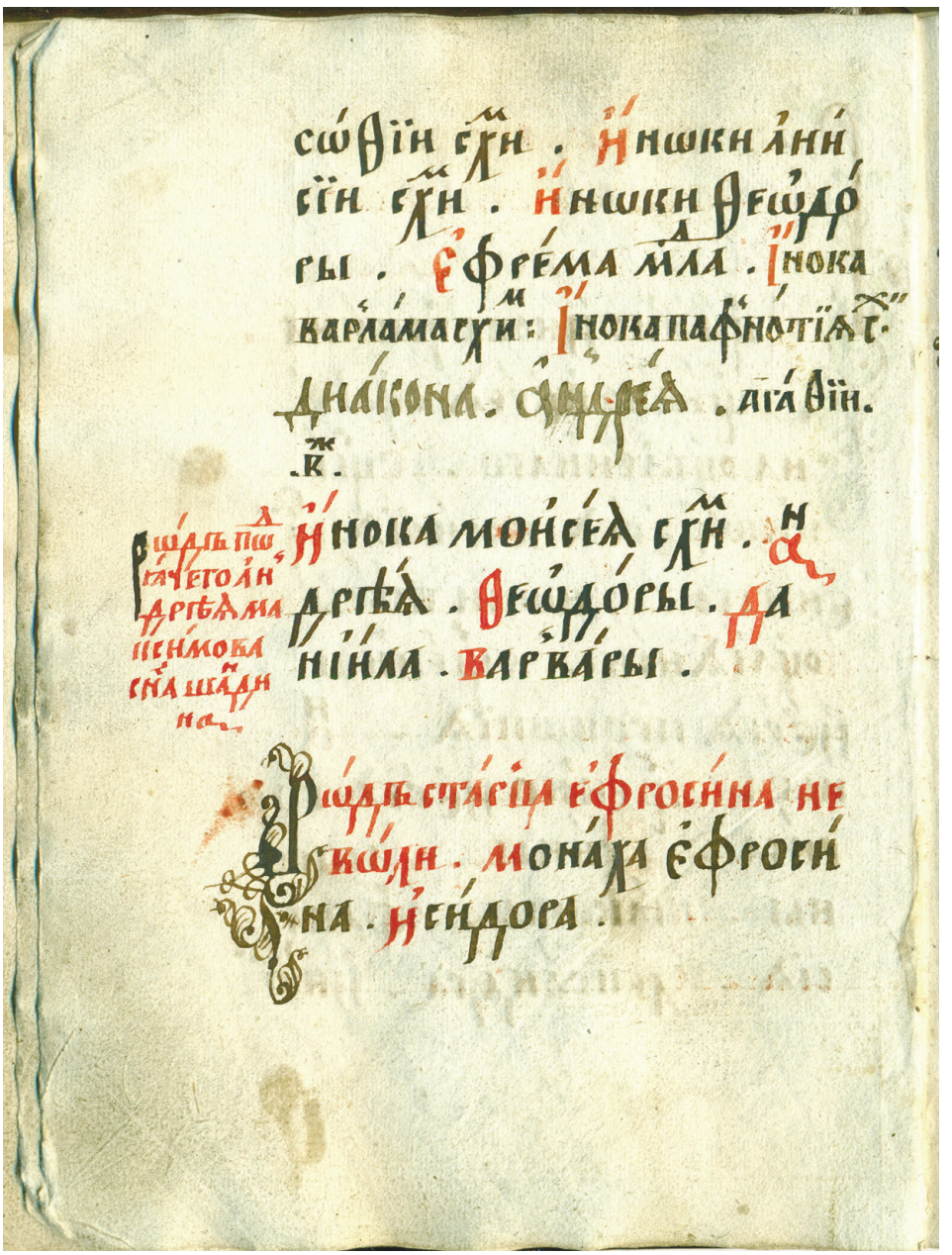


Рис. 7. Род Андрея Максимова сына Шандина. Синодик Троицкого собора (старый). Вторая половина XVII в. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 831. О. Ф. 12368(53). РУК-90. Л. 17 об.)

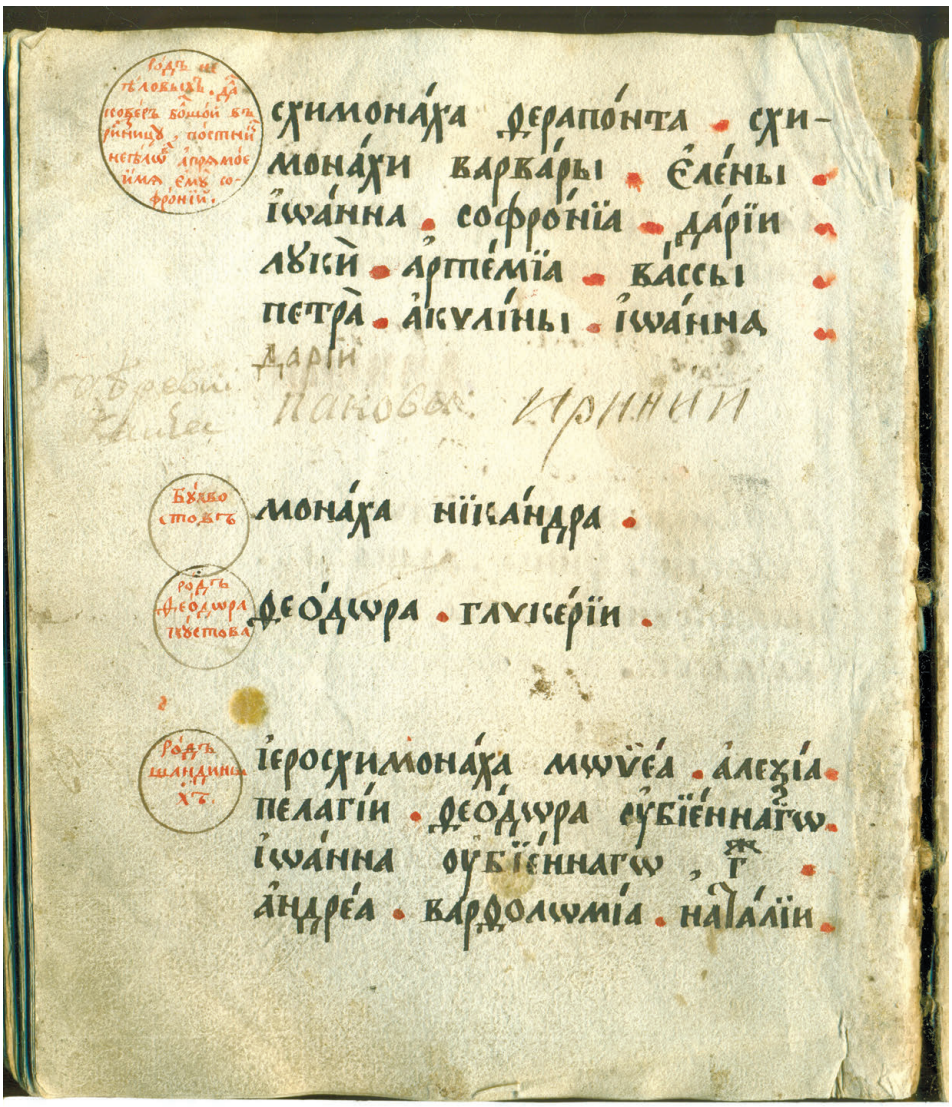


Рис. 8. Род Шандиных. Синодик Троицкого собора (новый). Кон. XVII в. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 831. О. Ф. 12368(54). РУК-94. Л. 64 об.)

В том же новом Троицком синодике на л. 64 об. «Родъ Шандиныхъ» записан более подробно: «ІЕРОСХИМОНАХА МОИСЕА. АЛЕѲІА. ПЕЛАГІИ. ѲЕОДОРА ОУБІЕННАГО. ІОАННА ОУБІЕННГО, Г[ЖДЫ]. АНДРЕА. ВАРѲОЛОМІА. НАТАЛІИ» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 831. О. Ф. 12368 (54). РУК–94. Л. 64 об.) (рис. 8).

Другой порядок и набор имен содержится в Синодике Спасо-Преображенского Мирожского монастыря, заведенном в 1699 г. взамен старого (рис. 9).

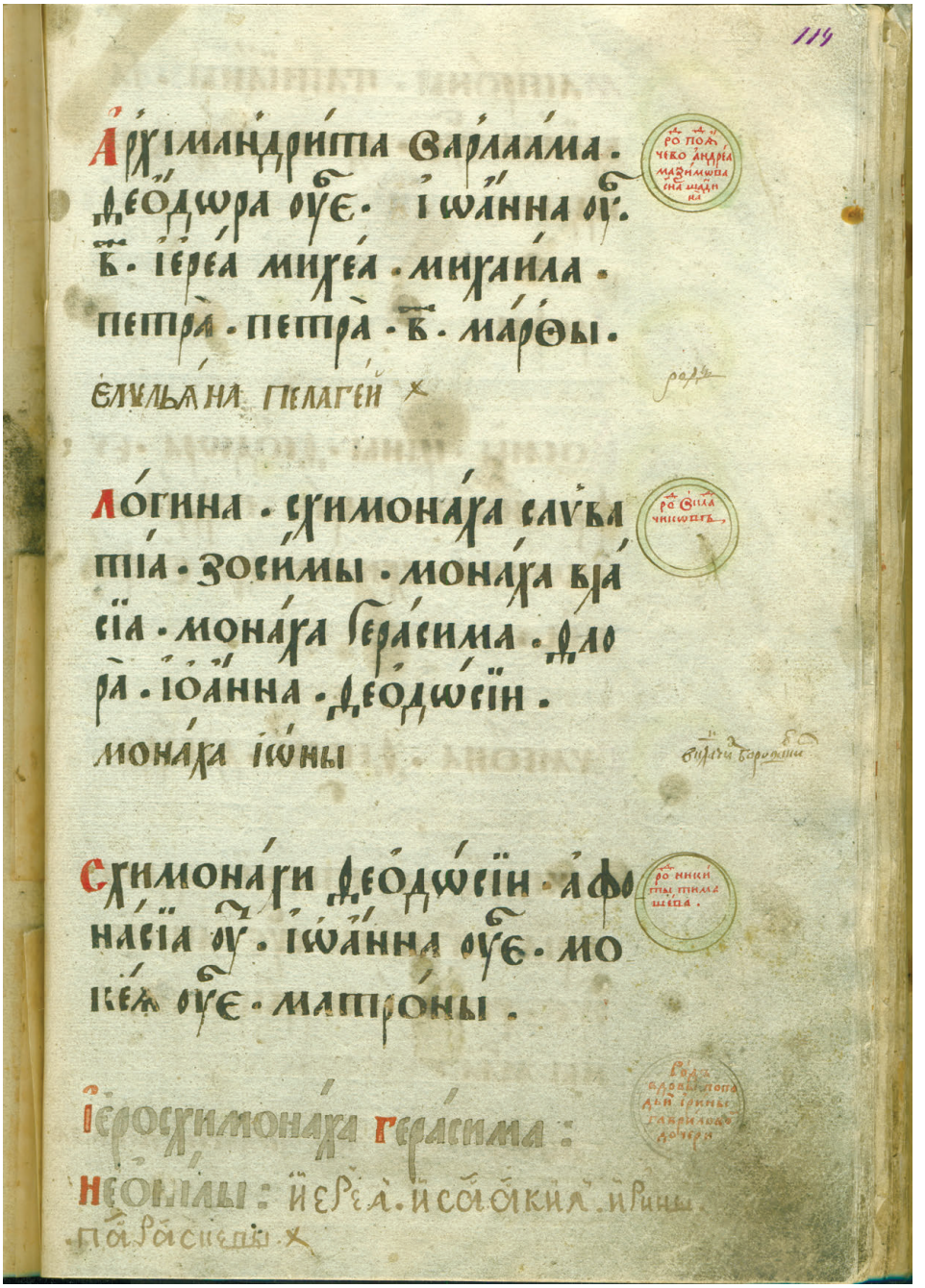


Рис. 9. Род подьячего А. М. Шандина в Синодике Спасо-Преображенского Мирожского монастыря 1698/99 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 736. О. Ф. 12353(2). РУК-221. Л. 114)

Там сообщается: «Родъ под(ь)ячево Андреа Маѯимова с(ы)на Шандинѣ: АРХИМАНДРИТА ВАРЛААМА. ѲЕОДОРА ОУБ(І)Е. ІОАННА ОУБ. В^{Ж} [2-ЖДЫ]. ІЕРЕА МИХЕА. МИХАИЛА. ПЕТРА. ПЕТРА В^{Ж} [2-ЖДЫ]. МАРѲЫ» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 736. О. Ф. 12353 (2). РУК–221. Л. 114.).

В Синодике Николо-Любятовского монастыря, заведенном в 1680/81 г., есть запись о вкладе, сделанном в обитель другим представителем рода – Алексеем Шандиным, который служил подьячим в Москве в Приказе Большого дворца (*Веселовский*, 1975. С. 572). На л. 92 по правому полю записано киноварью: «Род подьячево Алексѣя Шандинѣ, далъ Прологъ десят(ь) душъ. А по смерти ево вписать в сей синодикъ Алексія». Напротив перечислены имена: «С(ВЯ)ЩЕННОІЕРЕЯ МАКСИМА ВО ИНОЦѢХЪ МОИСЕЯ СХИМ. ПЕЛАГІИ. ѲЕОДОРА ОУБІЕННАГО. ІОАННА ОУБІ. АНДРЕА. ВАРѲОЛОМІА. ПАРФЕНІЯ. НИКИФОРА МЛАД. ДАРІИ Д(Ѣ)В(И)ЦЫ. МАРІИ» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 432. О. Ф. 34552. РУК–98. Л. 92) (рис. 10). Здесь видно, что родоначальник Шандиных – священноиерей Максим – относился к духовному сословию. Он смог дать своим детям начатки образования и обучил их грамоте: чтению и письму. Это позволило некоторым его детям стать подьячими и успешно трудиться в приказных учреждениях Москвы и Пскова. Вероятно, после смерти своей жены Пелагеи поп Максим постригся в монашество и принял схиму с именем Моисея. Очевидно, местом служения священника Максима был какой-то столичный храм, поскольку большинство его потомков значатся московскими подьячими.

Разобраться в родственных отношениях людей, упомянутых в синодиках, помогает вкладная запись на книге из собрания Древлехранилища Псковского музея – «**Евангелие учительное воскресное»**, изданной в Москве на Печатном дворе в январе 1681 (7189) г. Этот представительный фолиант в переплете из дубовых досок в коричневой коже с тиснением принадлежал Ильинскому девичьему монастырю с Запсковья (рис. 11). Книгу как поминальный вклад подарил обители Даниил Андреев сын Шандин в 1687 г. По нижнему полю титульного листа и листов 1–9, 11–17, 19–24, 162–163, 165 сделана запись красивой скорописью конца XVII в.: **«Во 195-м [1687] году генваря въ 8 день сия книга – Евангелие Учителное – отдал во обител(ь) – Св(я)т(а)го і славного – Пророка Иліи что зовомо – на Запсковье в великом граде – Пскове под(ь)ячей Даниіл – Андреевъ с(ы)нъ Шандин – для вѣчного поминовения – отца своего Андрея – і матери Ѳеодоры – і для поминовения ж – родствени[ковъ] – своихъ – Михайла – схимника – Моисѣя – Пелагеи – Варвары – Ѳотиніі д(ѣ)в(и)цы – Домники д(ѣ)в(и)цы – Назария – Мариі – св(я)щенноерѣ[я] Іоанна – Іоакима, Варѳоломѣя, Наталіи. – Подписахъ – убогий – Даниіл – сквернейшею своею рукою – будучи – во граде – Пскове»** (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 261. Ильинский девичий монастырь с Запсковья. О. Ф. 12346 (12). СПК–306. Л. 1–9, 11–17, 19–24, 162–163, 165).

Известно, что упомянутый здесь Варфоломей был псковским помещиком и в 1671–72 гг. служил ямским приказчиком в Пскове. О нем сообщается в «Росписи, кто в городех имяны воеводы и всякие приказные люди»: «<...>Во

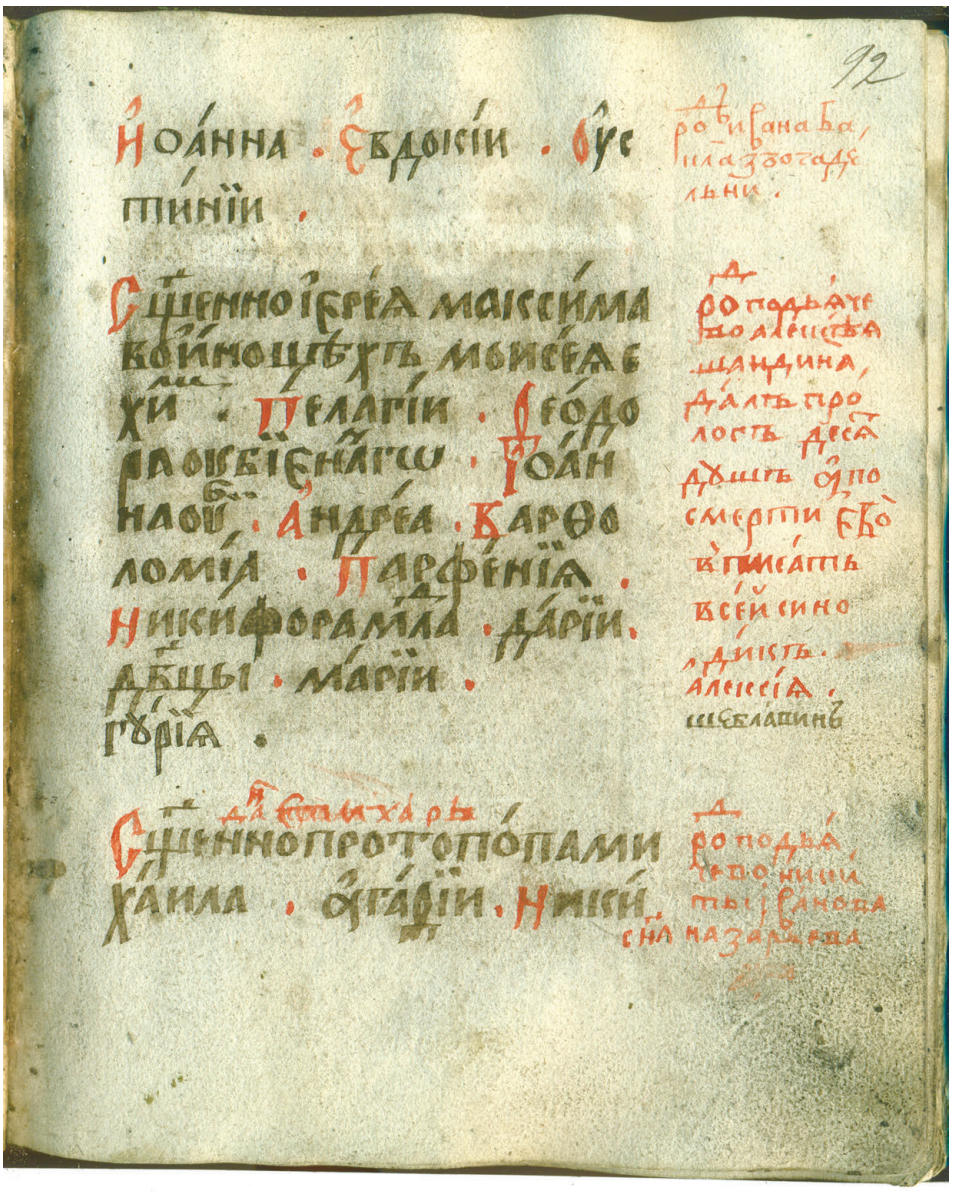


Рис. 10. Род Алексея Шандина в Синодике Никольского Любятовского монастыря (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 432. О. Ф. 34552. РУК-98. Л. 92)

Пскове: <...> У ямщиков приказщик Псковитин Варфоломей Шандин: отпущен во 179 году, маия в 20 день» (ДАИ. Т. VI. С. 233).

На основании привлеченных источников можно восстановить псковское семейство рода Шандиных в трех поколениях на протяжении XVII в.

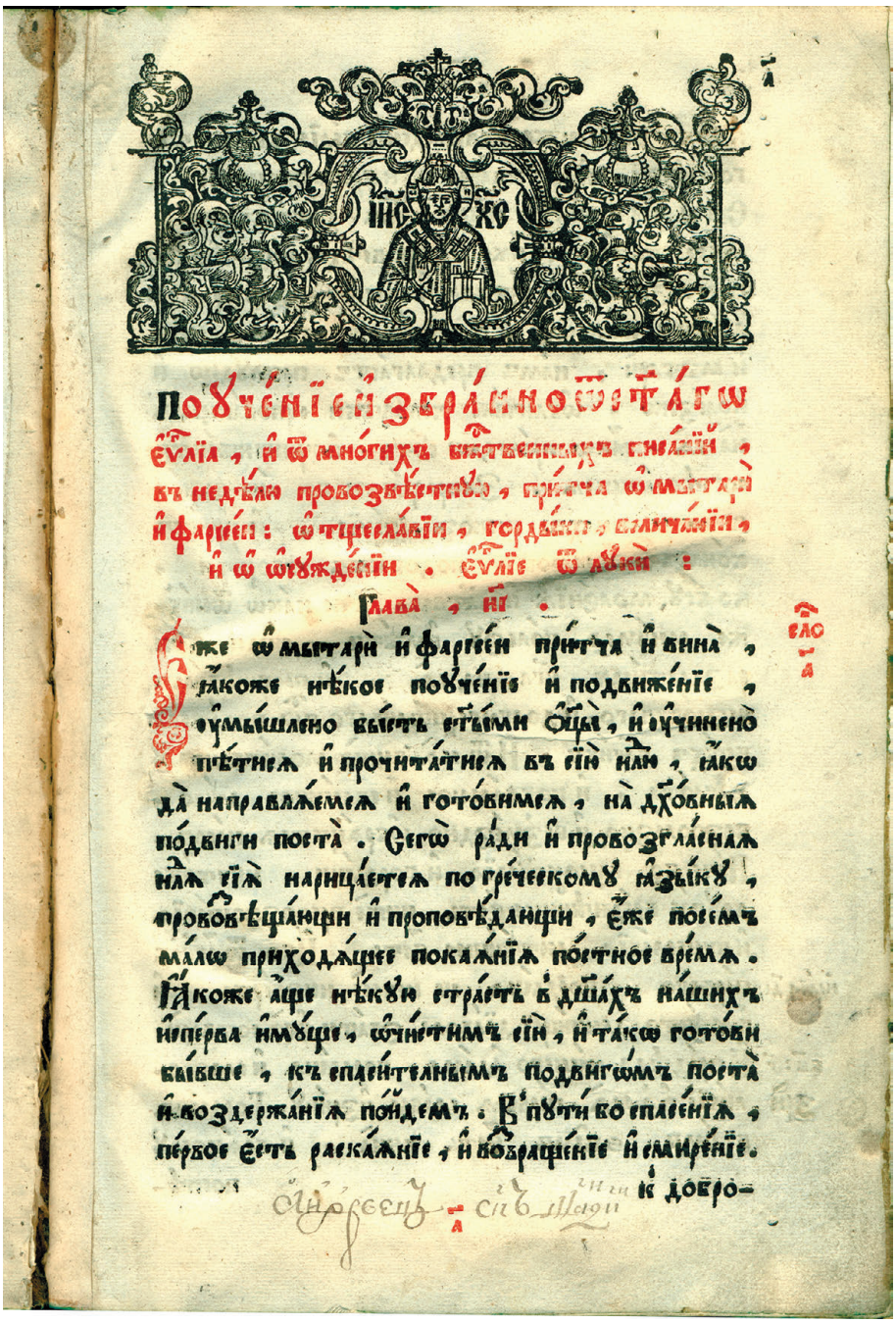
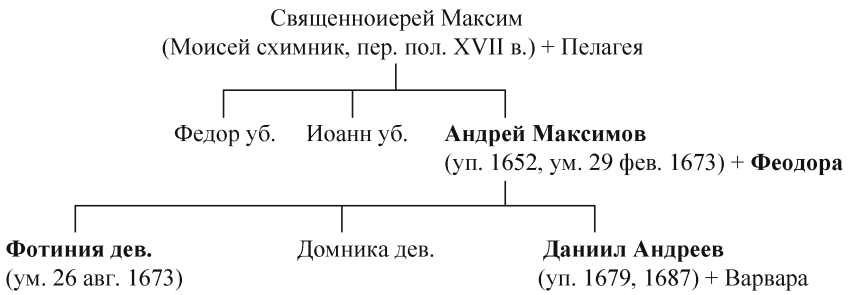


Рис. 11. Евангелие учительное воскресное. М., 1681 г. Поминальный вклад Д. А. Шандина по своем роде в Ильинский девичий монастырь с Запсковья 8 января 1687 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 261. О. Ф. 12346(12). СПК–306. Л. 1 второго счета)

Род подьячих Шандиных



Последний известный представитель семьи псковского подьячего А. М. Шандина – Даниил Андреев сын мог родиться в Пскове. Но после смерти отца он подался в Москву, к другим своим родственникам, поступив на службу в Печатный приказ. Почитая память своих родителей, он иногда приезжал во Псков и навещал могилы отца и сестры в Михайловской церкви, а также бывал и в Ильинском девичьем монастыре, где, возможно, была погребена его мать Феодора.

3. Надгробие Елены Андреевой, дочери, умершей 29 марта 1697 (7205) г. и ее сродников.

Рассматриваемая каменная надгробная плита ныне хранится в Псковском музее, в Мирожском монастыре[6]. При этом известно о ее происхождении из Михайловской церкви с Городца. Н. Ф. Окулич-Казарин отметил, что в начале XX в. эта памятная доска находилась «на правой стороне от входа в главный храм», хотя сейчас никаких особых ниш для ее помещения там нет (*Окулич-Казарин*, 1913. С. 125). Местом ее первоначального расположения мог быть притвор Архангельского храма или его паперть, где на западной стене могла существовать ниша справа от портала входных дверей. Позднее замурованное здесь надгробие оказалось вынуто и перемещено, а ниша заложена.

Известняковая плита имеет прямоугольную форму (рис. 12). Ее верхние углы скруглены. В середине верхней части имеется резное изображение восьмиконечного креста на трехступенчатом подножии. Примечательно, что нижняя перекладина креста развернута неправильно, опускаясь справа налево. Можно предположить, что мастер-резчик перенес это зеркальное изображение по прориси с другой плиты. В основании креста – череп и кости Адама. По сторонам – орудия страстей и надпись «НИКА». Крест обрамлен двумя стилизованными ветвями с растительным узорочьем. Слева и справа в три строки расположены обычные надписания под титлами: «Ц(а)рь» «Сла(вы)» «Іс(усъ)» «Х(ристо)с(ъ)» «К(опіе)» «Т(рость)» «М(есто)» «Л(обное)» «Р(ай)» «Б(ысть)». Каждое слово разделено крупными точками с двух сторон. Ниже помещен шестистрочный текст. Приведем его в такой же последовательности.

[6] Благодарю Т. В. Круглову – заведующую отделом Псковского музея-заповедника за любезное разрешение снять копию с каменной плиты из Михайловской церкви, ныне хранящейся в Спасо-Преображенском соборе Мирожского монастыря.

Рис. 12. Надгробная плита Елены Андреевой дочери и сродников ее.
Прорись А. Б. Постникова

«1) **Лѣта 7205-*г*(о) [1697] го*ду* м(ѣ)*с*(я)ца мар*та* въ КѲ [29] *д*(е)*н*(ь), на па́мя*т*(ь)**

2) **преп(о)*д*(о)бнаго отца̀ на́шего Ма́*р*ка епи*с*копа**

3) **Ареѳусиіскаго преставися рабà Б(о)жія**

4) **Еле́на А*н*дрѣева доч(ь) да *в* прошлы*х* го́дех**[7]

5) **престáвися рабѝ Б(о)жий Иѡáнъ Леѡнтиѣ**

6) **А*н*дре́й Стеѳа*н* Екатерина мла*д*(енецъ) Космà мла*д*(енецъ)»**[8]**.**

(Размеры: 55×41–42,5×6–7 см).

Высота строк – 3,8–3,9 см, междустрочный интервал – 2–2,2 см. Бортик ковчежца шириной от 1,8 до 3 см. Выносных букв немного, но часто употребляются диакритические надстрочные знаки: титла и каморы, а также знаки силы (ударения): оксия и вария. Используются лигатуры: «ЛЕ», «ВЪ», «ПР», «АГ», «СТ». Орнаментальность прямого почерка достигнута дроблением мачт и подчинениями букв. Число строчных знаков (без выносных) колеблется от 26 до 31.

Эпитафия исполнена изящным и качественным полууставом. Плита была покрыта серой краской, местами сохранившейся.

На памятной плите сообщается о погребении вместе с Еленой Андреевой дочерью ее родственников, скончавшихся ранее, членов семьи: мужа, отца и детей. Вероятно, они были положены в одном родовом склепе. Отчество Елены указывает на то, что ее родителем был Андрей Стефанов, упомянутый в тексте надписи. В таком случае ее мужем был Иоанн Леонтиев. Последними названы их дети, умершие во младенчестве: Екатерина и Косма. Если эти предположения верны, то имеет смысл поискать их среди псковичей посадских людей, поскольку сословная принадлежность погребенных на памятнике не указана.

Из Переписной книги города Пскова «пришлым людям» 1646–1685 гг., взятым в посад к 1694 г., известен псковитин посадский человек Андрей Степанов, прежде бывший «помещицким бобылем» Никиты Тимашова. После переселения в город он жил в Великоулицкой сотне, то есть как раз там, где находился Михайловский храм. В книге сообщается, что промышлял «Андрюшка Степанов с отцом своим Степашкою рукодел(ь)ным промыслом» (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 32. Л. 31–31 об.).

Письменные источники свидетельствуют о том, что Архангельский храм издревле опекался прихожанами – псковскими посадскими людьми и купечеством. Именно их трудами и вкладами совершалось строительство храма. Они делали пожертвования для написания в церковь икон и утвари. Обеспечивали ее богослужебными книгами. Церковные старосты и приказчики заведовали вотчинным хозяйством. Оттого многие из них удостоились погребения как внутри храма, так и снаружи на бую.

---

[7] У Н. Ф. Окулича-Казарина прочтено иначе: «да въ томъ же годѣ». (*Окулич-Казарин*, 1913. С. 125).

[8] У Н. Ф. Окулича-Казарина имена переданы не точно: «Иванъ, Антипъ, Андрей, Стефанъ, Екатерина, Мар...».

4. Каменный «летописец» Архангельской церкви 1696 г.

Самая крупная и необычная плита из всех, сохранившихся в Пскове, находится на южной стене четверика Михаило-Архангельской церкви у правого клироса. Она имеет вертикальную прямоугольную форму и вмурована в стену в 80 см от уровня пола. Глубина ниши – 11–12 см. Сия известняковая «дска» покрыта рельефной обронной резьбой, изящного исполнения (рис. 13). Плита украшена по краям декоративным пояском стилизованного растительного узора. В верхней части посередине в круглом обрамлении находится изображение восьмиконечного креста на трехступенчатом голгофском подножии с орудиями страстей, но без надписаний. Ниже надпись в 24 строки. Приведем ее буквально в построчном расположении.

1) «**В лѣто 6847-*г(о)* [1338/39. – *А. П.*] заложена бы*с*ть ц(е)рко*в*(ь) каме*н*ная Михаи*л* і Га*в*риил при**

2) **де*р*жавѣ великіа Росиіскія де*р*жавы, Мо*с*ко*в*скаго г(о)*с*(у)д(а)рьства кн(я)зеі и Бо**

3) **ля*р* і воево*д* і всеі зе*м*ли а *в* которые лѣта сове*р*шена и осв(я)щена и того в писаниі не о*б*ре**

4) **тено за *м*ногими лѣты в лѣта 7121-*г(о)* [1612. – *А. П.*] го*ду*[9] м(ѣ)с(я)ца ноемвриа въ 8 *д*(е)*н*(ь) на собо*р* Архис*т*ратига Х(ристо)ва**

5) **Михаила і прочи*х* н(е)б(е)*с*ны*х* си*л* безпло*т*ны*х* осв(я)щенъ о*л*тарь Г(о)*с*(по)да Б(о)га и Сп(а)са нашего**

6) **Іис(у)са Хри*с*та і Ц(е)рко*в*(ь) во імя его А*р*хис*т*ратига Михаила по бл(а)го*с*ловению Вели**

7) **каго г(о)*с*(по)д(и)на преосв(я)ще*н*наго Исидора ми*т*рополита Великаго Нова града а осв(я)ща*л***

8) **тое *ж* ц(е)рк(о)вь собо*р*ны*и* ц(е)ркви Живонача*л*(ь)ные Тр*о*(и)цы по*п* Лаѕо*р*(ь) з[10] бра*т*(ь)ею при пско*в*ско*м***

9) **боляринѣ і воеводе при Ніките Дми*т*риевиче Ве*л*(ь)яминове[11] и дьяке Васілиі Корине**

10) **І в лѣто 7202-*г*(о)** [1693/94. – *А. П.*] **і 7203-*г*(о),** [1694/95. – *А. П.*] **го*ду* при де*р*жавѣ бл(а)говѣрны*х* ц(а)рѣхъ і велики*х* кн(я)зѣ*х***

11) **ІОАННѢ Алеѯіевиче ПЕТРѢ Алеѯіевиче всеа Великия і Малыя**

12) **і Бѣлыя Россіи Самодержцѣхъ і при *с*ветѣйше*м*[12] кvръ Адрианѣ архи**

13) **еп(и)*с*к(о)пе Мо*с*ковско*м* і всеа Россіи і всѣхъ сѣве*р*ны*х* стра*н* Патриа́*р*хе а по бл(а)го*с*ло**

14) **ве́нию преѡсв(я)ще́ннаго Іларіѡна ми*т*рополита Пско*в*ска́го і Изъ́бо́*р*скаго, пос*т*ро́ена**

15) **та*ж* ц(е)рко*в*(ь) Арха́(н)г(е)гла[13] Миха́ила вно*в*(ь) вну*т*рь і ѡколо ѡбе*т*ша́лые местà і сво́ды вер*х*ние**

---

[9] Слово «году» пропущено у Евгения (Болховитинова).

[10] У Болховитинова «съ».

[11] У Болховитинова «Веніаминовѣ».

[12] У Болховитинова «Святѣйшемъ».

[13] У Болховитинова «Архистратига».

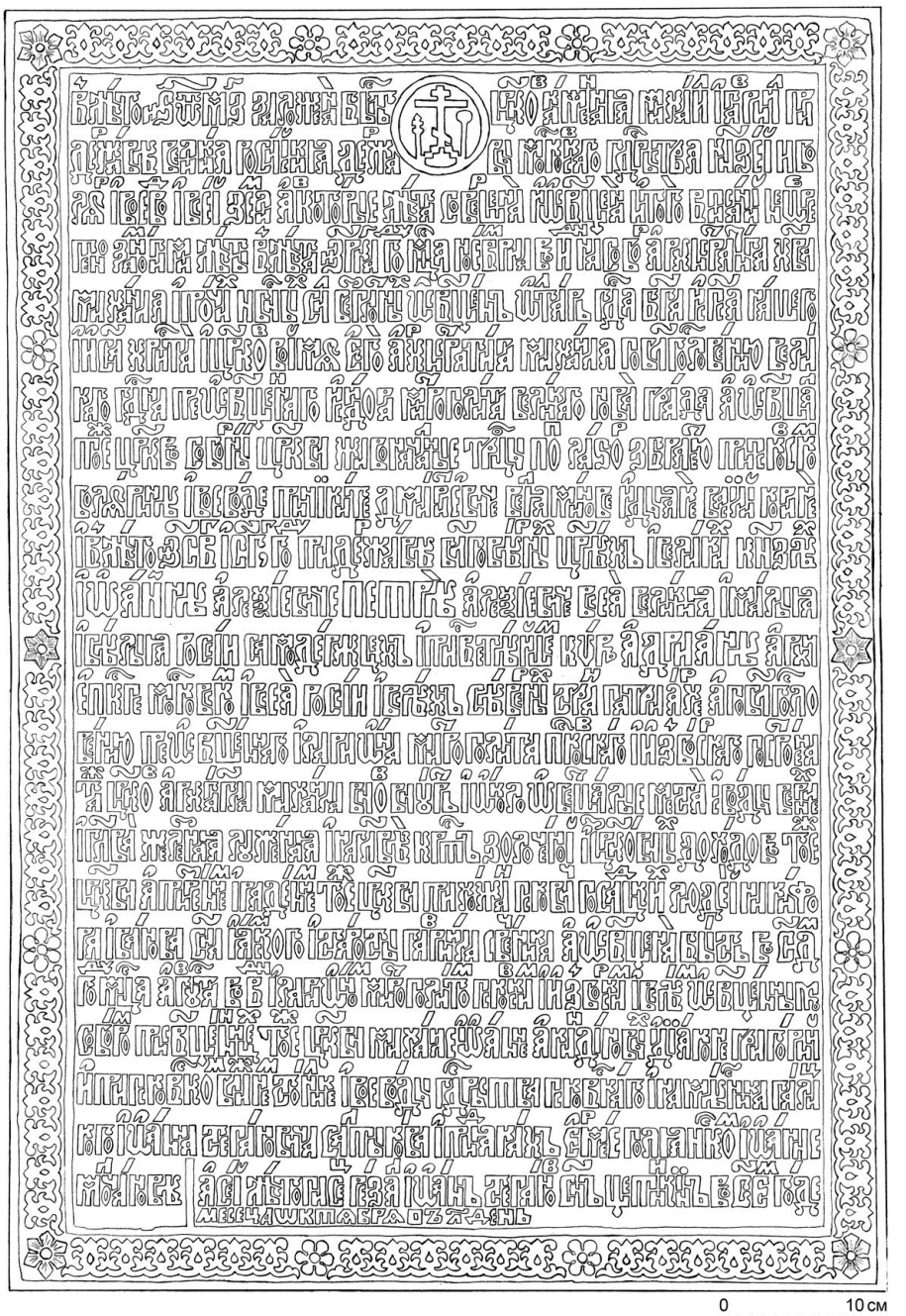


Рис. 13. Каменный летописец из Архангельского собора с Городца.
Прорись А. Б. Постникова 2021–2022 гг.

16) **і гл(а)вà железная лужéная і на гл(а)вѣ кр(е)*с*тъ золочéноі і*з* ц(е)р-кóвны*х* дохóдовъ тое*ж***

17) **ц(е)ркви а призрéние*м* і радéние*м* тое *ж* ц(е)ркви**[14] **прихóжа*н* пскови*ч*(ь) поса*д*цки*х***[15] **людеі Никифо**

18) **ра Івáнова с(ы)на Я*м*ского і стáросты Га*в*риила Свé*ч*ника а ѡсв(я)щенà бысть въ 204-*м***[16] [1696. – *А. П.*]

19) **го*ду* м(ѣ)*с*(я)ца а*в*гу*с*та въ 2 *д*(е)*н*(ь) Іларіѡно*м* ми*т*рополито*м* Псковски*м* і Изъбо*р*ски*м* і всѣ*м* ѡсв(я)щéннымъ**

20) **собóро*м* при св(я)щé*н*ницe*х* тое*ж* ц(е)ркви Михáиле Іѡáнне Аки*н*діновы*х* і діáконе Григóрій**

21) **и при Псковско*м* бли*ж*не*м* стó*л*(ь)нике і воевóды**[17] **г(о)с(у)д(а)рьства Псковскáго і намѣ*с*ника Гáли*ц***

22) **кого**[18] **Іѡáнна Степáновича Са*л*тыкóва і при *д*(ь)якáхъ Е*р*мéе Полян*с*ко*м* Іѡáнне**

23) **Мо*л*чáновѣ ‖ А сéі Лѣтописе*ц* рéза*л* Іѡáнъ Степáно*в* с(ы)нъ**[19] **Щети*н*кінъ въ 205-*м***[20] [1696. – *А. П.*] **гóдѣ**

24) **месеца ѡктября въ 30**[21] **день»**.

(Размеры: 104×70 см).

Высота строк – 2,4–2,7 см, междустрочный интервал – 1,3–1,5 см. Бортик ковчежца шириной от 4,7 до 5 см. Эпиграфический полуустав высокого качества. Употребляются выносные буквы, диакритические надстрочные знаки: титла, паерки и каморы, а также знаки силы (ударения): оксия и вария. Используются лигатуры. Орнаментальность прямого почерка достигнута дроблением мачт и подчинениями букв. Число строчных знаков (без выносных) колеблется от 47 до 63.

Композиция эпитафии уравновешена. Все выпуклые изображения и буквы на плите были окрашены серой краской.

Текст каменного летописца 1696 г. свидетельствует о самых значительных событиях в строительной истории храма. Особое место в нем отведено последней перестройке, осуществленной после общегородского пожара в Пскове 1682 г. Тогда был проведен капитальный ремонт Михайловской церкви с переделкой ее верхних частей и возведением новых надворных построек.

В надписи упоминаются попечители, на средства которых производились строительные работы. Как можно видеть, руководил ими один из наиболее богатых купцов города – Никифор Иванов сын Ямской. Ему помогал церковный

---

[14] Слова: «**а призрением і радением тое ж ц(е)ркви**» – пропущены в публикации митрополита Евгения (Болховитинова).

[15] У Болховитинова «посадскихъ».

[16] У Болховитинова «въ 7204 (1695) году».

[17] У Болховитинова «Воеводѣ».

[18] В прочтении Болховитинова неверно значится «Намѣстника Полоцкаго».

[19] Слово «**с(ы)нъ**» у Болховитинова пропущено.

[20] У Болховитинова год отсутствует, а вместо него оставлен пробел.

[21] У Болховитинова число отсутствует, а вместо него оставлен пробел.

староста посадский человек Гаврила Свечник. Дорогостоящее каменное дело потребовало расхода средств церковной казны и личных вложений со стороны попечителей.

По наблюдению Вл. В. Седова, «следует признать, что барабан и перекрытия храма относятся ко времени коренной переделки храма. Мятые формы закомар и их несогласованность с лопатками также свидетельствуют о позднем времени возведения верха храма. Это подтверждают и анкерные затяжки в основании закомар» (*Седов*, 1992. С. 50–51). Тогда же были убраны существовавшие первоначально хоры с угловыми палатками на западной стене, заново возведены столбы, поддерживающие своды и барабан, растесаны окна.

Названный в конце надписи создатель каменного летописца – **псковитин посадский человек Иоанн Степанов сын Щетинкин** – был знаменитым в городе мастером-резчиком по камню. Благодаря оставленной им подписи на одной плите можно попытаться выявить и другие его изделия. Зная отличительные особенности декорирования каменного летописца из Михайловской церкви в Пскове, следует предположить его авторство и в других известных творениях. «Почерк» мастера прослеживается в нескольких сохранившихся произведениях. Ему принадлежали работы, выполненные в конце XVII в. для крупнейших духовных центров Пскова и Псковской земли: летописец для Михаило-Архангельской церкви (1696 г.), каменное надгробие для псковского митрополита Илариона в Троицком соборе (1698 г.) и целый ряд памятников в пещерном некрополе Успенского Псково-Печерского монастыря. Эти произведения искусства отличают высокий уровень мастерства, общие декоративные мотивы стилизованного травного узорочья и схожие начертания букв славянской вязи.

Несохранившиеся надгробия

Всего к настоящему времени в Михайловской церкви сохранилось три каменных плиты с памятными надписями. Кроме них, еще одна надгробная плита сейчас хранится в собрании Псковского музея в Мирожском монастыре. Но на фасадах Михайловской церкви есть, по крайней мере, еще две ниши, в которых могли находиться надгробия, тексты которых оказались утрачены. То есть они были уничтожены или их надписи совершенно изгладились, были затерты раствором и побелены. Уточнить места погребений будет возможно только после проведения археологического исследования под полом церкви и вокруг нее на дворе.

Однако из документальных свидетельств известно о существовании других погребений при Михайловском храме. Например, в «Книге явочной старых крепостей по Пскову с 9 июня по 9 июля 1701 г. » была записана «Духовная **подьячего Приказной палаты Ивана Герасимова», умершего в 1701 г.,** с наказом поминать его душу жене своей Парасковье Самуйловой дочери Бенцова и читать на сорокоустах Псалтырь в трех храмах: отцу духовному Петропавловскому попу Емельяну, в приходе у Спаса Старого Костра и **в Михаило-Архангельском храме, «гдѣ лежитъ отецъ мой»** (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. 2. № 8636. Л. 14–15). То есть письменный источник сообщает о захоронении внутри Михайловской церкви отца псковского подьячего Ивана Герасимова. Его

погребение может относиться ко второй половине XVII в., так же как и другие захоронения, известные по памятным плитам. Кроме того, духовное завещание показывает, что женою подьячего была дочь крупного псковского купца Самуйлы Бенцова.

По сметной книге Пскова 1699 г. известно, что Иван Герасимов был старым неверстанным подьячим Псковской приказной палаты, служившим в Поместном столе. О нем сообщалось, что «Иван Герасимов сидит в подьячих со 184-го [1675/76] году по указу великого государя и по разсмотрению боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хилкова, по челобитной за пометою дьяка Мине Гробова» (Сб. МАМЮ. Т. 6. С. 278).

Другое известное погребение, надгробие от которого оказалось утрачено, принадлежало именитому купцу и попечителю храма **псковитину посадскому торговому человеку Никифору Иванову сыну Ямскому**. Как известно, в его палатах постоянно останавливался государь Петр I, когда приезжал во Псков. По свидетельству краеведа К. Г. Евлентьева, относящемуся к 1873 г., «по кончине Никифора Ивановича, Иван Трубинский, вместе с прочими братьями своими, вдовою Ямскою был удален из дедовскаго дому. Последняя жена Никифора Ивановича – Анна – пережила своего мужа, и с ней-то, и другими родственниками покойнаго, Трубинские имели тяжбу об имуществе, оставшемся после смерти Никифора Ивановича, **умершаго скоропостижно 1726 г., сентября против 2-го числа, в ночи; погребен в Псково-градской Архангельской церкви с Большой улицы, в приделе**» (*Евлентьев*, 1873. С. 2). Очевидно, во времена К. Г. Евлентьева эта памятная плита могла еще сохраняться, поскольку он сообщил такие подробности о времени кончины и месте погребения Н. И. Ямского, которые уместно было запечатлеть на эпитафии его надгробия. Следует полагать, что поскольку благотворитель Н. И. Ямской осуществил в 1694–1696 гг. перестройку Архангельской церкви, а позднее возвел и новую колокольню с богаделенными палатами по сторонам от церковных ворот, все представители его рода покоились в особом склепе под полом храма. Возможно, памятная плита их рода находилась в притворе Успенского придела, на правой стороне от входа в четверик, где от нее осталась стенная ниша с арочным завершением. Она находится примерно в 1 метре от уровня пола. Вся ее левая сторона повреждена от разрушения кладки стены при расширении дверного проема в конце XIX в. (рис. 14). Ныне плита утрачена.

Сохранившиеся в Михайловской церкви каменные надгробия служителей и прихожан относятся к последней трети XVII в. Их появление свидетельствует об укреплении храмового хозяйства, налаживании приходской жизни и строительном подъеме, который происходил во Пскове между пожарами 1682 и 1710 гг. В это же время на псковском посаде развивается камнерезное искусство, достигшее своего расцвета. Именно такие образцы произведений псковских мастеров резчиков по известняковому камню находятся в Михаило-Архангельской церкви «с Городца».

Примечательно, что эпиграфические и письменные источники указывают на традицию посещения Михайловской церкви в XVII в. семьями подьячих

Рис. 14. Предполагаемая ниша от плиты Н. И. Ямского

и псковичей – посадских людей. Некоторые их представители имели межсословные родственные связи.

Белокаменные плиты являются ценными памятниками старины, имеющими самостоятельное источниковедческое значение как для истории самого Михайловского храма, его служителей и прихожан, так и для изучения художественной культуры и камнерезного мастерства древнего Пскова.

Архивные источники

ПИХМЗ – Псковский историко-художественный музей-заповедник (ныне Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник).

Древлехранилище. Ф. 174. Годовиков И. Ф. Атлас рисунков древностей Пскова. 1866 г. О. Ф. 28006 (20). РУК–508. Л. XXI. Древние церкви Пскова (Вознесения Господня, Успения Богородицы Пароменская, Богоотец Иоакима и Анны, Архангела Михаила) 1856 г. Описание на с. 220.

Древлехранилище. Ф. 174. Годовиков И. Ф. Краткое историческое обозрение города Пскова и его древних достопамятностей с атласом рисунков. – Псков, 1866 г. О. Ф. 28006 (31). РУК–507. С. 707–709.

Древлехранилище. Ф. 261. Ильинский девичий монастырь с Запсковья. О. Ф. 12346 (12). СПК–306. Л. 1–9, 11–17, 19–24, 162–163, 165.

Древлехранилище. Ф. 264. Зачатейский монастырь с Мильца. О. Ф. 12400 (4). РУК–753. Л. 5 об.

Древлехранилище. Ф. 432. Никольский Любятов монастырь. О. Ф. 34552. РУК–98. Л. 92.

Древлехранилище. Ф. 608. Псковская съезжая изба. О. Ф. 28330 (2). РУК–296. Л. 646 об.

Древлехранилище. Ф. 736. Мирожский монастырь. О. Ф. 12353 (2). РУК–221. Л. 114.

Древлехранилище. Ф. 831. Троицкий собор Пскова. О. Ф. 12368 (53). РУК–90. Л. 17 об.

Древлехранилище. Ф. 831. Троицкий собор Пскова. О. Ф. 12368 (54). РУК–94. Л. 61, 64 об.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Ф. 137. Оп. 1. № 32. Л. 31–31 об.

Ф. 350. Оп. 3. № 2699. Л. 4.

Ф. 615. Оп. 1. Ч. 2. № 8636. Л. 14–15.

Ф. 1209. Оп. 1. № 8512. Л. 10.

Литература

Авдеев А. Г., 2018. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. 48 с.

Авдеев А. Г., 2020. Памятники лапидарной эпиграфики как источник по истории и культуре Московской Руси.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Т. 1, 2 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. 2216 с.

Барсуков А. П., 2010. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. М.: Кучково поле. 687 с.

Василев И. И., 1898. Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей (с рисунками и планами). СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 100 с.

Веселовский С. Б., 1975. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука. 607 с.

Годовиков И. Ф., 1881. Описание и изображение древностей Псковской губернии. Вып. 2. Псков: Тип. Губ. Правл. 125 с.

Демидова Н. Ф., 2011. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографич. справочник. М.: Памятники исторической мысли. 717 с.

ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою коммиссиею. Т. VI. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1857.

Евгений (Болховитинов, митрополит), 1831. История Княжества Псковского, с присовокуплением плана города Пскова. Ч. III. Киев: В Тип Киево-Печерской Лавры. С. 164–165.

Евлентьев К. Г., 1873. [Предисловие к публикации] // Памятник псковской старинной письменности: «Домашняя книга псковитина посадскаго торговаго человека Никифора Ивановича Ямского». (Матерьял для истории губ. г. Пскова) / К. Г. Евлентьев. Псков: В Тип. Губ. Правл.

Комеч А. И., 1993. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М.: Наука. С. 80–83.

Михайлов С. П., 1984. Снетогорская храмозданная надпись начала XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков. С. 13.

Михайлов С. П., 1988. Пять каменных керамид XVI–XVII вв. из церкви Успения с Полонища в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков. С. 37–39.

Окулич-Казарин Н. Ф., 1913. Спутник по древнему Пскову. (Любителям родной старины). Изд. 2-е. Псков: Электр. типо-лит. Псковского губ. земства. С. 122–126.

Петров Н. И., 1904. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. III. Библиотека Киево-Софийского собора. М.: Унив. тип. 310 с.

Постников А. Б., 2013. Древлехранилище Псковского музея. Обозрение русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: БуксМАрт. 975 с.

Постников Б. А., Постников А. Б., 2018. Церковь и духовенство Пскова в ходе реформ 1666–1764 гг. [Рукопись] // Архив А. Б. Постникова.

ПЛ – Псковские летописи. Вып. 1 / Приготовил к печати А. Н. Насонов. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. 148 с.

Сб. МАМЮ. Т. 5. – Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. Псков и его пригороды. Кн. 1. М., 1913. 502 с.

Сб. МАМЮ. Т. 6. – Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6. Псков и его пригороды. Кн. 2. М., 1914. 555 с.

Свод русских надписей [Электронный ресурс] // URL: https://cir.rssda.su/(дата обращения – 22.08.2022).

Седов Вл. В., 1992. Псковская архитектура XIV–XV веков. Происхождение и становление традиции. М.: Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства. 186 с. (Архив архитектуры; вып. III).

Спегальский Ю. П., 1960. Происхождение пониженных подпружных арок церкви Козьмы и Дамиана с Примостья // Памятники культуры. Исследования и реставрация. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР. С. 31–41.

Спегальский Ю. П., 1963. Псков: Художественные памятники. Л.; М.: Искусство. 303 с.

Суслов В. В., 1888. Материалы к истории древней Новгородско-Псковской архитектуры. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 36 с.

* * *

Постников Арсений Борисович, *Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище;*
e-mail: postnikovarsenii@mail.ru

Б. А. Постников[1]

Изразцовая печь XVII века из дома Подзноевых в Пскове

Резюме. Б. А. Постников был автором проекта реставрации двора Подзноевых – памятника псковской гражданской архитектуры XVII в. Археологические работы на объекте проводились им при содействии В. Д. Белецкого в 1969 и 1970 гг. В процессе исследования в археологических шурфах Первого и Второго домов Подзноевых были обнаружены остатки декора четырех печей с рельефными изразцами. Путем архитектурно-археологического изучения, по материалам находок и аналогов Б. А. Постниковым были собраны данные для реконструкции облика всех четырех печей. К 1972 г. автор подготовил проект восстановления печи № 4, которая находилась в Первом доме Подзноевых. Это была двухъярусная печь XVII в., облицованная рельефными муравлеными изразцами псковского производства. В статье впервые описаны найденные при раскопках изразцы, выясняется их расположение по рядам и предлагается эскизный проект реконструкции муравленой печи псковского производства XVII в. В качестве иллюстраций прилагаются также рабочие чертежи и утвержденный проект осуществленной реконструкции 1989 г.

Заказ на изготовление изразцов четырех печей для Двора Подзноевых был исполнен в 1991 г. в Новом Иерусалиме (г. Истра) в Подмосковье. Однако печи в дом Подзноева не поступили по независящим от автора проекта реставрации причинам. Позднее муравленая печь, выполненная по проекту реконструкции Б. А. Постникова для Первого дома Подзноевых, была собрана в интерьере Псковской приказной палаты, где ее можно увидеть и сегодня.

Ключевые слова: изразцы, печь, реставрация, реконструкция, двор Подзноева, каменные палаты.

B. A. Postnikov. A 17th Century Tiled Stove from the Podznoyevs' House in Pskov[2]

Abstract. B. A. Postnikov was the author of the project of restoration of the Podznoyevs' yard – a monument of Pskov civil architecture of the 17th century. Archaeological works at the site were carried out by him with the assistance of V. D. Beletsky in

[1] **Постников Борис Андреевич** (1945–2020). Статья подготовлена к публикации сыном автора А. Б. Постниковым (postnikovarsenii@mail.ru), добавившим к ней предисловие и заключение с историческими пояснениями.

[2] **Postnikov, Boris Andreevich** (1945–2020). The article was prepared for publication by the author's son A. B. Postnikov, who added a preface and an ending with historical explanations.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.328-349

1969 and 1970. In the course of the research, the remains of the decor of four furnaces with relief tiles were found in the archaeological pits of the First and Second houses of the Podznoyevs. By means of architectural and archaeological study, based on the materials of finds and analogues, B. A. Postnikov collected the data for the reconstruction of the appearance of all four furnaces.

By 1972 the author had prepared a project for the restoration of furnace No. 4, which was located in the First House of the Podznoyevs. It was a two-tier furnace of the 17th century, lined with relief muralized tiles of Pskov production.

The article describes for the first time the tiles found during excavations, identifies their location in rows and offers a draft design for the reconstruction of the Pskov-made muraled furnace of the 17th century. Sketches of drawings and the approved project of the reconstruction carried out later in 1989 are also attached as illustrations.

The order for the manufacture of tiles of four stoves for the Podznoyevs' Yard was fulfilled in 1991 in New Jerusalem (Istra), Moscow region. However, the furnaces were not delivered to the Podznoev house for reasons beyond the control of the author of the restoration project. Later, a muralled furnace, made according to the reconstruction project of B. A. Postnikov for the First House of the Podznoyevs, was assembled in the interior of the Pskov Clerical Chamber, where it can still be seen today.

Keywords: tiles, furnace, restoration, reconstruction, Podznoev's yard, stone chambers.

С 27 августа 1968 г. Б. А. Постников был принят на работу техником-архитектором в Псковскую Реставрационную мастерскую. В то время в ней еще работал Ю. П. Спегальский, ставший его первым наставником в деле реставрации памятников гражданской архитектуры Пскова XVII в. В декабре 1968 г. главным архитектором Ю. П. Спегальским было разработано «Реставрационное задание на составление проекта восстановления жилого двора XVII в., известного под названием "Двора Подзноевых"» (*Спегальский*, 1968. С. 1–8). Задание было согласовано в Псковском областном управлении культуры. К тому времени два здания старинных палат лежали в руинах (рис. 1, 2). Сохранялись лишь сводчатые помещения нижних этажей и остатки стен. В планах Ю. П. Спегальского было «полное воссоздание двора Подзноева» с реконструкцией верхних утраченных этажей и последующим приспособлением памятника для размещения в нем экспозиций Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника.

К сожалению, 17 января 1969 г. Ю. П. Спегальский умер, не успев осуществить некоторые творческие замыслы. Его дело по исследованию памятников гражданской архитектуры древнего Пскова продолжил Б. А. Постников. Первым объектом его изучения и реставрации стали палаты двора Подзноевых, которые являются одним из наиболее значительных памятников жилого зодчества Пскова XVII в.

Одновременно с работой Б. А. Постников получил высшее образование в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академия Художеств) по специальности «История и теория изобразительного искусства», обучаясь там с 1971 г. по 23 июня 1977 г. По завершении учебы ему была присвоена квалификация искусствоведа. В то же время с 13 июля 1973 г.

Рис. 1. Первый дом Подзноева до реставрации. Вид с северо-востока.
Фото С. М. Морозова, 1960 г.

Рис. 2. Археологические раскопки Первого дома Подзноевых, 1969 г.

он назначен на должность архитектора Псковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, а с 6 мая 1975 г. переведен в должность старшего архитектора ПСНРПМ.

В этот период Б. А. Постниковым было обмерено и исследовано свыше двух десятков памятников древнепсковской гражданской архитектуры,

Рис. 3. Шурф № 7, в котором обнаружены изразцы у северной стены Первого дома Подзноева. Видны обломки румп изразцов. Фото Б. А. Постникова, 1969 г.

на каждый из них составлены паспорта, проведена большая архивно-изыскательская работа, позволившая ему прийти к совершенно новым выводам о развитии архитектурных форм каменных жилых домов XVII в. в Пскове.

В 1969–1977 гг. им осуществлено исследование и подготовлен проект реставрации Первого дома Подзноевых. В 1976 г. выполнен проект реставрации Второго дома Подзноевых. Названные проекты были рассмотрены и утверждены к строительству Министерством культуры РСФСР для восстановления облика памятника по состоянию на четвертый период существования палат после пожара 1682 г. По исследуемой теме автором были написаны научные статьи (*Постников*, 1973. С. 4; 1976. С. 2; 2000. С. 97).

В 1969 и 1970 гг. в процессе исследования в Первом и Втором домах Подзноевых были выявлены остатки декора четырех рельефных изразцовых печей (рис. 2–4). Путем архитектурно-археологического изучения автором были собраны данные для реконструкции облика каждой из них (рис. 5). По материалам находок были подготовлены проекты объемной реконструкции всех печей. В настоящее время исторические и архивные изыскания, обмерные чертежи, графика по шурфам и зондажам, чертежи эскизных и рабочих проектов, выполненные Б. А. Постниковым, хранятся в архиве ПСНРПМ. Найденные фрагменты изразцов сберегаются в Псковском музее-заповеднике.

О реконструкции муравленой печи в 1972 г. Б. А. Постниковым была написана статья, к сожалению, сразу не опубликованная: «Изразцовая печь XVII века

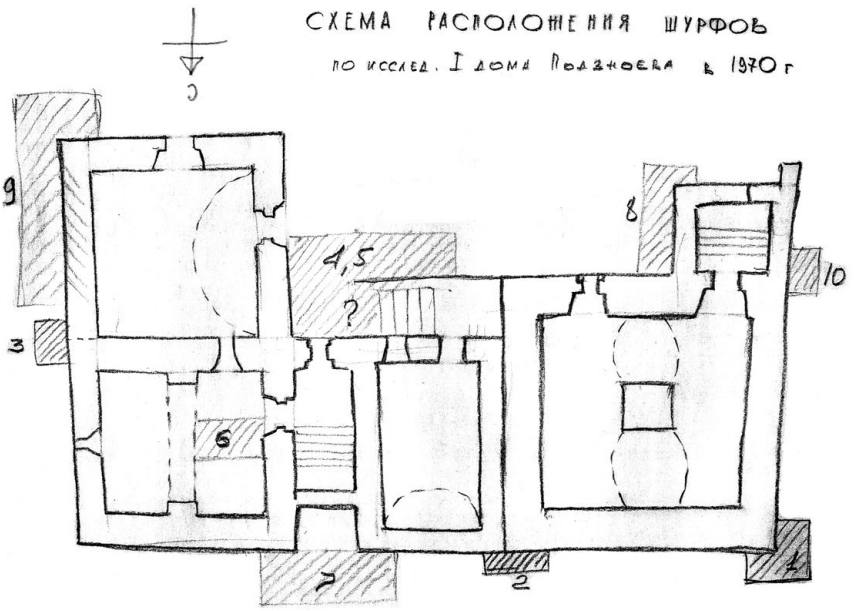


Рис. 4. Схема расположения шурфов Первого дома Подзноева, 1970 г.
Рис. Б. А. Постникова

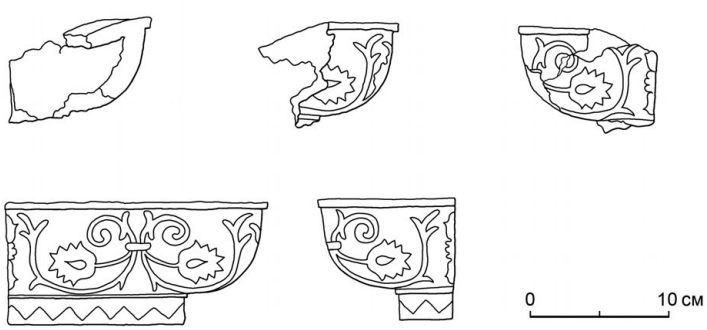


Рис. 5. Обмерный чертеж и реконструкция печного изразца Первого дома Подзноева.
Б. А. Постников, декабрь 1969 г.

из дома Подзноевых в Пскове». Ее рукопись на 12 страницах машинописного текста была снабжена 8 приложениями с чертежами реконструкции, рисунком керамических колец, описью изразцов, обмерными чертежами и таблицами аналогов.

Текст этой статьи, а также иллюстративные материалы к ней, хранящиеся в личном архиве автора, послужили основой для настоящей публикации. Ниже буквально приводится ее текст по рукописи Б. А. Постникова с его примечаниями.

* * *

Изразцовые печи в Пскове

Во внутреннем устройстве жилых палат XVII в. главным украшением были богато декорированные изразцовые печи. В первой половине столетия их собирали из зеленых (муравленых) изразцов, а позднее, с развитием ценинного дела, из изразцов, покрытых многоцветными поливами, полихромных (ценинных).

Особенное значение приобретали печи в интерьере псковских гражданских зданий. Своды и стены их помещений не имели, как правило, росписей, не обивались тафтой или камкой, не завешивались коврами, как это было в Москве, Новгороде и других городах; их белили желтоватой известью и оставляли свободными от всякой декоративной обработки. Такие стены отражали много света. Поверхность их была чрезвычайно насыщена рефлексами. Изразцовая печь на фоне этих стен выделялась особенно ярко и торжественно.

В некоторых документах XVII в. сохранились свидетельства об устройстве печей в гражданских сооружениях Пскова. Так, например, из расходной книги Псковской приказной избы за 1658/59 год мы узнаем, что на строительство печи для ее горницы потребовалось, помимо изразцов, 300 штук кирпича, 7 телег глины и 7 телег «каменья». Расплата с мастерами была произведена 16 ноября 1658 г. При этом из казны выдано «того ж числа каменщиком Аникейку Гаврилову с товарыщи за триста кирпичей целых, что пошло в печи в Приказную избу, по денге за кирпичь; да за семъ телег глины, за семъ же телег каменья по десяти денег; да за дело на пять дней двем человеком по осми денег на день; да провозу извощику от кирпичю два алтына. Всего два рубли дватцать два алтына дано» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 608. Псковская приказная изба. О. Ф. 28330 (5). РУК–298. Приходо-расходная книга Псковской съезжей избы 1658 (7167) г. сентября 1 – 1659 г. августа 31. Л. 178).

Из другого документа мы знаем о существовании изразцовых печей в палатах Немецкого гостиного двора на Завеличье. «Да в том же во 179-м году сентября с 1-го числа выдано Г(о)с(у)д(а)р(е)вых пошлин в таможенной росход и в постройку Гостина Немецкого двора и комор: <...> Дано десят(ь) алт(ы)н. Куплено десят(ь) телег гнилы в тое ж комору на печь и на подбор тое ж коморы» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 608. Псковская приказная изба. О. Ф. 28330 (7). РУК–307. Таможенная книга по Пскову 1670 (7179) г. сентября 1 – 1671 г. августа 31. «Книги Государева Гостина Немецкого двора таможни пошлинному збору 179-го году». Л. 448–448 об.). Там же сообщается: «Дано рубль десят(ь) алт(ы)н. Куплено в тое ж комору двесте шездесят пят(ь) кирпичь на печъ и на дымник. Дано тритцат(ь) алт(ы)н печником от дела и от подбору коморы. Дано три алт(ы)на. Куплено к тое ж ‖ л. 449 об. ‖ печи четыре обрасца кирпичные. Дано восмъ денег. Куплено два пещаника чем дымник закрыват(ь)» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 608. О. Ф. 28330 (7). РУК–307. Л. 449–449 об.). Далее записано: «Дано четыре рубли двенатцат(ь) алт(ы)н. ‖ л. 452 об. ‖ Куплено тысяча пят(ь)сот кирпич(ь) в две коморы на две печи и на дымники. Дано рубль тритцат(ь) один алт(ы)н 4 де(нги). Куплено тритцат(ь) воз гнилы и работнику отмят(ь) тое ж гнилы. Дано четыре рубли

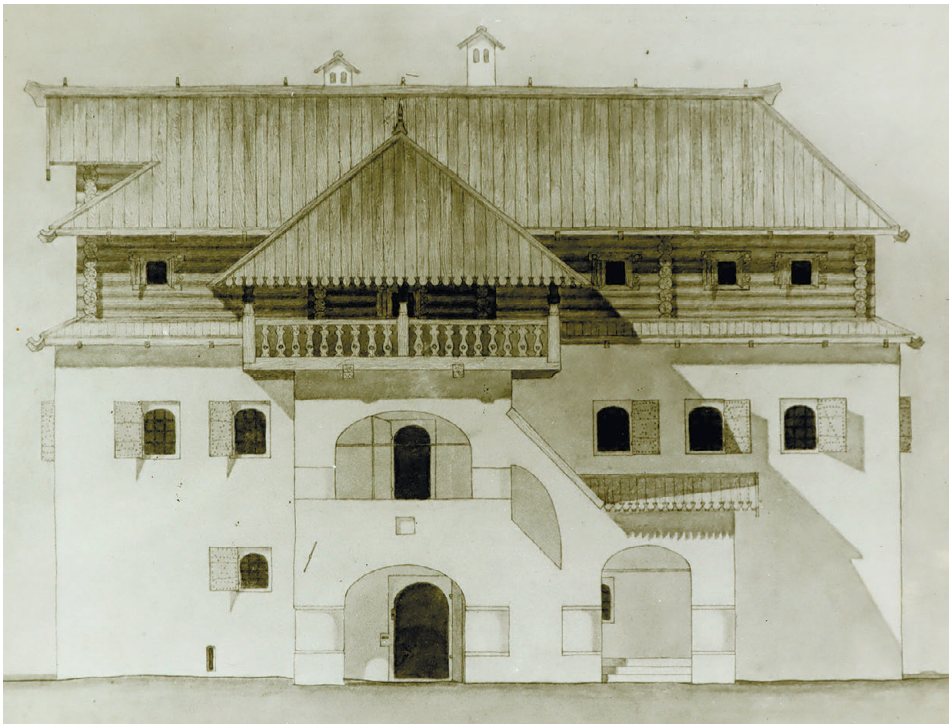


Рис. 6. Первый дом Подзноева до пожара 1682 г. Южный фасад.
Проект реконструкции Б. А. Постникова

дватцат(ь) восмъ алт(ы)н 2 де(нги). Куплено триста обрасцов мурамленых на те ж две печи. Дано три рубли печнику от дела тех двух печей мурамленых и от дымников. ‖ Л. 453 ‖ Дано рубль дватцат(ь) три алт(ы)на 2 де(нги). Куплено к тем же печам железа на связи и от работы кузнецу» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 608. О. Ф. 28330 (7). РУК-307. Л. 452–453).

За время раскопок Псковской экспедицией Государственного Эрмитажа В. Д. Белецким были обнаружены несколько печных развалов в Довмонтовом городе.

Остатки изразцовых печей в псковских купеческих домах неоднократно находил Ю. П. Спегальский. В 1925 г. в старейшей части дома Печенко он обнаружил печной развал, сохранивший более 40% изразцов, что позволило ему сделать приблизительную реконструкцию первоначального вида печи (Личный архив Ю. П. Спегальского; *Спегальский*, 1973. С. 25–32, 48–63, 65). Это была четвероугольная печь, сложенная из красивых многоцветных изразцов. Им же были найдены остатки ценинных печей в доме Яковлева (Вторых палатах Меншиковых) (*Спегальский*, 1963. С. 71–73).

Но во всех найденных до сего времени в Пскове остатках изразцовых печей XVII в. сохранилось сравнительно немного видов изразцов (не более 30–40%), что делало практически невозможной их конкретную реконструк-

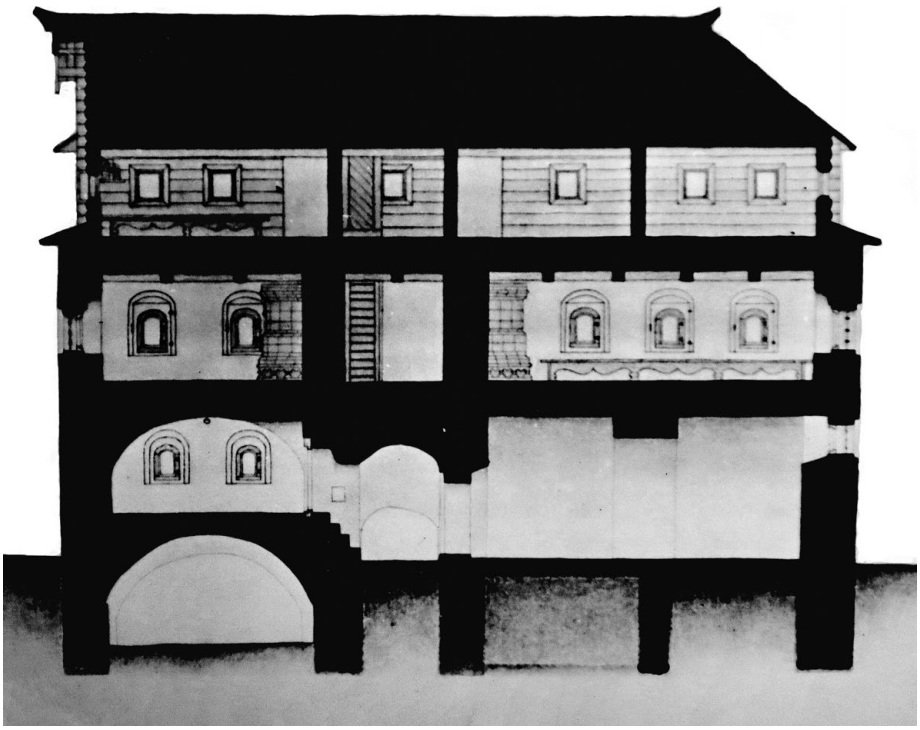


Рис. 7. Первый дом Подзноева. Продольный разрез.
Реконструкция дома до пожара 1682 г. Б. А. Постников

цию. Поэтому печной развал, раскопанный нами у Первого дома Подзноева, в котором удалось установить почти все виды изразцов, использованные в данной печи, имеет особую ценность и значение. Обнаруженный материал позволяет полностью восстановить декоративное убранство печи и дает некоторое представление о ее устройстве.

Дом Подзноева и остатки печи в нем. Обнаруженные изразцы

Первый дом Подзноева – одно из интереснейших гражданских сооружений Пскова. В первоначальном виде это трехчастное в плане двухэтажное на подклете жилое здание, внутреннее убранство которого имеет особенности, присущие архитектуре XVI в. Здесь широко применены подпружные арки под коробовыми сводами, характерные стенные шкафики без брусовых колод и целый ряд других, архаичных в каменном жилом зодчестве Пскова, деталей. Возможно, здание имело еще и четвертый деревянный этаж (хоромы), который мог служить собственно жилым помещением для хозяев (рис. 6, 7). Два нижних этажа дома использовались для хранения имущества и товаров (клети и подклет), а в третьем, каменном, этаже находились приемные помещения (повалуша и столовая палата). В 1682 г. дом сгорел и был перестроен.

В процессе производства шурфов у северной стены дома найдено большое количество зеленых (муравленых) изразцов первой половины XVII в. (рис. 4.

Рис. 8. Копии фрагментов изразцов печи № 4 из Первого дома Подзноевых. № 1, 2

Шурф № 7; рис. 8–10). Вместе с изразцами из раскопа извлечены обломки керамических колец и дуг, характерных для отопительных устройств того времени (*Спегальский*, 1968. С. 74–77), много горелой глины, булыжника и печного кирпича. Слой с этими находками залегал поверх слоя гари (следов пожара 1682 г.) и занимал площадь более 8 кв. метров. Изразцы и другие керамические изделия побывали в сильном пожаре и в большинстве случаев ошлаковались, деформировались, а некоторые даже спеклись поливами.

Устройство печи

Все эти находки, как выяснилось, были остатками муравленой четверогольной печи, которая украшала до пожара одну из приемных палат Первого дома Подзноева (рис. 6, 7).

Место расположения шурфа № 7 с находками изразцов у северной стены большой палаты свидетельствует о том, что печь находилась именно в этой палате (рис. 4, 7).

На своде клети, расположенной под этой палатой, сохранилась каменная кладка, служившая промежуточной опорой для балки, на которую опирался массив печи (рис. 7).

Такое основание для устройства печей было чрезвычайно распространено в XVII в. Печи устраивались прямо на деревянных перекрытиях, укреплен-

Рис. 9. Копии фрагментов изразцов печи № 4 из Первого дома Подзноевых. № 3, 4, 5, 6, 7

Рис. 10. Копии фрагментов изразцов печи № 4 из Первого дома Подзноевых. № 8, 9, 10, 11

ных ригелями (мостах)[3]. С этим, довольно опасным в пожарном отношении, устройством оснований для печей начал борьбу только Петр I. Его Именной указ от 4 апреля 1714 г. позволяет делать печи лишь с «фундаменту с большими трубами» (ПСЗРИ. Т. V. № 2792. С. 95). Этот указ подтверждает инструкция, данная Московской Полицеймейстерской канцелярии от 10 декабря 1722 года: «В деревенном строении велеть печи класть с фундамента на земли, а не на мостах» (ПСЗРИ. Т. VI. № 4130. С. 798).

Печь в доме Подзноева топилась со стороны сеней, что было очень распространено в Пскове. Подобным образом были устроены печи в домах Печенко, Трубинских, Меншиковых (Яковлева). Они могут служить аналогами для нашей реконструкции. Топочное отверстие в сенях украшалось керамическими дугами с орнаментом (*Спегальский*, 1968. С. 76), обломки которых были обнаружены и на доме Подзноева.

Таким образом, в палату выступал только основной массив печи. Эта печь была собрана из изразцов, сквозь румпы которых были пропущены по горизонтали кованые железные связи. Так как печь примыкала одной стороной вплотную к стене, то концы связей могли быть заделаны в стену. Система связей, соединяющая один ряд изразцов по периметру печи, представляла собой гнездо связи[4]. Следовательно, сколько было гнезд связей в печи, столько было на ней и изразцовых поясов. После заполнения глиной промежутков между румпами изразцов получался монолитный каркас, в котором размещался топливник с высоким подом и жаровые колодцы (обычно 3 или 4 в печи). Жаровые колодцы могли быть сложены из кирпича, а могли собираться из керамических насадных колец (*Спегальский*, 1968 г. С. 74–77).

Какими были эти колодцы в нашей печи, сказать трудно, так как, наряду с множеством печных кирпичей, нами обнаружены и обломки насадных колец. Но керамические кольца использовались не только для устройства жаровых колодцев. Из них могли быть набраны «проводные» (насадные) трубы, с помощью которых отапливали верхний деревянный этаж, если в нем не было самостоятельных печных устройств (*Орлов*, 1950. С. 20). В таких случаях в изразцовых печах верхнего этажа делались душники, из которых выходил в помещение горячий воздух, поступающий через «проводные» трубы из топки печей нижнего этажа.

Пустоты между изразцовым каркасом печи и жаровыми колодцами были заполнены глиной и булыжником. Того и другого было много в раскопанном печном развале. Швы между изразцов промазывались суриком[5]. К сожалению,

---

[3] «Мост – пол, помост, настил или перекрытие в постройке» (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1982. С. 273).

[4] В 1684 г. на починку ценинных печей в государевых хоромах в Александровой слободе велено купить среди прочего «Пятьдесят гнезд связей кованых, долгие по три аршина, короткие по два аршина». (Записки из дел дворцовых приказов) (*Забелин*, 1895. С. 629).

[5] В 1684 г. в село Слотино куплено на починку печей «десять фунтов сурику». (Выписки из дел дворцовых приказов). (*Забелин*, 1895. С. 141. Материалы).

нам не удалось найти ни печного заслона, ни кованой дверцы топочного отверстия, ни душников, которые могли быть в этой печи. Лишь изъеденные коррозией и изломанные остатки железных связей попадались в шурфе. Но восстановить по ним конструкцию гнезда связи оказалось невозможным.

Реконструкция декора печи

Каким же был изразцовый декор печи?

Из описи обливочной керамики, обнаруженной в доме Подзноева (рис. 11), мы видим, что все типы изразцов представлены большим числом находок. Следовательно, мы имеем дело не со случайным их набором, как это бывает в оформлении экстерьеров, а с изразцовыми поясами, состоящими из определенных видов изразцов. На румпах некоторых кафелей сохранились следы копоти и спекшаяся глина, которой замоноличивался изразцовый каркас. Это еще раз подтверждает, что найденные изразцы являются остатками печи, а не элементами оформления экстерьера.

Типы многих изразцов этой печи были довольно широко распространены в Пскове. Например, найденные изразцы «большой руки» использованы в экстерьере церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы на Печерском подворье в Пскове и в паперти собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Кроме того, ими украшались барабаны некоторых псковских церквей XVII в[6].

На паперти собора Снетогорского монастыря мы находили и другие виды обнаруженных нами изразцов: «валик», «свес», «каблук», поясковый с растительным орнаментом, но там эти изразцы покрыты уже не зеленой, а многоцветной поливой.

Интересно различие в деталях орнамента одних и тех же видов изразцов печи дома Подзноевых и паперти Рождественского собора. По-видимому, формы для изразцов одного и того же типа резались разными мастерами.

К числу редких находок можно отнести обнаруженные нами «подзорные» изразцы, «городки» и «ноги» («столбовые») в виде перевернутых чаш без орнамента. Реконструкция последних сделана лишь приблизительно, так как ни один «столбовой» изразец не удалось собрать полностью.

Продолжает оставаться загадкой орнамент изразца «исподника». Восстановить его по найденным обломкам не удалось. Можно лишь сказать, что это был один из видов изразцов «большой руки», нам пока не известный.

Все изразцы, обнаруженные на доме Подзноева, были прямыми. Наличие среди них угловых изразцов подтверждает, что печь в этом доме была четырехугольной, а не круглой.

Порядок расположения изразцовых поясов можно установить, ознакомившись с их рядами на печах Теремного дворца Московского Кремля. Они показывают, что существует определенная закономерность расположения изразцовых поясов в основных композиционных узлах печей. Она объясняется, прежде всего, видами используемых изразцов. Не подлежит сомнению, что нижняя часть

[6] Изразцовый поясок на барабане церкви Сергия с Залужья, а также двурядный поясок на «шее» под главой храма Варлаама Хутынского на Запсковье.

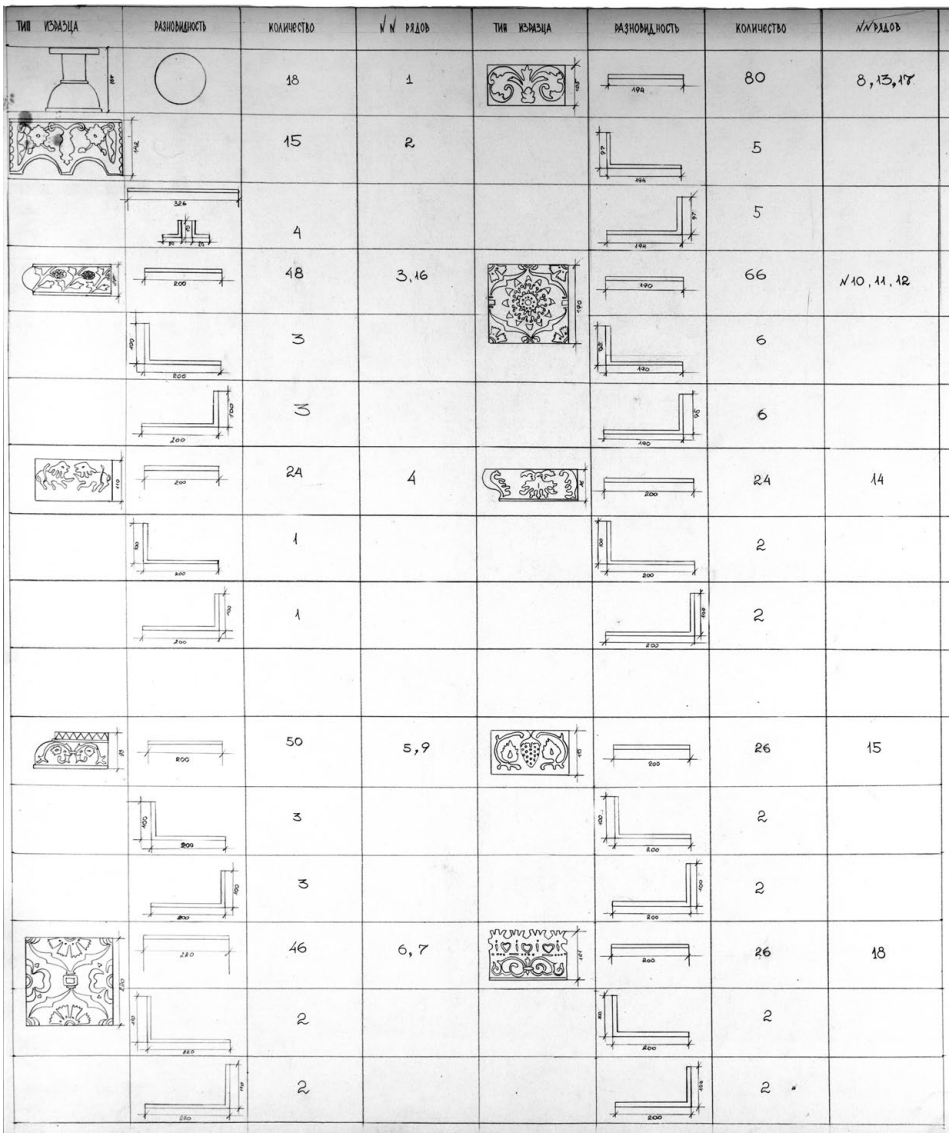


Рис. 11. Спецификация изразцов к печи № 4 из Первого дома Подзноевых

печей, состоящая из «валиков», поясковых изразцов, «каблуков», «подзорных» и «ног», может быть набрана только в строго определенном порядке. То же можно сказать и о верхней части печи, где «свес», «поясок», «валик» и «городок» логически следуют друг за другом, чему мы находим подтверждение в целом ряде печей XVII в. Однако верх печи мог компоноваться и более свободно. Примером тому служит печь в царской молельне при Тихвинской церкви села Алексеевского близ Москвы. В предлагаемой реконструкции печи дома Подзноева

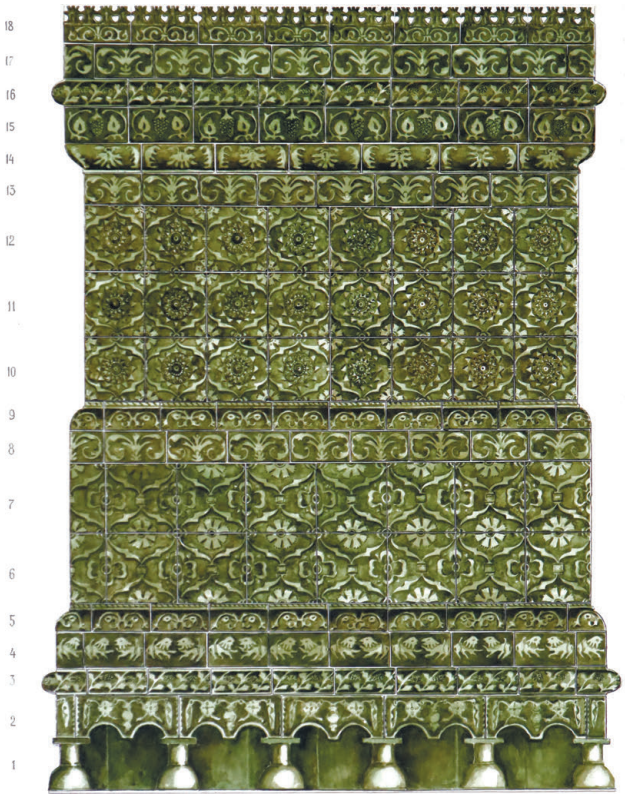


Рис. 12. Проект реконструкции муравленой печи Первого дома Подзноевых.
Автор Б. А. Постников

изразцовые пояса расположены в том порядке, в каком они размещались на печах XVII в., собранных из изразцов, подобных нашим (рис. 12, 13).

Но существуют и некоторые особенности, отличающие псковские печи от тех же московских. Если исходить из предположения, что производство изразцов было налажено в самом Пскове, а основания такого предположения имеются, то возможно появление ряда вариантов одного и того же вида изразца или даже новых видов изразцов, имеющих местный, локальный характер. Кроме того, если московские печи устраивались в больших помещениях, перекрытых сводами с высокими распалубками, и достигали высоты более трех метров, то такие же печи в Пскове, особенно в постройках первой половины XVII в., делались значительно ниже. Большинство распалубок над местами, предназначенными для печей в псковских купеческих домах, высота которых была специально промерена на этот предмет, не позволяет ставить печи выше 230–290 см. Если же печь стояла под плоским деревянным перекрытием (как в нашем случае), она едва ли могла превышать 270 см.

Ширина печей была, как правило, стабильной и всегда кратной числу изразцов, размеры которых неодинаковы. Удалось установить единственно

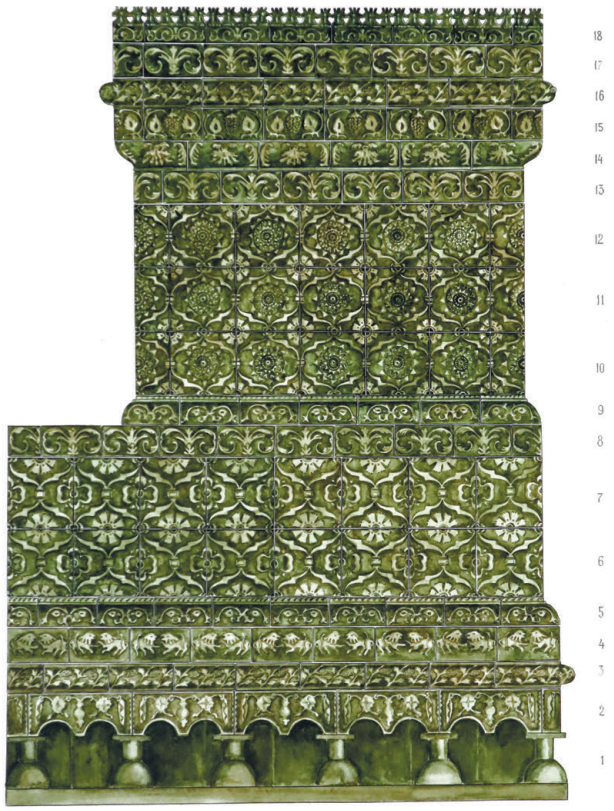


Рис. 13. Проект реконструкции муравленой печи Первого дома Подзноевых. Боковой фасад. Автор Б. А. Постников

возможную ширину для данного типа печей – 157–145–130 см (по ступеням). Попытки сузить или расширить печь на изразец или на половину изразца приведут к нарушению ее декора (рис. 14, 15).

Разработанные варианты реконструкции печи не являются единственно возможными. Печь можно несколько повысить. Можно поменять местами поясковые изразцы. При выборе их места расположения мы руководствовались в основном данными приведенной описи. Из нее, например, видно, что поясков с растительным орнаментом было больше, чем поясков со львами или с земляникой, так же как и изразцов «большой руки» МБ1 (муравленый большой 1 разновидности. – *А. П.*) было больше, чем подобных изразцов другого вида МБ2.

Все это нашло отражение в нашей реконструкции.

Но такая реконструкция имеет лишь эскизный предварительный характер. Несомненно, что дальнейшее изучение большого объема вопросов, связанных со строительством печей в гражданских сооружениях XVII в., даст новый интересный материал, необходимый для реставрации памятников архитектуры».

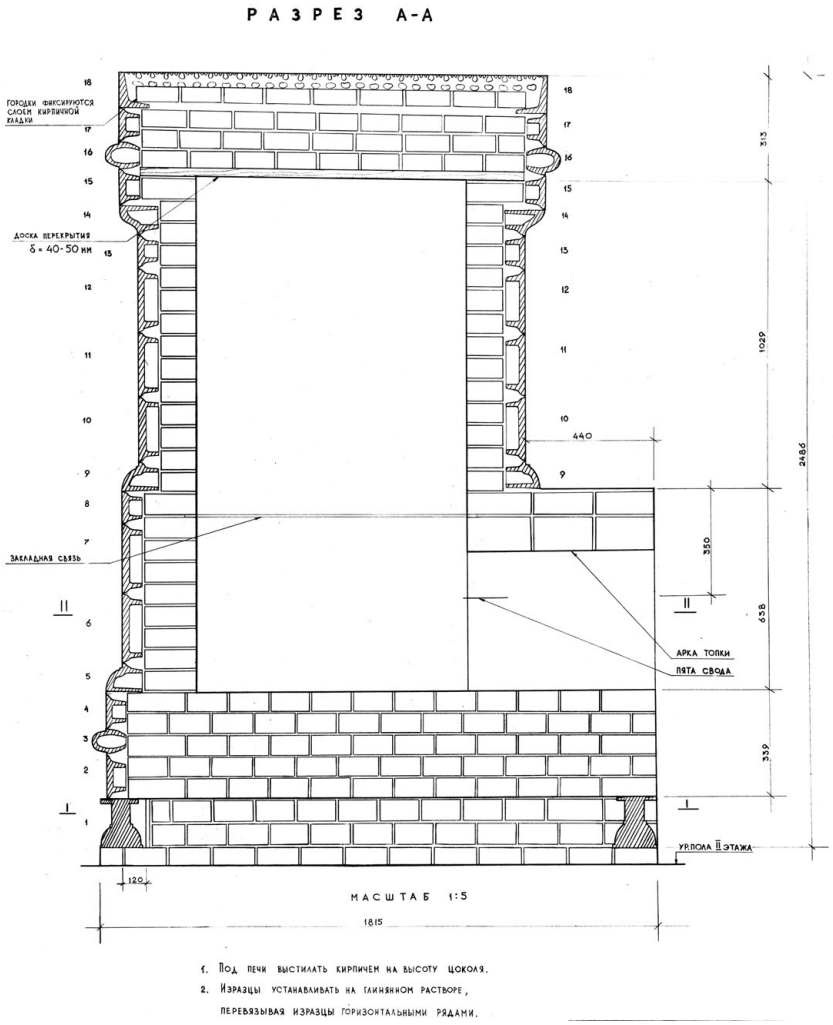


Рис. 14. Разрез муравленой печи Первого дома Подзноевых по линии А-А. Автор реконструкции Б. А. Постников

* * *

Заключение

Начатая в 1970-е гг. реставрация палат Подзноева первоначально велась успешно, и каменные здания двух домов были восстановлены по проекту автора (рис. 16, 17) до уровня кровли. По замыслу Б. А. Постникова предполагалось, что «после реставрации в Первом доме Подзноевых будет размещена экспозиция музея древнепсковского зодчества. С этой целью разработан проект приспособления памятника, предусматривающий весь комплекс технического оснащения современного музея: отопление, освещение, кондиционирование,

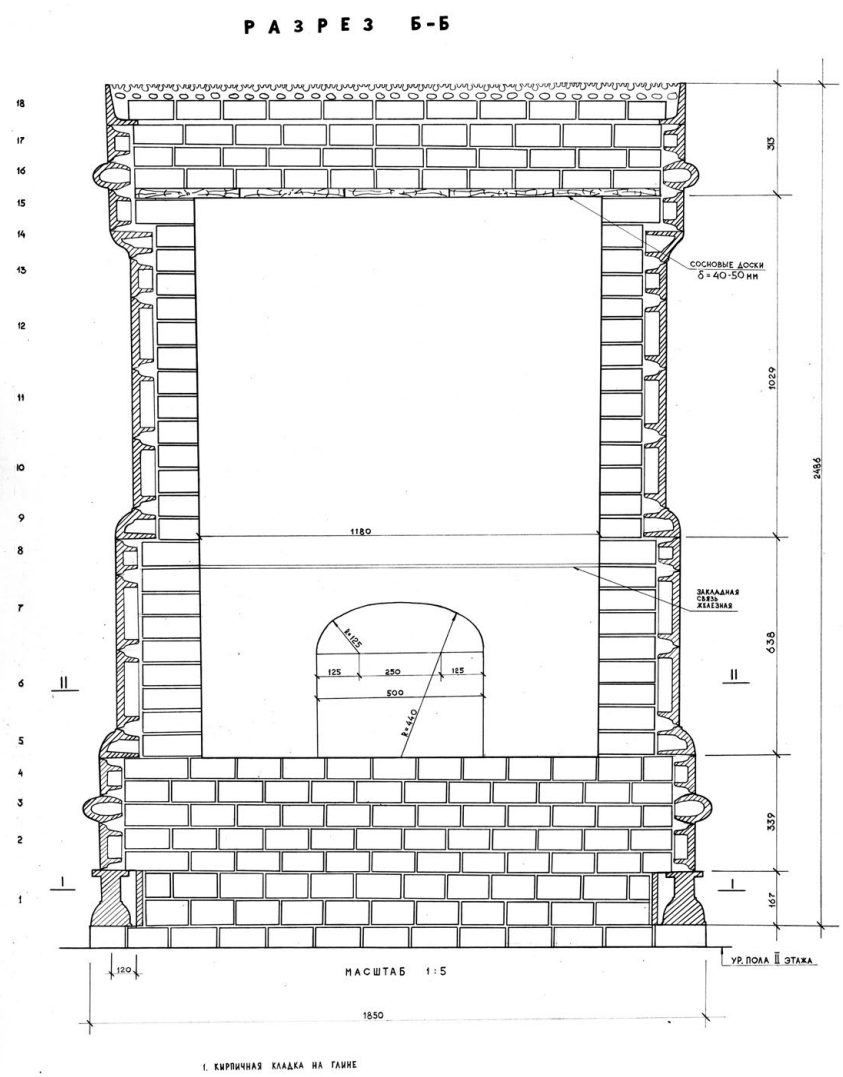


Рис. 15. Разрез муравленой печи Первого дома Подзноевых по линии Б-Б. Автор реконструкции Б. А. Постников

вентиляция и т. п. Одна из палат этого дома приспосабливается под зал приемов и будет, таким образом, отвечать своим первоначальным функциям. Здесь восстанавливается интерьер приемных залов XVII в (рис. 18).

Во Втором доме разместится ресторан «Псковская кухня». В первом этаже – общий зал на 86 посадочных мест, во втором – банкетный зал и коктейль-бар. Интерьеры торговых залов разрабатываются на основе специальных научных изысканий в области истории русской мебели, изделий из металла, стекла, керамики» (*Постников*, 1981).

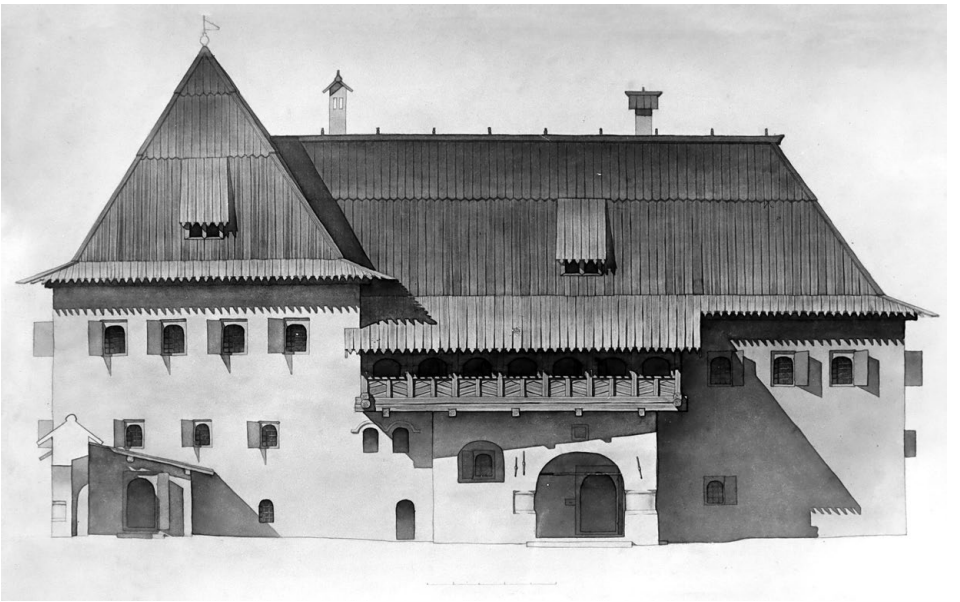


Рис. 16. Первый дом Подзноева после пожара 1682 г. Южный фасад.
Эскизный проект реставрации Б. А. Постникова

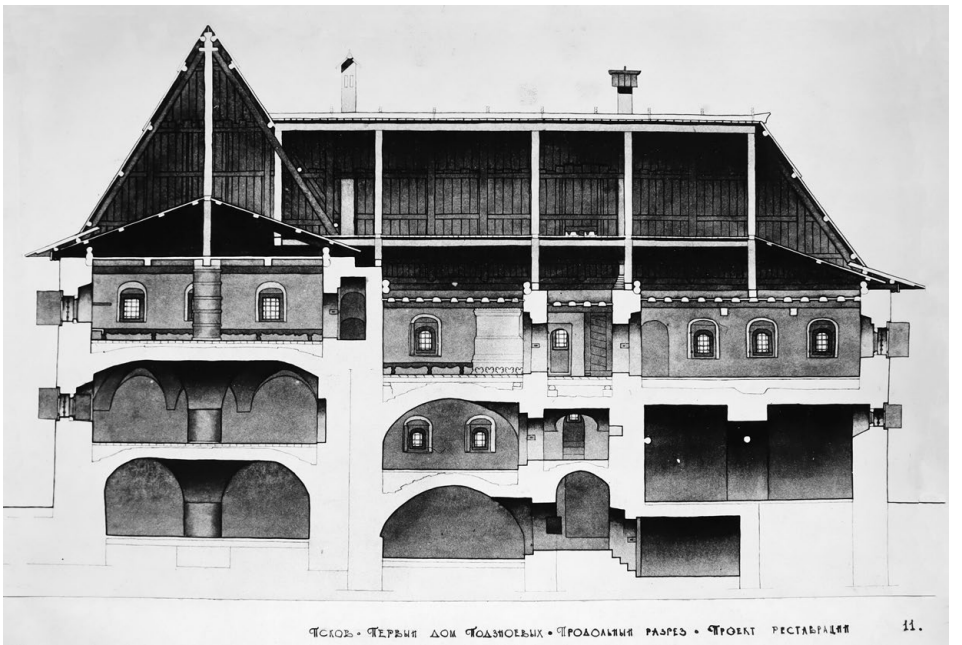


Рис. 17. Первый дом Подзноевых. Продольный разрез. Проект реставрации Б. А. Постникова

Рис. 18. Первый дом Подзноева. Третий этаж. Палата со столбом и изразцовой печью. Проект реставрации Б. А. Постникова

Как сообщалось в «Выписке из протокола заседания научно-реставрационного совета объединения “Росреставрация” и института “Спецпроектреставрация”» от 31 августа 1981 г., после обсуждения Проекта приспособления памятника архитектуры двора Подзноевых было принято решение: «Одобрить проект приспособления памятника архитектуры XVII в. Двора Подзноевых в Пскове под музей и предприятия общественного питания с размещением производственного блока кухни под землей» (Выписка из протокола...). Высокая оценка качества проекта была дана Центральным Советом ВООПИК. Однако затем начались перебои с финансированием проекта, и объект оказался «заморожен». Долгое время дома простояли без крыши.

Рабочий проект реконструкции четырех изразцовых печей для двора Подзноевых в Пскове был выполнен Б. А. Постниковым, когда он со 2 октября 1989 г. возглавил созданный им Псковский центр научной реставрации и архитектурно-художественного творчества «СРЕДА», действовавший как Первое творческо-производственное объединение при Союзе архитекторов СССР. В этом качестве он проработал до 20 ноября 1999 г.

С конца 1980-х гг. в Пскове осуществлялось всестороннее исследование палат купцов Меншиковых и домов Карамышева и Сарпунова на Романовой горке – памятников архитектуры конца XVII в. Работы велись Псковским центром научной реставрации и архитектурно-художественного творчества «СРЕДА». В этой связи по научной программе директора центра реставрации Б. А. Постникова в местных и столичных архивах производился поиск доку-

ментальных материалов по псковскому посаду и теме «Гражданское зодчество Пскова XVII в.».

Тогда же возобновились работы для завершения неоконченного проекта восстановления палат Подзноева. В 1989 г., на основании предшествующих исследований, Б. А. Постников подготовил рабочие проекты реконструкции облика четырех изразцовых печей для Двора Подзноевых. Три из них были ценинные, и одна – муравленая.

Печь № 1, находившаяся на втором этаже Первого дома Подзноевых, состояла из 17 рядов рельефных полихромных изразцов, основная часть которых (зеркало печи) представляла вазоны четырех форм с цветами на белом поле. Высота этой печи над уровнем пола составляла 2478 мм. Авторами проекта реконструкции этой печи были Б. А. Постников и Н. И. Немцова.

Печь № 2 из третьего этажа Первого дома Подзноевых также была «ценинного дела» из разноцветных рельефных изразцов московского производства. Автором проекта реконструкции ее облика являлся Б. А. Постников. Ее декор состоял из 19 рядов. Общая высота печи – 2947 мм. Основу орнамента на зеркале составляли цветочные узоры: васильки и розетки в картушах на белом и зеленом фоне.

Печь № 3 располагалась на втором этаже Второго дома Подзноевых. Авторами проекта реконструкции этой печи были Б. А. Постников и Н. И. Немцова. Эта печь была украшена ценинными изразцами московского производства 1680-х гг., составлявшими 15 рядов. Основу рисунка «зеркала печи» составляли крупные желто-коричневые вазы на светло-зеленом фоне. Высота печи достигала 2590 мм.

Печь № 4 находилась в Первом доме Подзноевых. Автором проекта реконструкции ее облика был Б. А. Постников (1972 г.). Это была двухъярусная печь XVII в., облицованная рельефными муравлеными изразцами псковского производства. Основу ее наряда составляли изразцы с растительным узорочьем. Картуши с цветами: розетки, васильки, а также раскрывшиеся бутоны с четырьмя лепестками. В печном наборе было 18 рядов. Высота печи достигала 2486 мм.

Договор на изготовление изразцов для всех четырех печей был заключен в 1991 г. с мастерами-керамистами из Нового Иерусалима (г. Истра) в Подмосковье. Часть заказа вскоре была исполнена. Тогда же в Псков привезен набор изразцов для муравленой печи. Однако они в дом Подзноева не поступили, по независящим от автора проекта реконструкции причинам. Начальник Генеральной дирекции «Псковреконструкция» В. Ф. Гуленко, в нарушение существовавшего двухстороннего договора № 004 от 25 апреля 1991 г., своевременно и в полном объеме не оплатил заказ мастерам-изготовителям печей на общую сумму 3096 рублей. Некоторое время изготовленные изразцы лежали в Реставрационных мастерских. Вскоре при музеефикации второго этажа Псковской приказной палаты набор зеленополивных изразцов был использован для сборки печи в интерьере палаты подьячих. Таким образом, муравленая печь, выполненная по проекту реконструкции Б. А. Постникова и предназначавшаяся для третьего этажа дома Подзноевых, теперь представлена

Рис. 19. Муравленая печь из дома Подзноевых, собранная в Псковской приказной палате. Фото А. Б. Постникова 2021 г.

в Псковской приказной палате (рис. 19). Следует заметить, что не все ее ряды в собранном виде соответствуют первоначальному проекту. Печь под сводом Приказной палаты была сложена без топки, как декорация, и потому ее тело оказалась шире и выше на один ряд. Об этом свидетельствуют некоторые изразцы на фасаде печи, распиленные пополам.

Созданные Б. А. Постниковым тщательные реконструкции четырех изразцовых печей являются неотъемлемой частью проекта восстановления подлинных интерьеров замечательных палат двора Подзноевых. В XX в. это был один из первых опытов научно обоснованного объемного воссоздания старинных псковских печей.

Литература

Выписка из протокола заседания научно-реставрационного совета объединения «Росреставрация» и института «Спецпроектреставрация» от 31 августа 1981 г. // Личный архив Б. А. Постникова. С. 1–2.

Забелин И. Е., 1895. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М. 759 с.

Орлов А. И., 1950. Русская отопительно-вентиляционная техника. М. 224 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V (1713–1719). СПб., 1830. № 2792. С. 95.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VI (1720–1722). СПб., 1830. № 4130. С. 798.

Постников Б. А., 1973. Памятник псковской архитектуры // Псковская правда. № 136 (14592) (12 июня). С. 4.

Постников Б. А., 1976. И возродится памятник... (Слово – реставратору) // Псковская правда. 1976 г. № 268 (15637). 14 ноября. С. 2.

Постников Б. А., 1981. Аннотация к Проекту приспособления памятника гражданского зодчества XVII в. двора Подзноевых // Личный архив Б. А. Постникова.

Постников Б. А., 2000. Двор Подзноевых в Пскове. Памятник архитектуры конца XVII века // Строительство, архитектура и градостроительство Псковской области. Псков, 2000.

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище. Ф. 608. Псковская приказная изба. О. Ф. 28330 (5). РУК–298. Приходо-расходная книга Псковской съезжей избы 1658 (7167) г. сентября 1 – 1659 г. августа 31. Л. 178.

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище. Ф. 608. Псковская приказная изба. О. Ф. 28330 (7). РУК–307. Таможенная книга по Пскову 1670 (7179) г. сентября 1 – 1671 г. августа 31. «Книги Государева Гостина Немецкого двора таможни пошлинному збору 179-го году». Л. 448–448об.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М.: Наука, 1982. 357 с.

Спегальский Ю. П., 1963. Псковские каменные жилые здания XVII века. М.: Изд-во АН СССР. С. 71–73. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 119).

Спегальский Ю. П., 1968. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII века // Краткие сообщения института археологии. Вып. 113. С. 74–77.

Спегальский Ю. П., 1968. Реставрационное задание на составление проекта восстановления жилого двора XVII в., известного под названием «Двора Подзноевых» // Личный архив Б. А. Постникова. С. 1–8.

Спегальский Ю. П., 1973. Дом Печенко. Лениздат, Псковское отд. 80 с.

* * *

Постников Борис Андреевич, см. о нем на с. 328

Е. М. Попова

«А велено псковичам товаров никаких не продавать»: Псков и его жители в документах шведского оккупационного режима в Новгороде

Резюме. В начале XVII в. Псков и Новгород находились под контролем разных политических сил, а жители этих городов не должны были поддерживать какие-либо контакты друг с другом. Однако в документах периода шведской оккупации Новгорода информация о Пскове и псковичах, безусловно, встречается. В данной статье автор, опираясь преимущественно на документы Новгородского оккупационного архива, рассматривает, какое внимание в них уделялось Пскову и его жителям, в то время как Новгород находился под управлением шведско-новгородской администрации во главе с Якобом Делагарди. Автор учитывает стремление шведов захватить псковские территории и уделяет важнейшее внимание вопросу, касающемуся контекста упоминания Пскова, отношений между населением соседних городов, ведению идеологической работы шведской верхушки с новгородцами. В статье представлена классификация документов, составленная по тематическому принципу аспектов, касающихся Пскова, в условиях разделения власти в Северо-Западной части России. В результате исследования автор делает вывод о сохранении контактов между жителями двух городов, а также о том, что наибольшее число дел содержательно относится к взаимной миграции населения и разбоям.

Ключевые слова: Великий Новгород, Псков, русско-шведская администрация, Смутное время, Якоб Делагарди, шведская оккупация.

E. M. Popova. "And Pskov Residents Are Ordered not to Sell any Goods": Pskov and its Residents in the Documents of the Swedish Occupation Regime in Novgorod

Abstract. At the beginning of the XVII century Pskov and Novgorod were under the control of different political forces and the residents of these cities were not supposed to maintain any contact with each other. However, there was some information about Pskov and its citizens in the documents of the period of the Swedish occupation of Novgorod. In this article author based on the documents of the Novgorod Occupation Archive, exploring what attention they paid to Pskov and its inhabitants, while Novgorod was under the control of the Swedish-Novgorod administration headed by Jacob De la Gardie**.** The author takes into account the ambition of the Swedes to seize the Pskov territories and

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.350-358

gives the essential attention to the issue concerning the context of the mention of Pskov, relations between the population of neighboring cities, the conduct of ideological work of the Swedish elite with the Novgorodians. The article presents a classification of documents compiled according to the thematic principle of issues and aspects related to Pskov in the conditions of power sharing in the North-Western part of Russia. As a result of the research, the author concludes that contacts between residents of the two cities are preserved, as well as that the largest number of cases meaningfully relates to mutual migration of the population and robberies.

Keywords: Veliky Novgorod, Pskov, Russian-Swedish authorities, Time of Trouble, Jacob Delagardi, Swedish occupation.

Псков и Новгород – города-соседи, долгое время соединенные общей историей, оказались разъединены в период Смутного времени начала XVII в. В 1611 г. Псков на непродолжительный срок оказался под контролем самозванца казака Сидорки, который выдавал себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия Ивановича и стал известен как «Псковский вор» Лжедмитрий III (*Тюменцев*, 2010. С. 119). В это же время Великий Новгород находился под управлением русско-шведской администрации, которая продержалась у власти существенно дольше. Административный аппарат в Новгороде возглавили воевода Иван Никитич Большой Одоевский и граф Якоб Делагарди, шведский военачальник, тешивший себя мыслью о создании родственной боковой ветви шведской королевской династии на русском Северо-Западе (*Cordt*, 1892. S. 6). Несмотря на то, что Псков за весь период Смуты так и не перешел под контроль русско-шведской администрации, и шведская корона в лице Густава II Адольфа, и новгородский наместник Якоб Делагарди изначально планировали интегрировать Псков и Псковские земли в состав подконтрольных Швеции земель (*Кирпичников*, 1996. С. 424). Стремление шведов поставить Псков под контроль вызвало серьезное противостояние между двумя городами в указанный период времени (*Кобзарева*, 2003. С. 295–302).

Хотя Псков и Новгород временно «стояли в нелюбви» (Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod. Series II: 180, л. 3), в документах, повествующих о событиях шведской оккупации Новгорода, информация о Пскове и псковичах присутствует и встречается довольно часто, поскольку, во-первых, Псков был в сфере интересов шведской короны, а во-вторых, контакты между жителями двух городов продолжались, несмотря на наложенные запреты. В связи с этим интересно выяснить, в каком ключе, а также в связи с описанием каких событий Псков и его жители чаще всего упоминаются в новгородских документах. В первую очередь стоит уделить внимание фонду Новгородского оккупационного архива (Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod, далее – RA. NOA), представляющему собой документы Новгородской приказной избы, ныне хранящиеся в Государственном архиве Швеции. Благодаря совместной работе отечественных и зарубежных коллег был составлен двухтомный каталог, упрощающий работу с источниками (Account of an Occupied City. Serie I, 2005; Serie II, 2009). Документы Новгородского оккупационного архива довольно хорошо изучены как отечественными, так и зарубежными

исследователями (*Нордландер*, 1997. С. 286–289; *Азбель*, 1999. С. 386–389), а также частично введены в научный оборот в виде публикаций сборников документов (*Sundberg*, 1982; *Селин*, 2021), в качестве приложений к монографиям (*Селин*, 2008. С. 690–692) и к отдельным статьям (*Нордквист*, 2015. С. 285–303), однако по-прежнему привлекают к себе немалый интерес исследователей. Немаловажными являются источники, представляющие собой часть Новгородского оккупационного архива, которые хранятся отдельно от основного собрания. Это так называемая Коллекция С. В. Соловьева, находящаяся с конца XIX в. в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (*Коваленко*, 1988. С. 179–183). Упоминание о Пскове также присутствует в посольских документах и записях, сделанных во время ведения переговоров между Москвой и Стокгольмом, хранящихся в составе Фонда 96 в РГАДА (*Попова*, 2021. С. 20).

Благодаря представленным выше источникам, нам удалось установить, что документы условно можно распределить по примерным тематическим блокам, которые мы приводим ниже с указанием шифров архивных дел:

1) Обоснование необходимости военных кампаний против Пскова и их подготовка шведским королем Густавом II Адольфом (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 7. Л. 14–16) и новгородским наместником Якобом Делагарди (RA. NOA. Series II: 180, 231, 286, 294). В документах данной группы повествуется о причинах чрезвычайной важности военных кампаний, в том числе для новгородского населения. Также в документах идет речь и о денежных суммах, объемах фуража и хлеба, которые необходимо было собрать с крестьян и посадского населения в связи с организацией похода на Псков: «...с Ноугородцким государством не в соединении и не в любви. И те городы учнут подводит под Новгородцкое государство и под королевичеву державу. И хочет он Яков и сам з них Новгородцкого государства за всяких людеи по своему обету голову свою положити. И дали бы оне ево ратным людем денег на подъем, не жалея себя и не скорбя о том, а коли воры или польские и литовские люди ими овладеют и им в те поры тяжеле тово будет. А будет на подъем денег они гости всякие и люди дати вскоре не похотят, потому что собрати вскоре денег немошно. И они б гости или которые лутчие люди дали ему Якову взаимы денег взять где-нибудь и что дать рантым людем, чтоб их учинити на недругов хотных... Кузмодемьяны улицы. На Гришке скотнике рубль. На Михаиле Сысоеве полполтины... Росписи Софийской стороны сколько в которои улице на ком имянем взяты накладных денег для походу на вора неметцким ратным людем» (RA. NOA. Series II: 180, л. 3–7 об.). Примечательно, что псковская кампания подается как важная для самих новгородцев ввиду того, что Псков «угрожает» Новгороду своими связями с самозванцами, поляками, литовцами и иными «преступными» элементами, которые, явившись на новгородские земли, доставят местному населению немало проблем.

2) Незаконные контакты новгородских посадских людей и сельских обывателей Новгородской земли с жителями Пскова:

– торговля (RA. NOA. Series II: 20),

– совместные действия криминального характера – ограбление судна английского посла (Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 124. Оп. 1. Д. 659, 660, 661; Акты, относящиеся..., 1884. С. 271–276; *Попова*, 2022. С. 90–103; *Попова*, 2018. С. 65–69),

– укрывательство псковских «воров», т. е. предоставление места проживания или убежища псковским преступникам, занимающимся разбоями, и сокрытие их от новгородской администрации (RA. NOA. Series II: 164),

– хранение денег Лжедмитрия III, в дальнейшем украденных и пропавших (RA. NOA. Series II: 40).

Самым громким делом о «преступной торговле» стал процесс, начатый ввиду контакта псковских торговых людей со старорушанами, который довольно подробно, однако в ином контексте, в своей статье рассмотрела Н. Б. Безус (*Безус*, 2006. С. 93–98). В документе, очевидно, подчеркивается факт запрета каких-либо контактов между соседними городами: «... приставают в них изо Пскова торговые люди и закупают всякие товары: кожи, и сало, и пеньку, и лен... а велено псковичам товаров никаких не продавать...» (RA. NOA. Series II: 20, л. 4). Стоит отметить, что данный сюжет заинтересовал шведскую администрацию неслучайно. Отношение к торговле Новгорода в период шведской оккупации, в принципе, было особенным, т. к. Якоб Делагарди максимально старался поставить финансовые операции Новгорода под свой контроль, тем самым увеличивая собственные доходы (*Grill*, 1949. S. 24–25; *Scott*, 1988. P. 168).

Принципиально важным для шведской верхушки стало и дело о совместном ограблении на реке Луге судна английского посла Джона Меррика, который прибыл в Россию в качестве посредника на русско-шведских переговорах (*Рабинович*, 2009. С. 91). В составе прочего украденного имущества упоминаются письма английского посла, которые Якоб Делагарди поручил искать первым делом и допрашивать крестьян на предмет их знания о месте нахождения посольской документации. Безусловно, Делагарди были известны настроения английского посла, его благосклонность к русской стороне и нежелание усилить позиции Швеции на Балтике, поэтому лишний повод для раздражения необходимо было ликвидировать максимально быстрым сыском, возвратом краденного имущества и наказанием виновных. Однако ход следствия стал поводом для удивления шведской администрации, т. к. в ходе сыска постепенно выходила на свет информация, что судно английского посла – не первое, которое было ограблено в Новгородских водах, и что в этих местах давно орудует разбойничья шайка «псковских шарпальников» и их новгородских помощников.

Важно отметить, что псковичи, фигурировавшие в делах данного блока, судя по документам, так же как и новгородцы, должны были отправиться под юрисдикцию русско-шведской администрации в Новгороде, поэтому Якоб Делагарди велел проводить сыск и в их отношении.

3) Допросы о ситуации в Пскове, о новостях из «недружественного города» среди новгородцев, побывавших в Пскове или других городах (Москве, Смоленске) (RA. NOA. Series II: 21, 39, 193). Примечательно, что некоторые люди были пойманы специально с целью допроса: «... под Смоленском стоят

ратные люди, а иных вестей ничего не ведает. А про Псков ходят псковские челобитчики, а о чем бьют челом не ведает. А он клялся Христовым именем» (RA. NOA. Series II: 39, л. 1). Интерес шведской администрации к ситуации в Пскове вполне объясним. Все время нахождения в Новгороде Якоб Делагарди и Густав II Адольф планировали эскалацию своего влияния в русских землях. Тем более шведскую сторону привлекал Псков, т. к. он имел общую границу с Прибалтийскими территориями, принадлежавшими Швеции. Контроль над Псковом позволял бы максимально замкнуть Балтийское побережье в рамках собственных владений. Поэтому данные о Пскове и ситуации в городе тщательно собирались Делагарди и передавались шведской короне в письмах, в том числе рикскanцлеру, с которым граф вел постоянную переписку – Акселю Оксеншерне (Rikskansleren Axel Oxenstiernas. Skrifter och brefvexling..., 1893. № 2, 14, 16, 18, 40, 53).

4) Запрет на подстрекательство к мятежу среди новгородского населения, предостережение о запрете контактов с неподконтрольными шведской администрации городами: «... из Новеграда не уезжати никуда и живучи в Великом Новегороде бездельных и смутных речей никаких не вещати. И Московского государства, и с псковскими людьми, и с ыными ворами никаково дурнова письма не имать...» (RA. NOA. Series II: 22, л. 1). К слову, в данном случае явно наблюдается не столько запрет связей с псковичами, сколько табу на получение «ложной» информации извне и ее распространение среди горожан, дабы избежать народных волнений и негодований.

5) Расспросные речи приезжих в Новгород псковичей. Характер допросов условно можно разделить на основные подгруппы:

а) псковичи дают обещание, что они не будут поднимать мятеж против Карла Филиппа и шведской администрации (RA. NOA. Series II: 351, л. 420 об.);

б) псковичи просят у новгородской администрации выдать деньги на определенные личные нужды (RA. NOA. Series II:71) или просят правительство Делагарди – Одоевского о наделении имуществом, чаще всего земельным наделом, т. к. в основном, все принадлежавшие им ранее сбережения остались в Пскове ввиду службы разным людям (RA. NOA. Series II: 113, 226, 351, 362).

Документы данного блока позволяют сделать вывод о том, что псковские перебежчики позитивно воспринимались шведской верхушкой и активно интегрировались в новгородскую среду. Шведская администрация относилась к присягнувшим псковичам как к новгородцам и занималась решением их проблем, в том числе имущественных. Делагарди выделял деньги на нужды челобитчиков, например, на постриг: «Велеможново и высокороженново князя и государя Карла Девятого Свитцкого, Готцкого, Венденского короля и его королевского величества большому боярину и ратному воеводе Якову Пунтусовичю Делегарде, вольному господину в Екхольме, и в Колке, и в Рунсе и Московского и Наугоротцкого государства боярину и воеводе князю Ивану Никитичу Большому Одоевскому бьет челом псковскои помещик Семеика Матюшкин. Служил, государи, я всякие службы бывшим государем и царям пятьдесят лет, а ныне, государи, я обнищал, животишка мои все во Пскове и поместье, а я волочюсь в Новегороде. Другои год стар и болен конечен, а при-

зрите меня, бедново, некому. Покажите, государи, милость, бояре, пожалуйте меня для моеи бедности и разореня, и старости на пострижене и чем душа погрести, как вам, государем, бог известит. Государи, бояре, смилуитесь» (Ibid. Series II:71, л. 19).

6) Документы об изъятии имущества у новгородцев, отбывших в Псков, пересмотр права владения землей «предателей», а также само упоминание о бегстве новгородцев в соседний город (RA. NOA. Series II: 32, 34, 57, 65, 112, 125, 145, 151, 153, 172, 181, 233, 237, 249, 270, 304, 315, 316, 324).

В данном блоке Псков фигурирует как место, в которое бегут «предатели». Имущество новгородцев, отбывших из города (не только в Псков), изымалось и перераспределялось между служащими, лояльными русско-шведской администрации, а также земельные наделы выдавались прибывшим на службу в Новгород иногородним, т. к. раздача поместий являлась важнейшим инструментом сохранения доверительных отношений между служилым населением и администрацией весь период шведской оккупации Новгорода (*Кобзарева*, 1999. С. 80–85; *Рабинович*, 2011. С. 191–192).

7) Поручные записи новгородцев за своих соседей, знакомых и близких людей с указанием того, что они не будут сбегать в Псков или другие города (RA. NOA. Series II: 41, 158, 175, 208). Данные поручительства в том числе касались новокрещенов: «...ему за нашею порукою впредь служити государеву службу с тотаре новокрещены вместе. И к Москве, и во Псков, в московские городы, к вором не отъехати и не изменити...» (RA. NOA. Series II: 41, л. 3). Последнее предложение приведенной нами цитаты по сути являлось устоявшейся частью формуляра текстов поручных записей в целом.

8) Челобитные новгородцев в связи с нападениями на них псковичей, жалобы на их военные кампании и разбои (RA. NOA. Series II: 42, 50, 51, 55, 98, 99, 100, 193, 204, 286, 366). Тексты челобитных впечатляют своей красочностью и эмоциональностью не меньше, чем смысловой нагрузкой: так, одного крестьянина, по его рассказам, псковские разбойники «схватили в лесу, пытали и сожгли» (RA. NOA. Series II: 193, л. 3), других селян ограбили или же им повредили имущество: «И его де на дороге поимав псковские шиши ограбили с Ондреем Белым и с иными, хто с ним вместе ехал. А грабежу де у него взяли хлеб, который он вез из поместья, да трое лошадеи... ограбя де его и Ондрея Белого те шиши отпустили в Новгород» (RA. NOA. Series II: 204, л. 2; 366). Те, кого отпустили пограбив, можно сказать, легко отделались, ведь кого-то попросту не отпустили, а взяли в плен и увезли в Псков (RA. NOA. Series II: 286, л. 4). В пограничной зоне «псковские шиши и шарпальники» захватывали недвижимое имущество: «Поместье... у меня было в Шелонской пятине в Которском погосте, и тем поместьем не владею, а владеют псковские воры» (RA. NOA. Series II: 98, л. 2; 99; 100). Иногда псковские разбойничьи и казачьи шайки действовали не только собственными силами, а привлекая к участию в своих «лихих делах» литовских людей и казаков (RA. NOA. Series II: 51).

9) Упоминание Пскова исключительно в роли географического объекта. В заключительном блоке представлен лишь один документ, в котором

упоминание Пскова не является самоцелью, а, скорее, имеет смысл уточняющей единицы – ориентир для путника – «дорога на Псков» (RA. NOA. Series II: 356, л. 47–48).

Подводя итог вышеизложенному, мы можем резюмировать, что источники позволяют нам классифицировать ситуации, в которых упоминается Псков и его жители. Нами было предложено девять условных тематических блоков. Стоит отметить, что больше всего документов с упоминанием Пскова и его жителей, а также их контактов с новгородцами касаются взаимной миграции из Пскова и Новгорода. В данном случае вывод очевиден и не вызывает удивления: в тяжелейших условиях военного времени люди искали лучшее место для своего дальнейшего существования, с чем и были связаны частые «отъезды», особенно в среде знати. Безусловно, рядом с миграционными данными идут документы, связанные с вопросами конфискации имущества «предателей» и наделения этими землями тех служилых лиц, которые выражали покорность русско-шведской администрации. Второй наиболее емкий блок, изученный нами, представлен документами о преступных действиях и разбоях, чинившихся псковскими казаками, «шарпальниками» и «шишами» в отношении новгородцев, однако немалое количество дел связано и с совместными преступными действиями жителей соседних городов. Хотелось бы отметить, что новгородцы, находясь в ситуации общего нагнетания обстановки противостояния Пскову, которую подогревали шведские власти, активно использовали возможность переложить свою вину или беды на соседних псковичей. Так, например, довольно частым явлением была неплатежеспособность новгородского населения, которую они объясняли властям следствием нападений и грабежей со стороны псковичей, однако приходится лишь догадываться, всегда ли озвученные версии являлись истиной. Данные версии остаются под большим вопросом, т. к. вполне вероятно, что новгородцы спекулировали «псковскими преступлениями», чтобы не платить налоги, используя «плохих соседей» как верный щит от поборов со стороны русско-шведской администрации, которая, в свою очередь, довольно лояльно относилась к местному населению с целью сохранения контроля и доверительных отношений. Третий блок связан с опасением новгородских властей распространения «опасных» настроений в городе и на примыкающих территориях. В данном случае Псков был одним из потенциальных источников распространения сведений о внешнем мире, которые могли навредить сложившемуся режиму. Поэтому русско-шведские власти проводили тщательную работу по цензурированию. Все остальные тематические блоки представлены в равной степени небольшим количеством документов, однако не менее интересным по содержанию, а также ярким по своей эмоциональной составляющей.

Литература и архивные материалы

Азбель В., 1999. Из опыта работы с Новгородским оккупационным архивом // Новгородский исторический сборник. 7 (17). С. 386–389.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 3. СПб., 1884. № 330.

Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Кол. 124. Оп. 1. Д. 659, 660, 661.

Безус Н. Б., 2006. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII века // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-западный регион. Великий Новгород. С. 93–98.

Кирпичников А. Н., 1996. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и Новая Россия. СПб. С. 424–450.

Кобзарева Е. И., 1999. Новгородские служилые сословия в период оккупации города // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Ч. 1. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т. С. 80–85.

Кобзарева Е. И., 2003. Противостояние Пскова и Новгорода в период Смуты // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания). Псков. С. 295–302.

Коваленко Г. М., 1988. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Т. 32. Таллинн. С. 179–183.

Нордквист Л., 2015. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. № 2. С. 285–303.

Нордландер И., 1997. Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. 6 (16). С. 285–289.

Попова Е. М., 2018. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Т. 28. Витебск. С. 65–69.

Попова Е. М., 2021. «Отписки в Розрядъ к Москве» как источники изучения шведской оккупации Новгорода начала XVII века // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск. С. 17–25.

Попова Е. М., 2022. «А посолские де писма... все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле в начале XVII века // Caurus. Т. 1, № 1. С. 90–103.

Рабинович Я. Н., 2009. Джон Меррик на переговорах в Ладоге 1616 года // Известия Саратовского университета. Т. 9. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 91–103.

Рабинович Я. Н., 2011. Старая Русса в 1609–1612 гг. // Новгородский исторический сборник. 12 (22). С. 185–209.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 96. Оп. 1. Р. 2. Д. 7.

Селин А. А., 2008. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц». 747 с.

Селин А. А., 2021. «Дела судные, указы и записки вершеные и невершеные...»: новгородская практика судопроизводства XVI – начала XVII в. СПб. 568 с.

Тюменцев И. О., 2010. Рождение самозванчества в России в начале XVII века // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт: Russica Pannonicana. С. 100–130.

Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617, 2005. Serie I. Stockholm. 298 p.

Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617, 2009. Serie II. Stockholm. 606 p.

Cordt B., 1892. Zur Geschichte des Adelsgeschlechts und Familienarchivs der Grafen de la Gardie. Dorpat. 15 S.

Grill E., 1949. Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politikern 1608–1636. Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag. 200 s.

RA. NOA – Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod. Series II: 20, 21, 22, 32, 34, 39, 41, 42, 50, 51, 55, 57, 65, 71, 98, 99, 100, 112, 113, 125, 145, 151, 153, 158, 164, 172, 175,

180, 181, 193, 204, 208, 226, 231, 233, 237, 249, 270, 286, 294, 304, 315, 316, 324, 351, 356, 362, 366.

Rikskansleren Axel Oxenstiernas. Skrifter och brefvexling. 5. Jacob de la Gardies bref 1611–1650. Stockholm: P. A. Norsted & Söners Förlag, 1893. 640 s.

Scott F. D., 1988. Sweden: the nation's history. Carbondale; Edwardsville: Southern Illinois University Press. 686 p.

Sundberg H., 1982. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary. Stockholm. 205 p. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies; № 14).

* * *

Попова Елизавета Михайловна, *г. Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, e-mail: lizzavetapopova@gmail.com*

А. С. Иванова

Наименование болезней и их симптомов в метрических книгах Опочецкого духовного правления Псковской епархии первой половины XIX в.

Резюме. Статья посвящена вопросу анализа номинативных единиц метрических книг Опочецкого духовного правления Псковской епархии первой половины XIX в., обозначающих причину смерти православного приходского населения. Согласно полученным данным, выявленные лексемы, указывающие на заболевания и причины смерти, условно разделяются на две большие группы: «естественные» и «неестественные». Сделан вывод о том, что попытки создать полную статистическую картину спектра заболеваний приходского населения максимально затруднены из-за наличия субъективного фактора при ведении метрической регистрации и фрагментарности ряда необходимых количественных показателей, тем не менее метрические книги из провинциальных храмов являются незаменимым источником для изучения языковой картины приходского мира первой половины XIX в. на микроуровне.

Ключевые слова: номинативные единицы, историко-статистическое исследование, метрические книги, смертность, лексемы.

A. S. Ivanova. Naming of Diseases and their Symptoms in the Parish Registers of the Opochetsky Spiritual Administration of the Pskov Eparchy in the First Half of the 19th Century

Abstract. The article is devoted to the analysis of nominative units of the metric books of the Opochetsky spiritual administration of the Pskov eparchy of the first half of the XIX century, which denote the cause of death of the Orthodox parish population. According to the obtained materials, the identified lexemes indicating diseases and causes of death are conventionally divided into two large groups: «natural» and «unnatural». It is concluded that attempts to create a complete statistical picture of the spectrum of diseases of the parish population are maximally difficult due to the presence of a subjective factor when conducting metric registration and the fragmentation of a number of necessary quantitative indicators, however, metric books from provincial temples are an irreplaceable source for studying the language pattern of the parish world of the first half of the XIX century.

Keywords: nominative units, historical and statistical research, metric books, mortality, lexemes.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.359-364

Важнейшим информационным поводом последних двух лет стала эпидемиологическая ситуация в Российской Федерации. Соответственно, обращение к изучению истории эпидемий в рамках нашей страны и ее регионов становится особенно актуальным.

Мы определяем научную проблему нашего исследования следующим образом: возможно ли, используя такой источник, как метрические книги, создать максимально наглядную и полную статистическую картину спектра заболеваний приходского населения и, одновременно, возможно ли создать динамическую картину диагнозов и локальных эпидемий?

Объектом данного исследования выступили метрические книги приходов Опочецкого духовного правления Псковской епархии первой половины XIX в. Метрические книги – совокупность записей культовой регистрации, которые в виде хронологических записей в книжной форме удостоверяют события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц (*Антонов, Антонова*, 2006. С. 254). Были исследованы материалы за 1804 г., 1821 г. и 1840 г. (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4320, 4331, 4349), выборка является случайной для репрезентативности данных. Предмет исследования – это используемые в метрических книгах номинативные единицы, обозначающие причину смерти православного приходского населения.

В качестве методологической базы исследования выступили: контент-анализ, метод сплошной обработки данных, метод компьютерного анализа, историко-динамический метод, метод группировки.

В исследованных метрических книгах совокупно зафиксировано 849 случаев смерти и 10 основных номинативных единиц, обозначающих причину смерти. Мы считаем корректным разделить выявленные заболевания и причины смерти на две большие группы: «по естественным факторам» и «по неестественным факторам». Динамический макет с группировкой выявленных дефиниций представлен в форме диаграммы (рис. 1) и таблицы (табл. 1).

В исследованных нами документах к «естественным» были отнесены следующие болезни тела:

1) «натуральная болезнь» (вероятная гибель по причине комплексного увядания организма, умерший всегда имел в метрической записи формулу «с покаянием») – маркер встречается 755 раз (88,93%), средний возраст умерших – 43,5 лет для мужчин и 41,5 лет для женщин, что говорит о том, что при постановке данной причины смерти прослеживается прямая корреляция с возрастом усопшего, т.е. чем выше возраст покойного, тем чаще встречается данный диагноз. Однако возможно, что к данному маркеру относились и смерти по причине какой-либо болезни, конкретнее определить смысловое содержание данной дефиниции достаточно трудно. Мы предполагаем, что, используя данную группу наименований причин смерти, священнослужители связывали ее с наступившим исчерпанием жизненной силы. Иногда священники, не имея возможности квалифицировать причину смерти, использовали субстантивное словосочетание «по воле божией», что также можно связать с диагнозом «натуральная болезнь»;

2) «скоропостижно» (внезапная гибель без предшествующей длительной болезни, умерший не имел в метрической записи формулу «с покаяни-

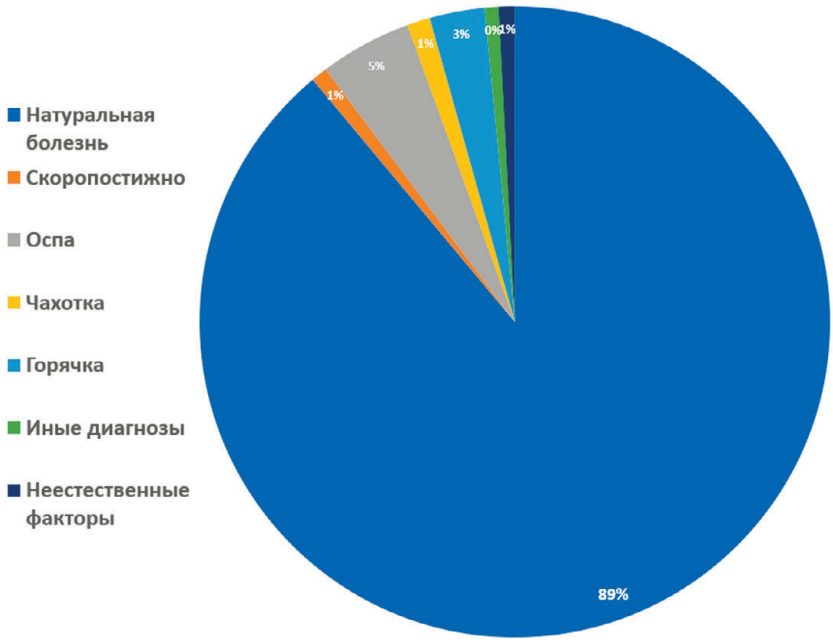


Рис. 1. Диаграмма распределения причин смерти приходского населения по данным метрических книг приходов Опочецкого духовного правления Псковской епархии

ем) – маркер встречается 7 раз (0,82%), средний возраст покойных – 46,5 лет для мужчин и 42,5 лет для женщин, что также говорит об актуальности данного диагноза для взрослых людей. Использование этой лексемы можно связать с тем, что записях метрических книг священнослужители не всегда имели возможность детализировать причину смерти;

3) «от оспы» (тяжелая заразная болезнь, сопровождающаяся появлением пузырчатой сыпи, оставляющей рубцы на коже и слизистых оболочках) – 40 маркеров (4,71%), средний возраст гибели – 2,6 лет для мальчиков и 2,3 лет для девочек, т. е. номинативная единица актуальна для детей до 5 лет. В реалиях XIX в. оспа определялась как «сыпная повальная болезнь людей». Необходимо отметить, что оспа – единственный диагноз, упоминаемый в исследованных источниках при фиксации гибели детей;

4) «от чахотки» (прогрессирующее истощение организма при тяжелых формах туберкулеза легких) – 10 маркеров (1,18%), средний возраст гибели – 26 лет для мужчин и 25 лет для женщин. В рамках словоупотребления XIX в. «чахотка» определялась как «изнурительная смертельная болезнь, с порчей легких»;

5) «горячка» (группа заболеваний, имеющих инфекционную природу и сопровождающихся высокой температурой тела) – 24 маркера (3,1%), средний возраст гибели составлял 18,2 лет для мужчин и 25,3 лет для женщин. Необходимо отметить, что на протяжении XIX в. лексема «горячка» не обозначает

Таблица 1

Таблица распределения причин смерти приходского населения по данным метрических книг приходов Опочецкого духовного правления Псковской епархии

Год	1804				1821				1840			
	Количество		Средний возраст умерших		Количество		Средний возраст умерших		Количество		Средний возраст умерших	
Причина смерти и распределение по полу	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Естественные												
Натуральная болезнь	72	69	48,5	41,1	72	71	42,2	44,2	248	223	39,8	39,0
Оспа	1	9	2,0	1,4	13	16	3,0	2,6	1	0	3,0	0
Чахотка	8	2	30,1	26,5	0	0	–	–	0	0	–	–
Горячка	2	0	6,5	–	0	1	–	22,0	12	9	30,0	27,9
Падучая	1	0	9,0	–	0	0	–	–	0	0	–	–
Скоропостижная смерть	1	0	48,0	–	4	2	44,5	42,0	0	0	–	–
Французская болезнь	0	0	–	–	2	0	50,5	–	0	0	–	–
Поносная болезнь	3	0	4,5	–	0	0	–	–	0	0	–	–
Неестественные												
Несчастные случаи	0	0	–	–	1	0	–	–	1	0	34,0	–
Плохие роды	–	1	–	28,0	–	2	–	–	–	2	24,5	–
Убийства	1	1	50,0	37,0	1	0	–	–	1	0	30,0	–
Всего	89	82	24,8	26,8	93	92	34,0	27,7	261	232	24,3	33,5

самой температуры, для этого используется слово *жар*. Также в словоупотреблении различают лексемы «горячка» и «лихорадка»: обычно лихорадкой именуют небольшую и недлительную болезнь, сопровождающуюся повышением температуры тела, а горячкой – длительную, тяжелую, опасную;

6) иные диагнозы: «падучая» (эпилепсия), «поносная болезнь» (диарея), «французская болезнь» (сифилис) – совокупно 6 маркеров (0,71%).

К «неестественным» нами были отнесены смерти по трагическому стечению обстоятельств: убийства (формула «неизвестная смерть по ведению земской полиции») – 3 маркера (убиенные до 50 лет), тяжелые роды с летальным исходом для роженицы (3 маркера, средний возраст умерших – 26 лет) и утопление (1 маркер, мужчина, 30 лет). Совокупное количество смертей по неестественным причинам – 7 маркеров (0,82%).

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, обращает на себя внимание такая явная корреляция, как недуг и симптоматика: характеризуя причину упокоения прихожанина, священник регистрировал различные болезни и симптомы, сопутствовавшие им. Так, если встречаются указания на конкретные заболевания, то они имеют свои уникальные проявления: например, в случае оспы – тяжелые высыпания на коже, чахотки – кровохаркание, падучей – судороги, лихорадки – высокая температура тела и т. д., что упрощает для неподготовленного человека (прихожанина или священнослужителя) определение причины смерти покойного. Соответственно, выявленные номинативные единицы употребляются для указания болезней и их симптомов только в определенных и однозначных значениях, свойственных исследуемому периоду (*Белькова*, 2014. С. 131).

Во-вторых, необходимо отметить, что запись о причине смерти целиком зависела от компетенции священнослужителя, однако клир, не обладая специальными знаниями и навыками для установления корректной причины смерти, предположительно, делал соответствующие указания в метрике со слов родственников умершего, а поэтому проще всего было использовалась самую широкую формулу – «натуральная болезнь», что максимально затрудняет идентификацию диагноза (*Белькова*, 2010. С. 74).

В-третьих, нельзя не отметить, что в исследованных метриках отсутствуют записи о мертворожденных детях, что является достаточно распространенным явлением в метрических записях в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. (*Миронов*, 2007. С. 22).

В-четвертых, показатели относительно детской смертности крайне неточны из-за исключения из регистрации как мертворожденных, так и умерших до крещения и незаконнорожденных детей (*Дьячков и др.*, 2007. С. 65).

В-пятых, указания на самоубийц в метрических книгах не встречаются, что объясняется тем, что покончившие жизнь самоубийством должны были лишаться захоронения по христианскому обряду (*Белькова*, 2014. С. 139).

Вышеприведенные наблюдения свидетельствуют о том, что попытки создать максимально наглядную и полную статистическую картину спектра заболеваний приходского населения максимально затруднены из-за наличия субъективного фактора при ведении метрической регистрации и фрагментарности

ряда необходимых количественных показателей (например, неточности показателей детской смертности, насильственных смертей или неоднозначности дефиниции «натуральная болезнь»).

Также мы приходим к выводу, что создать динамическую картину диагнозов и локальных эпидемий по метрическим книгам крайне сложно из-за вышеозначенных причин. Тем не менее нельзя не отметить, что метрические книги из провинциальных храмов, несмотря на специфичность, являются незаменимым источником для изучения языковой картины приходского мира первой половины XIX в. на микроуровне.

Литература

Антонов Д. Н., Антонова И. А., 2006. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 385 с.

Белькова А. Е., 2010. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления (часть третья, об умерших) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2 (9). С. 72–79.

Белькова А. Е., 2014. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления: концептосфера, субтекстовый состав: монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та. 176 с.

ГАПО – Государственный архив Псковской области. Ф. 39. Оп. 1.

Д. 4320. Метрические книги церквей Опочки и Новоржева и церквей погостов их уездов.

Д. 4331. Метрические книги церквей Опочки и Новоржева и церквей погостов их уездов.

Д. 4349. Метрические книги ц. Опочки и церквей погостов уездов Опочецкого и Новоржевского.

Дьячков В. Л., Канищев В. В., Орлова В. Д., 2007. Место метрических книг в комплексе источников по исторической демографии России XVIII – начала XX в. // Материалы церковноприходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул. С. 48–85.

Миронов Б. Н., 2007. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: сб. ст. / Под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул. С. 8–47.

* * *

Иванова Алёна Сергеевна, *г. Псков, Псковский государственный университет, Псковский медицинский колледж, e-mail: iwanovaalena@gmail.com*

СОСЕДИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

Е. Р. Михайлова

Лужско-Оредежское междуречье – пограничный микрорегион культуры псковских длинных курганов

Резюме. В статье анализируются сведения о памятниках компактного пограничного микрорегиона культуры псковских длинных курганов – Лужско-Оредежского междуречья. Рассмотрена история изучения памятников микрорегиона, их пространственное распределение, проанализированы данные о вещевых находках. Ряд материалов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, Лужско-Оредежское междуречье, Восточная Балтика, микрорегиональные исследования.

E. R. Mikhailova. The Luga-Oredezh Interfluve as a Border Micro-region of the Culture of Pskov Long Barrows

Abstract. The article analyzes information about the sites of the compact boundary micro-region of the Pskov long barrow culture in the interfluve of the Luga and Oredezh rivers. The history of the study of the sites in the microregion and their spatial distribution are considered. The data about the finds is analyzed. Some materials are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Pskov long mound culture, interfluve of Luga and Oredezh rivers, Eastern Baltic, microregional studies.

Обширная территория так называемой культуры псковских длинных курганов (КПДК) по мере продолжения исследований все отчетливее распадается на отдельные области, регионы и микрорегионы, выделяющиеся на общем фоне теми или иными культурными особенностями. Одним из таких микрорегионов является Лужско-Оредежское междуречье на территории современного Лужского района Ленинградской области.

Рассматриваемая территория располагается по правому берегу р. Луги и левому берегу ее крупнейшего притока Оредежа (Оредежи), выше их слияния (рис. 1). Юго-западнее, на левом берегу р. Луги, расположена система из пяти соединенных протоками озер: Больших Толоней, Раковичского, Вревского, Черменецкого и Святейского (т. н. Врево-Черменецкое поозерье) – это ближайшее к Лужско-Оредежскому междуречью значительное скопление памятников

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.365-386

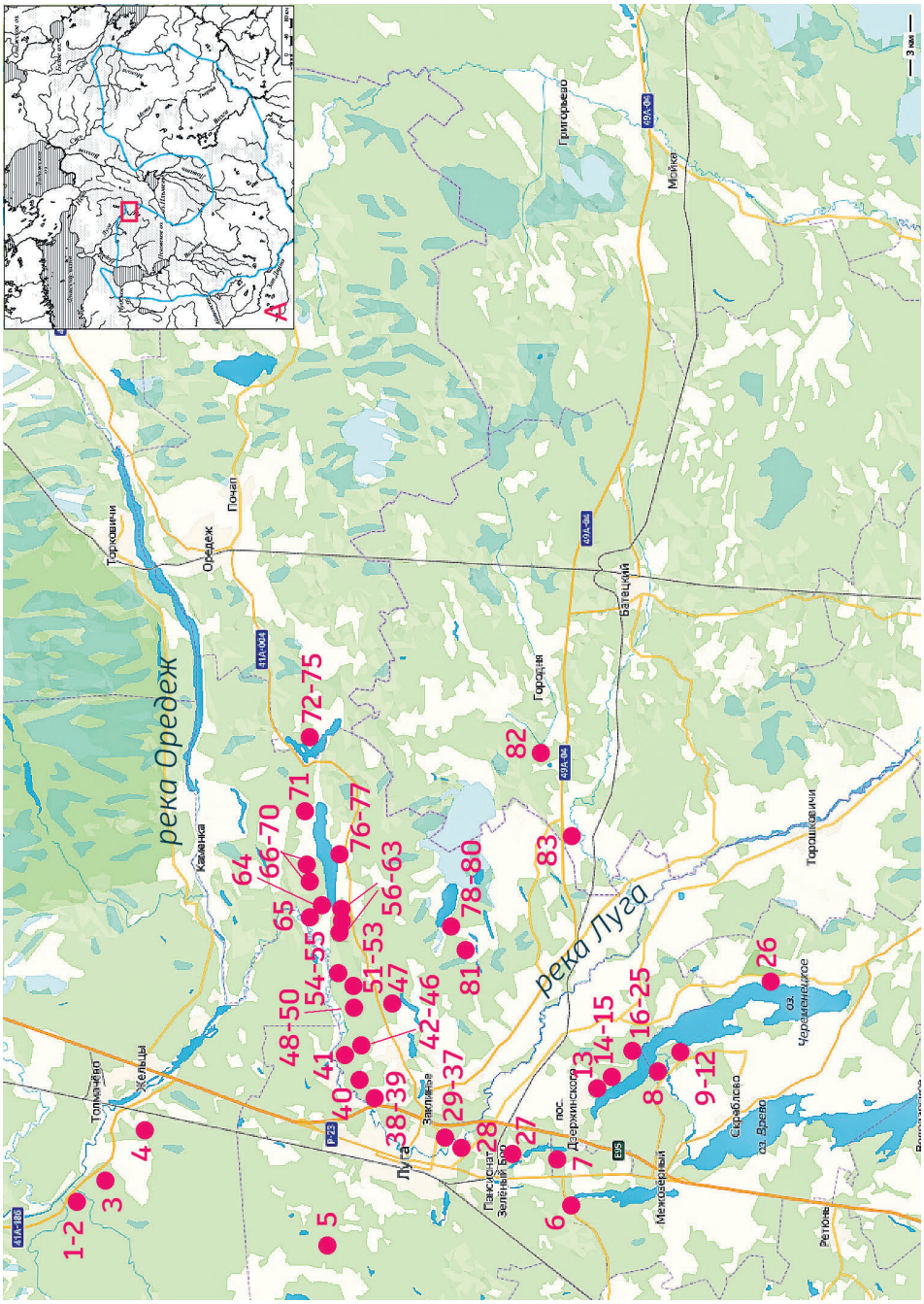

река Оредеж
река Луга
Торковичи
Оредеж
Почап
Каменка
Жельцы
Толмачево
Луга
Заклинье
Панкисная
Зелёный Бор
пос. Дзержинского
Межозёрный
Скреблово
оз. Врево
оз. Черемененское
Ретюнь
Торошковичи
Батецкий
Городня
Григорьево
Мойка
1-2
3
4
5
6
7
8
9-12
13
14-15
16-25
26
27
28
29-37
38-39
40
41
42-46
47
48-50
51-53
54-55
56-63
64
65
66-70
71
72-75
76-77
78-80
81
82
83

Рис. 1. Схема расположения памятников культуры псковских длинных курганов
в Лужско-Оредежском междуречье (*29–83*) и соседних регионах.
А – положение региона на территории КПДК.

1 – курганная группа Островенка 1;
2 – курганная группа Островенка 2;
3 – курганная группа Ситенка (Сытенка) 3;
4 – курганная группа Ситенка (Сытенка) 2;
5 – кургнная группа у оз. Большое Ретенское;
6 – курганная группа Калгановка 1;
7 – одиночный курган Городок;
8 – одиночный курган Красный Вал 4;
9 – курганная группа Красный Вал 1;
10 – курганная группа Красный Вал 2;
11 – курганная группа Красный Вал 3;
12 – селище Красный Вал;
13 – курганная группа Рапти 2;
14 – курганная группа Рапти 3;
15 – курганная группа Рапти 4;
16 – курганная группа Рапти-Наволок 1;
17 – насыпь в урочище Боровское Купалище;
18 – курганная группа Рапти-Наволок 2;
19 – курганная группа Рапти-Наволок 3;
20 – одиночный курган Рапти-Наволок 4;
21 – одиночный курган Рапти-Наволок 5;
22 – селище Рапти-Наволок 6;
23 – селище Рапти-Наволок 7;
24 – селище Рапти-Наволок 8;
25 – одиночный курган Рапти-Наволок 10;
26 – высокая насыпь у д. Репьи;
27 – курганная группа Естомичи 3;
28 – курганная группа Естомичи 2;
29 – курганная группа Слапи 2;
30 – курганная группа Слапи 3;
31 – курганная группа Слапи 4;
32 – курганная группа Слапи 5;
33 – курганная группа Слапи 6;
34 – курганная группа Слапи 7;
35 – одиночный курган Слапи 8;
36 – курганная группа Слапи 9;
37 – курганная группа Слапи 10;
38 – одиночный курган Турово 13;
39 – одиночный курган Турово 14;
40 – одиночный курган Турово 5;
41 – курганная группа Турово 12;
42 – курганная группа Турово 6;
43 – одиночный курган Турово 4;
44 – курганная группа Турово 2;
45 – одиночный курган Турово 1;
46 – одиночный курган Турово 3;
47 – одиночный курган Нелаи 2;
48 – курганная группа Турово 17;
49 – курганная группа Турово 7;
50 – курганная группа Турово 8;
51 – курганная группа Турово 9;
52 – одиночный курган Турово 11;
53 – одиночный курган Турово 16;
54 – курганная группа Турово 10;
55 – одиночный курган Турово 15;
56 – курганная группа Мерево 1;
57 – одиночный курган Мерево 2;
58 – курганная группа Мерево 3;
59 – одиночный курган Мерево 4;
60 – одиночный курган Мерево 5;
61 – одиночный курган Мерево 6;
62 – селище в д. Мерево;
63 – одиночный курган Мерево 13;
64 – селище Мерево 10;
65 – курганная группа Сосово озеро;
66 – курганная группа Келло 1;
67 – одиночный курган Келло 2;
68 – одиночный курган Келло 3;
69 – курганная группа Келло 4;
70 – одиночный курган Келло 5;
71 – одиночный курган Заполье;
72 – курганная группа Поддубье 1;
73 – одиночный курган Поддубье 2;
74 – курганная группа Поддубье 3;
75 – селище Поддубье;
76 – одиночный курган Бетково 1;
77 – одиночный курган Бетково 2;
78 – одиночный курган Жеребут 1 (Замошье 1);
79 – курганная группа Жеребут 2 (Замошье 2);
80 – одиночный курган Жеребут 3 (Замошье 3);
81 – курганная группа Замошье;
82 – курганная группа Белая 2;
83 – курганная группа Щепы.

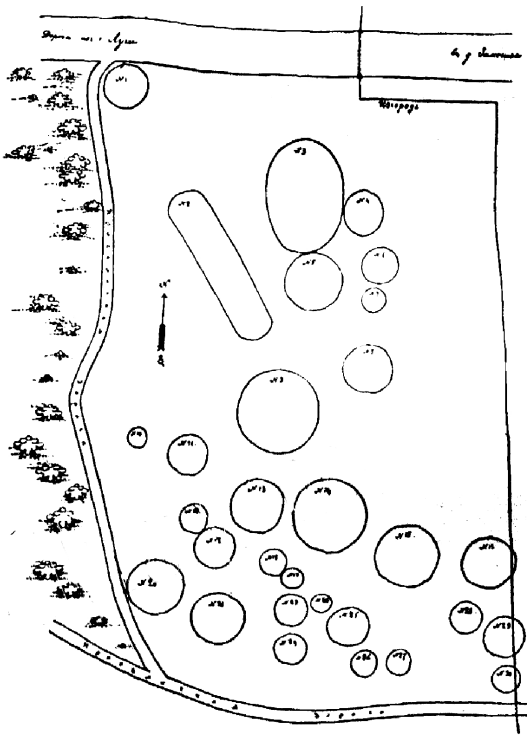


Рис. 2. План курганной группы у д. Замошье (по: *Спицын*, 1914. Рис. 4)

КПДК. Далее к западу и югу от указанных микрорегионов памятники КПДК немногочисленны и удалены друг от друга. К востоку и северу от Лужско-Оредежского междуречья, т. е. вверх по течению Луги и на ее левом берегу ниже слияния с Оредежем, памятники культуры длинных курганов отсутствуют.

Лужско-Оредежское междуречье – сравнительно хорошо изученный микрорегион. Из ранних работ на этой территории следует указать раскопки А. А. Спицына в 1910 г. близ д. Замошье (ОАК, 1909–1910. С. 163–164; *Спицын*, 1914. С. 88–93). Могильник состоял из приблизительно 30 насыпей, подавляющее большинство которых представляло собой невысокие полусферические курганы, содержавшие средневековые ингумации. А. А. Спицын в обеих публикациях пишет о двух длинных насыпях в составе могильника, хотя на приводимых им планах имеется только одна длинная насыпь (№ 2). Возможно, вторым длинным курганом исследователь считал расположенный рядом крупный овальный в плане курган № 3 (рис. 2).

Исследования велись как учебная практика университетских слушателей А. А. Спицына: в частности, топографический план могильника был снят под руководством К. В. Кудряшова, а валообразный курган раскопан П. Г. Любомировым, С. Н. Черновым и Б. В. Александровым) (подробнее см.: *Медведева, Соболев*, 2013). «*В Замошской группе имеются два длинные финские кургана, из которых один, имевший в длину 19,50 м, в ширину 8,60 м, был раскопан. Курган сооружен очень оригинально, на бровке возвышения: вырыт глубокий ров вдоль бровки с отбросом земли на курган и мелкий с противоположной стороны; таким путем образовалось естественное возвышение до 0,70 м высотою. Насыпь сильно оползла вниз, заняв весь ров; в настоящее время она имеет толщину до 0,18 м. Почти посредине кургана на материке, но не на самом верху его, а несколько ниже, оказались остатки кострища в виде слоя длиной 1,05 м, шириною до 0,90 м, толщ. 0,09–0,13 м, который отчасти переместился еще ниже. Слой состоял из земли, угля и массы мелких пережженных косточек,*

сгруженных в одном месте. Ниже кострища найдена неопределенная железная поделка, вероятно, иного времени; слабые следы подобного слоя найдены на еще одном конце кургана» (ОАК, 1909–1910. С. 163–164).

Прием использования материкового останца для сооружения на нем визуально высокой насыпи кургана неоднократно отмечен в КПДК, но в остальном описания изученного кургана дают мало оснований для реконструкции его внутреннего строения.

В ходе той же учебной поездки А. А. Спицын раскопал несколько курганов близ д. Белая в современном Батецком районе Новгородской обл. (см. ниже).

После работ 1910 г. территория между Лугой и Оредежем, в отличие, например, от Врево-Черменецкого поозерья, надолго выпала из поля зрения исследователей. Исключение составили исследования памятников каменного века на северо-западном берегу Меревского озера. В 1950 г. астрофизиком Н. А. Козыревым здесь была найдена стоянка; Н. Н. Гурина в 1953 г. обнаружила на Меревской стоянке материалы эпох неолита и палеометалла (*Козырев*, 1952; *Гурина*, 1961. С. 412 сл., 534). Позднее выяснилось, что верхняя часть культурных напластований на памятнике содержит материалы раннего средневековья.

Подробное полевое обследование региона было начато Ю. М. Лесманом в 1977 г. В течение 1977–1979 гг. он выявил и обследовал погребальные памятники КПДК в окрестностях деревень Турово, Мерево, Бетково, Поддубье, Келлы, Замошье, Заполье, а также открыл соответствующие им поселения на озерах Меревском и Поддубском (Троицком). Тогда же Ю. М. Лесман раскопал несколько курганов в могильниках Мерево III, Поддубье III (*Лесман*, 1977, 1978, 1979, 1985). Материалы раскопок исследователя, хранившиеся в его рабочем кабинете в Эрмитаже, в настоящее время переданы в отдел археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Часть материалов еще в 1970-е гг. была передана Ю. М. Лесманом на Кафедру археологии ЛГУ, обнаружить их пока не удалось.

В 1986 г. Н. И. Платонова изучала курганные могильники близ д. Турово. Поводом для обследования послужила находка биметаллического однолезвийного меча, возможно, происходившая из грабительских раскопок «большого кургана» в районе д. Турово (подробнее о находке см.: *Михайлова, Соболев*, 2019а). Н. И. Платонова раскопала нарушенную свежей грабительской ямой круглую насыпь (№ 1) в могильнике Турово-2, вновь обследовала памятники, выявленные Ю. М. Лесманом, а также обнаружила еще три одиночных кургана (Турово-3, Турово-4, Турово-5) поблизости от уже известных курганных групп (*Платонова*, 1986. Л. 6–10).[1]

В 1988–1991 гг. уточненные планы большинства известных к тому времени памятников Лужско-Оредежского междуречья снял Е. М. Колпаков. Эти работы проводились в рамках паспортизации памятников истории и культуры

[1] В полевом отчете Платоновой иная индексация памятников: группа из четырех курганов названа Турово-I, в то время как у других авторов и в учетной документации она обозначена как Турово II.

Ленинградской области, их результаты хранятся в архиве Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.

В 1990–2000-х гг. на территории Лужского района много работал С. Л. Кузьмин. В Лужско-Оредежском междуречье он исследовал целый ряд памятников, при этом некоторые выявил впервые (комплекс памятников у д. Слапи, ряд курганных групп и одиночных курганов у д. Турово). Им были также раскопаны несколько насыпей в разных могильниках. К сожалению, не все результаты работ С. Л. Кузьмина нашли свое отражение в научных отчетах, однако сохранилась часть полевой документации из личного архива исследователя.

Из работ 2000–2020-х гг. необходимо упомянуть разведки и разведочные раскопки Е. Р. Михайловой, В. Ю. Соболева, В. В. Добышева.

Мониторинговое обследование ранее выявленных памятников предпринял в 2003 г. С. А. Семенов (*Лапшин, Семенов*, 2012). Большое значение имеют также текущие работы Ст. А. Васильева и С. А. Семенова по мониторингу современного состояния памятников, их топографической съемке и определению точных границ.

В 2021 г. мною были доследованы бровки кургана № 2 в группе Турово-6. По устному сообщению С. Л. Кузьмина, этот курган был раскопан им в 2007 г. и не содержал погребений и находок; полевая документация была утрачена. В ходе работ 2021 г. были установлены общие характеристики кургана: удлиненная в плане насыпь, ориентированная продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры подкурганной площадки составляли ок. 13–13,5×5,5–6 м, она имела в плане форму прямоугольника со скругленными углами. Курган был возведен в два этапа, о чем свидетельствуют двухчастная структура насыпи и следы двух окружавших насыпь ровиков, частично сливавшихся (*Михайлова*, 2021. Л. 12–17).

В настоящее время на территории Лужско-Оредежского междуречья известно 54 памятника культуры псковских длинных курганов, преимущественно погребальных. Они распределены неравномерно.

Подавляющее большинство как курганных групп, так и вообще курганов сосредоточено в районе двух деревень – Турово и Мерево (см. рис. 1: *38–71*). В сущности, это единый массив памятников, протянувшийся вдоль коренного берега Луги и разделенный примерно посередине глубоким оврагом, по дну которого течет ручей, впадающий в Лугу. Важно подчеркнуть, что к самой пойме Луги памятники не подходят. Долина Луги здесь представляет собой широкое топкое пространство с сильно меандрирующей рекой. Все известные курганные могильники располагаются на широкой озовой гряде, тянущейся с юго-запада на северо-восток от изгиба русла Луги до узкого проточного озера Меревского. Вокруг Меревского озера погребальные памятники также располагаются на высоких коренных берегах, не спускаясь на прибрежные террасы.

В отличие от могильников, все поселения на Меревском озере приурочены к озерному берегу. Все они многослойные.

Наиболее крупное поселение расположено на северо-западном берегу озера, напротив дер. Мерево; выходы культурного слоя и подъемный материал фиксируются на протяжении нескольких сот метров. Памятник был выявлен

как неолитическая стоянка (Мерево-1) в 1950 г. астрофизиком Н. А. Козыревым; в 1953 г. здесь провела раскопки Н. Н. Гурина, обнаружившая материалы эпох неолита и палеометалла (*Козырев*, 1952; *Гурина*, 1961. С. 412 сл., 534). В 1979 г. местность была обследована Ю. М. Лесманом, который отметил несколько незначительных выходов культурного слоя, обозначив их как стоянки близ д. Келлы I–III (*Лесман*, 1979. Л. 3. Рис. 17). В 2002–2003 гг. С. Л. Кузьмин и С. А. Семенов собрали на северо-западном берегу озера, помимо фрагментов неолитической керамики и кварцевых отщепов, отдельные фрагменты лепной раннесредневековой керамики. Аналогичный материал был встречен в шурфе, заложенном здесь в 2003 г. (*Лапшин, Семенов*, 2012. С. 13–14). Места находок лепной керамики были обозначены как «селище Мерево 10» и «селище Мерево 11».

В 2004 г. мною на поселении Мерево 10, близ уреза воды, был заложен раскоп площадью 88 кв. м. Под слоем дерна по всей площади раскопа залегал слой аморфного слабогумусированного песка серого цвета мощностью 8–25 см, в котором были собраны фрагменты лепной керамики эпохи раннего средневековья и эпохи неолита (культур нарвской и гребенчато-ямочной керамики). Раннесредневековая керамика представлена мелкими фрагментами стенок сосудов светло-коричневого цвета, изготовленных из глиняного теста со значительным содержанием крупной дресвы (рис. 3: *1, 2*). По внешнему виду эту керамику можно отнести к культуре псковских длинных курганов. К сожалению, целые формы реконструировать не удалось. В том же слое серого песка были встречены и отдельные находки: фрагмент побывавшей в огне роговой накладки, маленький (ок. 4 мм) обломок тонкой бронзовой пластинки, миниатюрный железный нож и др. (рис. 3: *3–5, 10*). В центральной части раскопа было собрано значительное количество мелких обломков глиняной обмазки со следами пребывания в сильном огне, два фрагмента толстостенных тиглей с ошлакованной стекловидной поверхностью и два обломка керамических изделий с округлым отверстием, поверхность которых оплавлена до стекловидной (рис. 3: *6–8, 11*). По всей вероятности, раскоп 2004 г. пришелся на периферийную часть поселения (подробнее см.: *Михайлова*, 2013). Ближайший могильник КПДК (курганная группа Келло 4) расположен приблизительно в 800 м к северу от селища, на высоком коренном берегу непосредственно над селищем.

В 1977 г. Ю. М. Лесман обнаружил поселение на возвышенном участке на юго-западном берегу озера, в 250 м к северу-северо-востоку от кургана Мерево 4. На берегу озера и в разведочном шурфе были собраны кремневые изделия, неолитическая и средневековая керамика. Часть фрагментов лепной посуды можно связывать с культурой псковских длинных курганов (*Лесман*, 1985. Рис. 1: *Г, Е*).

Вероятно, аналогичные материалы были обнаружены и при раскопках стоянки Мерево-2, открытой В. И. Тимофеевым в 1982 г. непосредственно к северу от деревни Мерево. Стоянка расположена на низком мысу южного берега озера, примерно в 600 м к западу от поселения, открытого Ю. И. Лесманом. В 1983 г. В. И. Тимофеев совместно с Н. Н. Гуриной заложил здесь небольшой

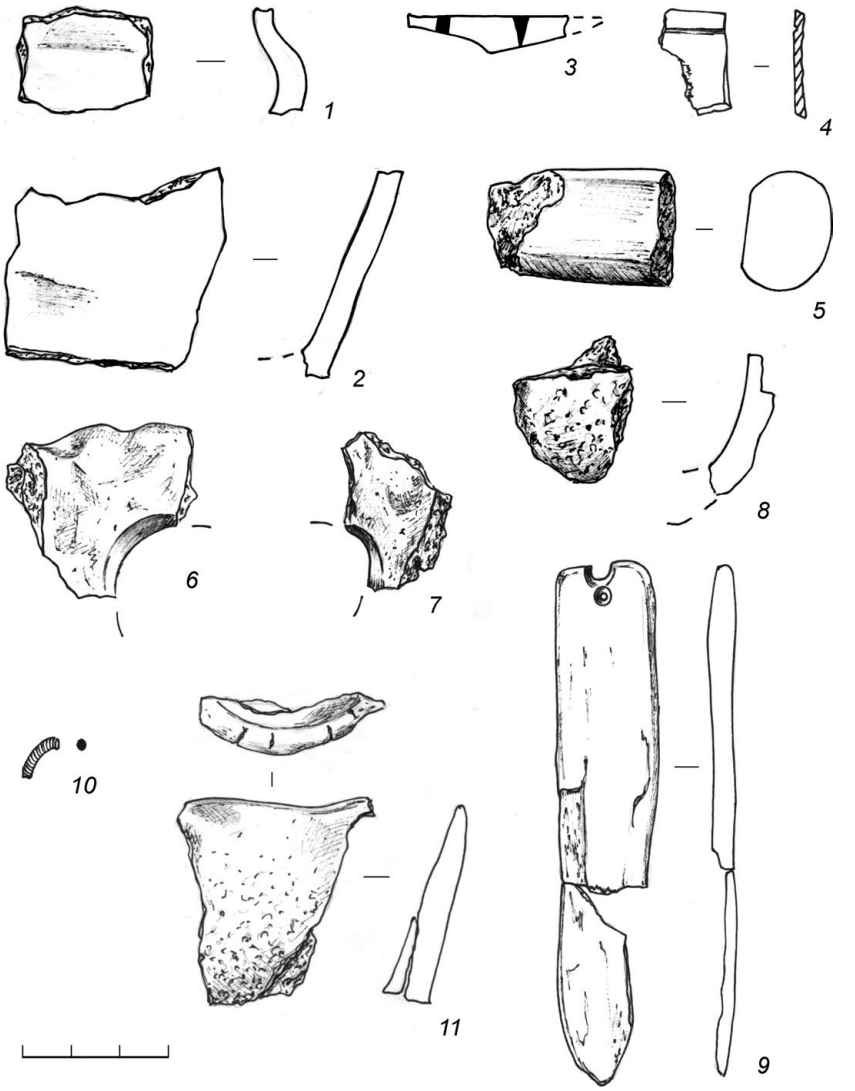


Рис. 3. Находки с поселения Мерево-10. *1, 2, 6–8, 11* – керамика; *3* – железо; *4* – рог; *5, 9* – камень; *10* – бронза

разведочный раскоп, где были собраны предметы из кремня, а также керамика неолита и средневековья (*Тимофеев*, 1985. С. 14).

Поселения КПДК западнее Меревского озера, в окрестностях деревни Турово, пока не найдены. По аналогии с расположением селищ на Меревском озере и учитывая болотистый характер поймы реки Луги, можно прогнозировать их обнаружение на берегах Туровского озера, где на месте существующей деревни известно древнерусское селище (*Михайлова, Соболев*, 2019б. Рис. 2).

Еще одно крупное скопление памятников располагается близ д. Слапи (см. рис. 1: *29–37*). Комплекс, выявленный в 2002–2003 гг. работами С. Л. Кузьмина, В. Ю. Соболева и С. А. Семенова, состоит из семи курганных групп и одиночного кургана, расположенных вдоль высокой озовой гряды, протянувшейся по правому коренному берегу впадающего в Лугу ручья (*Михайлова, Соболев*, 2019б. С. 101). Большинство групп состоит из нескольких насыпей; самая крупная из них (Слапи 6) включает 24 круглых и овальных в плане кургана. При обследовании группы Слапи 6 в 2016 г. на ее северо-западном краю, в обрезе противопожарной борозды, были замечены кальцинированные кости (*Михайлова*, 2016а. Л. 24). Кости найдены в нескольких метрах от ближайших курганов, что позволяет предположить наличие на территории могильника грунтовых захоронений. Поселений, соответствующих погребальным памятникам у д. Слапи, пока не открыто.

Сравнительно небольшие комплексы памятников расположены у озер Поддубское и Жеребутское (см. рис. 1: *72–75, 78–81*). На восточном коренном берегу Поддубского озера располагались в общей сложности 15 курганов (часть из них к настоящему времени раскопана), а под ними на низкой пойменной террасе – селище с лепной и круговой керамикой (*Лесман*, 1978. Л. 5; 1985. Рис. 1: *В*). Курганы, открытые Ю. М. Лесманом юго-западнее Жеребутского озера (группа из 7 удлиненных насыпей, одиночная удлиненная и одиночная полусферическая насыпи), приурочены к высокой гряде, вытянутой вдоль коренного левого берега впадающего в озеро ручья. На противоположном берегу того же ручья располагалась курганная группа у д. Замошье, исследованная А. А. Спицыным.

На южной периферии Лужско-Оредежского междуречья, в бассейне притока р. Луги Удрайки, близ деревень Белая и Щепы Батецкого района Новгородской области, расположены два оторванных друг от друга памятника.

Курганная группа близ дер. Белая (Белая-2) (см. рис. 1: *82*) расположена недалеко от городища Белая, в островке соснового леса на берегу небольшого болота, в настоящее время насчитывает семь круглых насыпей (*Михайлова и др.*, 2015. С. 119–120). Курганы были обнаружены в 1910 г. А. А. Спицыным и тогда же частично исследованы им. Описание этих работ очень кратко: «*Почти у подножия городища, на обратном пути к озеру, вдоль самой дороги усмотрена была небольшая группа маленьких песчаных курганов шириной 4–5 арш. и вышиною до ½ арш. и немного больше. Из них наскоро раскопаны были три, причем в одном на горизонте оказался слой светло-серой, как бы зольной земли толщиною в середине до 2-х вершк. и шириною до сажени. Земля под этим слоем не казалась обожженною. В нем не было ни угля, ни косточек, ни вещей; попадались местами крошечные угольки*» (*Спицын*, 1914. С. 94)[2].

Юго-западнее, близ д. Щепы, расположена группа из трех округлых насыпей (Памятники истории и культуры... С. 16 (№ 103)), одну из них в 1989 г. раскопал С. Л. Кузьмин. Раскопанная им полусферическая насыпь диаметром ок. 8 м и высотой до 1,2–1,3 м была возведена из песка за один прием

[2] Я благодарю Е. В. Торопову, любезно указавшую мне на эти материалы.

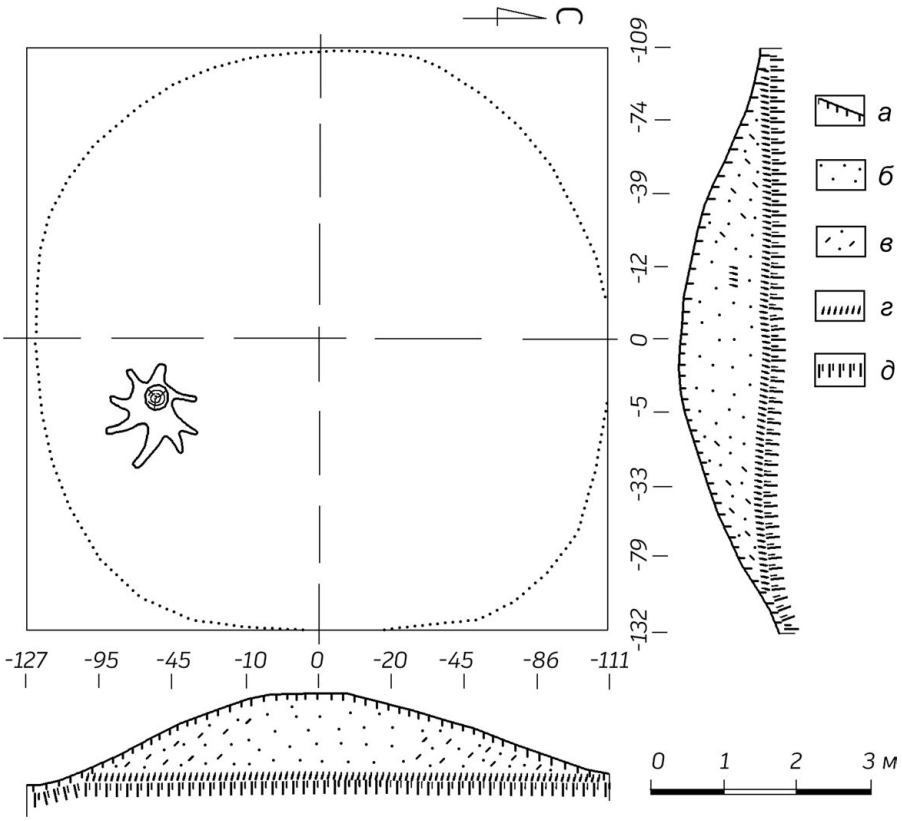


Рис. 4. Курганная группа Щепы. Курган, раскопанный С. Л. Кузьминым в 1989 г. (рис. Е. Р. Михайловой по полевому чертежу С. Л. Кузьмина).
а – современный дерн; *б* – чистый песок насыпи; *в* – слабо гумусированный песок; *г* – погребенный дерн; *д* – материк

и не содержала погребений (рис. 4). Особенностью исследованного кургана является полное отсутствие ровика, ограничивающего насыпь и площадку под ней, – черта, не характерная для культуры псковских длинных курганов, хотя иногда и встречающаяся (ср., напр.: *Михайлова*, 2016б. С. 396. Рис. 3).

Наиболее характерные черты памятников Лужско-Оредежского междуречья определяются географическим положением. В частности, расположением на окраине Восточной Балтики объясняется характер находок из курганов, раскопанных Ю. М. Лесманом у д. Мерево. Выразительные комплексы находок встречены здесь в нескольких курганах.

Курган № 2 в группе Мерево-3 представлял собой удлиненную насыпь размерами 5×12 м и высотой 0,3–0,4 м, окруженную кольцевым ровиком. Раскопки показали, что курган сооружался в два этапа: первоначальная насыпь диаметром ок. 5 м была досыпана к северу (*Лесман*, 1978. Л. 6–9).

Как погребение № 1 в ходе раскопок была обозначена яма диаметром 1,4 м, впущенная в центр первоначальной насыпи и заполненная гумусированным песком. В песке, заполнявшем яму, были найдены две небольшие капли оплавленного синего стекла. Кальцинированные кости, расчищенные в яме, образовывали два отдельных плотных скопления. Южное из них, имевшее почти цилиндрическую форму (совершенное в туесе?), содержало два оплавленных фрагмента бронзового пластинчатого браслета с продольным ребром (рис. 5: *1, 2*).

Северное скопление костей имело форму уплощенной снизу полусферы. Согласно тексту отчета, оно содержало овальное каменное огниво, железную пряжку с гладкой В-образной рамкой и гладким щитком-обоймой, четырехгранный железный стержень, согнутый петлей и обмотанный тонкой бронзовой проволокой обломок железного дрота (рис. 5: *4, 5, 7, 8*). Кроме перечисленных металлических предметов, в коллекции присутствуют еще два изделия, вероятно, обнаруженные позже среди костей скопления: костяной плоский квадратный предмет с отверстием и небольшая обожженная роговая (?) рукоять со сложным резным орнаментом. Сведения об этих находках не попали в отчет о раскопках, однако сами вещи хранились у Ю. М. Лесмана и были зарисованы им (рис. 5: *3, 6*).

В той же яме, рядом с северным скоплением костей, был расчищен лежавший на боку лепной сосуд. Согласно тексту отчета, это был «раздавленный сосуд усеченно-конической формы высотой 7,5 см и диаметром 10 см, тесто с примесью дресвы и песка, поверхность слегка заглажена, оранжевого цвета, в изломе тесто серого цвета, венчик горизонтально срезан» (рис. 5: *9*).

На северной оконечности кургана, т. е. на дальнем конце присыпки к первоначальной насыпи, было обнаружено захоронение 2 – небольшая россыпь мелких кальцинированных костей в дерне и непосредственно под ним.

Раскопанный в той же группе в 1979 г. курган № 4 имел диаметр 7 м при высоте 0,3 м и был окружен ровиком. Курган был сооружен в один прием и содержал единственное погребение: плотное полусферическое скопление костей в ямке, впущенной в центр насыпи. Среди костей погребения были найдены капли синего стекла (остатки бус) и сломанный пополам небольшой пластинчатый браслет с продольным ребром (рис. 6: *1*). По мнению Ю. М. Лесмана, погребение в кургане следует считать детским – по размеру браслета и по размеру фрагментов костей и зубов (*Лесман*, 1979. Л. 14).

Раскопки круглого кургана А[3] были проведены исследователем осенью 1981 – весной 1982 г. в связи с обнаружившимся свежим грабительским перекопом. В рабочих материалах Ю. М. Лесмана сохранились чертеж на миллиметровке (рис. 7) и краткое, на один машинописный лист, описание результатов работ, которое имеет смысл привести здесь полностью:

---

[3] Ранее комплекс находок из «кургана А» был ошибочно опубликован мной как находки из кургана № 4 (Михайлова, 2015. С. 261–262), однако осмотр могильника и дополнительное изучение документации привело к выводу, что речь идет о кургане № 1 по нумерации Ю. М. Лесмана, непосредственно примыкавшем с запада к раскопу 1978 г.

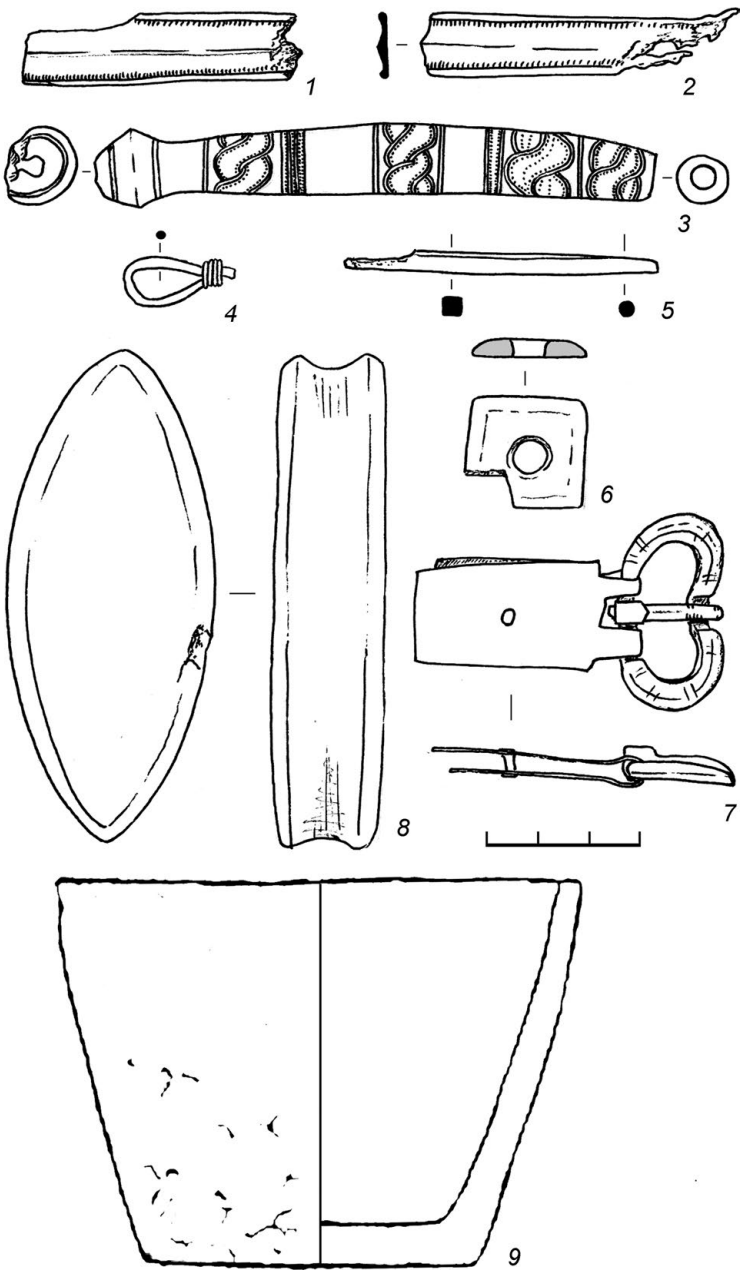


Рис. 5. Мерево-3. Находки из кургана № 2.
1, 2 – погребение 1, южное скопление; *3–8* – погребение 1, северное скопление.
1, 2 – медный сплав; *3* – рог (?); *4* – железо, бронзовая проволока; *5, 7* – железо;
6 – кость; *8* – кварцит; *9* – керамика. *1, 2, 4, 5, 8* – рисунки Е. Р. Михайловой;
3, 6, 7, 9 – рисунки Ю. М. Лесмана

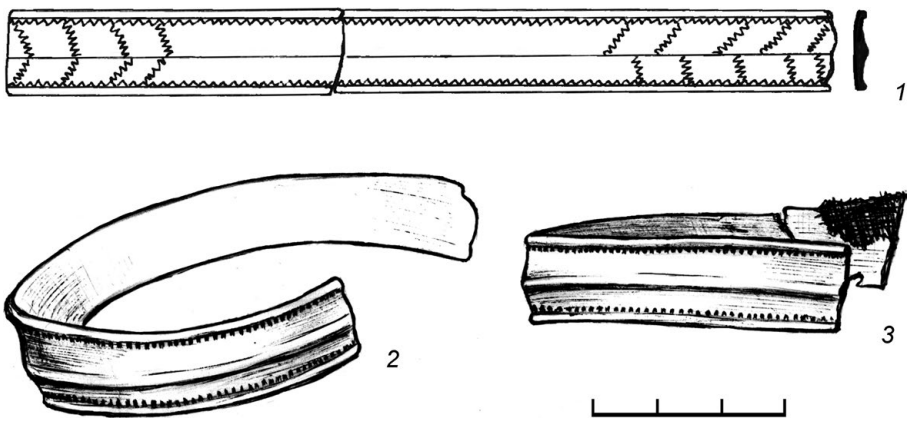


Рис. 6. Браслеты из памятников КПДК Лужско-Оредежского междуречья:
1 – Мерево-3, курган № 4 (рис. Ю. М. Лесмана); *2, 3* – Турово-6, случайная находка (рис. Е. Р. Михайловой). Медный сплав

«ЛОАЭ-81 ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛ., ЛУЖСКИЙ Р-Н, Д. МЕРЕВО МОГИЛЬНИК МЕРЕВО III

Могильник Мерево III расположен в 0,2 км восточнее п/л «Восход» и в 0,4 км южнее озера Меревского. Курганы раскинулись в сосновом лесу. Они имеют в диаметре 6–8 м и в высоту до 0,8 м. Могильник состоит из 9 круглых и 4 удлиненных курганов.

В 1977 и 1978 гг. здесь были раскопаны 2 круглых и 1 удлиненный курган. Раскопки вел Ю. М. Лесман. По найденным в погребениях вещам, курганы датируются третьей четвертью I тыс. н. э. Мною был раскопан круглый курган «А». Насыпь в форме шарового сегмента, имела в высоту 0,8 м и в диаметре: С–Ю – 8,5 м, З–В – 8 м. Раскопки производились с целью доследовать насыпь, поврежденную кладоискательской ямой.

Курган насыпан из однородного желтого песка и окружен кольцевым ровиком (ширина – 0,9–1 м, глубина – 0,2–0,3 м), заполненным серым золистым слоем, без угольков. Погребение находилось в С-В части насыпи, в ямке (З–В – 1,2 м, С–Ю – 0,9 м), врезанной в материк на 0,5 м. Кости от углей и золы не очищены. Вес костей 1,6 кг.

Из вещей, в погребении найдено реберчатое пряслице, обломок гладкого тонкого бронзового колечка, 2 крупных и 9 мелких обломков бронзовых браслетов (по-видимому, 2 шт.), 1 обломок глазчатой бусины, с мелкими белыми и красными глазками, не побывавшей на костре; 2 слитка синего стекла, 1 капля синего мозаичного стекла (от глазчатой бусины). Имеется неопределенный предмет в виде шарового сегмента (диаметр осн. 6,5 см, при высоте 1,8 см) из песчаника, с выпуклой стороны обмазанного слоем глины (1 мм) и прочерченными на ней двумя концентрическими окружностями. Найдены обломки аналогичных предметов, но подобрать их не удается.

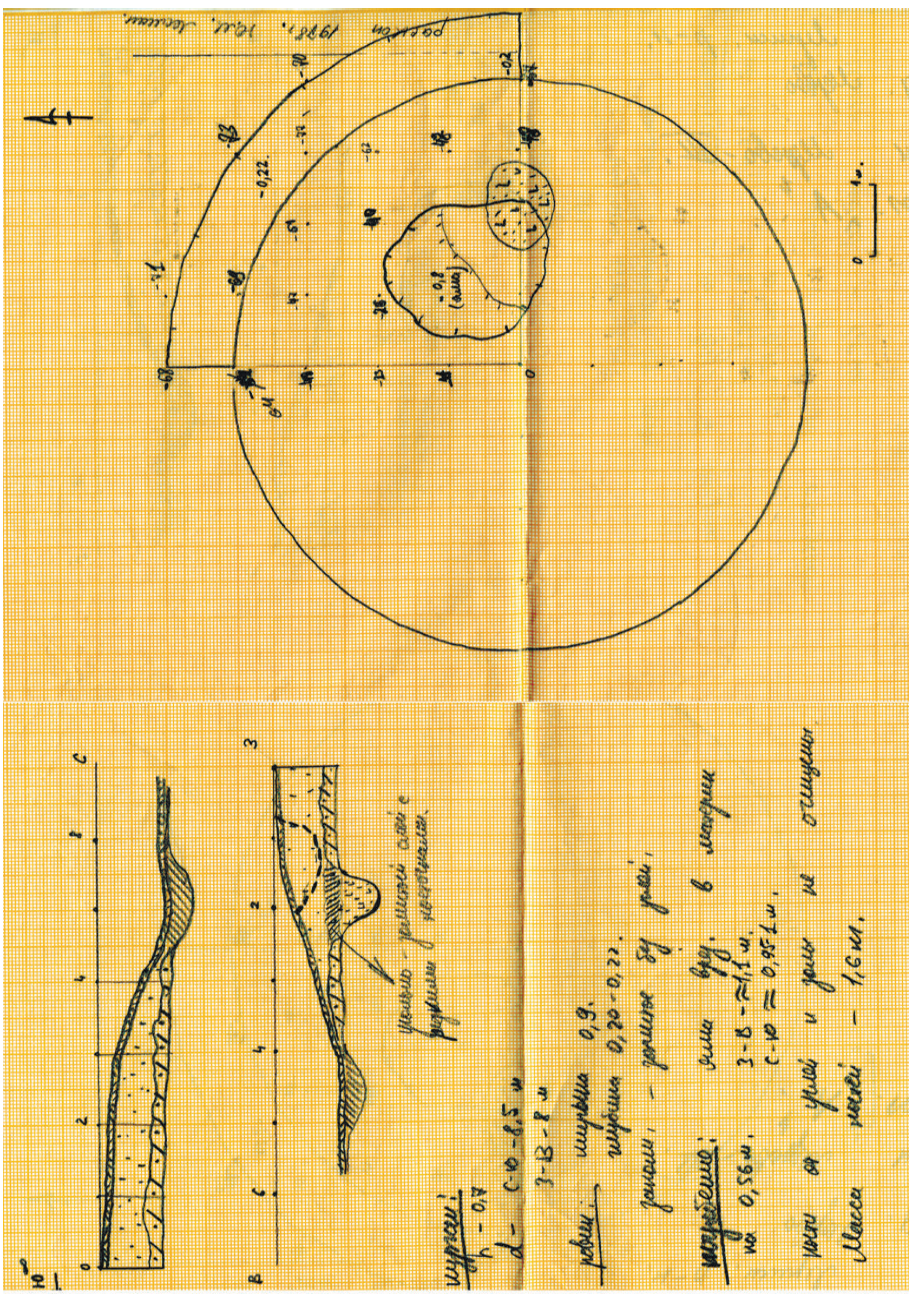


Рис. 7. Мерево-3. Курган А. Полевой чертеж Ю. М. Лесмана

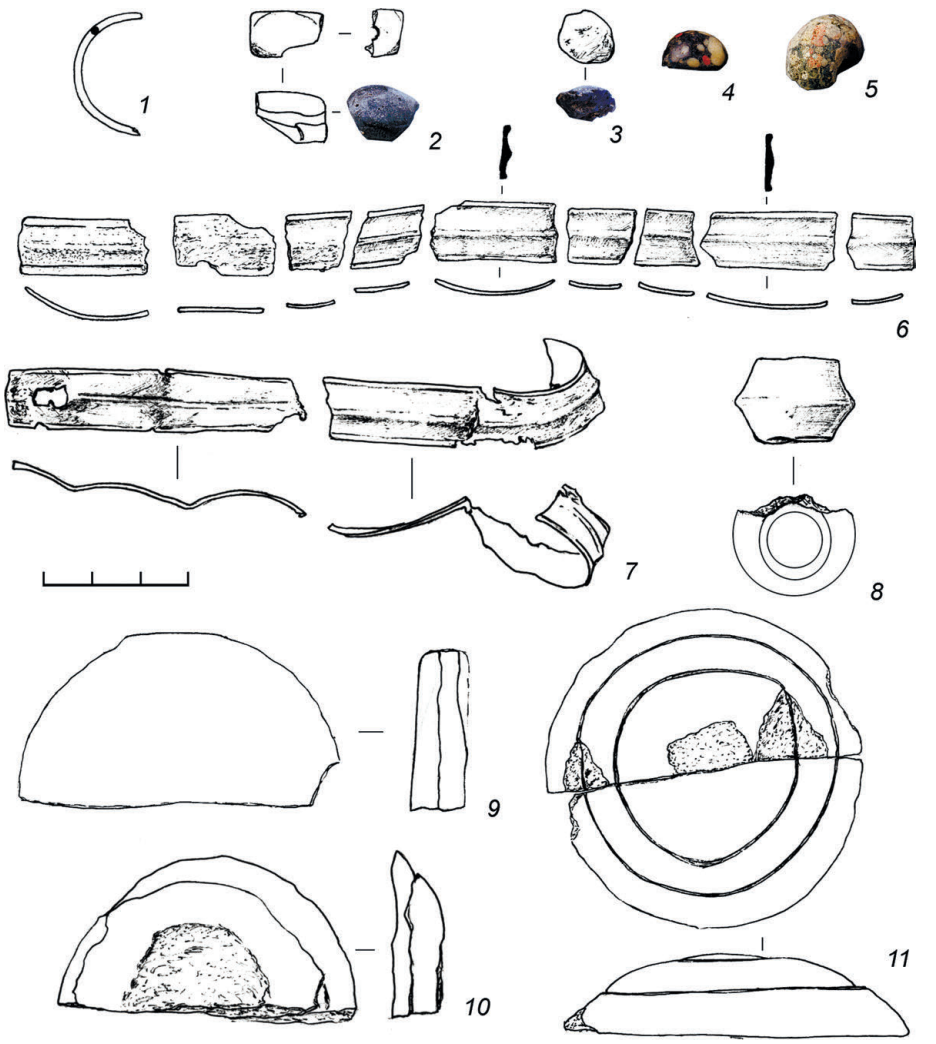


Рис. 8. Мерево-3. Курган А. Находки из погребения.
1, 6, 7 – медный сплав; *2–5* – стекло; *8* – керамика; *9–11* – песчаник.
Фото Я. В. Френкеля, рисунки Е. Р. Михайловой

Вероятно, это амулеты?

В погребении также найдена галька, небольшого размера, со следами копоти. Погребение датируется по бусам и пряслицу VII веком».

Полихромные стеклянные бусы из этого комплекса утрачены, однако сохранилась их фотография, сделанная Я. В. Френкелем. Остальные предметы были зарисованы мною при разборе материалов Ю. М. Лесмана (рис. 8).

Еще один обнаруженный при разборе материалов комплекс был снабжен старыми полевыми этикетками с пометкой «Мерево IV, курган 1», в некоторых

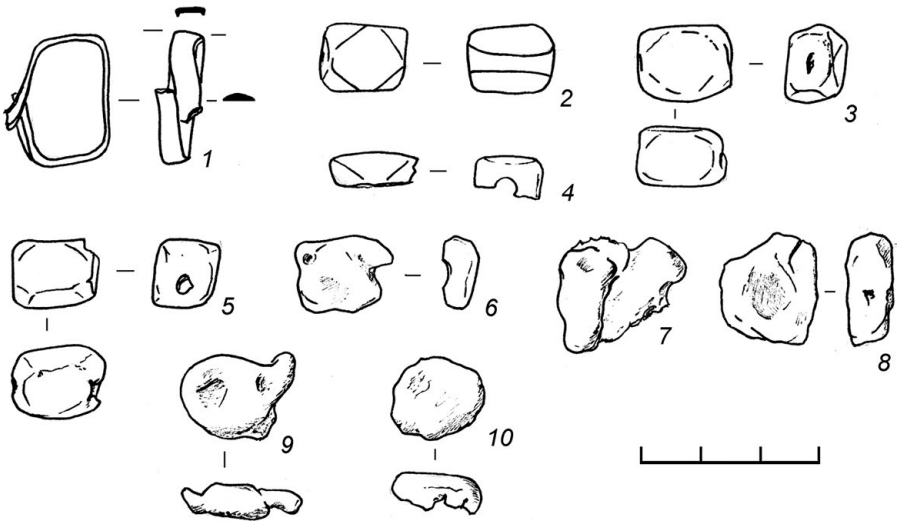


Рис. 9. Мерево-4. Находки.
1 – медный сплав; *2–10* – темно-синее стекло. Рис. Е. Р. Михайловой

случаях с уточнением «бровка» или «восточная бровка». Сведений о раскопках этого кургана обнаружить не удалось. В отчетах самого Ю. М. Лесмана обозначение «Мерево IV» получил одиночный полусферический курган высотой ок. 1,5 м, расположенный на берегу Меревского озера, к северо-западу от могильника Мерево 3. Предметы из комплекса «Мерево IV» – прямоугольная обойма из узкой бронзовой полосы и не менее 10 более или менее поврежденных огнем 14-гранных бусин из густо-синего прозрачного стекла; к некоторым слиткам стекла прикипели кальцинированные косточки (рис. 9).

Обращает на себя внимание наличие во всех раскопанных в Мереве курганах однотипных орнаментированных пластинчатых браслетов с продольным ребром посередине и небольшими валиками по краю пластины. Еще одна пара таких браслетов была подобрана С. Л. Кузьминым на отвале грабительской ямы одного из курганов могильника Турово-6 (рис. 6: *2, 3*) (см. также: *Михайлова*, 2015. С. 264).

Лужско-Оредежское междуречье является регионом наибольшей концентрации браслетов этого типа на территории КПДК, за его пределами можно указать только находку из кургана 9 могильника Погоща в Браславском поозерье (*Плавінскі*, 2017. С. 39–41). На территориях далее к востоку находки браслетов с продольными валиками представлены только фрагментами. Это фрагмент серебряного пластинчатого браслета с ребрами по краям и середине, орнаментированного зигзагообразной линией, из жилища на селище Кобылья Голова на Нижней Мсте (*Орлов*, 1968. С. 165. Рис. 4: *4*), согнутый обломок литого бронзового браслета с ребрами, орнаментированными «косичкой», с городища Городок на Маяте в Восточном Приильменье (*Еремеев, Дзюба*, 2010.

С. 113. Рис. 104: *8*), фрагмент бронзового браслета[4] из поселения Курово 2 в Удомельском Поозерье (*Исланова*, 1997. С. 94. Рис. 19: *13*).

Напротив, на территориях Восточной Балтики такие браслеты широко распространены. Они известны, в частности, в Эстонии, Латвии, Финляндии, в восточнолитовских курганах, в памятниках западной окраины Ижорской возвышенности, где надежно датируются VI–VII вв. (подробнее см.: *Moora*, 1938. S. 440–445; *Kivikoski*, 1973. S. 49, 69; *Михайлова*, 2015). Вместе с тем отдельные экземпляры могли бытовать и позднее: наиболее показателен клад с селища Кенте (Ķente) в Латвии: в маленькой деревянной коробочке лежали два вложенных друг в друга маленьких бронзовых браслета с «ребрами», а рядом с ними – 3 бронзовых сырьевых прутка. Клад датируется VIII в. (*Oras*, 2015. P. 293).

Фрагмент браслета из поселения Курово 2 происходит из слоя, датируемого второй половиной VIII – первой половиной X в., и, возможно, связан с другой, более поздней группой украшений, с которыми его уже сопоставила И. В. Исланова, – с браслетами и перстнями из ранних памятников роменской культуры, восходящими, в конечном счете, к дунайским традициям (*Григорьев*, 2000. С. 134–136; *Рябцева*, 2009. С. 368). В том же контексте следует рассматривать и находки пластинчатых браслетов с продольными ребрами в смоленских длинных курганах (*Седов*, 1974. Табл. 26: *20*; *Шмидт*, 2005а. Илл. 7: *8–10*; 2005б. Илл. 7: *7–8*).

Другая значимая находка из курганов могильника Мерево-3 – набор инструментов для высекания огня из северного скопления костей в погребении 1 кургана 2. Он включает в себя плоское заостренно-овальное кварцитовое огниво, короткий обломок железного стержня и роговую (?) рукоять с резным орнаментом-плетенкой. Рукоять по виду очень хрупкая, возможно, побывавшая в огне или лежавшая среди еще горячих костей погребения; отверстие в рукояти предназначено для стержня примерно той же толщины, что найденный в погребении. Без сомнения, рукоять и обломок железного стержня составляли один предмет.

Способ высекания огня из плоских кварцитовых огнив с помощью кресал в виде короткого железного стержня, вставленного в рукоять из рога или дерева, бытовал на территории Фенноскандии, Северной Германии и Юго-Восточной Прибалтики с раннего римского времени до середины или даже конца эпохи меровингов; отдельные (случайные?) находки кварцитовых огнив известны и в более поздних контекстах (подробнее см.: *Ilkjær*, 1993. P. 235–256; *Salo*, 1990. P. 49–54; *Михайлова,* 2014. С. 127–128, 133–134).

Овальные кварцитовые огнива в памятниках КПДК – сравнительно частая находка. Однако только в Мерево 3 встречен достоверный полный комплект, состоящий из стержневидного кресала и каменного огнива. Возможно, еще один набор происходит из погребения 1 кургана 2 могильника Михайловское IV на территории Пушкиногорского заповедника: здесь найдены

[4] И. В. Исланова считает предмет разогнутым спиральным перстнем, А. Е. Леонтьев – браслетом (*Исланова*, 1997. С. 94).

кварцитовое огниво и обломок железного стержня, но без характерной для стержневидных кресал рукояти (*Степанов*, 1997. Л. 13)[5].

Стеклянные бусы, встреченные в рассмотренных выше комплексах, – вытянутые 14-гранные из густо-синего прозрачного стекла и так называемые крапчатые – в целом характерны для культуры псковских длинных курганов на ее раннем этапе (*Мастыкова, Плохов*, 2010; *Михайлова*, 2014. С. 110–113, 118–119). Поскольку комплексы находок из Лужско-Оредежского междуречья имеют явный «восточнобалтийский акцент», нужно привести и сведения о бытовании указанных типов бус в пространстве Восточной Балтики.

В Северной Европе 14-гранные бусы из темно-синего стекла хорошо известны, кроме ранних находок, и в довольно позднем контексте; они встречаются в памятниках вендельского периода, например, в могильнике Равлунда в Сконе (*Strömberg*, 1961. Bd II, S. 11. Taf. 49: *10c*). В Рибе в тщательно проработанном стратиграфически раскопе у здания почты (the “Post Office excavation 1990–91”) удлиненные полиэдрические синие бусы (чисто синие и с красными точками на больших гранях) характерны для фазы С раскопа, датированной в т. ч. дендрохронологически ок. 725 – ок. 760 гг. (*Feveile, Jensen*, 2000. P. 22). В типологии Ю. Калмера они составляют тип A183, распространенный в Скандинавии на протяжении всей эпохи викингов и, возможно, частью изготовлявшийся на месте (*Callmer*, 1977. P. 80, 95–96). Вероятно, с североевропейскими древностями можно связать и синие 14-гранные бусы, встреченные в памятниках эпохи викингов на Северо-Западе Восточной Европы (*Львова*, 1968. С. 82; *Носов и др.*, С. 84, 146, 148; *Кудряшов*, 2018. С. 68). Отдельные бусы этого типа встречаются и в древнерусских памятниках (см., напр.: *Фехнер*, 1959. С. 170, 209; *Хвощинская*, 2004. С. 68), однако здесь уже, по-видимому, как пережиток.

Приведенные сведения важны для того, чтобы подчеркнуть широкую распространенность полиэдрических бус темно-синего стекла в древностях Балтики, но не могут служить основанием для поздней датировки комплексов из Мерева.

Крапчатые бусы, в том числе в сочетании с синими 14-гранными, сравнительно многочисленны на территории Эстонии; наибольшее их количество (не менее 5 «крапчатых» в сочетании с более чем 70 полиэдрическими) происходит из могильника Прооза, основная масса материалов которого относится ко второй половине V–VI в. (*Носов, Плохов*, 2016. С. 357, сн. 31), что согласуется с ранее предложенной датой крапчатых бус (*Мастыкова, Плохов*, 2010). Необходимо упомянуть и находку голубой крапчатой бусины из прослойки дерна, использованного при сооружении укреплений Ландскроны (*Сорокин и др.*, 2011. С. 375. Рис. 3: *4*).

За исключением курганов у д. Мерево, остальные раскопанные в микрорегионе насыпи (Поддубье, Турово, Замошье, Белая, Щепы) содержали безынвентарные погребения или даже вовсе оказались «пустыми».

Пространственное распределение памятников в целом следует одной и той же модели: все скопления могильников расположены на некотором удале-

[5] Нужно заметить, что, например, и на территории Финляндии овальные каменные огнива не совстречаются со стержневидными кресалами (*Salo*, 1990. P. 49).

нии от долины Луги и приурочены либо к обширным озовым грядам, вытянутым вдоль коренного берега Луги (Турово) и ее притока (Слапи), либо к высоким коренным берегам озер, соединяющихся с Лугой системой проток (Поддубского, Меревского, Жеребутского). Известные поселения, напротив, все расположены на берегах озер недалеко от воды, т.е. места для кладбищ выбирались в соответствии с совсем иными критериями, нежели для поселений. Обращает на себя внимание, что все селища, выявленные на Меревском и Поддубском озерах, являются многослойными: на Поддубском озере слой селища КПДК перекрыт древнерусским слоем (по мнению Ю. М. Лесмана, это два разных поселения, а не одно, длительно существовавшее), участки на берегах Меревского озера последовательно заселялись на протяжении нескольких эпох начиная с раннего неолита.

Аналогичное расположение селищ на берегах небольших озер и проток, а соответствующих им могильников – на высоких берегах, над поселениями, отмечено и поблизости – на Черемецком озере, и в других, удаленных регионах КПДК (см., напр.: *Исланова*, 2006. Рис. 6: *14, 37*; *Попов*, 2010. Рис. 1; *Носов, Плохов*, 2016. Рис. 1).

Самая заметная особенность памятников Лужско-Оредежского междуречья – их расположение на самой границе территории КПДК. Естественной границей микрорегиона и ареала культуры в целом здесь является река Луга. Памятники культуры псковских длинных курганов на правом берегу Луги ниже впадения в Лугу р. Оредеж до сих пор не обнаружены, несмотря на то, что за Лугой продолжаются на север те же светлые сосновые боры на невысоких песчаных и супесчаных холмах. Памятники КПДК отсутствуют на правобережье Луги и ниже по ее течению. Так, в районе современного поселка Толмачево известно скопление памятников в районе деревень Островенка и Ситенка на левом берегу реки (*Гамченко*, 1913; *Лесман*, 1977. Л. 1–2), в то время как на правом они отсутствуют. Чем объясняется формирование именно такой границы, не вполне понятно. Можно предположить, что население КПДК, достигнув некоего естественного рубежа, остановилось в своем расселении, не нуждаясь в новых территориях. Не исключено, однако, что в будущем на правобережье Луги будут открыты иные памятники второй половины I тыс., пока еще не уловимые археологическими разведками.

Литература и архивные материалы

Гамченко С. С., 1913. Исследование курганов у д. Сытенки, на левом берегу р. Луги в 1908 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Т. IX. С. 163–221.

Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°. 263 с. (Труды Тульской археологической экспедиции; вып. 2).

Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л. 588 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 87).

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из Варяг в Греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История. 670 с.

Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 304 с.

Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М. 288 с.

Козырев Н. А., 1952. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области // Советская археология. Т. XVI. С. 299–301.

Кудряшов А. В., 2018. Работы Шекснинской экспедиции в бассейне р. Шексны и Белого озера // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 67–68.

Лапшин В. А., Семенов С. А., 2012. Мониторинг и охранные мероприятия, проведенные ИИМК РАН на территории Ленинградской области в 2005–2009 гг. // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010) / Отв. ред. А. В. Субботин. СПб.: Инфо Ол. С. 7–17.

Лесман Ю. М., 1977. Отчет Лужского археологического отряда // Архив ИА РАН. Р-1. № 6547.

Лесман Ю. М., 1978. Отчет Оредежского археологического отряда за 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8510.

Лесман Ю. М., 1979. Отчет Оредежского археологического отряда за 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7692.

Лесман Ю. М., 1985. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 33–37.

Львова З. А., 1968.Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. I. Способы изготовления, ареал и время распространения // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л. С. 64–94.

Мастыкова А. В., Плохов А. В., 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 337–357.

Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2013. Раскопки у д. Замошье в 1910 г.: архивные материалы и музейные коллекции. Дополнение к публикации А. А. Спицына // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания (2012 г.). Псков. С. 346–358.

Михайлова Е. Р., 2013. Раннесредневековое поселение на северном берегу озера Мерево // Stratum plus. № 5. С. 73–82.

Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 427 с.

Михайлова Е. Р., 2015. Литые пластинчатые браслеты с продольным ребром: распространение и хронология на Северо-Западе Восточной Европы // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 30: материалы 60-го заседания (2014 г.). Псков. С. 259–269.

Михайлова Е. Р., 2016а. Отчет об археологических разведках на территории Лужского и Сланцевского районов Ленинградской области в 2015–2016 гг. // Архив ИА РАН. Р-1.

Михайлова Е. Р., 2016б. Памятники культуры псковских длинных курганов близ деревни Березицы // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 395–417. (Раннеславянский мир; вып. 17).

Михайлова Е. Р., 2021. Отчет об археологической разведке на территории Лужского района Ленинградской области и Плюсского района Псковской области в 2021 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2019а. К интерпретации так называемого Туровского меча // Археология и история Пскова и Псковской земли: семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 34. Материалы 64-го заседания (2018 г.). Псков. С. 241–246.

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2019б. Разведки на западе средневековой Новгородской земли в 2016–2017 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Материалы 32-й научной конференции, посвященной памяти Н. Н. Гринева / Отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 100–108.

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Шмелев К. В., Мурзенков Д. Н., Федоров И. А., 2015. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. № 5. С. 107–122.

Носов Е. Н., Плохов А. В., 2016. Поселение и могильник на озере Съезжее // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 349–394. (Раннеславянский мир; вып. 17).

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В., 2017. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрия Буланин. 288 с. (Тр. ИИМК РАН; т. XLIX).

Орлов С. Н., 1968. Археологические исследования в низовьях р. Мсты // Советская археология. № 3. С. 160–171.

ОАК, 1909–1910 – Отчет Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1913. 290 с.

Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Ч. 2. Памятники археологии / Сост. А. Ю. Курочкин. Великий Новгород, 1999. 240 с.

Плавінскі М. А., 2017. Курганны могільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я. Мінск: А. М. Янушкевіч. 238 с.

Платонова Н. И., 1986. Отчет Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции о раскопках и разведках в Лужском и Волосовском районах Ленинградской области и в Батецком районе Новгородской области в 1986 г. // Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 35. Оп. 1. Д. 69.

Попов С. Г., 2010. Некоторые проблемы ранней хронологии культуры длинных курганов на Северо-Западе России // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 365–378.

Рябцева С. С., 2009. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы в VII–XI вв. // Stratum plus. № 5. С. 357–380.

Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей. М.: Наука. 68 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1–8).

Сорокин П. Е., Короткевич Б. С., Гукин В. Д., 2011. Находки эпохи бронзы – раннего средневековья на Охтинском мысу // Европейская Сарматия: сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину: по материалам конф., проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История. С. 368–382.

Спицын А. А., 1914. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 53. С. 81–94.

Степанов С. В., 1997. Отчет об археологических раскопках курганов около с. Михайловского в Пушкиногорском районе Псковской области в 1997 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Тимофеев В. И., 1985. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 11–15.

Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 149–224. (Тр. Гос. ист. музея; 33).

Хвощинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин. 290 с.

Шмидт Е. А., 2005а. Курганный могильник у дер. Купники (Василевщина) // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья / Гл. ред. Ф. Э. Модестов. Смоленск. С. 5–53.

Шмидт Е. А., 2005б. Курганы у пос. Колодня // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья / Гл. ред. Ф. Э. Модестов. Смоленск. С. 101–145.

Callmer J., 1977. Trade beads and bead trade in Scandinavia, ca 800–1000 AD Bonn: Habelt. 229 p. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4º; № 11).

Feveile K., Jensen S., 2000. Ribe in the 8th and 9th century. A contribution of archaeological chronology of North Western Europe // Acta Archeologica. Vol. 71. P. 9–24.

Ilkjær J., 1993. Illerup Ådal. 3. Die Gürtel: Bestahdteile und Zubehör. Aarhus: Aarhus University Press. 453 s. (Jutland Archaeological Society Publikations; XXV, 3).

Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki: Finnische Altertumsgesellschaft. 250 S.

Moora H., 1938. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Teil II. Analyse. Tartu. 749 S.

Oras E., 2015. Practices of Wealth Depositing in the 1st–9th century AD. Eastern Baltic. Leiden: Sidestone Press. 352 p.

Salo U., 1990. Fire-striking implements of iron and Finnish myths relating to the birth of fire // Iskos. 9. P. 49–62.

Strömberg M., 1961. Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Schonen. Völkerwanderungszeit – Wikingerzeit. Bd I. Textband. Bd II. Katalog und Tafeln. 229 S. + 91 S., 72 Taf. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 4º; № 4).

* * *

Михайлова Елена Робертовна, *Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com*

В. А. Маковская

Раскопки курганного могильника Камено-1 в 2021 году

Резюме. В статье представлены основные результаты раскопок курганного могильника Камено-1 (Вилейский район, Минская область, Республика Беларусь). Раскопом 42 м кв была исследована одна насыпь с нарушенным захоронением по обряду ингумации, которое можно датировать второй половиной XI – началом XII в. Также в насыпи было выявлено довольно большое количество фрагментов гончарной керамики и несколько индивидуальных находок в переотложенном виде. Нахождение в насыпи фрагментов лепной керамики и кальцинированных костей позволило предположить наличие в межкурганном пространстве разрушенного захоронения по обряду кремации второй половины I тыс. н. э. в. В результате исследований верхнюю датировку древнерусского могильника можно расширить на XII в., а также предварительно выделить существовавшие в данном месте три разновременные некрополя.

Ключевые слова: курганный могильник, Верхнее Повилье, ингумация, Древняя Русь, кремация.

V. A. Makovskaya. Excavations of the Burial Mound Kameno-1 in 2021

Abstract. In this article the main results of the excavations of the Kamiena-1 barrow cemetery (Vilejka district, Minsk region, Republic of Belarus) are presented. With the excavation pit of 42 sq. m. one burial mound was investigated. There is a disturbed inhumation burial, which can be dated to the second half of the 11th – beginning of the 12th centuries. And there are also fragments of ceramic made on pottery wheel and some individual finds that was found not *in situ* in the mound. The finds of calcified bones and fragments of hand-modeled pot allowed to assume that there was a cremation burial in inter-mound space, which can be dated to the second half of the 1st millennium AD and which was damaged by the other late burial. As a result of our investigation we can extend the date of the Old Rus' cemetery to the 12th century, and also preliminarily identify three necropolises that functioned in this place at different periods of time.

Keywords: barrow cemetery, Upper Vilija region, inhumation, Old Rus', cremation.

Курганный могильник Камено-1 по современному территориально-административному делению относится к Долгиновскому сельскому совету Вилейского района Минской области (Республика Беларусь). Эта территория принадлежит географическому региону Верхнего Повилья, бассейну реки

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.387-400

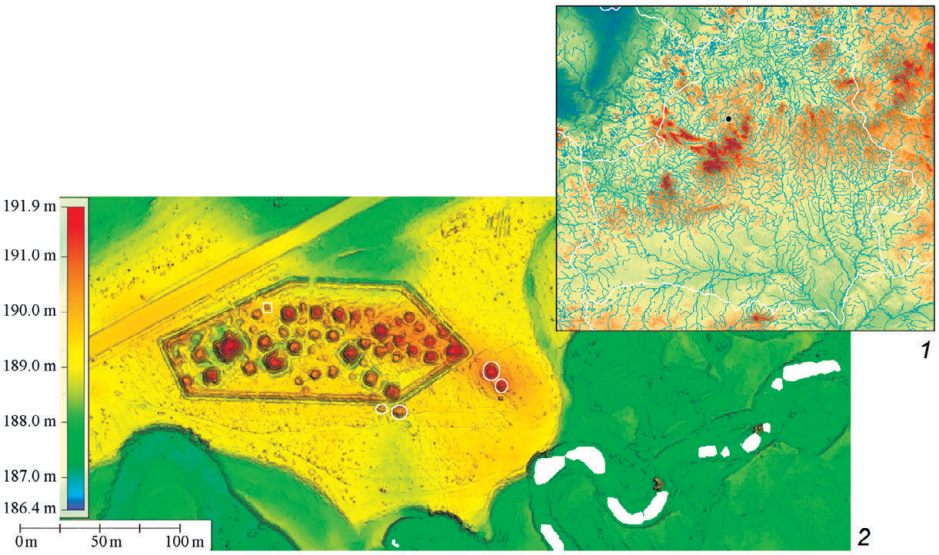


Рис. 1. Курганный могильник Камено-1.
1 – размещение могильника на карте; *2* – могильник на съемке LiDAR с обозначением насыпей, исследованных в 1971 г., а также раскопа 2021 г. (съемка А. А. Сазонова)

Вилия, которая, в свою очередь, является правым притоком реки Неман и протекает по части территории Северо-Западной Беларуси и Восточной Литвы. Данный регион в рассматриваемый период является пограничной территорией между культурой восточнолитовских курганов и древнерусским населением. Некрополь размещен за 2,3 км на северо-восток от деревни Камено, справа от дороги в деревню Стахи на высоком берегу Вилии (рис. 1: *1*).

На сегодняшний день могильник состоит из около 50 насыпей, он вытянут по линии запад – восток, основу его составляют крупные курганы высотой до 3 м, диаметром до 18 метров. У крупных насыпей выразительно прослеживаются подквадратная форма основания и ровик по периметру (рис. 1: *2*).

На месте курганного могильника размещено более позднее татарское кладбище, известное как Каролинский мизар (*Нестер*, 2017. С. 8). Когда был основан данный мизар, точно неизвестно. В 1857 г. он упоминается как уже существующий (*Tyszkiewicz*, 1871. S. 32). Кладбище функционировало до 1980-х гг. Погребения татар впущены как в курганы, так и в межкурганное пространство, и обозначены каменными надгробиями и каменными выкладками по периметру (рис. 2: *А*). Мизар по периметру огражден насыпным валом в форме многоугольника, охватывающего практически всю территорию курганного могильника, с входами с северной и южной сторон.

История исследования могильника Камено-1. Впервые в научной литературе курганный могильник, как и татарское кладбище на нем, упоминается в связи с краеведческим путешествием графа К. Тышкевича по реке Вилии в 1857 г. (*Tyszkiewicz*, 1871. S. 32). Однако первые раскопки на могильнике были

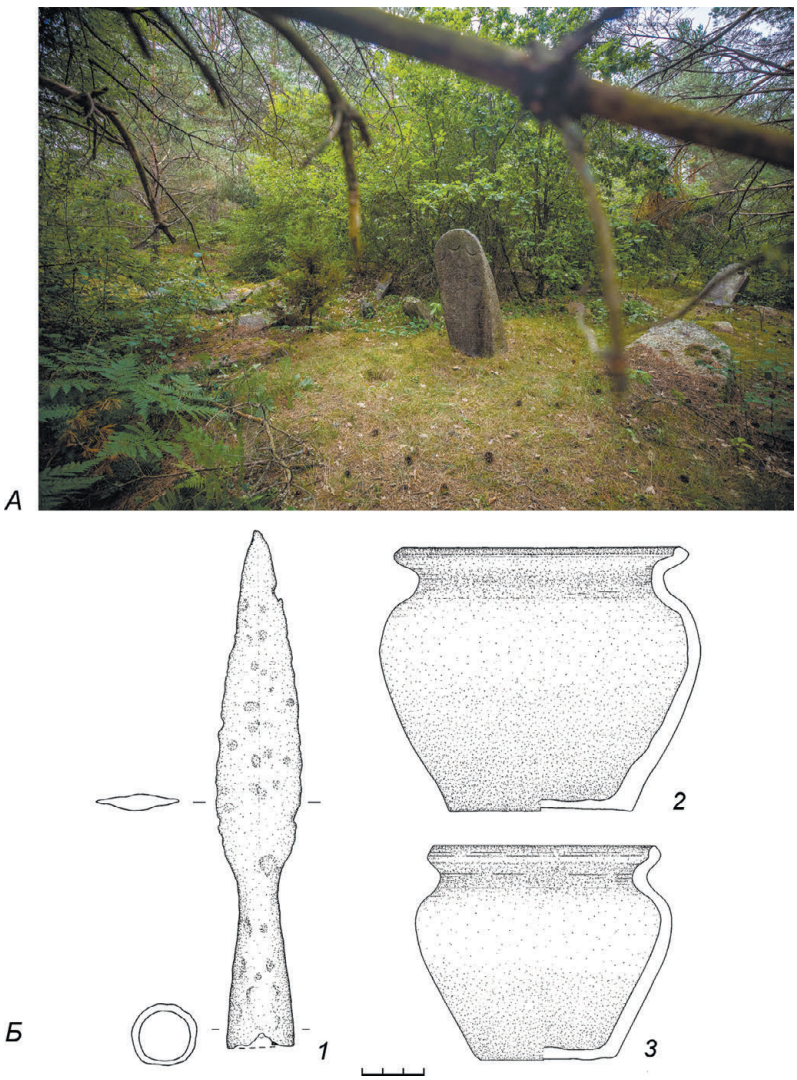


Рис. 2. Курганный могильник Камено-1.
А – татарские захоронения на курганном могильнике; *Б, 1–3* – погребальный инвентарь, найденный Я. Г. Зверуго при раскопках 1974 г. (рисунок Н. А. Плавинского)

проведены лишь в 1974 г. Я. Г. Зверуго. В это время мизар еще был действующим, поэтому в 1974 г. были исследованы четыре кургана с внешней стороны вала кладбища. По интерпретации автора раскопок, в двух насыпях были найдены захоронения по обряду ингумации на подсыпке, в двух других – по обряду кремации (трупосожжение на месте и на стороне). Я. Г. Зверуго предварительно датировал могильник X–XI вв. (Археалогія Беларусі... С. 404).

Интерпретация материалов 1974 г. усложняется тем, что три из четырех насыпей были сильно повреждены. Следует отметить, что присутствие в курганах 3 и 4 захоронений по обряду кремации выглядит довольно дискуссионным. В случае с курганом 3 исследователь описывает наличие слоя кострища (угля, пепла, пережженного песка) на основании насыпи, однако не приводит ни слова о захоронении – нахождении кальцинированных костей. На плане захоронение также отсутствует. При этом в насыпи был найден круговой горшок (*Зверуго*, 1975. С. 7, 30) (рис. 2: *Б*: *3*). В случае с курганом 4 насыпь была наполовину разрушена, следы захоронения и инвентаря отсутствовали. Обряд погребения автор раскопок характеризует по наличию на основании насыпи прослойки пережженного песка (*Зверуго*, 1975. С. 8), что, очевидно, не является достаточной аргументацией. Круговой сосуд, который, по Я. Г. Зверуго, был найден на слое кострища в кургане 3, может быть датирован от середины (преимущественно конца) XI до первой половины XIII в. (*Малевская*, 2005. С. 37; *Штыхов*, 1978. С. 81), когда захоронения по обряду кремации, представленные на данной территории культурой смоленско-полоцких длинных курганов, уже не производились.

На основании материалов 1974 г. про возможность существования на могильнике Камено-1 обряда кремации могут свидетельствовать разве что «несколько пережженных костей», которые были найдены под дерном в скоплении углей и пепла в кургане 1 (*Зверуго*, 1975. С. 4). Однако об их происхождении уверенно говорить невозможно.

В кургане 1, в захоронении по обряду ингумации, также был найден погребальный инвентарь. Он был представлен аналогичным типом кругового горшка, что и в кургане 3 (рис. 2: *Б*: *2*), а также втульчатым наконечником копья вытянуто-яйцевидной формы (тип IV по типологии А. Н. Кирпичникова) (рис. 2: *Б*: *1)*, который может быть датирован X–XI вв. (*Плавінскі*, 2013. С. 50). Таким образом, захоронение в кургане 1 можно датировать второй половиной XI в.

Основными задачами исследований 2021 г., проведенных автором, были уточнение датировки и погребального обряда курганного могильника Камено-1.

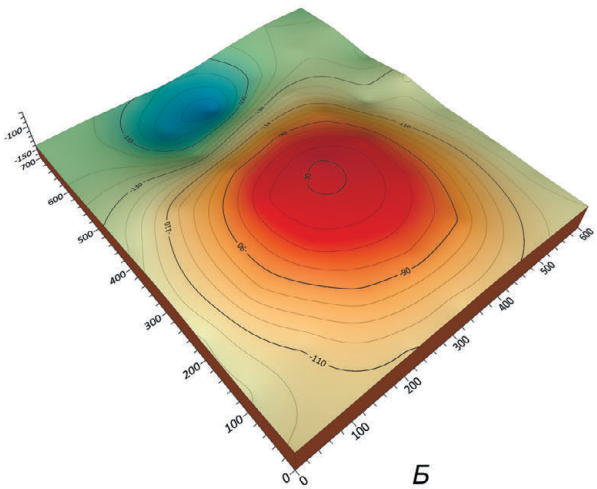
Раскопки 2021 года. Для изучения была выбрана одна из самых небольших насыпей в северной части могильника, которая находилась довольно близко к валу мизара. Раскоп I, заложенный с целью изучения кургана 5[1], представлял из себя прямоугольник размером 6×7 м и общей площадью 42 м кв. Основание насыпи имело форму слегка вытянутого квадрата со скругленными углами. Размеры кургана – 4,5 м по линии север – юг, 4 м по линии запад – восток. Высота кургана в современном виде составляла около 0,6 м (рис. 3: *Б*).

В процессе раскопок под дерном выявлены фрагменты двух каменных обкладок от впускных татарских захоронений – в юго-восточном углу раскопа и вблизи от восточного профиля. Обе обкладки уходили в стенки раскопа, данные участки не исследовались (рис. 3: *А*; 4).

Курган 5 был покрыт мощным слоем дерна (до 0,2 м). Насыпь состояла из темно-желтого песка, аналогичного материковому, с мелкими включениями

[1] В статье продолжена нумерация курганов, начатая Я. Г. Зверуго.

А



Б

Рис. 3. Курганный могильник Камено-1, 2021.
А – процесс исследования кургана 5 (на фото, в северных секторах видны ровики, следы от дерновой обкладки насыпи и каменная обкладка впускного татарского захоронения); *Б* – Модель дневной поверхности Раскопа I (вид с юго-запада, горизонтали проведены через 0,05 м)

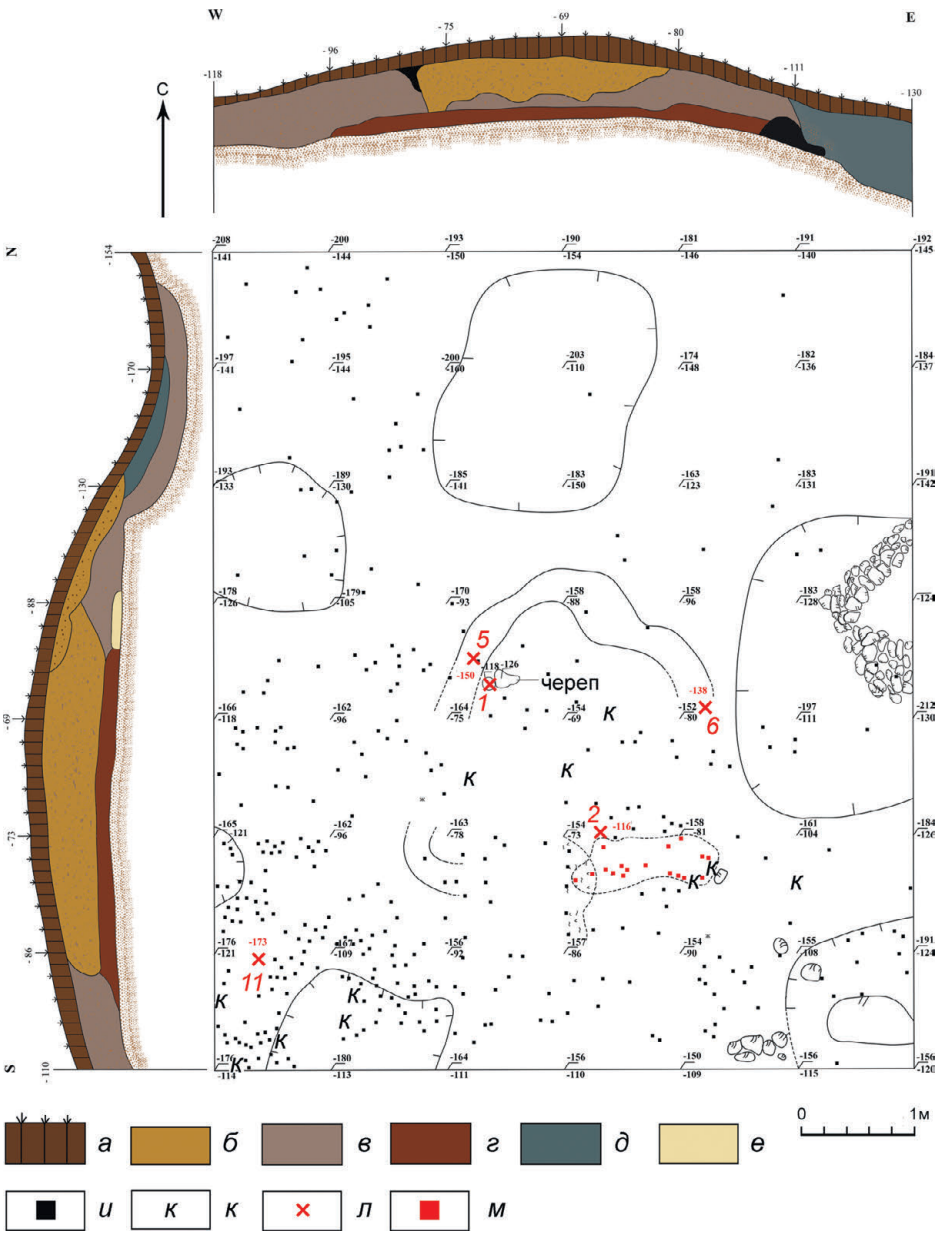


Рис. 4. Курганный могильник Камено-1, 2021. Планиграфия раскопа I и профили кургана 5: *а* – дерн; *б* – темно-желтый песок с мелкими включениями серой гумусированной почвы; *в* – серая гумусированная почва; *г* – слой погребенной почвы, гумусированной, темно-коричневой; *д* – почва темно-серого цвета в заполнении ровика; *е* – обкладка из дерна; *и* – фрагмент керамики; *к* – кальцинированная кость; *л* – индивидуальная находка (номера находок соответствуют номерам на рис. 5); *м* – фрагменты керамики в пределах развала (находки 3, 4)

серой гумусированной почвы темно-коричневого, местами темно-серого цвета. На основании прослеживалась прослойка с включениями мелких угольков и белесого песка, которые представляли собой древнюю погребенную почву (дерн) (рис. 4).

В северных секторах, а также в юго-западном секторе, на прослойке погребенной почвы выявлены следы от некой органической обкладки, которая состояла из темно-серой гумусированной почвы и белесого песка с включениями мелких угольков, и, наиболее вероятно, первоначально представляла из себя дерновые валики (рис. 3: *А*; 4). Данная обкладка могла иметь форму, приближенную к четырехугольной, и выполнять функцию укрепления песчаных склонов насыпи от оползания. Примерный внешний размер пространства, ограниченного обкладкой, составлял 3 м по линии север – юг и 2,4 м по линии запад – восток. Это пространство следует считать изначальным размером основания насыпи.

На основании кургана на слое погребенной почвы находились остатки захоронения по обряду ингумации. Оно было нарушено, сохранился фрагмент черепа и челюсти, которые принадлежали ребенку 5–6 лет[2]. Рядом с челюстью погребенного находились железная скоба, а также фрагмент плечика тонкостенного горшка, обожженного в технологии дымления. Оба предмета, очевидно, оказались там в результате перекопа, повредившего захоронение. Находка дымленого черепка позволяет судить о том, что захоронение было нарушено не ранее XVII в., когда подобная посуда распространяется на ближайших территориях (*Бохан*, 2020. С. 122).

Фрагменты черепа находились рядом с гончарным горшком, не затронутым перекопом. Венчик сосуда сильно оттянут на внешнюю сторону и имеет на внешней стороне косой срез, с внутренней стороны по венчику проходит желобок (рис. 5: *1*). Горшок относится к тому же типу, что и сосуды, выявленные Я. Г. Зверуго в 1974 г., и может быть датирован второй половиной XI – первой половиной XIII в. (*Малевская*, 2005. С. 37; *Штыхов*, 1978. С. 81).

При разборке восточной перемычки на слое погребенной почвы найден одношипный черешковый дротик с загнутым на конце черешком. Перо дротика имеет форму лезвия ножа, шип обломан (рис. 5: *2*). Данный тип дротиков на территории Беларуси имеет широкую датировку от XI до начала XIV в. (*Плавінскі*, 2013. С. 55).

В соседнем квадрате с юга от места находки дротика, также на уровне погребенной почвы, находились развалы двух гончарных сосудов. На основании фрагментов удалось реконструировать их нижние части. Следует заметить, что один из горшков, в сравнении с другой погребальной посудой, является довольно крупным. На донце заметен фрагмент клейма, которое читается довольно слабо, однако, наиболее вероятно, представляет собой круг с некоторым количеством спиц либо крест с расширенными концами, вписанный в круг (рис. 5: *3*). Второй сосуд выполнен из светлой глины, сохранившаяся часть покрыта многорядным линейным орнаментом (рис. 5: *4)*.

[2] Определения возраста проведены младшим научным сотрудником отдела антропологии ИИ НАН Беларуси В. Е. Винниковой.

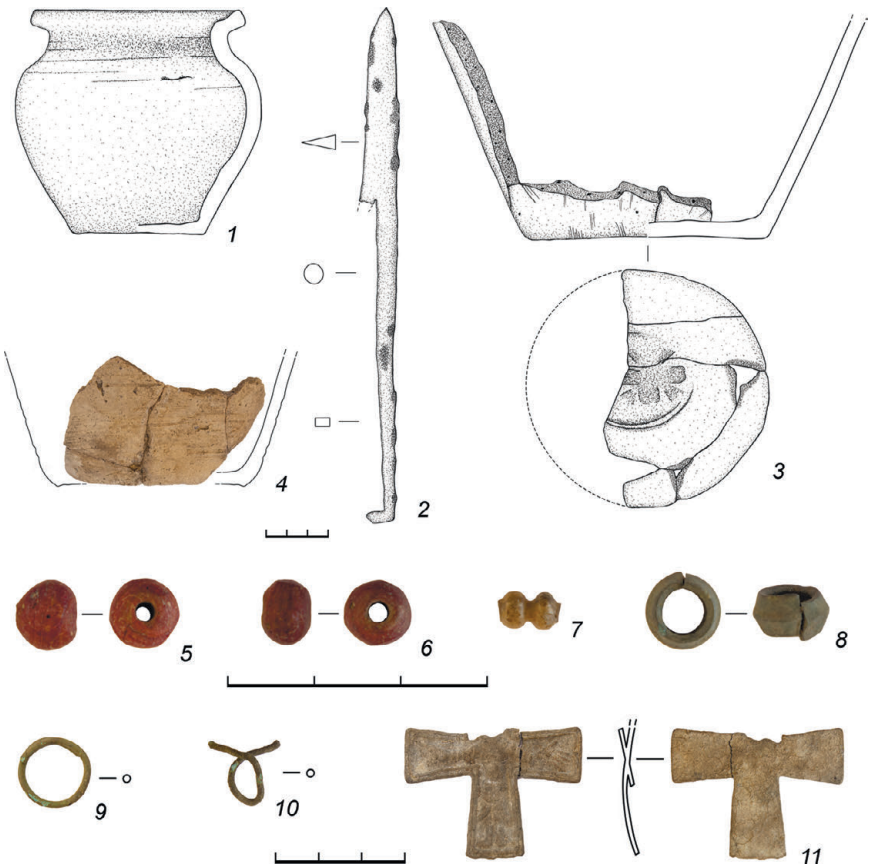


Рис. 5. Курганный могильник Камено-1, 2021.
1–6 – инвентарь захоронения в кургане 5; *7–11* – отдельные находки в межкурганном пространстве (юго-западный сектор)

Важно отметить, что не все фрагменты от первого сосуда происходили из развала. Некоторые были найдены в квадратах юго-западного сектора. Сосуды были затронуты перекопом, в результате которого часть грунта выбрасывалась в сторону юго-западного сектора. С большой долей вероятности можно предполагать, что дротик и два сосуда находились в ногах погребенного. В таком случае костяк ребенка первоначально мог быть ориентирован головой на северо-запад.

В квадрате с остатками черепа, в непосредственной близости от него, найдена зонная бусина из глухого печеночно-бордового стекла (рис. 5: *5*). Еще одна аналогичная бусина (рис. 5: *6*) найдена в 2 м на восток от черепа, вместе с несколькими мелкими фрагментами зубов. Для территории белорусского Повилья такие бусы могут быть датированы серединой XI – первой половиной XII в. (*Плавінскі, Сцяпанава*, 2019. С. 25).

Круговые сосуды у черепа и в районе ног погребенного, одношипный дротик и бусы можно отнести к инвентарю данного захоронения, которое, в таком случае, может быть датировано промежутком от второй половины XI до первой половины XII в. Однако за границами дерновой обкладки, в юго-западном секторе, также был выявлен ряд артефактов древнерусского времени.

В северо-западном углу раскопа, на материке, недалеко от ровика, найдены фрагменты металлического нательного крестика с грубым изображением Распятия (рис. 5: *11*). Это рельефное изображение распятого Христа с крестовидной перевязью на груди и в набедренной повязке, руки его прибиты к кресту. Крестик был отлит из свинцово-оловянистого сплава[3] и, вероятно, был отливкой в исполнении местных мастеров. Размеры сохранившейся части – 4,1×4,1 см. Такие крестики появляются на территории Древней Руси на рубеже X–XI вв. (*Мусин*, 2010. С. 219), основное время их существования приходится на XI в., однако они также встречаются до рубежа XII–XIII вв. (*Седов*, 1988. С. 64–65; *Башков*, 2011. С. 35).

В одном квадрате с крестиком найдено миниатюрное бронзовое колечко битрапецоидной формы (рис. 5: *8*). Такие колечки хорошо известны в древностях балтских и некоторых финно-угорских племен, где они украшают изделия из текстиля (*Радиньш*, 2001. С. 77; *Зариня*, 1985. С. 93).

В том же углу раскопа найдено колечко из бронзовой тонкой проволоки с заходящими концами, диаметром 1,7 см, которое, наиболее вероятно, можно интерпретировать как перстнеобразное височное кольцо (рис. 5: *9*), и деформированный загнутый фрагмент такой же проволоки (рис. 5: *10*). Такие височные кольца характерны для всего древнерусского времени и не являются хронологическим маркером (*Левашева*, 1967. С. 15).

Также в юго-западном секторе найдена двухчастная бусина-лимонка из белого непрозрачного стекла (рис. 5: *7*). Такие бусы наиболее характерны для X – середины XI в. (*Захаров, Кузина*, 2008. С. 196), однако в редких случаях могут встречаться и в XII в. (*Щапова*, 1956. С. 174).

Данные артефакты довольно сложно однозначно соотнести с инвентарем захоронения в кургане 5. Все они размещены в юго-западном секторе, некоторые довольно компактно, за границами дерновой обкладки насыпи. Они могут быть связаны в равной степени и с выбросами земли в результате совершения многочисленных впускных захоронений в соседние курганы и межкурганную территорию.

В процессе разборки насыпи выявлено большое количество фрагментов керамики. Абсолютное большинство фрагментов относится к круговой посуде.

---

[3] Анализ состава металла методом лазерной масс-спектрометрии (в научно-исследовательской лаборатории нелинейной оптики и спектроскопии физического факультета БГУ на лазерном спектрометре LSS-1 производства совместного белорусско-японского предприятия LOTIS Tii, г. Минск, Беларусь) произведен кандидатом физико-математических наук, доцентом кафедры лазерной физики и спектроскопии физического факультета Белорусского государственного университета Ксенией Фёдоровной Ермалицкой. Полученные результаты следующие: медь – 2,45%, железо – 2,32%, свинец – 18,82%, олово – 76,23%, цинк – 0,18%.

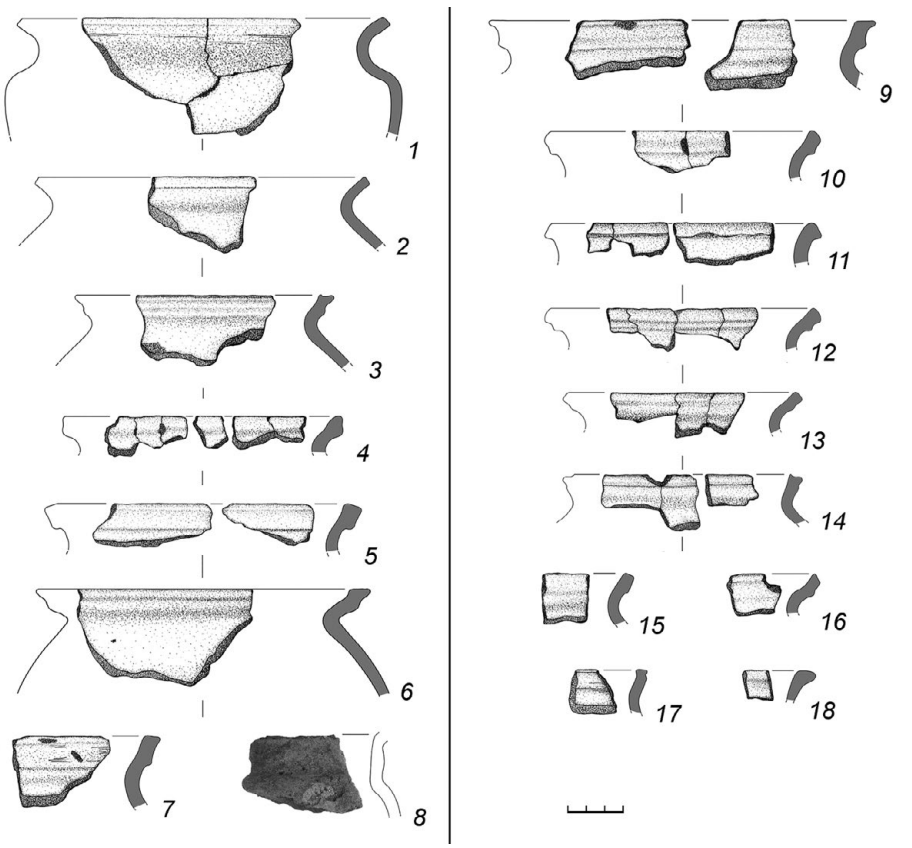


Рис. 6. Курганный могильник Камено-1, 2021. Фрагменты гончарной керамики из кургана 5. *1–8* – венчики древнерусского времени; *9–18* – венчики позднего средневековья и нового времени

Среди определимых фрагментов выделяется группа, относящаяся к древнерусскому времени, по венчикам можно определить 8 сосудов (рис. 6: *1–8*), которые в сумме датируются в промежутке XI–XIII вв. (*Малевская*, 2005. С. 37, 40; *Штыхов*, 1978. С. 81; *Плавінскі*, 2022. С. 52, 64). В материале присутствует также группа венчиков позднего средневековья и нового времени (XVI–XIX вв.) (рис. 6: *9–18*).

Говоря о размещении фрагментов керамики в планиграфии раскопа, стоит отметить, что абсолютное большинство фрагментов посуды, которые можно соотнести с древнерусским временем, концентрируется в южных и юго-западных квадратах. Данную керамику невозможно соотносить со слоем синхронного поселения, нарушенным могильником, так как фрагменты керамики не встречаются в заполнении ровиков, и, таким образом, оказались там уже после оползания насыпи и заплывания ровиков. Наиболее вероятно, что грунт на всей юго-западной части раскопа является переотложенным в результате выброса

земли при сооружении впускных захоронений татар, затронувших древнерусские захоронения. Про причины нахождения в насыпи керамики позднего средневековья и нового времени судить сложно. Похожую керамику приводит в отчете и Я. Г. Зверуго (*Зверуго*, 1975. Рис. 8), что свидетельствует о ее присутствии на значительной территории могильника. Возможна некоторая связь данной керамики с ближайшими населенными пунктами: имением Двор Королин и деревней Камено, известной с начала XVI в. (Гарады і вескі... С. 630).

Важным является то, что, кроме гончарной керамики, в насыпи было также выявлено и небольшое количество фрагментов лепной керамики. Все они происходят из юго-восточного сектора насыпи и принадлежат одному сосуду. Часть профиля сосуда удалось реконструировать. Это небольшой асимметричный горшок, с диаметром венчика около 13 см и высотой реконструированной части около 10 см. Сосуд слабопрофилированный, с плавным плечиком (рис. 7: *А*). Точная культурная и хронологическая атрибуция сосуда по реконструированной части невозможна, такая керамика могла существовать в широком промежутке второй половины I тыс. н. э.

В раскопе также найдено и небольшое количество кальцинированных костей (11 фрагментов). По размещению в планиграфии керамики и костей выглядит вполне вероятным, что они могли оказаться в насыпи во время выброса земли при создании впускного позднего захоронения в юго-восточном углу раскопа (рис. 7: *Б*). Таким образом, можно предположить, что впускным захоронением могло быть затронуто бескурганное погребение по обряду кремации, с лепной керамикой, до создания татарского захоронения находившееся вблизи от юго-восточного угла раскопа, за его границами. Предполагаемое погребение[4] может датироваться широким промежутком второй половины I тыс. н. э. В результате создания древнерусского курганного некрополя захоронение оказалось в межкурганном пространстве.

Исходя из материалов исследования кургана 5, реконструкция процесса сооружения и позднейших повреждений кургана видится следующим образом. Покойник был положен на древнюю дневную поверхность, головой на северо-запад. Вокруг него была создана дерновая обкладка подпрямоугольной формы и насыпан курган, грунт для которого брался из ровиков. Не раньше XVII в. курган был поврежден перекопом, затронувшим центральную часть насыпи до слоя погребенной почвы. Данный перекоп наиболее вероятно связывать с функционированием татарского кладбища. В результате часть инвентаря (фрагменты керамики) и мелкие фрагменты костей, вместе с землей, оказались переотложенными

[4] Кости переданы на анализ в отдел теории и методики ИА РАН. Таким образом, на момент написания статьи можно говорить только предположительно о наличии в данном месте захоронения по обряду кремации на основании фрагментов лепной керамики, относящихся к одному сосуду, и кальцинированных костей, переотложенных компактно в одном направлении. Отсутствие в насыпи других фрагментов лепной керамики и одновременных ей артефактов, а также отсутствие следов культурного слоя под насыпью исключает возможность существования в данном месте более раннего поселения.

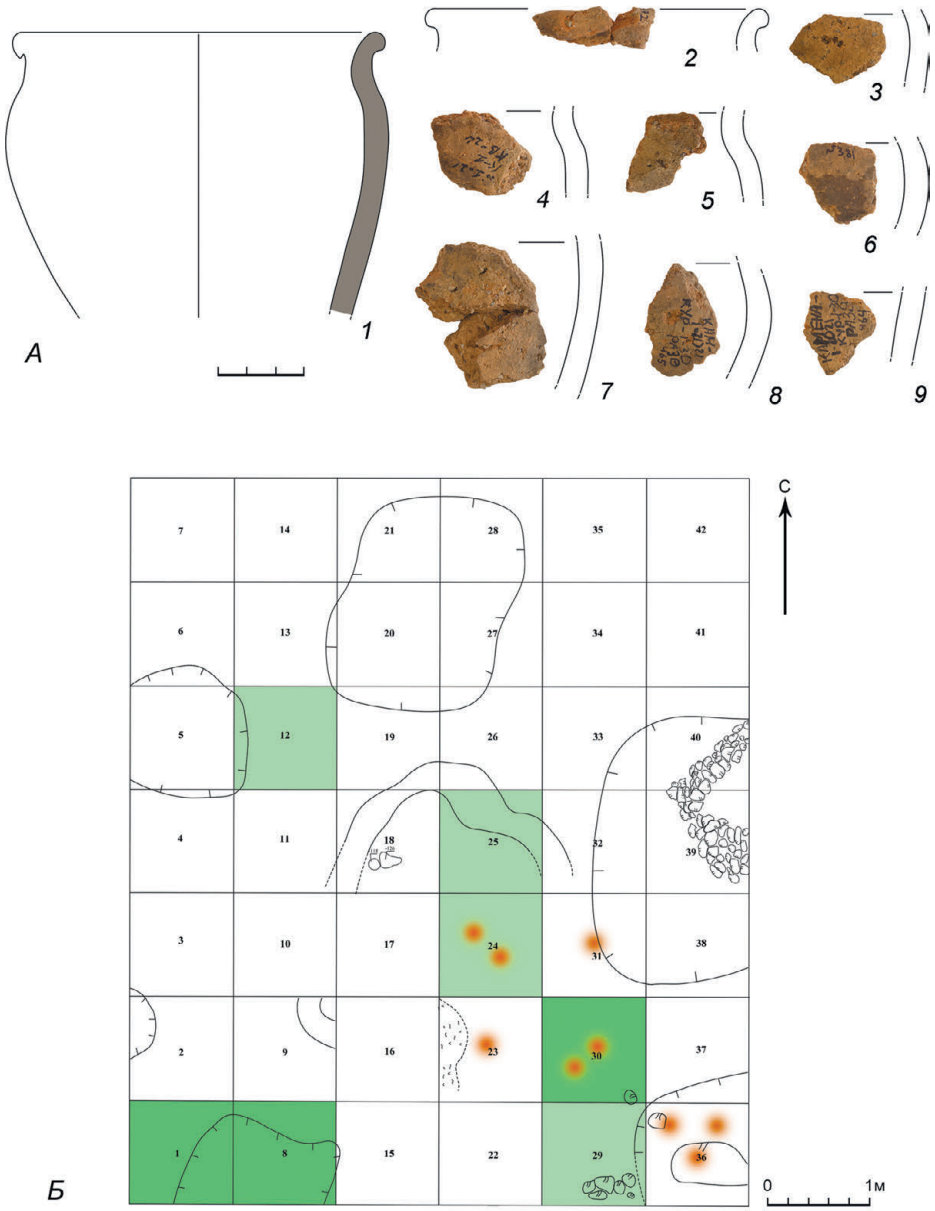


Рис. 7. Курганный могильник Камено-1, 2021.
А – графическая реконструкция части профиля (*1*) и фрагменты (*2–9*) лепного сосуда из кургана 5; *Б* – размещение кальцинированных костей и лепной керамики в раскопе I (зеленым цветом обозначены квадраты с находками кальцинированных костей, квадраты с находками двух и более фрагментов – более насыщенным оттенком; оранжевым – распределение находок фрагментов лепной керамики по количеству)

в юго-западной части насыпи. Можно высказать предположение, что яма от перекопа в скором времени могла быть засыпана, не оставив, таким образом, следов нарушения и долговременного заплывания на песчаном грунте. На протяжении функционирования мизара, в непосредственной близости от кургана 5 были совершены минимум два впускные захоронения, обнаруженные в ходе раскопок, одним из которых было разрушено бескурганное захоронение по обряду кремации. Также некоторое количество захоронений было совершено вблизи южной стенки раскопа, и в соседнем примыкающем кургане с юго-западной стороны. Во время создания впускных захоронений значительная часть грунта, вместе с некоторым инвентарем поврежденных древнерусских захоронений, попадала на южную часть насыпи и в межкурганное пространство.

Выводы. В результате исследований 2021 г. верхняя дата древнерусских захоронений в некрополе Камено-1 может быть расширена также и на XII в. Материал из кургана 5 подтверждает мнение Я. Г. Зверуго о наличии на могильнике захоронений по обряду кремации. Пока что, предварительно, в качестве рабочей гипотезы можно говорить о трех разновременных некрополях Камено-1:

1. Бескурганные захоронения по обряду кремации второй половины I тыс. н. э.

2. Древнерусские ингумационные подкурганные захоронения XI–XII вв.

3. Функционирование мизара XVIII (?)–XIX – 1980-х гг.

В 2021 г. была исследована всего одна насыпь, однако выявлен довольно многочисленный материал, который, очевидно, относится к нескольким захоронениям и может в будущем быть использован для характеристики некрополя.

Литература

Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2009. 496 с.

Башков А. А., 2011. Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов. 194 с.

Бохан Ю. М., 2020. Мястэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. Мінск: Беларуская навука. 292 с.

Гарады і вескі Беларусі: энцыклапедыя. Т. 8. Мінская вобласць. Кн. 1. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2010. 736 с.: іл.

Зариня А., 1985. Одежда ливов X–XII вв. // Новое в археологии Прибалтики и соседних стран. Таллин. С. 36–46.

Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142–215.

Зверуго Я. Г., 1975. Отчет о полевых исследованиях Верхненеманского отряда Белорусской археологической экспедиции в 1974 году // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси. Фонд археологической научной документации. Опись 1. Арх. № 476.

Левашева В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории древнерусской деревни X–XIII вв. С. 7–54. (Труды Гос. ист. музея; вып. 43).
Малевская М. В., 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История. 160 с. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. XVII).
Мусин А. Е., 2010. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та. 364 с.
Нестер А., 2017. Тайны урочища Каролин // Жизнь. № 3. С. 8–11.
Плавінскі М. А., 2013. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мінск: Галіяфы. 106 с.
Плавінскі М. А., 2022. Славянскія пахавальныя помнікі Верхняга Павілля эпохі Сярэднявечча: матэрыялы і даследаванні. Мінск: Беларуская навука. 243 с.
Плавінскі М. А., Сцяпанава М. І., 2019. Комплекс археалагічных помнікаў Кастыкі ў вярхоўях Віліі. Мінск: ІВЦ Мінфіна. 116 с.
Радиньш А., 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений X–XIII вв. // Archaeologia Lituana. № 2. С. 65–118.
Седов В. В., 1988. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. Москва: Наука. С. 63–66.
Штыхов Г. В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника. 160 с.
Щапова Ю. Л., 1956. Стеклянные бусы Древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 164–179. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).
Tyszkiewicz K., 1871. Wilija i jej brzegi. Drezno. 362 s.

* * *

Маковская Виктория Александровна, *Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта; e-mail: makouskayav@gmail.com*

А. В. Степанов

Великий мост в средневековом Новгороде по данным подводно-археологических исследований

Резюме. С 2005 г. на дне р. Волхов в Великом Новгороде проводятся археологические исследования средневекового моста. Гидрографическая съемка дна и подводные раскопки позволили установить местоположения и конструктивные особенности городских мостов с X по XIX в. Опорами раннего моста служили срубные конструкции – ряжи. В XII в. мост перемещается вниз по течению и становится свайным. Культурный слой содержит разнообразные материальные свидетельства хозяйственной деятельности, торговли и мелкоремесленного производства. Получены новые данные по палеогеографической ситуации в истоке р. Волхов

Ключевые слова: подводная археология, Великий Новгород, р. Волхов, Великий мост, древнерусское мостостроение.

A. V. Stepanov. The Great Bridge in Medieval Novgorod according to Underwater Archaeological Research

Abstract. Since 2005, archaeological studies of the medieval bridge have been conducted at the bottom of the Volkhov River in Veliky Novgorod. Hydrographic survey of the bottom and underwater excavations made it possible to establish the location and the design features of city bridges from the X to the XIX centuries.

The abutments of the early bridge were log cabins., the so called “riazy”. Since the XII century the bridge has moved downstream and has become piled. The cultural layer contains a variety of material evidence of economic activity, trade and small-scale artisan production. New data on the paleogeographic situation at the source of the Volkhov River have been also obtained.

Keywords: underwater archaeology, Veliky Novgorod, Volkhov River, Great Bridge, ancient Rus bridge construction.

История мостостроения как социального явления начинается в неолите с развитием культуры свайных поселений. Дальнейшее развитие этих технологий воплотилось в строительстве городских мостов. Уже в VII в. до н. э. в Риме берега р. Тибр соединял стационарный мост, т. н. «Свайный мост» (лат. *Pons Sublicius*). Он был сооружен четвертым римским царем Анком Марцием для соединения Рима с новым гарнизоном на холме Яникул и сформировал часть оборонительной сети для защиты реки Тибр. Много раз разрушаемый,

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.401-413

всегда быстро восстанавливался и просуществовал в традиционном, деревянном исполнении вплоть до IV в. н. э. (*Griffith*, 2009. P. 296–321, *Richardson*, 1992. P. 299). Мост играл важную роль в жизни древнего города, выполняя транспортную, религиозную, оборонительную и другие функции. Обладание мостом обеспечивало контроль за водным путем и возможность переброски воинских подразделений из одной части города в другую. Оборона единственного в 509 г. до н. э. моста через р. Тибр стала легендарной. В решающий момент сражения с этрусками римляне, не выдержав натиска врага, отступили за Свайный мост. Могучий Гораций Коклес сдерживал врага перед мостом до тех пор, пока его товарищи не разобрали переправу (*Плутарх*, 1994. С. 123–124).

История древнерусского мостостроения ввиду лаконичности письменных источников и недолговечности деревянных конструкций имела в большей степени умозрительный характер. Развитие подводной археологии позволило ввести в научный оборот значительное количество новых объективных сведений. Объектом исследований с 2005 г. является Великий мост средневекового Новгорода.

Великий Новгород относится к редкому на Руси типу городов, изначально располагавшемуся сразу на обоих берегах полноводной реки. Первые летописные упоминания о Новгороде относят его основание к 859 или 862 гг., однако данные археологических раскопок эти даты не подтверждают. Ранние дендродаты в выборках раскопов указывают на появление застройки в различных районах города начиная с первой половины X в. (Людин, Неревский концы, кремль), демонстрируя постепенное увеличение территории Новгорода как на Софийской, так и на Торговой стороне (*Тарабардина и др.*, 2016. С. 22–35).

С датой появления городского моста до недавнего времени тоже ясности не было. В «Истории Российской» В. Н. Татищева на основании утраченной Иакимовской летописи приводится развернутая история крещения Новгорода, в которой часть событий 989 или 990 гг. связана с Великим мостом: «*И егда приидохом, они, разметавше мост великий, изыдоша со оружием, и асче Добрыня пресчением и лагодными словы увесчевая их, обаче они ни слышати хотяху и вывесше 2 самострела великие со множеством камения, поставиша на мосту, яко на сусчия враги своя.... Идоша мнози, а не хотясчих креститися воини влачаху и кресчаху, мужи выше моста, а жены ниже моста*». (*Татищев*, 1994. С. 112–113, 398). В записях НПЛ впервые мост упоминается только в 1133 г.: «*...обновиша мост черес Волхов рушивше*». (НПЛ. С. 207). Далее летопись регулярно фиксирует события, связанные с мостом.

Неоднократно мост являлся ареной междоусобиц. Так, в 1384 г. два веча в разных концах города очередной раз встают «*обои в оружьи, аки на рать, и мост великий переметаша*». (НПЛ. С. 379.) В 1418 г., во время бунта Степанки, явление самой Богородицы стало последним способом остановить сражение на мосту, где уже шло «*губление: овы от стрелы, овы же от оружиа, беша жи мертвии аки на рати...*». (НПЛ. С. 410). Зачастую, в целях недопущения кровопролития, его разбирали.

Не избежал мост и традиционной, для себе подобных, функции лобного места. Летописи содержат сообщения о казни «свержением с моста» в Волхов. Так, волнения в 1418 г., упомянутые выше, начались с казни боярина Дани-

ла Ивановича «*...казниша его ранами близъ смерти, и сведше с веца, сринуша и с мосту...*» (НПЛ. С. 409). А массовые казни скидыванием с моста опричниками Ивана IV зимой 1570 г. закрепились в народной памяти, как причина, по которой р. Волхов не замерзает (*Костомаров*, 2003 С. 549).

Примечательна роль моста как торгово-ремесленного ряда, о чем говорят записи в лавочных книгах «*На том же мосту по левой стороне к Черному Кресту: лавка Романка корыстного купчины по затвору 2 сажени, длина то ж, оброку 9 алтын 2 деньги ...*» (Лавочные книги... С. 110, 129–131). Наличие лавок на мосту в XVI в. подтверждается и в описаниях города иностранцами. Так, Рафаель Барберини описывал Великий мост в 1564 г. – «*Великий Новгород – большой деревянный город... посреди его протекает большая река, именуемая Волхой, на на которой есть замечательный мост, застроенный домами и лавками, будто целая и весьма длинная улица*» (*Барберини*, 1843. С. 9).

О мостовых конструкциях раннего периода существования моста (X–XVII вв.) к началу исследований было известно крайне мало. В летописях, а также в княжеских уставах упоминаются мостовые *городни* и *рили*. Распространенным является мнение, что «городнями» в источниках названы мостовые опоры – срубные конструкции, забутованные камнем, а рили (рели) – пролетные строения (*Сорокин*, 2014. С. 4, 10). Однако толковый словарь Владимира Даля не исключает применения термина для свайных конструкций – «*Городень, Городня ж. ..., также сваи, а нынъ, заборъ или заплотъ стойкóмъ*» (*Даль*, 1880. С. 391). Иконографические источники, при всей своей условности, изображают два варианта опорных конструкций Великого моста (XV–XVI вв.): срубные и свайные.

Возведение свайных опор намного проще и требует в разы меньше лесоматериала, чем ряжевых. Ферма, связывающая раскосами сваи в жесткую конструкцию, должна была иметь значительную высоту. В современных условиях при глубине реки в межень 3–4 м и средней высоте подъема уровня в половодье на 3–4 м высота опор должна была составлять около 8 м без учета глубины забивания свай.

«Книга записи контрактов» 1782 г., заключенных между казенной палатой и купечеством, содержит описание строительства комбинированной свайно-ряжевой опоры моста: «*... на те сваи поверху вокруг насадить насадки а через огородни и насадки класть подлежные бревна ... а сверх оных перепускных бревен укреплять коренные мостовые лежни ... а боковые лежни прибивать с обоих концов в огородни железными ершовыми болтами ... внутри каждой огородни зделать два бревенчатых моста один внизу а другой вверху и на оные накласть в каждую огородню дикого камня по 3 куб. сажени*». Таким образом, сруб в XVIII–XIX вв. устанавливался не на дно реки, как у обычных ряжевых опор, а сооружался на сваях, выше меженного уровня реки. Такая гибридная конструкция позволяла, при низкой воде, ремонтировать зону переменного уровня воды, менять сваи. Очевидно также, что благодаря подобной конструкции мост длительное время не менял своего положения, даже после пожара в 1782 г. сваи, не имеющие видимых повреждений, использовались вторично, а негодные выдергивались: «*на згоревших 9 городнях всякие леса и мусор очистить и згоревшие же сваи в разных местах где приказано будет вынуть ... вбить ззаде через копер в каждую по десяти свай и насадить вокруг на старые и на новые сваи посадки*». (ГАНО, 1782. Л. 1, 2).

До начала подводно-археологических исследований следовало определиться с местом положения средневекового Великого моста. Наиболее ранний дошедший до нас план города отражает действия по захвату шведским воинством под командованием Якова Делагарди (*Jakob de la Gardie)* Новгорода в 1611 г. Великий мост изображен с тупоугольным изгибом в центре реки. Мост перпендикулярно пересекал правый берег, а затем поворачивал чуть вниз по течению в сторону Пречистенской башни Детинца на левом. Все последующие топографические источники позиционировали мост через р. Волхов таким же образом вплоть до строительства в 1831 г. прямого моста на каменных опорах в створе ныне существующего пешеходного моста. Ширина реки в этом месте меняется сезонно с 250 до 350 м. Среди исследователей было распространено мнение, что изгиб предназначен для противостояния ледовому натиску при ледоходе (*Борисевич, Янин*, 1995. С. 67). Однако деревянные конструкции не распределяют боковую нагрузку на соседние опоры, как современные металлические и железобетонные. Видится, что изгиб моста является вынужденным следствием изменения топографии Софийской стороны. Это предположение публиковалось Г. В. Борисевичем, В. П. Тюриной, Г. П. Чистяковой в виде графической реконструкции (*Янин, Борисевич*, 1993. С. 104).

Подводные археологические исследования р. Волхов начались в 2005 г. со съемки высокочастотным (780 кГц) гидролокатором бокового обзора СМ2. Для проведения сканирования выбран участок р. Волхов между Детинцем и Торгом, где располагались мосты XVII–XX вв. Сонограмма показала сильную захламленность дна. Привлекли внимание две локальные структуры с рядом длинных акустических теней, совпадающие с контуром последнего деревянного моста, расположенные в 70 м выше по течению пешеходного моста. Для начала подводных исследований была выбрана западная, протяженная структура (рис. 1).

Ряд пробных этапов, проведенных в разное время года, показал, что оптимальным периодом для исследований на дне р. Волхов является окончание зимнего периода. В марте вода, отстоявшаяся под ледяным панцирем оз. Ильмень, обладает лучшей прозрачностью (0,5–0,7 м). В черте Великого Новгорода, как правило, река свободна ото льда, уровень воды минимальный, отсутствует судоходство, а сильные морозы уже маловероятны. Заканчивается благоприятное время весенним половодьем и ледоходом в середине апреля. Несомненно, имеются и отрицательные факторы холодного времени года, которые осложняют работы, но они нивелируются техническими средствами. На место работ устанавливалась на якорь водолазная площадка – катамаран – с обогреваемым помещением и закрытой от ветра и осадков рабочей зоной.

Осмотр дна показал, что положительные формы рельефа дна состоят из груд валунов, занесенных песком, над которыми выступают обломанные сваи из хвойных пород дерева. Размер камней редко превышает 50 см в поперечнике.

Шурф шириной 2,0 м ориентировался вниз по течению. Разметка выполнялась реперными колышками и шнурами. В некоторых случаях к ним позже прирезались дополнительные участки. Траншея № 4 расширялась до 4 м. Была отработана методика подводных раскопок гидромонитором, основанная на разрыхлении и перемещении плотных грунтов направленным регулируемым

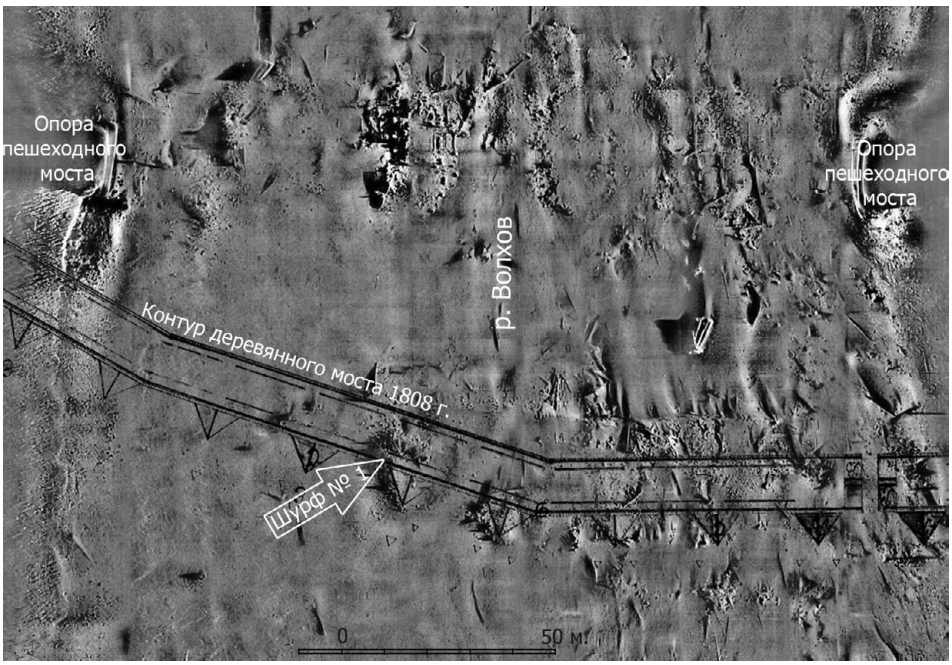


Рис. 1. Сонограмма участка дна р. Волхов, где располагались мосты XVII–XX вв.

потоком воды. Малая скорость потока позволяет работать в слое аккуратно, словно кистью. Максимальный напор воды двигает небольшие камни вместе с отвалом. В створе деревянного Волховского моста XIX в. на дне р. Волхов были разработаны 3 шурфа общей площадью 78 м^2 и одна протяженная траншея площадью 108 м^2 (рис. 2).

Отметка дна на исследуемых участках составляет около 14,5 м БС. Груды камня содержали только предметы, связанные с рыболовством, судоходством и военными действиями XX в. Разборка 0,5 м слоя валунов отрыла большое количество обломанных деревянных свай. Подстилающий валуны грунт оказался поверхностью дна, датированной монетными находками XVIII–XIX вв. Среди них меднолитая наперсная икона Св. Николая (рис. 3: *1*), найденная в окружении пяти свинцовых рыболовных блесен – утрата рыбака в XVII–XVIII вв.

Грунт можно охарактеризовать как супесь с большим содержанием раковин моллюсков и органики. Дальнейший размыв грунта открывает культурный слой, насыщенный фрагментами керамической посуды и костными кухонными остатками. Мощность средневековых культурных напластований составляет около 1,0 м, достигая высотных отметок около 13,0 м БС. Хронологическим маркером окончания массового накопления антропогенных предметов является свинцовый медальон, выполненный из крупной английской товарной пломбы, с датой разгрома Новгорода опричниками – 1570 г. (рис. 3: *2*). Состав наполнения разнообразными предметами практически не отличается от слоя в сухопутных городских раскопах и датируется XIII–XVII вв.

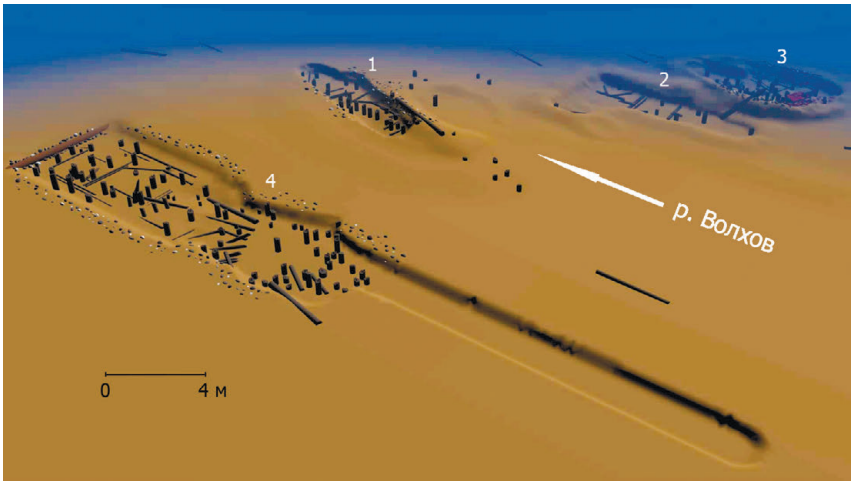


Рис. 2. Реконструкция поверхности дна с подводными раскопами. Вид с юго-запада

Среди находок представлено все разнообразие средневекового прикладного искусства. Примечательна накладка на кожаную сумку с шестью криновидными выступами, изображением зверя, кусающего свой хвост в центре (рис. 3: *6*). В Новгороде известны по меньшей мере три подобных предмета, происходящих из слоев XIV в. (*Козлова*, 2004. С. 192–195). Аналогичная накладка была на сумке с монетами XVI в., найденной в 1991 г. на берегу р. Волхов (*Гайдуков*, 1993. С. 70–72). Характерным маркером периода с конца XII до середины XIV в. в Новгородском культурном слое является находка полой коньковой подвески (рис. 3: *3*) (*Покровская, Тянина*, 2019. С. 150). Среди находок т. н. свинцовых «грузиков» выделяется полусферический, богато орнаментированный предмет из медного сплава (рис. 3: *5*). Четыре рельефных характерных изображения зверя с длинным хвостом позволяют отнести бытование к XIV–XVI вв. Среди 10 вислых актовых печатей, обнаруженных в подводном культурном слое, выделяется печать новгородского архиепископа Давида (рис. 3: *7*), занимавшего новгородскую кафедру с 1309 по 1325 г.

Наличие торга на мосту маркирует значительное количество монетных находок. Большую часть их составляют медные пула XV в. новгородского, тверского, псковского и московского чекана. Встречаются также четверетцы (рис. 3: *8*), полуденьги, ливонские артиги и др. Разнообразна коллекция украшений, которая включает рясна, серьги, шейные гривны, браслеты (включая фрагменты стеклянных браслетов XIII в.), перстни (рис. 3: *4*). Наличие лавок обозначено запорными приспособлениями: замками, ключами, задвижками и скобами. Также торговля обозначена товарами: стопами сельскохозяйственных орудий – кос и керамических горшков, железных криц и т. п. Мелкоремесленное производство маркируется находками инструментов, тиглей, сопла мехов, литьевых форм, изделий с необработанными литниками, бракованных отливок, выплесков и лома цветных металлов.

Рис. 3. Находки из подводных раскопов.
1 – икона нательная «Св. Николай»; *2* – медальон с ушком свинцовый (пломба); *3* – привеска шумящая полая; *4* – перстень; *5* – «грузик» орнаментированный (пуговица?); *6* – накладка на клапан сумки; *7* – печать новгородского архиепископа Давида (1309–1325 гг.); *8* – четверетца 1420–1478 гг. *1, 3–6* – цветной металл, сплав; *2, 7* – свинец; *8* – серебро

В коллекции представлены также предметы личного благочестия, пуговицы, бубенчики, одежные крючки, булавки, керамическая и металлическая посуда, обувные и лошадиные подковы, ледоходные шипы, орудия рыболовного промысла, грузила и крючки.

Сваи хвойных пород дерева, диаметром около 35–40 см, затесанные на три канта, забивались на глубину 3,5 м в грунт. Их дендрохронологические даты – XVIII–XIX вв., а датировка крупных фрагментов мостовых конструкций из хвойных пород относится к XIII–XIV, XVI–XIX вв. (*Тарабардина*, 2014. С. 218–224.). В культурном слое были обнаружены и верхушки обломанных дубовых свай. Их остатки имеют небольшой диаметр (до 17 см), не способ-

ствующий датированию дендрохронологическим методом. Радиоуглеродное датирование по серии образцов, выполненное в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН и лаборатории изотопных исследований РГПУ им. А. И. Герцена, позволяет полагать существование мостов на дубовых свайных опорах в XII–XIV вв.

В 20 м к левому берегу от шурфа № 1 и выше по течению створа моста на ровном дне была заложена траншея № 4 (рис. 2). Целью было установление положения верхней по течению кромки моста и проверка расхожего мнения, что дно р. Волхов в черте города повсеместно содержит археологические предметы. На протяжении 16 м от места закладки шурфа донные отложения практически не содержали археологических находок. При появлении первых свай отмечены и первые признаки культурного слоя. Верхние по течению деревянные сваи были ледорезами моста нового времени. Непосредственно в створе моста, в верхней части профиля появляется слой валунов и выклинивается прослойка штукатурки с фресковой живописью. Появление штукатурки на дне датируется монетами периода правления Павла I.

На 21 м траншеи появлялись дубовые сваи и значительно возрастает количество фрагментов керамической посуды. Чуть дальше растет количество костных кухонных остатков, а с 24 м – монет. Максимальная плотность монетных находок составила 28 шт. на 1 м^2 (в кв. 14.1, 2010 г.). Смещение объясняется разницей удельной плотности и размера предметов при погружении на дно в условиях течения. Протяженность траншеи № 4 составила 35 м далее, вниз по течению, раскопки ограничены подводными коммуникациями.

В составе комплекса индивидуальных находок заметна пространственная специализация, отражающая особенности эксплуатации данного участка моста. Так, культурный слой 1–3 шурфов, расположенных в центральной части моста, содержал без малого 40% монет XVIII–XIX вв. из числа монетных находок, не считая комплекса Петровских копеек из 96 экз. Тогда как в траншее № 4 доля поздних монет среди нумизматических находок не превышает 5%.

Любопытной находкой в шурфе № 3–13 оказался фрагмент днища оконечности затонувшего судна, перевозившего штабели кирпича. По формату кирпича И. В. Антипов предположил датировку серединой XV в., что подтверждается находками керамики и предметов XVI в. в покрывшем развал штабелей кирпича грунте. Судно навалило на опору средневекового моста, корпус разломился и затонул. Затем его пробили шесть поздних свай.

Полученные данные позволяют полагать, что мост в створе Великий ряд торга – Пречистенская башня Детинца существовал с XII по XIX в. На всем протяжении своего существования опоры были свайными, а в XVIII–XIX вв. – свайно-ряжевыми. Сваи, по крайней мере, до XV в. изготавливались из дуба, забивались грубо затесанной верхушкой ствола вниз на глубину 1,0–1,5 м. Неглубоко забитые тонкие дубовые свайные основания при напоре стихии чаще не ломались, а вырывались из грунта, поэтому их обломков сохранилось немного. Летописи содержат не менее десяти записей о случаях, когда лед или вода *велика въздре, выдра, снесе, и вышибе* из *Великаго мосту* до 20 *городень*.

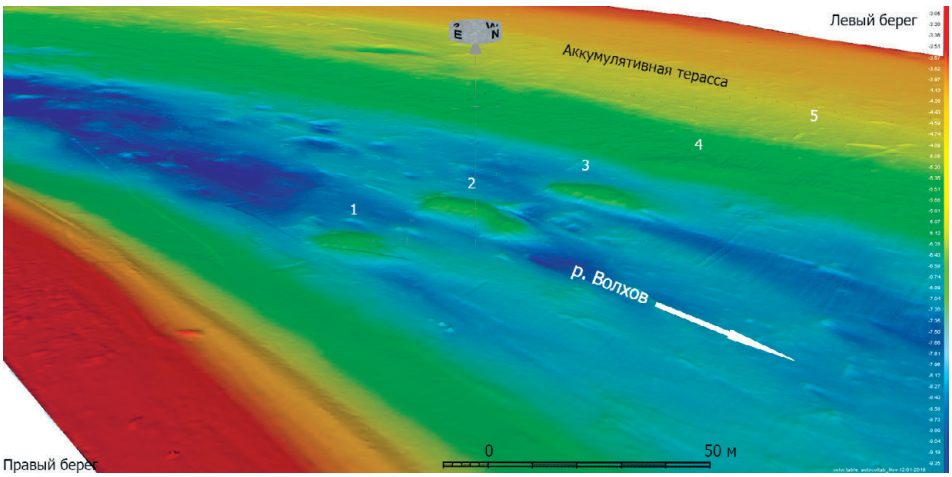


Рис. 4. Цифровая модель дна р. Волхов. Остатки опор моста X в.

Несмотря на то, что вещевые находки датируются начиная с XIII в., период массового накопления археологических предметов приходится на рубеж XIV–XV вв. и продолжается до конца XVI в. Можно полагать, что Торг занял Великий мост в связи с развитием товарно-денежных отношений на Новгородской земле. Упадок же закономерен после опричного разгрома Новгорода и смуты.

Фрагменты штукатурки были массово утилизированы в последние годы XVIII в. после ремонта крупного храма. По мнению реставратора первой категории Т. И. Анисимовой, вероятно, что живопись относится к домонгольскому периоду. Вполне возможно, что это живопись XII в. из Софийского собора (*Степанов*, 2009. С. 74–90).

Культурный слой перекрыт валунной осыпью, оставшейся после демонтажа свайно-ряжевых опор в 1831 г., осыпь была единоразовой, и в нижних слоях валунного бута и нижних венцов ряжей нет.

С 2017 г. исследования были направлены на участок русла реки, расположенный в 100 м выше по течению от створа Великого моста XII–XIX вв. На цифровой модели дна, полученной при помощи многолучевого эхолота SeaBut T50, привлек внимание перспективный участок. Глубокий русловой желоб, смещенный к правому берегу, пересекают четыре локальные положительные формы рельефа дна высотой около метра. Крайняя форма к Софийской стороне, располагаясь на склоне обширной аккумулятивной террасы, простираемой вдоль левого берега, частично погребена ею (рис. 4). Форма возвышенностей вытянута вдоль течения, их приблизительные размеры – 17,0×7,5 м, расстояние между их центрами около 22,5 м (*Степанов, Луций*, 2019. С. 290). Створ выявленного объекта находится на линии Николо-Дворищенский собор – основание Борисоглебской башни Детинца.

Следует отметить, что имеются источники XIX в., указывавшие на существование древнего моста в этом месте. Новгородский губернатор П. И. Сумароков в 1815 г. на «Плане 2-й части Новагорода» изобразил «Бывший в древности мост» значительно выше по течению от существующего в то время

деревянного моста (*Сумароков*, 1890. Вкл. 2). Следующий новгородский губернатор в 1828 г. опубликовал «Исторические исследования о древностях Новагорода», где обосновал эту реконструкцию – «*того моста остаток и ныне существует на дне Волхова близ правого берега, где осенью ставится веха, или знак для безопасности барок*» (*Муравьев*, 1828. С. 39). «Большой план Древняго Новагорода Великаго» отображает ту же позицию «Направление Древняго Моста» (*Муравьев*, 1828. Пр. Е). Новгородский историк И. И. Красов в работе «О местоположении древнего Новгорода» высказал мнение, что «*мост имел направление не к Редятиной улице (все равно к церкви Св. Троицы), а к Детинцу*» (*Красов*, 1851. С. 84–86). На плане города положение древнего моста он не указал, но в книге «Святыни и древности Великого Новгорода» М. В. Толстого 1862 г. опубликован «*План Новгорода в нынешнем его состоянии*» с откорректированным положением «*Места древняго моста на Волхове*» (*Толстой*, 1862. Рис. III, № 81). Таким образом, исследователи – современники последнего деревянного моста – указывали на возможное местоположение древней переправы. А когда трехмерная цифровая карта позволила разглядеть возможные остатки мостовых опор, наступило время проверить эту гипотезу.

Для разведочного шурфа был выбран участок в средней части русла, на ровной поверхности, в месте нахождения гипотетической 5-й формы, скрытой аккумуляционной террасой. Для этого от крайней видимой формы № 4 по линии выявленных холмов было отмерено расстояние, равное дистанции между их центрами. Поверхность дна в этом месте ровная, средняя отметка – 14,4 м. (БС), глубина в период работ составляла 3–5 м.

Поверхностный слой речного дна мощностью до 0,5 м содержит следы рыболовства: каменные грузила, бронзовые рыболовные крючки, оконечности деревянных колов. Кроме того, верхний слой содержит археологические предметы, аналогичные по составу культурному слою моста, располагающегося в 100 м ниже по течению, но в меньшем количестве. Датировка фрагментов керамической посуды и индивидуальных находок начинается с XIII–XIV вв.

Под поверхностным слоем, в практически стерильном илисто-песчаном грунте выявлен развал пятиугольной в плане ряжевой опоры. На правой стороне (ориентация – против течения) сохранилось 7 венцов верхней поперечной стенки на высоту 1,4 м. Бревна из дуба и хвойных пород диаметром 17–20 см уложены без зазора и без продольных пазов. Углы рублены в «чашу с остатком», врубки выполнены в верхних кромках венцов. Верхние боковые углы соединяют стенки четырехугольной и треугольной частей: 1-я врубка скрепляет правую продольную стенку и верхнюю поперечную. Во внешнем остатке поперечного венца 2-я врубка выполнена под углом приблизительно в 330º к диаметральной плоскости ряжа и является соединением с правой стенкой «*рогатого угла*» или правой «*скулой*» пятиугольного сруба. Пространство в треугольной части сруба между правой «*скулой*» и верхней поперечной стенкой (водорез, или *рогатый угол*) под валунами заполнено еловыми ветками. Всего было на объекте разработано 3 участка общей площадью 40 м^2, ориентированных по периметру ряжа.

Правая продольная стенка сохранилась хуже верхней поперечной, из шести венцов до нижней по течению оконечности доходят три. Из них до левого

нижнего угла доходит только одно бревно. Расстояние между осями угловых врубок как продольной, так и поперечной стенки – 6,5 м. Общая длина бревен около 7 м. Общая длина сруба с «рогатым углом» составляет около 11 м. За нижней поперечной стенкой вбиты две сваи, вероятно, служившие направляющими при опускании ряжа на дно или предотвращающих сдвиг ряжа.

В отличие от обычного *ряжа* в конструкции нашей опоры среди нижних венцов не обнаружено ни следов врубок под лаги пола, на который должен насыпаться бутовый камень, ни перегородок, обеспечивающих поперечную жесткость конструкции. Также пока не выявлены элементы крепления венцов в вертикальной плоскости.

Развал валунов распределен неравномерно, верхняя и правая часть опоры завалены в большей степени. У нижней поперечной стенки валунов почти нет.

Пространственное положение остатков ряжа свидетельствует о его деформации и смещении. Левый нижний и верхний «рогатый» углы находятся на метр глубже нижнего венца правой стенки. Деформация фиксируется и в плане: верхний «рогатый» угол смещен со своего расчетного положения на 2 метра вправо, в направлении левого берега реки. Боковые стенки квадратной части не соответствуют направлению течения примерно на 10°. В грунте из-под 1-го венца выступает бревно с врубкой.

В связи с большой глубиной раскопа (до 2 м) и наличием поперечных конструкций размыв грунта гидромонитором стал нецелесообразен, и в качестве грунтоуборочного инструмента применен гидроэжектор. Принцип его работы основан на создании разряжения струей воды в цилиндрическом корпусе инструмента. Разрыхленный грунт захватывается с водой и т. н. пульпа по гофрированному рукаву выносится за пределы раскопа.

Археологические находки в нижнем слое практически отсутствуют, лишь в 0,4 м глубже левого нижнего угла обнаружено несколько фрагментов раннекруговой керамики (середина X – начало XI в.). В отвале были обнаружены фрагмент дирхема, спиралеконечная фибула и сферическая гирька.

Для датировки вскрытой конструкции использованы 17 образцов древесины. Дендрохронологический анализ не дал результатов из-за малого диаметра образцов (16–18 см). Радиоуглеродное датирование, проведенное в лаборатории изотопных исследований РПГУ им. А. И. Герцена, дало асинхронные результаты. Три образца отнесены к третьей четверти X в., два других отнесены к первой четверти XII в., что для бревен из одного сруба невероятно. Результаты радиоуглеродного датирования 12 образцов (включая датированных в СПб XII в.), проведенного Лабораторией радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии ИГ РАН и Центром изотопных исследований Университета Джорджии (США) с применением метода ускорительной масс-спектрометрии (AMS), дали среднюю вероятную дату образцов из внешних колец бревен – начало третьей четверти X в. Принимая во внимание возможность ошибок радиоуглеродного датирования, на основании значительной серии проведенных анализов можно полагать, что уже в X в. р. Волхов в Новгороде пересекал деревянный мост на ряжевых опорах. Ряжевая конструкция мостовых опор весьма затратна и целесообразна только в каменистом русле,

где невозможно вбить сваи, или при необходимости создания очень прочного сооружения для противостояния агрессивным природным или антропогенным факторам.

Принимая во внимание полученные материалы, можно предположить, что до начала II тыс. н. э. исток р. Волхов представлял собой глубоко врезающийся в сушу залив озера Ильмень. Само русло начиналось с узости между Славенским и южным холмом нынешнего Детинца, где и был построен первый мост. В период с X по XII в. происходило существенное изменение конфигурации русла в верховье р. Волхов. Абразионные процессы разрушали берега холмов Городища и Холопьего городка, контролирующих вход и выход из рукава р. Волхов – Малого Волховца, а аккумуляционные – создавали новые формы рельефа в русле. Источником материала для аккумуляционных процессов является река Мста, дельта которой, развиваясь, примкнула непосредственно к истоку р. Волхов. Речные осадки образовали прирусловой вал – Рель, которая отсекла от реки Волхов Мячинское озеро на протяжении 3,3 км от мыса, на котором расположен Юрьев монастырь, до Новгорода. Новое образование способствовало усилению и изменению направления течения в районе переправы, что могло привести к деформации опор и разрушению моста. Остатки опор в левой половине русла были занесены грунтом, а к XIV в. конфигурация дна стабилизировалась.

Можно полагать, что ко времени расширения Детинца в 1116 г. Мстиславом Владимировичем ряжевый мост, вероятно, уже не мог выполнять свои функции и был отстроен заново в 100 метрах ниже по течению, в соответствии с новой планировкой крепости. Заодно была облегчена его конструкция – тип опор стал свайным, что дало о себе знать необходимостью восстановления, отмеченной в летописи впервые уже через 17 лет в 1133 г.

Наличие археологических находок на поверхности речного дна указывает, что на период ремонтов и перестроек стационарного моста по старому месту устраивался временный наплавной мост. Строить торговый ряд на временных пролетах едва ли целесообразно, но суда, на которых он возводился, вполне могли размещать мастерские и торговые лавки.

Четвертый участок раскопа № 5 заложен в 2021 г. с целью расчистки левой стенки ряжа и, возможно, его основания с полом, если опора была с него сдвинута. Площадь участка значительна для подводных раскопок и составляет 40 м^2, что должно позволить выявить и изучить культурные напластования раннего периода существования Великого моста.

Литература

Барберини Р., 1843. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. / Пер. В. Любич-Романович. СПб. С. 2–64.

Борисевич Г. Н., Янин В. Л., 1993. Элементы застройки городов // Древнерусское градостроительство X–XV вв. М.: Стройиздат. С. 55–66.

Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV – XVI вв. М.: Наука. 293 с.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области. Ф. 528. Оп. 1. Ед. хр. 59. 1782 г. Л.1, 2.

Даль В. И., 1880. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владиміра Даля. Т. 1. А – З. СПб.; М.: Тип. Т-ва М. О. Вольф. 723 с.

Красов И. И., 1851. О местоположении древнего Новгорода. Историческое исследование Ивана Красова. С приложением указателя и плана Новгорода. Новгород: В тип. Новгород. губ. правл. 182 с.

Козлова А. В., 2004. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Материалы научной конференции. Великий Новгород. С. 188–207.

Костомаров Н. И., 2003. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО. 1024 с.

Лавочные книги Новгорода-Великого, 1583 г. / Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М.: Ин-т истории, 1930. 56 с.

Муравьев Н. Н., 1828. Исторические исследования о древностях Новагорода. СПб.: Воен. тип. Гл. штаба Е. И. В. 55 с.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. 642 с.

Плутарх, 1994. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. Т. 1. М.: Наука. 702 с.

Покровская Л. В., Тянина Е. А., 2019. Полые зооморфные привески средневекового Новгорода // Российская археология. № 1. С. 146–160.

Сорокин А. Н., 2014. Великий мост Древнего Новгорода // Чело: альманах. № 1–2 (54–55). С. 3–14.

Степанов А. В., 2009. Подводно-археологические исследования Великого моста (по материалам подводных исследований 2005–2009 гг.) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 6 / ИИМК РАН, Сев.-Зап. ин-т наследия. СПб. С. 74–90.

Степанов А. В., Луций С. А., 2019. Исследования дна реки Волхов дистанционными методами // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Материалы XXXII научной конференции, Великий Новгород. С. 290–297.

Сумароков П. И., 1890. Новгородская история: сочинение 1815 г. М.: Унив. тип. 322 с.

Тарабардина, О. А., 2014. Новгородский Великий мост в свете данных дендрохронологических исследований // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 29. Материалы 59-го заседания (2013 г.). С. 218–224.

Тарабардина О. А., Карпухин А. А., Мацковский В. В., Соловьева Л. Н., 2016. Дендрохронология средневекового Новгорода: анализ хронологического и количественного распределения дендродат // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 245, ч. I. С. 22–35.

Татищев В. Н., 1994. Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М. 500 с.

Толстой М., 1862. Святыни и древности Великого Новгорода. М.: Унив. тип. 264 с. (Русские святыни и древности; ч. 3).

Янин В. Л., Борисевич Г. Н., 1993. Новгород XI – первой половины XII века // Древнерусское градостроительство X–XV вв. М.: Стройиздат. С. 103–108.

Griffith A., 2009. The Pons Sublicius in context: Revisiting Rome's first public work // Phoenix. 63. P. 296–321.

Richardson L., Jr., 1992. Pons Sublicius // A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1992. P. 299.

* * *

Степанов Айвар Владимирович, *Великий Новгород, Центр археологических исследований НГОМЗ, Центр подводного археологического наследия ИА РАН, e-mail: ayvarstepanov@yandex.ru*

В. А. Якунина

Бургомистры, ратманы и фогты Нарвы в русско-ливонской торговле XV века

Резюме. На протяжении XV в. магистрат Нарвы фактически наполовину состоял из купцов или их родственников. Личная заинтересованность членов магистрата в развитии торговли нашла отражение в экономической политике города. Бургомистры и ратманы приходились братьями, зятьями, племянниками и иными родственниками людям, занимающим административные должности в Ревеле, Дерпте, Данциге, Риге и иных городах, что упрощало развитие торговых связей. Одновременно с этим орденская администрация Нарвы, представленная фогтами, комтурами и хаускомтурами, была напрямую заинтересована в развитии орденского предпринимательства и торговли. Такая ситуация предопределила партнерские отношения орденской и городской администрации, что, в свою очередь, минимизировало их трения, создавало благоприятные условия для развития международной торговли Нарвы и помогало восполнить отсутствие у нее ганзейского статуса. В частности, сотрудничество магистрата и Ливонского ордена позволило сделать Нарву центром «необычной торговли», которая велась русскими и ганзейскими купцами в нарушение ганзейских обычаев, и стать конкурентноспособной ливонским ганзейским городам.

Ключевые слова: Нарва, Ревель, магистрат, экономическая политика.

V. A. Yakunina. Burgomasters, Ratmans and Bailiffs of Narva in the Russian-Livonian Trade of the 15th Century

Abstract. During the XV century the magistrate (Town Council) of Narva actually half-consisted of merchants or their relatives. The personal interest of the magistrate's members in the development of trade was reflected in the economic policy of the city. Burgomasters and ratmans were brothers, sons-in-law, nephews and other relatives of people holding administrative positions in Reval, Dorpat, Danzig, Riga and other cities, which simplified the development of trade relations. At the same time, the Order administration of Narva, represented by the bailiffs, komtur and hauskomtur, was directly interested in the development of the Order's entrepreneurship (business) and trade. This situation predetermined the partnership between the Order and the city administration, which in turn, minimized their friction, created favorable conditions for the development of Narva's international trade and helped to make up for its lack of Hanseatic status. In particular, the cooperation of the magistrate and the Livonian Order made it possible to make Narva the center of "unusual trade", which was conducted by Russian and Hanseatic merchants in violation of Hanseatic customs, and to become competitive with Livonian Hanseatic cities.

Keywords: Narva, Reval, magistrate (Town Council), economic policy.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.414-423

Исследование торгово-экономической политики любого средневекового города невозможно без привязки к личностям, определяющим эту политику. Изучая ганзейское торговое пространство, на это следует обращать особое внимание, т. к. в этом случае ключевая роль личностного фактора в формировании ганзейской политики особо очевидна (*Poeck*, 2010. S. 510–512), поскольку вне зависимости от того, будем ли мы определять Ганзу как «союз городов» или «союз купцов» (*Hammel-Kiesow*, 2000. S. 10), не вызывает сомнения, что именно купцы, занимавшие большинство мест в магистратах (*Link, Kapfenberger*, 2005. S. 167), определяли направление экономического развития как отдельных ганзейских городов, так и Ганзы в целом.

Просопографический подход при изучении механизмов функционирования Ганзы активно используется зарубежными коллегами, в первую очередь немецкими и прибалтийскими, не одно десятилетие. В поле исследования попадают как биографии отдельных купцов (*Brandt*, 1939. S. 125–160; *Mühlen*, 1975. S. 626–673; *Angermann*, 1984. S. 97–114), так и изучение целых семей и корпораций (*Erpenbeck*, 1962. S. 548–562; *Irsigler*, 1985. S. 75–100; *Jergensen*, 1968. Bd. 48. S. 39–52; *Kluge*, 2013. S. 33–76; *Kuske*, 1922. S. 187–195; *Noodt*, 2003. S. 41–74). Одной из крупнейших работ в данной сфере стала монография Д. Поека (*Poeck*, 2010) «Die Herren der Hanse: Delegierte und Netzwerke», посвященная исследованию жизни крупнейших представителей Ганзейского союза и зависимости политики ганзейских городов от их личных интересов. Помимо этого, просопографический подход активно используется и при изучении отдельных сторон жизни средневекового города. Так, в 2013 г. вышла монография Т. Кэмпфа «Das Revaler Ratsurteilsbuch. Grundsätze und Regeln des Prozessverfahrens in der frühneuzeitlichen Hansestadt», где автор отдельно посвящает параграф вопросу социального происхождения членов совета Ревеля и зависимости решений совета от его состава (*Kämpf*, 2013. S. 44–45). Во многом суммировал, теоретизировал и переосмыслил исследования Ганзейского союза как купеческой сети (Netzwerk) К. Янке (*Jahnke*, 2014. S. 47–58). По его мнению, так как каждый отдельно взятый купец имеет очень сильную связь со своим регионом, то изучение региональной истории является ключом к пониманию истории Ганзейского союза в целом. В отечественной науке просопографический подход при изучении Ганзы пока только начинает использоваться (*Ушаков*, 2021. С. 84–92).

Как известно, Нарва в состав Ганзейского союза никогда не входила (хотя и предпринимала для обретения членства неоднократные попытки (Казакова, 1975. С. 99), но при этом, по замечанию ряда исследователей (*Кивимяэ*, 1975. С. 328–330), играла для Ганзы не меньшую, а иногда и большую роль, чем города с ганзейским статусом. Еще А. Сювалеп отмечал, что именно международная торговля обусловила образование этого города (*Süvalep*, 1936. L. 280), хотя при этом уже с середины XIV в. он являлся важной пограничной крепостью отделения Немецкого (Тевтонского) ордена в Ливонии (далее – Ливонского ордена) (*Kivimäe*, 2004. P. 20). Такая ситуация могла бы предопределить своеобразный дуализм в управлении городом, подобный тому, что можно было наблюдать в Ревеле, где существовало известное противостояние городских

властей (магистрата) и орденской администрации во главе с фогтом, позже комтуром; это продолжалось до 1346 г., когда фогт был поставлен в фактическую зависимость от магистрата (*Ebel*, 1971. S. 267). В случае с Нарвой скольнибудь серьезных разногласий между фогтом и магистратом мы не наблюдаем (*Якунина*, 2022. С. 292), хотя зависимость торгово-экономической политики города от личных интересов представителей его властных структур, как со стороны Ордена, так и города, определенно, представляет интерес.

Следует отметить, что, скорее всего, еще до обретения Нарвой в 1345 г. городского права, на ее территории сосуществовали две административно-правовые среды (*Süvalep*, 1936. L. 255). Одну из них представляло купечество, приезжавшее туда в основном из Ревеля и осуществлявшее свою деятельность на основании предоставленных Ревелем привилегий. Правонарушения и споры, возникающие среди купцов, подлежали разрешению Ревельского городского суда и урегулировались на основании любекского права (*Ebel*, 1971. S. 107–108). Другая группа была представлена всеми остальными жителями Нарвы, к которым любекское право не применялось и которые подчинялись местному земскому праву, и существовали в рамках судебной системы, соответствующей местным сеньориальным традициям. Властью в отношении земли и проживавших на ней людей обладали, в большинстве своем, харью-вируские вассалы Немецкого ордена, обладавшие большим влиянием на администрацию еще в датскую эпоху (*Süvalep*, 1936. L. 256). Исходя из существования этих групп, можно предположить, что половина членов нарвского городского совета была представлена состоятельным купечеством, а другая – вассалами. После покупки Нарвы в составе Северной Эстонии, которую осуществил Немецкий орден в 1347 г. (*Ганзен*, 2016. С. 13), целый ряд ее бургомистров и ратманов оказался непосредственно связанным с орденом. Многие из них до того, как занять административные должности в магистрате, были известны как служащие ордена. Например, некий Балтазар, в период с 1445 по 1453 г. являвшийся орденским писарем (*Baltazar des vogedes scriver tor Narve*) (LECUB Ab. 1. Bd. 11. № 243), под 1458 годом упоминается в источниках на посту ратмана Нарвы (TLA. 230. Ad 15, fol. 226).

Представителями орденской власти в Нарве являлись фогты, которые выполняли не только военные, судебные и административные функции, но также были заинтересованы в повышении доходности орденского предпринимательства (*Бессуднова*, 2015. С. 62, 79). В распоряжение и пользование фогта передавался замок и окружавшие его земельные владения, с которых он получал доход для содержания вверенного ему округа (гебита). Замок, в частности, должен был пребывать в безопасности, быть укомплектованным служащими ордена и персоналом. Например, в 1451 г. кроме фогта, комтура и хаускомтура в замке проживали еще 4 брата-рыцаря и два брата-священника (LECUB Ab. 1. Bd. 11. № 160). По замечанию Б. Йенига, экономические трудности иногда заставляли руководство ордена временами поручать фогту замка управлять сразу несколькими территориями, чтобы сократить расходы на содержание администрации. С XV в. подобные объединения происходили, вероятно, не только из-за экономических трудностей, но и по причине сокращения численности

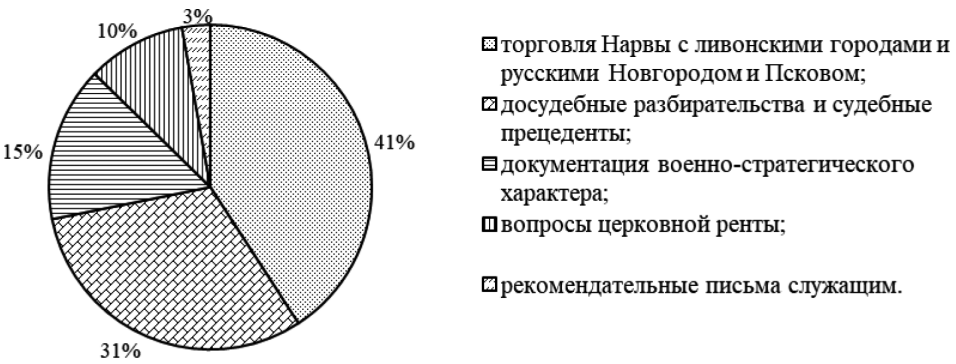


Рис. 1. Тематика писем фогтов и хаускомтуров Нарвы в XV веке (TLA. 230BB 52 I, fol. 1–72)

братьев-рыцарей. Так, в 1425 г. территории Нейшлосса (Васкнарва, Сыренец) управлялись из Нарвы (*Jähnig*, 2011. S. 124).

Помимо прибылей от орденских домениальных земель, фогт Нарвы не упускал возможности пополнять свои доходы посредством приграничной торговли с русскими (*Якунина*, 2021. С. 183–189) и даже иногда поощрял ее в обход запретам со стороны магистра Ливонского ордена (*Бессуднова*, 2016. С. 1–25). Для проведения торговых операций фогт чаще всего использовал купцов (TLA. 230. BB 52 I, fol. 4, 33, 34), включенных в список служащих ордена и занимавшихся торговлей, прибыль от которой частично шла на нужды нарвского замка и лично фогту. Нередко фогты закупали большие объемы товаров для последующей перепродажи. Имеются сведения о закупках соли в объеме 28 ластов (TLA. 230. BB 52 I, fol. 31; *Якунина*, 2022. № 31) и о подготовке сделки по продаже 50 ластов соли (TLA. 230. BB 52 I, fol. 25; *Якунина*, 2022. № 26). На представленной диаграмме (рис. 1) хорошо видно, что вопросы торговли с ливонскими и русскими городами (в первую очередь с Новгородом и Псковом) занимали значительную часть (41%) переписки фогтов и хаускомтуров Навры, что в 2,5 раза превышает количество писем, касающихся дел военно-стратегического характера.

Магистрат Нарвы также был заинтересован в торгово-экономическом развитии города как минимум по двум причинам, касающимся увеличения городских доходов и личных интересов городской верхушки, занятой в сфере торговли. Источники не позволяют установить точный размер доходов города, хотя точно известно, что Нарве было даровано право установить весы для взвешивания транзитных товаров (LECUB Ab. 1. Bd. 7. № 337) с взиманием денежных сборов с взвешивания, а также право пользоваться печатью для клеймения воска (*waszsegel*) и некоторых других товаров (LECUB Ab. 1. Bd. 7. № 406). Обращаясь к личной заинтересованности членов магистрата, отметим, что удалось определить тридцать нарвских ратманов XV в. (см. ниже Список ратманов Нарвы в XV в.), 16 из которых были связаны с купеческой средой (входили

в состав Большой гильдии в Ревеле, были членами Братства Черноголовых)[1] или непосредственно занимались торговлей. Так, например, Герд Мюле (Gerd Mule) в 1434–1436 гг. упоминается в источниках как ратман, который торговал с Новгородом. В 1421 г. купцы Немецкого подворья в Новгороде, сообщая в Дерпт о прибывших товарах и о намерении русских торговать с Нарвой и Дерптом (*ze willen varen tho der Narwe unde to Pleskow coepslagen*), среди прочих купцов называли Герда Мюле «у которого здесь много товаров» (*Unde zo is hir Ghereke Mule, de hevet hir vele gudes*) (HR 1, Bd. 7. № 312). Под 1471 г. имеются сведения о ратмане Николае Восе (Clawes Vos), который купил мед, вино и другие русские товары (*honnich, wyn unde andere Rutzesche gudere*) и собирался отвезти их в Ревель (LECUB Ab. 1. Bd. 12, № 837).

Сохранилось довольно много сведений о коммерческой деятельности ратмана Нарвы Германа Гаппе, активно торговавшего с русскими из Новгорода и Пскова. В 1479–1480 гг. разбиралось дело между ним и псковским купцом Якимом по поводу бочки семян лука (HUB 10. № 752; LEKUB 1. Bd. 14. № 20; *Якунина*, 2022. № 87, 93), в 1488 г. он же вел разбирательство с русским по прозвищу Зухин (Suchin) из-за партии воска, которая не была доставлена в срок (TLA. 230. BD 8 II, fol. 41; *Якунина*, 2022. № 122); а в 1493 г. Герман Гаппе покупал у русских товары для приказчика Ганзы Вильгельма Шумахера (Wilhelm Schomaker) (TLA. 230. BD 8 II, fol. 62., *Якунина*, 2022. № 143). Примечательно, что сделки совершались в кредит, через посредника и за деньги, что нарушало правовые нормы русско-ганзейской «старины».

Еще одним нарвским ратманом, совмещавшим административную и купеческую деятельность, являлся Фредерик Корф. В 1491 г. он впервые упоминается вместе с Мельхером Местаке (Melcher Mestake) в связи с жалобами по поводу предстоящего запрета на торговлю из-за ареста ливонских купцов (HUB 11, 509; *Якунина*, 2022. № 137). В 1493 г. он вновь упоминается как торговый приказчик (*koepgeselle*) в судебном разбирательстве между ним и ревельским гражданином Готшальком Бекером (Gosleck Becker) по поводу оплаты ½ ласта ржи, которую Корф доставил в обмен на 3 ласта соли (*Якунина*, 2022. № 142).

В начале 1511 г. товары в Нарву стали поступать через Ригу. Нарвским представителем этой торговли, по всей видимости, являлся Фредерик Корф. В этот же год Дерпт, который был недоволен усилением экономических позиций Нарвы, жаловался в Ревель, что Фредерик Корф совместно с Гансом Мюнстером (Hans Münster) в Риге торгует с русскими, и на том основании, что его товар не был проштампован и взвешен ганзейскими городами, Дерпт задержал товары Корфа и потребовал с них таможенную пошлину (HR 3. Bd. 6. S. 133 (3)). По этому поводу возникли жалобы как со стороны дерптских, так и со стороны нарвских купцов. В марте 1512 г. дело обсуждалось в Вендене (Цесисе) в присутствии ратманов Нарвы Фредерика Корфа, Генриха Су-

[1] Большая (Великая) гильдия и Братство Черноголовых – купеческие объединения, действовавшие в Ревеле с середины XIV в. до 1920/1940 гг. (подробнее: *Mänd*, 2012. S. 39–76).

пера и Ганса Буссинка (TLA. 230. BD 8-IV. fol. 5) и в дальнейшем в Вольмаре (Вальмиере). В пунктах 7 и 8 рецесса ливонского ландтага от 21 июня 1512 г. значится, что представители Риги, Ревеля и Дерпта разбирали жалобу Фредерика Корфа на задержание его товаров и на том основании, что он не состоит в Ганзе (*na deme he yn der hense nicht boseten is*). Рига и Ревель приняли решение, что претензии Фредерика Корфа правомерны и что Дерпт обязан вернуть ему его товары и не имеет права требовать уплаты торговых пошлин (HR 3, Bd. 6. 419, pp. 7, 8).

Таким образом, возвращаясь к вопросу о личной заинтересованности представителей административных верхов Нарвы в развитии торгово-экономической активности города, стоит отметить ее объективный характер, обусловленный, прежде всего, составом магистрата, который, как и в случаях с большинством ганзейских городов, примерно наполовину состоял из купцов или их родственников. А с первой половины XVI в. количество ратманов, вошедших в состав Братства Черноголовых, выросло почти вдвое (*Süvalep*, 1936. Lk. 259–265). Бургомистры и ратманы приходились братьями, зятьями, племянниками и иными родственниками людям, занимающим административные должности в Ревеле, Дерпте, Данциге, Риге и иных городах. Одновременно с этим орденская администрация Нарвы, представленная фогтами, комтурами и хаускомтурами, была напрямую заинтересована в развитии орденского предпринимательства и торговли. Такая ситуация предопределила партнерские отношения орденской и городской администрации, что, в свою очередь, минимизировало их трения, создавало благоприятные условия для развития международной торговли Нарвы и помогало восполнить отсутствие у нее ганзейского статуса. В частности, сотрудничество магистрата и Ливонского ордена позволило сделать Нарву центром «необычной торговли», которая велась русскими и ганзейскими купцами в нарушение ганзейских обычаев, и стать конкурентноспособной ливонским ганзейским городам.

Приложение

Список ратманов Нарвы в XV веке[2]

1406	Ewerd Kalherse (LECUB Ab. 1. Bd. 4, № 1636 – *?*)	Городской фогт (*stad voged tor Narwe*) (LECUB Ab. 1. Bd. 5, № 2562)
1421	Herman Louwe (LECUB Ab. 1. Bd. 4, № 1549)	Сын гражданина Ревеля (Arnd Louwe), в 1415 г. еще являлся гражданином Ревеля (LECUB Ab. 1. Bd. 5, 2042); в 1445 г. упоминается как бургомистр «*unse borgermester her Hermen Lonwe*» (LECUB Ab. 1. Bd. 10, № 188)
1432	Clawes Grote (LECUB Ab. 1. Bd. 8, № 578)	В 1442 г. еще упоминается как «*unses rades stolbroder*», т. е. член муниципалитета (LECUB Ab. 1. Bd. 9, № 843); член Большой купеческой гильдии Ревеля
1434–1436	Gerd Mule	Торговал с Новгородом в 1421 г. (HR 1, Bd. 7. № 312)
1437	Sveder Hoffman (LECUB Ab. 1. Bd. 9, № 121)	Член Большой купеческой гильдии Ревеля (LECUB Ab. 1. Bd. 8, № 578)
1442(?)/ 1443	Johan Capus (LECUB Ab. 1. Bd. 9, № 967)	В 1442 г. упоминается как «*unses rades stolbroder*», т. е. член муниципалитета (LECUB Ab. 1. Bd. 9, № 843)
1443	Hinrik Sasse (LECUB Ab. 1. Bd. 9, № 972 – *?*)	
1443	Joh. Konigsberg	В Братстве Черноголовых, 1429; член Большой купеческой гильдии Ревеля
1445–1453	Johan van Mollen (LECUB Ab. 1. Bd. 10, № 188)	
1445–1453	Jacob Louwe (LECUB Ab. 1. Bd. 10, № 188)	
1450–1454	Hinrik Lore	Сын ратмана Ревеля (Johan Lore) (Das drittälteste Erbebuch der Stadt Reval, № 1283)
1458	Baltazar (TLA.230, Ad 15, fol. № 226)	1445–1453 орденский писарь (LECUB Ab. 1. Bd. 11, № 243); бургомистр, 1469
1458	Andreas Voss (TLA.230, Ad 15, fol. 226)	
1459	Antonius Pepersack (I) (TLA.230, Ad 15, fol. 198b)	Бургомистр, 1477; член Большой купеческой гильдии Ревеля
1464	Jorgen Ruthe	
1471	Nicolaus Voss (HUB 10, № 46)	8 августа 1471 года Любек писал в Ревель, что ратман Нарвы Николай Вос (Clawes Vos) купил мед, вино и другие русские товары «*honnich, wyn unde andere Rutzesche gudere*» и собирается их отвезти в Ревель (LECUB Ab. 1. Bd. 12, № 837)
1474	Johan Sussink	член Большой купеческой гильдии Ревеля
1479	Hinrik Dregehase	В 1471 г. закупал соль в Данциге (Гданьск) и вывозил в Нарву (LECUB Ab. 1. Bd. 12, № 830); в 1472 г. Берит Рольман (Bernt Rolman) назначает его управляющим своим имуществом, в случае своей смерти (LECUB Ab. 1. Bd. 13, № 34); в 1479 г. упоминается как покойный (LECUB Ab. 1. Bd. 13, № 766; *Якунина*, 2022. № 86)

[2] Список ратманов и их принадлежность к братству Черноголовых по: Süvalep A., 1936. lk. 259–265.

1479	Johan tor Megede (HUB 10, № 752; Якунина, 2022. № 87)	В Братстве Черноголовых,1464; бургомистр с 1483 (HUB 10, № 1029) минимум до 1503 г. (LECUB Ab. 2. Bd. 2, № 516)
1480	Herman Wermyng (LECUB Ab. 1. Bd. 14, № 964; Якунина, 2022. № 112)	В Братстве Черноголовых, 1472
1480	Johan Bussink (I) (LEKUB 1. Bd. 14, 20; Якунина, 2022. № 93)	В Братстве Черноголовых, 1465; в 1488 г. еще занимает должность ратмана (TLA. 230. BD 8 II, № 40, fol. 2v; *Якунина*, 2022. № 121)
1480	Milius Vegesack (LEKUB 1. Bd. 14, № 20; Якунина, 2022 № 93)	
1480–1503	Daem von Bram (LEKUB 1. Bd. 14, № 20; Якунина, 2022. № 93)	Бургомистр, 1503 (LECUB Ab. 2. Bd. 2, № 516)
1485 (ок.)	Herman Happe (TLA. 230. BD 8 II, fol. 33; Якунина, 2022. № 113)	Активно торговал с русскими Новгородом и Псковом. В 1479–1480 гг. разбиралось дело между псковским купцом Якимом и Германом Гаппе по поводу бочки семян лука (HUB 10. № 752; LEKUB 1. Bd. 14. № 20; *Якунина*, 2022. № 87, 93); в 1488 г. разбирательство между русским по прозвищу Зухин (Suchin) и Германом Гаппе из-за партии воска (TLA. 230. BD 8 II, fol. 41; *Якунина*, 2022. № 122); в 1493 г. Герман Гаппе покупал у русских товары для приказчика Ганзы Вильгельма Шумахера (Wilhelm Schomaker) (TLA. 230. BD 8 II, fol. 62, *Якунин*а, 2022. № 143)
1485	Bertram Rinkhof (TLA. 230. BD 8 II, fol. 40; Якунина, 2022. № 121)	В Братстве Черноголовых, 1457; последнее упоминание 1489 г. (TLA. 230. Aa 7, fol. 51)
1489	Herman van der Molen (HUB 11. № 279 §7)	Сын нарвского гражданина, учившийся у купца в Ревеле; в письме от 1488 г. упоминается, что торговал в Новгороде на подворье (HUB 11. № 203; *Якунина*, 2022. № 119)
1490–1501	Hinrik Stuweloe (Stubbelouv)	В 1501 г. последнее упоминание (LECUB Ab. 2. Bd. 2, № 159)
1494	Johan Holm (LECUB Ab. 2. Bd. 1, № 94)	
1494	Andreas Witte (LECUB Ab. 2. Bd. 1, 94, 190)	В 1487 г. не являлся ратманом, т. к. в источниках упоминается как «*en genomet Andrees Witten*» (TLA. 230. BD 8 II, fol. 37, *Якунина*, 2022. № 117); в братстве Черноголовых, 1478
1500 (?)	Frederik Korff	Активно вел торговлю с русскими, являлся торговым представителем Нарвы в Риге; в 1493 г. упоминается как торговый приказчик (*koepgeselle*); в Братстве Черноголовых, 1494; в 1511 г. Дерпт жалуется в Ревель, что Фредерик Корф совместно с Гансом Мюнстером (Hans Münster) в Риге торгует с русскими (HR 3. Bd. 6. S. 133 (3)); в 1512 г. в Дерпте были задержаны товары Корфа, что послужило причиной специального разбирательства в Цесисе (TLA. 230. BD 8 IV, fol. 5; HR 3. Bd. 6. № 419, §§ 7, 8); с 1513 фигурирует в источниках как бургомистр (HR 3. Bd. 6. № 526)

Литература

Бессуднова М. Б., 2015. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М.: Квадрига. 448 с.

Бессуднова М. Б., 2016. «Файда» фогта Вальгартена и торговые интересы Нарвы // История. Электронный научно образовательный журнал. № 6 (50). 25 с.

Ганзен Г. И., 2016. История города Нарвы / Сост. Ю. Сидоров; пер. Е. Орехова. Нарва: Sata. 450 с.

Казакова Н. А., 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI вв. Л.: Наука. 360 с.

Кивимяэ Ю., 1975. Нарвский вопрос и русская политика в 1494–1558 гг. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту: Тартуский гос. ун-т. С. 328–330.

Ушаков А. В., 2021. Дело Бернда фон Вреде в контексте «необычной торговли» в Великом Новгороде начала XV века // Вестник Нижегородского университета. № 4. С. 84–92.

Якунина В. А., 2021. Специфика отношения фогтов Нарвы к альтернативным формам торговли на русско-ливонской границе в конце XIV–XV вв. // Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге: сб. материалов Междунар. науч.-просвет. форума (Псков, 16–17 сентября 2021 г.). Псков: Конкорд. С. 183–189.

Якунина В. А., 2022. Нарва XV века в документах и материалах. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. 329 с.

Angermann N., 1984. Johann von Gohren. Ein Lübecker Rußlandkaufmann des 17. Jahrhundert // Zeitschrift des Vereins Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 64. S. 97–114.

Brandt A., 1939. Thomas Fredenhagen (1627–1709), ein Lübecker Großkaufmann und seine Zeit // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 63. S. 125–160.

Das drittälteste Erbebuch der Stadt Reval (1383–1458). Dorpat: J. C. Schünmann's Wittwe, 1892. 383 S.

Ebel W., 1971. Lübisches Recht. Lübek: Verlag Max Schmidt-Römhild. 438 S.

Erpenbeck D., 1962. Die Kaufmannsfamilien Fonne aus Westfalen im Lübecker Rußlandhandel. Biographische Anmerkungen zum Schreiber der Pleskauer Gesprächsbuches von 1607, Tönnis Fonne // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 42. S. 548–562.

Hammel-Kiesow R., 2000. Die Hanse. München: C. H. Beck. 128 S.

HR – Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage.
Abt. 1, Bd. 7. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1893. 659 S.
Abt. 3, Bd. 6. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1883. 863 S.

HUB – Hansisches Urkundenbuch
Bd. 10. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1907. 796 S.
Bd. 11. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1916. 899 S.

Irsigler F., 1985. Der Alltag einer hansischen Kaufmannsfamilie im Spiegel der Veckinchusen-Briefe // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 103. S. 75–100.

Jähnig B., 2011. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin: Lit verlag Dr. W. Hopf. 333 S.

Jahnke C., 2014. Moderne Netzwerkforschung in der regionalen Hansegeschichte: Möglichkeiten, Gefahren und Perspektiven // Hansegeschichte als Regionalgeschichte. Frankfurt. S. 47–58.

Jergensen J., 1968. Die Familie Würger und Dänemark im 17. Jahrhundert // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 48. S. 39–52.

Kämpf T., 2013. Das Revaler Ratsurteilsbuch. Grundsätze und Regeln des Prozessverfahrens in der frühneuzeitlichen Hansestadt. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie. 258 S.

Kivimäe J., 2004. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion| Narva and the Baltic Sea Region. Narva. S. 17–27.

Kluge M. F., 2013. Zwischen Metropole, Fürst und König: Die Venedische Handelsgesellschaft der Kaufleute Veckinchusen und ihr Niedergang // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 131. S. 33–76.

Kuske B., 1922. Die Handelsgeschäfte der Brüder Veckinchusen // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 47. S. 187–195.

LECUB – Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch
Abt. 1, Bd. 10. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1896. 576 S.
Abt. 1, Bd. 11. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1905. 783 S.
Abt. 1, Bd. 12. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1912. 542 S.
Abt. 1, Bd. 13. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2018. 840 S.
Abt. 1, Bd. 14. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2019. 987 S.
Abt. 1, Bd. 2. Reval, 1855. 830 S.
Abt. 1, Bd. 4. Reval, 1859. 948 S.
Abt. 1, Bd. 5. Riga, 1867. 1071 S.
Abt. 1, Bd. 7. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1881. 608 S.
Abt. 1, Bd. 8. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1884. 687 S.
Abt. 1, Bd. 9. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1889. 722 S.
Abt. 2, Bd. 1. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1900. 900 S.
Abt. 2, Bd. 2. Riga; Moskau: Verlag von J. Deubner, 1905. 760 S.

Link C., Kapfenberger D., 2005. Transaktionskostentheorie und hansiche Geschichte: Danzig Seehandel im 15. Jahrhundert im Licht einer volkswirtschaftlichen Theorie // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 123. 153–169.

Mänd A., 2012. Geselligkeit und soziale Karriere in den Revaler Gilden und der Schwarzhäupterbruderschaft // Vereinskultur und Zivilgesellschaft in Nordosteuropa. Regionale Spezifik und europäische Zusammenhänge. Böhlau Wien Köln Weimar: Verlag GmbH & Cie.

Mühlen H. von zur, 1975. Handel und Politik in Livland in der Mitte des 16. Jahrhunderts im Spiegel der Biographie Hermen thor Mölens aus Narva // Zeitschrift für Ostforschung. Bd. 24. S. 626–673.

Noodt B., 2003. Ehe im 15. Jahrhundert – einige statistische Ergebnisse und die Ehe von Hildebrand und Margarete Veckinchusen // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 121. S. 41–74.

Poeck D. W., 2010. Die Herren der Hanse: Delegierte und Netzwerke (Kieler Werkstücke). Frankfurt am Main: Peter Lang. 768 S.

Süvalep A., 1936. Narva ajalugu I. Taani- ja orduaeg / Toim. A. Soom. Narva. 338 lk.

TLA. 230 – Tallinna Linnaarhiiv, f. 230 (Таллиннский городской архив, фонд 230)
Aa 7, fol. 51; Ad 15, fol. 198b; fol. 226; BB 52 I, fol. 1–72; BD 8-IV, fol. 5

* * *

Якунина Валентина Андреевна, *Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, e-mail: valjajastrebova@mail.ru*

П. Е. Сорокин, О. В. Андреева, В. Н. Матвеев

Западноевропейская керамика из раскопок в Ниене и Ниеншанце

Резюме. Коллекция керамической посуды из раскопок г. Ниена и крепости Ниеншанц XVII в. в г. Санкт-Петербурге включает западноевропейскую кухонную и столовую посуду. В ее составе красноглиняная керамика, белоглиняная, сосуды из каменной массы, майолики и фаянса. В составе кухонной посуды закрытые и открытые треножники с ручками. Основная часть столовой посуды – красноглиняные миски и тарелки, в большинстве своем поливные, с подглазурной росписью белого цвета. Другие виды встречаются реже. Выделяются также аптечно-гигиенические и тарные сосуды. Представленная коллекция характеризует культуру Восточно-Балтийского города XVII в. и в целом сопоставима с керамическими комплексами городов Восточной Прибалтики и Финляндии.

Ключевые слова: керамика, керамическая посуда, красноглиняная, каменная масса, майолика, фаянс, Ниен, Балтийский регион.

P. E. Sorokin, O. V. Andreeva, V. N. Matveev. Western European Ceramics from Excavations in Nien and Nienschanz

Abstract. The collection of ceramic dishes from the excavations of Nien and the fortress of Nienschants of the 17th century in St. Petersburg includes Western European kitchen utensils and tableware. It consists of redware and whiteware ceramics, stoneware, majolica and faience. The cookware includes closed and open tripods. The main part of the tableware is red clay bowls and plates, mostly glazed, with underglaze painting in white (slipware). Other species are less common. Pharmacy-hygienic and container vessels are also distinguished. The presented collection characterizes the culture of the Eastern Baltic city of the 17th century and is generally comparable to the ceramic complexes of the cities of the Eastern Baltic States and Finland.

Keywords: ceramics, ceramic ware, redware, stoneware, majolica, faience, Nien, Baltic region.

С развитием торговли в средневековый период и Новое время Балтийский регион все более становится зоной интенсивных международных контактов, приводивших к формированию здесь общего культурного пространства. В XV–XVII вв. основными поставщиками импортной керамической посуды здесь были немецкие города Ганзейского союза и Голландия (*Gaimster*, 2007). В середине XVI–XVII в., наряду с импортом керамики из Германии, приез-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.424-434

жие немецкие мастера начинают производить в больших прибалтийских городах, в том числе и в Стокгольме, наиболее ходовую красноглиняную посуду в соответствии со своими образцами и формами. В этот период под влиянием немецкого и голландского керамического производства происходят изменения и в составе шведской керамики (*Johansson*, 2007. С. 53; *Elfwendahl*, 1996). В страны Балтийского региона ввозились и другие, более редкие виды посуды: белоглиняная, из каменной массы, майолики и фаянса. На территории Русского государства, как показывают археологические исследования, западноевропейская керамика этого времени не имела широкого распространения и использовалась преимущественно иностранцами (*Сорокин и др.*, 2018. С. 371).

В раскопках на территории Ниена и Ниеншанца в 1999–2020 гг. обнаружено несколько тысяч фрагментов местной и западноевропейской керамической посуды (*Ким*, 2012; *Кильдюшевский и др.*, 2014). Для систематизации керамики шведского периода (1611–1703 гг.) использовано 1806 определимых фрагментов – 1381 западноевропейской и 425 местной керамики, преимущественно из хорошо стратифицированных слоев и закрытых комплексов этого времени. В редких случаях учитывались отдельные типологически определимые находки керамики XVII в. из переотложенных слоев.

Большую часть западноевропейской посуды Ниена и Ниеншанца составляет красноглиняная (*redware*)[1] – 1150 фр. Более редкая белоглиняная керамика (*whitware*) найдена в значительно меньшем количестве – 108 фр., так же, как и более дорогие сосуды из каменной массы (*stoneware*) – 144 фр., майолики (*maiolica*) и фаянса (*faience*) – 77 фр. По своему назначению керамическая посуда делится на **кухонную** – триподы, сковороды, горшки (574 фр.) и **столовую** – блюда и миски, тарелки, кувшины и сосуды для питья (756 фр.). Имеются также аптечно-гигиенические сосуды и тарная керамика (около 40 фр.).

Основную часть **кухонной посуды,** использовавшейся для приготовления пищи, составляли **грапены** (*tripod pipkin*) – горшки округлой формы на трех ножках с ручкой, разных размеров, к которым, по характерным признакам, можно отнести 471 фр. красноглиняной и 30 фр. белоглиняной керамики. Грапены характеризуются высоким вертикальным венчиком, переходящим в шаровидное тулово с округлым дном на трех конусовидных ножках с ручкой. Диаметр их варьирует от 8 до 22 см, у основной части – 12–17 см, высота достигает 9–20 см, толщина стенок – 0,25–0,40 см. В верхней части тулова к большинству из них крепилась прямая трубчатая ручка с пальцевыми вдавлениями на месте соединения. Из найденных отдельно ручек 42 завершались расширяющимся наконечником с отверстием внутри, 40 оканчивались расширением с отверстием в виде раструба. Вертикальные петлевидные ручки единичны (рис. 1: *3–5*). Внешняя поверхность грапенов покрыта частым рифлением, внутренняя – прозрачной однотонной либо пятнистой коричневой поливой различных оттенков, реже – темно-зеленой, желтой, оливковой поливой.

[1] Здесь и далее курсивом приводится терминология, используемая при описании керамики в западноевропейской литературе.

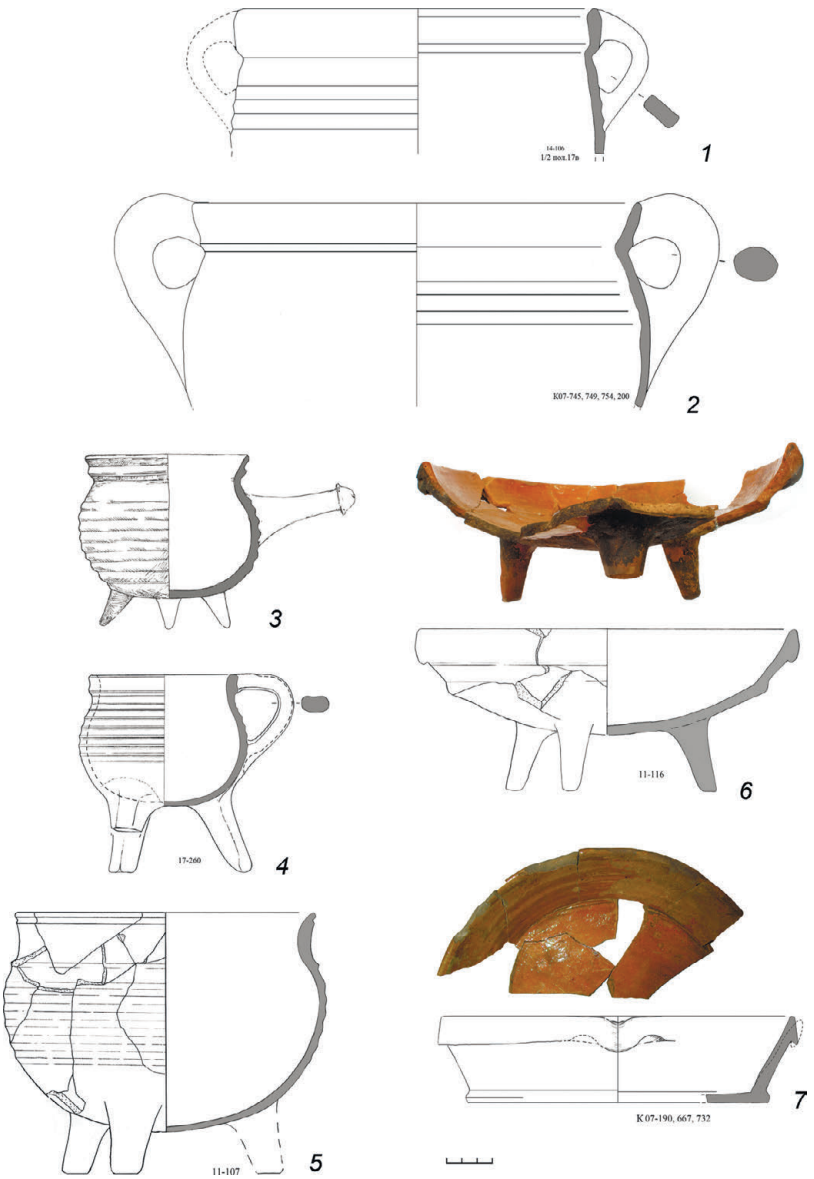


Рис. 1. Поливные кухонные сосуды из раскопок в Ниене и Ниеншанце.
1–2 – горшок, котел; *3–5* – грапены; *6* – жаровня; *7* – сковорода
(*1–7* – красноглиняные сосуды)

Среди треножников выделяются большие сосуды с шаровидным либо чуть вытянутым овальным туловом на трех ножках, с двумя массивными симметричными вертикальными петлевидными ручками, определяемыми как котлы (*cauldron*) (рис. 1: *2*). Предположительно к ним можно отнести 27 горш-

ков с диаметром венчиков 14–29 см, толщиной стенок до 1,1 см и отогнутым под углом около 45° массивным венчиком. Они имеют характерные ромбовидные либо округлые в сечении ручки толщиной до 2,8 см, с «защипом» над венчиком. Наружная поверхность покрыта рифлением, внутренняя – коричневой поливой.

Открытые сосуды-треножники с трубчатыми ручками на трех ножках, обнаруженные в количестве 23 фр., служили в качестве **жаровен**. Среди них – неглубокие в виде мисок с округлым дном и туловом сосуды (*skillet*) и более углубленные кастрюли-жаровни с вертикальными стенками, плоским дном (*marmite*). Первые – с ребром в верхней части тулова – завершаются отогнутым прямым или закругленным бортиком с венчиком в виде валика. К бортику у венчика примыкает длинная изогнутая или круглая в сечении прямая рукоятка. Диаметр обнаруженных сосудов составлял – 16–25 см, высота с ножками – 9–11 см, высота ножек – до 5 см. Внутри они были покрыты глухой коричневой или желтой поливой (рис. 1: *6*).

Единственная жаровня второго типа – с плоским дном, прямыми стенками с закраиной и упором под крышку, покрытыми внутри светло-коричневой поливой, была диаметром 24 см, высотой с ножками 10,5 см. Вытянутая ручка, изгибавшаяся на окончании, длиной 12,5 см крепилась к основанию стенки.

Сковороды *(frying pan)* представлены в коллекции шестью находками. Они были круглой формы диаметром 19–25 см, плоскодонные (толщина дна – 0,5 см), с невысокими слабо отогнутыми стенками (под углом около 30°), высотой до 6 см, венчиком подтреугольной формы. Внутри покрыты глухой коричневой либо зелено-коричневой поливой. Сковороды имеют носик-слив, слегка рифленые стенки и выделяющееся ребро на уровне дна. Прямая уплощенная ручка длиной 7 см, изогнутая и суженная на конце, крепится к основанию стенки (рис. 1: *7*).

К различным видам триподов принадлежат также конусовидные ножки разной величины и формы – из красной (194 шт.) и белой (17 шт.) глины, а также трубчатые ручки – 102 шт. Триподы различных типов широко использовались для приготовления пищи на открытом огне, характерном для открытых печных устройств Северной Европы в Средневековье и начале Нового времени.

Столовая посуда представлена в основном разными видами мисок, блюд и тарелок, изготовленных преимущественно из красной глины, – 490 фр. К сосудам из белой глины относятся 76 фр., из майолики и фаянса – 77 фр. **Миски** – открытые столовые сосуды различных видов (*dish, bowl, porringer*) – различаются по своей форме на три основных типа (рис. 2: *3–4*). Наиболее многочисленный из них – блюда (*dish*) – открытые сосуды трапециевидной формы с прямыми стенками, имеющими характерный излом внутрь в середине тулова (253 фр.). Верхняя часть стенки шириной 3–6 см, отогнутая под углом около 35°, оканчивается расширяющимся до 2–2,5 см массивным венчиком. В основном их диаметр варьирует в пределах 22–30 см, глубина – 6–8 см, толщина стенок – 0,40–0,60 см. Реже встречаются небольшие – 8–18 см – и крупные блюда до 35 см в диаметре. Они покрыты изнутри

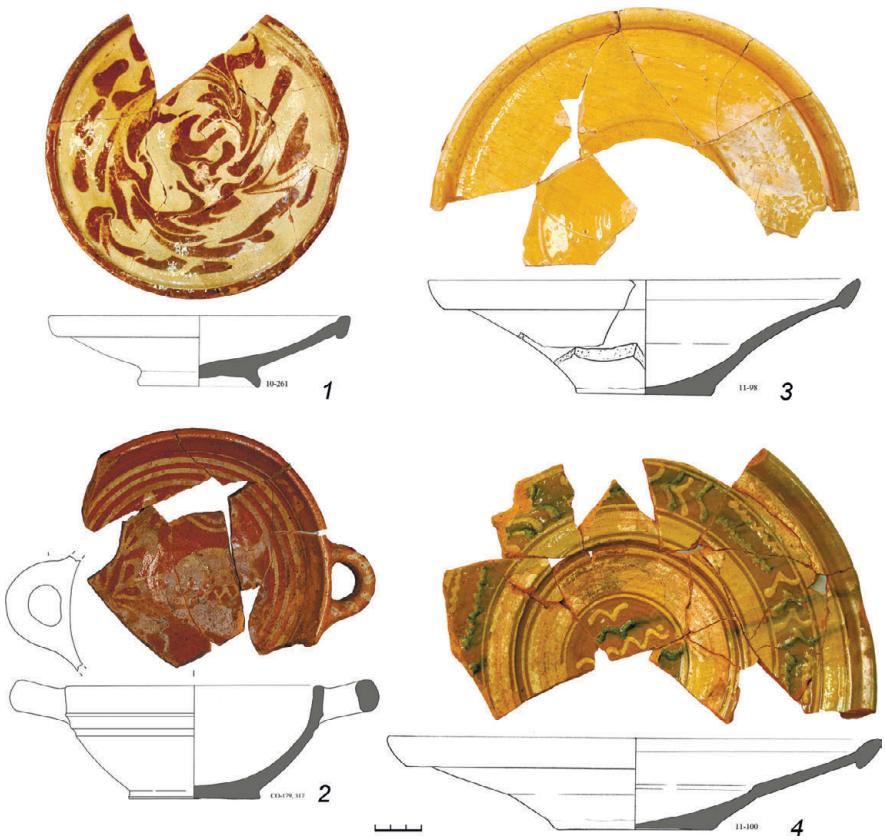


Рис. 2. Столовые сосуды из раскопок в Ниене и Ниеншанце.
1 – тарелка расписная; *2* – миска расписная; *4* – блюдо без росписи; *5* – блюдо расписное.
(*1–2, 4* – красноглиняные сосуды; *3* – белоглиняный сосуд)

глухой поливой горчичного, зелено-коричневого, желто-коричневого и желто-зеленого оттенка или прозрачной поливой с росписью белого, желтого, коричневого и зеленого цветов.

Широко распространены миски с плоским дном и трапециевидным туловом, соединяющимся с вертикальным бортиком под тупым углом, образуя ребро с внешней стороны (*bowl*) (164 фр.). Бортик высотой около 2 см оканчивается венчиком подпрямоугольной или подтреугольной формы, вертикальным или слегка отогнутым внутрь или наружу. На бортике у венчика имеются 1–2 горизонтальные, реже вертикальные, петлеобразные ручки. С внешней стороны бортик миски в большинстве случаев украшен линейным орнаментом – 2–3 рядами горизонтальных бороздок. На мисках с вогнутой закраиной они расположены ниже ребра, под бортиком. В некоторых случаях бортик украшен прочерченным рельефным орнаментом в виде волны либо штампом с мелким геометрическим орнаментом, которые могут сочетаться с линейным.

Миски имеют одну-две петлевидные горизонтальные, иногда вертикальные ручки, закрепленные к бортику. Некоторые из них фигурные, украшены защипами или пальцевыми вдавлениями. Диаметр таких мисок варьирует от 6 до 26 см, однако основная их часть средних размеров – 14–23 см, при глубине 7–9 см (рис. 2: *1–2*). Встречаются также малые сосуды этой формы диаметром 8–10 см, высотой 3–4 см, использовавшиеся как питьевые чашки (плошки) с одной горизонтальной ручкой, редко декорированные росписью.

Красноглиняные миски-чаши с округленным профилем тулова (23 фр.) датируются стратиграфически рубежом XVII–XVIII вв. Диаметр их составляет 20–23 см, глубина – 8–9 см. Плоскодонное основание с округленными стенками завершается отогнутым под тупым углом бортиком шириной 2–4 см, украшенным росписью.

Обнаружены также три красноглиняных плоских тарелки (*plate*) с прямыми стенками западноевропейского производства, украшенные рисунком в виде разводов глухой коричневой поливы по светлому фону. Одна из них на трех ножках-защипах. В составе коллекции имеются части блюд с частыми сквозными отверстиями – дуршлагов (*colander*) и сит (*strainer*). Большая часть столовой посуды расписана белым цветом. Один из наиболее распространенных орнаментальных мотивов – круговые полосы, встречается и стилизованный растительно-геометрический орнамент.

Посуда из майолики и фаянса представлена в коллекции 40 и 37 находками соответственно. Большинство их сильно фрагментировано и является осколками открытых сосудов – мисок и тарелок. Имеются фрагменты других изделий, в частности крышки (рис. 3: *6–7*). Различается майолика из красной и белой глины, с лицевой поверхностью, покрытой глухой белой поливой, и обратной с прозрачной поливой различных оттенков. Большая их часть с кобальтовой росписью, но встречается и полихромная с использованием желтого, зеленого и оранжевого цветов. Фаянсовые изделия покрыты с лицевой стороны глухой белой поливой и в основном расписаны кобальтом, реже марганцем.

Майолика, а затем и фаянс завозятся в Северную Европу в XV–XVI вв. из Италии, Пиренейских стран и Франции и в первое время достаточно редки, но уже в XVI в. изготовление их начинается в Голландии. В начале XVII в. здесь расширяется производство майолики и фаянса в мастерских Утрехта, Гарлема, Амстердама, а в середине столетия основным центром производства фаянса становится Дельфт (*Gawronsky*, 2012. P. 67, 79, 208, 241–243). Голландия является основным экспортером этих видов керамики на Балтике. В росписях на сосудах из майолики и фаянса из Ниена прослеживаются прямые соответствия с голландской керамикой, изготовленной прежде всего в Гарлеме. Отдельные орнаментальные мотивы фаянсовой посуды находят аналогии и с изделиями из Лигурии начала XVII в., хотя, возможно, они являются голландскими подражаниями итальянским образцам.

Широкое распространение в XVII в. в Северной Европе имеют **кувшины** с округлым туловом, узким цилиндрическим горлом и одной ручкой (*jug*), высотой 11–33 см, но преимущественно 17–25 см. Изготавливались из красной и светлой глины, а также из каменной массы. В комплексе второй

Рис. 3. Сосуды из каменной массы, майолика и фаянс из раскопок в Ниене и Ниеншанце. *1* – кувшин (кубок), *2* –фляга полевая; *3–5* – «аптечные» сосуды; *6* – открытый сосуд (майолика); *7* – тарелка (фаянс)

половины XVII в. Ниеншанца был обнаружен сохранившийся толстостенный красноглиняный кувшин, покрытый коричневой поливой, высотой 14 см, с широким горлом 16 см, максимальным диаметром тулова 15 см, и массивной вертикальной петлевидной ручкой, который, вероятно, связан с традиционным шведским керамическим производством. В коллекции из Ниена и Ниеншанца представлены в основном рейнские кувшины яйцевидной формы из каменной массы. Фрагменты трех кувшинов из Зигбурга без глазури относятся к первой половине XVII в., части двух Бартманкугов с изображением бородатого мужчины, покрытые пятнистой коричневой глазурью, – ко второй его половине. Среди находок преобладают части кувшинов из Вестервальда (56 фр.) с синесерой глазурью (рис. 3: *1*) (*Сорокин и др.*, 2018). Следует упомянуть полевую

Рис. 4. Поливные сосуды различного назначения из раскопок в Ниене и Ниеншанце.
1–2 – поливные горшочки; *3–4* – расписные бокалы; *5* – придонная часть кружки; *6–7* – носики-сливы рукомойников (*1–7* – красноглиняные сосуды)

флягу – округлый сосуд из каменной массы с узким бутылкообразным горлом и ручкой-налепом на плечике (рис. 3: *2*).

В составе коллекции имеются фрагменты керамических сосудов для питья: кружек, рюмок, стаканов (рис. 4: *1–5*). Среди них осколки 15 больших кружек из каменной массы, покрытых глазурью, первой половины XVII в. Они имеют цилиндрическую форму, незначительно расширяющуюся от венчика к донышку. Крупный фрагмент такой кружки с массивной петлеобразной ручкой, с диаметром горла около 8 см и реконструируемой высотой более 17 см обнаружен в Ниеншанце. На рифленом тулове, покрытом прозрачной глазурью, по центру выделен поясок с темно-синей глазурью, украшенный рельефными розетками в виде цветов (*Сорокин и др.*, 2017. С. 205. Рис. 243: *33*).

К концу XVII в. может относиться фрагмент красноглиняной плоскодонной кружки с вертикальной петлевидной ручкой, диаметром дна 8,2 см, высотой более 8 см, покрытой светло-коричневой поливой (*Сорокин и др.*, 2017. С. 136. Рис. 157: *3*). В Северной Европе в это время использовались в основном чашки с вертикальной ручкой и расширенной верхней и нижней частью с диаметром горла 5,5–14 см, часто превышающего высоту (*mug*). Для питья могли использоваться и малые горшочки, упоминаемые ниже.

Керамическая рюмка на подставке с ножкой, высотой 8,2 см, с диаметром по венчику 6,5 см, дно – 4,2 см. Внутри она покрыта желтой, снаружи – коричневой поливой с росписью белого и зеленого цвета. Керамические стаканы с прямыми стенками (*beaker*), обнаруженные в двух экземплярах, характеризуются прямыми, несколько выгнутыми наружу в верхней части стенками. Высота их составляет 5–6 см, диаметр увеличивается от донышка к венчику с 3–4 до 5 см. Они покрыты оранжевой и белой поливой и расписаны белой и коричневой краской.

В коллекции имеется 7 небольших красноглиняных горшочков с желтоватой, оранжевой и коричневой поливой. Один из них относится к первой половине XVII в., остальные ко второй. Размеры их: 5,5–7 см в высоту, диаметр тулова – 4,8–6,5 см, венчика – 4,5–6 см. К этой категории относится также 21 сосуд из каменной массы. Часть их, по аналогии с североевропейскими сосудами, – с расширенным горлом *(ointment jar)*, могла использоваться в качестве аптечной посуды и помадных баночек для мазей и благовоний (рис. 3: *4–6*).

Обращает на себя внимание незначительное количество находок некоторых видов керамики, распространенных в Северной Европе, – большие тарные горшкообразные сосуды с широким горлом без шейки, переходящим в незначительно расширенное тулово, с плоским массивным дном и стенками (*jar*). Они имели диаметр 18–20 см и высоту 17–22 см, 1–2 горизонтальные или вертикальные ручки в верхней части и служили для транспортировки и хранения продуктов. К ним также относятся плоскодонные, частью поливные горшки, использовавшиеся как кухонные и тарные (рис. 1: *1*).

Предположительно, к этой категории керамики могут быть отнесены 17 фрагментированных красноглиняных сосудов с массивными венчиками диаметром 13–24 см, частью с упором под крышку. Они имеют округлое тулово, толщину стенок 0,4–0,8 см, с вертикальными петлевидными ручками сечением 2,6×1,2–4,2×2,0 см. Снаружи они покрыты рифлением, а внутри коричневой, реже зеленой поливой.

Среди других видов поливных керамических сосудов, обнаруженных в процессе раскопок, можно назвать туалетный горшок и рукомои с характерными носиками в виде головок животных (рис. 4: *6–7*).

К тарным сосудам можно отнести бутыли – вытянутые круглодонные сосуды высотой до 30 см с максимальным расширением в центре тулова и узким бутылкообразным горлом, завершающимся массивным круглым венчиком, без ручек, известные в Северной Европе как *olive jar (Russov*, 2007. P. 124*)*. Эти сосуды привозились сюда с маслом из Пиренейских стран и Франции. В составе коллекции из Ниеншанца обнаружены остатки двух таких сосудов, изготовленных из белой глины. Высота сохранившейся бутыли более 27 см, диаметр тулова – 24 см, высота венчика – 3 см, диаметр венчика – 7,4 см. Изнутри сосуд рифленый и покрыт светло-зеленой поливой (рис. 5).

В слоях XVII в. обнаружено 425 фрагментов местной позднесредневековой керамики, часть которых могла попасть в них из более ранних отложений при масштабном фортификационном строительстве. В то же время местная керамика – фрагменты горшков, а также нескольких мисок и кувшинов,

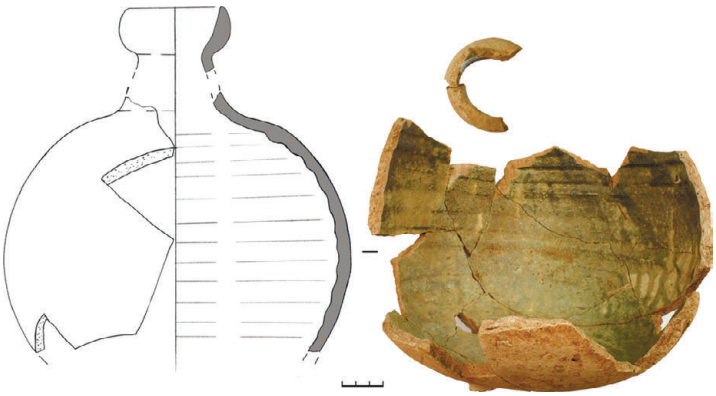


Рис. 5. Бутыль для масла из раскопок крепости Ниеншанц XVII в.

аналогичных типам сосудов из городов Русского Северо-Запада (*Кильдюшевский*, 2002. С. 11–18; *Кильдюшевский и др.*, 2014), – встречается вместе с западноевропейской керамикой в хорошо стратифицированных комплексах XVII в.

Заключение. Керамический комплекс Ниена формировался в условиях сложившейся системы керамического производства и торговых связей в Северной Европе. Письменная информация о производстве керамики в Ниене и его окрестностях отсутствует, не выявлено следов керамического производства и в ходе археологических раскопок. В Ниене преобладает западноевропейская керамика (свыше 2/3 общего количества). Она завозилась в первую очередь из Северной Германии, являвшейся, наряду с Голландией, главным поставщиком керамической посуды в страны Балтийского региона. С другой стороны, сюда поступала и русская кухонная керамика.

Керамический комплекс Ниена XVII в. включает основные типы западноевропейской керамической посуды, распространенные в этот период в Балтийском регионе (*Wahloo*, 1976; *Johansson*, 2007; *Kock*, 2007; *Shaffer*, 2007; *Russow*, 2006). Технология ее изготовления и декорирования соответствует сложившемуся к этому времени уровню в западноевропейских центрах керамического производства. Однако в отличие от крупных торговых центров здесь отсутствует многообразие видов посуды, что связано, вероятно, с удаленностью этого небольшого города. Увеличение количества керамики в слоях второй половины XVII в. примерно в два раза указывает на рост потребления керамической продукции в г. Ниене. Растет поступление белоглиняной керамики, а также майолики и фаянса, что отражает общие тенденции развития центров их производства в Голландии. Количество рейнских сосудов из каменной массы сохраняется на прежнем уровне, но при этом меняются их производители. Значительную часть использовавшейся в городе кухонной посуды составляла также местная керамика.

Литература

Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 5–33.

Кильдюшевский В. И., Сорокин П. Е., Ким А. В., 2014. Позднесредневековая керамика местного производства из раскопок 2006–09 гг. на Охтинском мысу // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб. С. 56–68.

Ким А. В., 2012. Керамическая посуда из раскопок крепости Ниеншанц (по материалам раскопок 2006–2009 гг.): дипломная работа // Кафедра археологии СПбГУ.

Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г., 2017. Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. СПб.: Турусел. 237 с. (Археологическое наследие Санкт-Петербурга; Вып. 5).

Сорокин П. Е., Кильдюшевский В. И., Матвеев В. Н., 2018. Сосуды из каменной массы в городах русского Северо-Запада // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.). М.; Псков. С. 361–371.

Elfwendahl M., 1996. Postmedieval Pottery in Sweden. Some Notes on Local Red Earthenwares // Lund Archaeological Review. I (1995). Lund. P. 21–34.

Gaimster D., 2007. Redware vessels and tile stoves: signature of the hanseatic lifestyle in the Baltic // Pots and Princes Ceramic vessels and stove tiles from 1400–1700. Turku. P. 22–25.

Gawronsky J., 2012. Amsterdam Ceramics. Amsterdam: Uitgeverij Bas Lubberhuizen. 334 p.

Johansson M., 2007. Redware vessels in Stockholm // Pots and Princes Ceramic vessels and stove tiles from 1400–1700. Turku. P. 52–57.

Kock J., 2007. Redware vessels in Southern Scandinavia // Pots and Princes Ceramic vessels and stove tiles from 1400–1700. Turku. P. 64–68.

Russow E., 2006. Importkeraamika Lääne-Eesti linnades 13.-17. Sajandil = Imported pottery in West Estonian towns between the 13th and 17th centuries. Tallinn: Tallinna Raamatutrukikojas. 292 p.

Shaffer H., 2007. Redware vessels in medieval and early modern Meclenburg-Vorpommeren // Pots and Princes Ceramic vessels and stove tiles from 1400–1700. Turku. P. 81–87.

Wahloo C., 1976. Keramik 1000–1600 i Svenska fynd. Lund: Kulturhistoriska museet. 250 p. (Archaeologica Lundensia; 6).

* * *

Сорокин Петр Егорович, *Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН, e-mail: petrsorokin@yandex.ru*

Андреева Ольга Викторовна, *Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры РАН, e-mail: andrelga@mail.ru*

Матвеев Василий Николаевич, *Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, e-mail: vmatveev88@inbox.ru*

С. Е. Шуньгина

Архитектурно-археологические исследования 2019 г. при реставрации садового павильона в Санкт-Петербурге на ул. Декабристов, д. 21

Резюме. Садовый павильон входит в состав объекта культурного наследия федерального значения – ансамбля «Дворец Юсуповых» XVIII–XIX вв. В ходе проведенных исследований было заложено 3 шурфа, примыкающих к северной стене садового павильона с внешней стороны (шурфы 1, 2), и в интерьере (шурф 3). В результате исследований прослежена стратиграфия, отражающая основные этапы строительства и бытования данного сооружения, следы благоустройства территории, раскрыты и исследованы конструкции дренажных каналов, определены основные высотные отметки цоколей XVIII и XIX вв. и особенности устройства фундамента. Работы представляют интерес для изучения инженерного обеспечения оранжереи, которая существовала в этом здании во второй половине XVIII в.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Юсуповский дворец, шурф, XVIII–XIX вв., оранжерея, дренажный канал.

S. E. Shungina. Architectural and Archaeological Research during the Restoration of the Garden Pavilion in St. Petersburg in Decabristov Street, 21

Abstract. The garden pavilion is a part of the cultural heritage site of federal significance, the Yusupov Palace Ensemble. In the course of archaeological research, 3 pits adjacent to the northern wall of the garden pavilion from the outside (pits 1, 2) and in the interior (pit 3) were laid. As a result of the research, stratigraphy, reflecting the main stages of the construction and existence of this structure was traced, traces of landscaping, the structures of drainage channels were discovered and studied, the main height marks of the socles of the XVIII and XIX centuries were determined and features of the foundation were identified. These works are of great interest in studying the engineering support of the greenhouse, which existed in this building in the second half of the 18th century.

Keywords: St. Petersburg, Yusupov Palace, pit, XVIII–XIX centuries, greenhouse, drainage channel.

В 2019 г. проводились работы по реставрации садового павильона дворца Юсуповых в Санкт-Петербурге на ул. Декабристов, д. 21. Здание представляет собой прямоугольное одноэтажное строение, выполненное в стиле барокко, вытянутое по оси З – В вдоль красной линии ул. Декабристов (рис. 1).

https://doi.org/10.25681/IARAS.2022.978-5-94375-421-0.435-447

Рис. 1. Садовый павильон. Общий вид после реставрации с СЗ

Из истории здания оранжереи

После смены ряда владельцев в середине XVIII в. участок принадлежал графу Петру Ивановичу Шувалову. В 1749–1752 гг. он построил на берегу Мойки роскошный дворец в стиле барокко (здесь и далее – по материалам: *Петров*, 1965), а в восточной половине имения – большой оранжерейный комплекс, в котором при содействии своего, известного всему Петербургу, главного садовника Иогана Лоренца Гофмейстера выращивал изысканные растения.

После смерти П. И. Шувалова в 1762 г. имение перешло по наследству к сыну – графу Андрею Петровичу Шувалову (1744–1789). Наследник разделил участок и западную его половину вместе с дворцом продал своему соседу З. Г. Чернышеву. На оставшемся участке Шувалов построил новый дворец в стиле классицизм по проекту архитектора Жана-Батиста-Мишеля Валлен-Деламота.[1] Для этого он расширил границы усадьбы в восточном направлении, выкупив в 1770 г. участок земли у соседа князя А. М. Белосельского. Вероятно, в начале 70-х гг. (точных сведений о времени постройки павильона нет) вдоль южной границы усадьбы, возможно, по проекту того же архитектора был возведен *Садовый павильон*.

Первое его изображение встречается на «Плане де Сент-Илера» 1765–1773 гг., где показан участок с дворцом, служебными флигелями, регулярным садом (рис. 2). К северу от *павильона* обозначен пруд, по форме характерный для парковых элементов рококо, окруженный боскетами и дорожкой. Павильон имел вход с Офицерской улицы (нынешняя ул. Декабристов). Большие окна на южном фасаде предназначались для освещения внутреннего пространства – традиционное и обязательное условие организации оранжерейных

[1] А. П. Шувалов и Ж.-Б. Валлен-Деламот были лично знакомы. Новый дворец возвели на набережной на основе уже существовавшего здания, расположенного к востоку от бывшего дворца Шуваловых, надстроив 3-м этажом и расширив.

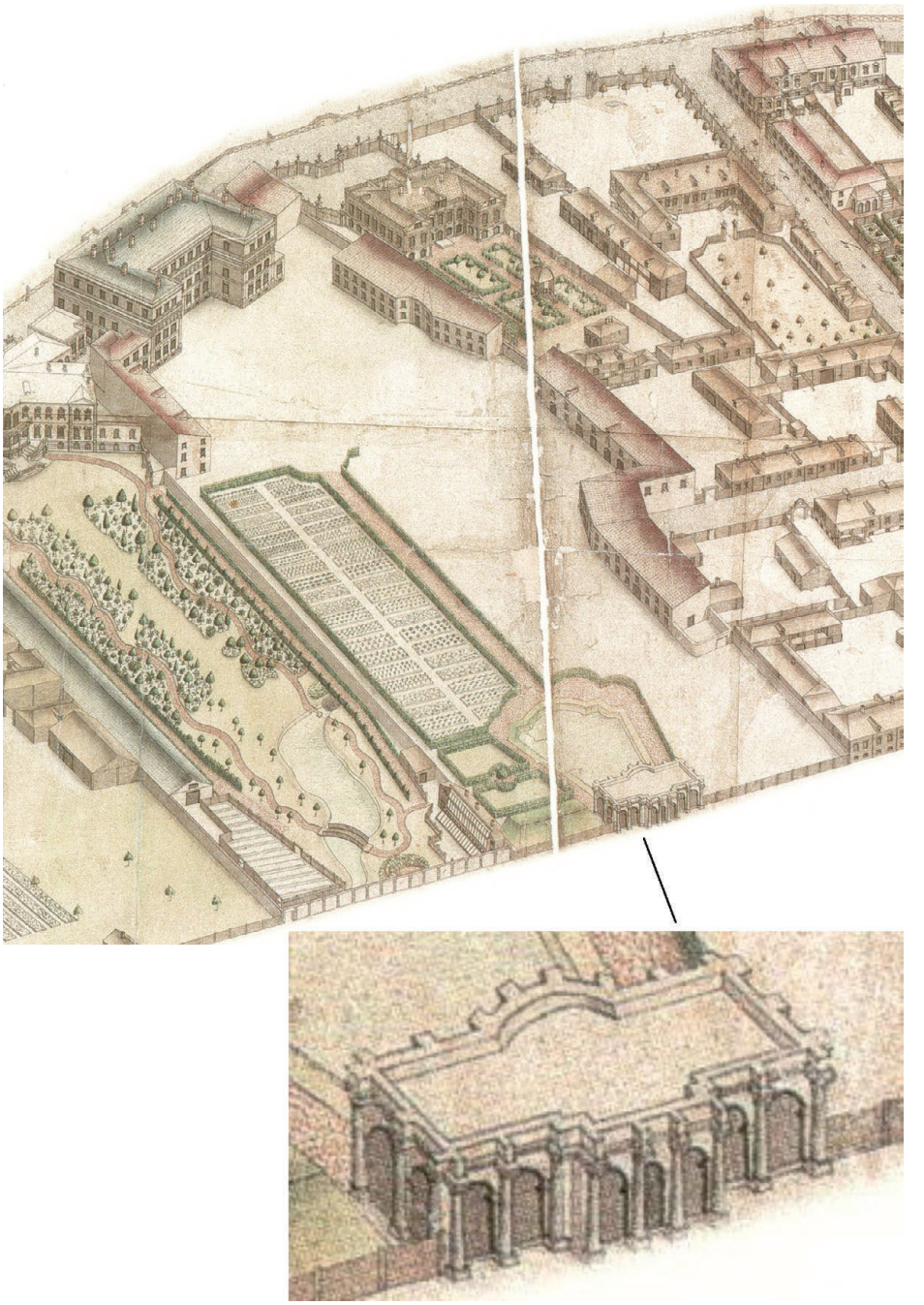


Рис. 2. Участок А. П. Шувалова на аксонометрическом плане Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. с изображением Садового павильона (План де Сент-Илера…). Фрагменты

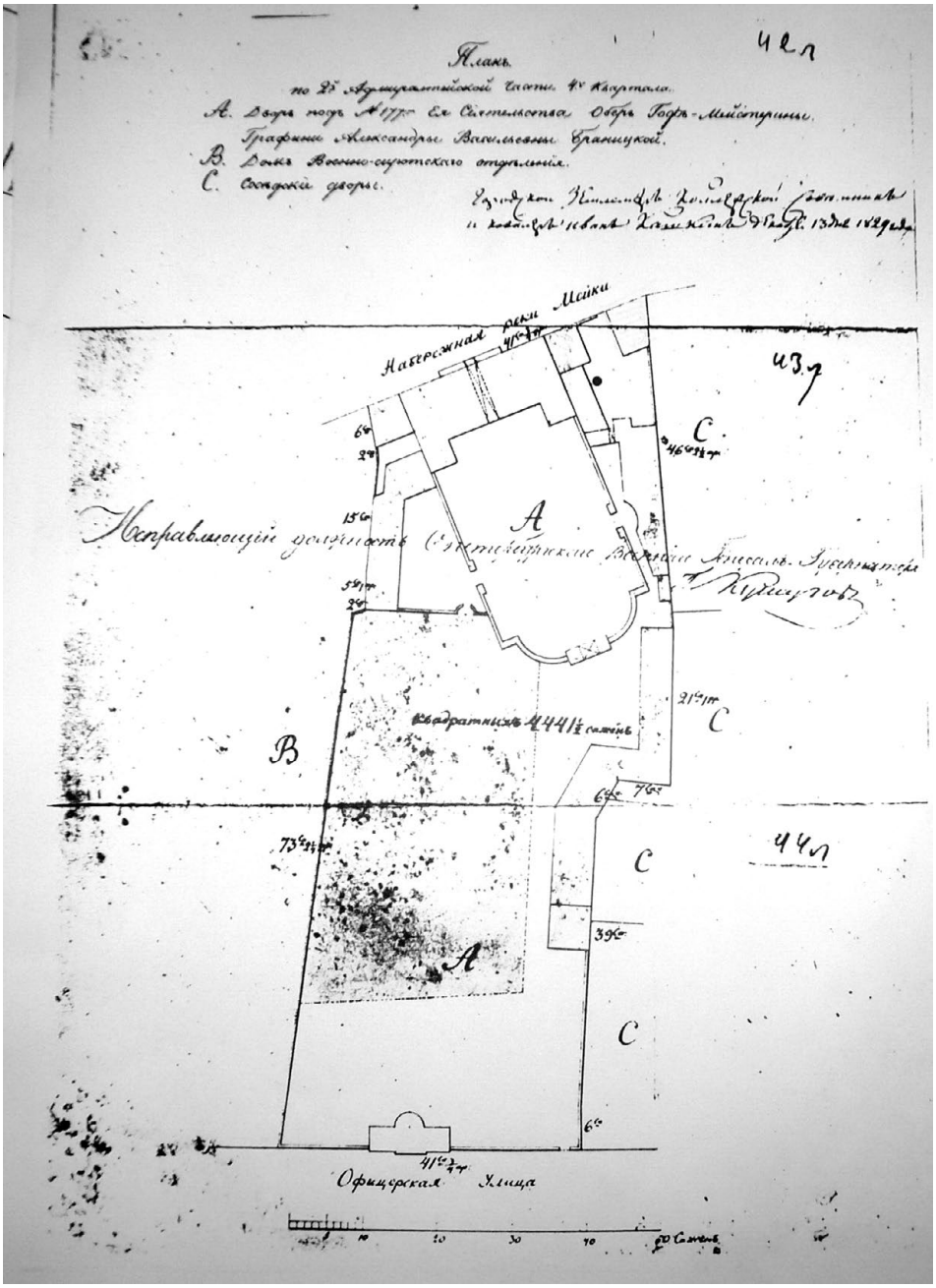


Рис. 3. План двора графини А. В. Браницкой. 1829 г., землемер Кашкин
(РГАДА, ф. 1290, оп. 7, д. 1582, л. 47)

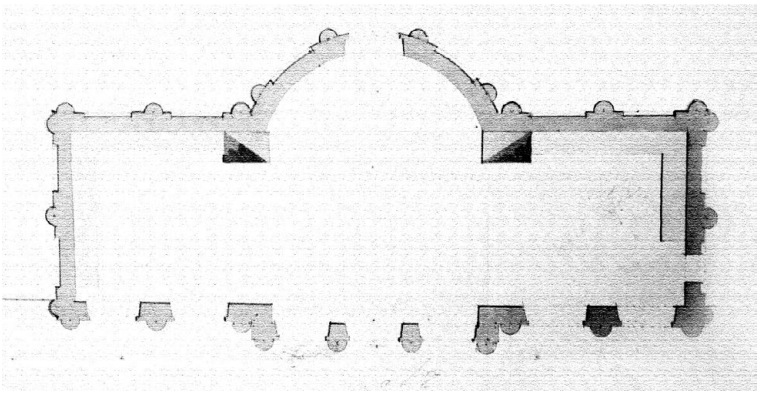


Рис. 4. План садового павильона. Чертил П. Шестаков. 1850 г. (?). Фрагмент (Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга, Отдел популяризации объектов культурного наследия и хранения документированной информации. Инв. № Г-496)

павильонов. Изображенная плоская кровля павильона, ограниченная парапетом, вероятнее всего, выполняла функцию сбора дождевой воды для полива растений, которая поступала в павильон по специальным каналам.

После смерти А. П. Шувалова в 1789 г. имение снова сменило несколько владельцев: сначала оно было продано в казну, затем Екатерина II, выкупив имение в 1795 г., подарила его графине А. В. Браницкой (племяннице князя Г. А. Потемкина), которая в 1830 г. продала павильон вместе с имением своему родственнику князю Б. Н. Юсупову, после чего имение принадлежало его наследникам. Сохранился план 1829 г., где подробно показаны строения, границы сада, но пруда уже нет (рис. 3).

К 1834–1835 гг. относятся первые документально подтвержденные сведения о ремонте павильона: «заменены каменные части», пристроена чугунная ограда на каменном цоколе, укреплена камнем нижняя часть здания (соприкасающаяся с землей и пострадавшая от влаги). Установлен цоколь из известняковых плит по всему периметру постройки, включая основание кирпичных пилястр, куда были уложены круглые блоки (базы) известняка, видимые и сегодня, к порогам установлены гранитные ступени, вдоль уличного фасада уложены известняковые плиты (Счет о поденных ...). К этому времени относится чертеж фасада оранжереи по Офицерской улице. Сохранился план павильона середины XIX в. (рис. 4), на котором отмечены два выхода в сторону усадьбы – один в арке по центру северного фасада, другой в южной арке восточного фасада – и семь проемов в сторону улицы. Большие окна-двери открывались внутрь помещения. Внутри у северной стены по концам апсиды отмечены две печи, от которых вдоль стен проведены воздуховоды или дымовые трубы. Стен внутри помещения нет. Кровля к этому времени стала вальмовой 4-скатной, с полушатром над ротондой. В 1883 г. при княгине Зинаиде Николаевне произошла реконструкция здания при сдаче в аренду под выставку-продажу изделий скульптора А. Пугачевского. Для этого была

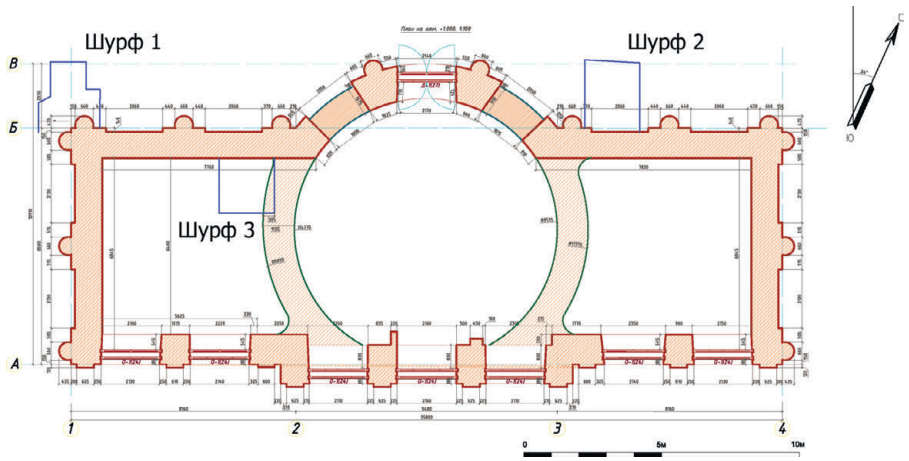


Рис. 5. Ситуационный план шурфов

выполнена внутренняя перепланировка, с восточной стороны появилась пристройка, а выходящая во двор арка переделана в овальное окно (Опись и смета ...). В последующее время павильон ремонтировался еще не раз, менялась планировка, но таких коренных изменений, как в 1830-е годы, больше не было.

Археологические работы

Необходимость археологических исследований появилась в ходе проведения реставрационных работ 2019 г. Реставраторами был обнаружен более ранний цоколь здания, относящийся к XVIII в. Возникла идея раскрыть этот участок и показать этап строительной истории оранжереи, понизив уровень современной дневной поверхности. Задачей шурфов было определение этой отметки и назначения лучковой перемычки, фрагментарно открытой на одном из участков в основании северной стены. К началу полевых работ в ходе реставрации были раскрыты следующие особенности конструкции павильона:

– кирпичная кладка стен с многочисленными перекладками, вскрытыми дымоходными и вентиляционными каналами в теле стен, закладками оконных проемов;

– цоколь из 2–3 рядов пиленого известняка периода ремонтных работ 1830-х гг.;

– 5–6 рядов кладки стен оранжереи из клинкерного кирпича на известково-песчаном растворе желтоватого оттенка, находящихся ниже цоколя XIX в.;

– 6 рядов кладки цоколя XVIII в.;

– верх кладки фундамента, сложенного из колотых известняковых плит на известково-песчаном растворе;

– кирпичная лучковая перемычка шириной около 168 см на известково-песчаном растворе, выложенная на уровне верхней границы кладки фундамента.

Для археологических исследований было заложено 3 шурфа: два у фасада северной стены павильона и один в интерьере при той же северной

Рис. 6. Шурф 1. Уровень выстеленного кирпичного боя – подготовка для благоустройства участка на вторую половину XVIII в. Цоколь XVIII в. Вид с С

стене (рис. 5). Их исследование позволило ответить на поставленные вопросы (см. отчет: *Шуньгина*, 2019).

В шурфах 1 и 2 открыты искомый уровень дневной поверхности и следы благоустройства территории на период конца XVIII в. – начала XIX в. На глубине около 70 см от уровня современной дневной поверхности (2,92–2,87 м БС и 2,67–2,85 м БС) выявлен слой измельченного кирпичного боя мощностью от 15 до 24 см (рис. 6). Он подстилался крупными осколками кирпичей вторичного использования, открытых на глубине 2,82 м БС и 2,62–2,70 м БС. В основании битых кирпичей находился песок в виде тонкой выравнивающей прослойки мощностью около 4 см. Судя по порядку напластований, такая последовательность характерна для устройства набивных садовых дорожек (Практический курс... С. 23), а слой выстеленного крупного кирпичного боя позволял усилить ее основание и сделать более прочным и относительно ровным. Верхние нивелировочные отметки измельченного кирпичного боя примерно соответствуют уровню 2 ряда кладки цоколя XVIII в. (2,90 м БС в шурфе 1 и 2,84–2,86 м БС в шурфе 2), который оказался засыпанным при проведении ремонтных работ в 1830-х гг.

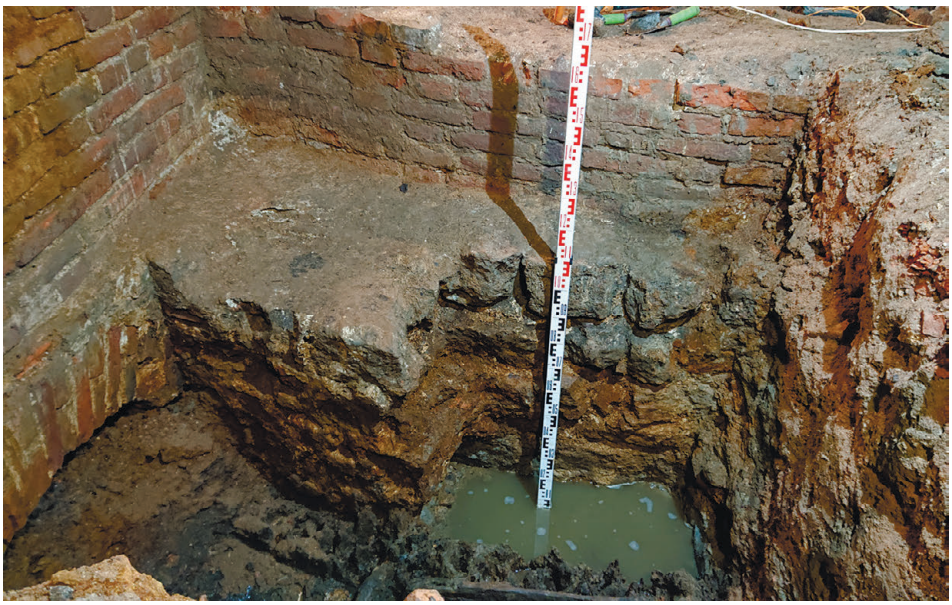


Рис. 7. Шурф 3. Западный фасад полукруглой стены, сложенной в перемычку с северной стеной павильона, и фундамент под ними. Общий вид с З

Изучение вскрытых шурфами фрагментов конструкций павильона, относящихся к его первоначальному облику, подтверждают, что это сооружение изначально строилось как оранжерея со своими специфическими особенностями. Об этом свидетельствуют большие окна до земли, расположенные на южной стороне, высота которых сейчас уменьшена и прослеживается после снятия штукатурного слоя в кладке стен в интерьере здания.

Другим особенным элементом обустройства оранжереи являются открытые во время реставрационных работ и выборки верхнего слоя строительного мусора внутри помещения две полукруглые стены (рис. 5) шириной около 1,12 м. В плане вместе с завершением центральной части северной стены они образуют круг радиусом около 4,77 м. Один из фрагментов стены, зафиксированный в шурфе 3, имеет следующие характеристики. Верх стены находился на отметках 2,53–2,51 м БС, кладка насчитывает 6–7 рядов кирпичей (рис. 7), при этом по фасаду северной стены павильона, с которой она сложена в перевязку, видно, что часть округлой стены была сбита как минимум на 6 рядов. Размеры кирпичей обеих стен одинаковы и составляют порядка 25–26×13–14×5–5,5–6 см. По верху пролит известково-песчаный раствор. В ходе проведенных работ было выяснено, что фундамент для этих стен был выполнен единовременно.

Он раскрыт на глубине 2,01–1,87 м БС, состоит из колотых известняковых плит на известково-песчаном растворе и пролит по поверхности кладки. Уширение фундамента для северной стены составляет около 85 см, для круг-

лой стены – около 28–30 см. В южном направлении фундамент продолжается за пределы шурфа. Высота фундамента под стену павильона составила около 83 см, высота фундамента под круглую стену составила около 112 см. Камни, из которых сложен фундамент, аналогичны по своим размерам и характеристикам тем, что были изучены в шурфах 1 и 2. Фундамент, раскрытый в этих шурфах, ровный, без уширений. При исследовании примыкающего к нему культурного слоя границы фундаментной траншеи (или котлована) не выявлены.

В местах пересечения с северной стеной по обмерному чертежу плана павильона 1850 (?) г. нам известно об устройстве двух печей, расположенных по сторонам от входа. Таким образом, не исключено, что полукруглые стены служили тепловыми каналами для обогрева растений, и, теоретически, одновременно могли зонировать внутреннее пространство. Вероятнее всего, места печей оставались неизменными с момента строительства, поэтому мы можем ориентироваться на план середины XIX в., на котором показаны уже другие тепловые каналы, расположенные вдоль западной, северной и восточной стен павильона (рис. 4). Вероятно, к более раннему периоду существования постройки относятся фрагменты изразцов XVIII в. с кобальтовой росписью, найденные во всех шурфах.

Аналогичная система обогрева помещений (традиционная для того времени) при помощи тепловых (духовых) каналов была исследована во время археологических работ на Померанцевой оранжерее, построенной в конце 1740-х гг. в Нижнем саду Большого (Меншиковского) дворца ГМЗ «Ораниенбаум». Для этого объекта сохранились архивные материалы с описанием работ по устройству духовых каналов и чертежи. Фрагменты канала и, вероятнее всего, топочное отверстие были раскрыты и зафиксированы в нескольких шурфах (*Шуньгина*, 2008. С. 15, 27, 34–36, 40).

В шурфах 2 и 3 при раскрытии заполнения лучковой перемычки, устроенной в теле фундамента северной стены, было выявлено ее назначение. Она перекрывала дренажные каналы, выпущенные из павильона в сторону пруда (рис. 8, 9). С южной стороны при раскрытии участка фундамента подобных разрывов в нем не обнаружено.

Лучковая перемычка сложена из кирпичей размерами 26–26,5×12,5–13×5,5–6 см на известково-песчаном растворе, приложена к плитам фундамента, их верхние границы по нивелировочным отметкам практически находятся на одной линии (в шурфе 2: 2,05–2,03–2,06 м БС – перемычка, 2,02–2,08 м БС – фундамент; в шурфе 3: 1,94–2,00 м БС – перемычка, 2,00–2,01 м БС – фундамент). Ее ширина составила около 150 см, по высоте сложена в 1 кирпич (рис. 10), в плане выступает относительно вертикальной оси кирпичной кладки цоколя и стены на 5–6 и 3–4 см соответственно. Свободное пространство в углах кладки между перемычкой, цоколем и фундаментом заполнено теми же кирпичами или специально обколотыми их частями, фрагментами черепицы, с большим количеством заполняющего пустоты известково-песчаного раствора. Кирпичная кладка перемычки продолжается внутрь стены на всю ее ширину. Каналы, выходящие от павильона, направлены в сторону пруда, известного по плану де Сент-Илера.

Рис. 8. Шурф 2 на уровне материка и пятна маркирующего границы дренажного канала. Вид с Ю, сверху

По нашим предположениям, подземные каналы, фрагменты которых исследованы в шурфах 2 и 3, являлись дренажными и служили для удаления избытков влаги при поливе растений. Других вариантов их назначения, например, наоборот, в качестве источника для забора воды при поливе, пока нет оснований предполагать. Сравнение трассы каналов, выявленных в западной (шурф 3) и восточной (шурф 2) частях павильона, позволяет предположить, что они направлены именно к южной торцовой части пруда. В ходе работ не удалось обнаружить следы их перекрытия.

Рис. 9. Шурф 3. Общий вид шурфа и вскрытых конструкций с ЮЗ

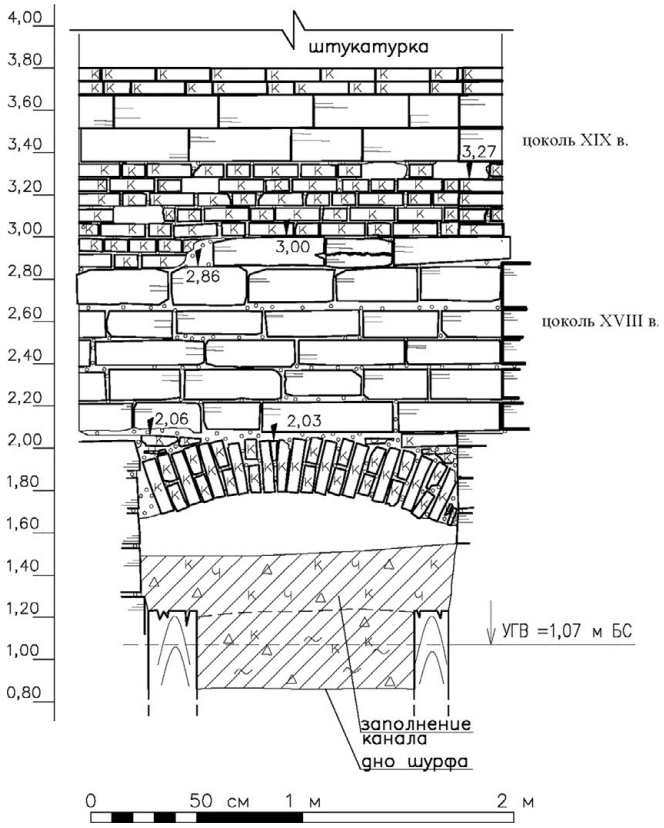


Рис. 10. Шурф 2. Фрагмент северного фасада северной стены

Рис. 11. Шурф 3. Фрагмент доски с отверстиями, установленной перпендикулярно стенкам дренажного канала

Границы дренажного канала были выявлены на уровне материка на глубине 1,27–1,42 м БС в виде пятна-полосы темно-серого мешаного слоя шириной около 140 см. По краям канала с двух сторон вдоль фундамента и далее в северном направлении на протяжении 120–230 см (в границах шурфа) вертикально забиты сваи шириной в сечении около 12–24 см, толщиной около 12–16 см, расположенные плотно друг к другу. Длина свай не определена, поскольку конструкции не разбирались, вынуть их не удалось. Верхние нивелировочные отметки конструкции зафиксированы на глубине 1,42–1,23 м БС. Следует особо отметить, что верхние части свай находились в неудовлетворительном состоянии, видимая часть сердцевины сгнила. В западном профиле над одной из них читались следы древесного тлена мощностью около 75 см (выше верха фундамента павильона на 11 см).

На расстоянии около 187 см от стены павильона (измерение по центральной оси канала) в канале раскрыта доска с отверстиями, на ребре, установленная перпендикулярно его стенкам. Доска перекрывала канал. В границах шурфа доска, продолжающаяся в его западную стенку, имеет длину около 86 см, толщину 4 см, высоту около 60 см. В верхней части на высоту около 1/3 сохранность неудовлетворительная, практически древесный тлен, который потом осыпался. В нижней части доска хорошей сохранности; не исключено, что их было две. В доске сделаны сквозные отверстия размерами 5–4×2,5–3 см, расположенные в шахматном порядке по всей плоскости (рис. 11). Вероятнее всего, она выполняла функции «решета», пропуская внутрь или наружу только воду и мелкие фракции. Специальная конструкция для ее крепления между стенками не зафиксирована. Аналогичная доска на ребре зафиксирована в шурфе 3. Здесь она находилась на расстоянии около 33–65 см от стенки фундамента и была закреплена между брусами.

При определении основных этапов строительства был сделан вывод о том, что фундаментное основание стен павильона и внутренних полукруглых в плане стен, сами стены, сложенные в перевязку, а также кирпичная перемычка с дренажным каналом были выполнены единовременно при первоначальном строительстве садового павильона. В плане плиты фундамента, хоть

и рваные, составляют ровную линию обреза и свободного пространства для обеспечения устройства дренажа. Обрез с двух сторон кладки фундамента как во 2, так и в 3 шурфе продолжается в тело стены павильона, образуя внутренний канал. Под стеной археологические исследования не велись в целях сохранения целостности исторической конструкции.

Таким образом, предполагается следующая последовательность действий во время сооружения павильона: устройство фундамента для внешнего периметра стен павильона и полукруглых центральных стен, устройство лучковой перемычки для дренажа, возведение стен. Затем был прокопан и обустроен сам дренажный канал.

Судя по стратиграфическим данным, дренажный канал существовал короткое время, после чего, вероятно, стоял в запустении, пришел в негодность и был засыпан в конце XVIII в.

В 2020 г. реставрационные работы на объекте завершены. С северной стороны павильона устроено локальное понижение уровня дневной поверхности на отметках, соответствующих периоду конца XVIII в., полученных в результате проведенных археологических исследований. Дренажные каналы сохраняются в законсервированном состоянии, возможна их дельнейшая музеефикация.

Литература и архивные материалы

Опись и смета строительных работ по переделке павильона в саду главного дома кн. Юсупова в скульптурный магазин. 1883 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 86/1883 г. 11 л.

Петров А. Н., 1965. Ленинградский областной дом культуры работников просвещения (б. Дворец Юсупова). Историко-художественное исследование // Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга. Отдел популяризации объектов культурного наследия и хранения документированной информации. П. 61. Н-1432/1.

План де Сент-Илера, И. Соколова, Горихвостова и др. // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 3, оп. 25, д. 1946. Л. R1 (А).

Практический курс комнатного и садового цветоводства. Часть 3. Наставление как устраивать разного рода сады, с рисунками. СПб.: Тип. штаба отд. корпуса внутренней стражи, 1848.

Счет о поденных каменнотесцах. 1834 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 81/1834. Л. 136.

Шуньгина С. Е., 2008. Отчет. Померанцевая оранжерея в нижнем саду Большого (Меншиковского) дворца. Проект воссоздания. Археологические шурфы // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44238.

Шуньгина С. Е., 2019. Отчет об археологической разведке. проведенной по адресу: Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 21 в 2019 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 67401.

* * *

Шуньгина Светлана Евгеньевна, *Санкт-Петербург, ООО «НИиПИ Спецреставрация», e-mail: sveshun@mail.ru*

На задней стороне обложки: псковский нишевый изразец, вариант II
(к статье А. В. Яковлева, реконструкция автора)

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли:
Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова
Выпуск 37.
Материалы 67-го заседания (2022 г.)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Редактор *Н. В. Бельченко*
Перевод резюме *С. Ф. Мацевич*
Художник *Н. С. Сафронова*
Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*
Редакционная группа: *В. А. Деркач, А. В. Фисенко*

Подписано в печать 25.12. 2022. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 35,7. Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещ. XIX ком. 321
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-421-0